

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Материалы VII Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 27–29 апреля 2023 г.

В 2 томах

Том 2

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2023*

УДК [930.2:94(100)+94(476)(062)]
ББК 63.211я431+63.3я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 10.03.2023.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.),
А.М. Белявский, Е.А. Гребень, А.К. Демянюк, А.Б. Довнар, В.В. Долгов,
Ю.В. Дулова, А.П. Косов, Г.Г. Краско, С.В. Кулинок, М.Д. Макаров,
А.В. Мартынюк, Е.В. Мацулевич, Д.З. Мирзаев, И.Р. Чикалова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А.А. Гужаловский* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *И.Н. Данилевский* (г. Москва);
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования
Республики Беларусь *В.К. Коршук* (г. Минск);
кандидат исторических наук *О.И. Хоруженко* (г. Москва)

Для оформления обложки использована реконструкция витебских замков XIV в., выполненная художником И.В. Дуровым в 2013 г. (научный консультант – кандидат исторических наук, доцент Л.В. Колединский)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения** : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 2. – 296 с.
ISBN 978-985-30-0026-9.
ISBN 978-985-30- 0028-3 (т. 2).

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам источниковедения. Рассмотрены широкий круг проблем теории и исследовательских практик источниковедения, источниковедения историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные источники Средневековья, Нового и Новейшего времени. Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК[930.2:94(100)+94(476)(062)]
ББК 63.211я431+63.3я431

ISBN 978-985-30-0026-9
ISBN 978-985-30- 0028-3 (т. 2)

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 4. ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Степанова Л.Г.</i> Полевой журнал землемера как источник сведений об особенностях Генерального межевания Российской империи	7
<i>Середа Н.В.</i> Верющие письма и проблемы изучения купечества	9
<i>Киселёв А.А.</i> Состав чинов общей полиции полоцкого наместничества по данным формулярных списков	11
<i>Ручкина Л.Н.</i> К истории возникновения села Гнилуша Семилукского района Воронежской области (в связи с привлечением новых исторических источников)	14
<i>Лякишева С.И.</i> Системный подход к обустройству яснополянской усадьбы на примере отдельных владельческих и литературных источников	16
<i>Лукашевич А.М.</i> Документы Особенной канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел о политической ситуации в белорусско-литовских губерниях (1811–1826 гг.)	19
<i>Ильницкий К.О.</i> Проекты уставов о цензуре Российской империи в архивных материалах Государственного архива Российской Федерации	23
<i>Фельдман Д.З.</i> Прошения российских евреев властям конца XVIII – первой четверти XIX в.: общие черты и специфические особенности	25
<i>Ткачев А.С.</i> Караимы Северо-Западного края Российской империи в письменных источниках середины XIX в.	28
<i>Вовина-Лебедева В.Г.</i> К вопросу о духовных росписях в Российской империи первой половины XIX в. как историческом источнике	29
<i>Сытько К.В.</i> «Хроники» римско-католических приходов Виленского диоцеза 1848–1851 гг. как исторический источник	32
<i>Морова О.В.</i> Памятные книжки Олонецкой губернии как источник по истории старообрядчества в России (на примере Выговской общины)	35
<i>Палтаржыцкая Н.М.</i> Да пытання аб фальсіфікацыі дакументаў актавых кніг у архіве Мінскага магістрата ў першай палове XIX ст.	38
<i>Кароль М.М.</i> Барацьба з эпідэміямі на тэрыторыі Віцебскай губерні ў XIX ст.: па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі	42
<i>Игнатъева А.А.</i> Информационный потенциал архивов Российской Федерации по составлению биографий дворян белорусско-литовских губерний – участников военной кампании 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии	44
<i>Воднева Е.В.</i> Нравы российского общества в эпоху Николая I (по материалам Ф.В. Булгарина)	46
<i>Гладкова Г.А.</i> Адлюстраванне становішча літвінскай шляхты ў рамане Евы Фялінскай “Пляменніца і цётка”	48
<i>Сафронов П.М.</i> «Труды» И.Т. Верховского, основоположника единоверческого богословия .	50
<i>Короневский В.И.</i> Легенда о Параскеве Полоцкой и ее интерпретация в источниках XIX – начала XX в.	52
<i>Кащенко С.Г., Никитина Н.П.</i> К вопросу об экономических последствиях крестьянской реформы 1861 г. в приграничных с Белоруссией уездах Псковской губернии	54
<i>Кащенко С.Г., Кащенко Е.С.</i> К вопросу об информационном потенциале дел о выкупе крестьянских наделов в 1861–1883 гг.	58
<i>Бувеч Т.В.</i> Материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. как источник информации о населении империи	60
<i>Брюханова Е.А., Иванова Н.П.</i> Численность городского населения Сибири 1897–1917 гг.: компаративный анализ статистических источников	62
<i>Левин Е.В.</i> Проблема учета численности эстонского, немецкого и латышского населения на территории Псковского, Опочецкого и Островского уездов последней трети XIX в.	64
<i>Купченко К.В., Никитина Н.В.</i> Материалы по истории местного самоуправления Смоленской губернии пореформенного периода как источник по изучению региональной истории управления ...	67
<i>Семёнова О.А., Степанов С.В.</i> Источники по истории гигиены детства в Российской империи (локальный фокус научных исследований)	69
<i>Чистикова Е.А.</i> Налоговые значки для собак как источник по истории российской повседневности конца XIX – начала XX в.	71
<i>Русецкая У.Д.</i> Палітыка-прававыя аспекты стаўлення расійскіх улад да ўкраінскага пытання ў другой палове XIX – пачатку XX ст. (па заканадаўчых крыніцах)	72

<i>Цымбалова А.Е.</i> Политические документы конца XIX – начала XX века как источник изучения роли идеологов в становлении каталонского национализма	75
<i>Рындин С.Н.</i> Развитие фотографического дела в Витебской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)	77
<i>Алентьева Т.В.</i> Визуальный поворот в источниковедении и образ «большого бизнеса» в американском еженедельнике «Руск»	79
<i>Гуларян А.Б.</i> Использование визуальных источников информации при восстановлении истории памятника культуры «Дом Лобанова»	82
<i>Сиренов А.В.</i> Вклад представителей рода Лихачевых в российскую науку и культуру	84
<i>Софьина М.В., Софьин Д.М.</i> Дневники великого князя Михаила Александровича как источник по истории царской охоты в Беловеже	89
<i>Раемский Ю.А.</i> Источники личного происхождения на примере дневников, переписки и фотоальбомов семьи Романовых	91
<i>Недзелюк Т.Г.</i> Материалы биографии Льва Святополк-Мирского как комплексный источник по истории государственно-конфессиональных отношений	94
<i>Ткаченко Д.С.</i> Сбор сведений о Востоке в контексте нарратива «Большой игры» по материалам архива Г.В. Розена	96
<i>Садова Л.А.</i> Документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) по истории шведско-норвежского кризиса 1891–1905 гг. как исторический источник	98
<i>Бахтурина А.Ю.</i> Финляндский вопрос в воспоминаниях С.Ю. Витте	101
<i>Николаев Н.Ю.</i> Источники по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX в.: многообразии форм и смыслов	103
<i>Павлов А.Ю.</i> Доклады Ж.Г. Ланглуа как источник по истории франко-российских отношений в годы Первой мировой войны	105
<i>Новикова И.Н.</i> Донесения военных атташе как источник для изучения экономического противостояния Антанты и Центральных держав в Скандинавии (1914–1917 гг.)	108
<i>Жучкова С.В.</i> Эго-документы беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в фондах Государственного архива Республики Марий Эл	111
<i>Твердюкова Е.Д.</i> Прошения родителей о розыске детей, бежавших в действующую армию в годы Первой мировой войны, как исторический источник	114
<i>Серова Е.В.</i> Проблемы транзита грузов особой важности в морях акватории Северного Ледовитого океана в годы Первой мировой войны (на материалах Национального архива Республики Карелия)	117
<i>Чикалова И.Р.</i> Мемуары российских политиков и военачальников как источники по истории Первой мировой войны	118
<i>Космач В.А.</i> «Мир» Андре Тардьё	122
<i>Гордиенко А.Б.</i> Автобиографический роман Эрика Бредта как исторический источник	124

РАЗДЕЛ 5. ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Мясоедова С.Н.</i> Документы отдела химической промышленности Витебского губернского Совета народного хозяйства как источник по истории глюкозно-паточного производства в г. Витебске в 1918–1921 гг.	127
<i>Слуцкая Л.В.</i> Белорусы Литвы в архивных документах Франции (1918–1923 гг.)	129
<i>Котович Т.В.</i> Витебский трактат Казимира Малевича «Бог не скинут»	131
<i>Приборович А.А.</i> Состав материалов переписи городского населения БССР 1923 г.	134
<i>Баканов Д.К.</i> Источники по изучению деятельности Литовского комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР	136
<i>Баранов А.В.</i> Новые источники о советской национальной политике на юге России в первой половине 1920-х гг.	139
<i>Филимонов А.В.</i> Документы губернских конференций РКП(б) как источник по истории региона (по материалам Псковской губернии 1920-х гг.)	141
<i>Бамбешка І.І.</i> Матэрыялы беларускіх крязнаўчых з’ездаў і канферэнцый міжваеннага перыяду як гістарычная крыніца	144
<i>Яковлева Г.Н.</i> Брачно-семейные отношения глазами студентов конца 1920-х годов: локальный аспект	147
<i>Дианова Е.В.</i> Кооперативный контент советского кино 1920-х годов	150
<i>Жилинская И.В.</i> Международные связи СССР в сфере кино: обзор архивных источников	152

Вишнеўскі І.А. Матэрыялы архіва Беларускага абноўленцкага Сінода як крыніца вывучэння рэпрэсій супраць праваслаўнага духавенства	155
Безнін М.А., Дымони Т.М. Эвалюцыя тэрміна «хозяин» у палітыка-інфармацыйным прастранстве Расіі 1930-х гг.: к пытання аб становленні новых адносін уласнасці	157
Ерэшко А.Е. Асабнасці архіўнай падшыўкі рэдакцыі газеты «Пионерская правда» за 1934 год і «рэгіянальны эксперымент» ўсесаюзнай дзіцкай газеты	160
Філімончык С.Н. Стэнографы XIII–XV канферэнцый Карельскай абласной партыйнай арганізацыі (1937–1939 гг.) як гістарычны крыніца	162
Кучык Б.Г. Інфармацыйны патэнцыял дакументаў Дзяржаўнага архіва Брэстскай абласці як крыніцаў па гісторыі становлення наліковай сістэмы на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939 гг.)	165
Згірскі Ю.І. Анкетаванне пры рэгістрацыі бежанцаў у справядстве Жаснянскай гміны міжваеннай Польшчы за 1920-я гады	167
Ананька К.Д. Успаміны як крыніцы па гісторыі беларускіх гімназій у міжваеннай Заходняй Беларусі	169
Бароўская В.М. Крыніцы па гісторыі беларуска-польскіх узаемадачыненняў 1921–1939 гг. ...	171
Міхайлова Ю.Л. «Цивис – общий любимец». Карикатуры Сяргея Цывінскага як адражэнне агульна-палітычнай жыцця Латвійскай Рэспублікі ў 1920–1930-е гады	173
Хавкін Б.Л. Трофейныя нямецкія дакументы Расійскага дзяржаўнага ваеннага архіва як крыніца па гісторыі Эвіанскай канферэнцыі 1938 г.	176
Грэбень Е.А. Дакументы па лакальнай гісторыі перыода германскай акупацыі 1941–1944 гг. ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь	180
Куліноў С.В. Асабнае фарміраванне СС Оскара Дірлевангера ў Беларусі: агляд крыніцаў	184
Півоўар Н.В. Дакументы і матэрыялы, уточняючы колькасць знішчаных у гады Вялікай Айчыннай вайны населеных пунктаў Віцебскага раёна	186
Тарасенкава Т.І. Дакументы асабістага паходжання аб злачынствах супраць мірнага насельніцтва ў перыяд акупацыі Смаленскай абласці, 1941–1943 гг.	188
Крыварот А.А. Баявая садружнасць савецкіх партызан Беларусі і Украіны: дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь сведчаць	191
Корсак А.І. Дзёнік партызанскага атрада М.Ф. Шмырэва: крыніцаведчы агляд	193
Латышава В.А. Дзёнік О.Б. Рейзман: між музей і архівам	196
Катіонава А.О., Волков Р.Е. Журналы баявых дзеянняў як крыніца аб Гомельска-Рэчыцкай наступальнай аперацыі 1943 г.	199
Катіонаў О.Н. Крыніцы для вывучэння баявога шляху 234 стралковага палка 179 сд перыода Віцебскай наступальнай аперацыі (іюнь 1944 г.)	201
Красільніков І.Б. Фонд Я.С. Зарохавіча як крыніца для аднаўлення Смаленшчыны ў першыя пасляваенныя гады	205
Монзуль В.Ю. Інфармацыйны патэнцыял пратаколаў гарадскіх і раённых (у гарадах) партыйных канферэнцый Беларускай ССР 1945–1953 гг. па гісторыі кожнадзённасці	207
Дарофееў Д.В. Празднованне ў СССР 250-летня со дня народжання Б. Франкліна: прафесіяналізм, крыніца, кур’ез інтэрпрэтацыі	209
Каіль М.В. Практыкі савецкай царкоўнай дыпламатыі сярэдзіны – другой паловы ХХ в. ў крыніцах асабістых фондаў царкоўных дзеячых	211
Козлов А.А. Дакументы аблітоваў БССР як крыніца па гісторыі літаратуры і мастацтва ў перыяд «оттепели»	214
Носова М.С. Журнал «Знание – сила» як гістарычны крыніца па вывучэнню савецкіх папулярызатарскіх практык	216
Цявлінскі Н.Б. Архіўныя крыніцы па гісторыі развіцця грамадзянскай авіяцыі ў Савецкай Беларусі	218
Чепік В.Н. Дакументы аб ролі В. Брандта ў трансфармацыі знешнепалітычнай доктрыны ФРГ (1964–1967 гг.)	221
Пушкін І.А. Замежныя спецыялісты на прамысловых прадпрыемствах Магілёўшчыны ў 1970–1980 гг. (па дакументальных крыніцах)	223
Карпекін К.Р. Бібліятэкі культурных будынкаў Віцебскай вобласці ў пачатку 1980-х гг.	225
Паўлава А.А. Матэрыялы аб дзейнасці Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа ў фондах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва	228
Денісов М.Н. Дакументы ЦНА НАН Беларусі як крыніца па гісторыі прамысловага развіцця Беларусі ў 1944–1991 гг.	232

<i>Бараноўскі А.В.</i> Дакументальныя матэрыялы да біяграфій партыйных і савецкіх кіраўнікоў раённага зв'язна Віцебскага рэгіёна (1924–1991 гг.)	234
<i>Казак О.Г., Серода А.С.</i> Источники по истории западнoпoлeсскoгo этнoпoлитичeскoгo движeния (кoнeц 1980-х – пeрвaя пoлoвинa 1990-х гг.)	237
<i>Свилас С.Ф.</i> Взаимодействие МИД Белорусской ССР и МИД СССР в 1985–1991 гг. (по протоколам коллегий)	239
<i>Мушта А.А.</i> О материалах ресурсов NARA и National Security Archive для источниковедческого анализа нарративов холодной войны и роли в ней специальных служб	242
<i>Архипова Т.Г.</i> ГКЧП. Взгляд из XXI века: источниковедческий аспект	244
<i>Дашкевіч А.Л.</i> Заканадаўчыя акты як крыніцы канстытуцыйна-прававога рэгулявання стварэння і дзейнасці прафесійных саюзаў у Рэспубліцы Беларусь: трансфармацыйныя аспекты	246
<i>Сафонова Т.В.</i> Некоторые вопросы источников государственной информационной политики Республики Беларусь	248
<i>Герштейн И.З.</i> Контент официальных интернет-ресурсов глав государств как источник по национальной политике идентичности	250
<i>Бурик Е.А.</i> Источники по истории развития приграничного сотрудничества Республики Беларуси с сопредельными странами	252
<i>Сикираж В.В., Белащенко Д.А.</i> «Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми» Л.М. Кравчука как источник о становлении и развитии внутренней политики Украины в первой половине 1990-х гг.	254
<i>Белащенко Д.А.</i> Мемуары А.М. Зленко как источник информации о формировании и реализации внешнеполитического курса Украины в первой половине 1990-х гг.	256
<i>Ивашкевич Е.Ф.</i> Акты делегированного законодательства как источник конституционного права в зарубежных странах	259
<i>Беляева А.В.</i> Предвыборные программы Демократической и Республиканской партий США в конце XX – первой четверти XXI в. как источник по теме американо-китайских отношений	261
<i>Косов А.П.</i> Интерпретации российско-американских отношений в мемуарах Б. Обамы и членов его администраций	263
<i>Черкасский Я.В.</i> Материалы экспертно-аналитических центров стран Персидского залива как источник по современной истории государств Ближнего Востока	267
<i>Данилович А.В.</i> Социально-экономические процессы в Иране в 2013–2021 гг. в отражении материалов газеты «Эттелаат»	269

РАЗДЕЛ 6. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<i>Крючек П.С.</i> Историческое сознание и историческая память как интенции к прошлому	272
<i>Конюшихина Н.Л.</i> Память поколений в Испании во второй половине XVI века по «Топографическим донесениям Филиппа II»	274
<i>Илизаров Б.С.</i> Концепция социальной памяти в свете размышлений Зигмунда Баумана о «ретротопии»	276
<i>Федорчук Е.И.</i> Социальная память. Воспоминания евреев Быховского района. Воспоминания жителей Быхова о еврейском населении	278
<i>Косяк Н.А.</i> Институты исторической памяти Республики Узбекистан (1991–2022 гг.)	280
<i>Бахлова О.В., Бахлов И.В.</i> Трансформация подходов в области государственной политики патриотического воспитания в фокусе геополитических вызовов (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь)	283
<i>Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.</i> Источники формирования исторического сознания белорусской и российской молодежи	285
<i>Олюнин С.В.</i> Национальный гимн Республики Турция: исторический нарратив и коллективная память	288
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	290

РАЗДЕЛ 4

ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Степанова Л.Г.

ПОЛЕВОЙ ЖУРНАЛ ЗЕМЛЕМЕРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Генеральное межевание земель Российской империи относится к важнейшим мероприятиям государственного масштаба, проводившимся для оценки земельного фонда, разграничения земельных владений и установления прав на землю. Оно началось с Московской губернии после издания в 1765 г. специального манифеста Екатерины II и продолжалось на различных территориях страны вплоть до второй половины XIX в. К концу правления Екатерины II было обмежевано 22 губернии, в том числе Московская, Владимирская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Тверская, Вологодская, Рязанская, Тульская, Ярославская, Калужская, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Харьковская, Курская, Смоленская, Витебская (Полоцкая), Могилевская, Нижегородская, Пензенская и Костромская. К окончанию приближались работы по межеванию Санкт-Петербургской и Казанской губерний [1, с. 213].

Осложнение международной обстановки в начале XIX в., Отечественная война 1812 г. и дальнейшее первостепенное внимание к решению внешнеполитических задач существенно замедлили ход межевых работ [20, с. 10]. На некоторых территориях межевание затянулось на несколько десятилетий. В местностях, где отсутствовало помещичье землевладение, межевание проходило по особым правилам, учитывавшим особенности землевладения [1, с. 214]. Межевание не проводилось на Дальнем Востоке, Туркестане, Сибири, Западном и Юго-Западном крае, большей части Архангельской губернии, а также на окраинах государства. Завершилось Генеральное межевание в 1888 г. уже на территории Пермской губернии [19, с. 105].

В «Наставлении Правительствующего Сената», адресованном в 1766 г. землемерам, содержалось требование фиксировать все данные по межеванию в полевом журнале, который затем брался за основу при составлении плана на обмежеванную дачу [3, с. 877–879]. При производстве межевания землемеры должны были вести несколько журналов: полевой, дневной и экономический. По окончании межевания составлялись специальный план и межевая книга. После полевого сезона все обмежеванные дачи наносились на генеральный (общий) план всего уезда. В полевом журнале (или полевой записке) фиксировались все действия землемера при обходе межи: подробное описание самой межи, углы, ромбы, меры линий по окружной меже, межевые знаки, заявления владельцев, понятых, описание полюбовных разводов и спорных отводов. Полевые журналы (полевые записки) являлись первоначальным и основным документом межевания, позволявшим восстановить его ход [2, с. 81]. При межевании одной дачи несколько дней они составлялись каждый день отдельной статьей. При межевании разных дач – на каждую дачу отдельно. Каждая полевая записка должна была быть подписана землемером и всеми присутствующими на меже [4, с. 103–104]. Дневной журнал должен был служить для фиксации в хронологическом порядке всей работы землемера, регистрации служебных бумаг, как входящих, так и исходящих. Экономический журнал нужно было вести для каждой дачи отдельно и записывать в нем самые разнообразные сведения, которые землемер мог получить путем опроса местных жителей.

План, составлявшийся на каждую отдельную дачу и называвшийся в отличие от общего генерального плана всего уезда специальным, представлялся по определенной форме, предусматривающей в верхней его части картуш (заголовок) с названием губернии, уезда, селения, дачи, указанием ее владельцев, года межевания и фамилии землемера. В картуше должны содержаться сведения об общей площади дачи и по ее угольям и обозначения, по какому меридиану он составлен. Посредине листа положено было размещать графическое изображение обмежеванной дачи. Все ее контуры полагалось показывать иллюминавкой установленными условными знаками и с наименованием всех урочищ. На правой стороне плана размещалось описание смежных земель с названиями дач и фамилиями их владельцев. Окончательным межевым документом являлась межевая книга официально установленной формы.

Изучение первоначальной документации Генерального межевания, хранящейся в межевом отделе РГАДА, показывает, что она отражает особенности межевых работ на различных территориях Российской империи. Полевые журналы (полевые записки) по Крымскому полуострову по своей структуре соответствуют общим требованиям, предъявляемым к межевой документации, но имеют

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330>.

свои отличия. Так, полевой журнал, составленный при межевании в 1804 г. дачи титулярного советника Мамбет Кирея мурзы, на которой была поселена деревня Капкары Перекопского уезда казенных татар, включал в себя доверенность владельца дачи своему поверенному жителю деревни Капкары казенному татарину Бек Мамбет Умету на представлении его интересов при межевании, приказ землемера губернского секретаря Очинникова солдату землемерной команды о необходимости оглашения начала межевания по селениям, клятвенные обещания участников процесса межевания о даче только истинных показаний, отводную сказку титулярного советника Мамбет Кирея мурзы, полевую записку о ходе межевания с описанием всех линий межи и межевых знаков, а также экономическую сказку владельца дачи, необходимую для составления Экономических примечаний [11, л. 1–24]. Между тем перечень сохранившихся документов в полевых записках оказывается разным. В них можно обнаружить повестки владельцам о вызове их самих или поверенных на межу, разнообразные приказы членам землемерной команды и объявления, связанные с ходом межевых работ [12, л. 12]. Но поскольку полевые записки служили справочным материалом для составления итоговых материалов Генерального межевания, в них не всегда сохранялись эти сопутствующие документы. В большинстве случаев записки содержат полевой журнал, где фиксируются ежедневные действия землемера в ходе установления межи.

В то же время исходная межевая документация по Крыму имеет существенные отличительные особенности. В первую очередь в полевых записках по этому региону чаще, чем по другим территориям, обнаруживаются экономические сказки, рассказывающие о природных ресурсах местности, особенностях хозяйственной деятельности населения. Зачастую авторами сказок выступают владельцы дач, а не проживающее на их территории население. В первичной документации межевания отражаются специфические черты местного землевладения и землепользования, в том числе связанные с отсутствием у большинства местного населения правоустанавливающих документов на землю. Отличительными чертами многих документов являются записи и подписи не только на русском, но и на татарском языке, что вызывает необходимость дословного перевода и заверения их переводчиками. Подлинности «сказки» владельца подтверждалась не только его личной подписью или подписью местного муллы, но и в случае неграмотности прикладыванием личной печати владельца [10, л. 12 об.]. Авторами «сказок» по новым землевладениям выступали местные татары, казенные поселяне, колонисты, войсковые товарищи [9, л. 25; 13, л. 24 об.; 14, л. 13 об.].

В целом, если в губерниях, относящихся к историческому ядру Российского государства, землемеры могли руководствоваться общими правилами, то для межевания территорий, вошедших в его состав на юге во второй половине XVIII в., нужно было разрабатывать специальные правила, учитывавшие традиции землепользования, специфику местных единиц измерения. Поэтому Генеральное межевание Крыма, начавшееся в 1798 г., было признано преждевременным и приостановлено на неопределенный срок. Второй его этап начался только в 1829 г. после утверждения специальных правил. В них, в частности, были введены положения, позволяющие подтверждать право на землю присягой.

На несколько десятилетий затянулось Генеральное межевание Новороссийской губернии, начавшееся в 1797 г. Трудности межевания здесь были обусловлены самим ходом колонизации малонаселенных южных земель, связанным с протекавшими на данной территории одновременными процессами формирования дворянского землевладения, заселения и хозяйственного освоения региона [5, с. 98]. Полевые журналы по Новороссийской, Екатеринославской и Херсонской губерниям содержат разнообразную сопроводительную документацию, в том числе приказы землемерной команде, повестки смежным помещикам с реестром понятых, описание самого хода межевания по дням, опись неисправностей в документах [6; 7; 8; 9].

Особенностями исходной документации по Новороссии также является достаточно частая встречаемость экономических сказок, ложившихся впоследствии в основу составлявшихся Экономических примечаний к планам межевания [15, л. 12–12 об.]. Как и в Крыму, авторами «экономических сказок» по различным губерниям Новороссии могли выступать землевладельцы. Более того, в самих Экономических примечаниях по различным уездам можно встретить почти дословное изложение «сказки» владельца земли [18, л. 28, 274 об.].

Полевые журналы отражают и многочисленные споры, возникавшие между владельцами по установлению границ их владений, которые вызывали необходимость проверки результатов межевания. Так, например, в полевом журнале дачи села Андрусовки Александрийского уезда Херсонской губернии владения казенных поселян хранятся три полевые записки 1809 г. (дачи села Андрусовка, острова Чонграда, принадлежащего к этой даче и церковной земли) [17, л. 1–39]. В отдельное дело в 1823 г. была выделена проверочная полевая записка этой дачи [16, л. 1–58]. Выявлявшиеся в ходе межевых работ коллизии невозможно было решить без получения новых

инструкций. При возникновении спорных ситуации землемерам приходилось выезжать на местность для проверки предыдущих межевых работ и впоследствии предоставлять полевые записки в составе спорных дел на рассмотрение в вышестоящие органы, в том числе в Межевую канцелярию и Сенат.

Изучение первичной документации Генерального межевания, отложившейся в составе полевых журналов землемеров, позволяет более детально изучить ход межевых работ на различных территориях Российской империи, причины их приостановки на определенное время, выявить особенности межевания, связанные с проведением государственной политики и местными традициями землевладения и землепользования, способы разрешения земельных споров.

1. Герман, И. Е. История русского межевания / И. Е. Герман. – Москва : Типо-литография В. Рихтер, 1914. – 307 с.
2. Кавелин, С. П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. С чертежами и образцами делопроизводства / С. П. Кавелин. – Москва : издание юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. – 339 с.
3. Наставление Правительствующего Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель размежеванию землемерам. Июля 1766 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XVII, № 12 711. – С. 877–879.
4. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. – Москва : в типографии В. Готье, 1854. – 365 с.
5. Петрова, И. Генеральное межевание Южной Украины (историко-правовой аспект) / И. Петрова // Схід. – Маріуполь, 2014. – № 6 (132). – С. 90–101.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1308. Оп. 1. Д. 7. 20 л.
7. РГАДА. – Ф. 1308. Оп. 1. Д. 22. 32 л.
8. РГАДА. – Ф. 1308. Оп. 1. Д. 76. 10 л.
9. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 3. 25 л.
10. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 10. 14 л.
11. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 12. 26 л.
12. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 54. 12 л.
13. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 58. 26 л.
14. РГАДА. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 65. 33 л.
15. РГАДА. – Ф. 1349. Оп. 1. Д. 335. 16 л.
16. РГАДА. – Ф. 1349. Оп. 1. Д. 355. 58 л.
17. РГАДА. – Ф. 1349. Оп. 1. Д. 356. 39 л.
18. РГАДА. – Ф. 1355. Оп. 1. Д. 372. 333 л.
19. Смирнов, Г. С., Смирнов С. С. Организация Генерального межевания в России / Г. С. Смирнов // Социум и власть. – 2009. – №1 (21). – С. 104–110.
20. Степанова, Л. Г. Отечественная война 1812 г. и Генеральное межевание первой половины XIX века / Л. Г. Степанова // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2019. – № 1 (18). – С. 10.

Серeda Н.В.

ВЕРЮЩИЕ ПИСЬМА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА

Верхневолжские города и местное население давно и активно изучаются в связи с проблемами генезиса капитализма и имущественной дифференциации общества, образования городов из торгово-промышленных сел, накопления и функционирования купеческих капиталов [1; 2; 3; 8].

Торжок – старейший торговый город региона. Его экономическому развитию способствовало выгодное положение как промежуточного пункта в торговле центральных районов России с северо-западом [6]. В XVIII в. с началом строительства новой столицы и сооружением Вышневолоцкого канала у местного купечества появились дополнительные возможности для активной торговой деятельности и накопления капиталов. В историографии высоко оценивается степень преeminенности капиталов купечества верхневолжских городов, в том числе новоторжских купцов [4, 5, 6, 7]. Однако некоторые документы Государственного архива Тверской области заставляют усомниться в этом.

Верющие письма – это документы, которые на современном языке можно назвать доверенностями. Срок их действия ограничивался текущим годом, но доверенности, выданные в декабре, были действительны на протяжении всего последующего года. Подлинник письма, подписанный доверителем (комитентом), оставался у его доверенного лица (комиссионера). Последнему могли доверяться самые различные операции: покупка и продажа товаров, взыскание денег по векселям с должников доверителя, доставка товаров к месту назначения, участие в торгах, совершение сделок на недвижимость и др. По закону верющее письмо следовало предъявить в магистрате [9], где акт копировался в специальной книге. Факт явки сводился к копированию доверенности писцом в специальной книге. По сути – это была процедура удостоверения акта. В фонде Новоторжского магистрата такие книги сохранились за период 1786–1799 гг. [10]. Отсутствует лишь книга за 1795 г. Иногда служащие магистрата позволяли себе передавать лишь основное содержание письма, ограничиваясь указанием фамилии, имени, отчества, сословной принадлежности доверителя и доверенного лица, а также сути доверяемой операции.

В общей сложности в этих книгах зафиксировано содержание более 600 документов. Чаще всего новоторжские купцы поручали покупать и продавать товары от имени доверителя и на его деньги. Нами выявлено 575 таких писем. Эта наиболее часто встречающаяся группа верующих писем обычно содержат указание на характерверяемых действий, а также фамилии, имена и отчества доверителя и доверенного лица.

Анализ сведений этих писем дает представление о том, кто из купцов города и в какие годы выдавал верующие письма такого содержания. Удалось установить, что к этой практике систематически прибегали лишь семь новоторжских купцов: А.В. Вешняков, А.Я. Морозов, И.Я. Морозов (б) [большой – *Н.С.*], К.М. Перевошиков, а также Ф.И. Луковников (в конце 80-х годов), Е. Цвылев (в конце 80-х – начале 90-х годов) и Г.И. Хрыпов (начиная с 1793 г.). 189 писем выдал за эти годы И.Я. Морозов (б.), 108 – А.Я. Морозов, 79 – А.В. Вешняков, 77 – Г.И. Хрыпов, 38 – К.М. Перевошиков [10].

Список доверенных лиц включает 236 человек, они представляют 96 новоторжских купеческих фамилий, по преимуществу принадлежавших к третьей гильдии новоторжского купечества. Лишь в нескольких случаях встречаемся с принадлежностью к мещанству, в одном – с принадлежностью к крестьянству, в нескольких случаях сословная принадлежность не указана. Состав лиц, получавших верующие письма не очень стабилен. Из 73 человек, получавших доверенности в 1786 г., в 90-х гг. в роли коммиссионером остуются лишь 17 человек и среди них – члены семей, которые сами активно выдавали верующие письма. Так. Я.И. Вавулин в 1793 г. получил верующее письмо от И.Я. Морозова, а в 1797 г. сам выдал три доверенности.

Анализ круга лиц, выдававших и получавших верующие письма в конце XVIII в., свидетельствует о высокой устойчивости деловых связей между купеческими семьями и их отдельными представителями. Вавулины сотрудничали с Морозовыми, большинство – из них с Андрианом Морозовым, но С.А. Вавулин – только с И.Я. Морозовым. А.Я. Морозов выдал 108 доверенностей за исследуемый период. Среди его доверенных лиц – 55 человек. При этом 31 из них получил верующие письма по одному разу, 7 человек – по два раза и еще 7 человек – по три раза. Наиболее часто он прибегал к услугам В.В. Вавулина (7 раз), М.И. Вавулина (5 раз), В.И. Мохова (6 раз), А.А. Тетюхина (4). Большая часть доверенностей выдана им в первой половине года: в период с января по июнь, лишь доверенности Тютюхину датированы декабрем. Такие доверенности были действительны на протяжении всего следующего года.

И.Я. Морозов (б) за 14 лет прибегал к услугам 94 человек. В общей сложности они получили 189 верующих писем 47 человек пользовались его доверием по одному разу, в то время как И.Г. Шехонин получал доверенности 7 раз, Л.И. Чупряев – 5. Три представителя семьи Мокрых получили в общей сложности 20 верующих писем.

И.Г. Хрыпов развернул активную торговую деятельность с 1793 г. За шесть последующих лет он выдал 77 верующих писем, и 13 из них – представителям семейства Луковниковых. Хрыпов практиковал ограничение срока доверенностей 1–3 месяцами и даже 15 днями.

Анализ круга лиц, получавших верующие письма в конце XVIII в. также свидетельствует о высокой устойчивости деловых связей между купеческими семьями г. Торжка, и между отдельными их представителями. Вавулины сотрудничали с Морозовыми, братья Гладильщиковы предпочитали работать с А.В. Вешняковым и К.М. Перевошиковым. Стремительное и мощное внедрение Г. Хрыпова в число богатейших новоторжских купцов не повлекло за собой «передела» прикащиков. Вместе с ним в мир торгового бизнеса в качестве коммиссионеров пришли Ф.Ф. Бителев, братья Гнидины, некоторые представители фамилий Дахиных и Луковниковых.

Нетрудно заметить, что поколение прикащиков 1786–1788 гг. уходит со сцены вместе с некоторыми представителями купцов-комитентов конца 80-х гг. В 90-х гг. среди купцов выдававших верующие письма нет Ф.К. Буркова, Я. П. Грузинцева, А.Л. Елизарова, С. С. Кисельникова, Е. Цвылева, И. Чернышева и др. Вместе с Ф. К. Бурковым уходят со сцены роли коммиссионеров почти все члены рода Голузиных и И.Т. Лысков. Вместе с С.С. Кисельниковым и А.Л. Елизаровым сходя со сцены Гармановы, с Н.Т. Кочеровым – Гребенщиковы, с Ф.И. Луковниковым – все представители этого рода. Лишь некоторое время спустя молодое поколение Луковниковых начинает сотрудничать с Г. Хрыповым.

Наибольшей популярностью в качестве коммиссионеров пользовались купцы Вавулины, Гладильщиковы, Дедовы, Кисельниковы, Луковниковы, Мокрые, Новоселовы, Реткины, Хрыповы, Чернышевы. На каждого из членов этих семей в среднем приходится по три верующих письма.

Завершая анализ верующих писем новоторжского купечества, следует отметить, что имущественная дифференциация купечества была высока. Оно делилось на две неравные группы: члены одной, малочисленной, выдавали верующие письма, члены другой, весьма многочисленной, брали их. Обе они не были абсолютно стабильны по составу, но круг купцов, выдававших верующие письма, был значительно устойчивей. На рубеже 80-х – 90-х гг. существенные изменения произошли в каждой из групп. Численность купцов, выдающих доверенности, сократилась, а костяк лиц, поль-

зующихся их доверием, стабилизировался. Для последних комиссионерская деятельность с этого времени становится основным занятием. По сути, они становятся наемными рабочими (приказчиками) более состоятельных купцов.

Факт причастности основной массы фамилий новоторжских купцов к комиссионерской деятельности заставляет по-новому посмотреть на процессы накопления, функционирования и преемственности купеческих капиталов. Верящие письма свидетельствуют, что значительная часть новоторжских купцов вела торговые операции по поручению других купцов, а это значит, что степень преемственности капиталов фактически была ниже цифр, приводимых в литературе.

1. Волков, М. Я. Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. / М. Я. Волков // Историческая география России. XII – начало XX века. – М., 1975. – С. 143–163.
2. Клокман, Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII века / Ю. Р. Клокман. – М., 1960. – 223 с.
3. Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII в. / Ю. Р. Клокман. – М., 1967. – 335 с.
4. Демкин, А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII – начала XVIII в.: по материалам верхневолжских городов / А. В. Демкин // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 135–141.
5. Демкин, А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов России XVII в.: по материалам г. Торжка / А. В. Демкин // Промышленность и торговля России XVII – XVIII вв. – М., 1983. – С. 168–174.
6. Демкин, А. В. Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. / А. В. Демкин. // Феодализм в России. – М, 1957. – С. 168–174.
7. Демкин, А. В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: города Верхневолжья / А. В. Демкин. – М., 1990. – С. 82–86.
8. Сорина, Х. Д. Место Твери и других городов Тверской губернии в волжской водной системе во второй половине XVIII века / Х. Д. Сорина // Из истории Калининской области : ст. и документы. – Калинин, 1960. – С. 78–104.
9. Полное собрание законов Российской империи. – Т.14, № 10486.
10. Государственный архив Тверской области. – Ф. 172. Оп. 2. Д.129, 230, 426, 427, 443, 448, 454, 456, 463, 467, 470, 473, 478, 482, 492.

Киселёв А.А.

СОСТАВ ЧИНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ ПОЛОЦКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ПО ДАННЫМ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ

Формулярные списки являются наиболее информативным массовым источником, который позволяет детально охарактеризовать состав чиновничества. В этой связи представляют интерес данные о составе чинов полиции Полоцкого наместничества, отражающие особенности комплектования местных полицейских учреждений (нижние земские суды и управы благочиния) в период правления Екатерины II. В фондах НИАБ сохранились формулярные списки чинов Полоцкого наместничества за 1783 и 1794 гг. [3; 4].

Уездная полиция была представлена нижними земскими судами, учрежденными 10 января 1778 г. в Могилевском и Полоцком наместничествах [1; 2]. По штату в нижнем земском суде полагалась должность земского капитана или исправника (IX кл.), двух дворянских заседателей (X кл.), секретаря (XIV кл.), двух сельских заседателей. По сословному происхождению все 11 исправников Полоцкого наместничества в 1783 г. были дворянами, но их принадлежность к этому сословию в формулярах выражалась по-разному. В частности, 6 чел. (55 %) использовали термин шляхтич, 3 (27 %) – дворянин, 1 (9 %) – помещик и 1 (9 %) указал, что прежде являлся исправником. При этом 3 чел. (27 %) использовали обозначение «белорусский», 1 чел. (9 %) – «польский». Средний возраст исправников составил 34,8 лет. Только 5 чел. (45,5 %) имели классные чины (4 коллежских секретаря и 1 титулярный советник). Все земские капитаны оказались представителями поместного дворянства, в том числе 5 чел. (45,5 %) являлись мелкопоместными дворянами, за которыми числилось от 21 до 100 души, 4 чел. (36,4 %) имели за собой от 101 до 300 душ, 1 чел. – люцинский исправник Ф. Корницкий – владел 425 душами. В одном случае число крепостных не было указано. Все исправники являлись местными уроженцами. Никто из них не служил в русской армии. Ситуация несколько изменилась спустя 10 лет. Все исправники по-прежнему происходили из дворян, но только 2 (18 %) обозначили себя как шляхтичи. Кроме того, 4 чел. (36,4 %) описали себя как белорусских дворян, 1 отнес себя к «польской» шляхте. Средний возраст лишь незначительно уменьшился и составил 32,9 год. Все исправники по-прежнему оставались помещиками, однако увеличилась доля мелкопоместных владельцев (7 чел. – 63,6 %), владевшими от 1 до 100 рев. душ. Вместе с тем 3 чел. (27,3 %) относились к среднепоместным собственникам, а 1 чел. был крупным помещиком, имевшим 825 душ. Показательно, что среди исправников только 3 чел. обладали чинами, причем только один выслужил чин коллежского секретаря, а двое получили военные чины подпоручика и поручика соответственно, отслужив непродолжительное время в русской армии

В 1783 г. из 22 дворянских заседателей 12 чел. (55 %) определили себя с помощью слов «шляхтич», «шляхетский» и «шляхетства»; 6 чел. (27 %) – как «дворяне» или «дворянство»; 2 чел. (9 %)

использовали в качестве самоидентификации слово «помещик». Еще в одном случае (4,5 %) сведения отсутствовали, а в другом констатировалось, что заседатель не состоял в каком-либо чине. Определение «белорусский» использовалось в 6 случаях (27,3 %), «польский» – в двух (9 %). Все заседатели принадлежали к поместному дворянству, в том числе 13 чел. (59 %) являлись мелкопоместными владельцами, 9 чел. (41 %) – среднепоместными. При этом среди среднепоместных в каждом третьем случае крепостные принадлежали отцу заседателя. Средний возраст заседателей составил 29,5 лет. Никто из них не имел опыта военной службы в русской армии. Только один заседатель служил в военных частях Великого княжества Литовского. До своего избрания на должность заседателя лишь 3 чел. (13,6 %) имели кратковременный опыт государственной службы в нижнем земском суде, дворянской опеке и стряпчим соответственно. Отнюдь неслучайно только 3 чел. (13,6 %) имели классные чины провинциального секретаря (2 чел.) и коллежского регистратора. Все выборные чиновники являлись местными уроженцами. Анализ 22 формулярных списков заседателей за 1794 г. показал ряд изменений по сравнению с данными за 1783 г. Во-первых, заметно уменьшилась доля лиц (4 чел. – 18,2 %), которые для своей сословной самоидентификации использовали понятие шляхта. Во-вторых, незначительно увеличилась доля лиц (32 %), которые использовали при описании сословной принадлежности прилагательное «белорусский». В-третьих, по-прежнему все заседатели относились к помещикам, однако заметно сократилась доля среднепоместных: мелкими помещиками являлись 17 чел. (77 %), а вот помещиков «средней руки» оказалось 3 чел. (14 %), но все они относились к данной категории условно, поскольку во всех трех случаях разделяли владение крепостными, число которых колебалось в диапазоне от 137 до 182 душ, со своим братом или братьями. В двух списках количество рев. душ не указывалось. Незначительно увеличился средний возраст заседателей – 32,6 лет. Количество лиц, выслуживших гражданские чины, не только не увеличилось, но даже уменьшилось до 2 чел. (9 %). Вместе с тем 3 (14 %) выборных чиновника уже имели опыт военной службы в русской армии, получив чины прапорщика, подпоручика и поручика.

В каждом нижнем земском суде предполагалось наличие двух сельских заседателей. В 1783 г. среди них оказалось 4 дворян (18,2 %), 1 (4,5 %) панцырный боярин, а прочие принадлежали к крестьянам. Средний возраст оставил 40,6 лет, что неудивительно в силу диапазона от 20 до 78 лет. В 1794 г. ситуация по сословному составу изменилась кардинально: 13 чел. (72 %) из 18 выявленных списков заседателей являлись дворянами, 1 – выходцем из духовенства и только 4 чел. (22 %) относились к крестьянам. Средний возраст равнялся 39,7 лет. Сельские заседатели не имели ни чинов, ни опыта государственной службы.

Если говорить о секретарях, то за 1783 г. сведения о сословном происхождении оказались в 10 формулярах из 11. На этой должности доминировали дворяне, поскольку лишь 1 (10 %) секретарь происходил из священнических детей. Интересно, что 7 (70 %) из 10 определили себя через принадлежность к шляхте. Показательно, что только 2 чел. (18,2 %) являлись помещиками, для прочих основным источником существования являлась служба. Из земельных собственников один секретарь принадлежал к мелкопоместным дворянам, а второй – среднепоместным, но такой имущественный статус ему можно присвоить с учетом крепостных его отца. Средний возраст начальников канцелярий нижних земских судов равнялся 29,5 лет. Никто из них не успел выслужить чины и не имел опыта военной службы. Спустя 11 лет все секретари принадлежали к дворянству, причем 2 чел. (18,2 %) являлись мелкопоместными владельцами, а 1 владел землей без крестьян. При этом лишь 4 (36,3 %) из 11 описали свое сословное происхождение, используя термин шляхта. Средний возраст составил 35,3 года. Уже 3 (27,3 %) секретаря имели чины, выслуженные ими на службе.

Вся черновая делопроизводственная работа в канцелярии выполнялась канцеляристами и копиястами, которые нанимались на суммы отпущенные на содержание канцелярии. В состав канцелярских служителей входили канцелярист и 2 копияста. В 1783 г. в их сословном составе также преобладали потомственные дворяне – 26 чел. (78,8 %), причем 18 (69 %) из них указаны как представители шляхты. Такое представительство сказалось на имущественном положении: 4 чел. (12,1 %) были мелкопоместными владельцами, за каждым из которых имелось не более 21 души; 2 чел. (6 %) указали землю в собственности. Кроме того, среди служителей оказалось 2 (6 %) мещанина, 2 (6 %) выходца из духовенства, а в трех случаях (9 %) в формуляре указывалось лишь, что его обладатель «не был прежде в службе». Как правило, канцелярские служители были молодыми людьми, поскольку их средний возраст равнялся 24,3 лет. Никто не имел классных чинов. Сословное представительство существенно не изменилось и в 1794 г. В частности, 23 чел. (71,9 %) из 32 принадлежали к дворянству, причем 9 чел. (39,1 %) описали себя как шляхта. Не изменилось и число помещиков: все четверо (12,5 %) являлись мелкопоместными собственниками, самый состоятельный из которых владел 15 крепостными. 3 чел. (9,4 %) происходили из духовенства,

3 (9,4 %) – из купеческих детей и столько же были представителями мещанского сословия. Средний возраст равнялся 24,5 лет. Классных чинов канцелярские служители не выслужили.

Анализ состава городничих за 1783 г. показал, что 5 чел. (62,5 %) относились к потомственным дворянам, 1 происходил из штаб-офицерских детей, 1 – из обер-офицерских детей и 1 из дворовых людей. Поскольку все они выслужили чин секунд-майора в русской армии, то де-юре относились к дворянам. Каждый четвертый городничий оказался либо уроженцем Речи Посполитой, поскольку в одном из формулярных списков значилось «из польского шляхетства», а во втором – «польской нации и шляхетства» [3, л. 271]. Их средний возраст равнялся 52,3 года. Половина городничих были мелкопоместными владельцами, причем один из них – городецкий городничий Н. Лаврентьев «из дворовых людей фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого» [3, л. 344] – приобрел 1 душу в Смоленском уезде. Поскольку больше 27 ревизских душ за каждым городничих не числилось, то можно заключить, что служба оставалась для них основным источником дохода. В сохранившихся 7 формулярных списках городничих за 1794 г. указывалось лишь дворянское происхождение. Все они получили опыт службы в русской армии, имели классные гражданские (2 чел. – коллежский и надворный советник) и военные (5 чел. – секунд-майоры) чины. Их средний возраст составил 50,6 лет. По сравнению с 1783 годом изменилось имущественное положение: 6 из 7 являлись помещиками, причем 3 относились к мелкопоместным собственникам, которые имели от 1 до 21 рев. души. Еще 2 были среднепоместными владельцами, один из них владел 287 крепостными, а другой – 401 ревизской душой. В одном случае число крепостных крестьян не указывалось. Наконец, дризенский городничий И.П. Веслау имел в своем услужении одного дворового. Среди городничих не оказалось ни одного местного уроженца.

При городничих действовала канцелярия, в которой числились канцелярист и копиист. Всего сохранилось 14 (87,5 %) формулярных списков за 1783 г. По сословному происхождению 4 чел. (28,6 %) являлись дворянами, 2 (14,3 %) – подьяческими детьми, 1 чел. (7,1 %) был из мещан, 1 (7,1 %) – из солдатских детей, но больше всего канцелярских служителей (5 чел. – 35,7 %) оказались представителями духовного сословия. В одном случае сведения в формуляре отсутствовали. 6 чел. (43 %) безусловно являлись местными уроженцами. Один канцелярист оказался мелкопоместным владельцем, отец которого имел за собою 9 душ. Трое (21,4 %) канцелярских служителей проходили службу нижними чинами в русской армии. Средний возраст оказался 29,3 года, причем диапазон в возрасте колебался от 18 до 50 лет. Из сохранившихся за 1794 г. 13 (81,3 %) формулярных списков канцелярских служителей следовало, что большинство из них составляли выходцы из мещанства (7 чел. – 53,8 %), 2 (15,4 %) – из дворянства, 1 (7,7 %) – из духовенства, 1 – из канцелярских служителей, 1 – из купеческих детей. В одном случае данные восстановить не удалось. Копиист С. Левицкий при себежском городничем оказался мелкопоместным владельцем, имевшим 6 душ за отцом. Средний возраст составил 28,1 лет. Только один имел опыт армейской службы. При этом никто еще не выслужил классных чинов. По прямым признакам можно уверенно утверждать, что 46 % являлись местными уроженцами.

Таким образом, анализ формулярных списков полицейских чинов Полоцкого наместничества показал, что в уездной полиции в правление Екатерины II на всех категориях должностей большинство составляли местные дворяне. Если на постах исправников и заседателей все являлись помещиками, то на иных должностях, в том числе канцелярских служителей, доминировали беспоместные дворяне. Вместе с тем просматривается тенденция по увеличению доли мелкопоместных владельцев на выборных должностях. Показательно, что по мере длительности пребывания в составе империи заметно сокращается процент лиц, идентифицировавших себя как «шляхту», а все более распространенным становится описание своей сословной принадлежности посредством термина дворяне. Можно констатировать наличие осознания принадлежности к региональному дворянству сообществу, поскольку практически треть всех исправников и заседателей при описании своего происхождения использовали прилагательное «белорусский». Подавляющее большинство выборных чинов не имели опыта государственной гражданской и военной службы в империи, причем ситуация остается практически неизменной до конца правления Екатерины II. Напротив, начальники городских полиций – городничие – являлись в большинстве своем дворянами из внутренних и прибалтийских губерний, служившими в русской армии. Показательно, что среди канцелярских служителей дворяне оказались в заметном меньшинстве, причем в 1783 преобладали выходцы из духовенства, а в 1794 – из мещанства.

1. Высочайше утвержденный штат Могилевского наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XX. – № 14692.
2. Высочайше утвержденный штат Полоцкого наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XX. – № 14693.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 65.
4. НИАБ. – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 209.

Ручкина Л.Н.

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕЛА ГНИЛУША СЕМИЛУКСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (В СВЯЗИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Село Гнилуша Семилукского района Воронежской области расположено примерно в 60 км к западу от города Воронежа. Любой населенный пункт славится своими героями, которыми гордятся земляки. Одним из таких героев села Гнилуша является Михаил Анисимович Ююкин, совершивший 5 августа 1939 г. во время военного конфликта на Халхин-Голе первый в мире воздушный таран. 30 августа 1939 г. М.А. Ююкин был награжден орденом Ленина, а в 1967 г. в центре села был открыт памятник знаменитому односельчанину. 26 июня 1941 Н.Ф. Гастелло повторил подвиг своего бывшего однополчанина, батальонного комиссара М.А. Ююкина. Другой наш земляк, Николай Алексеевич Свиридов, удостоен высокого звания Героя Советского Союза за подвиг, совершенный при переправе через Вислу в 1945 г.

Исследование истории села Гнилуша связано с определенными трудностями. Некоторые источники не сохранились, так как село находилось в оккупации в годы Великой Отечественной войны, а в ходе немецких бомбардировок Воронежа безвозвратно потеряны до 700 тысяч единиц хранения Государственного архива Воронежской области. К сожалению, не сохранились метрические книги Покровской церкви села Гнилуша.

В связи с тем, что в Воронежской губернии в XIX в. было восемь достаточно крупных населенных пунктов с названием Гнилуша, причем четыре селения были в Землянском уезде, существует опасность перенесения информации, относящейся к другим одноименным населенным пунктам, на объект нашего исследования.

Однако комплекс разнообразных источников (архивные документы, свидетельства устной истории, статистические сборники, периодическая печать) позволяет восстановить время и особенности возникновения Гнилуши.

При въезде на территорию современного села Гнилуша установлена табличка, которая сообщает о том, что основано село в 1670 г. Это дата была определена знаменитым воронежским краеведом В.П. Загоровским. В книге «Как возникли названия городов и сел Воронежской области», вышедшей в 1966 г., он утверждал, что «сохранились документы, рассказывающие об основании села» [5, с. 78]. Эти документы позволили ему сделать вывод о том, что село было основано весной 1670 г, «заселили его дети и братья воронежских служилых людей, прослужившие 17 лет в рейтарских полках «иноземного строя» и отпущенные домой из-под Киева» [5, с. 78]. Село, по его мнению, было названо по названию речки Гнилуши, а сама речка получила такое имя «видимо в конце 16 в, вскоре после основания города Воронежа» [5, с. 78].

В 1973 г. вышла еще одна книга В.П. Загоровского «Историческая топонимика Воронежского края», в которой автор уточнял год основания Гнилуши Семилукского района – 1669, и указывал на нахождение документов, позволивших ему сделать такой вывод. Сноска 19 к главе седьмой данной книги выглядела так: «ГАВО, ф.182, связка неописанных дел, №21» [6, с. 134].

На основании исследований В.П. Загоровского, в Воронежской энциклопедии, в статье, посвященной Гнилуше Семилукского района, С.А. Поповым указывается дата основания – 1669–1670 гг. [2, с. 209].

На наш взгляд, приведенные В.П. Загоровским документы, свидетельствующие о возникновении села в 1669–1670 гг., относятся не к селу Гнилуша Семилукского района Воронежской области. Можно предположить, что эти документы имеют отношение к деревне Гнилуша Ореховской волости Землянского уезда, сейчас – это Малая Гнилуша Касторненского района Курской области.

Данная позиция может быть обоснована следующими аргументами.

Объект нашего исследования впервые, на наш взгляд, упоминался как казенный хутор Гнилуша в Воронежской губернии в статистическом сборнике 1859 г. К этому времени хутор уже насчитывал 50 дворов и проживало в нем 414 человек, от уездного города находился в 20 верстах, на речке Гнилуша [1, с.82]. В данном сборнике селения распределены не по волостям, а в соответствии с их расположением по отношению к каким-либо дорогам: проселочным, шоссейным, почтовым. Понятно, что это осложняет поиск нашего объекта исследования: ведь в Землянском уезде в данном сборнике упоминаются две владельческие деревни и два казенных хутора под одним и тем же названием «Гнилуша». Поскольку Гнилуша Семилукского района никогда не была владельческой и с учетом географического фактора, второй казенный хутор Гнилуша располагался в трех верстах от Землянска, по почтовому тракту, мы можем быть уверены, что выбранный нами объект, из четырёх упоминаемых, является именно хутором Гнилуша Нижневедугской волости.

21 апреля 1862 г. в Воронежских губернских ведомостях был опубликован именной список селений Землянского уезда Воронежской губернии, там упоминаются два хутора под названием Гнилуша, один – Лебяженской волости, а другой – Нижневедугской (объект нашего исследования) [7, с. 117]. Однако с 1860 г. Гнилуша имела уже статус села, там открылась Покровская церковь [11,

с. 80]. Какова бы ни была причина размещения устаревших данных в официальной части газеты, для нашего исследования это имеет большое значение. Статус нашей Гнилуши таков: либо хутор до 1860 г, либо – село, после постройки церкви.

У нас есть возможность обратиться к свидетельству жителей Гнилуши, родившихся в 80–90 годы XIX в. В музее народной культуры и этнографии на филологическом факультете Воронежского государственного университета хранится дипломная работа Риммы Ивановны Ручкиной, защищенная в 1970 г. (Научный руководитель Александр Ильич Кретов). Тема дипломной работы – филологическая «Частушки села Гнилуша Семилукского района Воронежской области», однако первая глава посвящена истории села и написана она на основании воспоминаний его жителей. Некоторым из них было в то время по 80-90 лет, а иногда и более, они сами были свидетелями многих событий, сохранили воспоминания о рассказах своих родителей, бабушек и дедушек. В ней утверждается, что, по свидетельству старожилов, «в прошлом земли нынешнего села Гнилуша находились в пользовании жителей села Старая Ведуга» [9, с. 6]. В частности, приводятся воспоминания жителя села Гнилуша Петра Егоровича Лынова, 1888 г. рождения. Он сообщил о том, что «его дед Лынов Семен Филиппович часто рассказывал, как староведугские мужики приезжали сюда каждое лето сначала делить сенокосы, затем косить и как после завершения работ они устраивали гулянья с кулачными боями» [9, с. 6]. В годы детства и юности С.Ф. Лынова в Гнилуше уже были постоянные поселения. В начале XIX на формирующемся хуторе насчитывалось уже 14-15 дворов [9, с. 6, 9]. Причем старожилы утверждали, что первыми жителями Гнилуши были только выходцы из Старой Ведуги, пришлым из других мест селиться они не разрешали.

Одна из причин переселения староведугцев – уменьшение размера наделов на территории самой Старой Ведуги – подтверждается данными, приведенными М.А. Германовым. В 1746 г. в Старой Ведуге было 92 двора, в 1780 г. – 222, в 1807 – 297 дворов (1375 мужского населения и 1389 – женского) [3, с. 266]. По сведениям статистического сборника, изданного в 1865 г. по данным на 1859 г. в Старой Ведуге, было 500 дворов и 4790 жителей [1, с. 80].

Автор дипломной работы пишет, что воспоминания старожилов подтверждаются, «а) общностью большинства фамилий Старой Ведуги и Гнилуши: Ковалевы, Спицины, Черных, Шерстяных, Сергеевы, Цыцилины, Меркуловы и другие; б) сохраняющимися родственными связями между жителями этих сел (еще имеет место взаимное хождение в гости по престольным праздникам); в) сходством песен, частушек, а также манерой их исполнения» [9, с. 7]. Р.И. Ручкина цитирует слова известной песенницы села Гнилуша Евдокии Акимовны Ковалевой, 1878 г. рождения: «Со староведугскими бабами у нас голоса слаженные. С ними легко песни играть, а вот с гончарами (жители с. Избище) не подладишь!» [9, с. 7–8]. Мария Михайловна Паршина, 1893 г. рождения, указывала еще на одну общую черту жителей этих сел – сходство в одежде. Она рассказывала, что «когда к нам приезжали сваты из Ведуги, то их не отличишь от гнилушенских: и поддевки такие же, и платки, и фартуки, и кокошники как наши» [9, с. 8].

Еще одним косвенным доказательством возникновения Гнилуши изначально как хутора из переселившихся староведугцев является то, что алтари церкви Старой Ведуги и Гнилуши были посвящены празднику Покрова. С.Е. Федосеева отмечает, что «посвящение церкви зависело в основном от желания прихожан», но обязательно должно быть, «эта информация была необходима для того, чтобы выдать строителям храмозданную грамоту» [12, с. 78,81].

В Сборнике статистических сведений по Воронежской губернии, посвященному Землянскому уезду, определенные данные излагаются не по волостям, а по селениям. Большинство сведений, были результатом подворной земской переписи 1886 г. Однако авторы сборника предоставили информацию и о численности семей, а также женского и мужского населения по последней 10 ревизии. Эта информация, представленная по Старой Ведуге и Гнилуше, является совместной: количество семей – 382, мужского населения – 2711, женского населения – 2885. В таблице для предоставления такой общей информации использовалась фигурная стрелка, объединяющая два эти селения [10, с. 2]. Таким же образом была предоставлена информация для села Латаное и выселок Латанских, для хутора Точильный и выселок Точиленских в Ендовищенской волости [10, с. 2]. И такая общая информация указывалась в 14 случаях. Условный знак «стрелка» свидетельствовал о родственности происхождения этих селений.

Веские аргументы в подтверждение высказанной версии содержатся в ревизских сказках Старой Ведуги, Нижней Ведуги и Избища 1795 г. Пятая ревизия содержит информацию о том, откуда, из каких населенных пунктов были жены переписанных мужчин-жителей данных сел и куда выдавались замуж дочери, сестры. Все это указывалось за 13 лет, с 1782 по 1795 год.

Приведем данные по Старой Ведуге: такого рода связи у староведугцев были с 35 населенными пунктами. На первом месте – Орехово, зафиксировано 73 случая выдачи замуж в это село из Старой Ведуги или из этого села брали себе жен староведугцы. На втором месте – Горяиново, 72 факта. Старая Ольшанка – 61. Избище – 31. Новая Ольшанка Нижнедевицкой округи – 28. Деревня Плос-

кая – 18. Нижняя Ведуга – 19, Вязноватое Нижнедевицкой округи – 7. Землянск – 3. Рождественская слобода Землянска – 3. Пушкарская слобода Землянска – 2. Солдатская слобода Землянска – 1. Ендовище – 3. Голая Снова – 3. Новосильское – 3. Малышево Воронежской округи – 2. Деревня Лазовка – 2. Город Нижнедевицк – 2. Успенская – 2. Перлевка – 2. Истобное – 2. Деревня Погожая – 2. Касторное – 2. Большая Поляна – 2. Семилуки Воронежской округи – 2. Верхняя Девица Нижнедевицкой округи – 2. Граворонка – 1. Хутор Землянский – 1. Туров Нижнедевицкой округи – 1. Деревня Семеновка – 1. Кучугуры Нижнедевицкой округи – 1. Донская Негачевка – 1. Тербуны Елецкой округи – 1. Подклетное Воронежской округи – 1. Воронеж – 1 [4, л. 301–415].

И нет ни одного случая, в котором бы фиксировалось селение Гнилуша. Аналогичная ситуация просматривается и в отношении Нижней Ведуги и Избица [4, л.17–95, 159–273]. Гнилуши Ореховской волости нет, потому что она владельческая (в ревизских сказках 1795 г. это явно просматривается), а Гнилуша Нижневедугской волости в это время официально относилась к Старой Ведуге.

Обратимся к картографическим источникам: Гнилуша Нижневедугской волости впервые обозначается на карте И.А. Стрельбицкого (работы по составлению карты начались в 1865 г.). А вот Гнилуша Ореховской волости есть уже на плане Генерального Межевания Землянского уезда, причем благодаря современным технологиям наложения современных карт на старые мы можем убедиться, что она совпадает по местоположению с современной деревней Малая Гнилуша Касторненского района Курской области [8].

Таким образом, комплексный анализ источников позволяет оспорить утверждение В.П. Загоровского о возникновении села Гнилуша Семилукского района в 1669–1670 гг. Данный населенный пункт стал формироваться позже, в конце XVIII – начале XIX в. как казенный хутор, заселенный выходцами из села Старая Ведуга.

1. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – Спб. : Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1865. – 157 с.
2. Воронежская энциклопедия : в 2-х т. – Т.1 : А-М. / гл. ред. М.Д. Карпачев. – Воронеж : Изд. Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. – 524 с.
3. Германов, М. А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии / М. А. Германов // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. XII. / под ред. П. Н. Носбольсина. – СПб., 1857. – С. 183–325.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И18. Оп.1. Д.158.
5. Загоровский, В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области / В. П. Загоровский. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1966. – 111 с.
6. Загоровский, В. П. Историческая топонимика Воронежского края / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1973. – 136 с.
7. Именной список селениям Воронежской губернии // Воронежские губернские ведомости. – 1862. – № 16. – С. 117.
8. План генерального межевания Землянского уезда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-voronezh_zh_pgm-zemlyanskogo-uezda. – Дата доступа: 18.03.2023.
9. Ручкина, Р. И. Частушки села Гнилуша Семилукского района Воронежской области : дипломная работа / Р. И. Ручкина. – Воронеж, 1970. – 287 с.
10. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. – Т.3, Выпуск 1 : Землянский уезд. – Воронеж : Изд. Воронежского Губернского Земства, 1886. – 336 с.
11. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии / сост. П. Никольский; под ред. А. М. Спасского. – Особое приложение к Воронежским епархиальным ведомостям за 1890 г. – Воронеж : Типография В. И. Исаева, 1900. – 216 с.
12. Федосеева, С. Е. К вопросу о получении разрешения на строительства храма в пореформенной России (по материалам Московского уезда Московской области) / С. Е. Федосеева // Вестник ПСТГУ. – Вып. 1 (56). – С. 73–83.

Лякишева С.И.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОБУСТРОЙСТВУ ЯСНОПОЛЯНКОЙ УСАДЬБЫ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Яснополянская усадьба известна в связи с именем Л.Н. Толстого. Сохранившееся культурно-историческое пространство ценно еще и как объект изучения принципа обустройства поместья в русской провинции.

Первым лицом в истории развития усадьбы выступает прадед Л.Н. Толстого по материнской линии князь Сергей Фёдорович Волконский (1715–1784) – влиятельное лицо при дворе, боевой генерал. К концу Семилетней войны, в которой он принимал участие, подал в отставку. В 1763 году купил часть Ясной Поляны и затем постепенно целенаправленно продолжил скупать у местных мелких помещиков земли с юридическим оформлением. На этом этапе он обдуманно подходил к формированию территории будущей усадьбы. Ему пришлось изучать и анализировать населённый пункт в связи с рельефом, климатом, составом почвы, речную сеть с характером подземных вод, луга, овраги, полезные ископаемые.

Одним из главных преимуществ в Ясной Поляне было удобное транспортное сообщение: близкое расположение к Москве, наличие главной дороги Санкт-Петербург–Крым и отличная транспортная

развязка. Согласно «Российскому Почт-календарю...», Ясная Поляна в XVIII веке – 17-я дорога в Курск, 23-я дорога в Орел и 43-я – в Харьков [1]. Анализируя повесть, написанную матерью Толстого М.Н. Волконской, «Русская Памела, или нет правила без исключения», музейный исследователь Д.Н. Тихонова обратила внимание, что в повести фактически отражена имеющаяся в Ясной Поляне инфраструктура – упомянуты почта, оживлённые места для торговли, постоялый двор, трактир для путников [2]. В путеводителе «Заповедник музея-усадьбы «Ясная Поляна» автор А.И. Ксенофонтов также упоминает об одном из удобств сообщения: «...недалеко от въезда в усадьбу находилась первая после Тулы почтовая станция. Здесь ехавшие на почтовых меняли лошадей» [3].

В «Путешественных записках Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона...» автор Зуев приводит сведения, которые для исследователей истории Ясной Поляны представляют интерес. Устав от проезда из Тулы, он со своими спутниками надеялся «получить свежих лошадей» в Ясной Поляне, но «мужики отрицали нам дать лошадей иначе, как разве из найму, потому что тут не ям». Это же подтвердил «помещик Болконский» (вероятно, С.Ф. Волконский, прадед Толстого. Примечательно, что именно такая фамилия у одного из главных героев романа «Война и мир»). Зуев пишет, что яснополянский помещик, который сам жил в этой деревне, «...в сём околотке больше прочих дворян своих соседей присвоил себе и право располагать подводами всех окольных деревень не на дороге стоящих, чтоб они давали также подводы для гоньбы, по большей дороге поочередно» [4]. Только двойной тариф помог им выбраться из Ясной Поляны «поскорее в честнейшие селения». Согласно сведениям И.В. Толстого, «семья князя Сергея Федоровича жила постоянно в Москве, а сам он летом иногда приезжал в деревню» [5], – вероятно, когда проезжал путник Зуев, прадед Толстого временно жил в Ясной Поляне. Право располагать подводами и предложенный двойной тариф, скорее всего, имели законодательную основу – эта тема требует дополнительного изучения. Но очевидно, что дорога приносила доход первым яснополянским владельцам.

Следующим выигрышным фактором для планирования усадьбы являлся природный рельеф. Естественная возвышенность, имевшаяся в Ясной Поляне, позволяла не только разместить центральную часть усадьбы в верхней точке, но и обозначить контуры английского парка в южной части. Улучшение пейзажных видов корректировали путём подсыпок и срезки грунта.

С северо-востока имения располагается обширный лес, не подлежащий вырубке, называемый «за-секой», с первобытной природой и дичью. Рядом – болота. В романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой в образе Левина-помещика предстаёт охотником и знатоком леса и болот в карстовых разломах [6].

На западе и востоке территории – леса с ценными для хозяйственно-бытовых нужд деревьями – дубами, липами, ясенями, берёзами, клёнами, осинами. С юга-востока – открытый склон к реке. Близость реки – возможность для строительства собственной мукомольной мельницы.

На территории Ясной Поляны – многочисленные овраги, склоны разной крутизны, пойменные и равнинные участки, луга [7], водораздел. Это комфортные условия для разведения овец романовских пород и мериносов. Их шерсть являлась сырьем для своей же ковровой фабрики, а продукцию реализовывали в торговых рядах за въездными воротами усадьбы.

Значительным преимуществом для жилого и хозяйственного строительства, а также для создания гидротехнических объектов являлись собственные полезные ископаемые – каменный уголь, глина, известняк, железная руда и наличие водной сети. Всему этому надлежало включиться в механизм обустройства усадьбы, и это по достоинству оценил прадед Л.Н. Толстого Сергей Фёдорович Волконский на этапе приобретения земель.

С 1799 года по 1821 годы вторым лицом в перспективном обустройстве усадьбы выступает дед Толстого Н.С. Волконский. При этом неизвестно, какие всё-таки работы проводились до его появления в Ясной Поляне, с 1763 по 1799 годы. За 36 лет что-то строили, сажали, рубили – купленные земли с перечисленными природными и иными объектами требовали управления. Но исследовать этот временной промежуток пока не удаётся из-за сложности поиска исторических источников. Тем ценнее точечные сведения.

Дома, каналы прудов [8], плотины, фундаменты оранжереи и ледника, часть конюшни и т.д. выполнены в яснополянской усадьбе из известняка. Работы из камня были выгодны в экономическом плане, поскольку не прихотливый в обработке известняк, преимущественно, был местный. Камень ломали и перемещали на стройку при помощи ворота. О такой технологии, применяемой в Тульской губернии, сообщает архитектор В.Н. Уклеин [9]. Любопытно, что Л.Н. Толстой на уроки в своей школе приносил крестьянским детям раковины древних моллюсков и обломки известняка с отпечатками ископаемых беспозвоночных животных, найденные в своей усадьбе.

Помимо камня, важной породой для обустройства отдельных объектов усадьбы является глина. Тульская область славится керамическим сырьем – пластическими и цветными, а также кирпичными и черепичными глинами, применяемыми в строительстве. Они обнаружены во многих местах области, но если, например, мощность огнеупорных глин Суворовской группы месторождений от 0,1 до 4 м, то

Щекинской (бывший Крапивенский уезд, место расположения Ясной Поляны) – до 9 м [10]. По огнеупорным свойствам они не уступают лучшим глинам мира. Местная синяя, красная и белая глина шла на изготовление горшков для оранжерейных растений, кирпичей на собственном же кирпичном заводе. Воду в яснополянских искусственных водоёмах – глубоких каскадных прудах – удерживали с помощью «глиняного затвора». Для этого глину вымачивали несколько дней в воде, разминали до состояния мягкого теста и наносили на поверхность предварительно укрепленного камнями днища и стен водоёма толщиной не менее 15 см, нанося его постепенно, то есть подсушивая. Когда первый пятисантиметровый слой глины высыхал, наносили второй, а потом и третий. В формировании берегов также использовали камень, песок и большое количество глины. Сколько тонн глины пришлось бы приобретать и доставлять в усадьбу деду Л.Н. Толстого, не будь её на месте?

Столь же ценным полезным ископаемым была железная руда, из которой плавиле железо. В оврагах Ясной Поляны сохранились остатки четырёх домен. «С противоположной стороны к поляне примыкает овраг Поддонный верх, заросший лесом и кустарником. Здесь местами видны ямы, деревья с обнаженными корнями. В ямах до сих пор находят нажигу и остатки руды. Это следы выработки найденной еще при Петре I железной руды. Выработку осуществлял купец Демидов, позднее построивший в Туле оружейный завод. Руда залежала неглубоко. Здесь же её и плавиле», – об этом сообщает в путеводителе А.И. Ксенофонтов [11]. Собственные сыродутные печи обеспечивали температуру до 1000–1200°C, что позволяло получать восстановленное железо. Кузнечное дело в усадьбе при Н.С. Волконском стало процветать на основе местного сырья.

В третьем поколении Волконских в Ясной Поляне на основе уже сформированной планировочной структуре усадьбы образцовым продолжателем её обустройства видим Марию Николаевну Волконскую, будущую мать писателя. Благодаря ей развиваются регулярный и пейзажный парки и первые плодовые сады.

Она увлекалась не только практическим, но и теоретическим садоводством. Посадки растений она зафиксировала в «Описи саду», где отразила сортовой и численный состав яблонь и груш, описала ягодные кустарники, эфиромасличные растения с подробным указанием месторасположения их посадок в виде «клиньев». Сохранился и другой источник – её ботаническая рукопись «Ясная Поляна в июле 1808 года / Ernste Pflanzen Centurie», то же «...в сентябре 1808 года/...» – бесценные документы для представления видового состава растений Ясной Поляны. Её же рукопись – «О Ботанике», в которой М.Н. Волконская перечислила растения с их терапевтическими и лечебными свойствами, встречающиеся ей во время «ботанических прогулок», также представляет большой интерес.

Цветники, клумбы, цветочные дорожки, оранжереи, аллеи, пейзажные парки, беседки, лесопосадки, аптекарские огороды, каскады прудов постепенно включались в единый природный и ароматерапевтический комплекс под открытым небом. Каждый из перечисленных искусственных природных объектов требовал знаний посадки растений, соблюдения моды и стиля. Например, при формировании пейзажных парков пруды старались выкапывать в виде задуманных фигур, в том числе, масонских, а в посадках соблюдали не только определенный дендрологический состав, но и выделяли куртинные группы. Рядом посаженные серебристые тополя, бересклеты – примеры камерных куртин в пейзажном парке Ясной Поляны.

Интерес матери к посадкам передался сыну, Льву Николаевичу Толстому. В 1847 году, в 19-летнем возрасте, он стал хозяином усадьбы. В художественных и публицистических произведениях от имени своих героев он выступает лесоводом, полеводом, садоводом и в целом – многогранным помещиком. Известен его интерес к посадкам яблоневых садов [12]. Фитонцидный фон хвойного леса с названием «Ёлочки», посаженного писателем вместе с женой С.А. Толстой, до сих пор привлекает внимание экскурсантов. В мемориальной библиотеке сохранился «Каталог деревьям и кустарникам, тепличным и оранжерейным, и прочим» К.И. Вагнера (1854) с его многочисленными пометами.

Таким образом, в обустройстве яснополянской усадьбы очевиден системный подход к решению проектных, строительных и хозяйственно-экономических задач. Слаженная работа четырех поколений одной семьи позволила спланировать и обустроить удобную для проживания усадьбу, которая в будущем позволила развить интеллектуально-нравственный потенциал Л.Н. Толстого. Сохранившаяся усадьба – уникальный мега-экспонат в музее-заповеднике. Это живой природный объект для показа посетителям в качестве примера дворянской культуры обустройства жилого пространства в сочетании с грамотным взаимодействием с природой. В настоящее время продолжается изучение владельческих и литературных источников, помогающих представить развитие усадьбы в системе населенного пункта и ландшафта в конце XVIII – начале XIX веков.

1. Российский почт-календарь, с показанием расстояния между собою всех городов Российской империи, так же почтовых дорог к оным ведущим : Разделенный на три части, из которых в первой, состоящей из двух отделений, описаны почтовые дороги идущия от обеих императорских столиц ко всем вообще губернским городам, а имянно: под литерою А. от Санктпетербурга, а под литерою В. от Москвы. Во второй заключаются почтовые дороги, учрежденныя от губернскаго каждой губернии города ко всем уезд-

- ным той же губернии. В третьей описываются в трех книгах все почтовые дороги, проложенные между губернскими всех губерний городами / издан и напечатан по высочайшему его императорского величества повелению, Главным почтовым правлением. – Санктпетербург : При Губ. правлении, 1800. – 8°. – Ч. 1, отделение 2, литера В. – 1800.
2. Волконская, М. Н. Русская Памела, или нет правила без исключения : повесть в 2-х частях (без окончания) / подготовка публикации Д. Н. Тихоновой ; под редакцией В. И. Толстого. – Ясная Поляна : ФГУК «ГМПЗ «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2009. – С. 245.
 3. Ксенофонтов, А. И. Заповедник музея-усадьбы «Ясная Поляна» : очерк-путеводитель / А. И. Ксенофонтов. – Тула : Приокское кн. изд-во, 1970. – С. 14.
 4. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. – Санктпетербург : При Императорской Академии наук, 1787. – С. 100.
 5. Толстой, И. В. Свет Ясной Поляны / И. В. Толстой ; предисл. В. И. Толстого. – Тула : Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. – С. 103.
 6. В романе «Анна Каренина» насчитывается около пятидесяти упоминаний о местных болотах, с «ржавым запахом», связанных с охотой героя К. Левина.
 7. Луг Юшкин верх – Машкин верх в романе «Анна Каренина».
 8. Все пруды, созданные дедом Л. Н. Толстого Н. С. Волконским, – копаные искусственные водные объекты с питанием поверхностными и подземными водами, снабжены сливными устройствами в виде каменных каналов, имеющих большую водопрпускную способность.
 9. Уклеин, В. Н. От Тулы до Поленова: О зодчестве и зодчих. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1981. – С.74.
 10. Интернет-ресурс: http://info.senatorvtule.ru/info/?option=com_content&task=view&id=211.
 11. Ксенофонтов, А. И. Заповедник музея-усадьбы «Ясная Поляна» : очерк-путеводитель / . И. Ксенофонтов. – Тула : Приокское кн. изд-во, 1970. – С. 62.
 12. Подробнее: Курчакова Н. И. Плодовые насаждения Ясной Поляны: история развития // Яснополянский сборник. – Тула : Изд. Дом «Ясная Поляна», 2006. – С. 361–368.

Лукашевич А.М.

**ДОКУМЕНТЫ ОСОБЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТЕРСТВА ПОЛИЦИИ И МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ
(1811–1826 ГГ.)**

Одной из важных и интересных тем отечественной историографии является судьба белорусских земель в первой четверти XIX в., особенно в период наполеоновских войн. Несомненно, ключевым событием Александровской эпохи стала война 1812 г., которая предопределила дальнейший ход исторического развития Беларуси. При этом одним из слабо изученных вопросов по-прежнему остается деятельность в первой четверти XIX в. российских служб политического сыска, разведки и контрразведки, и оценка ими политической ситуации в белорусско-литовских губерниях. Несомненно, что документы, раскрывающие эти аспекты, в свое время, носили секретный характер, и информация о них не разглашалась.

В связи с этим особый интерес представляют сохранившиеся комплексы документов тех структур, которые в первой четверти XIX в. выполняли функции секретных служб (политического сыска, контрразведки и частично внешней разведки). В основном они сосредоточены в архивах Российской Федерации.

Прежде всего, это документы Комитета охранения общей безопасности 1807–1829 гг. («Комитета 13 января 1807 г.»), которые хранятся в фонде 1163 Российского государственного исторического архива (158 единиц хранения) и уже анализировались в авторских публикациях [1–4].

Вторая часть документов сосредоточена в фонде 1165 (Особенная канцелярия Министерства внутренних дел) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [5–7]. По своему объему они значительно превосходят фонд 1163 и насчитывают 976 единиц хранения, объединенных в три описи. Хрологически документы фонда 1165 относятся к 1801–1826 гг.

История фондообразователя. Основу фонда 1165 ГАРФ составило делопроизводство двух структурных единиц – Особенной канцелярии Министерства полиции (25 июня 1811 – 4 ноября 1819 г.) и Министерства внутренних дел (4 ноября 1819 – 3 июля 1826 г.).

Особенная канцелярия Министерства полиции была образована 25 июня 1811 г. [8, с. 719–728]. Она представляла специальное учреждение, которое занималось в Российской империи политическим сыском (розыском), борьбой с общественным, национальным, революционным движением, масонством и шпионажем.

Особенная канцелярия состояла из нескольких структурных подразделений – трех отделений (столов) и секретной части. Правителями канцелярии являлись Я.И. де Санглен (1811–1812) и М.Я. фон Фок (1812–1819), которые имели право личного доклада императору [1, с. 67–69].

В связи с упразднением Министерства полиции 4 ноября 1819 г. Особенная канцелярия была передана в Министерство внутренних дел [9, с. 367]. В составе МВД она выполняла те же функции, а ее руководитель М. Я. фон Фок (1819–1826) делал регулярные доклады императору.

После восстания декабристов (1825) имп. Николай I принял решение о присоединении Особен-

ной канцелярии МВД к Собственной е. и. в. канцелярии, и она послужила основой для создания 3 июля 1826 г. Третьего отделения [10, с. 665–666].

Функции структурных подразделений. Функциональные обязанности, возложенные на отделения (столы) Особенной канцелярии, впоследствии послужили основой для формирования описей фонда 1165 ГАРФ [5–7].

Проведенный контент-анализ названий дел трех описей позволил выделить основные блоки дел, которые имели отношение к белорусско-литовским губерниям. Географически они распределились следующим образом: Виленская губерния – 12, Витебская – 6, Гродненская – 7, Минская – 16, Могилевская – 7, Белостокская область – 19, Литовские губернии – 8, Белорусские – 1. Ниже приводится функциональное распределение обязанностей трех столов и секретной части Особенной канцелярии, а также тематические примеры архивных дел, относящиеся к Беларуси.

1-й стол выдавал заграничные паспорта, визы и виды на жительство иностранцам (*донесения о выданных видах на жительство иностранцам, прибывшим в Россию с приложением их заграничных паспортов*: литовского военного губернатора в 1821 [6, д. 101], 1823 [6, д. 124], 1824 [6, д. 132а], 1826 [6, д. 139] гг., гродненского губернатора в 1822 г. [6, д. 109], минского губернатора в 1820 [6, д. 97] и 1821 гг. [6, д. 102], правителя Белостокской области в 1822 [6, д. 116], 1823 [6, д. 126], 1824 [6, д. 131] и 1825 гг. [6, д. 137]; *о выдаче (или продлении) вида на жительство в Минской губернии французским подданным Вели Амбруазу, 1819–1820 г. [6, д. 154] и Сенкену Жану-Франсуа, 1826 г. [6, д. 218]*), рассматривал документы о принятии в российское подданство, выдавал заграничные паспорта и разрешения на возвращение российских подданных из-за границы (*о выдаче временного вида на жительство различным лицам в Могилевской губернии, 1818 г. [6, д. 254]*), *о разрешении поручику 5-го егерского полка Радзиминскому, взятому французами в плен, возвратиться в Россию, 1823 г. [6, д. 264]*, вел алфавиты и списки выданных паспортов.

1-й стол также осуществлял надзор за иностранцами, находившимися в Российской империи (включая наружное наблюдение и агентурную разработку), составлял списки прибывших иностранцев (*о задержании в Белостоке поляка Хоткевича, прибывшего в Россию без разрешения, 1812 г. [6, д. 232]*), *о задержании без документов поручика баварской службы Эйзенберга Иогана и подпоручика баденской службы Гертана Иосифа, 1814 г. [6, д. 239]*, *об удовлетворении просьб иностранных подданных Бушене, Биньяна, Велькера и других о разрешении им въезда в С.-Петербург и выезде за границу, 1815–1819 гг. [6, д. 152]*).

2-й стол Особенной канцелярии собирал сведения о типографиях и книжных лавках, вел их учет и выдавал разрешения на открытие типографий (*о разрешении книгопродавцу Гликсбергу открыть типографию и книжную лавку при Виленском университете, 1826 г. [5, д. 269]*); *о возвращении конфискованной у помещика Калиста Даниловича типографии в г. Вильно, 1821–1822 гг. [5, д. 272]*, и др. [5, д. 274]), ведал цензурой (борьба с распространением запрещенных изданий, разбор жалоб на действия цензуры); осуществлял контроль за ввозом и вывозом из России литературы и произведений искусства.

Наиболее важные функции Особенной канцелярии осуществлял **3-й стол**. Он курировал борьбу с общественным и революционным движением (в т. ч. в военных поселениях), с распространением слухов (*о расследовании слухов о готовившихся в Виленской, Минской губерниях и Белостокской области еврейских погромах, 1813 г. [5, д. 6]*), *о принятии мер против лиц, распространявших в Гродненской губернии ложные слухи в связи с бегством Наполеона с о. Эльбы, 1815 г. [5, д. 147]*); вел расследования антиправительственных высказываний (*об антиправительственном высказывании ксендза Мерецкого, 1814 г. [5, д. 15]*) и оскорблений императорской фамилии (*об установлении надзора за жителем г. Быхова, Могилевской губернии Г. А. Шульманом, заявившем о выполнении им тайных поручений от царя и о задержании отобранных у Шульмана документов, подтверждающих это заявление, 1814 г. [5, д. 16]*), надзирал за соблюдением государственной тайны (*служебные документы управляющего Белостокской областью сенатора Тейльса, переданные в Особенную канцелярию Министра полиции после его смерти, 1816 г. [5, д. 499]*).

В обязанности 3-го стола также входило расследование государственных преступлений – краж, убийств, разбоев, изготовления фальшивых денег и др. (*об аресте в Минской губернии шайки разбойников и их атамана Гриши, 1814 г. [5, д. 349]*).

Кроме того, на этот стол возлагался надзор за масонскими ложами (*наблюдение за деятельностью франк-масонской ложи в Несвиже, 1811 г. [5, д. 2]*) и религиозными сектами, а также за иезуитами после запрещения деятельности этого ордена в России (*о разрешении католическому священнику Белецкому, вышедшему из иезуитского ордена, возвратиться в Самогитскую епархию в Виленской губернии, и о взятии с него подписки о непринадлежности к ордену иезуитов, 1820 г. [6, д. 144]*).

Накануне войны 1812 г. сотрудники 3-го стола Особенной канцелярии отслеживали настроения населения пограничных белорусско-литовских и украинских губерний (*донесения российского ре-*

зидента в Белостоке И. И. Турского о текущих делах на границе, 1811 г. [7, д. 9], А. А. Столыпина и литовского почт-директора о политических событиях в Княжестве Варшавском, западных губерниях и в Галиции, 1809–1812 гг. [7, д. 37]).

Сотрудники этого отделения осуществляли противодействие наполеоновской агитации – боролись с распространением прокламаций (*прокламации к населению, распоряжения французских властей в период французской оккупации Витебской губернии, 1812 г.* [5, д. 128]), осуществляли противодействие наполеоновской агентуре – собирали сведения о засылке агентуры (*донесения о действиях Наполеона, о продвижении французских и прусских войск, о засылавшихся в Россию шпионах, 1812 г.* [5, д. 105], *о запрещении извозчикам перевозить пассажиров за границу, 1812 г.* [5, д. 107]), боролись с потенциальным шпионажем путем ареста и высылки неблагонадежных лиц и иностранцев во внутренние губернии (*об аресте экспедитора Цехановецкой пограничной таможни, купца еврея Финкеништейна за подозрительную переписку, 1811 г.* [6, д. 35], *о расследовании доноса о поляке Дукишинском, обвинявшемся в высказывании намерения присоединиться к французским войскам, 1813 г.* [5, д. 168], *по наблюдению за высланным в г. Оренбург иностранцем, находившемся на российской службе надворным советником Гагельстромом, и о переводе его на жительство в Могилевскую губернию, 1812–1821 гг.* [5, д. 165]).

С началом военных действий 3-й стол Особенной канцелярии отвечал за подготовку и проведение эвакуации имущества и населения из приграничных губерний, собирал сведения об организации снабжения действующей армии провиантом и фуражом, боролся с саботажем правительственных мероприятий.

Во время войны 1812 г. и заграничных походов российской армии в 1813–1815 гг. сотрудники 3-го стола занимались вопросами размещения военнопленных (интернированных), и комунникации с ними (*о розыске подполковника французского 3-го полка Гербота Эрнста-Фридриха, взятого в плен под Москвой в декабре 1812 года, 1822–1823 гг.* [5, д. 192], *о получении из Франции военнопленным французом доктором Лефевром письма и патента на знак Лилии, 1815 г.* [5, д. 195]), расследовали случаи побегов военнопленных (*о предании военному суду помещиков Минской губернии за укрытие военнопленных и оружия и о помиловании осужденных судом, 1813–1814 гг.* [5, д. 161]). Кроме того, рассматривались различные вопросы, связанные с репатриацией военнопленных на родину (*о разрешении саксонским военнопленным вывезти с собой за границу принадлежавших им лошадей, 1813 г.* [5, д. 175], *о разрешении прусским переселенцам в Белостокской области возвратиться на родину, 1814–1815 гг.* [6, д. 66]).

В обязанности сотрудников 3-го стола входило также осуществление репрессивных мероприятий (секвестр и конфискация имущества, высылка во внутренние губернии, установление секретного надзора) в отношении российских подданных, поддержавших в 1812 г. Наполеона (*о ссылке в Петро-заводск чиновников Витебской губернии графа Борха, Красовского и других, служивших у французов, наблюдение за ними и освобождение из ссылки, 1812–1814 гг.* [5, д. 163], *об учреждении надзора полиции за помещиком Минской губернии Буйницким, сотрудничавшем с французами во время оккупации губернии, 1813 г.* [6, д. 47], *об учреждении надзора полиции за профессором Жуковским, находившемся на службе у французов во время оккупации Могилевской губернии, 1812–1813 гг.* [6, д. 49]).

После окончания наполеоновских войн сотрудники 3-го стола собирали сведения о положении крестьян (о жестоком обращении с ними помещиков), отслеживали настроения среди крестьян и иных податных групп населения (*о прошении татар проживавших в Литве, о представлении им прав наравне с литовскими дворянами, 1819 г.* [5, д. 343]), боролись с распространением слухов об освобождении крестьян (*о расследовании случая обсуждения Виленским дворянским собранием трактата об освобождении крестьян от крепостной зависимости, 1818 г.* [5, д. 93]), и др.

Особое внимание сотрудники 3-го стола уделяли надзору за деятельностью студенческих и тайных обществ (*об аресте студентов Виленского университета Станишевского Иосифа, Маковецких Станислава и Степана и учеников Ковенских училищ за участие в тайных обществах и распространение антиправительственной литературы, 1823–1824 гг.* [5, д. 64], *о волнениях в Виленском университете и других учебных заведениях среди учащихся и профессоров, вызванных стремлением к независимости Польши, 1823–1825 гг.* [7, д. 34]), а также надзору за лицами без определенного места жительства и высланными в другие губернии (*о высылке в Витебск отставного коллежского секретаря Должинского за проживание без вида на жительство, 1819 г.* [5, д. 383], *о высылке в Виленскую и Гродненскую губернии капитана Серпутовского и поручика Одаховского за ложный донос на командира 1-го уланского полка полковника Томицкого, 1820 г.* [5, д. 448], *о высылке уволенных со службы из 3-го уланского полка штабс-ротмистра Петровича и поручика Белецаревича в Витебскую губернию за пьянство, 1821–1822 гг.* [5, д. 430], *о высылке прапорщика Таврического внутреннего гарнизонного батальона Скридловского в Витебскую губернию за «непозволительные офицеру поступки», 1821 г.* [5, д. 451]).

Кроме того, 3-й стол собирал сведения о политическом и экономическом положении Королевства (Царства) Польского в 1815–1826 гг. (*о распространении в Минске листовок с текстом Кон-*

ституции, якобы данной Королевству Польскому, 1815 г. [5, д. 25], письма А. Чарторыжского Александру I о деятельности наместника цесаревича Константина Павловича в Королевстве Польском, о настроениях в армии и обществе, о поведении цесаревича, 1815–1817 гг. [7, д. 10]).

На этот же стол были частично возложены функции внешней разведки – его сотрудники собирали сведения о важных событиях за границей и о лицах, представляющих политическую опасность (о «заграничных слухах», о действиях Наполеона, о положении в Варшавском герцогстве, о задержке на границе почты, 1812 г. [5, д. 106]), в т. ч. с помощью секретной агентуры (о выдаче правителю Белостокской области денег на оплату секретных агентов, 1812 г. [5, д. 226], о разрешении ему истратить на агентуру часть суммы, отпущенной на секретные расходы в начале 1812 г. в связи с угрозой войны, 1813 г. [5, д. 228]), вели тайный розыск относительно противодействия других государств российской политике.

В свою очередь, **секретная часть** Особенной канцелярии контролировала проживание высланных из столиц лиц; следила за неблагонадежными, разбирала важные гражданские и уголовные дела, в т. ч. рассматривала конфиденциальные прошения частных лиц по имущественным спорам, о долгах, назначении чиновников, пенсиях, пособиях, жалобы высланных лиц (по жалобам урядника Симферопольского конно-татарского полка И. О. Дорошкевича на Петербургское губернское правление, предписавшее ему высылку в Минск за неподчинение указу Сената, 1817 г. [5, д. 324]).

Секретная часть также следила за деятельностью полиции, расследовала дела о злоупотреблениях полицейских чиновников, правителей и губернаторов (о расследовании злоупотреблений на службе правителя Белостокской области Щербинина, вице-правителя Щепанова и других чиновников, 1811 г. [5, д. 483], по доносу шляхтича Ф. М. Богацкого о злоупотреблениях в таможенных польских губерний и о его проекте по борьбе с провозом контрабанды, 1810–1816 гг. [5, д. 366]), за состоянием мест заключения (в т. ч. отвечала за организацию в них агентуры), контролировала приведение в исполнение приговоров, а также собирала сведения о важных происшествиях.

Помимо этого, сотрудники канцелярии готовили материалы о различных проектах и предложениях (по развитию торговли, снабжению армии, совершенствованию таможенной и финансовой систем, и др.), рассматривали документы о ревизиях (о ревизии Могилевской, Гродненской и Подольской губерний, 1811 г. [5, д. 491]).

О персональном составе служащих Особенной канцелярии, их содержании, а также об общих расходах на финансирование деятельности канцелярии свидетельствуют *финансовые отчеты и книги на выдачу жалования* (1811–1826 гг.) [5, д. 511–565]. В свою очередь, *входящие и исходящие журналы* (1810–1826 гг.) [5, д. 571–635], а также *журналы докладов императору* [5, д. 568–570] позволяют установить объем расследуемых дел, а также провести их сегментацию по различным регионам и направлениям деятельности.

Таким образом, документы Особенной канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел представляют большой научный интерес в плане оценки российскими властями в первой четверти XIX в. политической ситуации в белорусско-литовских губерниях. В частности, изучение событий 1812–1815 гг. через призму спецслужб позволит более объективно оценить настроения различных социальных, конфессиональных и национальных групп населения. По-иному можно будет взглянуть и на комплекс мер, принятых российским правительством накануне войны. В целом, это позволит пересмотреть стереотипные оценочные клише в отношении событий 1812 г. в Беларуси, которые сохраняются в исторической науке.

1. Лукашевич, А. М. Политическая ситуация в белорусско-польском пограничье и ее оценка российским руководством по данным разведки и контрразведки (1801–1812 гг.) / А. М. Лукашевич. – Минск : ИНБ Республики Беларусь, 2009. – 280 с.
2. Лукашевич, А. М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки / А. М. Лукашевич // Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы : материалы XV Междунар. науч. конф., Можайск, 9–11 сент. 2008 г. / Гос. Бородин. воен.-ист. музей-заповедник ; ред.-изд. совет: А. В. Горбунов (пред.) [и др.]. – Можайск, 2009. – С. 54–70.
3. Лукашевич, А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск : БГУ, 2010. – 319, 16 л. вкл. карт.
4. Лукашевич, А. М. Комитет охранения общей безопасности Российской империи (1807–1829) / А. М. Лукашевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2015. – С. 74–81.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 1165. Оп. 1.
6. ГАРФ. – Ф. 1165. Оп.
7. ГАРФ. – Ф. 1165. Оп. 3.
8. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I : с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851. – Т. 31 : 1810–1811. – [б. м. и.], 1830. – 941 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. I : с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851. – Т. 36 : 1819. – [б. м. и.], 1830. – 734 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. II : с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд-ния. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1884. – Т. 1 : 12 декабря 1825 – 1826. – [б. м. и.], 1830. – 1527 с.

Ильницкий К.О.
ПРОЕКТЫ УСТАВОВ О ЦЕНЗУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственный архив Российской Федерации обладает важнейшими архивными источниками по исследованию законодательства о цензуре Российской империи XIX века. Например, проекты уставов о цензуре рассматривались достаточно подробно. Их публиковали; обсуждение велось в официальной и частной переписке.

Узаконения о цензуре неоднократно пытались систематизировать посредством принятия специальных уставов. Первый устав о цензуре в России был принят в 1804 г., как «акт чрезвычайной важности» [1, с. 99].

Е.Н. Трубецкой акцентировал свое внимание на создании системы из-за множества законодательных актов, принятых ввиду различных обстоятельств на основании огромного количества запросов и потребностей общества. Масса юридических документов и нормативных актов делает очень трудной работу с ними, а, следовательно, и применение их на практике, в том числе из-за противоречия друг с другом. Поэтому можно говорить о потребности в обработке, сведению существующих законов в одно целое и созданию единого порядка [2, с. 125].

Систематизация законодательства о производстве цензурных дел позволила сгруппировать большое количество нормативных правовых актов этой сферы правоотношений. Так, например, в материалах по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. отмечалось следующее: «... Мы повелеваем составить на таковых началах полный Устав о цензуре, долженствующий заменить во всех частях изданный до ныне по сему предмету закон... сей устав а равно и Штаты Цензурного управления... повелеваем обнародовать для надлежащего исполнения... утвердив Положение /о правах сочинителей/... препровожаем... в Правительствующий Сенат для надлежащего исполнения» [3].

В XIX столетии уставы о цензуре неоднократно пересматривались. Это связано с излишним количеством императивных норм, которые сдерживали развитие творчества авторов. К примеру, правоведы-современники уставов о цензуре рассматриваемого периода обращали свое внимание на параграфы уставов, которые являлись для них «неясными, стеснительными», требующими к «обсуждению, уточнению, смягчению», «несправедливыми и вредными» [5]. Также они представляли свои собственные проекты по изменению и дополнению ряда статей уставов. Проект § 21 устава о цензуре 1828 г. предлагал следующее: «Никакие жалобы не принимаются, решение Главного управления цензуры считается вошедшим в законную силу и немедленно приводится в исполнение за пропущенные со стороны обвиняемого сроки на представление объяснения Главному управлению цензуры на подписание отзыва и на принесение Правительствующему Сенату апелляционной жалобы» [3].

Обращают на себя внимание предложения по изменению устава о цензуре, подробно рассмотренные составителем замечаний. Так, например, составитель указывал: «§ 14. Частные замечания. § 15. Обсудить. § 19. Обратить выгодно из главных начал (ненависть одного сословия к другому и подрывание согласия между ними. § 25 Несправедлив и вреден (зачем Высочайшая власть?). § 26. Преимущественно надобно уточнить. § 40. Иначе изложить. § 122. Книги иностранные. Надобно сказать: книги ввозимые из-за границы. Вообще глава вторая коротка. § 134. Не ясен, особенно конец. § 140. А как же все эти цензурные учреждения доставляют сведения местной полиции?» [8].

План 2го проекта замечаний на цензурный устав от 10 июня 1826 г. предусматривал: «сей устав не имеет определенных границ; по смыслу сих параграфов он содержит в себе смешение уголовных и полицейских установлений с цензурными; необходимость и возможность соединения в общий Цензурный Устав *Цензурные наказания для книг внутри России издаваемых и Цензурного наказа для книг из-за границы ввозимых.*» [8].

Выписка из письма из Москвы к Е.И. Елагиной в Орел о строгости нового цензурного устава, датированная 3 февраля 1858 г. сообщает о следующем: «все повесили голову от нового гнетущего цензурного устава. При комитете цензуры учреждаются 10 чиновников: по одному от каждого министерства. К ним будут относиться цензоры в касающаяся до их отдела, а московские газеты и журналы будут посылаться туда. Видите, что ничего нельзя печатать при этих условиях» [6].

Однако информация о вступлении в силу уставов о цензуре доводилось до сведения цензоров не всегда вовремя. Например, один такой случай приведен в записке о слухах в связи с пересмотром цензурного устава: «Уже несколько недель ходит слух, что министр просвещения намерен переменить Цензурный устав 25го апреля 1828 г. Поводом к сим слухам служило то, что в течение полугода закон утвержденный торжественно Государем Императором не приводим был в исполнение. Цензоры же

всегда ссылались на прежний устав в своих определениях, утверждая, что ... новый устав введен в действие предписанием министра, то они не почитают его действительным законом» [7].

Обратимся к частной переписке.

«Между тем из Риги пишут, что губернатор велел перевести новый устав для рижского цензора и хотел печатать сей устав, но удержался по дошедшим до него слухам, что устав будет скоро переменен и что в Дерпт даже не перевели оно и немецкий язык, ожидая перемен. При сем из Дерпта и Риги получают письма от профессоров и ученых с горькими жалобами. Они на сим новом уставе основывали свои литературные надежды... и вдруг получают известия, что происки и интриги подрывают один из лучших законов до приведения оно в исполнение» ... Цензоры не желают «лишиться представительских места в цензуре, таким образом, частные виды замедляют исполнение закона и стремятся к низвержению оно и общему согласию всех людей благонамеренных и беспристрастных» [7].

В другой переписке обращается внимание на замешательство чиновников, работавших над изменениями в устав о цензуре. «В разговоре с двумя литераторами в Москве Путятин высказал свои намерения. Оказывается, что он смотрит весьма здраво на цензуру и обещает сделать в ней весьма важные изменения. Он согласился вполне с теми требованиями, которые заявлены были в записке, составленной Катковым. Итак, Путятин обещает... хорошего касательно цензуры... Мы знаем по ответу, что можно говорить очень хорошо, и ничего не делать. К несчастью, совершенная дезорганизация Министерства народного просвещения, произведенная Пуятыным, удаление... всяких почти полезных деятелей подрывает самая лучшие надежды. Содействие таких людей как Толстой, Тихомадрицкий и др. едва ли принесет пользу Пуятыну. Так, например воскресные школы поступают исключительно в духовное ведомство. Радоваться этому конечно нельзя. Духовенство может конечно принести большую пользу для распространения грамотности, но достаточно ли у него для этого доброй воли, постоянства, энергии. Вот почему нужно ожидать, что школы не могущие существовать иначе как ценою самоотвержения со стороны учащихся придут в упадок» [4].

В целях исследования российского законодательства о цензуре не только проекты уставов о цензуре могут привлечь свое внимание, но и другие документы, относящиеся к цензуре.

Например, проекты наказа цензорам, которые выступали как инструкции по рассмотрению сочинений. Согласно порядку производства дел в высшей цензурной инстанции (по Уставу о цензуре 1826 г. данной инстанцией выступал Верховный цензурный комитет, который собирался по инициативе министра народного просвещения) правитель дел Верховного цензурного комитета ежегодно давал наставления цензорам. Наставление цензорам рассматривалось в Собрании Верховного цензурного комитета, а затем представлялось министром народного просвещения на утверждение императору. Наставление цензорам рассылалось в цензурные комитеты для «их сведения и наблюдения» [9].

Проектом устава цензурного комитета Министерства внутренних дел предусматривалось компетенция полиции и надзор министерства внутренних дел рассмотрение афиш и небольших публичных объявлений [10].

Отдельно следует выделить разъяснения Временного комитета для рассмотрения проекта цензурного устава Министерства внутренних дел, в протоколе от 2 июля 1834 г. которого, отмечалось следующее: «...постановить правила ближайшего надзора за книгопродавцами, относительно получаемых из-за границы книг, для точнейшего сведения о всех поступающих к ним запрещенных сочинений и подобной отчетности в оных» [11]. В данном протоколе требовалось усилить контроль за поступающими сочинениями и составления подробной отчетности.

Несмотря на значительное количество несогласий на проекты уставов о цензуре, в принятых в 1826 и 1828 гг. уставы о цензуре предлагаемые поправки обнаружены не были. Принятый 10 июня 1826 г. устав о цензуре действовал менее двух лет, до 22 апреля 1828 г., когда был принят новый устав. Это объяснялось избыточным регулированием отношений сочинителей и цензурных комитетов.

Государственный архив Российской Федерации содержит разнообразные источники, связанные с рассмотрением проектов уставов о цензуре Российской империи. Данные материалы могут быть использованы при исследовании российского законодательства о цензуре XIX века.

1. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб. : Государственная типография, 1902. – 840 с.
2. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Е. Н. Трубецкой. – М. : Т-во Типографии А.И. Мамонтова, 1917. – 226 с.
3. Материалы по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. (устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. (печатн.). Проект дополнительных правил к цензурному уставу 1828 г., проект дополнительного постановления к § 153–157 цензурного устава 1828 г., 1828 – 1835 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1780.
4. Выписка из письма Феоктистова Е. из Москвы князю Орлову в Брюссель об обещании министра народного просвещения Пуятына С. В. смягчить цензурный устав и с высказыванием автора письма отрицательного отношения к передаче воскресных школ в ведение Синода, 13 декабря 1861 г. // ГА РФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 3а. Ед. хр. 937.
5. Записка /без подписи/ с замечаниями на цензурный устав /?/ // ГА РФ. – Ф. 1155. Оп. 1. Ед. хр. 226.

6. Выписка из письма без подписи из Москвы к Елагиной Е.И. в Орел о строгости нового цензурного устава, 3 февраля 1858 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1801.
7. Записка о слухах по поводу пересмотра цензурного устава, 1828 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1789.
8. Уставы о цензуре (печатные) от 9 июля 1804 г. и от 10 июня 1826 г. (с правкой), план 2-го проекта замечаний на цензурный устав 1826 г., 1804–1826 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1782.
9. Проекты наказа цензорам, 1828 г. // ГАРФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 1а. 1826/1880. Ед. хр. 1784.
10. Записка об образовании цензурного комитета при Министерстве полиции (внутренних дел) (черновик) и проект устава цензурного комитета Министерства внутренних дел, 1826 г. // ГАРФ. – Ф. 109 с/а. Оп. 1а. 1826/1880 г. Ед. хр. 1788.
11. Протоколы заседаний комитетов для рассмотрения цензурного устава и пересмотра его, письмо Уварова С. С. Мордвинову П. Н. о числе ввезенных в Петербург книг в течение трех лет (1832–1834) и проект указа Сенату о цензурном уставе, 1828–1835 гг. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1781.

Фельдман Д.З.

ПРОШЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ ВЛАСТЯМ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Начало исследованию и публикации таких интересных и важных источников, как прошения или челобитные, в российской историографии было положено во второй половине XIX столетия. Что же касается еврейских прошений, то несколько таких документов из государственных архивохранилищ было введено в научный оборот в трудах князя Н. Н. Голицына [3] и видного еврейского историка Ю. И. Гессена [1; 2]. Традиция изучения прошений евреев в различные инстанции как ценных источников по истории и культуре евреев Российской империи была продолжена в исследованиях и публикациях ряда современных исследователей [4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 13; 14]. Имеются примеры современной публикации прошений российских евреев за рубежом, например, в сборнике «Everyday Jewish Life in Imperial Russia» [15], правда, собственно петиции властям (в основном, за вторую половину XIX – начало XX в., в переводе на английский язык) в нем занимают довольно скромный объем. Однако сколько-нибудь цельное осмысление еврейских прошений российским властям в качестве особого социального и культурного феномена в историографии пока отсутствует.

Законодательство о подаче прошений на высочайшее имя в Российской империи, периодически изменявшееся и дополнявшееся на протяжении XVIII–XIX вв., предполагало обращение со стороны исключительно частных лиц. Прошение следовало подавать через представителей местной администрации, которой был подчинен проситель, хотя и предполагалась конфиденциальность. Причем нарушение субординации допускалось только в исключительных конфликтных ситуациях, например, в случае подозрения в адрес непосредственного начальства, и тогда проситель должен был быть готовым обосновать свои подозрения на следствии и в суде. Практика непосредственного «доступа к телу» государя не исключалась, но была строго регламентирована ритуалом: просить можно было только по частному, семейному делу. Прошение могло содержать как жалобу на незаконность каких-либо действий, так и просьбу о милости, помиловании, отмене вынесенного на основании закона приговора, о неприменении закона в конкретном случае. Данная практика указывает не столько на пренебрежение к писанным нормам, сколько на иную логику и иное понимание того, кто в состоянии установить «истину» в конкретном деле: представители администрации, руководствуясь общим для всех описанием подобных обстоятельств в законодательстве и общей логикой, или государь, который вправе своей волей менять общие постановления. Существовало запрещение писать «скопом» и обращаться от коллективного имени, от лица сословия (исключение в ряде случаев составляли губернские «дворянские общества»), корпорации, полка или общины. Запрещалось подавать прошения за подписанием более одного человека, в противном случае такие прошения не только следовало уничтожить (сжечь), но и сами подписавшиеся нарушители должны были подвергнуться «законному взысканию».

Особое внимание при составлении и подаче прошений на высочайшее имя уделялось официальному обращению к монарху. В частности, вскоре после вступления на престол императора Павла I, 12 декабря 1796 г., был принят именной указ «О титуле Его Императорского Величества», в котором раздел VII «В прошениях» содержал следующую формулировку: «Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь, Император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловивейший! Просит имрек на имрека, а в чем мое прошение, тому следуют пункты (и писать пункт за пунктом). А по окончании пунктов в начинании прошения писать тако: И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было (и писать прошение). А в окончании: Всемиловивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить» [9, с. 231].

Практика же подачи и рассмотрения еврейских прошений (петиций или ходатайств) несколько отличалась от охарактеризованной выше законодательной нормы. Так, официально допускалась подача

прошений от имени кагалов и так называемых «еврейских обществ» (общин, объединений ремесленников) как коллективных юридических лиц. С прошениями по самым различным вопросам могли выступать и обращаться к властям также частные лица: поверенные различных профессиональных или региональных групп еврейского населения, легитимность которых определялась наличием доверенностей от этих групп и признавалась властью; еврейские депутаты, избранные кагалами или надобщинными объединениями, имевшие от них доверенности и действующие в функциональных рамках государственных учреждений, то есть включенные в структуру государственного управления; штадланы – представители еврейских общин, защищавшие интересы общины или отдельных ее членов перед властями, деятельность которых была построена на неформальных отношениях отдельных евреев с представителями власти и не сопровождалась какими-либо официальными письменными документами; маскилы (еврейские просветители, последователи идеологии еврейского Просвещения – Гаскалы) – интеллектуалы, отошедшие от традиционного еврейского мировоззрения и находившиеся под влиянием идей европейского гуманизма, ратовавшие за европейское образование. Наконец, евреи активно использовали прошения при обращении по частным вопросам к различным инстанциям, вплоть до самого монарха.

Термину «прошение» в исторических источниках предшествует термин «челобитная» (или «челобитье»), который встречается в административной документации даже еще в правление императрицы Елизаветы Петровны, а также при Екатерине II – в отношении тех прошений, которые направлялись в местные органы власти в качестве обязательных документов (например, о разрешении записаться в оклад местного купечества). При этом в тексте ранних документов екатеринского правления одновременно могли встречаться оба термина – и «челобитная», и «прошение». Следует также отметить и другие варианты заголовков подобных документов: «покорнейшее прошение», «всепокорнейшее прошение», «нижайшее прошение», «всенижайшее прошение». Видимо, по мысли их авторов, это должно было усилить просьбы, содержащиеся в ходатайствах, и с большей гарантией положительным образом повлиять на итоговое решение. В то же время многие прошения совсем не имели заголовков, что особенно характерно для документации периода правления Павла I.

Автором этих строк совместно с петербургским историком О. Ю. Минкиной проведена большая работа по выявлению еврейских прошений в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) – всего было выявлено и изучено около двухсот прошений, направленных евреями как российским монархам, государственным и военным деятелям, так и в различные центральные и местные учреждения. Среди их отправителей встречаем и представителей еврейской «элиты», и «простых» евреев и евреек. В географическом плане получается, что преобладает Белоруссия, что подтверждает тезис о большей политической и социальной активности евреев этого региона. При этом наиболее значительный по количеству прошений комплекс относится к правлению Александра I, что вполне объяснимо: при Екатерине II практика подачи евреями прошений властям только начала складываться, а царствование Павла I было сравнительно кратковременным. С предварительными итогами данного проекта и перспективами его дальнейшей разработки авторы ознакомили в свое время научную общественность [12].

Большая часть прошений находится в составе архивных дел, заголовки которых этот факт не отражают, и их выявление требовало значительных временных затрат. Подавляющее большинство прошений сохранилось в подлинниках (некоторые – на гербовой бумаге) и лишь немногие в копиях. Тексты, как правило, написаны на русском языке и лишь отдельные – на французском, латинском, польском и немецком; ко многим имеются русские делопроизводственные переводы. В своих ходатайствах евреи зачастую упоминают доверенности, выданные им кагалами, «еврейскими обществами» или отдельными лицами, либо аттестаты и свидетельства, полученные от русских сановников и чиновников, записки с «изъяснениями» и т.п. Эти тесно связанные с прошениями материалы, без которых зачастую неясна их суть, имеют важное значение для понимания истории создания и сохранения основного исторического источника.

Стоит коснуться также проблемы авторства прошений. Вполне естественно, большая их часть составлена и написана служащими или отставными чиновниками различных ведомств – русскими и поляками, представителями разных сословных групп (мещане, дворяне), благо составление прошений уже стало к тому времени неплохим побочным заработком – на это указывает соответствующая запись (типовая формула) в конце документов: «сие прошение со слов просителя (по словам точным просителя) сочинял и переписывал». Незнание письменного русского языка приводило к тому, что евреям приходилось прибегать к услугам кого-либо со стороны, в том числе к своим более образованным, «просвещенным» соплеменникам. В ряде случаев публикуемые прошения написаны самими евреями, более или менее знавшими русскую грамоту, о чем свидетельствует идентичный почерк текста и подписи под документом. В этой связи отметим, что прошения, видимо, вообще составлялись с ис-

пользованием общих клише. Что же касается ходатайств еврейских, то существуют свидетельства циркуляции «шаблонов» прошений в еврейской среде, причем неевреи, нанятые для их составления, могли также иметь подобный набор шаблонов.

Особо следует оговорить вопрос о подписях под прошениями. Многие из них – в основном, позднего времени – написаны по-русски. В редких случаях встречаются подписи, написанные латиницей: это также относится к поздним источникам. Большая же часть опубликованных прошений – еврейского происхождения: на иврите, еврейскими буквами на русском языке, то есть транскрипция или гибридная традиционная подпись на иврите с вкраплениями русских букв, на идише. О традиционной образованности, подписи, впрочем, не говорят: просители могли просто выучить свои подписи. Иногда под прошениями стоят еврейские подписи с русским переводом, что облегчает их идентификацию.

Следует подчеркнуть, что тематика еврейских прошений в целом отражает те вопросы, которые были вынуждены решать российские правители в различные исторические периоды. Данные документы отражают яркую и многостороннюю картину еврейского прошлого России: при Екатерине II – стремление еврейских предпринимателей войти в состав купеческих корпораций внутренних губерний, дальнейшее их исключение из столичного купечества и высылка из столичных городов, вследствие чего был дан старт процессу складывания и официального оформления в западных губерниях «черты постоянной еврейской оседлости»; при Павле I – притеснения со стороны землевладельцев, убытки, понесенные во время различных коммерческих операций или эпидемий, появление и содержание первых еврейских промышленных предприятий, распространение в иудейских общинах Литвы и Белоруссии хасидизма – религиозно-мистического движения, которое зародилось в первой половине XVIII в., повлекшее за собой междоусобную религиозную борьбу двух ветвей иудаизма – ортодоксов-миснагидов и хасидов; при Александре I – участие евреев в Отечественной войне 1812 года и других военных кампаниях в качестве агентов-информаторов и военных подрядчиков-поставщиков, деятельность еврейских депутатов при верховной власти, направленная на защиту интересов народа, выселение евреев из сел и деревень в города и местечки, приводившее к их массовому обнищанию; кроме того, внутренние и семейные конфликты и споры по правовым, экономическим и имущественным вопросам, криминал (преступность еврейская и по отношению к евреям) и прочие проблемы повседневной жизни.

Характеризуя прошения в целом, следует отметить, что данные источники можно рассматривать скорее как факты культурной истории евреев России, нежели как свидетельства о конкретных исторических событиях. Прогонения являлись документом, отражающим внешнюю сторону взаимодействия евреев с властью. Реальные причины принятия властью тех или иных решений, мотивировавшиеся ссылками на прошения евреев, часто остаются скрытыми или неясными.

1. Гессен, Ю. И. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев / Ю. И. Гессен. – СПб. : Типо-лит. А. Г. Розена, 1906. – 471 с.
2. Гессен, Ю. И. История еврейского народа в России / Ю. И. Гессен. – Л. : Тип. К.-О. Ленинградского губпрофсовета, 1925–1927. – Т. 1–2. – 685 с.
3. Голицын, Н. Н. История русского законодательства о евреях. 1649–1825 / Н. Н. Голицын. – СПб. : Тип. Мин-ва внутренних дел, 1886. – Т. 1. – 1116 с.
4. «Желаем записаться в российское купечество»: Прогонение евреев г. Митавы к графу А.П. Воронцову / публ. Д. З. Фельдмана // Источник: Документы русской истории. – 1997. – № 4 (29). – С. 34–36.
5. Минкина, О. Ю. Евреи и власть: депутатии 1773–1825 гг. в Российской империи / О. Ю. Минкина // Исторические записки. – 2007. – № 10 (128). – С. 165–201.
6. Минкина, О. Ю. Еврейская депутация к российским властям. 1812–1814 гг. / О. Ю. Минкина // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 151–155.
7. Минкина, О. Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825 / О. Ю. Минкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 344 с.
8. «Московское изгнание» евреев 1790 года / публ. Д. З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1996. – № 1 (11). – С. 170–195.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17635.
10. Фельдман, Д. З. Культурный феномен прошений белорусских евреев властям в конце XVIII – начале XIX в. / Д. З. Фельдман, О. Ю. Минкина // Белорусско-еврейский диалог в контексте мировой культуры: Материалы I Международной научной конференции (Минск, 28–30 апреля 2008 г.) – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – С. 258–265.
11. Фельдман, Д. З. Первые российские штатданы: витебский купец Цалка Файбишович / Д. З. Фельдман // Архив еврейской истории. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. 1. – С. 75–88.
12. Фельдман, Д. З. Прогонения евреев российским властям конца XVIII – начала XIX в.: по итогам выявления в государственных хранилищах / Д. З. Фельдман, О. Ю. Минкина // Отечественные архивы. – 2017. – № 5. – С. 24–33.
13. Фельдман, Д. З. Прогонения российских евреев Екатерине II: проблематика и результаты обращений / Д. З. Фельдман // Вторые Кремлевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25–26 сентября 2009 г.) – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 36–47.
14. Фельдман, Д. З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков: Опыт архивного исследования / Д. З. Фельдман. – М. : Древлехранилище, 2005. – 426 с.
15. Everyday Jewish Life in Imperial Russia: Select Documents. 1772–1914 // ed. by Ch. R. Y. Freeze and J. M. Harris. – Waltham : University Press of New England, 2013. – 648 p.

Ткачев А.С.
**КАРАИМЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ СЕРЕДИНЫ XIX В.**

Одним из старожильческих народов, присутствие которых фиксируется в Северном Причерноморье, начиная с эпохи средневековья, являются крымские караимы. О времени появления караимских общин в Литве существует несколько гипотез. Польский общественный деятель и историк Тадеуш Чацкий (1765–1813) писал о них следующее: «Согласное предание всех караимских синагог [т.е. общин] заключается в том, что они были переведены Витовтом В.[еликим] К.[нязем] Литовским из Крыма в Троки, в числе 383 семейств; равным образом во время другого своего похода, он перевел оттуда новые колонии в Луцк и Галич» [8, с. 103–104]. Данная версия, изложенная караимом-информантом Т. Чацкого, от которого он мог услышать историю появления караимов в Крыму и Литве, совпадает с концепцией, изложенной в более поздних работах М. Султанского и А.С. Фирковича [9, р. 30]. Однако в сообщениях караимских авторов имеется ряд противоречий. Например, в соответствии с текстом, приведенным в книге известного собирателя иудейских древностей Авраама Фирковича (1787–1874) «Авнэ Зиккарон» («Книга памятных камней», 1872 г.), «в 1218 году Великий Литовский Князь Витовт пошел войной на татар и дошел до острова Крыма, воевал, захватил в плен и взял с собой 483 караимские семьи и повел в Литву и приказал построить для них город, назвал его Новые Троки и дал им свободу, поля и земли и поселил в этом городе 330 семей» [7, с. 251–253]. Это сообщение следует рассматривать как не вполне достоверное, поскольку великий князь литовский Витовт родился около 1350 г., и в 1280 г. находиться в Крыму не мог. Таким образом, факты, изложенные в сочинениях караимских историографов XVIII–XIX вв., до сих пор не подтверждены документально. В соответствии с другой гипотезой, караимы, привлеченные коммерческими интересами, могли попасть в Великое княжество Литовское с территории Золотой Орды [9, р. 45].

В начале XV в. великий князь литовский Витовт, разрешив караимам поселиться в подвластных ему землях Литвы и Волыни, также предоставил им и привилегии, которые впоследствии были подтверждены и дополнены указами польских королей [5, с. 37–38]. Относительно основных занятий литовских караимов в средневековье и Новое время также существуют различные версии. Например, в соответствии с одной из теорий, часть караимов несла службу по охране мостов и Островного замка в Троках, а другая – занималась мелким ремеслом, торговлей, обработкой земли и т.п. Согласно другой версии, выдвинутой в XIX в., литовские караимы в большинстве своем являлись ростовщиками: «...и по сие время зажиточные люди этого общества не оставляют этого прибыльного промысла; и отдавая свои капиталы в рост, в обеспечение их берут у своих должников в арендное содержание мельницы, корчмы, а чаще всего ссудят под заклад движимого имущества» [5, с. 37–38].

Данный тезис имеет документальное подтверждение. Например, в извлечении из актов замка Луцкого 1791 г. сообщалось: «Сигизмунд, Божию милостию Король Польский, Великий Князь Литовский, Русский, Князь Прусский, Жмудский и иных объявляем сею нашею грамотою: били нам челом жида наши Троцкие, Гродненские, Брестские, Луцкие, все сколько их ни есть в вотчине нашей Великом Княжестве Литовском, о том, что брат наш Александр Король его милость прежде было приказал выставить им на государственную службу тысячу конных людей. В следствие того они били челом его Королевской милости, что издавна еще при Великом Князе Витольде и при Сигизмунде, и при отце нашем Короле Казимире его милости, жида никогда на войну не хаживали и не посылали» [5, с. 47].

В годы существования Великого княжества Литовского и Королевства Польского караимов зачастую приравнивали к евреям-рабанитам. Например, в апреле 1495 г. великий князь литовский Александр изгнал их из Литвы, в результате чего они были вынуждены переселиться в Польшу. Однако после того, как Александр стал польским королем, в 1503 г. литовские евреи и караимы были репатриированы, а конфискованное у них имущество – возвращено [1, с. 285].

Что касается информации о караимских общинах, существовавших на территории губерний Северо-Западного края в первой половине XIX в., то в официальных российских ведомственных изданиях приведены данные о том, что «караимы эти образом своих занятий совершенно непохожи на соплеменников своих, живущих в Крыму и других местах Новороссийского края, исключительно занимающихся торговлею. По собственному уверению Луцких Караимов, составляющих часть Крымских переселенцев, они в старину, как и теперь, никогда не купечествовали; и если в древних привилегиях встречается слово *handel*, то следует разуметь самую мелкую промышленность, которая и донныне осталась на долю беднейшему классу караимов» [5, с. 38].

В «Военно-статистическом обозрении Российской империи», изданном в 1848 г., проживавших в Виленской губернии караимов и татар наделяли «особенной честностью, кротостью и смирением характера», «всегдашней покорностью характера». По заключению статистика Генерального штаба подполковника Норденстрена, представители вышеуказанных общин были «весьма искус-

ны в торговле и даже сельской промышленности», занимались «исключительно хлебопашеством и огородничеством». «Местные власти, – подчеркивалось в описании, – не помнят примера, чтобы кто-нибудь из евреев-караимов и татар содержался в тюрьме за преступления». Далее Норденстрен заключал, что караимы и татары никогда не смешиваются между собою и с другими племенами и находятся на весьма низкой степени образования [2, с. 23]. По оценке российского тюрколога и гебраиста, профессора Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьева, в Литве караимы занимались преимущественно огородничеством и отчасти торговлею и подрядами [4, с. 46]. Проживавшие в Ковенской губернии караимы, по мнению составителей обзора, выгодно отличались от евреев-рабанитов: «...они опрятнее, честнее и менее суеверны, даже с виду мало похожи на жидов» [3, с. 47]. Впрочем, подобные проявления антисемитизма и ксенофобии не были редкостью в официальной прессе и законодательстве того времени [6, с. 158–177].

После присоединения Крыма к России в 1783 г. активная интеграция караимов в российское образовательное и культурное пространство обозначила необходимость создания учреждений конфессионального самоуправления. С вхождением в состав Российской империи территорий, присоединенных после разделов Речи Посполитой, часть караимского населения, ранее проживавшего на литовских и польских землях, в 1793–1795 г. стала российскими подданными. Вскоре деятельность по созданию учреждений конфессионального самоуправления была инициирована и литовскими караимами. Таким образом, и в Крыму, и в западных губерниях России «христианская государственность» и «караимское население» входили в непосредственный контакт, осуществляли разносторонние контакты, укрепляя российское присутствие в регионах.

1. Ахиезер, Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. История еврейского народа в России : от древности до раннего Нового времени / Г. Ахиезер ; под ред. А. Кулика. – Т. 1 : От Древности до раннего Нового времени. – Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 2010. – С. 292–320.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. IX, Ч. 2 : Виленская губерния. – СПб. : тип. Генерального штаба, 1848. – 43, [23] с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. – Т. IX, Ч. 1 : Ковенская губерния. – СПб. : тип. Генерального штаба, 1848. – 48, [18] с.
4. Григорьев, В. В. Еврейские религиозные секты в России / В. В. Григорьев // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб., 1846. – Ч. XV. – С. 11–49.
5. [Перлштейн, А.] Древние привилегии литовско-волинских караимов, извлеченные из актов замка Луцкого, сообщ. Перлштейном / [А. Перлштейн] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М. : Университетская тип., 1853. – Кн. 16. – С. 37–53.
6. Прохоров, Д. А. Отражение этнических стереотипов в официальных печатных изданиях и периодической прессе Таврической губернии конца XVIII – начала XIX вв. (славяно-еврейско-караимский контекст) / Д. А. Прохоров // Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции Сборник статей. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Институт славяноведения Российской академии наук. – М. : Пробел-2000, 2017. – С. 158–177.
7. Фиркович, А. Сефер Авнэ-Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем / А. Фиркович. – Вильна : [Фин и Розенкранц], 1872. – 199, 3 с. (на иврите).
8. Чацкий, Т. Исследования о евреях караитах / Т. Чацкий // Северный архив. – 1827. – № 6. – С. 97–111.
9. Kizilov, M. The Arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: A Survey of Sources and Critical Analysis of Existing Theories / M. Kizilov // Archiwum Eurasiae Medii Aevi, 12 (2002–2003). – P. 29–45.

Вовина-Лебедева В.Г. К ВОПРОСУ О ДУХОВНЫХ РОСПИСЯХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Духовные или исповедальные росписи (ведомости) давно используются в исторических исследованиях, более всего в трудах по генеалогии и при написании истории волостей, городов и т. п. Но есть и другие сферы, при исследовании которых данные духовных росписей могут быть неоценимыми источниками.

Рассмотрим два случая, относящиеся ко времени Николая I. Одна из росписей датирована 1830 г., другая – 1830-ми – началом 1840-х годов (под одним переплетом собраны несколько разновременных текстов). Первая духовная роспись (далее – ДР) составлена священником Кургоминского прихода Стефаном Кочериным, подписавшим ее вместе с дьячком Малахией Пустынным и пономарем Василием Павловым [6]. Как обычно в ней содержатся сведения о появлении прихожан «во Святую Великую четыредесятницу и прочие посты у исповеди и Святых таин причастия». Кургоминская волость Шенкурского уезда Архангельской губернии – одна из отдаленных волостей Русского Севера, в прошлом дворцовая (а в упомянутое время удельная) [2; 4; 5]. В этих местах было широко распространено староверие (стало изживаться только в кон. XIX в.). Не даром, многие известные собрания старообрядческих рукописей были обнаружены в результате археографических экспедиций именно в этих местах (в Кургомени, соседней Топсе, на Борке и т. д.) [1]. В Древлехра-

нилище Пушкинского дома хранятся рукописи старообрядческого содержания, происходящие оттуда или же адресованные жителям Кургомени и близлежащих мест [7].

Другой случай ДР относится к совершенно иному месту, и с Кургоминским приходом его роднит только удельный статус, который важно учитывать при их сопоставлении. Речь о пригородном столичном селе Усть-Ижора под Петербургом. О нем подробнее см. в нашей недавней статье [3]. Священник Яков Матвеевич Лабецкий (из старой священнической семьи Лабецких, родом из Гдовского у.) служил в усть-ижорской ц. св. Александра Невского (расположенной на месте битвы со шведами 1240 г. при впадении р. Ижоры в Неву) и был одним из самых приметных священнослужителей этой местности в XIX в. ДР по этому приходу сохранились только от времени его служения [9]. В 1842 г. из общего числа жителей села 1109 чел. у исповеди из числа взрослого населения обоего пола прихода не было лишь 127 чел. В ДР требовалось указать, по какой причине не было у исповеди то или иное лицо. О детях до семи лет писалось, что они не было «за малолетством», а о взрослых – «за нерачением» (как вариант – «за нерадением»). Если причины было священнику неведомы, ставилась просто помета «не был». У священника Лабецкого «за нерачением» не были у исповеди лишь 40 чел. (любопытно отметить, поскольку в ДР проставлялся возраст упоминаемых лиц, что это был молодежь и подростки). Предполагаем, что помета «за нерачением» означала отсутствие лица у исповеди, но при этом нахождением его по месту жительства, тогда как помета «не был» (в Усть-Ижоре в 1842 г. это 85 чел.) означает, что данное лицо (а их было больше, чем отсутствовавших «по нерачению»), видимо, в принципе отсутствовало на тот момент в селе. Поскольку речь идет о месте вблизи столицы, это отсутствие может быть объяснено уходом на работы и проживанием из-за этого не вместе с семьей, возможно, временном.

Кроме постоянного населения села, в ДР указывались все остальные люди, которые причащались в том или ином году. Так, в Усть-Ижоре в 1848 г. причастилось довольно много «разночинцев» с указанием мест, откуда они прибыли и указанием их социального статуса [9, л. 31–40]. В основном это крестьяне разных губерний, в том числе крепостные, иногда из довольно отдаленных мест, в том числе Витебской губ.: Невельского и других уездов. Эти данные рисуют картину большого наплыва пришлых крестьян предположительно для работы на Ижорских заводах, расположенных недалеко от с. Усть-Ижоры. Кроме того, указанная ДР содержит сведения не только о с. Усть-Ижора, но и о других окрестных населенных местах, откуда приходили на исповедь. Иногда эти люди записаны отдельными группами, по месту, откуда пришли. Так, встречается упоминание крестьян «корчминских», «дубенских», «софоновских», жителей Шлиссельбурга и т. п. Отдельно записывались крестьяне местных помещиков, например, крепостные гр. Д. Н. Шереметева, дворовые люди ген.-майора Н. В. Зиновьева, купцы и мещане [9, л. 23–30 об.]. Таким образом, мы получаем сведения и о дачном окружении храма, возможно, сезонном, которое также съезжалось для исповеди и причастия в Усть-Ижору как ближайшее крупное село с церковью. А 21 февраля 1833 г. в Усть-Ижоре причащались целая рота лейб-гвардии Павловского полка во главе с полковником Дмитрием Мельгуновым и капитаном Василием Небольсиным. Это не должно вызывать удивление, поскольку по берегу Невы выше с. Усть-Ижоры располагались военные лагеря, свидетельством чему остаются до сих пор названия некоторых поселков: Понтонный, Саперный. Пасха в тот год праздновалась 14 апреля, значит событие, о котором идет речь, имело место за неделю с лишним до начала Великого поста. Можно представить себе этот праздник, с участием большого числа военных, свидетелем которого были местные крестьяне. В целом, при исследовании ДР села Усть-Ижора возникает образ храма, который в 1830-х – 1840-х годах был религиозным и культурным центром большой пригородной территории, а анализ сохранившихся церковных описей за 1880-е годы, но содержащих сведения о вкладах в храм более раннего времени, дает нам представление и о том, что храм был почитаем и содержался в основном за счет прихожан [3, с. 123–128].

Если вернуться к первой из рассматриваемых ДР, а именно Кургоминской, мы увидим совершенно иную картину. Состав населения там был стабилен [5], но в глаза бросается катастрофически малое число крестьян, бывших у исповеди. Всего из 783-х крестьян волости (271 мужского и 412 женского пола, включая малолетних детей) исповедались и причастились в 1830 г. лишь двое (!) мужчин и одна (!) женщина, только исповедались (но не причастились) – 17 мужчин и 8 женщин [6, л. 352].

В литературе уже поднимался вопрос о невозможности точного подсчета числа староверов в местах их обитания, поскольку чаще всего там имело в рассматриваемое время место пассивное сопротивление официальной церковной культуре, выражавшееся в частности, в слабой активности приходов, а также в одновременной участии одних и тех же людей и в жизни прихода (формальном), и в старообрядческой общине [8]. Судя по данным ДР, в Кургомени подавляющее большинство крестьян в николаевское царствование были или открытыми или скрытыми (пассивными) староверами. Из населения прихода старше семи лет у исповеди и причастия не были 185 мужчин и 158 женщин. Из них по причине принадлежности к «расколу» отсутствовали 101 мужчина и 160 женщин.

По ДР трудно четко отделить людей, просто пассивных в отношении церковного прихода от их соседей и родственников-староверов. В ДР по Кургомени встречаются несколько видов пометок напротив лиц, не явившихся к исповеди и причастию: «ведомый раскольник», «по нерачению», «по малолетству», «за отлучкой» (один случай). Однако, во многих случаях в семьях глава семья или его жена, или и он и жена записаны «ведомыми раскольниками», а их дети не приходили будто-бы «по нерачению». Между тем, скорее всего речь идет о том, что старшее поколение было при каких-то обстоятельствах уже уличено в уклонении в «раскол», а о младшем таких данных пока не было. Возможно, это младшее поколение даже ходило иногда в церковь, формально посещало службы. Но трудно представить себе традиционную семью, где между ее членами могло существовать столь большое разномыслие по вопросам веры. То же самое можно сказать и о малолетних детях, выросших в староверческом окружении.

В том единственном случае, когда крестьянка была у исповеди и причастия, это была сноха хозяйина (жена сына), возможно, взятая из другой волости. Остальные члены ее семьи не были в церкви «за нерачением». Между прочим, они жили в Погостской деревне (то есть находившейся на погосте), и все остальные жители ее также к исповеди не ходили «за нерачением», а некоторые и «за расколом». Правда, следует учитывать, что издавна в Кургомени на погосте лишь одна половина считалась церковной [4].

По материалам ДР в Кургомени оказалось много незамужних старых девушек возрастом за 30 или за 40 лет. Обычно они жили в семье брата, как «девка Елена» 47-ми лет, не явившаяся на исповедь «за расколом», но могли жить и отдельно, как «девка Марья Васильева Буркова» 52-х лет, жившая «сестрою ее девкой же Домной» 49-ти лет. Обе не были у исповеди и причастия «за расколом». И та же причина указана почти у всех старых девок, не ходивших в церковь. Возможно, сохранение девственности как-то было связано с особенностями веры наиболее стойких в своих убеждениях кургоминских старообрядок, но этот вопрос еще нуждается в исследовании, поскольку имеются источники, правда, более позднего времени.

Необходимо оценить правку первоначального текста, внесенную в ДР. Во многих случаях в графе о причинах неявки к исповеди была сделана запись «за нерачением», а поверх написано «за расколом». Первое предположение состоит в том, что первоначальная запись ставилась священником автоматически, когда он точно не знал, уличено ли в расколе не явившееся лицо. После следствия, которое, вероятно, проводил он сам вместе с другими членами причта, если выяснялось, что неявка была вызвана староверием, помета в соответствующей графе менялась. Принимая такое объяснение, мы должны признать, что Стефан Кочерин не очень хорошо знал свою паству, что не удивительно, если учесть редкость посещения ею приходского храма.

Другое предположение может состоять в следующем: поскольку ДР составлялись в двух экземплярах, то перед отсылкой в Архангельскую духовную консисторию одного из них текст просматривался. Тогда в него и могла вноситься правка, если к этому времени выяснялось уклонение «в раскол» тех или иных лиц, первоначально не обозначенных в ДР «раскольниками».

Сравнительный анализ ДР показывает сильные различия в отношении к приходским храмам, местным священникам, исповеди и причастию. В данном случае они диктовались географическим расположением приходов, нахождением вблизи одного из них столичного города и казенных заводов, а в другом – проживанием большого числа старообрядцев.

1. Бобров, А. Г. Экспедиции на Северную Двину 1989 г. / А. Г. Бобров // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – Т. 46. – С. 476–491.
2. Вовина-Лебедева, В. Г. Деревня Тимофеевская Кургомениской волости Важского уезда в XVII – начале XVIII в. / В. Г. Вовина-Лебедева // Российское государство в XVI – начале XVIII века. : сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова / сост. А. И. Раздорский, под ред. Д. В. Лисейцева, П. В. Седова (Труды СПбИИ РАН. Вып. 7 (23)). – СПб. : Старая Басманная, 2022. – С. 413–421.
3. Вовина-Лебедева, В. Г. Крестьяне села Усть-Ижора и их храм / В. Г. Вовина-Лебедева // Петербургский исторический журнал. – 2022. – № 2. – С. 118–134.
4. Вовина-Лебедева, В. Г. Петр I и судьбы Русского Севера (по материалам переписных книг Важского уезда первой четв. XVIII в. / В. Г. Вовина-Лебедева // Петр Великий. Исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 175–183.
5. Вовина-Лебедева, В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII / В. Г. Вовина-Лебедева // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 96–107.
6. Государственный архив Архангельской области (ГАОО) – Ф. 29. Оп. 29. Д. 260. Л. 333–353.
7. Древлехранилище Пушкинского дома (Института русской литературы РАН (ИРЛИ РАН)). – Р. IV. Оп. 39. Коллекция В.М. Амосова–А. Ф. Богдановой. № 126, 180.
8. Пулькин, М. В. Господствующая церковь и старообрядчество в XVIII – начале XX в. Проблемы разграничения. По материалам Олонецкой епархии / М. В. Пулькин // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2016. – № 3. – С. 46–58.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) – Ф. 1000. Оп.1. Д. 1.

Сытько К.В.
**«ХРОНИКИ» РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ПРИХОДОВ ВИЛЕНСКОГО ДИОЦЕЗА
1848–1851 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

В многообразии источников, созданных римско-католической церковью, особо выделяются те документы, существование которых направлено на фиксацию исторических событий. Сказанное также относится к территории Беларуси, где в различные периоды создавались и функционировали разнообразные формы исторических материалов – от фундаментальных работ церковных историков до микронарративов в виде исторических ведомостей о костелах и ежедневных событийных дневников семинарий [12]. В данной статье рассматривается уникальный подвид исторических источников – «хроники», ведение которых охватило все приходы Виленской диоцезии в 1848–1851 гг. Автор видит необходимым поставить несколько важных вопросов в отношении данных документов:

Как появились «хроники» 1848–1851 гг. и каким был территориальный охват их ведения?

Какова структура «хроник» и почему данный термин используется в кавычках?

Каков информационный потенциал названных документов?

Чтобы понять контекстный фактор *появления «хроник»*, необходимо рассмотреть административную ситуацию, существовавшую в Виленском диоцезе. На протяжении 32 лет, с 1816 г., не произошло ни одной епископской консекрации. Диоцез управлялся епархиальными администраторами. Как итог, всё это время действовало апостольское правило «Sede vacante nihil innovetur», запрещающее вводить нововведения в административную и иную деятельность. Только в июле 1848 г. на епископский престол был консекрирован прелат Вацлав Жилинский (*до этого исполнявший обязанности администратора* [5, с. 117]) и данное правило перестало действовать [2].

В. Жилинский после консекрации лично объехал большинство парафий диоцеза и был везде тепло встречен местными верующими [1, с. 17–19]. Необходимо думать, подобная поездка натолкнула его на мысли о создании исторических описаний всех увиденных им костёлов.

Ещё одним фактором, подтолкнувшим прелата к мероприятиям по созданию приходских хроник, можно назвать развитую традицию хронологической записи событий в монастырях и орденских приходах Виленского диоцеза [9]. Приходы, подчинявшиеся епархиальной администрации, выпадали из исторического дискурса, влияя, тем не менее, на дискурс культурный. Данное обстоятельство, учитывая внимание культа латинского обряда к собственной истории [10, с. 17], являлось недопустимым.

В 1848 г. в приходские костёлы Виленской епархии была разослана куренда о необходимости создания «хроник», а также специальный печатный формуляр документа с помещенным на титульной странице названием «Kronika || Kościoła parafialnego w __, położonego w Dyceezji Wileńskiej, Gubernii __ || Powiesce __ Dekanacie __» [14, л. 1].

Священнослужителей обязали заполнить формуляр, засвидетельствовать верность содержащихся в нём сведений и отправить в канцелярию епископа до первого января 1850 г. Хронологические рамки были нарушены рядом приходов – в некоторых случаях создание хроник затянулось до конца 1851 г. [7, с. 81].

Помимо костелов, относившихся к диоцезу в 1848 г., «хроники» были обязаны подготовить те приходы Вилейского и Дисненского уездов, которые в июле 1849 года перешли из Минского диоцеза под юрисдикцию Виленской епархии, а также приходы присоединенного в конце 1849 г. Белостоцкого архидиаконата [13, л. 75]. Таким образом, авторами «хроник» становились все без исключения настоятели приходов Виленского диоцеза по состоянию на конец 1849 г.

Структура формуляра «хроники» представляла собой таблицу из 10 столбцов со следующими блоками вопросов:

Когда и кем начато строительство костёла; деревянный или каменный; когда и кем был выложен их камня, если первоначально был деревянным; в честь какого святого консекрирован; есть ли при костеле богадельня и кем она спонсировалась?

Кем были даны фундуши на содержание костёла, есть ли у него филиалы, в честь кого они назывались?

Уникальные надгробия, а также надгробия знаменитых людей, похороненных на приходском кладбище; какие надписи на этих надгробиях; какие существовали усыпальницы?

Сколько есть колоколов и какие на них присутствуют надписи? Кем колокола были консекрированы, сколько они весят в пудах?

Какие существуют исторические воспоминания о событиях в приходе согласно документам, преданиям, а также воспоминаниям старожилов?

Описание сакристии.

Какие в приходе существуют приходские праздники, братства?

Описание оформление костёла, описание икон и фигур, которые могут быть ценными как культурная ценность.

Кому принадлежал населенный пункт, в котором находилось здание костёла?

Количество живущих в приходе верующих римско-католического обряда, характеристика их моральных качеств [15, л. 1об. – 2].

Таким образом, «хроника» представляла описание прихода с кратким (1 пункт) историческим очерком. Это не позволяет отнести данные документы к виду «хроники и летописи», т.к. отсутствует главный видовой источниковедческий критерий летописательных записей – цельное последовательное описание исторических событий от момента зарождения явления, до момента, современного хронисту [11, с. 7]. Не относили названные материалы к виду хроник и сами священнослужители. Так, подобные документы в книгах исходящей корреспонденции приходов значатся как «Ведомости о костеле», либо «Анкета о костеле».

Можно сделать вывод, что Виленская курия планировала, что названные исторические источники будут вестись из года в год, создавая в совокупности хронику каждого отдельного приходского костёла. По факту, мероприятие по созданию исторических описаний приходов вызвало непонимание у священнослужителей и стало разовой акцией.

Несмотря на вышесказанное, *информационная ценность* «хроник» достаточно значима. Например, Ю. Марошек отмечал, что благодаря документу, составленному в белостоцком приходе, впервые была зафиксирована дата локализации Белостока – 1692 г. [цит. по: 5, с. 118].

Информативная составляющая «хроник» зависела от степени увлеченности настоятеля местной историей, его самоорганизации, а также знания исторических, физических и иных особенностей окормляемого им прихода [4, с. 145]. Встречаются как ненаполненные информацией материалы [8, с. 51], так содержащие множество информации исторического характера документы, примером которых служит шестистраничная (*вместо двух стандартных страниц*) «хроника» прихода в Наче [16, л. 1об. – 3].

Анализ 40 «хроник» показывает, что блоки вопросов 1–2, 4, 6–9 – компиляция сведений из инвентарей и актов визитации. Остальные ответы на вопросы формуляра записывались согласно личным наблюдениям священнослужителей. Таким образом, следует более детально рассмотреть блоки вопросов 3, 5, 10.

В разделе, где фиксировались сведения о надгробиях и усыпальницах, содержится информация о местах погребения местной шляхты. Учитывая неудовлетворительную сохранность многих мест захоронений, а также возрастающий интерес исследователей к погребальной культуре и инскрипциям на памятниках [3, с. 53–61], подобная информация обретает дополнительную ценность. Например, «хроника» Эйшишек Лидского уезда описывает несуществующие на сегодняшний день склепы и надгробия с «табличками с золотыми буквами» Крагельских, Цадронских, Грегоровичей, Турских, Карбовичей [17, л. 1об.]. В историческом источнике, составленном в Нетечи Лидского уезда, приводятся инскрипции всех памятников, погребенных около стен костёла фундаторов [18, л. 1об.].

Зачастую сведения приводились для несуществующих на момент составления записей могил, а также пустых склепов. Так, настоятель из Беньяконей Лидского уезда отметил, что известных захоронений не имеется, но «под старой каплицей был склеп, в котором погребен один из фундаторов костёла. Сегодня склеп разрушен» [19, л. 1об.]. В ясиновском приходе Белостоцкого уезда, согласно записям кс. Яна Бибуловича, сохранилось анонимное надгробие с надписью «В этом тихом месте, под этой горсткой земли нашли покой четверо детей, а с ними примерный отец» [20, л. 1об.]. Аналогичная информация содержится в большинстве проанализированных приходских «хроник».

Особый интерес, по причине утраты многочисленных документов различных приходов, вызывает столбец, в который вписывались исторические события. Большинство настоятелей делали формальную отписку «исторических воспоминаний не осталось», однако ряд источников содержит уникальные сведения. Наиболее часто фиксировалась информация о «чудотворных» иконах и фигурах, которые почитались местными прихожанами. Так, в материале прихода в Лунно Гродненского уезда имеется запись об иконе Наисвятейшей Марии Панны, которая была обнаружена в 1764 г. в зарослях орешника в миле от костёла, а также вписаны народные молитвы, посвящённые иконе [21, л. 1об.]. Аналогичным образом описана икона Девы Марии из Ружанастока Сокольского уезда [4, с. 149]. В некоторых приходах настоятели считали нужным описать своих предшественников. Например, в «хронике» Яново Кобринского уезда упоминается как «ревностный и усердный пастырь» кс. Андрей Боболя [22, л. 1об.].

Ряд «хроник» содержит данные об эпидемиях на территории Виленского диоцеза. Нередко встречаются сведения об эпидемии холеры 1830–1831 г. Некоторые «хроники» содержат информацию о заболеваниях, природу которых установить не представляется возможным. Так, в Тростянах Белостоцкого уезда в 1728 г. вспыхнула «мародерствующая чума», названная так из-за того, что за шесть месяцев в приходе умерло 1200 верующих [23, л. 2].

Ценным с точки зрения исторической и социальной антропологии выглядит раздел «хроник», в котором священнослужители записывали личные наблюдения касательно характера прихожан. В сумме получался просопографический портрет жителей определенного населенного пункта. Например, настоятель прихода в Лиде Лидского уезда Дионисий Хлевинский отмечал, что местные жители «...терпеливые, толерантные к иудеям, но слишком любят посещать корчму...» [24, л. 2]. Кс. Пётр Лебединский писал о жителях Василькова Белостоцкого уезда, что они «...делятся на две части – первая набожная, любящая Бога, вторая, особенно мужчины – бесхарактерная и склонная к пьянству...» [6, с. 130]. Прихожане заболотского прихода Лидского уезда описывались как «спокойные, ленивые до работы и мало набожные» [25, л. 2]. Священнослужитель клюшанского прихода Свентянского уезда отмечал, что приход лежит в лесистой и холмистой местности, что повлияло на изоляцию прихожан и их характер, «богобоязненный и нежный» [26, л. 2]. Подобные характеристики составлены для верующих римско-католического обряда всех без исключения приходов, при этом «склонность к пьянству» являлась одной из наиболее распространённых характеристик.

Таким образом, приходские «хроники» 1848–1851 гг. представляют собой листы-опросники, которые не имеют характеристик, позволяющих их отнести к виду «хроники и летописи». Подобное название данным документам дано по причине того, что главный инициатор их создания, епископ прелат Вацлав Жилинский, планировал серию продолжающихся годовых записей, чего не произошло. Тем не менее, данные исторические источники приобретают особую ценность за счёт массовости их создания, что позволяет исследовать срез микроисторической действительности совокупности приходов Виленского диоцеза за короткий промежуток времени. Как показал анализ «хроник» и их сравнение с иными сохранившимися документами приходского делопроизводства – основным источником информации для фиксации записей являлись инвентари и визиты. Часть записанных сведений, таких как информация о надгробиях и склепах, исторические данные о приходе, а также данные о характере прихожан являлись итогом личных наблюдений священнослужителя и опроса им местных жителей. Всё перечисленное делает приходские «хроники» 1848–1851 гг. ценным источником по истории Беларуси, который, однако, должен использоваться исключительно в совокупности с иными подобными материалами.

1. Akt uroczystego wstąpienia na biskupią katedrę wileńską JW. Waclawa Żylińskiego biskupa wileńskiego dnia 9 stycznia podług dawnego kalendarza 1849 roku odprawiony. – Wilno : Druk. A. Marcinowskiego, 1849. – 103 s.
2. Archbishop Waclaw Żyliński [Electronic resource] // The Hierarchy of the Catholic Church. Current and historical information about its bishops and dioceses. – Mode of access: <http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/bzyl.html>. – Date of access: 05.01.2023.
3. Грунтоў, С. У. Інскрыпцыі 1859–1918 гг. на каталіцкіх могілках мястэчка Новы Сверхань // С. У. Грунтоў / Epitaphium: пахавальная культура народаў Вялікага Княства Літоўскага / Нац. гіст. арх. Беларусі ; рэдкал. : А.Л. Воінаў [і інш.]. – Мінск : НГАБ, 2022. – С. 53–61.
4. Krahel, T. «Kronika» kościoła parafialnego w Różanymstoku z 1851 r. / T. Krahel // Rocznik teologii katolickiej. – Tom III. – 2004. – S. 145–151.
5. Krahel, T. «Kronika» kościoła farnego w Grodnie / T. Krahel // Rocznik teologii katolickiej. – Tom II. – 2003. – S. 117–123.
6. Kułak, A. Kronika kościoła wasilkowskiego z 1851 roku / A. Kułak, G. Ryżewski // Biuletyn konserwatorski Województwa Podlaskiego. – 2010. – № 15–16. – S. 123–136.
7. Kułak, A. Kroniki kościołów parafialnych dekanatu sokólskiego z lat 1849–1851 / A. Kułak, G. Ryżewski, W. F. Wilczewski / Biuletyn konserwatorski Województwa Podlaskiego. – № 14. – 2008. – S. 81–141.
8. Materiały do dziejów sztuki sakralnej. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego Województwa Wileńskiego / red. naukowa : Kałamajaska-Saeed, M. – Kraków, 2013. – Cz. III. – T. 4. – 288 s.
9. Paulouskaya, H. Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku: formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne / H. Paulouskaya. – Warszawa : DiG, 2016. – 183 s.
10. Сытько, К. В. Приходские хроники Виленской римско-католической архиепархии первой половины XX в. как исторический источник / К. В. Сытько // Религиоведение. – № 3. – 2022. – С. 17–27.
11. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 261 с.
12. Центральная научная библиотека Национальной академии наук Беларуси. Центр исследований старопечатных изданий и рукописей (ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР) – Ф. 23. Оп. 1. Д. 1146.
13. ЦНБ НАН Беларуси. ЦИСИР. – Ф. 23. Оп. 1. Д. 983.
14. Vilniaus universiteto biblioteka. Rankraščių skyrius (VU Biblioteka. Rankraščių skyrius.). – F. 4–(A.2807)36141.
15. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2909)36239.
16. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2796)36130.
17. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2667)36002.
18. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2795)36129.
19. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2558)36893.
20. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2915)36245.
21. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2746)36081.
22. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2914)36244.
23. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2901)36231.
24. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2757)36092.
25. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2687)36022.
26. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F.4–(A2726)36061.

Морова О.В.

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫГОВСКОЙ ОБЩИНЫ)

Памятные книжки – сборники материалов официальной губернской статистики как исторический источник хорошо известны научному сообществу, исследователям региональной и локальной истории и активно ими используются.

Богатейший комплекс сведений об административном устройстве губернии с описанием городов и территорий, путей и средств сообщения, состоянии промышленности, торговли, здравоохранения, народного образования, состава населения позволяет вести изыскания любой направленности.

Особую ценность имеют историко-краеведческие очерки, в которых описание локальных событий может служить яркой иллюстрацией или новым знанием национальной истории. Характерным примером дополнения истории старообрядчества в России стали материалы очерков в памятных книжках Олонецкой губернии, посвященных Выговской старообрядческой общине.

Раскольники в конце XVII–XVIII вв. бежали в Олонецкий край, гонимые мыслью о тяжелых и медленных муках от антихриста, которые могли вынудить их отречься от своей правой веры и лишиться последней надежды на спасение. В страхе староверы жгли себя сотнями и тысячами. «Дыма и смрада исполнилась русская земля от человеческих трупов» [1, с. 194].

В одном из удалённых мест на реке Выг в 70 км к северо-востоку от Повенца между Онежским озером и Белым морем в 1670-х гг. образовалось раскольническое поселение, которое при Петре I стало самым влиятельным и процветающим старообрядческим центром в России.

К первым поселенцам на Выге примыкали соловецкие беглецы и противники никонианства из разных концов страны. В 1677 году ими была построена первая часовня для моления. С 1694 года устроился Выгорецкий монастырь Даниловский, названный по имени первого настоятеля Данила Викулина.

В 1695 году в поселение прибыли братья Андрей и Семён Денисовы, благодаря которым Выговская община пришла к процветанию.

В 1706 году были основаны старообрядческие женский Крестовоздвиженский и Лексинский монастырь. Позже возник Тихвинский скит для беглецов из Тихвина, Ярославля, Каргополя и других мест. Вокруг монастырей раскинулось множество дворов, скитов, отдельных келий [2, с. 38].

Поселение на Выге разрасталось стремительно. В материалах памятных книжек оно называлось и Выговская община (общезительство), и Выго-Лексинская община, и село Данилово.

В 30-х годах XVIII в. община Данилова насчитывала уже до 12-ти тысяч насельников. Это был настоящий город, похожий на громадный объединенный мужской и женский монастырь. «Войдя в одну половину Данилова, путешественник в те времена был бы поражен тем, что встречал бы здесь только мужчин в странных, похожих на монашеские одеждах, иногда украшенных большими серебряными пуговицами, в круглых, с нашивными восьмиконечными крестами шапочках на головах, с большими кожаными лестовками (род монашеских четок) в руках». «Войдя в другую половину Данилова, отгороженную от первой деревянной стеною, путешественник встретил бы только женщин, одетых тоже по-монашески» [3, с. 180].

В Данилове действовало около 7 молитвенных домов. Это были характерные для севера деревянные постройки с высокими колокольнями, под шатровую в виде поставленного ржаного снопа крышей, украшенной луковичной главой с восьмиконечным крестом.

Алтарей в своих молитвенных домах даниловцы не строили, так как были убеждены, что в антихристовы времена, начавшиеся со времён царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, истинных священников на земле быть не может, поэтому службу они правили сами или поручали её править особым уставщикам и уставщицам.

Название зданий и помещений в Данилове показывали, что жизнь устроена по-монастырски: «игуменская», «старцова келья», «казначейская», «больница», «поварская» ...Каждая отрасль хозяйства, каждое ремесло имело здесь своих представителей и особую келью или здание: «хлебная», «кузнецкая», «медная», «возачья». Для гостей были две гостинные кельи [3, с. 181].

Между мужской и женской половиной Данилова посередине была часовня для общих молений мужчин и женщин, разделённая на правую (мужскую) и левую (женскую) половины. Смотреть друг на друга мужчинам и женщинам во время службы запрещалось и считалось грехом.

Все насельники Данилова придерживались безбрачия. Даже если прибывала на жительство семья с детьми, их разделяли на жительство по половому признаку. Видеть друг друга родные дети с родителями и мужья с женами могли через маленькое оконце в специально устроенной между разделительными стенами келье.

Всей жизнью Выговской общины по особым правилам управлял настоятель [3]. Братья Денисовы составили Уложение, которое утверждало правила общежительства выговцев, отношений между насельниками внутри общины и с пришлыми людьми, структуру управления различными сторонами жизни, устанавливало порядок взаимодействия с внешним миром, определяло виды и правила ведения хозяйственной деятельности, систему контроля за соблюдением Уложения.

Так, в общине нормировалось количество обуви и одежды для повседневного употребления насельников: новые шубы раздавались братии на 5 лет, кафтаны на 3 года, штаны на 3 года, шапки на 3 года, переобувки на 4 года. Книги, кому выдаются, – на 2 года. Смена одежды производилась только в субботу и воскресенье и только при предъявлении ветхой [4, с. 94].

Казначей строго следил за тем, чтобы у всех было две шубы (новая и старая), два кафтана, одни штаны, двое чулок, шапки две (зимняя и летняя) и т.д.

Городничий надзирал за сторожами, за приходящими и отходящими людьми, за братией во время книжного чтения, в кельях и на трапезе. настоятель.

Нарядник распределял братию на все внутренние хозяйственные дела и отхожие службы. Непосредственное руководство отдельным промыслом или службой возлагалось на выборных из числа добрых людей.

Для обеспечения монастырского продовольствия было разработано множество пахотных и сенокосных земель, а в 1710 году в Каргопольском уезде выговцы взяли в оброчное содержание более 13 000 десятин земли, благодаря чему они имели большое количество рогатого скота [3, с. 42].

В общежительстве имелись школы для обучения детей обоего пола грамоте, устроены больницы и богадельни, мастерские по переписке книг, литья медных крестов.

Правила общежительства в общине преследовали благие цели: оградить насельников от лжи, лени, стяжательства, распутства, воспитать в них братскую любовь, совесть, умение довольствоваться малым. Никто не имел права у себя держать золота, серебра, дорогой одежды, вещей. Для женщин, например, устанавливалось, что на шубах не должно быть «пухов бобриных, выдраных и т.п.», кружев не покупать и не делать самим, одежды должны быть чёрные из простого сукна или крашенины [4, с. 110–116].

Процветание выговцев продолжалось и после Денисовых. В начале XIX в. село Данилово красовалось высокими оградами, многочисленными часовнями, колокольнями, богадельнями, больницами, хозяйственными постройками, владело угодьями, конными дворами, фермами, мельницами и лесопильными заводами, рыбными промыслами.

Поверенные Выгорецкого общежительства разъезжали по всей России для проповеди и торговли. Монастыри ежегодно получали щедрые пожертвования. Богатые старообрядцы имели в общине братские дома, в которых до 50-х годов XIX в. проживали купцы и купчихи из Петербурга, Архангельска, Москвы и других городов. Из Толвуи, Кижей и Охты сюда посылали детей на воспитание [2, с. 44].

Отношение основателей общины Денисовых к петровским реформам было самое враждебное [2, с. 40]. Каким же чудесным способом удалось выговцам не только не пострадать от репрессий, но и создать беспримерные условия для длительного благоденствия? Памятные книжки дают ответ: дело в особом отношении Петра I к Олонии.

В 1702 году, когда Пётр проходил из Архангельска в Повенец, ему пришлось переходить через реку Выг. Представители скита сами вышли для встречи царя на дорогу и подали ему «униженейшую просьбу с изъяснением, что готовы служить Его Величеству, где и как повелит». По преданию, Пётр I сказал: «пусть живут» [5, с. 188].

Позже в 1705 году князь Меньшиков по поручению царя встретился с выговцами. Денисовы проявили уступчивость (стали молиться за государя), сдержанность и готовность работать на повенецких заводах. За это они получили право на самостоятельность во внутреннем управлении общины и на свободное отправление богослужения по старопечатным книгам.

Выговцы избрали старосту и выборного к мирским делам, которые по указу царя должны были «чинить ... всем правду...», следуя правилам:

- 1) устроить земскую избу;
- 2) обращаться по мирским и всяким делам к заводской администрации;
- 3) вести земскую ведомость жителей, выбрать десятников;
- 4) от всяких посторонних людей жителей оберегать, в обиду никого не давать;
- 5) если нужны будут земли, угодья и иные «довольности», то по обращению и по возможности даны будут [5, с. 188].

Правила оказались весьма приемлемые для старообрядческой общины. Самым неприятным было то, что староста должен был доносить обо всем на заводы. Но избранный самими выговцами

староста был человеком, преданным старой вере, поэтому на доносы и поступки против общины не способный.

В последующие годы выговцы своим отношением к Петру и властям сумели сохранить за собой данные им привилегии и приобретать новые. Андрей Денисов в 1711 году пожаловался к Петру I, что чиновники и духовные лица притесняют выговцев в промыслах и торговле. Последовал указ, запрещавший обиды и притеснения в адрес выговских общежителей под страхом жестокого наказания.

На просьбу Андрея Денисова в 1715 году Петр I дал общине свободу рыбной и звериной ловли.

В 1714 году все раскольники были обложены двойным подушным окладом, был введен запрет на избрание раскольников старостами. Но выговцев только в феврале 1724 года специальным указом Сената приказано всех переписать и обложить двойным окладом. Они просили освободить их от двойной подати, а взамен продолжить заниматься разведкой и добычей руды. Просьба их была удовлетворена [5, с. 189–190].

Объяснение феномена процветающей Выговской общины дал И.Н. Юркин. [6] Исследователь отметил, что, осваивая Олонецкий край в военно-промышленных целях, Петр I был очень заинтересован в грамотных, знающих рудные места, трудолюбивых и ответственных работниках. В северных краях России при низкой плотности населения взять требуемые рабочие руки было практически негде. При этом выговцы первыми продемонстрировали лояльность к власти и готовность работать.

Определенную роль, считает И.Н. Юркин, сыграло то, что на заводах работали иностранные специалисты, которых конфессиональная принадлежность работников не волновала. Им нужна была добросовестная работа и ее результат - в необходимом количестве руда.

Стечение таких факторов и привело к тому, что лояльные и сдержанные в проявлениях несогласия с государством члены Выговской общины смогли устроить своё благополучие.

После смерти Петра I на общину писались доносы. Для розыска присылались комиссии. Если приезжали духовные лица православной церкви, «розыски происходили неутраченные, но, к удивлению, все они кончались тем, что следователи, порядочно нажившись здесь, благополучно отпоявлялись на свои прежние должности или даже получали повышение по службе» [7, с. 79].

Если по доносу приезжали чиновники – офицеры с солдатами, то к насельникам общины применялись пытки и битье плетью. Солдаты ходили по деревням, всех палками загоняли в православный храм и смотрели, кто как крестится [7, с. 84].

Благодеяние закончилось в 50-х годах XIX в.: в 1854–55 годах все монастыри, скиты и кельи были уничтожены, «незаконно в них проживавшие высланы и таким образом это вредное и влиятельное гнездо беспоповского раскола – безвозвратно потеряло силу и значение» [2, с. 32].

Однако несмотря на разрушение «столицы всероссийского раскола» последователи Даниловского толка по данным губернской статистики в Олонецком крае были многочисленны и хранили особый уклад жизни и веру.

Таким образом, памятные книжки Олонецкой губернии дополняют историю старообрядчества ярким примером Выговской общины, бывшей длительное время социально приемлемой для государства.

Выявление и введение в широкий научный оборот новых фактов из разнообразных источников относится к числу актуальных научных задач исследовательских практик.

1. Самосожигательства раскольников в Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–69 год: год пятый / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск, 1869. – С. 194–196.
2. Из путевых заметок по Петрозаводскому и Повенецкому уездам: Данилов и Лекса. Прошедшее Данилова и Лексы. От Кяппельсальги до Спасской Губы // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год: год четвертый / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск, 1867. – С. 30–53.
3. Из истории Олонецкого старообрядческого раскола. Лекция о. Д. В. Островского, прочитанная 8 февраля 1910 г. в Петрозаводском Народном доме от Общества распространения образования // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1911. – С. 179–195.
4. Барсов, Е. В. Уложение братьев Денисовых. Материалы для истории Поморского раскола / Е. В. Барсов // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 год (год пятый) / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск: губернская типография, 1869. – С. 85–116.
5. Островский, Д. Очерк из истории Выговской старообрядческой пустыни / Д. Островский // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1909. – С. 188–191.
6. Юркин, И. Н. Государство и старообрядцы в первой трети XVIII века: действительно ли империя боролась с расколом? [Электронный ресурс] / И. Н. Юркин. – Режим доступа: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/137-1-0-909>. – Дата доступа: 05.05.2023.
7. Барсов, Е. В. Иван Филиппов. Выговский историк и настоятель. (Материалы для истории Олонецкого раскола) / Е. В. Барсов // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год: год четвертый / Олонецкий губернский статистический комитет. – Петрозаводск, 1867. – С. 54–100.

Палтаржыцкая Н.М.
ДА ПЫТАННЯ АБ ФАЛЬСІФІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ АКТАВЫХ КНІГ
У АРХІВЕ МІНСКАГА МАГІСТРАТА Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

Актавыя кнігі, якія былі створаны ў працэсе дзейнасці органа самакіравання горада – магістрата – з’яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння яго гісторыі. Сфера дзейнасці магістратаў была разнабаковай: тут павінны былі рэгістравацца акты натарыяльнага характару, гаспадарча-фінансавыя адносіны жыхароў горада, адміністрацыйныя стасункі і інш. Усё гэта стварала ўмовы для адлюстравання ў магістрацкіх кнігах розных бакоў жыцця тагачаснага грамадства. Аднак у сярэдзіне XIX ст. магістрат не меў ужо такога важнага статусу ў гарадах, як гэта было раней. Адпаведна, дакументы і кнігі, якія былі створаны ў яго канцылярыі знаходзіліся ў кепскім стане, адсутнічаў кантроль цэнтральных улад за іх захаваннем. Многія актавыя кнігі былі расшыты, частка дакументаў страчана ў выніку трымання іх у неадпаведных умовах. Дзеючыя архівісты, тлумачы такія стан архіваў, спасылаліся на сваіх папярэднікаў, перакладаючы віну за недахопы на іх або на наступствы ваенных дзеянняў ці пажараў. Такі стан архіўнай справы і непарадкі ў захаванні дакументаў спрошчалі фальсіфікацыю і падлог дакументаў аб шляхецкім паходжанні [1, с. 211]. Што датычыцца Мінска, шмат дакументаў і магістрацкіх кніг было згублена ў час вайны 1654–1667 гг. [2, с. 140]. Акрамя гэтага, у 1762 г. частка архіва Мінскага магістрата, які знаходзіўся ў камяніцы бурмістра Яна Давіда Шэйбы, страчана ў пажары. У час пажару 30 мая 1835 г у бернадзінскім манастыры кнігі Мінскага магістрата былі выкінутыя з келлі, дзе на той час захоўваліся. Яны доўга заставаліся раскіданымі на зямлі і ў выніку былі часткова знішчаны [3, арк. 405]. Не менш важнай прычынай малой колькасці захаваных мінскіх магістрацкіх кніг, асабліва за ранні перыяд, з’яўляецца пашкоджанне кніг падчас наладжанага тут працэсу вырабу падрыхаваных дакументаў у першай палове XIX ст. У 1851 г. была створана следчая камісія, якая распачала крымінальную справу “Аб беспарадках і злоўжываннях Мінскага гарадавога магістрата” [3, арк. 1]. Аналіз яе матэрыялаў дазваляе даць адказ на некалькі важных пытанняў: колькасны стан комплексу актавых кніг Мінскага магістрата, цэласнасць архіва і ўмовы яго захавання ў сярэдзіне XIX ст.

Падставай для расследавання фактаў злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі ў архіве Мінскага магістрата стаў данос калежскага рэгістратара Станіслава Аляхновіча. Ён абвінаваціў калежскага асэсара Ігната Немчыновіча фальсіфікатарскай дзейнасці [3, арк. 1–3]. Паводле слоў абвінаваўцы, Немчыновіч меў фальшывыя пячаткі, завяраў імі фальшывыя дакументы і падшываў у магістрацкія кнігі Мінска, да якіх меў службовы доступ [3, арк. 41]. У выніку вобыска ў доме Немчыновічаў следчымі знойдзены 13 старажытных дакументаў, сярод якіх быў рэестр за 1654–1695 гг. [3, арк. 36]. Было ўстаноўлена, што дакументы, якія выдаваў на пасадзе калежскага асэсара І. Немчыновіч, галоўным чынам ішлі ў Дваранскі дэпутатскі сход для пацвярджэння дваранства. Для праверкі выданных копій па загаду мінскага грамадзянскага губернатара была створана спецыяльная камісія ў складзе старшыні палаты Крымінальнага суда А. Маліноўскага і казённых спраў страпчага Ф. Рамішэўскага для правядзення рэвізіі архіва магістрата [3, арк. 139]. Пазней у яе склад былі прызначаны яшчэ перакладчык і два пісары. Чальцам камісіі было даручана праверыць усе магістрацкія кнігі на наяўнасць фальшывых дакументаў, а таксама знайсці, хто выдаваў, каму і для чаго з іх копіі.

Пры першапачатковым аглядзе камісія знайшла архіў Мінскага магістрата ў занябданні [3, арк. 11–12]. Так, пячаткі архіва аказаліся цэлымі, але дзверы былі не зачынены. Ніхто з апытаных службоўцаў і сакратара так і не змог адказаць, дзе захоўваюцца актавыя кнігі [3, арк. 24]. Пасля таго, як кнігі былі знойдзены, аказалася, што яны бессістэмна раскіданы на падлозе ў вільготным куце разам з іншымі справамі і паперамі. Шмат спаракхнелых старажытных дакументаў за канец XVI – пачатак XVII стст. былі вывалены ў кучу на гнілой рагожы [3, арк. 540]. У выніку чальцы камісіі адабралі тыя кнігі і дакументы, якія захаваліся ці захаваліся хаця б часткова (паводле справаздачы палова з іх ад дотыку распалася на часткі). Усе яны былі складзены ў мех і два кufры, пасля чаго планавалася іх перамяшчэнне і правядзенне праверкі на наяўнасць фальшывых дакументаў.

На пачатку перад камісіяй было пастаўлена пытанне, дзе наладзіць сваю працу. Бліжэйшым быў непасрэдна архіўны пакой магістрата, што не задавальняла чальцоў камісіі па некалькіх прычынах. Па-першае, ён прадстаўляў сабой цеснае памяшканне, і вылучыць там месца для камісіі не было нават магчыма. Па-другое, заняць пакой магістрата камісія не магла, бо тады б яго дзейнасць прыпынілася на некалькі месяцаў, што таксама было непрымальна [3, арк. 251]. Яшчэ адной прычынай, па якой камісія не пажадала пакінуць кнігі ў архіве пад наглядом яго службоўцаў было падазраэнне, што яны могуць знішчыць сляды сваіх злачынстваў. У выніку 9 лістапада 1851 г. архіў Мінскага гарадавога магістрата і архіў Сіроцкага суда былі перавезены [3, арк. 86 адв.]. З ветхага і вільготнага двухпавярховага дома купца 3 гільдзіі Абрама Голдзіна на вуглу вуліц Францішканскай і Захар’еўскай кнігі былі дастаўлены ў трохпавярховы каменны дом двараніна Роберта Ланеўскага на плошчы Высокага рынка [4, арк. 2 адв.]. Кнігі звалілі ў двух пакоях у кучы, замкнулі і апячаталі, а ключы ад дзвярэй пакінулі бурмістру Марку Шчатніковічу [3, арк. 246].

Толькі праз месяц была распачата праца камісіі, якая 12 снежня 1851 г. узяла на праверку з архіва Мінскага магістрата 161 кнігу. Пры пераглядзе сярод іх былі вылучаны 13 кніг (не актавыя), якія былі вернутыя ў магістрат. У 115 актавых кнігах чальцы камісіі не заўважылі ніякіх падробак, а вось у астатніх 33 знойдзены сумнеўныя дакументы (гл. табліцу ў дадатку). Да кніг быў складзены рээстр з інфармацыяй аб колькасці аркушаў і дакументаў у кожнай, прастаўлена новая нумарацыя дакументаў чорнымі чарніламі, усе без выключэння кнігі былі зноў змацаваныя, пустыя старонкі – перакрэсленыя. Што датычыцца пераплёту, то ў кнігах, дзе ён зусім сапсаваўся, быў зроблены новы ці адрамантаваны (калі была такая магчымасць) стары [3, арк. 178 адв.].

Адначасова з праверкай актавых кніг праходзіла следства па пытанні злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі былых ўраднаў і архівістаў Мінскага магістрата. Асаблівая ўвага надавалася зыходзячым дакументам з магістрата за 1835–1852 гг., каб даведацца, каму і па якой прычыне выдаваліся падложныя дакументы. Для гэтага быў складзены спіс службовых асоб за гэты перыяд, праводзіліся іх допыты і вобыскі [3, арк. 415–416 адв.]. У выніку было ўстаноўлена, што падложныя дакументы ў Мінскім магістраце складаліся для доказу дваранства ці для пошуку свабоды ад прыгоннага права, а таксама для доказу права на валоданне нерухомай маёмасцю. Самая вялікая колькасць дакументаў, паводле заключэння следчых, была створана для доказу дваранства. Паводле зверкі журналаў магістрата, большасць сумнеўных запісаў былі прадстаўлены ў Мінскі дваранскі дэпутатскі збор пераважна ў перыяд 1840–1843 гг. [3, арк. 545] Было высветлена, што фальшывыя дакументы выдаваліся не толькі дваранам Мінскай, але і іншых губерній. Паведамлялася, што ў большай частцы кніг, дзе былі выяўлены падробкі, пашкоджана пячатка, шмат дакументаў вырваны, а на іх месца ўстаўлены ці напісаны на белых старонках новыя, у некаторых месцах подпісы выпраўленыя [3, арк. 252 адв.]. У суме сумнеўных дакументаў у мінскіх магістрацкіх актавых кнігах камісія налічыла 1716 [3, арк. 543 адв.].

Цікавым з’яўляецца той факт, што былыя службоўцы магістрата (большасць з якіх ледзь змагла напісаць сваё прозвішча) сцвярджалі, што падпісвалі падложныя дакументы нават не ведаючы іх зместу на аснове дакладаў і даведак сакратароў. Тым не менш, у заключэнні камісіі звернута ўвага на тое, што некаторыя з іх усё ж удзельнічалі ў складанні падробак. З-за таго, што фальшывыя дакументы былі напісаныя рознымі почыркамі і часта асобамі, якія не з’яўляліся службоўцамі магістрата, камісія таксама прыйшла да высновы, што існавала асобная група, якая займалася складаннем падробных дакументаў [3, арк. 549 адв.].

Дзейнасць камісій па выяўленню падложных запісаў атрымала негатыўную ацэнку сучаснікаў і гісторыкаў з-за вялікай шкоды, нанесенай у час іх працы з дакументамі. Вельмі пацярапелі актавыя кнігі земскіх, гродскіх судоў, магістратаў канца XVIII ст., дзе фальсіфікаваныя дакументы сустракаюцца ў вялізнай колькасці: нумарацыя і перакрэсленне старонак былі зроблены неахайна і няўважліва, на некаторых перакрэсленых пазней аркушах фальсіфікатары рабілі дапіскі, шнураванне кніг было зроблена вельмі тонкім ваўняным шнурком, які хутка пераціраўся. Некаторыя кнігі былі прашнураваны далёка ад пераплёту і моцна зацягнуты вузлом так, што іх немагчыма было разгарнуць. Акрамя таго, не ўсе чальцы камісій рэальна ўдзельнічалі ў рэвізіі актавых кніг [1, с. 250].

Аднак на прыкладзе камісіі ў Мінску ў 1851 г. можна адначыць, што яе стварэнне выратавала архіў Мінскага магістрата ад канчатковага знішчэння. Пры параўнанні інфармацыі рээстра кніг чальцоў камісіі 1851 г. з вопісам захаваных на сённяшні дзень кніг гарадскога самакіравання Мінска можна вызначыць, што ўжо ў другой палове XIX ст. дзве самыя раннія кнігі з комплексу адносіліся да другой паловы XVII ст. Комплекс кніг за XVIII–XIX стст. быў перавезены ў больш спрыяльныя ўмовы з вільготнага і ветхага памяшкання, дзякуючы чаму кнігі захаваліся і да гэтага часу знаходзяцца ў фондах НГАБ.

1. Макарэвіч, В. С. Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII – XIX ст.) / В. С. Макарэвіч. – Мінск : БДУ, 2018. – 312 с.
2. Палтаржыцкая, Н. М. Да пытання аб лёсе актавых кніг менскага магістрата XVII ст. / Н. М. Палтаржыцкая // Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт. / Дэпартамент па арх. і справаводства М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Нац. гіст. арх. Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 9. – С. 136–141.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 350.
4. НГАБ. – Ф. 24. Воп. 1. Спр. 953.

Рээстр кніг Мінскага магістрата, разгледжаных камісіяй у 1851 г.

	Назва кнігі	Колькасць аркушаў	Колькасць дакуменў	Колькасць сумнеўных дакументаў
1	Актавая кніга за 1663–1680	1244	536	2
2	Актавая кніга за 1720–1733	375	145	43
3	Актавая кніга за 1733–1740	574	272	21
4	Актавая кніга за 1740–1743	710	289	-
5	Актавая кніга за 1739–1747	819	301	-

6	Актавая кніга за 1747-1748	552	233	24
7	Актавая кніга за 1749-1751	781	280	-
8	Актавая кніга за 1752-1754	675	297	63
9	Актавая кніга за 1755-1757	663	301	78
10	Актавая кніга за 1758-1759	553	222	17
11	Актавая кніга за 1760-1761	605	310	73
12	Актавая кніга за 1762-1764	736	388	64
13	<i>Адаслана ў магістрат</i>			
14	Актавая кніга за 1772-1778	425	199	60
15	Актавая кніга за 1778-1783	766	358	163
16	Актавая кніга за 1784-1788	506	390	237
17	Дзве кнігі (назвы не ўказаны)	1) 447 2) 728	142; 543	12; 242
18	Актавая кніга за 1797-1817	265	288	200
19	<i>Адаслана ў магістрат</i>	397	368	-
20	Актавая кніга за 1804-1809	387	250	54
21	Актавая кніга за студзень 1810 - 19 чэрвеня 1812	353	198	22
22	Явачная кніга 1810-1817	261	167	24
23	Кніга рашэнняў № 25 1797 - 12 ліпеня 1809	307	290	-
24	Актавая кніга за № 26 1804-1806	354	343	18
25	Актавая кніга за № 27 1807-1808	605	587	2
26	Актавая кніга за № 28 1810-1812	726	703	-
27	Актавая кніга за № 29 1813-1816	598	575	-
28	Актавая кніга за № 36 (паточная) 1787-1794	467	447	-
29	<i>Працікол прызнанняў 1674-1680, адасланы ў магістрат</i>			
30	Кніга верыцельных пісем 1796	63	182	-
31	Тое ж 1797	79	183	-
32	Тое ж 1798	38	104	-
33	Кніга кантрактаў 1796-1797	18	23	-
34	Явачная кніга 1800	54	116	-
35	Тое ж 1803	51	119	-
36	Тое ж 1805	39	85	1
37	Тое ж 1806	47	94	-
38	Тое ж 1810-1812	88	136	-
39	Тое ж 22 красавіка 1813 - 16 жніўня 1814	231	102	-
40	<i>Праціколы розных тлумачэнняў 1815, адасланыя ў магістрат</i>			
41	Явачная кніга 18 жніўня 1816 - 18 верасня 1817	76	112	-
42	Працікол [...] 1817	43	168	-
43	Кніга паточная 1817-1818	296	282	-
44	(назва не ўказана)	239	152	-
45	Явачная кніга 1819	176	165	5
46	Кніга паточная 1819	166	131	14
47	Явачная кніга 1817-1818	124	174	27
48	Кніга "спраў вячыстых" 1819	84	146	9
49	Тое ж 1820	162	159	-
50	Кніга явачная 1820	100	139	-
51	Крапасная кніга 10 чэрвеня 1821 - 21 чэрвеня 1822	182	184	-
52	Кніга явачная 22 снежня 1820 - 14 чэрвеня 1822	142	215	-
53	Крапасная кніга 28 ліпеня 1822 - 7 лістапада 1823	186	182	-
54	Тое ж 6 лістапада 1824 - 25 лістапада 1825	146	158	-
55	Кніга явачная 13 лістапада 1823 - 6 чэрвеня 1826	92	159	-
56	Тое ж 15 ліпеня 1822 - 10 лістапада 1823	100	163	-
57	Крапасная кніга 25 лістапада 1825 - 3 студзеня 1827	183	229	1
58	Працікол прызнанняў 1820-1825	64	297	-
59	Кніга явачная 1826	113	173	-
60	Кніга прызнанняў 25 лістапада 1825 - 6 кастрычніка 1827	50	231	-
61	Явачная кніга па 1827	82	87	1
62	Крапасная кніга 1827	136	148	-
63	Тое ж 1828	69	85	-
64	(назва не ўказана)	58	68	-
65	Кніга явачная 1828	127	76	-
66	Кніга прызнанняў 1 верасня 1828 - 19 красавіка 1829	63	67	-

67	Кніга manif. Па 1828	46	70	-
68	Явчная кніга 1829	188	165	-
69	Кніга прызнанняў 1829	142	131	35
70	Крапасная кніга 1 верасня – 30 снежня 1830	88	53	-
71	Крапасная кніга за майскую трэць	85	98	-
72	Тое ж за студзенскую трэць 1830	94	98	-
73	Крапасная кніга 1830	94	163	-
74	Тое ж 1831	89	111	-
75	Тое ж 11 чэрвеня -30 снежня	94	140	-
76	Явчная кніга 1831	135	136	-
77	Крапасная кніга 13 ліпеня –14 лістапада 1832	92	120	-
78	Крапасная кніга 11 лістапада 1832 – 9 мая 1833	102	140	-
79	Явчная кніга 9 студзеня – 28 кастрычніка 1832	114	128	-
80	Тое ж 28 кастрычніка 1832 – 10 кастрычніка 1833	168	201	-
81	Крапасная кніга 8 мая 1833 – 17 студзеня 1834	138	189	-
82	Явчная кніга 10 лістапада 1833 – 31 снежня 1834	225	207	-
83	Крапасная кніга 1834	91	87	-
84	Явчная кніга па 1834	79	91	-
85	Тое ж 1834	77	198	4
86	Крапасная кніга 2 студзеня – 12 снежня 1835	59	57	-
87	Явчная кніга 3 студзеня – 2 ліпеня 1835	135	169	-
88	Явчная кніга 28 ліпеня – 29 кастрычніка 1835	112	151	-
89	Тое ж 11 студзеня – 25 ліпеня 1835	22	62	-
90	Тое ж 30 кастрычніка – 23 снежня 1835	41	69	10
91	Тое ж за студзенскую трэць 1836	38	28	-
92	Крапасная кніга за майскую трэць	43	33	-
93	Тое ж за вераснёвую трэць	40	29	-
94	Явчная кніга 1836	187	325	-
95	Тое ж 23 верасня 1836 – 17 мая 1837	144	240	-
96	Працякі прызнанняў 1836	20	92	-
97	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1837	16	11	-
98	Тое ж за майскую трэць	30	27	-
99	Тое ж за вераснёўскую трэць	31	28	-
100	Явчная кніга 19 мая 1837 – 27 красавіка 1838	189	314	-
101	Працякі прызнанняў 1837	18	70	-
102	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1838	26	17	-
103	Тое ж за майскую трэць 1838	-	-	-
104	Тое ж за вераснёўскую трэць 1838	30	21	-
105	Явчная кніга 28 красавіка – 15 снежня 1838	146	326	1
106	Працякі прызнанняў 1838	24	145	-
107	(назва не ўказана)	17	53	-
108	Пераклады 1838	4	3	-
109	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1839	26	28	-
110	Тое ж за майскую трэць	33	27	1
111	Тое ж за вераснёўскую трэць	37	32	-
112	Явчная кніга 3 студзеня – 1 снежня 1839	192	370	-
113	Працякі прызнанняў 1839	23	89	-
114	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1840	32	25	-
115	Крапасная кніга за майскую трэць	48	41	-
116	Тое ж за вераснёўскую трэць	46	39	-
117	Явчная кніга 4 снежня 1839 – 27 жніўня 1840	194	299	-
118	Тое ж 3 верасня – 31 снежня 1840	128	205	-
119	Працякі прызнанняў 1840	20	84	-
120	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1841	67	48	-
121	Тое ж за майскую трэць	27	20	-
122	Тое ж за вераснёўскую трэць	31	25	-
123	Явчная кніга 2 студзеня – 4 чэрвеня 1841	165	195	-
124	Тое ж 4 чэрвеня – 30 снежня 1841	225	337	2
125	Крапасная кніга за студзенскую трэць 1842	26	20	-
126	Тое ж за майскую трэць	27	15	-
127	Тое ж за вераснёўскую трэць	8	6	-
128	Явчная кніга 3 студзеня – 22 чэрвеня 1842	192	270	-
129	Тое ж 22 ліпеня – 20 кастрычніка 1842	118	183	-

130	Тое ж 21 кастрычніка – 31 снежня 1842	102	130	-
131	Крапасная кніга за студзенскую і майскую трэць 1843	22	14	-
132	Тое ж 1 верасня – 31 снежня 1843	9	20	-
133	Явачная кніга 4 студзеня – 30 ліпеня 1843	118	121	-
134	Тое ж 29 ліпеня 1844	61	85	-
135	Тое ж 1843	26	61	-
136	Крапасная кніга 25 студзеня – 28 лютага 1844	31	20	-
137	Явачная кніга 7 студзеня – 20 кастрычніка 1844	40	36	-
138	Тое ж 27 красавіка – 19 лістапада 1844 г.	102	111	-
139	Тое ж 9 студзеня – 13 ліпеня 1845	100	71	-
140	Тое ж 15 ліпеня – 16 лістапада	140	81	-
141	Тое ж 19 лістапада – 31 снежня 1845	48	30	-
142	Тое ж 25 мая – 6 лістапада 1846	97	138	-
143	Тое ж 6 лістапада – 31 снежня 1846	58	45	-
144	Тое ж 3 студзеня – 24 мая 1846	108	61	-
145	Тое ж па 31 ліпеня 1847	144	115	-
146	Тое ж 4 жніўня – 3 студзеня 1848	116	235	-
147	Тое ж 1848	209	201	-
148	Тое ж 1849	118	117	-
149	Тое ж 1850	32	26	-
150	Абвяшчэнні аб згарэўшых дакументах 1763	6	1	-
151	Прагакол унясенняў	92		-
	У суме Заўвагі: у актавай кнізе з 1810 – па 19 ліпеня 1812 [...] 22 дакументаў трэба думаць 16-ць. У выніку за вылікам 6-ці дакументаў, [...] сумнеўных дакументаў тысяча семсот шаснаццаць.	26632	23378	1530

Кароль М.М.

**БАРАЦЬБА З ЭПІДЭМІЯМІ НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБСКОЙ ГУБЕРНІ Ў XIX СТ.:
ПА МАТЭРЫЯЛАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ¹**

Халера закранула ўсю тэрыторыю Беларусі і хвалімі праходзіла па беларускіх губернях на працягу ўсяго XIX ст. Найбольш яна лютвала ў 1830, 1848, 1853, 1856, 1860–1870-я, 1893, 1910 гг. Халера належыць да вострых інфекцыйных захворванняў, пры адсутнасці лячэння яна можа скончыцца смяротным вынікам за некалькі гадзін. Але першапачаткова крыніцы яе ўзнікнення і шляхі распаўсюджвання вызначаліся няправільна. Існавала памылковае ўяўленне аб тым, што прычынай хваробы з'яўлялася не бактэрыя віда «Vibrio cholerae», а так званыя «міязмы» – пахі шкоднага паветра балотаў або адкідаў жыццядзейнасці чалавека. Узровень прафілактычных мер адпавядаў тагачасным уяўленням і ўзроўню медыцыны².

Мясцовымі органамі ўлады ажыццяўляліся мерапрыемствы па прадухіленні распаўсюджвання халеры. Рабілася захады, каб зменшыць магчымасць кантактаў з заражанымі асобамі: закрыццё школ і адпраўка вучняў на канікулы, адмена масавых мерапрыемстваў, абавязковай з'яўлялася ізаляцыя хворых і памерлых, ствараліся заставы для спынення і праверкі суднаў, якія накіроўваліся з небяспечных у эпідэмічным плане месцаў. У мястэчку Ула Віцебскай губерні ў 1831 г. падчас эпідэміі халеры была арганізавана абсервацыйная застава [2, арк. 2].

У канцы XIX ст. пасля адкрыцця французскага хіміка Луі Пастэра, які даказаў сувязь паміж хваробай і мікробамі, стала зразумелым, што халеру выклікае брудная вада. Пачалі друкавацца і распаўсюджвацца сярод насельніцтва новыя правілы, якія акрэслівалі тое, як засцерагчыся ад хваробы.

Для барацьбы з халерай і іншымі захворваннямі ў 1852 г. былі ўтвораны губернскія камітэты грамадскага (народнага) здароўя. У склад камітэтаў уваходзілі губернскі і павятовы маршалкі дваранства, кіраўнік Палаты дзяржаўных маёмасцей, інспектар губернскай урачэбнай управы, старшы ветэрынарны ўрач, паліцмайстар (або гараднічы), гарадскі галава, прадстаўнік духавенства. Яны функцыянавалі да 1865 г., затым, з улікам паляпшэння эпідэмічнай сітуацыі, іх функцыі былі перададзены урачэбным аддзелам губернскіх праўленняў.

Прасочым супрацьэпідэмічныя, санітарныя і гігіенічныя мерапрыемствы, якія прымаліся ў гэты час на прыкладзе з халерай у павятовым горадзе Лепель і мястэчку Бешанковічы Віцебскай гу-

¹ Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы БРФФД, Грант Г21М-011.

берні. 18 ліпеня 1853 г. Лепельскі земскі спраўнік рапартаваў, што на халеру захварэла чатыры чалавекі, памёр адзін [10, арк. 2]. З цягам часу становішча пагоршылася. Масава сталі хварэць мясцовыя жыхары і прыезджыя гандляры.

Мясцовым жыхарам забаранялася спажываць шкодную ежу, гародніну і розныя ягады [10, арк. 4 адв.]. Зрэшты, такі падыход сумяшчаў у сабе як навуковыя падставы, так і звычайныя забабоны. Адна яўрэйка з Полацка казала, што захварэла на халеру, бо «ў дарозе паела агуркоў» [10, арк. 5]. У хворых назіраліся наступныя праявы захворвання на халеру: ваніты, дыярэя, курчы рук і ног, астуджэнне ўсяго цела, страта голасу, затрымка мачы.

Хворых адпраўлялі ў адмысловыя халерныя бальніцы [10, арк. 17]. Але не ўсе населеныя пункты былі ў дастатковай ступені забяспечаныя неабходным памяшканнямі, урачамі і сродкамі лячэння і засцярогі. Гэта тычылася шпіталёў, іх персаналу, а таксама медыкаментаў.

Нават у Лепелі, які меў статус павятовага горада, адсутнічала адмысловая ізаляваная бальніца для хворых на халеру. Таму мясцовыя ўлады ў ліпені 1853 г. прасілі губернскае кіраўніцтва аб адкрыцці бальніцы і прызначэнні для барацьбы з эпідэміяй халеры асобнага ўрача. На гэтую пасаду меркавалася прызначыць доктара Рымашэўскага.

Часцей за ўсё, гарадскія ўлады заключалі кантракт з кім-небудзь з мясцовых жыхароў на арэнду памяшкання пад патрэбы бальніцы. Так адбылося і ў дадзеным выпадку. З кастрычніка 1853 г. кантракт на перадачу памяшкання пад халерны шпіталь быў заключаны з жыхаром Лепеля Нахімам Гейльманам. Ён здаў свой дом у арэнду па кошце 20 рублёў у месяц [10, арк. 38].

У Лепелі, як ва ўсіх гарадах Расійскай імперыі, ў 1850-я гг. бушавала эпідэмія азіяцкай халеры. Да найбольш распаўсюджаных яе сімптомаў адносіліся агульная слабасць, боль, ціск пад сэрцавай ямкай, прыгнечаны маральны стан, рэзь у жываце, млоснасць, рвота, дыярэя, карчы канечнасцяў, моцнае зморванне, знікненне пульсу і мачааддзялення. Паступова хворы нібы ледзянеў, сімптомы пераходзілі ў «тыф» або хворы паміраў [8, арк. 1 адв.].

Эпідэмія закранала ў той ці іншай ступені ўсе населеныя пункты Лепельскага павета. З мэтай кантролю справаздачы аб стане захворванняў на халеру падаваліся штотыднёва [9, арк. 2].

Шмат у чым распаўсюджанне халеры было звязана з перасоўваннем войскаў. Віцебская ўрачэбная ўправа ў ліпені 1856 г. адзначала, што з 1 ліпеня 1856 г. у шпіталі губерні стала паступаць шмат хворых на халеру менавіта з розных палкоў, якія праходзілі праз тэрыторыю Беларусі.

Зразумела, што ад халеры цярпела і цывільнае насельніцтва, і не толькі ў гарадах, але і ў сельскай мясцовасці. У маёнтку Цяпіншчына памешчыка Лісоўскага ў перыяд з 9 па 19 чэрвеня 1856 г. захварэлі 54 чалавекі, з якіх 16 памерлі. Але ўжо па стане на канец кастрычніка 1856 г. ў вёсках памешчыка Лісоўскага эпідэмія скончылася.

У ліпені 1856 г. у вёсцы Запруддзе памешчыка Вінцэнта Лускіны з'явілася халера сярод сялян. Сімптомы былі тыповымі для дадзенай эпідэміі: панос, рвота, карчы, боль у грудзях. Паводле першасных звестак, захварэлі 15 чалавек. Для барацьбы з дадзенай успышкай былі ўжыты наступныя захады. Павятовым урачом Бышэўскім быў складзены акт аб санітарным і эпідэмічным стане ў маёнтку Асінаўка памешчыкаў Юзафа і Вінцэнта Лускінаў. На падставе складзеных тым жа ўрачом рэкамендацый землеўласнікі арганізавалі размяшчэнне хворых у асобных лазарэтах, забяспечаных лекавымі сродкамі [3, арк. 15].

Лячэнне заразных хвароб, асабліва тых, якія з'яўляліся масавымі і неслі неверагодную небяспеку для насельніцтва, часта сутыкаліся з супраціўленнем з боку людзей, якія не спяшаліся выконваць распараджэнні ўрачоў. Так здарылася і ў выпадку памешчыка В. Лускіны.

Па-першае, земскі ўрач настойваў на тым, што памешчыкі павінны карміць хворых сялян іншым хлебам, бо ўзоры хлеба з маёнтка, прадстаўленыя ў земскую паліцыю, правакавалі страўнікавыя хваробы і не дапамагалі ў лячэнні халеры [3, арк. 16 адв.].

У сваю чаргу В. Лускіна з часам наогул адмовіўся выконваць рэкамендацыі ўрачоў. Ён заявіў, што сам у стане вырашыць, як лячыць сялян, бо «вашы лекі аказаліся шкоднымі». Землеўласнік прадставіў уласны план лячэння выпадкаў захворвання на халеру, які ўжо ў тыя часы з пункту гледжання медыцынскай навукі выглядаў непераканаўчым. Памешчык меркаваў лячыць халеру наступнымі сродкамі: мыццё ў цёплай вадзе, лімон, вапнавая вада, шкіпінар і перац. На думку В. Лускіны, крыніцай узнікнення халеры з'яўляліся глісты. Таксама побач з хворымі ў маёнтку не было фельчара, які мог бы аказаць кваліфікаваную дапамогу. Але затым землеўласнік усё-такі пагадзіўся выконваць рэкамендацыі павятовага ўрача Бышэўскага.

У ліпені 1856 г. была зафіксавана успышка халеры ў Полацку, якая таксама была выклікана праходам войскаў праз горад. Захварэла больш за 20 чалавек. У сувязі з гэтым у горадзе паўстала неабходнасць у дадатковым памяшканні для халернай бальніцы [4, арк. 12]. Наогул адсутнасць памяшканняў, якія б дазвалялі ізаляваць хворых на халеру ад іншых пацыентаў, востра стаяла перад уладамі.

Найбольш зручным рашэннем у полацкім выпадку стала арэнда памяшканняў у мясцовых жы-хароў. У 1847 г. свой дом для пераўладкавання ў часовую халерную бальніцу перадаў мешчанін Восіп Антонавіч Сімановіч [11, арк. 133].

У Віцебску падчас халеры мяшчане таксама за плату здавалі дамы пад халерныя бальніцы [6, арк. 32].

Для барацьбы з эпідэмічнымі захворваннямі санітарныя нормы прымаліся на ўзроўні усёй імперыі. Яны падпісаваліся непасрэдна імператарам. Так, падчас эпідэміі халеры быў разасланы імператарскі ўказ (у Віцебскую губерню было накіравана 73 яго асобнікі), у якім выкладаліся правілы, што тычыліся знішчэння смуроду. У дакуменце вялікая ўвага надавалася ачышчэнню адыходных месцаў і памыйных ям [7, арк. 4].

Значным мерапрыемствам на месцах, накіраваным на супрацьдзеянне росту захворванняў, быў кантроль за якасцю ежы. Усе прадукты, якія траплялі ў гарады, падлягалі праверцы. У 1830–1831 гг., аkurat падчас эпідэміі халеры, ажыццяўляўся агляд транспарту з садавіной, які заязджаў у Віцебск. Насельніцтву даваліся парады не ўжываць сырую садавіну і гародніну, а замачваць яе або саліць [11, арк. 4].

Зразумела, што з халерай сутыкаліся не толькі звычайныя жыхары гарадоў і вёсак. Востра праблема заразных захворванняў стаяла і сярод людзей, якія адбывалі зняволенне ў турме. Халера не абышла бокам і Віцебскі турэмны замак. Яго наглядчык у жніўні 1853 г. паведамляў, што арыштанты паміраюць ад халеры, бо турма не забяспечана нават мінімальнай колькасцю медыцынскіх прэпаратаў. У рапарце адзначалася, што адсутнічалі базавыя запасы спірту, палыну і іншых засцерагальных сродкаў, з дапамогай якіх можна было аказаць медыцынскую дапамогу зняволеным [5, арк. 75].

Халера да пачатку XX ст. заставалася самай небяспечнай хваробай, якая забірала больш за ўсё жыццяў. Эфектыўнасць барацьбы з ёй зніжалася з-за няведання яе сапраўднага ўзбуджальніка і спосабу перадачы, а таксама з-за забабонаў і недастатковай інфармаванасці насельніцтва. Сітуацыя карэнным чынам пачала мяняцца толькі ў пачатку XX ст.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 4673.
2. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2620.
3. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 12.
4. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 14.
5. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 23.
6. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 26.
7. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 30.
8. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 6.
9. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 9.
10. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 1.
11. НГАБ. – Ф. 2657. Воп. 1. Спр. 4.

Игнатъева А.А.

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО СОСТАВЛЕНИЮ БИОГРАФИЙ ДВОРЯН БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ –
У ЧАСТНИКОВ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 Г. В СОСТАВЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА
РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Сохранение памяти народа о наиболее значимых военных событиях прошлого входит в приоритетное направление политики белорусского государства. Не исключением является война 1812 г. и ее участники. Выявление имен дворян-уроженцев белорусских земель, принявших участие в боевых действиях в составе офицерского корпуса российской армии, представляет не только научный интерес, но и помогает сформировать национальную позицию по данному историческому событию, увековечить память героев. Обращение именно к дворянскому сословию не случайно. Во-первых, в начале XIX века дворянство являлось высшим сословием Российской империи, которое задавало вектор дальнейшего развития общества, во-вторых, оно представляло собой служилое сословие, и военная служба была одним из вариантов построения карьеры и служения обществу (не случайно, более 80 % офицерского корпуса российской армии приходилось именно на дворянство), в-третьих, именно на дворянство, наделенное всеми полномочиями власти над остальным населением, в наиболее сложный исторический период возлагалась обязанность возглавить и организовать защиту отечества [1, с. 77]. Таким образом, обоснованность решения обозначенной проблемы предполагает проведение комплексного исследования по выявлению дворян белорусско-литовских губерний –участников военных событий 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии и составлению их биографий.

Детальная подготовка биографий обозначенных лиц невозможна без обращения к архивным источникам. Ведущие российские государственные архивы, в частности, Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва) и Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) содержат обширные и уникальные коллекции документов по различным сферам жизни общества, из числа которых есть те, которые обладают достаточной информативностью для решения поставленной задачи. Проведенный нами поиск документов в данных архивах позволил выделить следующие виды документов официального делопроизводства Российской империи первой половины XIX века личного характера для составления биографий: формулярные списки и дворянские родословные книги.

Наиболее полные сведения биографического характера представлены в формулярных или послужных списках. Под формулярным (послужным) списком понимают документ, который составлялся на всех служащих по военному и гражданскому ведомствам. Появление формуляра в делопроизводстве Российской империи относится ко второй половине XVIII века. В течение времени его форма подвергалась незначительным изменениям. В целом, в нем была представлена информация: фамилия, имя, отчество, место происхождения и сословная принадлежность, возраст, имущественное положение, образовательный уровень, продвижение по службе, участие в военных кампаниях и сражениях (для военнослужащих), семейное положение, получение наград и наличие нарушений.

Так, в Российском государственном военно-историческом архиве представлена коллекция формулярных и послужных списков военнослужащих российской армии за 1812–1816 гг. (фонд 489), сведения из которых являются основой для составления персоналий дворян белорусско-литовских губерний – участников войны 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии [2]. Информация из формулярных списков обладает высокой степенью достоверности, так как к их составлению в полковых канцеляриях подходили довольно тщательно. Постоянный контроль над ведением формулярных списков возлагался на Инспекторскую экспедицию Военной коллегии (после января 1812 г. Инспекторский департамент Военного министерства), куда отправлялся один из экземпляров формулярного списка каждого военнослужащего. Также сами военнослужащие были заинтересованы в правильности занесения в документ их личных данных. При обнаружении неточностей, относящихся к их карьере, они могли обратиться с просьбой внести в формуляр недостающую запись или исправить ошибку [1, с. 42, 43]. Таким образом, сведения из формуляров, отражающие основные этапы службы, являются базой при составлении их биографий.

После наполеоновских войн многие офицеры из-за полученных ранений не могли продолжать военную службу и вышли в отставку, надеясь найти себе применение в мирной жизни. Для обеспечения заботы о таких лицах 18 августа 1814 г. был создан Комитет о раненых. Для трудоустройства указанных офицеров Комитет министров направил императору записку о существующих вакансиях в различных министерствах и ведомствах, которые можно было восполнить отставными офицерами. Указ Александра I от 5 мая 1816 г. данный генералу-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, предписывал объявить министрам «наблюдать следующее правило: при открытии вакансий не иначе замещать места, показанные в записке, к раненым офицерам по удостоению Комитета, учрежденного в день 18 августа 1814 г.» [3, с. 632]. Из предложенного перечня вакансий отставные офицеры часто выбирали службу в полицейских органах администрации в качестве полицмейстеров, городничих, земских исправников. Не исключением стали и бывшие офицеры-дворяне белорусско-литовских губерний. В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента полиции исполнительной МВД (фонд 1286) сохранились дела о назначении, перемещении, награждении служащих данного ведомства. Дела содержат в себе переписку должностных лиц по различным кадровым вопросам, а также формулярные списки полицейских чиновников. Так, среди отставных офицеров-дворян белорусско-литовских губерний, которые поступили на службу в полицию в качестве городничих или полицмейстеров, и чьи формуляры были обнаружены в фонде, можно назвать: Л. С. Герасимовича, П. Ф. Гофмейстера, И. Ф. Гринфельда, И. А. Магнушевского, В. М. Ржецкого [4, л. 6–7; 5, л. 11; 6, л. 40–41; 7, с. 3–4; 8, л. 8–9]. Занимали отставные дворяне-офицеры вакансии и в иных государственных учреждениях, а также избирались на выборные от дворянства должности хорунжих, судей, уездных предводителей дворянства и др. Их формулярные списки отложились в фонде Придворной его императорского величества конторе Министерства императорского двора (фонд 469) и фонде Формулярных списков гражданского ведомства (фонд 1349) [9; 10].

Таким образом, обращение к формулярным спискам отставных офицеров-дворян белорусско-литовских губерний, поступивших на службу по гражданскому ведомству, позволяет не только проследить этапы смены ими рода деятельности, но и дает возможность увидеть изменения их семейного и имущественного положения (вступление в брак, рождение детей, приобретение или продажа имений).

К дополнительным источникам биографического и генеалогического характера относятся также дворянские родословные книги. В Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента Герольдии Правительствующего Сената (фонд 1343, опись № 51) отложились их копии. Именно в эту инстанцию отсылался один из экземпляров родословной книги каждой из губерний Российской империи, второй экземпляр хранился в губернском правлении. В данном фонде наиболее полно представлены дворянские родословные книги по Витебской (за 1824, 1825, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1833, 1834 гг.) и Гродненской (за 1841, 1842, 1843, 1913 гг.) губерниям. По Минской, Могилевской губерниям имеются только списки сопричисленных дворян и списки дворян данных губерний. Документы под названием «Дворянские родословные книги» отложились и по Виленской и Ковенской губерниям, но они представляют скорее списки дворян, утвержденных в дворянстве за период с 1841 по 1861 гг. (Виленская губерния) и с 1823 по 1841 гг., с 1839 по 1841 гг., с 1841 по 1861 гг., с 1861 по 1871 гг. (Ковенская губерния).

Информация, представленная в дворянских родословных книгах, свидетельствует о наличии или отсутствии герба, предках, потомках, имениях, времени причисления рода офицеров-дворян к высшему сословию Российской империи. Имеются сведения об отставных офицерах-дворянах белорусско-литовских губерний и в дворянских родословных книгах других губерний, что объясняется мобильностью данных лиц (вступление в брак, поступление на гражданскую службу, приобретение имущества во внутренних губерниях). Так, следующие офицеры-дворяне П. П. Останевич, М.Н. и А.Н. Сахацкие были причислены к дворянам Курской, Московской, Тверской губерний [11, л. 91; 12, л. 21; 13, л. 168]. В целом, обращение к этому виду источников проясняет многие вопросы генеалогии и обеспечивает полноту биографических сведений.

Таким образом, формулярные списки и дворянские родословные книги являются полноценной источниковой базой для составления биографий дворян белорусско-литовских губерний – участников военной кампании 1812 г. в составе офицерского корпуса российской армии и реконструкции их исторического образа.

1. Целорунго, Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: историко-социол.исслед. / Д. Г. Целорунго. – М. : Калита, 2002. – 367 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 489. Оп. 1.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 12 декабря 1825 года. – Собрание первое : в 45 т. – Т. 33 : 1815–1816. – СПб., 1830. – 1173 с.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 221. Л. 6–7.
5. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 242. Л. 11.
6. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 313. Л. 40–41.
7. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 3. 1825. Д. 431. Л. 3–4.
8. РГИА. – Ф. 1286. Оп. 6. 1836. Д. 179. Л. 8–9.
9. РГИА. – Ф. 469.
10. РГИА. – Ф. 1349.
11. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 161. Л. 91.
12. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 324. Л. 21.
13. РГИА. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 778. Л. 168.

Воднева Е.В.

ПРАВЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I (ПО МАТЕРИАЛАМ Ф.В. БУЛГАРИНА)

Фаддей Венедиктович Булгарин – выходец из белорусских земель – сумел стать известным российским журналистом. Печатное наследие Ф. В. Булгарина включает около сорока томов романов, повестей и рассказов, годовые переплеты периодических изданий. Он является основоположником нравоописательного романа («Иван Выжигин») и одним из начинателей исторического романа («Димитрий Самозванец») в русской литературе. Наш земляк одним из первых ввел в русскую литературу жанры военного рассказа, фантастического очерка и фельетона. Ф. В. Булгарин стоял у истоков российской периодической печати, а также активно участвовал в формировании современного русского литературного языка [1, с. 13–14].

Описание нравов российского общества в эпоху Николая I – одно из ключевых направлений в творчестве Ф. В. Булгарина. Публицистические и литературные произведения, а также аналитические записки журналиста в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии являются ключевыми источниками по данной проблематике. Публикации в периодических изданиях «Северный архив» [2], «Литературные листки» [3], «Детский собеседник» [4], «Эконом» [5] позволяют раскрыть взгляды Фаддея Булгарина на самые разные стороны российского общества в эпоху Николая I.

Основное место в отражении мировоззрения Ф.В. Булгарина занимает анализ ведущего издания второй четверти XIX в. – «Северной пчелы», которая стала первой в России частной газетой и выходила более 30 лет. Газета была очень популярна среди российских читателей. «Северная пчела» во-

плотила стремление Ф. В. Булгарина расширить круг читателей в России и приобщить к чтению новые социальные слои. Другой наш земляк, публицист, издатель О. А. Пржецлавский писал: «день купца, чиновника, делового человека начинался непременно с прочтения «Пчелки» [6, с. 217].

Номер «Северной пчелы» состоял из четырех страниц-полос, каждая из которых делилась горизонтальной линейкой на две части. В верхней части находились три постоянных отдела: «Внутренние известия», «Новости заграничные», «Стихотворения. Нравы. Словесность»; в нижней части – четыре отдела, которые чередовались: «Новые книги», «Смесь», «Литературные новости», «Наряды» [7].

Газета отличалась оперативностью сообщений и хорошим литературным языком. Также «Северная пчела» выделялась новым форматом оформления. Рубрики повторялись либо чередовались с определенной периодичностью, имели свои особенности шрифтов и разметки [8, с. 82].

В своих произведениях особенно ярко Ф. В. Булгарин описал высший свет российского общества, который сравнил с театром. Есть декорации – это богатство и родственные связи; освещение – искусство звонких фраз и манер; оркестр – лесть и лицемерие; суфлеры – приятели и секретари [9, с. 168].

Ф. В. Булгарин осуждал многочисленные визиты и пустые разговоры [10, с. 3], которые порождали лишь душевную пустоту: «холодно душе. Каждый и каждая смотрит на другого и на другую как на соперника или соперницу и опасается, чтоб не отбили места, выгодного дела, жениха, невесты...» [9, с. 75]. Так называемые званые обеды, по мнению журналиста, подменили настоящее понятие русского хлебосольства и превратились в самое бессмысленное занятие и праздное препровождение русских дворян [11, с. 4].

Много внимания Ф. В. Булгарин уделил распространившемуся в российском обществе чрезмерному увлечению карточными играми. Он обратил внимание, что карточная игра стала «постоянным занятием всех возрастов и состояний» [12, с. 3]. В среде молодого поколения карточная игра заменила учебные занятия и стала способом продвижения по службе. Более того, в обществе распространилось понимание, что порядочный человек – тот, кто хорошо играет в карты и всегда может составить компанию [12, с. 4].

Следующая важная нравственная проблема российского общества, по мнению Ф. В. Булгарина, – погоня за модой и стремление к чрезмерной роскоши. В одном из своих фельетонов Булгарин дал простой, но вместе с тем гениальный совет: «Лучшее средство избавиться от искушения демона роскоши и дорогих наслаждений нам известно, и мы объявляем, его даром, всем и каждому. Вместо того, чтоб давать дорогие обеды, балы, играть в большую игру в вист, и рыскать по магазинам, накупите книг и займитесь чтением. Истратив 500 рублей, в год на книги, вы сэкономите тысячи и приобретете то, чего не найдете ни за карточным столом, ни в бутылке, ни в контрдансе, а именно спокойствие, здоровье и познания» [12, с. 4]. Как видим, ментальное и физическое здоровье, по мнению журналиста, были главными ценностями в жизни человека.

«Фанфаронство» – отличительная черта высшего российского общества [9, с. 224]. Под этим понятием Ф. В. Булгарин подразумевал стремление молодого поколения любимыми средствами обратить на себя внимание общества. «Рыцарь пустословия» – такую характеристику дал журналист молодому русскому дворянину. Тот, кто по мнению Булгарина, должен был быть примером, «живет без плана, без цели, существует для моды и модою» [14, с. 4].

Ключевой проблемой высшего российского общества по мнению Ф. В. Булгарина, была чрезмерная увлеченность французским языком и культурой и пренебрежительное отношение к родному языку и культуре. Булгарин писал: «В голове, которая в России думает обо всем по-французски, не могут родиться мысли русские патриотические» [14, с. 4]. Журналист наблюдал неадекватное переименование французской культуры русскими дворянами и понимал, что данное явление противопоставляется любви к родине. «Русскому можно знать десять языков, но не прилично говорить со своим единоземцем иначе как по-русски, и что нам должно подражать иностранцам только в одной их привязанности к отечественному» [15, с. 4] – писал Ф. В. Булгарин.

Наибольшую угрозу для нравственности Ф. В. Булгарин видел в том, что воспитание молодого поколения было отдано французским гувернерам и учителям. Последние не только порой не давали полноценных знаний, но и отрицательно влияли на нравственное и культурное развитие своих воспитанников. Подобное явление породило пропасть между элитой и простым народом: «иностранный воспитание многим из нас вскружило головы вздорными идеями и без всякой нужды, противу нашей воли, отдалило от народа, который, в первобытной простоте, своих нравов, достоин всего нашего уважения» [16, с. 4].

Как видим, Ф. В. Булгарин смело и открыто высказывал свои размышления по поводу нравственных проблем российского общества. Однако наш земляк не только называл существующие проблемы. Он рассуждал об их причинах и направлял своих читателей к исправлению.

Залогом идеального общества, по мнению писателя, было просвещение народа: «Просвещение сближает все сословия» [17, с. 4]. Просвещение могло создать основу для формирования в каждом человеке идеальных, по мнению Ф. В. Булгарина, качеств – доброты, скромности, честности [18,

с. 30]. Фаддей Венедиктович считал, что каждый человек должен посвящать больше времени самообразованию, нравственному совершенствованию, старательному выполнению своих обязанностей в семье и на службе, приобщению к отечественной истории и культуре [9, с. 137].

Уже будучи опытным человеком, он писал в 1854 г., что «деликатность души – присутствие в ней живого Бога!» [19, с. 598]. Отсутствие духовности ведет к нравственному падению общества. Журналист видел прямую связь между воспитанием отдельного человека и духовным состоянием всего общества. Будучи христианином по вероисповеданию, Ф. В. Булгарин часто подчеркивал значимость Евангелия, где, по его мнению, заключалась «истинная премудрость» и настоящая пища для души [20, с. 66].

Фаддей Булгарин занял в русском культурном контексте первой половины XIX в. исключительное место. В своих произведениях Ф. В. Булгарин выступал, в первую очередь, как просветитель. По его мнению, особенно важно было направлять образование молодого поколения и воспитывать его в духе патриотизма. Литератор смотрел в корень существовавших проблем. Он обличал малообразованность и невоспитанность, слепую погоню за модой и нелюбовь к родному языку и культуре. Фаддей Булгарин, сам постоянно стремившийся к новым знаниям, призывал посвящать больше времени самообразованию, нравственному совершенствованию, приобщению к отечественной истории и культуре. Честность и смелость нашего земляка откликнулась российским читателям.

1. Рейтблат, А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы / А. И. Рейтблат – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.
2. Булгарин, Ф. В. Краткое обозрение русской литературы 1822 года / Ф. В. Булгарин // Северный архив. – 1823. – № 5. – С. 377–422.
3. Булгарин, Ф. В. Литературные призраки / Ф. В. Булгарин // Литературные листки. – 1824. – № 14. – С. 93–108.
4. Булгарин, Ф. В. Детский собеседник / Ф. В. Булгарин. – Ч. 1. – 1826. – 353 с.
5. Эконом, хозяйственная общепользная библиотека / под ред. Ф. В. Булгарина. – Т. 5–6. – 1843. – 393 с.
6. Пшацлаўскі, В. Фаддей Бенедиктович Булгарин / В. Пшацлаўскі // Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. // В. Пшацлаўскі ; уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. – Мінск : Лімарыус, 2012. – Т. 2. – С. 212–229.
7. Булгарин, Ф. В. Провинциал в обществе большого света / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 24 января.
8. Киселев, А. П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.) / А. П. Киселев. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1990. – 192 с.
9. Булгарин, Ф. В. Дурные времена. Очерки русских нравов / Ф. В. Булгарин. – М. : Азбука, 2007. – 368 с.
10. Булгарин, Ф. В. Досуг и недосуг / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 6 января.
11. Булгарин, Ф. В. Званный обед / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1826. – 6 июля.
12. Булгарин, Ф. В. Хладнокровное путешествие по гостиним / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 5 ноября.
13. Булгарин, Ф. В. Всемирный коммерческий перелом, или кризис (окончание) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1837. – 7 июля.
14. Булгарин, Ф. В. Урок фанфаронам и ветреникам / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1826. – 27 апреля.
15. Булгарин, Ф. В. Провинциал в обществе большого света: (Положение второе) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 24 января.
16. Булгарин, Ф. В. Народные увеселения на Святой неделе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 9 апреля.
17. Булгарин, Ф. В. Беседа в гостинном дворе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1840. – 15 октября.
18. Булгарин, Ф. В. Невероятные небывлицы, или Путешествие к средоточию Земли / Ф. В. Булгарин // Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина. – Т. 7 : Нравы. Нравы и словесность. История и нравы. – СПб. : М.Д. Ольхин, 1844. – С. 17–30.
19. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. – М. : НЛО, 1998. – 704 с.
20. Булгарин, Ф. В. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого / Ф. В. Булгарин. – М. : Азбука, 2007. – 550 с.

Гладкова Г.А.
АДЛЮСТРАВАННЕ СТАНОВІШЧА ЛІТВІНСКОЙ ШЛЯХТЫ
Ў РАМАНЕ ЕВЫ ФЯЛІНСКОЙ “ПЛЯМЕННІЦА І ЦЁТКА”

Ева Фялінская – польскамоўная пісьменніца XIX стагоддзя, якая нарадзілася ў 1793 годзе ў збяднелай шляхецкай сям’і Вяндорфаў у фальварку Узнога недалёка Клецка. Рана страціўшы бацьку, дзяўчынка выхоўвалася набожнай маці. Яе юнацтва прайшло ў Слуцку, у Барысаве Е. Вяндорф сустрэла будучага мужа – Герарда Фялінскага. У хуткім часе маладая сям’я пераехала на Палессе, пазней – на Валынь, дзе знаходзілася сядзіба мужа (Ваюцін). У 1833 годзе памірае муж Фялінскай, на яе руках засталася шасцёра дзяцей і хворая паралізаваная маці. Неўзабаве будучая пісьменніца пераехала з роднымі ў Крамянец, дзе ўвайшла ў асяроддзе, якое ставіла агульнае дабро вышэй за прыватныя інтарэсы, клапацілася пра маральнае ўдасканаленне шляхты, лічыла працу найгалоўнейшым абавязкам грамадскага жыцця. Кожны з членаў таварыства лічыў неабходнымі роўнае абыходжанне са слугамі і сялянамі, працу па іх маральнаму выхаванню і разумоваму ўдасканаленню з дапамогай школ, кніг і ўласнага прыкладу. Практыкавалася ашчаднасць ва ўсім, сэканомленыя грошы павінны ўжывацца для грамадскіх патрэб. Арыштаваная царскімі ўладамі Е. Фялінская была саслана ў Сібір (Табольская губерня, Бярозаў), тры гады жыла і займалася літаратурнай дзейнасцю ў Саратаве. Важнай крыніцай, якая ўтрымлівае апісанне высылкі, з’яўляюцца мемуары пісьменніцы “Успаміны аб падарожжы па Сібіры і побыце ў Бярозаве”. Як адзначаў А. Мальдзіс, “назіранні над побытам навакольнай шляхты далі пісьменніцы матэрыял для двух-

томнай аповесці “Гарсылія” (Вільня, 1849) [2, с. 189]. Акрамя гэтага, польскамоўны трохтомнік “Дзённікі Евы Фялінскай” (Вільня, 1856) можа разглядацца як змястоўны дакумент эпохі.

Друкавацца Е. Фялінская пачала з артыкула ў “Пецяярбургскім штотыднёвіку” у 1843 г. пад псеўданімам *Weneranda Kokosz*. Першы раман “*Siestrzenica i ciotka*” (“Пляменніца і цётка”) пісьменніца даслала аўтарытэтнаму на літвінскіх і беларускіх землях крытыку Міхалу Грабоўскаму. Крытык не назваў твор дасканалым, але адзначыў, што ён не горшы за тую прозу, якую пішуць польскія пісьменніцы-сучасніцы Фялінскай. Крытык даў параду больш працаваць над індыўдуальнасцю мастацкіх вобразаў, пашырыць апісанні краявідаў, добра знаёмых аўтарцы, засяроджваць увагу на мясцовых бытапісальных элементах. Неўзабаве з-пад пяра Фялінскай з’явіліся наступныя раманы “*Pan Deputat*” (“Пан Дэпутат”) і “*Hercylia*” (“Герцылія”).

Сюжэты твораў Фялінскай, як правіла, заснаваныя на ўспамінах маладосці, аўтарка, не схільная да ідэалізацыі, імкнулася крытычна, максімальна аб’ектыўна адлюстроўваць рэчаіснасць у сваіх творах. Падзеі ў рамане Фялінскай адбываюцца ў першай трэці XIX стагоддзя на Літве і Валыні. Галерэя мастацкіх вобразаў утрымлівае харунжых, падкаморы, маршалкаў, шамбелянаў, апісаны літвінскі і польскі строй у процівагу французскай модзе. Падзейны бок твораў складаюць імяніны, балі, забавы шляхты, разам з гэтым – эксдывізія маэнткаў шляхты, якая больш траціла, чым збірала, брала пазыкі і не мела магчымасці расплаціцца. І ўсюды пісьменніца акцэнтуюе ўвагу на праблемных пытаннях рэчаіснасці: занябданні маэнткаў, няздольнасці шляхты эфектыўна весці гаспадарку, на распаўсюджванні ашуканства і крыміналу, на які пускаюцца людзі, надзеленыя капіталам і ўладай, адным словам, адлюстраваны разлад сямейных і грамадскіх стасункаў. Цёмны, пануры каларыт рэдка разбаўлены малюнкамі шчасця ці радасці. Думаецца, недахопам раманаў Е. Фялінскай можна назваць некаторую кампазіцыйную недапрацаванасць, у выніку чаго драматычныя эпізоды губляюцца ў шматлікіх прыватных дробязях мясцовага жыцця: чытачу складана вызначыць мастацкасць твора, якая перабіваецца хронікай правінцыйных чутак. Таксама частае пераключэнне чытацкай увагі з адной сюжэтнай лініі на іншую не спрыяе цэласнаму ўспрыманню сюжэта. Псіхалагічны аналіз і апісанне прыродных вобразаў не ўваходзяць у мастацкі арсенал Фялінскай.

У рамане “Пляменніца і цётка” аўтарка паставіла на мэце адлюстраванне занябдання, выраджэння магнатэрыі на Літве пачатку XIX стагоддзя. З палітычным упадкам краю сталі разрывацца сувязі зможных магнатаў з дробнай шляхтай: кожны пачаў жыць аднаасобна, толькі для сябе. Магнаты перасталі апекавацца над дробнай шляхтай, шукаючы яе прыхільнасць і службу, сяброўскіх стасункаў паміж імі адбыцца не магло па прычыне таго, што магнаты адрозніваліся ад мясцовай шляхты замежным выхаваннем, “замкнуўшы перад дробнай шляхтай свае дзверы” і пазбавіўшы яе матэрыяльнай падтрымкі, як зазначае Фялінская, магнаты працягвалі патрабаваць у свой бок былога шанавання, што абурывала шляхту, якая ўжо не адчувала абавязку ўдзячнасці, які захоўваўся раней. Магнаты, пазбаўленыя былога палітычнага ўплыву, рушылі на Захад, у Еўропу, адкуль на Літву прывозілі новыя культурныя традыцыі. Патрэбы войнаў, якія праводзіў Напалеон, вымагалі павелічэнне гандлю збожжам і драўнінай, што прывяло да наплыву грошай. Павелічэнне прыбыткаў павялічвала траты: шляхта актыўна пачала карыстацца крэдытамі. Аднак з-за мер, прынятых Напалеонам (закрытыя порты Еўропы), Англія ў хуткім часе вымушана была шукаць іншыя шляхі для атрымання неабходных тавараў. У выніку гандаль Літвы збавіў тэмп, пачалася стагнацыя, прыток грошай у краіну зменшыўся. Надышоў час банкруцтва і заняпаду шляхецкіх гаспадарак. Пачаліся шматлікія эксдывізіі – разборы шляхецкай маёмасці. Як адзначыў І. Гушчынскі, “*нейкага цэльнага законапалажэння аб эксдывізіях не існавала. Эксдывізарскі судовы працэс вызначаўся галоўным чынам не пісаным правам, а традыцыяй, якая склалася на практыцы*” [1, с. 37]. Гэта часта вяло да ашуканства, паказвала не лепшыя бакі чалавечай псіхалогіі. Даўжнікі спекулявалі на веры сваіх крэдытараў, апошнія таксама вялі змовы з суддзямі не на карысць даўжніка. Е. Фялінская не сумнявалася, што натхнёныя прыкладамі вялікіх продкаў, пра якіх паведамляюць сямейныя паданні, магнаты яшчэ могуць адрадзіцца ў трэцім ці чацвёртым пакаленні і зноў быць узорам дабрачыннасці.

У рамане прадстаўніком магнатаў, якія прыйшлі да заняпаду, стаў пан Саматульскі. Ён пагарджае дробнай шляхтай, як трапна азначыла яго характар пісьменніца, “*сібарыт у маладосці, згаіст у старасці*” [3, с. 43–44]. Шляхта яго не любіла і не шанавала, але гэта акалічнасць яго мала цікавіла: Саматульскі жыў, як лічыў патрэбным. Дэспатычны бацька, ён меў 40-гадовага сына, хворага на эпілеpsy, відавочна, па прычыне жорсткага абыходжання з ім, і 30-гадовую дачку, не здольную на праявы эмоцый, марай якой было як мага хутчэй пакінуць бацькоўскі дом.

Прадстаўнік шляхетнага магната – Чэслаў Т., які па каханні ажаніўся з небагатай паненкай, добра ставіцца да падданных, падтрымлівае прызныя стасункі са шляхтай, дапамагае ёй; гераіню рамана Караліну, дачку той, якую калісьці хахаў, бярэ пад апеку пасля смерці яе бацькі, прыклаў намаганні, каб выйграць справу і вярнуць Караліне спадчынны маэнтак, падтрымаў паненку знач-

най колькасцю грошай. Думаецца, пры стварэнні гэтага мастацкага характару большае значэнне мелі ідэалізаваныя ўяўленні аўтаркі, чым тагачасная рэальнасць.

Сярод мастацкіх характараў рамана вылучаецца вобраз Ізабэлы. З дзяцінства сірата, яна не вызначалася прыгожай знешнасцю, але мела добрае сэрца. Яе філантропія, схільнасць клапаціцца пра іншых часам перашкаджаюць людзям, замянаюць у многіх сітуацыях. Увогуле жаночыя тыпы рамана вызначаюцца некаторай аднатыповасцю: пісьменніца кіруецца традыцыйнымі ўяўленнямі пра сучасніц, часам стварае ідэалізаваных гераінь, здольных на самую высокую ступень самахвярнасці (вобраз дачкі стольніка Людвікі Шашкоўскай). Аднак, Е. Фялінская вылучыла і новыя тэндэнцыі ў тагачасным грамадскім жыцці, напрыклад, некаторым гераіням яе твораў, і, у прыватнасці, рамана “Пляменніца і цётка”, уласцівае імкненне да самастойнасці. Павевы эмансипацыі даходзілі да маёнткаў на Літве, французская літаратура несла такія ідэі чытачам, невыпадкова ў творы згадваецца імя Жэрмэны дэ Сталь, а ў характары пані Браніславы падкрэслены рысы самастойнасці і імкнення да самарэалізацыі.

Пісьменніцу хвалявала праблема маральнасці, сумленнасці ў сітуацыях, калі справа датычыла фінансаў. Так, у рамане ёсць эпізод, калі гераіня не жадае падзяліцца з роднай сястрой атрыманай спадчынай насуперак тэстаменту. Фялінская паказвае, як пагоня за матэрыяльным прыбыткам разбураюча ўздзейнічае на норавы людзей, іх маральную знітаванасць.

Пісьменніца са спачуваннем ставілася да прыгонных беларускіх сялян, на якіх панства глядзела толькі як на капітал. Аднак і сярод большасці такіх прадстаўнікоў шляхты знаходзіліся тыя, хто валодаў прагрэсіўнымі поглядамі на грамадства, імкнуўся ва ўласнай гаспадарцы будаваць адносінны з сялянамі на прынцыпах павагі чалавечай годнасці. Менавіта народ Е. Фялінская назвала крыніцай, якая здольная даць сілы айчынным гаспадаркам.

XIX стагоддзе стала часам нараджэння гатычнага рамана ў еўрапейскіх літаратурах (творы А. Радкліф, Г. Уолпала і інш.). Паказальна, што моднымі ў мастацкіх творах становяцца містыфікацыі, гэта, як вядома, працуе на займальнасць сюжэта. У рамане “Пляменніца і цётка” таксама ёсць эпізод, які паказвае злучанасць у свядомасці чалавека рэальнага і інфернальнага, пазасвядомага. Атрыбуты гатычнага рамана (*ноч, скрыня з рэліквіямі, прывіды, патаемныя дзверы і пакой, ажываючы партрэт і інш.*) ствараюць бліzkую да жаху атмасферу, што мяняе агульны апавядальны тон кнігі. Дарэчы, гістарычныя рэліквіі, якія захоўваў пан Падкаморы, ускосна характарызуюць героя як чалавека вернага традыцыям продкаў. Да рэліквій належаць: пяро, якім Ян Каханоўскі пісаў знакамітыя “Трэны”, стрэмя ад сядла Яна III, аброць каня Стэфана Баторыя часу аблогі Пскова, шлем Станіслава Жалкеўскага. Думаецца, Е. Фялінская невыпадкова абірае прадметы мінулай эпохі, якія ў свядомасці чытача асацыіруюцца з былой славай Рэчы Паспалітай. У гэтым бачыцца спроба актывізацыі гістарычнай памяці, нацыянальнай свядомасці, што можа спрыяць духоўнаму і маральнаму аднаўленню сучаснікаў.

Такім чынам, раман Евы Фялінскай “Пляменніца і цётка” служыць адлюстраваннем грамадскага стану на Літве і Беларусі ў першай трэці XIX стагоддзя, а таксама прыцягвае ўвагу да эканамічных праблем, з якімі сутыкнулася мясцовая шляхта ў адзначаны перыяд. Пісьменніцкі клопат пра маральную сферу стасункаў суайчыннікаў дэманструе неаб'якавае аўтаркі да актуальных праблем рэчаіснасці, з наступствамі каторых прыходзілася сутыкацца шляхце літвінска-беларускіх земляў у другой палове XIX стагоддзя.

1. Гушчынскі, І. Г. Эксдывізарскія суды ў эканамічным жыцці Беларусі ў першай трэці XIX стагоддзя / І. Г. Гушчынскі // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследование по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 37–41.
2. Мальдзіс, А. Падарожжа ў XIX стагоддзе: з гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры: навук.-папул. нарысы / А. Мальдзіс. – Мінск : Народная асвета, 1969. – 206 с.
3. Felińska, E. Siostrzenica i ciotka : powieść obyczajowa / E. Felińska. – Wilno, 1853. – 312 s.

Сафронов П.М.

«ТРУДЫ» И.Т. ВЕРХОВСКОГО, ОСНОВОПОЛОЖНИКА ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Раскол Русской церкви середины XVII в. имел серьезные последствия, затронувшие разные сферы общественной жизни: духовной, культурной, экономической, политической и повседневной. Камнем преткновения стали вопросы духовные: богословские и обрядовые. Чем больше времени проходило от начала раскола, тем больше у старообрядцев появлялось ветвей, толков и согласий. Вопрос о возвращении в лоно официальной Православной церкви изначально поднимался ее представителями. Затем такая необходимость появилась и у представителей разных толков старообрядчества. И с одной, и с другой стороны были как сторонники, так и противники объединения. Единоверческие процессы весь период раскола выступают ключевым аспектом взаимоотношений старообрядчества

с правительством и официальной церковью. И в современной истории церкви (а значит и определенной части общества) остается актуальным вопрос единоверия. Тем не менее, многие проблемы раскола и многие стороны истории этой темы остаются малоизученными.

В 2014 году в рамках издательского проекта «Квадриум» впервые в России опубликована книга иерея Иоанна Верховского «Труды» [2]. Это сборник трудов основоположника единоверческого богословия. При жизни автора вышло его единственное издание в русских типографиях за границей. Единоверческий священник Иоанн Тимофеевич Верховский родился в 1818 году в семье Тимофея Александровича Верховского. Его отец служил протоиереем в единоверческом храме Санкт-Петербурга и являлся видным деятелем единоверия. А брат Александр Тимофеевич был врачом и известен своими библейско-историческими и церковно-историческими работами.

Т.А. Верховский написал несколько работ: «Искание глаголемыми старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства»; «Стародубье: Записки протоиерея Санкт-Петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А. Верховского, Высочайше командированного в 1845–1848 гг. для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах» и «Записки о его жизни, составленные им самим». Он на протяжении многих лет собирал письма и записки инока Никодима, переписку с графом П.А. Румянцевым-Задунайским, князем Г.А. Потемкиным и иерархами Православной церкви. Собранные документы и письма хранились в его личной библиотеке и вошли в работу «Искание старообрядцами законного архиерейства». Работы Отца Тимофея можно отнести к начальному периоду истории единоверия. Протоиерей Тимофей Верховский принадлежал к числу тех представителей этого течения, которые желали бы иметь для единоверцев особого епископа, в духе известного проекта стародубского инока Никодима, видя в этом «единственно верный способ к воссоединению всех старообрядцев с православною церковью» [1].

У сына Т.А. Верховского, священника Иоанна Верховского, взгляды на единоверие носят скорее раскольнический характер. Отец Иоанн поддерживал мысль об учреждении института единоверческого епископа, но стремился к независимому положению единоверия от Православной церкви. Он выдвинул проект создания «всестарообрядничества» и предлагал уничтожить правила митрополита Платона и само понятие единоверия. И.Т. Верховский выделял два вида единоверия: первое, о котором просили московские старообрядцы в 1799 г. («истинное», «святое»), и второе, – навязанное митрополитом Платоном («официальное, фальшивое, лживое», «бездушное и бессмысленное», «нечисть наносная»). Отец Иоанн выделял два термина: «соединенство» (доплатоновское единоверие, к нему следует вернуться) и собственно «единоверие», от которого он отрекся.

В сборнике, вышедшем в 2014 году, собраны трактаты, послания и письма разных лет и периодов жизни Иоанна Верховского. Первым пунктом в главе «Введение» размещено «Дело ямщика Сулягина». Данный материал как нельзя лучше подходит для того, чтобы ввести читателя в тему «единоверия» на примере истории брака Тосненского ямщика Григория Сулягина с ямскою девицей Еленой Корчагиной. Автор пытается разобраться с ситуацией, объяснить и доказать Санкт-Петербургской Консistorии что «единоверцы» такие же православные. На образах Вселенской церкви он утверждает, что присоединенные к Русской Церкви старообрядцы полноправны члены церкви. Его возмущает вопрос Консistorии, «к какой церкви присоединил я Сулягина: к православной или единоверческой» [2, с. 8]. На этом примере он раскрывает понятия: «православие» и «единоверие».

Вторым пунктом раздела служит «Антилатинский трактат», в котором рассказывается, чего в церковных вопросах быть не должно. Между двумя разделами существует неразрывная связь, так как отцом Иоанном определялось уклонение никоновского епископата (новообрядчество) в латинство. «Голос православного против папизма на Западе и на Востоке» – название сочинения, которое говорит само за себя. Иоанн Верховский открыто обвиняет архиереев в латинстве [2, с. 41]. Его волнует вопрос догматической непогрешимости православия. Он осуждает христианское наследие западной традиции. «Рим, и христианским сделавшись, удержал языческие притязания на обладание миром и, пользуясь благоприятно сложившимися обстоятельствами, воплотил эти притязания в своих патриархах, что и стало существеннейшей виной разделения вселенского Христианства на Восток и Запад» – пишет иерей Иоанн [2, с. 47].

Вторая глава называется «Экклесиология». В ней Иоанн Верховский рассуждает «О Церкви Христовой по существу» и приводит «Свод практических церковно-государственных истин для окончательного решения всех вопросов по расколу». Видимо, наивно полагая, что так просто можно решить вопросы раскола, он пишет о том, что формулировать эти предложения ему помог построчный разбор письма известного отца Гагарина к ректору «Церковно-общественного Вестника», в котором отец Гагарин развил теорию папизма. Свой труд он высоко ценит: «всё, что встретил я неправославного у о. Гагарина и преосвященного Макария, я ставлю на суд вселенского православия». Он сокрушается, что негде взять исповедание православия и приходится его формулировать самому. При этом он признает, что труды эти смогут оценить только будущие поколения [2, с. 131].

В третьей главе «О церковной реформе» приводится своеобразный план церковной реформы. Автор пытается понять старообрядчество как явление, чтобы решение вопроса о старообрядчестве было согласовано с требованиями православия и государственности. Например, он рассуждает о первенствующей позиции обряда в ряду разных народностей [2, с. 243]. Не мог автор обойти стороной размышления о государственной и церковной власти. Именно в этой части сборника размещена «Всепогоднейшая записка единоверцев о старообрядческой самостоятельной иерархии» написанной в августе 1864 года [2, с. 328]. В ней он собрал все доводы для утверждения своей правоты.

В заключительную главу сборника вошли статьи, посвященные частным вопросам, и переписка разных лет. Но и в этих работах Иоанн Верховский возвращается к вопросам старообрядчества. В сборнике встречается переписка со старообрядцами, в которой к нему обращаются как к защитнику старой веры и ревностному богослову единоверцев [2, с. 561].

Немалая роль в привлечении внимания к единоверию принадлежит работе Верховского «Послание, поднесенное высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю собора русских архипастырей, в Киеве, в сентябре 1884 г.». В данном послании отец Иоанн выступил в защиту старообрядцев. Главная идея заключалась в том, что не церковь принимала бы раскаявшихся раскольников, сочувственно разрешая им отправлять службы по старым книгам, а сами раскольники, соглашаясь принять от церкви иерархию, делали бы ей поблажку, как раскаявшейся и признавшей, наконец, спасительность отправления службы по старым книгам и по старым обрядам.

Таким образом, данный источник, подкрепленный светскими законами и указами церковных властей, помогает проследить процесс оформления и изменения единоверия.

1. Верховский, Т. А. Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь / Т. А. Верховский. – Том III : профессор Александр Павлович Лопухин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskiy-slovar-tom-tretij-vaal-vjacheslav/172>. – Дата доступа: 14.03.2023.
2. Верховский, И. Т. Труды / И. Т. Верховский. – СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2014. – 880 с.

Короневский В.И. **ЛЕГЕНДА О ПАРАСКЕВЕ ПОЛОЦКОЙ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ** **В ИСТОЧНИКАХ XIX – НАЧАЛА XX В.¹**

В полной загадок истории Полоцкого княжества особняком стоит таинственная фигура Параскевы Полоцкой. Согласно источникам XVI в., в которых Параскева впервые упоминается, она была представительницей рода полоцких князей и игуменией Спасского монастыря, а перед смертью отправилась в паломничество в Рим [10]. Первым видным историком, который заинтересовался связанными с ней сюжетами, был еще М. Стрыйковский, предпринявший безуспешную попытку найти подтверждение легенде о княжне в Риме [20, с. 242–243]. В XVII–XVIII вв. с опорой на житие св. Евфросинии Полоцкой и на собственные представления об истории местного христианства легенду неоднократно излагали и дополняли различными деталями базилианские и иезуитские авторами: А. Вижок-Коялович, И. Кульчинский, И. Стебельский и ряд других [17; 21; 23]. В их произведениях образ Параскевы оказался наделен многими чертами, изначально присущими преподобной Евфросинии, но переработанными в католическом духе. Так, Параскева якобы оказывалась не только преемницей Евфросинии на должности игумении монастыря св. Спаса, но и официально канонизированной святой (что, по мнению А. Вижок-Кояловича, произошло еще в XIII в. на Втором Лионском соборе [21, р. 19]) – причем, разумеется, святой Католической церкви, а не Православной. Приписывались ей, подобно Евфросинии, и обладание драгоценным крестом, который, однако, будто бы прислал ей сам римский папа [21, р. 19], и уже упомянутое выше паломничество, конечной точкой которого вместо Иерусалима оказывался Рим. Таким образом, спустя два столетия после первого упоминания о Параскеве Полоцкой в исторических источниках легенда о ней оказалась насыщена новыми деталями, сближающими ее одновременно и с житием св. Евфросинии, и с католической традицией.

В современной историографии легенда о Параскеве исследована чрезвычайно неравномерно. Если вопроса о ее возникновении и бытовании в XVI в. в той или иной мере касались многие авторы [3; 15; 18], то дальнейшая история развития представлений о Параскеве практически не изучена. Данная работа призвана хотя бы отчасти пролить свет на судьбу легенды в Российской империи XIX – начала XX вв.

Наиболее ранним из оригинальных источников XIX в., в которых встречается упоминание о Параскеве Полоцкой, является одно из писем воссоединенного Полоцкого архиепископа Василия

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

(Лужинского) К.С. Сербиновичу, брату игумении Спасского монастыря Евфросинии (Сербинович), от 18 июля 1841 г. Архиепископ, отправившийся в Москву и Петербург для популяризации св. Евфросинии в столичном обществе и сбора средств на восстановление полоцкой обители, вез с собой крест преподобной. Однако в письме к К.С. Сербиновичу он мимоходом упомянул, что везет в Петербург и другую местную реликвию, «крест Преподобной Параскевии, найденный у монахинь василианок Полоцких» [12, л. 5 об.]. По всей видимости, ни сам архиепископ, многие годы посвятивший делу укрепления православия в Полоцке и не питавший особой любви к католицизму, ни его собеседник, тоже выходец из униатской среды, воспитанник Полоцкой иезуитской академии, сделавший к тому времени успешную карьеру в Петербурге, не видели в этом ничего необычного. Для Василия реликвия, связанная с Параскевой, была абсолютно нормальной святыней, заслуживающей почитания почти в той же степени, что и крест преподобной Евфросинии.

Следующий интересный источник, в котором много внимания уделяется Параскеве, был создан в 1854 г., однако так и не был опубликован и до наших дней дошел в рукописи, хранящейся на сегодняшний день в РГИА. Речь идет о написанном еще одним бывшим униатом К.А. Говорским «Историческом описании Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря». Автор помещает Параскеву в ряд игумений полоцкой обители, спокойно ссылаясь на И. Стебельского и И. Кульчинского. От той версии жизнеописания, которая изложена в трудах упомянутых базилиан, повествование К.А. Говорского отличается только одной деталью: исключением из биографии Параскевы тех деталей, которые сближали ее образ с католицизмом и на которых обычно акцентировали внимание авторы XVII–XVIII вв. [11, л. 199 об. – 200]. Позицию К.А. Говорского вполне проясняет одна из его статей, опубликованных спустя девять лет. В разгар восстания 1863 г. публицист занялся «опровержением мнения папистов», согласно которому «пр. Евфросиния и Параскевия, княжны Полотские, и многие другие, преставившиеся в эту эпоху и причтенные к лику святых, были католики» [2, с. 36–42]. Горячо отстаивая принадлежность не только Евфросинии, но и Параскевы к православию, К.А. Говорский довел до логического конца традицию отношения к фигуре легендарной игумении, сформировавшуюся в среде бывших униатов, перешедших в православие после 1839 г. Склонный воспринимать в штыки популярное в католических кругах мнение о принадлежности св. Евфросинии к католицизму, он пришел к уверенности, что и культ Параскевы изначально существовал в рамках православной традиции, а затем будто бы был «присвоен» католиками.

Временем, когда сюжет о Параскеве окончательно вышел за границы Полоцка и прочно закрепился в нарративах, созданных за пределами белорусских губерний, стали 1880-ые гг. Так, когда в 1880 г. в Москве свет увидела вторая часть первого тома «Истории России» Д.И. Иловайского, ставшая впоследствии весьма популярной, в ней со ссылкой на все тех же И. Стебельского и К.А. Говорского присутствовало упоминание о Параскеве [5, с. 106]. В изданный спустя два года третий том «Живописной России», посвященный белорусско-литовским землям, сведения о Параскеве включает А. Киркор [6, с. 294]. Но наиболее показательным является факт проникновения легенды о Параскеве в самую популярную во второй половине XIX в. версию жития Евфросинии Полоцкой, автором которой являлся член полоцкого православного братства протоиерей Михаил (Дубровский), который, подобно К.А. Говорскому, воспринимал Параскеву как одну из православных игумений, управлявших полоцкой обителью после смерти св. Евфросинии [8, с. 16–17].

Тем не менее, период благополучного существования легенды о Параскеве в русскоязычных источниках подходил к концу. В 1888 г. свет увидели несколько работ [13; 14] витебского историка А.П. Сапунова, в которых исследователь привел веские аргументы в пользу того, что такой человек как Параскева Полоцкая никогда не существовал в реальности, а легенда о ней была создана католиками для помещения в свою систему координат популярного культа св. Евфросинии Полоцкой. Хотя доводы историка не сразу обрели широкую известность, к рубежу 1890-ых – 1900-ых гг. его усилия дали свои плоды. Показательно, в частности, эволюция переизданий жития Евфросинии, написанного Михаилом (Дубровским): в первом, втором и третьем изданиях, вышедших в 1885, 1887 и 1894 гг. соответственно, сюжет о Параскеве присутствует, но уже четвертое издание (1903 г.) выходит с пометкой «исправленное и дополненное» и не содержит ни единого упоминания о «преподобной Параскевии» [9]. Примерно тогда же, в 1896 г. аргументы А.П. Сапунова дополнил киевский историк В.Е. Данилевич, также считавший легенду о Параскеве выдумкой католиков [4, с. 241–244].

Параскева была окончательно вытеснена из русскоязычного нарратива в 1909–1910 гг., во время подготовки к церемонии перенесения в Полоцк мощей преподобной Евфросинии. В 1909 г. в «Церковных ведомостях», официальном печатном органе Синода, вышла статья о святой княжне, значительная часть которой была посвящена опровержению легенды о Параскеве. Придумавшие ее католики, по мнению автора, ставили себе цель «поколебать веру не только в святость преподобной Евфросинии, но даже и в действительность ее подвигов и жизни, а затем доказать, что Россия, прежде начала унии, была в соединении с Римом» [16, с. 1220–1224]. Показательно, что это упоминание о Параскеве в ис-

точниках 1909–1910 гг. – единственное. С этого момента выхода упомянутой статьи русскоязычные авторы житий св. Евфросинии и историй Спасо-Евфросиниевского монастыря предпочитали впредь игнорировать легенду о Параскеве, воспринимая ее сугубо негативно.

Тем не менее, хотя в начале XX в. Параскева практически исчезает из русскоязычных источников, упоминание о ней попадает в изданную в том же 1910 г. «Кароткую гісторыю Беларусі» В.У. Ластовского [7, с. 14] и, в дальнейшем обретает новую жизнь в трудах некоторых белорусских авторов XX в. [1].

1. Гарошка, Л. Сьв. Еўфрасія-Прадслава / Л. Гарошка. – Парыж : Выданьне Беларускае Рэлігійнае Місіі, 1949 г. – 79 с.
2. Говорский, К. А. Опровержение мнения папистов, будто бы пр. св. Евфросиния и другие древние св. угодники Русской церкви были унияны / К. А. Говорский // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 4. – Кн. XI. – С. 36–42.
3. Гудмантас, К. «Житие» Парасковии-Пракседы в литовских летописях / К. Гудмантас // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье: доклады российско-литовского семинара. Вильнюс, 28-30 марта 2011 г. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2013. – Р. 196–214.
4. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич – К. : тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1896. – 260 с.
5. Иловайский, Д. И. История России / Д. И. Иловайский. – Т. 1. – Ч. 2. – М. : Типография П. Лебедева. – 578 с.
6. Киркор, А. Очерк IV. Исторические судьбы Белорусского полесья / А. Киркор // Живописная Россия. Т. 3. – СПб., М., 1882. – С. 289–316.
7. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Вільня : Друкарня Марціна Кухты, 1910. – 126 с.
8. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Полоцк : Типография Х. Клячко, 1885. – 34 с.
9. Михаил (Дубровский), протоиерей. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой / Михаил (Дубровский), протоиерей. – Витебск : Губернская типография, 1903. – 27 с.
10. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – Т. 17 : Западнорусские летописи / С. Л. Пташицкий, А. А. Шахматов – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1907 – 648 с.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1758.
12. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 936. Л. 5 об.
13. Сапунов, А. П. Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – №14. – С. 1–29; № 15. – С. 31–45
14. Сапунов, А. П. Крест, приписываемый Параскеве, княжне полоцкой / А. П. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1888. – № 15. – С. 45–49.
15. Філіповіч, М. А. Полоцкая земля в літопісных та актовых джерелах XI–XVI століть / М. А. Філіповіч. – К. : НБУВ, 2014. – 204 с.
16. Я. Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая / Я. // Церковные ведомости. – 1909. – №27. – С. 1216–1226
17. Kulczynski, I. Specimen ecclesiae Ruthenicae / I. Kulczynski. – Romae : H. Casterman, 1773. – 351 p.
18. Semianchuk, A. Euphrosyne, Pradslava, Praxeda, Paraskeva in the Belarusian-Lithuanian Chronicles of the 16th Century / A. Semianchuk // Studia Białorusinistyczne. – 2020. – № 4. – Р. 11–32.
19. Stebelski, I. Dwa wielkie światła na horyzoncie potockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij. T. 1. / I. Stebelski. – Lwów : Xieggarnia Zelmana Iгла, 1866. – 185 s.
20. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / M. Strykowski. – Т. 1. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glucksberga, Księgarza, 1846. – 392 s.
21. Wiiiuk Koiiałowicz, A. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium / A. Wiiiuk Koiiałowicz. – Vilnae : Typis Academicis, 1650. – 140 p.

Кашенко С.Г., Никитина Н.П.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. В ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛОРУССИЕЙ УЕЗДАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на значительное количество публикаций, посвященных её изучению, остается в центре внимания историков-аграрников. В настоящее время в отечественной исторической науке присутствуют различные оценки последствий данной реформы от крайне положительных до довольно критических [9; 12]. При этом следует отметить наличие целого научного направления, ориентированного на исследование крестьянской реформы с помощью методов математической статистики и компьютерного анализа. В данном контексте хотелось бы представить исследование, целью которой является анализ экономических последствий реализации крестьянской реформы 1861 г. в Псковской губернии. При этом мы решили совместить два подхода компьютерно-статистический и традиционно-описательный. В качестве территориальных рамок исследования были выбраны уезды, граничащие с территорией Белоруссии, а именно Островский, Опочецкий, Великолукский и Торопецкий. Описание особенностей проведения реформы 1861 г. в Псковской губернии уже нашли свое отражение в исторической науке [5; 7; 8; 10]. Вместе с тем, анализ экономических последствий реформы на приграничном с Витебской губернии пространстве не осуществлялся. В качестве источников нами использовались данные уставных грамот, материалы уездных съездов мировых посредников.

Характеризуя экономическое положение Псковской губернии, в 1861 г. губернатор Муравьев отмечал, что сельское хозяйство является одной из основных отраслей экономики, при этом Псковский, Порховский, Островский, Опочецкий и Новоржевский уезды являются льнопроизво-

дьяцами. Таким образом, в двух из четырех приграничных с Витебской губернией уездов лен являлся главной сельскохозяйственной культурой, при этом «хлебопашество незначительно» [3, л.10]. В качестве самого хлебородного уезда псковский губернатор отмечал Великолукский. Торопецкий уезд в этом отношении находился на четвертом месте. Переходя к вопросу об экономических последствиях отмены крепостного права, необходимо отметить, что исследование, проведенное с привлечением статистических методов и компьютерных технологий [6], показало, что губернские и даже уездные границы смежных губерний являются весьма условными рамками как при анализе степени распространения той или иной формы эксплуатации крепостных, так и при рассмотрении особенностей трансформации структур крестьянских наделов и платежей, проходившей в помещичьих имениях в 1861–1863 гг. Так, например, при сравнении уездных показателей трех северо-западных губерний (Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской) выделяется центральная, «оброчная» часть региона, а также еще одна «оброчная» зона, расположенная на его северо-востоке, рамками которых являются не губернские, а уездные границы. Выделяется также широкая «барщинная полоса», охватывающая западные и южные уезды, и «буферное пространство», с распространением смешанных форм повинностей, расположенное между оброчной и барщинной зонами. Можно предположить, что более точные и тонкие наблюдения можно получить при сравнении ситуации в отдельных смежных волостях разных уездов [6, с. 364–365].

Статистический анализ компьютерной базы данных, содержащей сведения о предреформенной ситуации в помещичьих имениях 27 уездов трех северо-западных губерний России (Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской), показал наличие кластера из 4 псковских уездов, в которых накануне реформы преобладала барщинная форма эксплуатации крестьян. В числе этих уездов три (Островский, Великолукский и юг Торопецкого), были расположены непосредственно вдоль границы с Витебской губернией, а еще один «барщинный», Новоржевский, хотя и не граничил напрямую с этой губернией, но был расположен недалеко от белорусских уездов. Некоторое исключение среди приграничных с Витебской губернией уездов составлял Опочецкий, где в процентном отношении в границах уезда барщинных крестьян было меньше, чем в соседних, но и здесь на барщине насчитывалось больше крепостных, чем оброчных и состоявших на смешанной повинности.

Обратимся непосредственно к анализу данных, полученных в результате компьютерной обработки. Упомянутый выше Островский уезд, граничил не только с Витебской, но и Лифляндской губернией, его площадь составляла более 7 тыс. кв. верст. [4, с. 38]. Здесь на 1858 г. проживало 91,6 тыс. человек [4, с. 169]. Одной из особенностей уезда был весьма большой процент казенных крестьян (около 55 тыс. человек). Уезд славился как льнопроизводящий. Удачное географическое расположение делало уездный город Остров транзитным центром. В помещичьих имениях Островского уезда накануне реформы проживало около 17 тыс. крестьян мужского пола и свыше 700 дворовых [11, с. 34]. При этом по произведенной нами оценке 83,1% из них исполняли барщину, 11,1% состояли на оброке, остальные находились на смешанной повинности. Средний надел помещичьих крестьян до реформы составлял 5,9 дес. на душу м.п. После их освобождения решающее влияние на размер наделов оказал установленный здесь «высший размер» надела, 5 дес. на душу м.п. Из пореформенного распределения крестьянских наделов видно, что 64% островских крестьян получили надел от 5 до 6 дес. (чаще всего «высший» размер или близкий к нему). Новый средний размер надела стал равен 4,7 дес., т.е. сократился на 20,2 %, при этом в оброчной деревне это сокращение составило 25,6 %, а у барщинных крестьян – 16,8%. В отдельных имениях (у 10% крепостных) были осуществлены незначительные прирезки земли, однако отрезки в уезде в 20 раз превышали эти прирезки.

Важным экономическим последствием реформы стало изменение размера крестьянских платежей. Определить степень их изменения можно только для оброчных крестьян, поскольку в барщинной деревне денежная оценка работ практически никогда в уставных грамотах не фиксировалась. По нашим расчетам средние платежи до реформы составляли здесь 9 руб.38 коп. с души м.п. и 1 руб. 56 коп. в расчете на десятину удобной земли. После реформы здесь был установлен высший размер платежей – 8 руб. с души. Это определило характер изменений в платежах. Средний платеж на душу сократился на 22,3%, а на десятину практически остался на том же уровне. Таким образом, мы можем наблюдать здесь два параллельных процесса, направленных в противоположную сторону – сокращение наделов и практически такое же сокращение платежей.

Соседний с Островским, Опочецкий уезд, также граничил с Витебской губернией. По своей площади, около 3400 кв.в., он практически в два раза уступал предыдущему [4, с. 38]. Население на конец 1850-х составляло здесь 81,5 тыс. человек, [4, с. 169], около половины сельских жителей были казенными крестьянами. Лен также как и в Островском уезде являлся основной сельскохозяйственной культурой. В помещичьей деревне крестьян было примерно столько же, сколько в соседнем уезде, около 17,5 тыс. душ м.п. крестьян и 963 дворовых [11, с. 34]. Однако, по распространению различ-

ных форм эксплуатации уезды существенно различались. По нашей оценке, барщинных крестьян здесь было 44,9%, оброчных 28,6 %, на смешанной повинности состояло 26,5% крепостных. Что касается крестьянских наделов и платежей, то следует отметить близость показателей со средними в Островском уезде. Средний надел до реформы составлял 5,4 дес., высший размер был установлен в 5 дес., 70% крестьян получили надел от 5 до 6 дес. Средний надел сократился на 13,9% (до 4,7 дес.). У барщинных крестьян сокращение составило 15,9%, у оброчных – 18,0%. Около 60% крестьян получили сокращенные наделы, примерно у 25% – наделы увеличились, однако в каждом конкретном случае прирезка была минимальной. До реформы у оброчных крестьян средний размер платежа составлял 8 руб. 5 коп. с души и 1 руб. 57 коп. с дес. Высший размер пореформенного оброка был установлен в 8 руб. с души. У оброчных крестьян платежи сократились на душу на 18,8%, а на десятину составили 1 руб.56 коп., т.е. практически не изменились.

Еще один приграничный с Витебской губернией, Великолукский уезд, несколько отличался от предыдущих. Здесь была лучшая по качеству земля в губернии. Крестьяне лен не выращивали, и считалось, что «при трудолюбии земледельцев, уезд есть один из хлебородных в губернии». Хлеба здесь хватало и на прокорм местного населения и даже на вывоз в Петербург. При этом здесь было «лучшее скотоводство в губернии». Площадь уезда составляла около 4000 кв. верст [4, с. 38], а число жителей обоего пола накануне реформы примерно 60 тыс. [4, с. 169], треть сельского населения были казенными крестьянами. В помещичьей деревне накануне реформы было 22,1 тыс. душ м.п. и 1,4 тыс. дворовых [11, с. 34]. По нашей оценке, 91,6% этих крестьян состояли на барщине, 2,6% были на оброке и 5,7% – на смешанной повинности. Средний размер надела в уезде до реформы был равен 5,3 дес. (у оброчных крестьян он был выше, 6,5 дес., у барщинных несколько ниже, 5,2 дес.). Высший размер надела после реформы был установлен в 4,5 дес. на душу м.п. После реформы средний размер надела сократился у барщинных крестьян (и по уезду в целом) на 18,0%, у оброчных сокращение было намного выше – 34,7%. У 60% крестьян наделы сократились, прирезки же, как и в других уездах были ничтожными. Платежи оброчных крестьян до реформы составляли в уезде 8 руб. 36 коп. на душу и 1 руб.29 коп на дес. После реформы высший размер оброка был установлен в 8 руб., в силу чего платежи оброчных на душу сократились на 21,2%, но в расчете на десятину увеличились на 20,9%, до 1 руб. 56 коп.

Наконец, еще один, Торопецкий уезд, граничил сразу с тремя губерниями, Витебской, Смоленской и Тверской. Его площадь составляла около 5600 кв. верст, [4, с. 38], а население почти 55 тыс. жителей [4, с. 169]. Это был один из наименее плотно заселенных уездов. Уезд обеспечивал себя хлебом, лен здесь практически не высевался. Важным подспорьем в хозяйствах были различные лесные промыслы. Численность помещичьих тяглых крестьян накануне реформы составляла здесь 19,8 тыс. душ м.п. и 1,3 тыс. дворовых [11, с. 34]. Среди повинностей преобладала барщина, на которой, по нашим оценкам, находились 84,8 % крепостных, оброчных было 11,4%, на смешанной повинности – 3,8%. До реформы средний надел в уезде составлял 8,4 дес. на душу м.п., в барщинной деревне он был несколько меньше, 8,0 дес., у оброчных крестьян, заметно выше, 10,7 дес. После реформы в уезде был установлен высший размер надела в 5,5 дес., что привело к тому, что после реформы наделы от 5 до 6 дес. получили 88,4% торопецких крестьян. После реформы средний размер надела в уезде сократился на 35,4%, что было наибольшим показателем сокращения крестьянской земли в губернии. При этом в оброчной деревне надел сократился на 49,1%, а в барщинной на 32,6%. Прирезки, хотя и наблюдались у 10% крестьян, были микроскопическими, составляли лишь 0,7%. Платежи в оброчной деревне до реформы были равны 6 руб. 79 коп с души и только 62 коп в расчете на дес. удобной земли. После реформы высший размер оброка был установлен в 8 руб. с души, у оброчных после реформы он составил 6 руб.40 коп. на душу и 1 руб.17 коп. на десятину. Следовательно, в оброчной деревне сокращение платежей произошло на 5,7% на душу м.п., а в расчете на дес. увеличилось практически в 2 раза, что нанесло существенный удар по экономике крестьянских хозяйств.

Кроме того, следует остановиться на ряде деталей, которые возникали в ходе проведения крестьянской реформы и так же в определенной степени, влиявших на экономическое положение в деревне. Проведение реформы в жизнь вызвало споры между крестьянами и помещиками. Так временнообязанные крестьяне д. Прони обратились в Великолукский уездный съезд мировых посредников с прошением в отношении деятельности их бывшего помещика Андрея Петровича Корвин-Круковского. Крестьяне ходатайствовали о выделении им полного надела, но, кроме этого, требовали уплатить со дня издания манифеста за каждый год по 2 руб. серебром на тягло за прогон через их покос быков. Таким образом оформленное в уставной грамоте чересполосное владение землей между крестьянами и помещиками приводит к взаимному недовольству. В реализации всех этих требований крестьянам было отказано [1, л. 58]. Еще одним из спорных вопросов являлись хлебозапасные магазины. Крестьяне очень часто обращались в съезд мировых посредников с просьбой об отведении им данных объектов или о возвращении им хлеба, засыпанного ранее. Однако данные ходатайства оставались без удо-

влетворения. В течении почти 2-х лет Великолукский съезд мировых посредников разбирал спор между помещиком Г. Ярышкиным и его временнообязанными крестьянами. Помещик требовал, перенести крестьянские усадьбы с территории его усадьбы в другое место. Крестьяне же требовали компенсации в виде строительного леса и денег 1 тыс. руб. Ярышкин считал подобные траты очень высокими [2, л. 31 об.]. Съезд мировых посредников отстоял позиции крестьян.

В процессе реализации реформы всплывали и проблемы, связанные с некачественно составленными уставными грамотами. Например, в имении помещика Ф.Н. Дубровина мировым посредником П.П. Гершау была составлена одна уставная грамота для 2-х деревень Израйкино и Ивахново, при этом у них отсутствовало общее землепользование, в итоге это вызывало массу конфликтных ситуаций между крестьянами. Мировой съезд признал грамоту неправильной [1, л. 67]. Крестьяне жаловались, что им предоставляют в пользование некачественные земли, причем ранее ими они не пользовались. Подчас это была хитрость со стороны крестьян, желающих получить более качественную землю, мировому посреднику удалось доказать, что эти земли ранее использовались крестьянами под покос. Очень часто прошения крестьяне ходатайствовали об уменьшении их надела, т.к. поменялась демографическая ситуация в деревне: наличных 10 душ, а платят за 16, показанных в уставных грамотах. В итоге они «стесняются в платежах оброка по своим скудным средствам» [2, л. 62]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что платежи, лежавшие на крестьянской земле в начале проведения реформы, являлись для крестьян достаточно высокими.

Механизм проведения реформы, а именно временнообязанное состояние крестьян и нюансы его реализации также вызывали споры. Например, крестьяне помещика А.С. Лаврова требовали компенсацию за переработку по 2 часа в день в течение месяца. При этом выяснились любопытные особенности организации помещичьего хозяйства. А.С. Лавров во время жатвы использовал труд временнообязанных крестьянок, направляя их для работы на поля своих арендаторов, причем последние платили помещику по 20 коп. сер. за использование труда каждой женщины [1, л. 75]. Помещик руководствовался следующим соображением, что арендованная земля принадлежит ему, следовательно на ней он вправе использовать труд крестьян. Крестьяне же исходили из понимания того, что за пользование землей во временнообязанном состоянии они отработывают дни именно у помещика, а не арендаторов. Дело в силу сложности было направлено в губернское по крестьянским делам присутствие.

Таким образом, рассматривая изменения, происходившие в крестьянских хозяйствах 4-х приграничных уездов Псковской губернии, мы можем отметить как наблюдавшиеся здесь общие черты, так и известную разницу в условиях освобождения крепостных. Тем интереснее посмотреть те изменения, которые происходили в процессе освобождения крестьян в соседних с ними уездах Витебской губернии, где наблюдались существенные особенности, связанные с политической ситуацией, сложившейся в регионе, в связи с восстанием 1863–1864 гг. Сегодня проделать такую аналитическую работу становится возможным в связи с тем, что начиная с 2011 г. сотрудниками Российского государственного исторического архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге проделана огромная работа по оцифровке десятков тысяч документов Ф. 577 Главного выкупного учреждения Российской империи. Новые исследования существенно упрощаются в связи с тем, что в РФ и за рубежом создаются удаленные терминалы, в которых эти документы становятся более доступными. Сейчас такая работа была успешно проведена на материалах Черноземных губерний и Русского Севера, а также в рамках поддержанного грантом РФФИ исследования столичных губерний. Хотелось бы надеяться, что она может заинтересовать белорусских и российских историков.

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф.862. Оп.1. Д.4.
2. ГАПО. – Ф.862. Оп.1. Д.6.
3. Российский государственный исторический архив. – Ф. 995. Оп.1. Д.12.
4. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. – Вып. 2 : Наличное население Империи за 1858 год / [Соч.] Редактора Центр. стат. ком. А. Бушена. – СПб. : тип. II Отд-ния собств. е. и. в. Канцелярии, 1863. – XIII, 330 с., 1 карт.
5. Дейч, Г. М. Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX вв. : автореферат дис., на соискание ученой степени д. и. н. / Г. М. Дейч / Ленингр. отд-ние Ин-та истории АН СССР. – Л. : [б. и.], 1962. – 30 с.
6. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г. Кащенко. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. – 549 с.
7. Кащенко, С. Г. Отмена крепостного права в Псковской губернии : Опыт компьютер. анализа условий реализации крестьян. реформы 19 февр. 1861 г. / С. Г. Кащенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 157 с.
8. Кащенко, С. Г. Крестьянская реформа 1861 г. в приграничных с Прибалтикой северо-западных уездах Петербургской и Псковской губерний. Результаты исследований с применением компьютерных технологий / С. Г. Кащенко, Е. С. Кащенко // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1 (66). – С.7–17.
9. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – №1. – С.3–27.
10. Никитина, Н. П. Виды переделов земли на Северо-Западе России в пореформенный период (1861–1906 гг.) / Н. П. Никитина // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов. – Калининград : КГУ, 2001. – С. 60–69.

11. Тройницкий, А. Г. Крепостное население России по X народной переписи: Статистическое исследование / А. Г. Тройницкий. – СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1861. – VIII, 92, [1] с., [2] л. цв. карт : табл.; 24 см.
12. Христофоров, И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). / И. А. Христофоров – М. : Собрание, 2011. – 367 с.

Кащенко С.Г., Кащенко Е.С.
К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДЕЛ
О ВЫКУПЕ КРЕСТЬЯНСКИХ НАДЕЛОВ В 1861–1883 ГГ.¹

Дела о выкупе крестьянских наделов, хранящиеся в Ф.577 (Главное выкупное учреждение) Российского государственного исторического архива, являются одним из наиболее известных и востребованных исследователями массовых источников XIX века, позволяющих с наибольшей полнотой и точностью оценить экономические последствия освобождения крестьян от крепостной зависимости и итоги выкупной операции в помещичьих имениях. Новый импульс процессу изучения выкупных дел дала осуществленная в последние годы оцифровка дел Главного выкупного учреждения, проведенная сотрудниками архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге. Результаты этой работы сопоставимы по своим масштабам с крупнейшими современными европейскими проектами. Исследователи получили в свое распоряжение цифровые копии огромного массива документов (фонд содержит около 90 000 дел) и возможность изучения их с удаленных терминалов, расположенных в ряде областных центров Российской Федерации и за рубежом. Традиционно считается, что наиболее значимыми документами в этих делах являются уставные грамоты и выкупные материалы (в частности, докладные записки о выкупе). При этом при описании состава дел об остальных находящихся там документах часто имеются весьма краткие упоминания как о «сопутствующих» первым двум. Формализованные сведения, извлеченные из уставных грамот и выкупных актов, на протяжении многих лет служили основой для создания реляционных баз данных, позволивших получить представление об экономических последствиях крестьянской реформы [1]. Сегодня, повторно обращаясь к этим документам, можно разглядеть в них новые информационные возможности.

Одним из примеров выкупного дела, содержащего исключительно интересную информацию именно в текстах «сопутствующих» документов, являются материалы Лиговского имения Кушелевых, расположенного в Московской волости Санкт-Петербургского уезда. Это считавшееся образцовым в хозяйственном отношении имение имело богатую историю и неоднократно привлекало внимание статистиков, экономистов и краеведов [6, с. 32–33; 7, с. 58–67]. Расцвет лиговского хозяйства связан с именем приглашенного графом Г.Г. Кушелевым иностранного управляющего Захара Захаровича Маклотлина (Mac Lothlin Richard Watson) и огромными финансовыми возможностями самого графа. Представление о его состоянии дает содержащееся в выкупном деле завещание Г.Г. Кушелева, датированное 6 апреля 1853 г. [2, л. 45], составленное им за два года до смерти. Этот документ представляет несомненный интерес не только для понимания хозяйственной ситуации в имении, но и, благодаря своим литературным достоинствам, является находкой для филологов. «Готовясь к исхождению из сей временной жизни», генерал-лейтенант Г.Г. Кушелев делает распоряжение «для обеспечения дражайшей жены моей, которая в продолжении 20 летнего нашего супружества делала меня счастливейшим человеком, своею Ангельской кротостию и любовью». Среди передаваемого супруге движимого и недвижимого имущества дома в Санкт-Петербурге, часть Астраханских рыбных промыслов, «часть степей в Тамбовской губернии», имения в 7 губерниях с 12000 душ мужского пола. Впечатляет и сумма, которую граф собирался оставить Маклотлину, исчислявшаяся в 100 000 руб. серебром. (Маклотлин ненадолго пережил Кушелева и скончался в 1861 г.). Конечно, владелец, обладая такими средствами, мог превратить свое имение под столицей в некую «витрину», прекрасно обустроенное поместье, которое было и примером для подражания, и недостижимым идеалом для многих петербургских помещиков. Интересно отметить, что после смерти Кушелева имение постепенно пришло в упадок. Графиня, не особенно разбиравшаяся в хозяйственной деятельности, построила церковь в память о муже в Сергиевской пустыни под Петербургом и сумела испортить отношения со своими бывшими крепостными в Лиговском имении, что привело к конфликтам и вмешательству воинских команд.

Не менее интересно пространное духовное завещание помещика Рудометова, владельца деревни Коросары Петербургского уезда [4, л. 19–21], в котором он дает разъяснение, как следует поступить с крепостными после его смерти. Часть дворовых, вместе с семьями, следовало отпустить

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи. Опыт применения статистических методов и современных компьютерных технологий», реализованный в Санкт-Петербургском государственном университете.

«вечно на волю». Это завещание существенно дополняет уставную грамоту, в которой перечислено крепостное население деревни на момент проведения реформы.

Особый интерес представляют выкупные дела, в которых содержится переписка Главного выкупного учреждения с министрами финансов, внутренних дел и Государственным банком. Обычно такие выкупные дела содержат информацию о повышении оброка выше «нормального», утвержденного в «Местных положениях». Так, в деле графини Шуленбург (село Александровское Петербургского уезда) [6, л. 46–51] содержатся сведения, касающиеся повышения размеров оброка не только в этом владении, но и материалы по аналогичным ситуациям в других петербургских имениях. Представляет интерес доклад председателя Главного выкупного учреждения по поводу повышения оброка в Оккервильском имении Уткиных [3, л. 46] и прошение помещиков Уткиных об увеличении пореформенных повинностей крестьян. В процессе реализации крестьянской реформы и осуществления выкупной операции основанием для определения размеров платежей были соответствующие статьи «Местных положений», где регламентировался порядок установления величины повинностей в зависимости от дореформенной ситуации и определенных в уезде «норм». Отклонения от этих правил встречались сравнительно редко в провинции и в периферийных уездах Петербургской губернии. Они тщательно анализировались в Губернских по крестьянским делам присутствиях, а затем и в Главном выкупном учреждении. Случаи увеличения пореформенных платежей «сверх нормы» наблюдались достаточно часто непосредственно под столицей и становились предметом специального обсуждения в Министерстве финансов и внутренних дел. Решения, принятые по этому поводу, в дальнейшем становились прецедентом при практической реализации выкупа. В ходе выкупной операции некоторые такие случаи вызвали сомнения чиновников Главного выкупного учреждения, дела передавались в министерства, а затем обсуждались министрами М.Х. Рейтерном и П.А. Валуевым. Вопросы возникали, чаще всего не потому, что устанавливалась величина душевого оброка, значительно превышавшая размер «высшего для местности» и превосходившая дореформенные платежи. Обычно в Министерстве финансов считали, что при составлении уставной грамоты и назначении нового оброка помещиками справедливо учитывались исключительно выгодное расположение имений и добровольный характер соглашений крестьян с владельцем. Обсуждался вопрос о том, как и в каком размере в таких случаях должно было содействовать выкупу правительство. М.Х. Рейтерном были подготовлены предложения, которые были согласованы с П.А. Валуевым и получили поддержку Александра II. Впоследствии они стали своеобразной инструкцией в практике проведения выкупной операции. Суть предложений М.Х. Рейтерна касалась принципов финансирования правительством выкупной операции в случае «отступления от норм». М.Х. Рейтерн предлагал: «Оказывать содействие Правительства, при выкупе сего надела, не по капитализации платимого крестьянами оброка, а по капитализации оброка, какой следовал бы с крестьян за предоставленный им надел, согласно местным Положениям. Остальную затем часть выкупной суммы, исчисленной по капитализации принятого крестьянами на себя оброка, превышающего размер, установленный в местных Положениях, крестьяне, если желают выкупить свои усадьбы и полевые угодья, могут уплатить сами по взаимному соглашению с помещиком» [5, л. 24 – 27 об.]. В дальнейшем эти предложения стали инструкцией в процессе реализации выкупной операции. Такая практика, опробованная в подстоличных имениях после осуществления первых выкупных операций, не вызвала каких-либо конфликтов на местах и стала прецедентом при рассмотрении аналогичных дел, поступивших в Главное выкупное учреждение в 1870-х – 1880-х гг. Таким образом, содержащиеся в выкупных делах «сопутствующие» документы позволяют проследить процесс внесения изменений в документальную базу, регламентировавшую выкуп крестьянских наделов.

Не менее интересны постоянно встречающиеся в делах материалы поверки документов мировыми посредниками, а также подробные описания помещичьих долгов. Таким образом, «сопутствующие документы», ставшие более доступными после их оцифровки, являются важным источником для историков, занимающихся аграрными и финансовыми сюжетами, связанными с реформой 1861 г., демографов, специалистов в области правоведения и генеалогии.

1. Кащенко, С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г. Кащенко. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. – 549 с.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф.577. Оп.35. Д.1273.
3. РГИА. – Ф.577. Оп.35. Д.1282.
4. РГИА. – Ф.577. Оп.35. Д.1283.
5. РГИА. – Ф.577. Оп.35. Д.1285.
6. РГИА. – Ф.577. Оп.35. Д.1295.
7. Столянский, П. Н. Петергофская перспектива: Историко-художественный очерк / П. Н. Столянский. – Пг. : Гос. изд-во, 1923. – 72 с.
8. Труды Императорского Вольного экономического общества. – 1845. – №5. – С. 58–67.

Буевич Т.В.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 Г. КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НАСЕЛЕНИИ ИМПЕРИИ

Обсуждение проблемы некачественного проведения переписей населения началось в Российской империи в середине XIX в. Вызывали сомнение не только итоги, но и методы сбора статистических данных. Как чиновники, так и общественные деятели говорили о необходимости проведения всеобщей переписи, основанной на «научных приемах исчисления населения» [2, с.5]. Очередной виток «обострения» проблемы пришелся на период подготовки к проведению военной реформы 1874 г.: для реализации всеобщей воинской повинности необходимо было как-то внедрить учет военнообязанных лиц. Дополнительный толчок к внедрению «современной» переписи дали неурожай 1891–1892 гг. В результате 5 июня 1895 г. было утверждено «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи», а сама первая и единственная в Российской империи всеобщая перепись населения была проведена 28 января 1897 г.

Ее материалы – единственный официальный статистический источник, позволяющий увидеть общую картину населения Российской империи, оценить его качественный состав накануне XX в., века, в результате событий которого произошел распад империи.

Критическое осмысление Переписи началось еще на этапе подготовки. Затем недостатки, как методики опроса, так и обобщения итогов, были озвучены в публикациях В.В. Пландовского (1874–?) [4], А.Ф. Фортунатова (1848–1914) [8], А.Н. Котельникова (1859–1910) [2] и др.

Необходимо отметить, что критика Переписи 1897 г. являлась объективной.

Так, например, одним из недостатков указывался тот факт, что объем переписных сведений не соответствовал тем нормам, которые были рекомендованы международными статистическими конгрессами для проведения подобных мероприятий [2, с. 20]. Стоит отметить, что для Переписи 1897 г. было установлено 18 основных вопросов: имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства и к главе семьи, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, умение читать и место обучения (грамотность), главное и побочное занятия, отбывание воинской повинности, физические недостатки. Вопросы и ответы на них фиксировались в специальных переписных листах, заполнявшихся на основе индивидуального опроса.

Вызывает сомнение качество опроса населения по параметру «грамотность». Было установлено, что он включает в себя две позиции: умение читать и место обучения. Но, во-первых, в опубликованных таблицах Переписи нигде не указывалось, что в данном случае речь идет только об умении читать, что в конце XIX века по мировым стандартам относилось к категории «полуграмотный». Во-вторых, вопрос о месте обучения был поставлен таким образом, что на его основе невозможно было установить, окончил ли респондент данное заведение или нет. При этом наименование графы об уровне образования, например, в таблице XV «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» было настолько общее, что с научной точки зрения статистика, опубликованная в ней, имеет минимальный смысл: уровень образования был обозначен одним предложением – «Получивших образование выше начального» [7]. Таким образом, на основе данных Переписи 1897 г. наиболее достоверно можно, по сути, получить ответ только на один вопрос: сколько жителей империи умели читать (на родном или русском языке)? Но этот факт нигде в изданиях Переписи не оговорен.

Также требует критического осмысления способ сбора сведений о родном языке (графа 12 переписного листа). Предписывалось «вписать» название языка, который респондент считал родным. Других сведений о национальном самоопределении не собиралось. В связи с этим при определении национального состава империи можно смело говорить об определенной доли погрешности, т.к. национальный язык респондента и используемый им в быту/семье (например, в многонациональной) могли не совпадать. В спорных случаях счетчикам предлагалось родным языком считать тот, на котором члены одной семьи говорили между собой в обиходе, хотя для смешанных браков могло делаться исключение [1, с. 31]. Таким образом, выбор языка оставался за счетчиком, и невозможно исключить субъективный фактор.

А.Н. Котельников в своей работе «История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г.» приводит примеры явного искажения некоторых данных. Например, он дает информацию, что в Седлецкой и Люблинской губерниях сведения о вероисповедании указывались не на основе личного опроса респондентов, а путем внесения в переписные листы сведений о принадлежности жителей к православию, что отражало «нужды правительства» [2, с. 37]. Так же серьезной критике автор подвергал данные о количестве старообрядцев, сектантов и уклоняющихся от традиционной православной веры.

Отдельно необходимо сказать об итогах Переписи 1897 г., зафиксированных в изданиях, подготовленных Министерством внутренних дел. Были выпущены тома с предварительными сведениями и с окончательными итогами обработки данных. Последние публикации сделаны уже в начале XX века.

Для обработки результатов применяли новейшие (машинные) методы.

Недостатки статистики, внесенной в таблицы, составленные по итогам Переписи 1897 г., особенно заметны при проведении компаративного анализа данных из разных таблиц, посвященных одной и той же теме. Особенно заметны расхождения в статистических данных при систематизации итогов в рамках одного региона.

Таблица 1.

**Сведения о конфессиях Витебской губернии.
По данным издания «Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям»
(1901 г.) [9]**

Конфессия	Гендерное соотношение		Всего	% к общему числу жителей губернии
	муж.	жен.		
Православные и единоверцы	муж.	413 443	825 601	55,44
	жен.	412 158		
Римско-католики	муж.	175 620	357 306	23,99
	жен.	181 686		
Иудеи	муж.	83 238	175 678	11,80
	жен.	92 440		
Старообрядцы (старой веры) и уклоняющиеся (от православия)	муж.	40 636	83 022	5,57
	жен.	42 386		
Протестанты (разных направлений)	муж.	23 250	46 891	3,15
	жен.	23 641		
Магометане	муж.	647	661	0,04
	жен.	14		
Остальные христиане	муж.	43	82	≈0,0097
	жен.	39		
Остальные нехристиане	муж.	5	5	≈0,0003
	жен.	0		
Всего населения	муж.	736 882	1 489 246	100
	жен.	752 364		

В то же время, например, в таблице XII «Распределение население по вероисповеданиям» значится 175 623 мужчины римско-католической веры, женщины указаны одинаково; протестантов разных направлений (лютеране, реформисты, баптисты, англикане) 46 870 (муж. 23 252, жен. 23 618); лиц, отнесенных к категории «Остальные христиане» (армяно-григориане, армяно-католики и др.) – 72 человека (муж. 38, жен. 34); также разница при указании числа иудеев – 175 629 человек (муж. 83 212, жен. 92 417) [5].

Автором настоящей статьи были обнаружены математические ошибки при суммировании показателей граф, путаница наименований в категориях респондентов. По сути, фактическую цифру иногда приходится устанавливать путем авторского суммирования всех данных таблицы и сравнения итога с другими таблицами по интересующему вопросу или с другими издания Переписи 1897 г., где сконцентрирована схожая информация. Например, в процессе суммирования сведений таблицы XIV «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку» [6] установлен тот факт, что для Двинского уезда перепутаны значения в графе «Итого» для литовского и латышского языков; но при этом в разрезе конфессий статистика была указана верно, что и позволило обнаружить ошибку.

Имеют место случаи, когда информация, можно сказать, фактически искажена. В выпуске «Наличное население обоюбого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков» [3, с. 1, 11] опубликованы выборочные статистические данные, но при этом в самих таблицах не имеется какого-либо указания на то, что информация публикуется не в полном объеме. Например: в разделе «А. По губерниям и областям» указано, что в Витебской губернии проживало 264 062 латыша, а сумма показателей о латышском населении, представленных в разрезе уездов в разделе «Б. По уездам округам» дает число 262 012 человек. Причина несоответствия объясняется тем, что опущены сведения о лицах, указавших родным латышский язык в Дриссенском, Лепельском, Невельском и Себежском уездах. Поэтому, если использовать сведения из раздела «Б. По уездам округам» для подсчета представителей той или иной национальности без сравнения с таблицами других томов, то можно апеллировать недостаточно точными данными.

Тем не менее, не стоит отрицать положительный итогов Переписи 1897 г. Впервые были внедрены научные основы при сборе статистического материала о населении страны. Что касается методики, то методы проведения переписей, и, как следствие, ее итог, до сих пор вызывают споры. Не стоит отрицать и общеизвестный факт, что любой сбор статистических данных и их обработка имеет определенную долю погрешности. Безусловно, наличие в истории Российской империи не-

скольких переписей могли способствовать объективности картины. Однако в 1917 г., в год предполагаемой второй переписи, империя фактически прекратила свое существование. Иными словами, несмотря на ряд недостатков, данные Переписи 1897 г. являются единственным максимально достоверным источником о количестве и составе населения Российской империи в конце XIX.

1. Всеобщая перепись населения. Проект наставления сельским счетчикам. – [Санкт-Петербург, 1896]. – 40 с.
2. Котельников, А. Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. / А. Н. Котельников. – Санкт-Петербург : тип. Акционер. О-ва Слово, 1909. – 124 с.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 1–89 / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – [Вып. 7] : Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – 1905. – 38 с.
4. Пландовский, В. В. Народная перепись / В. В. Пландовский. – Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. – XVI, 378, [1] с.; 25.
5. Таблица XII. «Распределение население по вероисповеданиям» // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 74–75.
6. Таблица XIV. Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 80–115.
7. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 116–143.
8. Фортунатов, А. Ф. О редакции личных вопросов Всероссийской переписи / А. Ф. Фортунатов. – Москва: тип. «Русских ведомостей», [1913]. – 8 с.
9. Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям / разработано Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. 31 авг. 1901 г. – [Санкт-Петербург] : типография Спб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1901. – 40 с. ; 35.

Брюханова Е.А., Иванова Н.П.

ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ 1897–1917 ГГ.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ¹

Период конца XIX – начала XX в. для Сибири стал этапом активных трансформационных процессов, обусловленных рядом факторов – строительством и введением в действие Транссибирской магистрали, ее отдельных веток, государственной политикой добровольного и принудительного переселения населения из европейских территорий, необходимостью укрепления государственной границы и др. Все это способствовало изменению численности и состава региона, высокой миграционной активностью населения, в том числе городского. Происходили такие демографические изменения, как: изменения административно-территориальной принадлежности городов, сети и статуса городов (например, появление новых административных центров), рост численности городского населения. В этой связи интерес представляет динамика численности населения городов Сибири, как один из важнейших показателей происходящих демографических процессов. В связи с этим возникает вопрос о выборе наиболее достоверных источников статических данных, отражающих такие процессы. Их много, но мы выбрали официальные издания: Статистические ежегодники России (далее – Ежегодники), Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи 1870–1916 гг. (далее – Обзоры), а также материалы специальных обследований городов (далее – СОГ). Ежегодники готовились и извывались Центральным статистическим комитетом МВД (далее – ЦСК МВД) (выходили ежегодно с 1904 по 1916 г.). Обзоры губерний – губернскими статистическими комитетами (далее – ГСК), сведения для них собирали полицейские органы, епархии и городские управления. СОГ также проводились ГСК при содействии городских учреждений.

Многими исследователями данные статистических обследований ЦСК МВД и губернских статистиков подвергались жёсткой критике. После переписи 1897 г. ЦСК МВД регулярно публиковал в своих ежегодниках данные о численности населения как по России в целом, так и по административным делениям (губерниям, уездам). Однако даже при самой поверхностной критической оценке этих данных они оказываются настолько неубедительными, что возможность их использования была поставлена под сомнение практически всеми авторами, касавшимися этого вопроса.

Сифман Р.И., проведя исследование по динамике численности населения России в 1897–1914 гг., пришла к выводу, что «ошибочность исчислений ЦСК МВД явилась... результатом недостоверности данных о механическом движении населения», что привело к тому, что уже в 1903 г. общий прирост населения превышал естественный прирост [1]. По ее мнению, это было связано с расчетами местных губернских статистических комитетов, но методика этих расчетов остаётся не раскрытой. На то, что такие расчеты существовали указывал и В.М. Кабузан. Губернские статистические комитеты и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>.

ЦСК МВД с 1842 г. «ежегодно определяли примерную численность населения, исходя из данных о естественном движении населения и его переселениях из одной губернии в другую» [2, с. 100]. Поэтому очень скоро данные таких высчислений ЦСК МВД начали сильно искажать демографическую ситуацию в стране. «Исчисления же ЦСК МВД, публиковавшиеся с 1904 по 1916 г., принимали во внимание переселения лишь с 1909 г. и то в неполном объеме, а отток населения в города почти полностью игнорировали» [2, с. 101].

В самих обзорах губерний можно встретить сведения о том, что данные на некоторых территориях собирались приблизительные, в силу их отдаленности и труднодоступности (Приморская, Амурская область) [3, с. 9–11]. Однако, несмотря на такие недостатки, источник при его грамотной источниковедческой критике, является весьма информативным, зачастую содержит уникальную информацию, которая не отражается в других источниках, дает представление о развитии конкретной территории, в территориально-хронологическом контексте [4, с. 11–16; 5, с. 50; 6, с. 6].

Таким образом, все авторы с определенными оговорками положительно оценивали возможности использования статистических данных ЦСК МВД и губернских статистических комитетов для изучения численности населения Российской империи рубежа XIX – начала XX вв., в том числе населения городов.

Для сравнения показаний мы выбрали данные о численности городов Сибири вышеперечисленных источников только за 1904 и 1910 гг., т.к. только за эти годы есть возможность сопоставить данные всех трех источников. Таким образом, в докладе будет представлен компаративный анализ статистических данных о населении городов Сибири официальных изданий Центрального и губернских статистических комитетов за два года с целью выявления причин разночтений в них и определения степени достоверности.

В Ежегодниках нас интересовали только две таблицы: 1 – указано количество городов по уездам; 2 – с численностью населения по уездам, в том числе городского. Поскольку в Сибири в большинстве уездов был один город, то численность городского населения в уезде фактически соответствовала численности города. Исключение составили на 1904 г. Киренский и Томский округа, где были безуездные города – Илимск, Нарым и Колывань. В СОГ публиковались сведения о численности населения каждого города губернии.

Сопоставляя данные Ежегодников, Обзоров и СОГ, можно констатировать следующие разновидности разночтений.

Во-первых, запаздывание поступления данных и в ЦСК МВД, и в ГСК. Например, в Ежегоднике за 1904 г. нет данных о г. Ново-Николаевске, который на этот момент уже имел статус города. Всего городов в Сибири по Ежегоднику на 1904 г., и на 1910 г. указывалось 51, а по СОГ – 53. При этом численность г. Зея-Пристань в Обзоре Амурской губернии за 1910 г. имеется, но в таблице по количеству городов по Амурской губернии он не учтен, указан только один город (по факту же их было два – Благовещенск и Зея-Пристань) [7, с. 55–57].

Во-вторых, нами найдено подтверждение наличия расчетов при описании численности населения городов по городам Сибири. Так, в Обзоре Иркутской губернии указано, что расчет данных о населении был произведен путем прибавления к данным переписи 1897 г. результатов естественного движения населения с 28 января 1897 г. по 1 января 1911 г., а также числа прибывших в губернию ссыльных и переселенцев. Отмечалось, что этот способ не может считаться точным, т.к. кроме естественного прироста, «существенное значение имеет прирост механический (по Забайкальской и Сибирской железным дорогам)» [8, с. 92]. Например, в г. Иркутске к 1911 г., учитывая только естественный прирост, численность населения составляла 52886 человек, а с механическим приростом – 126689 человек, т.е. разница больше, чем в два раза (!). Отсюда, видимо, появлялись столь большие различия в данных по некоторым городам.

В-третьих, разночтения в данных разных источников могут быть связаны с недоучетом некоторых категорий населения, например, воинского контингента, который размещался в городах. Так, особенностью данных СОГ на 1910 г. было указание численности воинского контингента в городах, доля которого для отдельных городов была внушительной, например, 48,2% от численности населения г. Никольска-Уссурийского Приморской области в 1910 г. составляли военные, в г. Троицко-савске Забайкальской области – 23,6%, в г. Канск Енисейской губернии – 20,4%, в г. Нерчинске Забайкальской области – 12,8%. В абсолютном выражении в г. Никольске-Уссурийском размещалось 23 тыс. военных из 47,4 тыс. населения на 1910 г. В Обзоре по Забайкальской области указано, что уменьшение численности населения г. Чита вызвано перемещением войск. В интересующие нас годы указана численность г. Читы по годам: 1904 г. – 41098 чел., 1910 г. – 97545 чел. Но обращает на себя внимание, что в 1909 г. численность составляла 74325 чел., а в 1911 г. – 78252 чел., т.е. можно предположить, что воинский контингент составил около 20 тыс. чел. и он находился в Чите в 1910 г. В СОГ нет данных о военных по Чите [9, с. 52; 10, с. 1020].

По г. Благовещенску в Обзорах и за 1904 и за 1910 гг. данные существенно отличаются от данных Ежегодников и СОГ. Возможно, не учитывали иностранцев. В Обзоре Амурской области за 1910 г. по Благовещенску указано, что российские подданных составляли – 59432 чел., иностранцы – 4951 чел. (большинство китайцев-мужчин). Аналогичная ситуация с Владивостоком, в котором на 1910 г. из 84,5 тыс. населения города иностранцы составляли 34,8 тыс. или 41% (преимущественно, китайцы) [11, с. 74]. Таким образом, подтверждается гипотеза о включении/исключении из разряда городского населения некоторых категорий жителей (военных, иностранцев).

Наконец, еще одной причиной разночтений мог быть не учет эпидемий, пожаров и миграции с ними связанных. Так, в Ежегодниках численность г. Туруханска к 1910 г. по расчетам должна была составлять примерно 1000 чел., но в Туруханске население не росло, что видно из Обзора Енисейской губернии и СОГ. В Обзоре за 1913 г. указано, что в г. Туруханске в апреле 1909 г. произошел сильный пожар, после которого административные учреждения и резиденция отдельного пристава с 1909 г. находятся в с. Монастырское, город теряет численность [12, с. 29].

Подводя итог, можно констатировать, что для определения численности городского населения однозначно достоверных источников нет. Фактически, для каждого города на каждом временном срезе требуется изучение обстоятельств формирования населения, учет или неучет разных факторов (переселения, военный контингент, иностранцы, механическое движение по транспортным путям и др.). В целом, сложилось впечатление, что более точные сведения даны в Обзорах и СОГ. Но Обзоры необходимо изучать комплексно за несколько лет. Наименьшие расхождения можно наблюдать по тем городам, на которые меньше влияли переселенческие процессы и другие факторы.

1. Сифман, Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. – М., 1977. – С. 62–82.
2. Кабузан, В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – С. 100–118.
3. Маджаров, А. С. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов / А. С. Маджаров, Е. Л. Пономарева // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – С. 6–17.
4. Зайцев, М. В. Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке / М. В. Зайцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15, Вып. 3. – С. 11–18.
5. Кискидосова, Т. А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири 1850–1880-е гг. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 50–53.
6. Минаков, А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии / А. С. Минаков // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 65–74.
7. Ежегодник России 1904, 1910 гг. – СПб., 1905–1911.
8. Обзор Иркутской губернии за 1910. – Иркутск, 1911.
9. Обзор Забайкальской области за 1911. – Чита, 1915.
10. Города России в 1904 и 1910 гг. – Т. 1–2. – СПб., 1906–1914.
11. Обзор Приморской области за 1910. – Владивосток, 1911.
12. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913. – Красноярск, 1914.

Левин Е.В.

ПРОБЛЕМА УЧЕТА ЧИСЛЕННОСТИ ЭСТОНСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО, ОПОЧЕЦКОГО И ОСТРОВСКОГО УЕЗДОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

Псковскую губернию во второй половине XIX в. активно начинают заселять переселенцы из Прибалтийского края в лице эстонцев, латышей и немцев. Отсюда появилась проблема учёта численности мигрантов. Следует отметить, что этот компонент слабо развит в современном научном дискурсе. Особенно интересен данный вопрос на фоне проводившихся и по сей день переписей населения.

Задача работы состоит в том, чтобы проанализировать систему учёта численности эстонского, латышского и немецкого населения Псковского, Опочецкого и Островского уездов последней трети XIX в. Такие территории были выбраны, как граничащие с Витебской губернией.

При составлении данного исследования мы опирались на следующую методологическую базу. При разработке вопроса мы использовали математический метод при выявлении численности прибалтийского населения на данных территориях. Также применялся аналитический метод при анализе системы учёта переселенцев.

Проблематика учёта численности прибалтийских переселенцев в Псковской губернии второй половины XIX в. нашла отражение в работах Востокова Е. [9], Дементьева В. С. [10], Манакова А. Г. [13] и др. Но в данных исследованиях больше уделено вниманию результатам переписей прибалтийского населения Псковской губернии. Источниками для нашего исследования послужили материалы Государственного архива Псковской области, а именно: делопроизводственная докумен-

тация, находящаяся в фонде полицейского управления, документы о проведении переписи населения и материалы органов городского самоуправления.

На примере этих документов рассмотрим процесс организации учёта прибалтийского населения. В частности, обратимся к документации полицейских учреждений. Здесь содержится информация о числе латышей и эстов /чухон/ проживающих в Псковском уезде с 1871 г. по начало 1890-х, о состоянии переселенцев, о полувозрастном и сословном составе мигрантов, их вероисповедании. Указывается волость, где проживали переселенцы и условия их прибытия. Источники фиксируют информацию о посещениях ими учебных заведений. Включение этой информации при учёте населения видится нам важным составляющим в условиях вопроса адаптации эстонского и латышского населения уезда. Хронологические рамки дела следующие: 29 апреля 1881 г. – 21 августа 1890 г. На основании материалов этого документа видим, что с 1871 г. по 1881 г. Паниковскую волость Псковского уезда населяли 233 семьи из эстов и латышей, среди которых числилось 1064 чел. За 1881–1891 гг. в уезд переселилось 2001 латыш и 3086 эстонцев. Среди которых причислены к сельским обществам оказались 802 и 504 чел. соответственно, остальные проживали по паспортам [6]. Подчеркнём, что учёт вёлся с периодом в 10 лет. Поэтому урядники включали в документ информацию о количестве переселенцев за следующее десятилетие. В начале 1880-х гг. запрос о выходцах из Лифляндии и Эстляндии в Псковском уезде псковскому уездному исправнику поступает от губернатора. Первый собирает соответствующую информацию из волостных правлений. Данные от них имеют подпись волостного старшины [6, л. 1–31]. В 1890 г. поступает запрос от статистического комитета «о издавно начавшемся переселении» эстов и латышей псковскому уездному исправнику под подписью председателя комитета и губернатора [6, л. 32]. Затем каждое волостное правление уезда составляло рапорт на имя псковского уездного исправника о запрашиваемых сведениях [6, л. 32–99]. Видимо, сведения уточняли у сельского старосты, рапорт уездному исправнику мог составлять и пристав Псковского уезда [6, л. 56–61]. Подписывал документы о запрашиваемых сведениях волостной старшина.

Каким образом происходила процедура зачисления выходцев из прибалтийских губерний в общества того или иного уезда Псковщины? Попробуем ответить на вопрос. С этой целью рассмотрим документацию о зачислении выходцев из Лифляндии в мещанское общество Порховского уезда 1877–1878 гг. Запрос на вступление в общество писал тот, кто хотел причислиться к таковому, т. е. выходец из Прибалтики на имя мещанского старосты за подписью волостного старшины. Проситель указывал кто он и откуда, прошение о паспорте могло фигурировать [5, л. 3]. Порховский мещанский староста направлял в порховскую городскую управу приговор, где упоминалось о том, кто приписывается в общество. Главным условием для причисления к мещанскому обществу было наличие увольнительного документа с того общества, где ранее приписывалась семья. Помимо этого, предоставлялась справка от полицейского либо волостного правлений о судимости и поведении просителя, иногда могли присутствовать удостоверения о рождении детей [2–5]. Собрание мещан общества г. Порхова рассматривало письменный запрос лифляндского выходца, после совещания каждый расписывался (по безграмотности большинства членов расписывался за всех кто-то один) и мещанский староста ставил печать. Приговор оформлялся в доме городского собрания и после направлялся в псковскую казенную палату, также должно было утвердить порховская городская управа. После мог данный акт удостоверить и полицейский исправник [4, л. 4].

Ещё одним из методов проведения учёта населения является всеобщая перепись населения. Всего существует три метода проведения переписи и одной из них является «опрос – переписчик заполняет документ, исходя из личной беседы с переписываемым лицом, на такой основе были проведены переписи в России и СССР» [12, с. 88]. Скорее всего, перепись прибалтийского населения 1871–1891 гг. тоже велась на основе опроса. Уже при всеобщей переписи населения 1897 г. жителям выдавались переписные листы, Следует отметить, что в переписи 1897 г. был применен оригинальный прием сбора данных. «Переписные листы выдавались заранее: в селах и деревнях за 20–30 дней, в городах – за 5–10 дней. Затем счетчики собирали эти листы и, если нужно, вносили в них изменения, произошедшие уже на критический момент» [11, с. 215]. Он состоял из 14 пунктов, двумя из которых были родной язык и вероисповедание. Графы национальность не было. Перепись носила принципы всеобщности, одномоментности, единой программы и т.д. Здесь фигурировало наличное население. Псковский губернский статистический комитет отправлял уездным исправникам запросы на подсчёт наличного населения и затем исправник того или иного уезда предоставлял информацию [1]. Рапорт представлялся губернатору. По г. Псков данные предоставлял губернатору полицмейстер [1, л. 176]. Следует указать на особенность учёта населения в Островском уезде, где при подсчёте населения пользовались помощью жандармерии Петербургско-Варшавской железной дороги. Данные могли собираться и приставом стана [1, л. 173]. Кроме исходных листов переписи, есть ещё и опубликованная версия переписи. Последняя представляет собой объёмный труд, посвящённый Псковской губернии. В начале дела приводятся общие сведения о населённости различных частей Псковщины, о демографической ситуации,

плотности населения, его движении, занятости и т.д. Далее мы видим многочисленные таблицы, в которых указываются разного вида данные: более точная численность населения по уездам губернии, число народностей и их количество, вероисповедание, грамотность, сфера работы жителей. Такого рода информацию и многую другую можно найти в источнике [7]. Он вышла в начале XX в. В таблице 1 мы отметим различия в первичных и опубликованных данных переписи.

Таблица 1.

Численность прибалтийского населения в Псковском, Опочецком и Островском уездах по опубликованным и первичным данным переписи 1897 г. [1; 7]

Местность	Число латышей	Число немцев	Число эстов
Псковский уезд	3852/3046	1972/164	17725/18836
г. Псков	719/697	1312/1056	633/607
Опочецкий уезд	280/329	294/147	252/198
Опочка	39/14	71/26	-/15
Островский уезд	2929/819	398/13	275/7
Г. Остров	109/185	157/83	52/-
ВСЕГО	7928/5090	4204/1489	18937/19663

Данные исходных листов переписи основаны на сведениях циркуляра главной переписной комиссии [1, л. 194–195]. В опубликованной версии переписи даже есть пометка, что исследования проведены, основываясь на родном языке опрашиваемых. К тому же сведения по уезду включают в себя и городские показатели [7, табл. с. 46–47]. Даже если вычесть из суммы жителей уезда цифру городского населения в опубликованной версии, то показатели последней будут всё равно выше. С чем же это может быть связано? Ответ, наверное, кроется в сложностях подсчёта данных, ошибках при проведении переписи. «Окончательно публикация результатов всенародной переписи Российской империи 1897 г. была завершена только в 1905 г.» [8, с. 48–52]. Сама перепись носила принцип однодневной переписи [8, с. 49]. Это ещё раз показывает, что до этого сведения тоже собирались на основании о родном языке.

Мы видим, что показатели всех дореволюционных переписей основывались на данных о родном языке населения, сведения собирались, исходя из показаний опрашиваемых жителей. За переписью населения всегда обращались к уездному исправнику, к ним сведения поступали от волостных старшин, приставов, полицмейстера. От принципов однодневной переписи в полной мере не отказывались. Всеобщая перепись 1897 г. была знаковым событием в истории России, где были собраны наиболее полные сведения о наличном населении страны. Последние долго публиковались и в конечном итоге цифры получились большие, чем в исходных листах переписи. Судя по всему, принципы подсчёта наличного населения в опубликованной версии переписи, чем занимался центральный статистический комитет, и вышедшей из главной переписной комиссии, различались. Если говорить о механизме зачисления прибалтов в местные мещанские общества, то сначала проситель писал прошение старосте в мещанское общество и потом голосованием всех мещан те решали вопрос о вступлении нового члена.

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф. 23. Оп. 1. Д. 261.
2. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 49.
3. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 69.
4. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 90.
5. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАПО. – Ф. 290. Оп. 1. Д. 11.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXXIV Псковская губерния : Тетрадь 2 (последняя) / под ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – XVII, 171 с.
8. Борщик, Н. Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот / Н. Д. Борщик // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – 2017. – № 3 (9). – С. 45–53.
9. Востоков, Е. Латыши и эсты-переселенцы Псковской губернии / Е. Востоков. – Санкт-Петербург : тип. Ф. Елеонского, 1866. – 36 с.
10. Дементьев, В. С. Особенности расселения и этноконфессионального состава населения Псковской губернии по материалам переписи 1897 года / В. С. Дементьев // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». – 2014. – № 5. – С. 60–69.
11. Завьялов, Ф. Н. К 100-летию первой переписи населения России / Ф. Н. Завьялов // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 214–219.
12. Коркин, С. А. Всероссийская перепись населения. Методологические основы / С. А. Коркин, Д. С. Чуйков // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 3 января 2022 г. / отв. ред. А. Р. Халиков. – Уфа : ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2022. – С. 86–91.
13. Манаков, А. Г. Изменение национального состава населения северо-запада России в XVIII–XIX веках / А. Г. Манаков // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2016. – № 3. – С. 5–15.

Купченко К.В., Никитина Н.В.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Исследования второй половины XIX в., отражающие вопросы деятельности местного управления на Смоленщине, отсутствуют. Но данные по региону присутствуют в исследованиях, посвященных экономическому и географическому описанию региона: сведения о населении, социальном составе, развитии транспорта, здравоохранения, системе образования [Подробнее см.: 5; 14; 17; 20].

В послевоенное время появились работы, посвященные истории Смоленщины и содержащие информацию по благоустройству, состоянию образования, здравоохранения и т.д. в городах Смоленщины в предреформенный и пореформенный период [Подробнее см.: 12, 14, 15, 16, 19].

История Смоленского земства во второй половине XIX века исследована в работах О.Д. Будаевой [1, с. 100–116; 2, с. 82–99; 3, с. 69–86; 4] и М.Н. Левитина [9, с. 71–80; 10, с. 77–82; 11, с. 68–87]. Некоторые аспекты социально-экономической деятельности Смоленского земства рассматриваются в работе И.В. Косых [8]. Различные направления деятельности Смоленского земства в начале XX века исследуются в диссертации Н.И. Горской [6]. В данной работе проанализированы изменения в составе гласных и земском бюджете, экономическая деятельность земств и функционирование земства в период войны и революции, исследуется также организация помощи больным и раненым со стороны земства. Н.И. Горская пришла к выводу, что, несмотря на постоянное увеличение земских капиталов, «Смоленское земство относилось к числу бедных, и к 1914 году по величине земского бюджета оно занимало 5 место с конца из 40 земских губерний империи» [6]. В структуре земских расходов в начале XX века преобладали необязательные расходы – расходы на медицину и народное образование. На основе анализа экономической деятельности земств Смоленской губернии Н.И. Горская пришла к выводу, что усилия Смоленского земства были преимущественно ориентированы на подъём производительных сил в сельском хозяйстве и внешкольное распространение знаний» [6].

Некоторые аспекты истории местного самоуправления отдельных регионов Смоленщины приводятся в исследованиях местных краеведов [См., например: 7; 18].

Органы местного управления Смоленской губернии освещаются в диссертационных исследованиях, посвященных местному самоуправлению центральных губерний в рамках социально-экономической, финансовой, хозяйственной деятельности местного самоуправления России в конце XIX– начале XX вв. [См., например: 21].

Таким образом, комплексного и системного исследования вопросов развития системы местного самоуправления в конце XIX– начале XX вв. нет.

В этой связи большую значимость приобретают как ранее опубликованные источники, так и архивные материалы, особенно Государственного архива Смоленской области (ГАСО), где находится 38 фондов, сформированных из документов земского и городского самоуправления. Они также содержат циркуляры МВД, предписания смоленского губернатора. Фонды городских дум и земских управ содержат журналы заседаний земских собраний и дум, неопубликованные доклады управ, сметы доходов и расходов. Из 38 архивных фондов местного самоуправления лишь 12 – фонды городских дум и управ: Ф. 1 (Канцелярия смоленского губернатора), Ф. 4 (Смоленское губернское по земским и городским делам присутствие), Ф. 1260 (Смоленская городская дума), Ф. 65 (Смоленская городская управа), Ф. 913 (Велижская городская дума), Ф. 84 (Вяземская городская дума), Ф. 865 (Гжатская городская дума), Ф. 1064 (Дорогобужская городская дума), Ф. 1069 (Краснинская городская дума), Ф. 1066 (Поречская городская дума), Ф. 1065 (Рославльская городская дума), Ф. 794 (Велижская городская управа), Ф. 68 (Вяземская городская управа), Ф. 1079 (Гжатская городская управа), Ф. 279 (Дорогобужская городская управа), Ф. 322 (Ельнинская городская управа), Ф. 527 (Краснинская городская управа), Ф. 564 (Поречская городская управа), Ф. 161 (Рославльская городская управа), Ф. 25 (Сычевская городская управа), Ф. 512 (Духовщинское городское упрощенное управление), Ф. 437 (Ельнинское городское упрощенное управление), Ф. 1160 (Краснинское городское упрощенное управление), Ф. 1023 (уездная земская Велижская управа), Ф. 70 (уездная земская Вяземская управа), Ф. 755 (уездная земская Гжатская управа), Ф. 333 (уездная земская Дорогобужская управа), Ф. 409 (уездная земская Духовщинская управа), Ф. 315 (уездная земская Ельнинская управа), Ф. 534 (уездная земская Краснинская управа), Ф. 517 (уездная земская Поречская управа) Ф. 757 (уездная земская Рославльская управа), Ф. 63 (уездная земская Смоленская управа), Ф. 24 (уездная земская Сычевская управа) и т.д. Указанные фонды содержат делопроизводственную документацию органов самоуправления, тексты докладов управ и журналы заседаний дум. Однако большинство дел в этих фондах относится к периоду конца XIX– начала XX в.

Источники, находящиеся в ГАСО, неравномерно освещают разные периоды деятельности органов местного самоуправления. Практически не сохранились документы, связанные с деятельностью городского самоуправления в 1917 – начале 1918 гг. Деятельность городского самоуправления на территории Смоленской губернии в 1917–1918 гг. была отражена так же в региональной прессе (газеты

«Смоленские губернские ведомости» и «Смоленский вестник»). Земская делопроизводственная документация в этот период незначительна по сравнению с такими же источниками довоенного времени. Однако в фонде губернской земской управы и некоторых уездных управ сохранились материалы уездных земских собраний 1917 г., которые позволяют восстановить ход «демократизации» после Февральской революции и выявить региональные особенности земской реформы 1917 г.

Большая часть делопроизводственной документации (журналы дум, собраний и различные отчеты управ за последнюю треть XIX – начало XX в.) опубликована в периодических и других изданиях: в «Сборнике обязательных для жителей города Смоленска постановлений, изданных Смоленской Городскою Думою, на основании ст. 103 (2050) Городового положения с 1872–1887 годов» [20] (в сборник вошли постановления, принятые городской думой с 1872 по 1887 гг., а также отчет об основных результатах деятельности городских властей за этот период), «Календари-справочники земского деятеля» (справочники составлены на основе анкет, разосланных городским и земским управам, и включают статистические данные по различным отраслям земской деятельности – земский бюджет, здравоохранение, образование, медицина, сельскохозяйственные склады – за период с 1912 по 1917 год), «Памятные книжки и адрес-календари Смоленской губернии» и справочные книжки Смоленской губернии. В последних имеются сведения о персональном составе городских управ Смоленской губернии (с указанием социальной принадлежности) а также данные о городском хозяйстве, городских общественных банках, городском бюджете.

Из периодических изданий отметим газеты «Днепровский вестник», «Смоленские губернские ведомости», освещавшие деятельность властей Смоленской губернии: организация выборов в местные органы власти и отношению к ним местного населения, финансовое положение городов Смоленской губернии, деятельности городских голов, членов управ и гласных органов самоуправления в городах губернии. Так же некоторые аспекты деятельности земского и городского самоуправления в период революционных событий 1917 года показаны в издававшихся советах «Известиях Смоленского совета рабочих и солдатских депутатов», издававшиеся с 21 марта 1917 г.

При анализе источников необходимо учитывать, что в значительной части фондов документов, хранящихся в местных архивах, имеется комплекс дел, ранее не использовавшийся, либо использовавшийся частично.

Все вышеперечисленные источники составляют основную базу для научных исследований и позволяют раскрыть сложные процессы проведения реформ местного управления в Смоленской губернии в конце XIX – начале XX вв.

1. Будаева, О. Д. Бюджет Смоленского земства / О. Д. Будаева // Вопросы аграрной истории и крестьянства Северо-Запада РСФСР : сборник научных трудов. – Смоленск, 1977. – С. 100–116.
2. Будаева, О. Д. Вопросы развития крестьянского хозяйства в деятельности земства / О. Д. Будаева // Вопросы аграрной истории и крестьянства Северо-Запада РСФСР : сборник научных трудов. – Смоленск : СГПУ, 1977. – С. 82–99.
3. Будаева, О. Д. Деятельность Смоленского земства в области народного образования в конце XIX – начале XX века / О. Д. Будаева // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX века : сборник научных трудов. – Рязань : Рязанский государственный педагогический институт, 1981. – С. 69–86.
4. Будаева, О. Д. Смоленское земство в конце XIX – начале XX в. (1890–1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / О. Д. Будаева. – Смоленск, 1981.
5. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего отечества / сост.: В. П. Семенов (Тян-Шанский) [и др]. – СПб., 1905.
6. Горская, Н. И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918) : дис. ... канд. ист. наук / Н.И. Горская. – Смоленск, 1996.
7. Комаров, Д. Е. Вязьма и уезд в XIX вв. / Д. Е. Комаров. – Смоленск, 2000.
8. Косых, И. В. Социально-экономическая деятельность органов местного самоуправления в России в конце XIX – начале XX вв: на примере Калужской, Смоленской, Тверской губерний : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Косых. – М., 2002.
9. Левитин, М. Н. Вопросы народного продовольствия в деятельности земских учреждений Смоленской губернии (60–70-е гг. XIX в.) / М. Н. Левитин // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземного Центра РСФСР : сборник научных трудов. – Смоленск, 1976. – С. 71–80.
10. Левитин, М. Н. Крестьяне-гласные в уездных земских собраниях Смоленской губернии (60–80-е годы XIX в.) / М. Н. Левитин // Вопросы аграрной истории и крестьянства Северо-Запада РСФСР : сборник научных трудов. – Смоленск, 1977. – С. 77–82.
11. Левитин, М. Н. Социальный состав уездных земских собраний Смоленской губернии (60–80-е гг. XIX в.) / М. Н. Левитин // Положение крестьянства Нечерноземной полосы России в 60–90-е гг. XX в. : сборник научных трудов. – Смоленск, 1983. – С. 68–87.
12. Маковский, Д. П. Смоленск с древнейших времен до XX века / Д. П. Маковский, В. С. Орлов. – Смоленск, 1948.
13. Маковский, Д. П. Вязьма / Д. П. Маковский, В. С. Орлов, А. В. Чернобаев, Б. И. Бельтюков. – Смоленск, 1953.
14. Максимов, С. В. Белорусская Смоленщина с соседями / С. В. Максимов. –СПб. ; Москва, 1882.
15. Орлов, В. С. Гжатск / В. С. Орлов, А. В. Чернобаев. – Смоленск, 1957.
16. Орлов, В. С. Ельня / В. С. Орлов, А. В. Чернобаев. – Смоленск, 1955.
17. Орловский, И. И. Краткая география Смоленской губернии / И. И. Орловский. – Смоленск, 1907.
18. Прохоров, В. А. Из истории Дорогобужского края // Дорогобужская старина : сборник статей. Выпуск II / В. А. Прохоров, Ю. Н. Шорин. – Смоленск : областное книжное издательство «Смядынь», 2001.
19. Рябков, Г. Т. Города Смоленской губернии в последней четверти XVIII – начале XIX столетий (по материалам генерального межевания земель) / Г. Т. Рябков // Материалы по изучению Смоленской области. Выпуск 2. – Смоленск, 1957.
20. Сборник обязательных для жителей города Смоленска постановлений, изданных Смоленской Городскою Думою, на основании ст. 103 (2050) Городового положения с 1872–1887 годов. – Смоленск, 1887.
21. Скутарлеев, Д. Е. Местное самоуправление центральных губерний России в 1864–1918 гг.: организационно-финансовые и экономические аспекты : дисс. ... канд. ист. наук / Д. Е. Скутарлеев. – Москва, 2006.

Семёнова О.А., Степанов С.В.
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГИГИЕНЫ ДЕТСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ЛОКАЛЬНЫЙ ФОКУС НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

В работах гуманитарной области знаний особое проблемное поле представляют междисциплинарные исследования на стыке истории и направлений истории науки или отрасли. Перед исследователями возникают вопросы при изучении того или иного вопроса: какие источники привлечь? работы каких узких специалистов и в какой области знаний? насколько могут послужить источниковой базой статистические и информационные отчёты, нормативно-правовые документы органов власти и учреждений?

В ходе изучения исследовательской группой ЛГУ им А.С. Пушкина под руководством доктора исторических наук, профессора В.А. Веремченко темы гигиены детства в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XVIII-начале XX вв. по гранту Российского научного фонда (РНФ № 22-18-00421) возникли вопросы: источники и историографию каких наук привлечь, где найти максимально полную информацию для анализа, сопоставления и создания целостной картины санитарно-гигиенического положения детства в дореволюционной России.

В ходе реализации исследования были определены проблемные точки изучения: санитарно-гигиенический надзор и законодательство, гигиена детей разного возраста и пола, школьная гигиена, санитарно-гигиеническое просвещение родителей, педагогов и детей, выявление и атрибуция изобразительных материалов. Для создания целостной картины стали привлекаться материалы по истории педагогики, медицины, физической культуры и спорта, санитарно-курортного дела, а также с учетом региональной специфики – работы о деятельности (отчеты и уставы), обзорные материалы, статистические данные и документы о деятельности государственных и земских учреждений столицы империи – Санкт-Петербурга и столичной губернии.

В настоящей статье попытаемся дать характеристику, обнаруженных за первый год исследования источников: опубликованных и неопубликованных документов, их информационной ценности для изучения законодательства, санитарно-гигиенического, эпидемиологического положения и проблем гигиены детей XIX – начала XX вв.

Опубликованные источники было принято систематизировать по направлениям деятельности: учреждениям детского воспитания, оздоровительным учреждениям, лечебным заведениям, методам лечения и оздоровления.

Среди выявленных источников для характеристики гигиены и санитарии детской среды школьного возраста представляют наибольший интерес – отчёты санитарных врачей уездов Санкт-Петербургской губернии, опубликованные в 1870–1910-е гг. Особую группу источников составили труды медиков и педагогов, земские школьные отчеты, где были представлены требования к санитарно-гигиеническим нормам школьного дела и зданиям [4, с. 200–203]. Особым направлением изучения стало организация питания детей школьного возраста, требований к рациону, информацию о которых удавалось найти в статистических и правоустанавливающих документах [5, с. 480–483].

Важным источником истории организации летнего детского отдыха в санаториях и летних детских колониях стали публиковавшиеся ими уставы, отчеты, работы их организаторов (напр. Фребелевское общество), в изучении повседневной жизни воспитанников позволяют реконструировать материалы из периодической печати, в частности публикации в иллюстрированном журнале «Нива» [7, с. 34].

Для изучения физической активности детей в ходе физической культуры имеют огромное значение в изучении форм и требований к гимнастике, скакалке и другим упражнениям отчеты обществ, кружков спорта (общества «Сокол», «Маяк», Павловско-Тярлевский кружок любителей спорта), другой [1, с. 82–83]. Важным атрибутом повседневной жизни петербуржцев и их детей на рубеже XIX-начала XX вв. стал массаж: лечебный и косметологический, которому обучали молодых людей школа массажа, врачебной, гигиенической и педагогической гимнастики Е.Н. Залесовой [2, с. 149–150, 154].

В ходе первого года работы над темой (2022) коллектив проекта изучил архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 109, 116, 542, 543, 570, 618, 647, 662, 680, 1167, 1463, 1742), Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 398, 468, 487, 525, 733, 759, 765, 821, 1412), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 3, 7, 8, 9, 44, 55, 90, 114, 136, 139, 144, 155, 171, 174, 202, 204, 212, 217, 218, 223, 225, 241, 253, 255, 276, 306, 356, 394, 411, 412, 436, 513, 569, 577, 520, 565, 777, 842, 996, 1101, 1244, 2074, 2114, 2165), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб. Ф. Р-3081, Р-7240), Цен-

¹ При поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>.

трального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 163, 183).

Поскольку территориальные границы исследования определены Санкт-Петербургом и Петербургской губернией, то опорным стал ЦГИА СПб, в котором собран наибольший массив документов. При анализе описей фондов следует обратить внимание на возможность нахождения документов по данной теме практически в каждой из них, что значительно усложняет поиск.

Переходя к более подробной характеристике документов, хранящихся в этих архивах, важно отметить, что они представлены во всем многообразии – это законодательные и делопроизводственные источники, источники личного происхождения, а также фотоматериалы.

Первая группа источников – законодательные и делопроизводственные. Эти виды источников в архивных документах неразрывно связаны, т.к. в делопроизводственной документации, к которой можно отнести распоряжения, циркуляры, докладные записки, уставы учреждений, переписку внутри и между учреждениями, годовые отчеты, как правило, присутствуют выдержки из законов или ссылки на них. Хотелось бы также подчеркнуть, что отдельной законодательной базы в отношении санитарно-гигиенического содержания детей не было.

Среди источников личного происхождения научному коллективу проекта удалось найти, к примеру, дневники неустановленного лица Марии (девочки - подростка) «Жизнь на даче в Луге» (РГИА. Ф.1101. Оп. 1. Д. 896), воспитателей детских групп летних детских колоний Фребелевского общества (ЦГИА СПб. Ф. 577. Оп. 1. Д. 6), гувернантки Марии (фамилия не установлена) «О семейных делах» (РГИА. Ф.1101. Оп. 1. Д. 639); Е. ратов «Очерки воспитания» (РГИА. Ф.1101. Оп. 1. Д. 951).

Подробное рассмотрение вопросов гигиены на основе официальных документов, отчетов и воспоминаний современников создает более полную картину историко-культурных особенностей того времени, менталитета эпохи.

Последняя группа, изобразительные источники и фотодокументы, представлена фотографией, рисунками, чертежами. К слову, только в ЦГАКФФД СПб за первый год было отобрано для оцифровки свыше 300 фотографий. Значительное количество фотодокументов отражают жизнь Петербурга, состояние городского и губернского здравоохранения и образования, спортивные события [7]. На фотографиях запечатлены бытовые условия в больницах, санаториях, летних лагерях, домах призрения, выставочные экспонаты санитарии и гигиены и т.д. Фотографии погружают в «мир ребенка» XIX – начало XX в., мы можем видеть, как детей купали, кормили и одевали. На них можно разглядеть предметы утвари и личные вещи.

Довольно информативными в нашем исследовании являются схемы и чертежи зданий, позволяющие оценить планировку комнат, наличие кухни, туалета и ванной комнаты, проанализировать освещение и отопление (ЦГИА СПб. Ф. 1254. Оп. 5. Д. 4637; Ф. 513. Оп. 101. Д. 108). С помощью фотографий и рисунков открывается микромир конкретных людей.

Наиболее острым остается поиск опубликованных и неопубликованных источников, в которых бы отражались национальные и религиозные особенности воспитания и ухода за детьми с рождения до 16 лет. Отдельного фонда, или хотя бы дела, полно отражающую картину специфики ухода за детьми, например, в еврейских семьях или учебных заведениях, не обнаружено. В основном материал был обнаружен делопроизводственного характера со статистическими данными по населению [3, с. 66-67].

Таким образом, мы можем констатировать, что историческое исследование получается полноценным, когда историки располагают всеми видами исторических источников (законодательные, нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, источники личного происхождения и др.), и только в этом случае они могут объективно оценить полученную информацию и сделать достоверные выводы.

Сопоставление и анализ, выявленных источников позволяет создать реконструкцию детства, санитарно-гигиенических норм и правил, требований к одежде и питанию в дореволюционной России на широком хронологическом периоде – вторая половина XVIII – начало XX вв.

Отобранные материалы для исследования могут способствовать созданию единой картины о сословно-классовой структуре населения и их поведенческих стереотипах в отношении детства, а также здоровьесбережения, физического и психического здоровья.

1. Веременко, В. А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Веременко // История повседневности. – 2022. – № 3 (23). – С. 82–102.
2. Веременко, В. А. Врачебная гимнастика и массаж в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Веременко // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XIV Всерос. науч. конф. / отв. ред. С. В. Степанов. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – Вып. 14. – С. 149–154.
3. Жукова А. Е. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) / А. Е. Жукова, О. А. Семёнова, В. Ю. Шевелев // Вопросы истории. – 2022. – № 10–2. – С. 66–75.

4. Зайцева, С. В. Санитарно-гигиенические требования к средним учебным заведениям в дореволюционной России: норма и практика (на примере столичных учебных заведений) / С. В. Зайцева // Родина, земля, народ, традиция : материалы международной научно-просветительской конференции / отв. ред. А. Г. Поляков. – Киров : ВЕСИ, 2022. – С. 200–208.
5. Синова, И. В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX веков / И. В. Синова // Научный диалог. – 2022. – № 11 (10). – С. 480–496.
6. Степанов, С. В. История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскосельская санатория для детей / С. В. Степанов // История повседневности. – 2022. – № 2 (22). – С. 34–42.
7. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbarchives.ru/cgakffd>. – Дата доступа: 10.03.2023.

Чистикова Е.А.

НАЛОГОВЫЕ ЗНАЧКИ ДЛЯ СОБАК КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Введение налога на домашних животных в современной России лишь обсуждается. Сторонники законопроекта считают, что такая мера не только пополнит бюджет страны, но и поможет в решении проблем с бездомными животными. Но пока этот вопрос остается дискуссионным. Таким же спорным он был и полтора века назад. Однако 1 декабря 1897 г. Государственный Совет принял общие правила взимания налога на собак в городах Российской империи [3, с. 660–661]. По ним право взимать налог предоставлялось городским управам. Сумма сбора не должна была превышать трех рублей в год. После оплаты налога владельцы собак получали специальные металлические значки, крепившиеся к ошейникам питомцев. На значках ставился номер квитанции.

В научной литературе истории собачьих значков уделялось мало внимания. Только в последнее время к этой теме обратилась И. С. Матусевич, занимающаяся изучением значков, хранящихся в фондах Государственного исторического музея в Москве. Среди исследователей и коллекционеров, описавших разновидности значков, – Ю. И. Киенко, Ю. В. Клочков, В. А. Назаров.

Металлические значки для собак – бытовые предметы, которые массово использовались в конце XIX – начале XX в. в России. Целью введения налога на собак было, прежде всего, улучшение эпизоотической обстановки в стране, оберегание горожан от укусов животных. Также налог являлся одним из источников пополнения городского бюджета. Дизайн и форма значков утверждались городскими управами. При этом оформление значков разных лет в одном городе могло различаться.

Изучение собачьих значков помогает получить представление о ветеринарно-санитарной ситуации российских городов до революции, определить примерное количество домашних собак в расчете на душу населения и понять, какой доход четвероногие питомцы приносили в казну. Немаловажно сравнить собачьи значки между собой, чтобы понять, сколько средств городские власти готовы были потратить на их изготовление и художественное оформление. При этом отметим, что для составления целостной картины необходимо изучать значки в комплексе с документами о введении и сборе налога, о месте их изготовления.

Значки имели разную форму – ромбовидную, круглую, прямоугольную, овальную или треугольную. В основном их изготавливали из алюминия или сплавов на основе меди. Для прикрепления к ошейнику на значках делалось ушко или отверстие. Как правило, в верхней части значка либо полностью указывалось название города, либо с помощью аббревиатуры обозначалась городская управа («С.Г.У.», «К.Г.У.», «О.Г.У.» и т. д.). Из-за этих сокращений не всегда можно точно определить город. Так, известен значок с надписью – «Сар. гор. упр.». Можно предположить, что это – Саратовская городская управа, т. к. значок был приобретен в Саратове и по информации от продавца найден в Красноармейском районе Саратовской области. К сожалению, пока не найдены документы, которые подтвердили бы, что этот значок предназначался для саратовских собак.

Иногда на значках изображали собак. Такой рисунок можно увидеть на значке г. Николаевска (к сожалению, неизвестно о каком именно Николаевске идет речь). Изображение собаки в профиль в ошейнике помещено на овальный значок 1903 г. с выбитым на нем номером «1946». Интересно, что такой же рисунок собаки представлен на значке г. Харькова за 1906 г. с номером «158». Можно предположить, что оба значка либо изготавливались в одном месте, либо использовался один и тот же пуансон с изображением собаки. Часто на значках изображали только голову собаки. Например, такие значки встречаются с аббревиатурами «С.Г.У.» и «Н.К.».

Известны значки с перебитым годом. Возможно, таким образом владельцы животных пытались избежать оплаты налога, или в управе перебивали год на старых значках, чтобы не изготавливать новые. Например, на значках для собак Пятигорска последняя цифра года ставилась отдельным пуансоном на готовом значке [2, с. 16]. Известен значок с аббревиатурой «О.Г.У.», на котором поставлены сразу два числа – 11/12 (на 1911 и 1912 гг.). Вероятно, он был выдан после

уплаты налога за два года, или же его владелец приобрел собаку во второй половине 1911 г., а заплатил налог на год или полтора вперед. Московские значки отличались вырезанным номером квитанции, что защищало их от перебивки цифр. На некоторых петербургских значках номер заливался краской, по-видимому, для простоты и удобства их прочтения.

Встречаются значки с изображением городских гербов. Они выделяются среди других, имевших, как правило, более простое оформление. Наличие герба позволяет точно определить место использования значка. Например, гербы городов можно увидеть на значках Санкт-Петербурга и Харькова. Известен петербургский значок 1904 г. с надписью «бесплатно». Он предназначался для тех, кто был освобожден от налога, но получал значок. Категории таких лиц были определены в правилах 1897 г. Согласно архивным материалам, петербургские собачьи значки изготавливались в мастерской при городской управе [6, л. 1 – 14 об.].

Наличие значков с четырех- и пятизначными номерами свидетельствует о популярности собак у горожан, несмотря на налог. Сумма сбора, доходившая до трех рублей в год, в конце XIX – начале XX в. для некоторых категорий населения была существенной. Например, в 1895 г. за 2 рубля 70 копеек можно было проехать в вагоне второго класса от Санкт-Петербурга до Москвы [1, с. 211].

Важно отметить, что номер квитанции на значке не может использоваться для определения реального количества собак на определенный год в городе, поскольку отсутствует точная информация о незарегистрированных и бесхозных животных. Например, согласно отчетам Санкт-Петербургской городской управы, в 1913 г. налог за собак внесли 23 108 человек [4, с. 27]. Однако из этого не следует, что в данное время в столице было точно такое же количество собак, т. к. плательщик мог заплатить годовой налог за несколько животных. Максимальный известный номер на значке дает возможность предположить о минимальном количестве зарегистрированных собак в городе при отсутствии других источников. При этом надо учитывать особенности нумерации значков – каждый год номер мог отсчитываться заново или продолжаться.

В 1911 г. в «Петербургской газете» была опубликована заметка под названием «Погоня за собачьими «мертвыми душами»» [5, с. 4]. В ней рассказывалось, что госпоже Буржуа, проживавшей на Владимирском проспекте, вручили отношение управы от декабря 1910 г., в котором значилось, что сумма налога за ее собаку с пенями достигла 4 рублей 50 копеек. Госпожа Буржуа ответила, что платить налог она не обязана, т. к. собака умерла два года назад. Смерть собаки подтвердили четыре дворника и квартиранты. Но налог под страхом описи имущества Буржуа все-таки заплатила, пообещав подать жалобу в вышестоящие инстанции. Название статьи вызывает у читателей сочувствие к незадачливой хозяйке. Однако невозможно определить, умышленно ли она игнорировала уплату налога за тот период, когда собака была еще жива, или взыскание было наложено ошибочно. Тем не менее, этот случай показывает, что управа отслеживала соблюдение городского постановления о налоге за собак, и власти были заинтересованы в исполнении принятых ими правил.

Дореволюционные налоговые значки на собак были важными составляющими повседневности российских городов конца XIX – начала XX в. Их форма, размер и материал отличались практичностью, а оформление простотой. Описание и исследование собачьих значков помогает изучить городской быт и нравы этого времени и историю взаимодействия человека с животными.

1. Деловой и веселящийся Санкт-Петербург. Новый путеводитель. Адрес-календарь-хроника на 1895 г. – СПб., 1895. – 342 с.
2. Назаров, В. А. Жетон Пятигорской городской управы / В. А. Назаров // Петербургский коллекционер. – 2011. – № 5 (67). – С. 16.
3. Об установлении общих правил о сборе с собак в городах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб., 1900. – Т. XVII. – С. 660–661.
4. Отчет Санкт-Петербургского городской управы за 1913 г. – Ч. 2. – Пг., 1915. – 272 с.
5. «Погоня за собачьими «мертвыми душами» // Петербургская газета. – 1911. – 8 июня. – С. 4.
6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 792. Оп. 1. Д. 8182. Л. 1–14 об.

Русецкая У.Д.

ПАЛІТЫКА-ПРАВОВЫЯ АСПЕКТЫ СТАЎЛЕННЯ РАСІЙСКІХ УЛАД ДА ЎКРАЇНСКАГА ПЫТАННЯ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. (ПА ЗАКАНАДАЎЧЫХ КРЫНІЦАХ)¹

Нацыянальная палітыка царскіх улад на ўкраінскіх (маларускіх) землях вызначалася палітычнымі і нацыянальна-ідэалагічнымі аспектамі. З аднаго боку, урад бачыў у набіраючым моц украінафільскім руху пагрозу бяспецы дзяржавы. Сігналам гэтай пагрозы стала польскае паўстанне 1863 г., якое вымусіла кіруючыя колы імперыі звярнуць пільную ўвагу на «этнаграфічны рамантызм» [5, с. 77] у Маларосіі як на сепаратысцкую з’яву. З другога боку, ідэолагі нацыябу-

¹ Увесь пераклад з рускай і ўкраінскай на беларускую мову здзейснены аўтарам.

даўніцтва ў Расійскай імперыі разглядалі ўкраінцаў як частку «вялікай рускай нацыі», г.зн. адмаўлялі ім у прызнанні існавання асобнай украінскай народнасці.

Маладаследаваным бокам урадавай палітыкі ў адносінах да нацыянальнага пытання ў Маларосіі з'яўляецца яе заканадаўчая база. Перш чым прыступіць да высвятлення правых механізмаў царскай нацыянальнай палітыкі, трэба зачапіць адзін важны аспект – гэта паняццёвы апарат у дачыненні да ўкраінскага пытання.

Для абазначэння іншых этнасаў, размежавальніцкіх ліній па нацыянальнаму крытэрыю царскія ўлады выкарыстоўвалі тэрмін «іншародцы». Першапачаткова гэтая назва была юрыдычна замацавана за качавымі плямёнамі Расійскай імперыі, але ўжо на рубяжы стагоддзяў тэрмін распаўсюдзіўся на ўсё нерускае насельніцтва [6, с. 38].

Царскі ўрад імкнуўся да асіміляцыі маларускага з вялікарускім народам, але з самага пачатку ўлады дзейнічалі, сыходзячы з таго, што насельніцтва Маларосіі ўжо з'яўляецца носбітам рускай ідэнтычнасці. Гэта адлюстравалася ў недапушчэнні ўжывання паняцця «іншародцы» да маларускага насельніцтва. Тым не менш, увядзенне абмежавальніцкіх законаў паказала, што гэта не так. Нарматыўна-прававое афармленне стаўлення царскіх улад да ўкраінскага пытання аўтаматычна прызнавала існаванне такога пытання, а значыць – і пэўнай адасобленасці ўкраінскай народнасці.

Галоўнымі прававымі крыніцамі па ўкраінскаму пытання з'яўляюцца наступныя дакументы: Валугейскі цыркуляр 1863 г.¹; Эмскі ўказ 1876 г.²; Маніфест 17 кастрычніка 1905 г.³; Цыркуляр П. Сталыпіна 1910 г.⁴

Украінскі рух быў цесна звязаны з польскім (нагадаем, што і палякі, і рускія адносілі насельніцтва Украіны да свайго народу). Гэта факт, які немагчыма аспрэчыць і які быў «раздуты» царскімі ўладамі да канспіралагічнай тэорыі ўзнікнення ўкраінства па задуме «польскай інтрыгі». Таму не дзіўна, што польскае паўстанне 1863 г. стала пераломным момантам у руска-ўкраінскіх адносінах⁵.

З пачаткам паўстання на ўкраінскіх землях разгарнулася сапраўднае супрацьстаянне за тое, на чый бок уступаць маларосы. Першы крок зрабіў польскі Жонд Народавы⁶, выдаўшы «Залатую Грамату», у якой маларосы былі абвешчаны асобнай народнасцю з усімі культурнымі і грамадска-палітычнымі правамі [10, с. 30].

Такое радыкальнае разыгрыванне польскім бокам «маларускай карты» выклікала абурэнне і рашучасць царскага ўрада, які клапаціўся, аднак, не толькі аб пасягненні на нацыянальны праект. Самадзяржаўе, перш за ўсё, баялася масавага пераходу сялянства на бок паўстанцаў. Упершыню ўкраінафільская дзейнасць, якой да гэтаў не надавалася вялікай увагі, была ацэнена ўрадам як пагроза бяспекі дзяржавы. Звязана гэта было з тым, што як раз у 60-я гг. XIX ст. пачалося пранікненне ў масы ўкраінскага культурніцкага руху пад эгідаю распаўсюджвання асветы. Заігрыванне з маларускай ідэнтычнасцю разглядалася як магчымая пагроза змены лаяльнасці ўкраінскіх сялян. Таму калі стабільнасць і цэласнасць Расіі падвергліся сур'ёзнай небяспецы, Імперыя нанесла «зваротны ўдар».

Летам 1863 г. міністрам унутраных спраў П. Валугевым быў выдадзены цыркуляр, які значна абмяжоўваў выкарыстанне маларускага говару. Цікавае выклікае не толькі сам факт абмежавання на афіцыйным узроўні выкарыстання мовы, якой па той жа афіцыйнай версіі не існавала, але і тое, як дзяржаўны дзеяч вышэйшага рангу выказаў сваю занепакоенасць украінскім пытаннем. Галоўным тэзісам, якім можна выказаць усё стаўленне П. Валугева да моўнай праблемы Маларосіі, а разам з тым і да ўкраінскага пытання, з'яўляюцца наступныя словы: «Ніякай асобнай маларасійскай мовы не было, няма і быць ня можа, а... маўленне іх, якое ўжываецца прастанародзем, ёсць тая ж руская мова, толькі сапсаваная ўплывам на яе Польшчы» [9].

У 1876 г. Аляксандр II падпісаў у нямецкім горадзе Бад-Эмсе ўказ, які атрымаў назву «Эмскага». У ім закладзеныя Валугевым асноўныя пастулаты барацьбы з украінствам былі замацаваны на некалькі дзесяцігоддзяў. Абмяжоўвалася не толькі выкарыстанне маларускага маўлення, але і ўвоз з-за мяжы кніг на ўкраінскай мове. Таксама пад пільны нагляд улад трапляла адукацыя і асвета, якія павінны былі быць абаронены ад пранікнення ўкраінскіх ідэй [2].

Дзеянне гэтых указаў выклікала абсалютна адваротны эфект і не апраўдала разлікаў урада. Першым вынікам абмежавання культурніцкай дзейнасці ў Маларосіі стаў перанос цэнтра ўкраінафільства ў аўстрыйскую частку украінскіх зямель – Усходнюю Галічыну – дзе ўкраінскія ідэй, ва ўмовах большай палітычнай свабоды, знайшлі сваё канчатковае афармленне.

¹ Предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валугева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года.

² Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 марта в г. Эмс.

³ Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г.

⁴ Письмо П. А. Столыпина к губернаторам от 20 января 1910 г.

⁵ Пад руска-ўкраінскімі адносінамі разумеюцца міжнацыянальныя стасункі той часткі расійскага грамадства, якая залічвала сябе да рускай нацыі, і нацыянальна свядомай украінскай супольнасці.

⁶ Жонд Народавы – орган улады, які дзейнічаў на польскіх землях падчас Студзеньскага паўстання 1863 г.

Другі ефект – гэта страта лаяльнасці ўкраінафільскага руху ў Расійскай імперыі да царскіх улад. Калі да ўвядзення законаў маларускія ідэі не выходзілі за межы чыста культурніцкіх і асветніцкіх, пры гэтым не адмаўляя сваёй цеснай сувязі з Расіяй, то пасля такіх рэпрэсіўных мер украінскі рух канчаткова адхіліўся ад вялікаросаў. Такім чынам, абмежаванні ўкраінства прывялі не да знікнення, а да яго радыкалізацыі.

У выніку палітызацыя ўкраінскага руху на рубяжы стагоддзяў высунула ўкраінскае пытанне на якасна іншы ўзровень. Адпраўной кропкаю змены царскай палітыкі стала рэвалюцыя 1905–1907 г. Яшчэ ў 1904 г. на афіцыйным узроўні паўстае пытанне аб зняцці ўсіх абмежаванняў з маларускай гаворкі [7]. Абмеркаванні закона выклікала надзею ўкраінскіх актывістаў і тых, хто ім спадчуваў, на змягчэнні і ў палітычных адносінах. Тым не менш, як заўважаюць даследчыкі, «моўнае пытанне было тым адзіным, у чым улада гатова была пайсці на саступкі ўкраінскаму руху» [1, с. 297].

Не глядзячы на паспяховасць абмеркаванняў гэтага праекту, яго рэалізацыя свядома тармазілася. Але хутка на хвалі ўздыму агульнарасійскага рэвалюцыйнага руху маларускае моўнае пытанне вырашылася само сабою – праз Маніфест 17 кастрычніка, які дараваў насельніцтву доўгачаканыя палітычныя правы і свабоды [3].

Пасля падаўлення рэвалюцыі ціск на ўкраінскі друк, арганізацыі і інш. узмацніўся. «Сталыпінскі банапартызм» пачаў новую хвалю прыцясненняў на ўкраінства, аднак пад новымі ідэалагічнымі скрэпамі. У пачатку XX ст. актыўна фарміруецца і набірае абароты рускі нацыяналізм, які ўзмацняе ксенафобскія і шавіністычныя настроі сярод рускага грамадства. У гэты час рускія змагары за рускую нацыянальную ідэю ўжо не столькі акцэнтавалі ўвагу на паслядоўнае адстойванне дактрыны «трыадзінай нацыі», колькі спрабавалі хаця б сярод уласна вялікаросаў замацаваць нацыянальныя пачуцці.

Дэманстрацыяй гэтых зменаў можна лічыць сталыпінскі цыркуляр 1910 г., вакол якога разгарнуліся гарачыя спрэчкі наконт прызнання ўкраінцаў «іншародцамі». У гэтым цыркуляры прэм’ер-міністр выказвае занепакоенасць ростам іншародніцкіх арганізацый: «Стаў назірацца асаблівы рух да культурна-асветніцкага развіцця вузкай нацыянальна-палітычнай самасвядомасці і ўтварэння для гэтай мэты цэлага шэрагу таварыстваў, пад самымі разнастайнымі назвамі, якія маюць мэтаю аб’яднанне іншародніцкіх элементаў на глебе выключна нацыянальных інтэрэсаў». У сувязі з гэтым ён прапаноўвае больш уважліва разглядаць справу кожнага такога таварыства. Падставаю для дыскусіі сталі наступныя словы Сталыпіна: «пры абмеркаванні хадатайств аб рэгістрацыі якіх бы то ні было іншародніцкіх таварыстваў, у тым ліку ўкраінскіх і габрэйскіх...». Такім чынам, як бы не напрамую, але ўскосна дзяржаўны дзеяч вышэйшага ўзроўня ў афіцыйным дакуменце адносіць украінскую народнасць да «іншародцаў», тым самым прызнаючы існаванне асобнай такой народнасці. Гэта не магло не супярэчыць дактрыне агульнарускай нацыі, якую паслядоўна праводзіла ў жыццё Расійская імперыя, пачыная з пачатку XIX ст. [8]

Цыркуляр выклікаў грамадскае «узбуджэнне» ва ўкраінскіх колах. Даволі прывесці ў прыклад тую ўвагу, якую надаў гэтаму дакументу М. Грушевскі. Яму належаць наступныя словы: «Украінцаў прэм’ер-міністр палічыў за іншародцаў... Што ж, як іншародцы, так іншародцы, у гэтым няма ні граха, ні сораму. Толькі тады навошта ж нас падцягваць пад расійскую мову і казаць, што няма ўкраінскай мовы, а толькі адзін “русский язык”!» [4, с. 412].

Тым не менш адмовы ад праекту пабудовы рускай нацыі з удзелам маларосаў не адбылося. Аднак агаворка П. Сталыпіна магла сведчыць аб тым, што калі і не на дактрынальным ці юрыдычным узроўні, то на ўзроўні палітыка-псіхалагічным расійскі ўрад бачыў сур’ёзную пагрозу з боку украінства і ўжо не адмаўляў гэтую пагрозу. Само па сабе ўсведамленне гэтай пагрозы можна лічыць неафіцыйным прызнаннем імкнення часткі маларосаў да выхаду з «лона» агульнарускага нацыянальнага адзінства.

1. Верменич, Я. В. Конструювання украінскай ідэнтычнасці: нацыянальны і рэгіянальны праекты другой паловы XIX – пачатку XX ст. / Я. В. Верменич. – К. : Інститут історыі Украіны НАН Украіны, 2016. – 356 с.
2. Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 марта в г. Эмс // Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетей, 2000. – С. 242–244.
3. Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/oct1905.htm>. – Дата доступу: 11.03.2023.
4. Грушевський, М. С. Твори : у 50 т. / М. С. Грушевський ; НАН України. Інститут українознавства імені М. С. Грушевського; редкол.: П. Сохань, І. Гирич, С. Панькова. – Львів : Видавництво «Світ», 2002–2016. – Т. 2. – 2005. – 678 с.
5. Меньшиков, М. О. Преступная романтика / М. О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М. : ИД ПРЕНСА, 2004. – С. 74–79.
6. Миллер, А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетей, 2000. – 284 с.
7. Об отмене стеснений малорусского печатного слова [Электронны рэсурс] // Императорская Академия Наук. – 1905. – Рэжым доступу: <https://archive.org/details/OtmStMalPechSl1905/1905/>. – Дата доступу: 11.03.2023.
8. Письмо П. А. Столыпина к губернаторам от 20 января 1910 г. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.hrono.ru/libris/stolypin/19100120stlp.html>. – Дата доступу: 11.03.2023.

9. Предписание министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года // Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 240-241.
10. Щеголев, С. Н. Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи / С. Н. Щеголев. – Киев : Типография И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. – 160 с.

Цымбалова А.Е.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ ИДЕОЛОГОВ В СТАНОВЛЕНИИ КАТАЛОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В данной статье хотелось бы рассмотреть ключевые документы идеологов каталонского национализма Валенти Алмиралья и Энрик Прат де ла Рибя, заложивших впоследствии основы и некоторые характерные черты всего движения за независимость. Данная проблема нечасто поднимается в российских исследованиях, в первую очередь, по причине того, что в открытом доступе большая часть этих трудов выложена на каталанском, что составляет дополнительную сложность в работе с ними. В конце XIX – начала XX века социально-экономические различия между промышленно развитой Каталонией и аграрными провинциями внутренней части Испании стали одной из причин стремительного роста радикального каталонизма и всплеска интереса к каталанскому языку. Социальную базу каталонского национализма составляли преимущественно представители городской буржуазии и финансово-промышленной элиты, использовавшие национализм в качестве эффективного инструмента давления на центральное правительство для удовлетворения своих корпоративных интересов [1, с. 116].

В 1879 году вышла первая национальная газета на каталанском языке – «Каталонская газета» (Diari Catala) и Валенти Алмираль стал ее директором и журналистом. Именно «Каталонская газета» способствовала формированию нормированного каталонского языка, поскольку родной язык был распространен в бытовой среде, а языком делового общения был испанский. Алмираль довольно точно уловил колебание политических симпатий и антипатий населения, по этой причине газета отличалась республиканской, федералистской направленностью и умеренным антиклерикализмом.

Сам Валенти Алмираль писал политические статьи, защищавшие национальные интересы Каталонии, делал регулярные обзоры барселонских газет и журналов, тематика статей чаще всего была посвящена разоблачениям правящих кругов, начиная с недостатков Барселонской универсальной выставки до растраты Мадридом государственных финансовых средств. Особое внимание привлекали провинциальные проблемы и нужды, борьба с дискриминацией, которой подвергался каталанский язык, культура и общество [2, с. 49]. Социальная и политическая критика постоянно присутствовала в карьере В. Алмиралья, будучи еще и юристом, его противостояние системе всегда имело хорошо выстроенную аргументацию, что способствовало активной публикационной деятельности в виде изданий многочисленных эссе, статей и книг. Кроме того, в 1880 году он стал организатором такой платформы борьбы, как Каталонский конгресс, где была выработана политическая линия и идеология националистического движения [6, р. 184].

В рамках выбранной темы наибольший интерес представляет работа Алмиралья «Каталанизм» (Lo catalanisme) [3], опубликованная в 1886 году с подзаголовком «Причины, узаконивающие его, научные основы и практические решения». Книга представляет собой первое систематическое изложение каталонской доктрины, которую Алмираль назвал партикуляризмом в основе которого лежит федерализм.

В данном труде Альмираль не выступает за независимость, а призывает к децентрализации на основе регионов и округов, противопоставляет конкретность и реализм каталонского характера аморфности и разнообразию кастильского, защищает роль Каталонии, как двигателя прогресса Испании. Валенти Алмираль писал: «Равенство есть условие свободы, а гармония между разнообразием и равенством могут иметь место только в неунитарном режиме» [3, р. 121].

Каталанский язык является одним из краеугольных камней в националистической риторике Алмиралья. Автор говорит о том, что «сам факт использования каталонского языка является самым красноречивым проявлением нашей личности и неоспоримым аргументом в пользу справедливости нашего дела, а любой процесс унификации будет актом истинной тирании». Он также утверждает, что каталанский язык является связующим звеном единства и сплоченности каталонцев. Риторика Алмиралья в «Каталанизме» звучит достаточно категорично, когда он пишет о том, что знаком раба было то, что он должен был говорить на языке хозяина, а каталонцы вынуждены нести это клеймо на себе, поэтому «навязывание языка является одним из постоянных напоминаний о нашем подчинении» [3, pp. 95–97].

Хотелось бы отметить и то, что впоследствии написал Валенти Алмираль в прологе к изданию «Каталанизма» на испанском, которое вышло в 1902 году. Критикуя радикальных катало-

ских националистов, он говорит, что переиздание на общенациональном языке спустя столько лет нужно, прежде всего, для того, чтобы идеи, изложенные в данной работе, поняли как можно большее количество людей. Адмирал продолжает отстаивать тезисы о том, что только в региональном федерализме можно реализовать идеалы свободы и демократии и такая политическая организация наиболее удачна для того, чтобы объединить большое число городов при сохранении их автономии. Отсюда он делает вывод, что польза в этой ситуации будет не только для Каталонии, но и для Испании в целом, так как такая стратегия будет более выгодна для всех сторон, чем вражда и сепаратистские устремления. Одновременно, автор призывает с уважением относиться к любым проявлениям регионального разнообразия, подчеркивая, что речь не идет о навязывании каталанского языка, а о полноценных возможностях использования его в рамках своего региона [4, p. 633].

Еще одним ярким представителем своего времени, взгляды которого также оказали большое влияние на становление каталонского национализма стал Энрик Прат де ла Рибя, также имевший юридическое образование. Его самая известная работа «Каталонское гражданство» (*La Nacionalitat Catalana*) [7] была опубликована в 1906 году и превратилась в дальнейшем в своеобразный политический манифест, так как стала отражением взглядов нового поколения каталонских националистов. Энрик Прат де ла Рибя осуществлял довольно насыщенную политическую деятельность, будучи президентом Провинциального совета Барселоны, директором и редактором еще одной газеты на каталанском языке «Голос Каталонии» (*La Veu de Catalunya*) и одним из основателей националистической партии «Региональная лига» в 1901 году. Эссе «Каталонское гражданство» стало неким наброском более масштабной работы, в которой он планировал рассмотреть проблемы нации и государства, но в связи с большой занятостью, так и не успел до конца реализовать задуманное [5]. Кроме того, Прат де ла Рибя стал инициатором панкаталонского националистического движения, задачей которого было формирование «Великой Каталонии» [1, с. 116], включающей помимо самой Каталонии, Валенсии, Балеарские острова и французский Руссильон.

Несмотря на то, что «Каталонское гражданство» задумывалась как политическая работа, Прат де ла Рибя обращает внимание на исторические и политические предпосылки формирования каталонского национализма, выделяя фазы эволюции каталонского возрождения от экономического благополучия, возрождения исторического наследия, литературного и художественного обновления и, наконец, пробуждения национального политического сознания [7, p. 47].

Само понятие нации автор трактует, как «общество людей, которые имеют свой язык, законы, искусство, национальный дух и менталитет», поэтому он отождествляет такие понятия как родина и нация. При этом он четко отделяет нацию от государства, которое определяет как политическую организацию. Каждая нация стремится иметь свое собственное национальное или «составное» (федеративное государство), выражающее ее чувства и коллективную волю. Прат де ла Рибя пишет, что «Испания – это не наша родина, а совокупность нескольких родных земель, испанское государство – это государство, которое управляет нами и это искусственное образование, создаваемое и разрушаемое по воле людей, в то время как родина есть естественное сообщество, необходимое, предшествующее и превосходящее волю людей» [7, p. 53].

Несмотря на то, что труды Валенти Адмирала и Энрик Прат де ла Рибя были опубликованы в конце XIX – начале XX века, они до сих пор пользуются популярностью. Последний раз «Каталонское гражданство» переиздавалось в 2006 году, отметив таким образом свой столетний юбилей. Ряд идей, высказанных на страницах этих работ, оказал большое влияние не только на умы каталонских националистов, но и на эмоциональное восприятие вопроса, чему способствовали запоминающиеся метафоры, сравнения и горячие призывы сохранить особый каталонский характер и дух, несмотря на все сложности и препятствия.

1. Волкова, Г. И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. Монография / Г. И. Волкова. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 328 с.
2. Прутцков, Г. В. Медиа Каталонии в борьбе за национальную идентичность и независимость / Г. В. Прутцков. – М. : Изд-во ИКАР, 2022. – 296 с.
3. Almirall, V. Lo catalanisme. Motius que l' lligitiman. Fonaments científics i solucions practicas / V. Almirall. – Barcelona : Llibreria Verdaguier i Llibreria López, 1886. – 343 p.
4. Almirall, V. Antologia de textos. Consell Editor: Carles Viver Pi-Sunyer, Mercè Corretja Torrens, Mireia Grau Creus / V. Almirall. – Catalunya : Generalitat de Catalunya. Institut d'Estudis Autònoms, 2011. – 636 p.
5. Ballester, S. I. A 100 anys de La Nacionalitat Catalana d'Enric Prat de la Riba / S. I. Ballester. – Barcelona : Generalitat de Catalunya. Departament de Cultura Centre d'Història Contemporània de Catalunya i l'Arxiu Nacional de Catalunya, 2006. – 5 p.
6. Figueres, J. M. «El signe de l'esclau». Valenti Almirall i la reivindicació de la llengua catalana (1879–1902) / J. M. Figueres // Butlletí de la Societat Catalana d'Estudis Històrics. – 2010. – № 21. – P. 177–216.
7. Prat de la Riba, E. La Nacionalitat catalane. Facsím. Barcelona : Tip. L'Anuari de la Exportació, 1906 / E. Prat de la Riba. – Barcelona : Escola d'Administració Pública de Catalunya, 2007. – 134 p.

Рындин С.Н.
РАЗВИТИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ДЕЛА В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Для изучения отечественной истории XIX – начала XX в. весьма ценный и редкий материал представляют собой фотодокументы. На белорусские земли фотография пришла приблизительно в середине XIX в. вскоре после ее изобретения. Однако однозначно определить самого изобретателя невозможно. Фотографический процесс изобретался постепенно в течение столетий. 7 января 1839 г. были обнародованы опыты французского художника-декоратора Луи Жака Мандэ Дагера (1787–1851), которому удалось с помощью паров ртути получить и закрепить достаточно четкое изображение на серебряной пластинке, обработанной йодом. Этот фотографический процесс был назван дагеротипией [2, с. 31–36]. IX Международный конгресс научной и прикладной фотографии, состоявшийся в 1935 г., решил считать 7 января 1839 г. днем рождения фотографии, но сам этот термин стал широко употребляться только с 1878 г., когда он появился в Словаре Французской академии [13, с. 3; 14, с. 19]. В России первые дагеротипные портретные ателье («художественные кабинеты») были открыты в Москве Алексеем Грековым (1800–1855) в 1840–1843 гг. [3, с. 19]. В том же 1843 г. появляется дагеротипное заведение в г. Вильно (совр. – Вильнюс) [1, с. 40].

Старейшая из известных сегодня фотографических мастерских в Беларуси была открыта в г. Минске Антоном Прушинским (1826–1895). Его заведение начало свою работу в 1850 г. в самом центре города на ул. Францисканской (совр. – ул. Ленина). Именно в этом ателье был сделан знаменитый фотопортрет Винченца Дунина-Марцинкевича предположительно в 1861–1862 гг. В отечественной историографии долгое время ничего не было известно о создании первых фотографических заведений на территории Витебской губернии. Согласно материалам Национального исторического архива Беларуси, фотография, как вид предпринимательской деятельности, также появилась на Витебщине довольно рано. В полицейской ведомости за 1863 г. указано, что в г. Полоцке фотографическое заведение Густава Хедваля работало с 1854 г., а в г. Витебске гражданин г. Риги Генрих Юлиус Кинау распорядился фотомастерской, существовавшей с 27 августа (8 сентября) 1861 г. Также в г. Витебске, как сообщается в этой же ведомости, имелись заведения отставного титулярного советника Иосифа Чеховича (с 6(18) октября 1862 г.), могилевского мещанина Янкеля Пашковского (с 1(13) апреля 1863 г.), а в г. Полоцке – финляндского уроженца Сигизмунда Кенигсфеста (приблизительно с 1858 г.) [4, л. 29]. В течение следующих десятилетий в связи с ростом популярности фотографии увеличивалось и количество фотографических заведений. Например, в г. Витебске в 1880 г. их действовало 2, в 1890 г. – 3, в 1897 г. – 5 [5, л. 4; 6, л. 32; 7, л. 34].

Всего к 1904 г. в 34 населенных пунктах Беларуси функционировало 94 фотографических заведения [14, с. 34]. У клиентов был весьма востребован портретный жанр. Это объяснялось не только модой, но и активным внедрением фотокарточек в правовые отношения – фотографию начинали использовать для удостоверения личности.

С середины XIX в. функцию визитной карточки исполняли фотографии так называемого визитного размера (формата) с соотношением сторон 6×10 см. В 1854 г. француз Андре Диздери (1819–1889) запатентовал фотокарточки так называемого визитного размера (формата). В последующие десятилетия этот формат стал пользоваться большой популярностью в фотопортретном искусстве. Со временем появились десятки фотографических форматов, имевших разные наименования и различавшихся в первую очередь размером [1, с. 343, 348].

Фотография визитного формата наклеивалась на бланк с часто позолоченной надписью на лицевой стороне: «Visite Portrait». На рисунке 1 показан пример визитного портрета [9, л. 229].

Размер снимка вместе с картонной основой-подложкой обычно составлял 6×10 см, но существуют также и вариации этого формата: 6,5×6,5, 5×10, 5×11. В начале XX в. распространяется новый формат фотобумаги – открыточный, унифицированный с почтовой карточкой (открытым письмом, открыткой)). По сравнению с визитным портретом почтовая карточка отличалась большим размером (9×14 см), отсутствием бланка (паспарту) и характерной для открытки разлинвкой на оборотной стороне. От визитных портретов по своим параметрам практически не отличаются так называемые сувенир-портреты, на бланках которых делались надписи: «Souvenir». Сувенир-портреты обычно заказывались для дарения на память. В начале 1870-х гг. стал популярным формат кабинетного портрета («Cabinet Portrait»). Этот крупный формат (8×16, 10×10, 10×16) позволял охватить при фотосъемке больше пространства, запечатлеть значительную часть интерьера помещения или вида природы. Фотографии таких размеров широко использовались для украшения жилых комнат, рабочих кабинетов и т. д. [1, с. 344, 348]

В Витебске созданием фотопортретов в конце XIX – начале XX в. занимались Станислав Арцишевский, Александр Браац, Авраам Маковский, Абель Мещанинов, Илья Серебрин, Сигизмунд Юрковский и ряд других фотомастеров. Большинство заведений на территории Беларуси создавалось в 1890–1900-е гг. Причем фотографы работали как в постоянных студиях, так и передвижным способом.

Рисунок 1 – Фотопортрет крестьянина Витебской губернии Петра Матусевича в визитном формате (до 1914 г.)

Наряду с павильонной съемкой получила развитие в Беларуси и натурная съемка, т. е. фотографирование людей и разнообразных объектов в естественных условиях, часто под открытым небом. В Беларуси съемкой на природе одними из первых стали заниматься Сигизмунд Юрковский (1833–1901). Фотограф снимал виды городов и сел Витебской губернии. Сельский и городской фотопейзаж стал излюбленным сюжетом для фотооткрыток. Старейшая белорусская открытка с фотоиллюстрацией датируется 1896 г. На ней изображен мост через Западную Двину в Витебске. Вскоре появляются открытки с видами и других городов [12, с. 37]. В начале XX в. Сергей Прокудин-Горский (1863–1944) сделал первые цветные фото Беларуси. Он запечатлел в цвете также города Витебщины – Витебск, Дриссу (совр. – Верхнедвинск) и Полоцк.

Развитию натурной фотографии в Беларуси способствовали также этнографические исследования. На этом поприще одним из первых стал дворянин Витебской губернии Михаил Кусцинский (1829–1905). В 1867 г. он представил на Всероссийской этнографической выставке фотографии крестьян, сделанные им с натуры в Витебской губернии. Он также и первым сфотографировал процесс археологических раскопок [11, с. 52].

В 1870-е гг. был подготовлен «Альбом костюмов России», содержащий 532 фотографии. Среди них 31 фотография представляла народные костюмы из отдельных уездов Минской, Витебской и Могилевской губерний. Наиболее богатую фототеку составил ученый-этнограф Исаак Сербов (1871–1943). В 1910–1912 гг., как член Северо-Западного отдела Русского географического общества, он предпринял ряд этнографических экспедиций по Беларуси. Во время этих поездок он выполнил около 5000 фотографий, отображающих жизнь крестьян и природу края, но из этого собрания сохранилось только около 450 фотографий [14, с. 37].

Уроженцы и жители Беларуси не только активно осваивали фотографию, но и внесли вклад в ее техническое усовершенствование. В 1882 г. Сигизмунд Юрковский сконструировал моментальный фотографический затвор, а в 1883 г. – штормо-щелевой затвор, позволявший фотографировать отдельные стадии быстрых движений и процессов [10, с. 33].

Наряду с профессиональной фотографией распространялась и фотография любительская. В 1901 г. витебчане для популяризации «светописы» основали первый в Беларуси фотографический кружок. Его членами могли стать представители всех сословий и вероисповеданий. Не могли быть приняты только несовершеннолетние, учащиеся, военнослужащие нижние чины и юнкера, лица, ограниченные в правах по постановлению суда или находящиеся под следствием. При исключении из кружка повторное вступление было уже невозможно. На собраниях обсуждались лучшие работы участников, заслушивались доклады по искусству и технике фотографии. Из членских взносов и частных пожертвований формировались смета расходов и бюджет. На собранные средства пополнялась библиотека, оборудовались павильон и фотолаборатория, приобреталась фотографическая аппаратура [9, л. 17 – 17 об.].

Таким образом, фотография на Витебщине во второй половине XIX – начале XX в. пользовалась огромной популярностью. В этот период активно осваиваются все жанры фотографического искусства. Белорусские фотографы обогатили теорию и практику фотографии собственными исследованиями и новациями.

1. Величко, А. М. Фотографы земли Белорусской, 1850–1918 / А. М. Величко. – Минск : Змицер Колас, 2018. – 351 с.
2. Евгенов, С. В. 100 лет фотографии 1839–1939: Дагер, Ньепс, Тальбот: популярный очерк об изобретателях фотографии / С. В. Евгенов. – Москва : Госкиноиздат, 1938. – 62 с.
3. Левашов, В. Г. Лекции по истории фотографии / В. Г. Левашов. – М. : Тримедиа Контент, 2014. – 532 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31330.
5. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36634.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 40342.
7. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 43525.
8. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 44538.
9. НИАБ. – Ф. 2554. Оп. 1. Д. 1204.

10. Савченко, Н. И. В объективе – история / Н. И. Савченко // Фотомагия. – 2008. – № 1. – С. 32–35.
11. Савченко, Н. И. Фотожурналистика: какими были первые шаги? / Н. И. Савченко // Журналист. – 2010. – № 1. – С. 50–55.
12. Саўчанка, Н. І. Як да нас прыйшла паштоўка / Н.І. Саўчанка // Пачатковая школа. – 2007. – № 11. – С. 37–38.
13. Фомин, А. В. Общий курс фотографии / А. В. Фомин. – Москва : Легпромбытиздат, 1987. – 256 с.
14. Фотография : энциклопедический справочник / редкол.: П. И. Бояров, В. Д. Лобко [и др.]. – Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Пятруса Броўкі, 1992. – 399 с.

Алентьева Т.В.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ОБРАЗ «БОЛЬШОГО БИЗНЕСА» В АМЕРИКАНСКОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «PUCK»

На смену «лингвистическому повороту» в историописании пришел «визуальный поворот». Как пишет Л. Н. Мазур, «рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом. В результате реальность, в том числе историческая, переосмысливается в контексте истории образов» [6, с. 95–108].

Интерес к визуальности определялся углублением исторических исследований в междисциплинарность. Среди множества визуальных источников значительно меньше внимания привлекала карикатура. Тем не менее в последнее время интерес к данному источнику возрос. Особый вклад в изучение достижений американской карикатуристики в формирование образа «другого», визуализации дискурса национальной идентичности внесли исследования В. И. Журавлевой, ее статьи, посвященные имагологии, и, особенно, ее фундаментальная работа «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914» [4, с. 364–398]. Также немаловажное значение имеют работы других отечественных исследователей, среди которых стоит выделить статьи Л. П. Репиной, Т. Л. Лабутиной [7, с. 9–19; 5, с. 200–224].

Французский философ Ролан Барт предупреждал о сложности понимания образов: «Как мы вскоре убедимся, любое изображение полисемично; под слоем его означающих залегает “плавающая цепочка” означаемых; читатель может сконцентрироваться на одних означаемых и не обратить никакого внимания на другие. Полисемия заставляет задаться вопросом о смысле изображения...» [2, с. 304] В карикатуре зачастую наряду с визуальными образами имеется вербальная составляющая, в виде заголовков или пояснений к тексту. Политические карикатуры, по большей части, состоят из двух элементов: карикатуры, которая пародирует конкретную личность или явление, и аллюзии, которая создает ситуацию или контекст, в который помещается предмет исследования. То есть, помимо визуального объекта, в карикатуре всегда есть некое указание, аналогия или намек на определенный исторический, политический, мифологический, библейский или литературный факт, закрепленный в текстовой культуре или в разговорной речи [1, с. 7].

В данной статье ставится задача проанализировать, как формировался образ «большого бизнеса» в американском еженедельнике «Puck» на рубеже XIX – XX веков.

«Puck» («Шалун») – еженедельный сатирический журнал, выходивший с 1871 по 1918 годы. Это был первый успешный юмористический журнал в Соединенных Штатах Америки с красочными, частично цветными, карикатурами и политической сатирой на злобу дня.

Он был основан в 1871 году как немецкоязычное издание Джозефом Фердинандом Кеплером (1838–1894), художником-карикатуристом австрийского происхождения. В 1867 году эмигрировал в США, где раскрылся его талант карикатуриста. В 1872 году он вместе с женой и сыном переехал в Нью-Йорк. Его карикатуры были известны своим едким остроумием, создав замечательную рекламу для «Puck» [22, р. 9]. Большая часть его успеха была связана с умелой адаптацией классических и исторических образов к критике современной жизни. Остроумие Кепплера вызывало симпатию широких слоев американской общественности. Его иллюстрации проливали свет на сложную политику, делая вопросы ясными для среднего избирателя. Сын Кепплера, Удо Джозеф Кепплер, младший (1872–1956), был также политическим карикатуристом и совладельцем журнала «Puck», коллекционером индейских артефактов и защитником коренных жителей Америки.

Первое англоязычное издание «Puck» было опубликовано в 1877 году. Оно имело 16 страниц и стоило 10 центов. Название было заимствовано из комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Это был Пак – шаловливый и плутоватый лесной дух, подобный античному Пану. Этот персонаж, изображенный в логотипе журнала, представлял малыша в распахнутом фраке и в цилиндре, который восхищается собой в ручном зеркале. Вверху постоянно цитировались слова шекспировского персонажа: «Люди – ну ж и дурачье!». «Puck» был первым юмористическим еженедельником, публиковавшим карикатуры с использованием хромолитографии, вместо гравюры на дереве. Журнал был на переднем крае полиграфических технологий и агитировал за прогрессивные идеи [11]. С самого начала редакция издания выступала за политические реформы, осуждала монополии и бизнесменов, коррупцию и мошенничество в политике. В 1884 году тираж «Puck» составил 125 тыс. экземпляров, что позволило ему

войти в число самых элитных журналов того времени [17, с. 134]. На протяжении многих лет в еженедельнике «Puck» работали многие известные карикатуристы, такие как Луи Далримпл (1866–1905), Бернард Джиллэм (1856–1896), Фредерик Оппер (1857–1937), Джон Пью (1870–1909).

Последнюю треть XIX века историки определяют как «позолоченный век», эпоху бурной предпринимательской деятельности [8, с. 144–165]. Название возникло из книги Марка Твена и Чарльза Уорнера «Позолоченный век» (Gilded Age), в которой обыгрывалось понятие «золотого века», так и не наступившего в Америке, поскольку золото заменила позолота, и многие явления американской действительности имели весьма противоречивый характер. Довольно ярко это противоречие отразилось в карикатуре *Удо Кеплера «Золотой телец вытесняет Свободу»* [16]. На постаменте вместо уже ставшей привычной статуи Свободы высится массивный позолоченный бык в короне со знаком доллара как орденом на груди. В океанских волнах медленно тонет сброшенная с пьедестала статуя Свободы. Изображение золотого тельца здесь можно воспринимать не только как отсылку к известной библейской притче, но и аналогию с образами фондового рынка Уолл-стрит: «быками». Помимо «быков» в образах Уолл-стрит есть еще и «медведи». «Быки», как правило, играют на повышение стоимости акций, скупая активы, а «медведи» – наоборот, на их понижение. Их деятельность чаще всего непонятна новичкам в бизнесе, что ярко отразилось в карикатуре *Дж. Кеплера «Безжалостный бизнес на Уолл-стрит. Как неопиты теряют голову»* [13]. На карикатуре изображены занимающиеся спекуляциями железнодорожные магнаты и финансовые спекулянты Вандербильт и Гульд, проверяющие сообщения на телеграфной ленте. Лента прямо общается с опасной бритвой с острым лезвием. На верхней не опасной части лезвия балансируют с денежными мешками «медведь и бык». В опасной части бритвы, между острым лезвием и рукояткой изображены многочисленные инвесторы, тянущиеся за пачками акций «Pacific Mail», «Western Union» и «Erie». Лезвие готово упасть и лишить их в прямом смысле головы. Рядом на полу уже лежат отрезанные головы и пачки акций. На заднем плане другая группа инвесторов, которых художник юмористично именуется «группа ягнят», направляется на нью-йоркскую фондовую биржу.

В период «позолоченного века» быстрыми темпами шло освоение западных земель, не случайно именно тогда появляется теория «фронтира» или «подвижной границы» Ф. Тернера. Широкой экспансии на Запад способствовало бурное железнодорожное строительство. С 1869 по 1893 годы в строй вошли четыре трансконтинентальные железные дороги. За 50 лет с 1865 по 1916 год, развитие железных дорог приняло солидные размеры: железнодорожная сеть увеличилась с 35 тыс. до 254 тыс. миль, почти половина железных дорог в мире приходилась на долю США. Железнодорожные компании получали поддержку и выгодные условия от федеральных и местных властей, поэтому между монополистами велась ожесточенная конкурентная борьба, отразившаяся в карикатурах.

На карикатуре *Ф. Оппера «Позвольте им иметь это»* [20] железнодорожные «короли» Вандербильт, Гульд и другие распиливают остров Манхэттен, на котором расположена основная часть Нью-Йорка, чтобы каждому иметь свою долю «пирога».

Успехи индустриализации были впечатляющими. Быстрому росту экономики способствовало создание монополистических объединений – трестов. Возникли такие знаменитые на весь мир тресты, как «Стандарт Ойл», «Стальной трест», «Дженерал Электрик», «Зингер», «Форд» и многие другие. Экономический прогресс в Соединенных Штатах невозможно представить без лидеров бизнеса, которых историки в зависимости от своих позиций называют то «баронами-разбойниками», то «капитанами индустрии». Действительно, это был период ожесточенной конкурентной борьбы, когда на Уолл-стрит стремительно обогащались дельцы, занимавшиеся биржевой игрой и спекуляциями, процветали тайный сговор и коррупция. Огромные состояния сколачивались недобросовестными предпринимателями и крупными монополистами-землевладельцами. Многие из них имели лоббистов в Конгрессе, которые обеспечивали им прохождение выгодных для них решений.

Среди лидеров бизнеса этого периода особенно выделяются: Эндрю Карнеги – в черной металлургии, Корнелиус Вандербильт – в судостроении и железнодорожном строительстве, Джон Пирпонт Морган – в сталелитейной промышленности и банковском деле, Джон Д. Рокфеллер – в нефтяном бизнесе, Сайрус Маккормик – в сельскохозяйственном машиностроении, Джордж Вестингауз – в электротехнической промышленности, Густавус Свифт – в мясопереработке [3, с. 82]. В карикатуре *Б. Джиллэма «Наши бароны разбойники»* [9] эти бизнесмены изображались в виде средневековых грабителей с большой дороги.

Карикатура *«Современный Колосс» Джозефа Кеплера* [14] изображает железнодорожного магната Вандербилта. Ногами он опирается на железнодорожные пути, подчинив себе партнеров Фильда и Гульда. Они изображены привязанными к его длинным ногам. А его руки держат на привязи корабли и другие принадлежащие ему объекты собственности. В результате удачных биржевых спекуляций он увеличил свое состояние. К концу жизни Вандербильт обладал более чем 100 млн долл.

Карикатура Д. Пью «Король комбинаций» [21] на Джона Рокфеллера, первого в истории миллиардера, изображала его в виде монарха. Он представлен карликом с большой непропорциональной головой, в огромной короне и мантии, стоящим на резервуаре для хранения нефти, с надписью «Стандарт Ойл». Корона украшена железнодорожными вагонами, нефтяными цистернами, названиями компаний и увенчана знаком доллара. К 1880 году, благодаря многочисленным мелким и средним слияниям, в руках Рокфеллера оказалось 95 % нефтедобычи Америки. При этом он безжалостно разорял и устранял конкурентов.

Карикатура художника Ф. Оппера «Уолл-стрит как частный боулинг финансиста Джея Гульда» [19] высмеивала этого железнодорожного магната и биржевого дельца. К 1880 году он контролировал около 16 000 километров дорог, девятую часть национальной сети США, в 1882 – 15 %. На карикатуре Гульд кидает шары для боулинга под названием «обман», «ложные сообщения», «частная пресса» и «общая беспринципность», чтобы сбить кегли, помеченные как «оператор», «брокер», «банкир», «неопытный инвестор» и т.д. Лист бумаги показывает контрольные пакеты акций Гульда в различных корпорациях.

Карикатурам, помещенным в журнале «Puck», свойственны сильные социальные мотивы. Весьма характерна в этом плане карикатура художника Б. Джиллэма «Защитники нашей промышленности» [10]. Она изображает Гульда, Вандербильта, Сейджа и Фильда, сидящих «на миллионах прибылей и на плечах миллионов трудящихся». Художник заостряет свою критику на всевластии монополий, на их влиянии на государственную власть, на тяжелом положении трудящихся, фермеров и рабочих, на нищете и бедствиях иммигрантов.

Карикатура художника Дж. Кепплера «Настоящие хозяева конгресса» [12] совершенно ясно и недвусмысленно показывала, что владельцы монополий, олигархи, с помощью подкупа могут провести в Конгрессе любой закон. На карикатуре за сидящими в зале крошечными сенаторами изображены нависающие над ними денежные мешки, представляющие корпоративные интересы – от стали, меди, нефти, чугуна, сахара, соли, олова и угля до бумажных пакетов. На карикатуре также изображена запертая на засов дверь в галерею – «народный вход». Галереи пустуют, в то время как представители особых интересов действуют под девизом: «Это сенат монополистов, созданный монополистами и для монополистов!» Коррупция стала неотъемлемой чертой «позолоченного века». Карикатура Ф. Оппера «Исправление проблем стоит денег» это очень хорошо иллюстрирует [18]. На ней монополист Гульд протягивает деньги посреднику, чтобы купить лоббистские услуги сенатора. У каждого сенатора табличка, за какую сумму он готов «продаться». В заднем ряду услуги стоят дешевле. В первом ряду запросы намного выше, до 20 тыс. долл.

Карикатура Удо Кеплера под названием «Следующий» [15] изображала трест Рокфеллера «Стандарт Ойл» как громадного осьминога с широко раскинутыми щупальцами. В их ужасающих объятиях оказались и Белый дом, и Капитолий, и объекты промышленной инфраструктуры и простые граждане, страдающие от монополично высоких цен.

Журнал «Puck» живо откликался на запросы времени, обличая крупных бизнесменов как новоявленных «баронов-разбойников», бичуя коррупцию, к которой вело господство трестов в экономике. Яркие выразительные образы финансовых спекулянтов и дельцов, ловких бизнесменов, занятых погоней за наживой, создавали у читателей журнала негативный образ американского бизнеса периода «Позолоченного века».

1. Алентьева, Т. В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877) / Т. В. Алентьева. – СПб. : Алетейя, 2020. – 458 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Гейст, Ч. Р. История Уолл-стрит. / Ч. Р. Гейст ; пер. с англ. – М. : Квартет-пресс, 2001. – 473 с.
4. Журавлева, В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914 / В. И. Журавлева. – М. : РГГУ, 2012. – 1136 с.
5. Лабутина, Т. Л. Актуальные проблемы имагологии / Т. Л. Лабутина // Проблемы исторического познания : сб. статей / отв. ред. К. В. Хвостова. – Вып. 10. – М. : ИВИ РАН, 2016. – 372 с.
6. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 46. – М. : URSS, 2014. – 400 с.
7. Репина, Л. П. «Национальный характер» и «Образ другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 39. – М. : URSS, 2012. – 400 с.
8. Селигмен, Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории / Б. Селигмен. – М. : Прогресс, 1976. – 456 с.
9. Gillam, B. Our robber barons / B. Gillam // Puck. – 1882. – June 14.
10. Gillam, B. The Protectors of our Industries / B. Gillam // Puck. – 1883. – Febr. 7.
11. Kahn, A. Puck: What Fools these Mortals Be / A. Kahn, R. West. – San Diego, California : IDW Publishing, 2014. – 328 p.
12. Keppler, J. Bosses of Senate / J. Keppler // Puck. – 1889. – Jan. 23.
13. Keppler, J. Cut-throat Business in Wall Street. How the Inexperienced Lose their Heads / J. Keppler // Puck. – 1881. – Sept. 9.
14. Keppler, J. The Modern Colossus of (rail) roads / J. Keppler // Puck. – 1879. – Dec. 10.
15. Keppler, U. Next! / U. Keppler // Puck. – 1904. – Sept. 7.
16. Keppler, U. Golden Cow Replaces Liberty / U. Keppler // Puck. – 1912. – July 3.

17. Nevins, A. A Century of Political Cartoons: Caricature in the United States from 1800 to 1900 / A. Nevins, F. Weitenkamp. – New York : Charles Scribners' Sons, 1944. – 191 p.
18. Oppen, F. It Costs Money to Fix Things / F. Oppen // Puck. – 1884. – Jan. 9.
19. Oppen, F. Jay Guld's Private Bowling Alley / F. Oppen // Puck. – 1882. – March 29.
20. Oppen, F. Let Them Have It All, and Be Done with It! / F. Oppen // Puck. – 1882. – Febr. 8.
21. Pughe, J. The King of the Combinations / J. Pughe // Puck. – 1901. – Febr. 27.
22. West, R., Satire on Stone: The Political Cartoons of Joseph Keppler / R. West. – Urbana, Ill. : University of Illinois Press, 1988. – 465 p.

Гуларян А.Б.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРЫ «ДОМ ЛОБАНОВА»

Визуальные источники исторической информации играют важную роль в исследованиях, которые проводит Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Хранящиеся в архивах рисунки, чертежи, фотографии зданий и строений играют важную роль при составлении паспортов и исторических записок на памятники истории и культуры, при подготовке документации на реставрацию памятников, работ по истории градостроительства.

В Государственном архиве Орловской области (ГАОО) имеется архивная коллекция дореволюционных проектов, планов, чертежей фасадов гражданских, культовых и частных строений, дорожных сооружений, частных предприятий города Орла. Она хранится в фонде № 22, в Коллекции документов Орловской губернской строительной и дорожной комиссии. Документы этого фонда часто используются в краеведческих исследованиях и в работе Орловского отделения ВООПИК. К сожалению, коллекция документов строительной комиссии понесла утраты во время Великой Отечественной войны, что иногда усложняет работу исследователя.

Подобный случай произошел, например, при исследовании планов и чертежей памятника культуры местного значения – «Дома Лобанова». Это здание стоит на углу улиц Старомосковской (сохранила историческое название) и Пушкинской (бывшей Новосильской улицы) и имеет № 55 по Старомосковской улице, в 146-м квартале. Известно оно тем, что принадлежало когда-то семье, близкой к нашему великому писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Лобановы на протяжении нескольких поколений были крепостными помещиков Лутовиновых, причем не просто крепостными, а доверенными слугами. Ольга Семеновна Лобанова служила в усадьбе Спасское-Лутовиново ключницей. Оба ее сына – Федор и Лев Ивановичи «были при барыне» – Варваре Петровне Тургеневой, матери писателя. Лобановы были приближены к хозяйке, выполняя обязанности дворецкого и конторщика. Но одновременно чаще других становились жертвами её жестокости и произвола. Иван Сергеевич часто ссорился с матерью, защищая Лобановых. После смерти Варвары Петровны в 1850 г. по ее завещанию Федор и Лев Лобановы получили вольную. Иван Сергеевич по собственной инициативе выдал братьям большие наградные деньги, позволявшие начать новую жизнь. Но Лобановы предпочли остаться в Спасском-Лутовинове в качестве вольнонаемных служащих. Только после отмены крепостного права братья покинули Спасское и разъехались: Ф.И. Лобанов уехал в Тулу, где стал бухгалтером на железной дороге, Л.И. Лобанов осел в Мценске.

О жизни Ивана Львовича Лобанова нам известно из воспоминаний его дочери, Ольги Ивановны, в замужестве Петровой, хранящихся в настоящее время в Музее И.С. Тургенева. Согласно этим воспоминаниям И.Л. Лобанов обвенчался в 1876 г. в городе Мценске с Е.И. Шестаковой. В этом же году молодая семья переехала в Орел, где купила дом у разорившегося откупщика А.М. Горбунова [6, с. 23].

О.И. Петрова пересказала также семейное придание о том, что приобрести в Орле дом семье Лобановых помог сам И.С. Тургенев. До сих пор цела семейная реликвия - настенные часы с боем и гириями в футляре, фанерованном красным деревом, которые были подарены семье на новоселье И.С. Тургеновым.

От своей матери О.И. Петрова не раз слышала о том, что И.С. Тургенев навещал их в свои приезды в Орел в 1879 и 1881 гг. Он останавливался тогда в гостинице «Рим», что стояла в двух кварталах ниже дома Лобановых и, навещая их, якобы держал на руках маленького Валерьяна Лобанова (1878–1919 гг.), сына Ивана Львовича.

К сожалению, любые воспоминания и мемуары грешат погрешностями и неточностями, не все исторические факты излагаются в них верно. Согласно документам ГАОО, в 1879 г. А.М. Горбунов разорился, и продал свой дом купцу И.И. Коноплеву. И.Л. Лобанов купил дом не у Горбунова, а у И.И. Коноплева, купчая крепость была произведена 29 января 1881 г. [5, л. 92 об] До этого семья Лобановых жила в одноэтажном деревянном доме, купленном в 1878 г. у землемера И.М. Николаева [4, л. 33 об]. Так что во время приезда в Орел в 1879 г. И.С. Тургенев не мог бывать в доме на углу Старомосковской и Новосильской улиц. Точно также отец О.И. Петровой не покупал дом напрямую у А.М. Горбунова. Данное несоответствие документов и воспоминаний можно объяснить тем, что

И.И. Коноплев владел домом только два года, и для соседей это здание по-прежнему оставалось «домом Горбунова». Будучи маленькой девочкой, Ольга Ивановна запомнила это словосочетание, и считала, что ее отец купил дом непосредственно у Автонома Горбунова.

В фонде 22 ГАОО обнаружены три дела с чертежами и планами этого здания. Они относятся к 1870 г., 1884 г. и 1901 г. Документы, содержащиеся в этих делах, были созданы по конкретным поводам. В 1870 г. А.М. Горбунов заказал план и чертежи дома, когда оформлял разрешение на постройку второго этажа [1]. В 1884 г. план заказал И.Л. Лобанов для оформления разрешения на постройку деревянной лавки [3, л. 1]. В 1901 г. он же ходатайствовал о строительстве каменных одноэтажных служб и каменной лавки, примыкающей к дому по Новосильской улице [2, л. 1, 2]. При этом план дома 1870 г. не совпадает с планами 1884 и 1901 гг.

В плане 1870 г. дом Горбунова должен был представлять собой правильный прямоугольник, при этом один из углов этого прямоугольника со стороны Старомосковской улицы не был достроен. Расположение капитальных стен повторяло наружное членение фасадов пилястрами. Благодаря внутренним дополнительным переборкам первый этаж насчитывал девять помещений, которые, благодаря особенностям планировки разделялись на четыре изолированные друг от друга части. Эти части соответствовали, по-видимому, лавке; конторе; складским помещениям; лестничной площадке и, возможно, гостиной. Общее число входных дверей составляло семь штук, причем в жилые комнаты вели три двери, в лавку – две, в контору и склад – по одной. Общее число дверей на первом этаже составляло тринадцать, окон – двенадцать штук [1, л. 2].

Чтобы завершить дом, предполагалось пристроить коридор с дверью со стороны Старомосковской улицы, и с лестницей, ведущей на второй этаж. На втором этаже было запланировано пятнадцать помещений, включая длинный коридор посередине, две передних комнаты, две кладовые, две кухни, залу, две гостиные комнаты и спальни. На втором этаже насчитывалось шестнадцать дверей и восемнадцать окон. Дом отапливался одной русской и тремя голландскими печами, имел две кухонные плиты, и, возможно, один камин [1, л. 3].

Это сильно отличается от плана дома, который изображен на чертежах И.Л. Лобанова 1884 и 1901 гг. На проекте А.М. Горбунова здание имеет четкую прямоугольную форму, причем лавка включена в основное помещение, а на планах И.Л. Лобанова дом имеет неправильную форму с выступом со стороны Старомосковской улицы. Со стороны двора к дому была пристроена двухэтажная кухня с кирпичным рукавом в подвал. Лавка, которая до этого располагалась внутри самого дома вынесена в отдельную пристройку по Новосильской улице, первоначально – деревянную, в последствии – кирпичную [2, л. 1, 2].

Первоначальный фасад дома повторяет ныне существующий в основных членениях, намеченных пилястрами и по числу окон в каждой части фасада, хотя есть и несовпадения.

По чертежам 1870 г. фасад, выходящий на улицу Новосильскую (в настоящее время Пушкинская), был разделен на три части, причем центральная часть в три раза уже боковых. Пилястры прямоугольные, вертикально рустованные. Первый этаж отделен от второго кирпичным карнизом, под крышей проходил деревянный карниз, украшенный по нижнему краю резьбой. По проекту предусматривалось украсить второй этаж резьбой не только по карнизу, но и в виде фриза, проходящего под окнами. В настоящее время все эти украшения утрачены. В боковых частях фасада было по три окна на этаж, в средней части соответственно по одному окну. Общий ритм здания нарушался только с правой стороны: здесь на первом этаже размещалась лавка. Соответственно, вместо трех маленьких окон здесь были сделаны два широких и высоких проема с полукруглыми сводами, служивших и окнами, и входом. Все остальные окна имели прямоугольную форму и были украшены простыми наличниками [1, л. 1].

Фасад, обращенный на Старомосковскую улицу, должен был разделяться пилястрой на две равные части по центральной оси дома. В настоящее время от этой пилястры осталась одна капитель на карнизе фасада. Судя по планам первого и второго этажей, правая часть фасада уже существовала, а левая планировалась к возведению. Как выглядел фасад до этой перестройки – неизвестно, но по проекту каждой части предполагалось сделать по три окна на этаж. Слева, на месте крайнего окна, на первом должна была располагаться дверь. [1, л. 1]

По всему первому этажу по периметру проходил декоративный цоколь, достигавший нижнего края окон. Он разрывался только входами в лавку в жилые помещения. Крыша дома по плану четырехскатная, как и в настоящий момент. Со стороны Старомосковской улицы крышу предполагалось украсить невысокой балюстрадой. В целом это было довольно простое по планировке помещений и по компоновке фасадов строение с элементами классицизма.

При И.Л. Лобанове внешний вид дома сильно изменился. Об этом свидетельствуют рисунки из альбома неизвестного художника, рисовавшего Орел в конце 1920-х гг. Оригинал рисунков хранится в семье Леонида Николаевича Афанасьева и Ираиды Анатольевны Ситниковой, проживавших в Орле, копии переданы на хранение в фонд Музея И.С. Тургенева.

Лобанов заделал окна в торговое помещение. При этом был нарушен ритм окон фасада: их число в разных частях фасада первого этажа теперь не совпадало. Чтобы сгладить это впечатление, по первому этажу были добавлены две дополнительные пилястры, а над окнами возведены глухие декоративные арки. Одновременно кирпичные пилястры первого этажа были переделаны под горизонтальный руст. Таким образом, первый этаж был разделен теперь на пять частей. Дверь на улицу была пробита на месте центрального окна.

Второй этаж был оштукатурен, по-видимому, из соображений престижа. При этом первоначальное трехчастное членение было сохранено. Окна были отделаны новыми наличниками с щипцовыми завершениями. Под окнами располагались штукатурные филенки. Фриз под окнами второго этажа сохранился, но тоже был оштукатурен. Пилястры сохранили вертикальный руст. Из-за пристройки двухэтажной кухни со стороны двора фасад дома оказался как бы разорванным на две части, одна сторона немного выше, другая немного ниже. Между ними – рукав входа в подвал, и по верху рукава – двухэтажная застекленная галерея. Рисунка, изображающего фасад по Старомосковской улице, нет.

Возникает справедливое сомнение в том, что дом Горбунова и дом Лобанова – это одно и то же строение. Во-первых, дом не перешел напрямую от А.М. Горбунова к И.Л. Лобанову, между ними был еще один хозяин. Во-вторых, слишком сильно изменилась планировка и внешний вид строения. Единственным свидетельством тождественности этих двух строений является утверждение О.И. Петровой.

Возможно, все противоречия были бы решены, окажись в наших руках планы постройки первого этажа дома А.М. Горбунова и двухэтажной кухни со стеклянной галереей дома И.Л. Лобанова. Но такие чертежи в фонде не обнаружены. Противоречие между документами можно разрешить, если выдвинуть предположение что А.М. Горбунов произвольно изменил согласованный проект. Чтобы увеличить площадь жилых помещений он вынес коридор с дверью и лестницей на второй этаж за пределы прямоугольника. Тем самым дому был придан его современный вид.

Это только один из примеров использования визуальных источников информации в историческом исследовании.

1. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). – Ф.22. Оп.2. Д.4319.

2. ГАОО. – Ф.22. Оп.2. Д.4408.

3. ГАОО. – Ф.22. Оп.2. Д.5915.

4. ГАОО. – Ф.593. Оп.1. Д.595.

5. ГАОО. – Ф.593. Оп.1. Д.641.

6. Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ). – Научный архив. № 840. Свидетельства О.И. Петровой. 1982. Подлинник.

Сиренов А.В.

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА ЛИХАЧЕВЫХ В РОССИЙСКУЮ НАУКУ И КУЛЬТУРУ

Ценность историко-культурного наследия в настоящее время сомнению не подлежит. Однако совокупность исторических памятников становится значимым наследием только в результате изучения, введения в научный и общественный оборот. Наследие – категория ценностная. Поэтому при ее формировании важны не только сами памятники, но и та подвижническая деятельность в сфере науки и культуры, благодаря которой эти памятники сохранили, изучали и, по существу, претворили их в объекты историко-культурного наследия. Необходимо помнить, что долгое время осознания ценности памятников древности отсутствовало. В Российской империи в течение XVIII – XX вв. были уничтожены многие тысячи памятников архитектуры, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Количество уничтоженных книг и документов не поддается даже приблизительному учету. В этих условиях особое значение приобретают коллекционеры и собиратели. Формируя свои собрания, они зачастую спасали памятники культуры, сами не сознавая того в полной мере [6, с. 245–249; 30, с. 8–12]. Ценность таких коллекций была определена, как правило, не самими собирателями, а учеными – историками, филологами, искусствоведами, которые получали доступ к собранным памятникам и вводили их в научный оборот, изучали и популяризировали. Очень редко эти ипостаси (собиратель, исследователь и популяризатор) объединялись в одном лице. И все же такие случаи были, и, пожалуй, самый выдающийся пример – деятельность представителей старинного дворянского рода Лихачевых.

Собственно, широко известны как деятели культуры только двое из них, казанский помещик Андрей Федорович Лихачев и его племянник академик Николай Петрович Лихачев. Но важную роль в деле сохранения коллекций сыграл и брат А. Ф. Лихачева – вице-адмирал Иван Федорович Лихачев.

Казанские Лихачевы представляли собой одну ветвь некогда многочисленного дворянского рода. Свое поместье, село Полянки, Лихачевы приобрели в 1745 г. и в последующее время продолжали там жить, вступая в родственные и дружеские связи с другими помещичьими семействами этого края: Но-

восильцевыми, Осокиными, Кисловскими, Панаевыми, Казиными и др. Постепенно росла и приумножалась семейная библиотека. Так, изрядное количество книг, в том числе редких, собрал Александр Логинович Лихачев. Его внук Федор Семенович, также бывший любителем книг и просвещения, собирал, однако, предметы древнего оружия и курительные трубки. В XIX в. Лихачевы служили в столице, но не порывали связей с малой родиной, бережно относились к своему родовому гнезду. Крестьянская реформа 60-х годов XIX в., столь губительно сказавшаяся на помещичьем хозяйстве в разных уголках Российской империи, не изменила жизненного уклада владельцев села Полянки. По-прежнему съезжались родственники и гости, по-прежнему Лихачевы патриархально помогали крестьянам, а те платили им преданностью и уважением. Что, впрочем, в послереволюционные годы не помешало жителям села разорить не только барский дом и церковь, но и родовой некрополь Лихачевых.

В семье владельца села Полянки Федора Семеновича Лихачева и его жены Глафиры Ивановны, урожденной Панаевой, было шестеро детей. Один из сыновей, Петр Федорович (1833–1904 гг.), рано вышел в отставку и до конца жизни прожил полянским помещиком [10, с. 16]. Иван Федорович (1826–1907 гг.) посвятил жизнь флоту, активно участвуя в его реформировании, долгое время исполнял обязанности военно-морского атташе в Париже и Лондоне, а выйдя в отставку в чине вице-адмирала, проживал в Париже, увлекаясь, в том числе, и коллекционированием древностей. Андрей Федорович (1832–1890 гг.) заметно отличался от братьев. Он окончил физико-математический факультет Казанского университета, но рано вышел в отставку, предпочтя тяготам службы спокойную и свободную жизнь за счет получаемого от имений дохода. Будучи по характеру человеком замкнутым, А. Ф. Лихачев годами проводил время среди книг, в путешествиях и, главное, среди своих коллекций. Само по себе коллекционирование среди дворян в XIX в. не было редкостью. В коллекциях А. Ф. Лихачева обращает на себя внимание, прежде всего, масштаб. Собирая преимущественно произведения западноевропейской живописи, он создает настоящую картинную галерею. Впрочем, и здесь А. Ф. Лихачев выступает не простым любителем. Он занимается живописью и сам, причем старается освоить те технические приемы классической трехслойной живописи маслом, образцы которой собирает. Так, в 1875 г. он отправляет письмо известному историку академику А. А. Кунику и пытается через него получить разрешение на копирование старых мастеров в Эрмитаже [10, с. 34]. При этом сам факт переписки с А. А. Куником показывает круг научного общения А. Ф. Лихачева, который на страницах научных изданий выступает как востоковед и нумизмат. Средневековые монеты, предметы материальной культуры и декоративно-прикладного искусства Востока в течение многих лет для А. Ф. Лихачева являлись объектом и коллекционирования, и научных разысканий. Истоки такой многогранности его талантов следует усматривать в особенностях усадебного быта Лихачевых. И Полянки, где прошло детство А. Ф. Лихачева, и выделенное ему в наследство имение Березовка находятся в непосредственной близости с Булгаром – древней столицей Волжской Булгарии средневекового исламского государства Поволжья. Крестьяне при распашке земельных угодий находили древние восточные монеты, керамические изделия, произведения мелкой пластики – и несли свои находки барину, получая за это денежное вознаграждение. Таким образом, коллекционный и исследовательский материал сам шел в руки А. Ф. Лихачеву. Однако важно отметить, что не только ему. Жили в тех краях и другие образованные, интересующиеся историей помещики, однако именно А. Ф. Лихачев оказался столь восприимчив к поступающим к нему историческим памятникам, что занялся их серьезным коллекционированием и, что не менее важно, их изучением. Не будучи связанным историографической традицией, представлениями о социально значимых темах исторического исследования, он писал краткие, но обстоятельные статьи, посвященные отдельным артефактам из своей коллекции. Несмотря на некоторую непоследовательность взглядов на этногенез народов Поволжья, А. Ф. Лихачев стал одним из первых серьезных исследователей Волжской Булгарии [26, с. 46–54]. Его метод современный исследователь К. А. Руденко определяет как «археологическое источниковедение» [28, с. 194]. Член-основатель Казанского общества археологии, истории и этнографии, участник археологических съездов, автор статей в научных периодических изданиях Казанского университета, А. Ф. Лихачев не стремился стать профессиональным историком. Он оставался чудаковатым барином, нелюдимым и далеко не всеми любимым. Женился поздно, на гувернантке своих племянников, и через несколько лет умер, не оставив жене и малолетним детям достаточных средств к существованию, поскольку все доходы тратил на коллекционирование.

Собранию была уготована участь распродажи и распыления, что случалось в то время и случается сегодня не так уж редко. Однако все сложилось иначе. Богатые коллекции А. Ф. Лихачева поступили в дар городу Казани и теперь составляют основу двух крупнейших музеев края – Национального музея Республики Татарстан и Музея изобразительного искусства Республики Татарстан. Но создания музея могло бы не случиться, если бы не вмешался брат покойного коллекционера отставной вице-адмирал Иван Федорович Лихачев. Именно он выкупил у вдовы коллекции А. Ф. Лихачева и передал их родному городу с условием создать на их основе городской музей [22, с. 123–126; 10, с. 17].

Трудно сказать, насколько велико было влияние Андрея Федоровича на становление племянника Николая Петровича Лихачева (1861–1936 гг.) – сына Петра Федоровича. С семьей Андрея Федоровича того связывали годы учебы в Казани, сначала во Второй казанской гимназии, а затем на историко-филологическом факультете Казанского университета. Николай Петрович наверняка бывал в казанском доме Андрея Федоровича, жена которого, еще в бытность гувернанткой в семье Петра Федоровича, принимала непосредственное участие в воспитании Николая. По воспоминаниям современников, дом Андрея Федоровича напоминал музей: на стенах картины и гравюры, за стеклом коллекционный фарфор, в шкафах – научная литература и «древности». Наконец, для интересовавшегося историей юного Николая Петровича его дядя, занятый собиранием и изучением древних памятников, состоявший в переписке с авторитетными историками, должен был служить образцом для подражания [7, с. 80–97]. Это предположение следует или подтвердить, или опровергнуть на основе изучения писем, воспоминаний и других источников личного происхождения, однако уже сейчас можно утверждать, что некоторые особенности деятельности Николая Петровича, причем ключевые, восходят именно к Андрею Федоровичу. Так, еще будучи студентом, Н. П. Лихачев организует археологические раскопки кургана неподалеку от села Полянки. Характерно, что в дальнейшем к полевой археологии он не обращался. Но интерес к восточным древностям у него сохранился на всю жизнь, как и особенное внимание к средневековым монетам и печатям, обнаружение которых в то время рассматривали в качестве главной цели археологических раскопок.

Другая общая черта дяди и племянника состоит в увлечении научными путешествиями. Андрей Федорович, несмотря на проблемы со здоровьем, такие вояжи по западноевропейским странам совершал, привозя оттуда картины, гравюры, фарфор, а также пополняя свои научные коллекции [10, с. 38–39]. Можно предположить, что именно с таких научно-ознакомительных поездок началась крупномасштабная собирательская деятельность Н. П. Лихачева (несмотря на то, что он начал коллекционировать еще гимназистом в Казани). В Библиотеке Казанского федерального университета хранятся его дневниковые записи о поездках (путешествиях), которые он совершал в июне–сентябре 1892 и 1893 гг. (Отдел рукописей и редких книг Казанского федерального университета 2151). По этим записям видно, насколько серьезно Н. П. Лихачев относился к своим поездкам. Для каждого посещаемого города он отмечал достопримечательности, которые следует увидеть, а также научную литературу, с которой нужно познакомиться. Обращает на себя внимание одна особенность, характерная для обоих Лихачевых (дяди и племянника). Для них были одинаково важны и интересны памятники разных народов, культур и эпох. Узости, обусловленной выбранной специальностью, у них не наблюдается. Например, Н. П. Лихачев, согласно его дневниковым записям, путешествовал по странам Западной и Центральной Европы, а также по древнерусским городам, посещал Москву и Петербург. И везде он с одинаковой тщательностью штудировал (в отдельных случаях кратко конспектируя) литературу о местных древностях, осматривал музеи. Приведем маршруты его первых путешествий:

11 июня – 19 сентября 1892 г.: Нюрнберг (12–14 июня), Прага (16–17 июня), Петербург (21 июня – 2 июля), Новгород (3–4 июля), Тверь, Москва (7–13 июля), Киев (16–21 июля), Львов (23–27 июля), Будапешт (29 июля – 2 августа), Загреб (4–6 августа), Оппатия (8–12 августа), Мали-Лошинь (10–11 августа), Горица (13 августа), Адельберг (14 августа), Любляна (14–16 августа), Блед (17–19 августа), Клагенфурт (20–22 августа), Марио Раиу (21 августа), Доббиако (23 августа – 2 сентября), Кортина д’Ампеццо (30–31 августа), Венеция (4–10 сентября), Равенна (12–15 сентября), Милан (16–17 сентября).

26 июня – 23 сентября 1893 г.: Трир (27 июня), Майнц (28 июня), Кельн (30 июня), Берлин (2 июля), Петербург (4–17 июля), Москва (18–28 июля), Вильна (29 июля), Либавя (31 июля – 1 августа), Клайпеда (2–3 августа), Кенигсберг, Мальборк (5 августа), Гданьск (6–7 августа), Гнезно (8 августа), Познань (9 августа), Вроцлав (10–12 августа), Вена (14–19 августа), Земмеринг (20–21 августа), Грац (22–24 августа), Постойна (26–27 августа), Дивача (28 августа), Триест (29 августа – 2 сентября), Пула (31 августа), Аквилея (3 сентября), Удина (4–6 сентября), Чивидале (5 сентября), Венеция (8–18 сентября), Милан (19–21 сентября).

Почти в каждом городе, который он посещал, Н. П. Лихачев приобретал фотографии с видами местных достопримечательностей, что педантично отмечал в дневнике. Коллекцию гравированных видов европейских городов в собрании А. Ф. Лихачева, вероятно, также следует соотносить с маршрутами его путешествий. Не менее важно, что из своих первых путешествий Н. П. Лихачев привозил памятники древности [8, с. 565–590].

Наконец, общность в подходах к изучению истории у Андрея Федоровича и Николая Петровича Лихачевых проявляется в том, что они оба исследование воспринимали как продолжение и развитие собирания памятников культуры. Сначала коллекционер, а затем исследователь – таков был алгоритм научной работы как Андрея Федоровича, так и Николая Петровича. А результатом такой деятельности должен стать музей. И в этом взгляды Николая Петровича сближаются и с воззре-

ниями Ивана Федоровича Лихачева. Не случайно то обстоятельство, что они оба состояли в попечительском совете Казанского музея, созданного на основе коллекций Андрея Федоровича.

Собирательская деятельность Николая Петровича Лихачева развернулась в Петербурге, куда он переехал в 1892 г. Еще с юности знакомый с практикой коллекционирования, собрав в студенческие годы коллекцию русских документов XVII–XVIII вв., Н. П. Лихачев в первые годы не мог согласовать свои собирательские и научные интересы. Магистерская диссертация Н. П. Лихачева, защищенная в 1889 г., была посвящена деятельности Разрядного приказа в XVI в., который ведал государственной службой в России того времени [19; 9, с. 426]. Можно думать, что выбор темы обусловлен семейными традициями, поскольку именно с государственной службой XVI в. связано возвышение как рода Лихачевых, так и других дворянских семей, бывших с Лихачевыми в родстве. Изучение деятельности Разрядного приказа имело своим логичным продолжением занятия генеалогией русского дворянства. К этому Н. П. Лихачев явно имел вкус и интерес. Впоследствии он стал одним из самых активных членов образованного в 1897 г. Русского генеалогического общества, а в печатном органе этого общества опубликовал более десяти статей, посвященных различным вопросам генеалогии русского дворянства [32, с. 58–60]. Параллельно с занятиями генеалогией Н. П. Лихачев коллекционировал рукописи и редкие книги. Проблема датировки рукописных кодексов не могла его не занимать. В течение XIX в. развивалось флиграноведение – дисциплина, изучающая маркировочные знаки бумаги, на основании которых можно определить время написания рукописи, даже если эта дата в тексте самой рукописи отсутствует [2, с. 31–43]. Таким образом, интерес к изучению средневековой бумаги для Н. П. Лихачева был в то время вполне объясним его собирательской деятельностью. Изучая вклады служилых людей в крупнейшую монашескую обитель XVI в., в Троице-Сергиев монастырь, Н. П. Лихачев обнаружил копию купчей 1576 г. с упоминанием бумажной мельницы [12, с. 85–87]. Это упоминание до настоящего времени остается единственным [29, с. 46–61]. Считалось, что в России производить бумагу начали только во второй половине XVII в. А после находки Лихачева стало ясно, что попытки производства бумаги имели место еще в эпоху Ивана Грозного. В этом кратком известии, наверное, впервые пересеклись интересы Лихачева-исследователя и Лихачева-собирателя. Следствием стало резкое изменение траектории научных исследований. Н. П. Лихачев углубился в изучение истории бумажного производства и в разработку методики датировки рукописей по филиграммам. Его докторская диссертация, защищенная в Казанском университете в 1893 г., была посвящена бумажным мельницам Московского государства XVI–XVII вв., а в 1899 г. увидел свет составленный Н. П. Лихачевым справочник «Палеографическое значение водяных бумажных знаков», ставший классическим трудом по флиграноведению и не утративший своего значения до сих пор [18; 23, с. 5–13]. Н. П. Лихачев в своем труде впервые сделал попытку собрать и проанализировать точно датированные рукописи XV–XVI вв. из российских собраний. С тех пор в этом направлении сделано немало, но важно подчеркнуть, что у истоков стоял Н. П. Лихачев. Сам факт защиты докторской диссертации на столь специфичную тему, посвященную методологии источниковедческого исследования, конечно, мог состояться только в учебном заведении, имевшим богатые традиции в области источниковедения. Казанский университет был именно таким учреждением. И все же среди коллег диссертация Н. П. Лихачева вызвала недоумение и неприятие, поскольку считалось, что заниматься следует социально и идеологически значимыми темами [9, с. 427]. Так, в частной переписке некоторые историки иронически называли Н. П. Лихачева «бумажным доктором», подчеркивая этим каламбуром не столько основной объект диссертационного исследования (бумагу), сколько, на их взгляд, неосновательность избранной темы (мол, доктор не на деле, а что называется, «на бумаге»). Такие отзывы показывают незрелость тогдашней исторической науки и неспособность некоторых ее представителей осознать важность методологии источниковедческого исследования.

В 1892 г. Н. П. Лихачев начал преподавательскую деятельность в Петербургском археологическом институте. На протяжении многих лет он читал там курс дипломатики, рассказывая студентам о приемах изучения средневековых документов, иллюстрируя свои лекции в том числе и рукописями из своего собрания [14]. Женитьба на девушке из богатой семьи освободила его от заботы о заработках. На тогдашней окраине Петербурга в 1902 г. Лихачевы построили каменный дом, ставший местом сосредоточения коллекций Н. П. Лихачева [25, с. 517–521; 24, с. 6–20]. Сейчас в этом здании располагается Санкт-Петербургский институт истории РАН, в Научно-историческом архиве которого хранятся собранные Лихачевым средневековые рукописи.

Все свободное от преподавания время и все заработанное жалование (впрочем, весьма скромное) Н. П. Лихачев мог тратить на коллекционирование. Приобретенные еще в юности навыки собирателя помогли ему сориентироваться в антикварном рынке того времени. Близилась эпоха открытия древнерусской живописи, и Н. П. Лихачев угадал и почувствовал новые веяния: он принялся собирать старинные иконы. Здесь при всем внешнем сходстве с собирательской деятельностью А. Ф. Лихачева, который сам занимался живописью и серьезно интересовался изобразительным искусством, мотивы у Н. П. Лихачева были другими. Он покупал иконы не на аукционах, поскольку антикварный рынок иконописи в то время только формировался, а у перекупщиков, часто в среде бытования.

В отношении икон интерес Н. П. Лихачева был сосредоточен, прежде всего, на иконографии [15]. Особенно охотно он покупал изображения русских святых, что дало ему возможность сделать подборку по иконографии русских святых «Материалы для истории русского иконописания», не утратившую свою научную ценность до сих пор [11]. В иконах средневековой традиции Н. П. Лихачева привлекали еще и надписи [13, с. 391–394]. Однако это направление особенного развития не получило. Можно только предполагать, что причиной стали проблемы с датировкой надписей на иконах. При регулярных поновлениях древнего образа зачастую вместе с потемневшей олифой смывали и надписи, а потом наносили новые. Впрочем, это только предположение, поскольку о намерениях Н. П. Лихачева рассматривать икону как памятник письма нам неизвестно. В 1913 г. собрание икон Н. П. Лихачева приобрел император Николай II для Русского музея [4, с. 106–111; 32, с. 341–342]. Таким образом, собранные Н. П. Лихачевым иконы стали основой одной из самых значительных коллекций древнерусского искусства.

Вырученные от продажи собрания икон деньги позволили Н. П. Лихачеву приступить к реализации своего давнего замысла по созданию музея письма. Образцом послужил Музей книги и письма в Лейпциге (*Das Deutsche Buch – und Schriftmuseum*), основанный в 1884 г. [20, с. 57; 33]. Ежегодные заграничные поездки Н. П. Лихачева, регулярные покупки на европейских аукционах позволили ему привезти в Россию уникальные памятники письменности Древнего Востока, Египта, Византии, Западной Европы. Критическое состояние коллекций в неотопляемых помещениях революционного Петрограда вынудило Лихачева в 1918 г. передать свое собрание Археологическому институту как Палеографический кабинет. После присоединения института к Петроградскому университету в 1923 г. целостность кабинета оказалась под угрозой, и будучи избран действительным членом Академии наук Лихачев добился передачи своего детища в ведение Академии наук. Так в 1925 г. в доме на Петрозаводской 7 был учрежден Музей палеографии Академии наук СССР. Директором его стал академик Н. П. Лихачев [21].

Как вспоминал востоковед И. М. Дьяконов, Н. П. Лихачев и в конце жизни, 1930-е годы, страдая от недугов и постигших его семью несчастий, давал емкие и верные характеристики приобретенным им некогда памятникам клинописи Древней Месопотамии [6, с. 355–357]. Многолетняя собирательская практика научила Н. П. Лихачева правильно ориентироваться в материале разновременном и относящимся к разным языковым традициям. Однако наиболее ярко проявлялись его таланты, когда страсть коллекционера соединялась с пылкостью ученого. И такое пересечение в его судьбе случилось еще раз. Имеем в виду исследование Н. П. Лихачева, посвященное византийским и древнерусским печатям. Коллекционированием средневековых печатей Н. П. Лихачев занимался всю жизнь. Со временем кроме древнерусских он начал собирать и византийские печати. Исследование печатей занимало его в последние годы перед арестом. За пять лет своего существования, с 1925 г. по 1930 г., руководимый Н. П. Лихачевым Музей палеографии издал двухтомное исследование Лихачева, посвященное византийским и древнерусским печатям [11]. Собственно, он был и директором, и единственным научным сотрудником своего музея (коллеги шутили, что штат Музея палеографии состоит из директора и уборщицы) [2, с. 94].

Вклад Н. П. Лихачева в византийскую и древнерусскую сфрагистику не исчерпывается опубликованным в 1928 г. трудом. Ученый готовил его продолжение, но помешали арест и ссылка. Последний крупный научный труд Н. П. Лихачева был опубликован только в конце XX в. [17].

Н. П. Лихачев разделил участь десятков представителей русской гуманитарной науки, которые стали жертвами инициированного ОГПУ в 1930 г. так называемого «Академического дела» [1]. Лихачеву в этом жутком фарсе была уготована роль одного из руководителей заговора против советской власти. Проведя месяцы в тюремном заключении и три года в астраханской ссылке без возможности трудоустройства, тяжело больным он, наконец, вернулся в Ленинград. Дома он застал пустые комнаты, поскольку коллекции его музея были вывезены, невозможность устроиться на постоянную работу и полное равнодушие академического руководства. В таких условиях он пытался продолжать свои исследования, но болезнь свела его в могилу. Н. П. Лихачев умер 14 апреля 1936 г. и похоронен на Смоленском кладбище.

Масштаб и значение научной деятельности Николая Петровича Лихачева трудно переоценить. Его труды положены в основу целого ряда вспомогательных исторических дисциплин: дипломатики, флиграноведения, генеалогии, иконографии, сфрагистики. Разрабатывая каждое из этих направлений, Н. П. Лихачев неизменно основывался на своих коллекциях. В нем жили собиратель и исследователь. Без кропотливого всестороннего изучения источника Николай Петрович Лихачев не мыслил исследовательского процесса. И эти принципы были выработаны еще в студенческие времена, наверняка не без влияния воззрений Андрея Федоровича Лихачева. Можно сказать, что собирательская и исследовательская деятельность Лихачевых представляет собой отдельное направление в изучении русской культуры, зародившееся в Казани, а затем развитое и продолженное в Петербурге.

1. Академическое дело 1929–1931 гг. – СПб., 1993–2015. – Вып. 1. – 296 с. – Вып. 2. – 746 с. – Вып. 9. – 1642 с.
2. Берков, П. Н. О людях и книгах (из записок книголюбца) / П. Н. Берков. – М.: Книга, 1965. – 144 с.

3. Богданов, А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика / А. П. Богданов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 336 с.
4. Вилинбахова, Т. Б. Иконы из собрания Н. П. Лихачева / Г. Б. Вилинбахова // Из истории музея : сб. статей / сост. И. Н. Карасик, Е. Н. Петрова. – СПб., 1995. – С. 106–111.
5. Грицкевич, В. П. История музейного дела до конца XVIII в. / В. П. Грицкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 408 с.
6. Дьяконов, И. М. Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. – СПб., 1995. – 767 с.
7. Измайлова, С. Ю. Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А. Ф. Лихачева) / С. Ю. Измайлова // Поволжская археология. – 2014. – № 3(9). – С. 80–97.
8. Климанов, Л. Г. Николай Петрович Лихачев – коллекционер «сказочного размаха» / Л. Г. Климанов // Из коллекций академика Н. П. Лихачева : каталог выставки. – СПб, 1993. – С. 565–593.
9. Климанов, Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» / Л. Г. Климанов // Репрессированная наука. – Л., 1991. – С. 424–453.
10. Ключевская, Е. П. Лихачевы. История рода. История коллекций / Е. П. Ключевская // Завещано Казани... Произведения изобразительно-го искусства из собрания А. Ф. Лихачева. – Казань, 2009. – С. 10–42.
11. Лихачев, Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики / Н. П. Лихачев. – Л., 1928. – Вып. 1. – 175 с. – Вып. 2. – 279 с.
12. Лихачев, Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве / Н. П. Лихачев. – СПб., 1891. – 106 с., 116 л.
13. Лихачев, Н. П. Две иконы с летописью / Н. П. Лихачев // Археологические известия и заметки. – М., 1894. – Т. 2. – № 12. – С. 391–394.
14. Лихачев, Н. П. Дипломатика (из лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте). Из лекций по сфрагистике / Н. П. Лихачев. – СПб., 1901. – 221 с.
15. Лихачев, Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон / Н. П. Лихачев. – СПб., 1911. – 221 с.
16. Лихачев, Н. П. Материалы для истории русского иконописания : атлас / Н. П. Лихачев. – СПб., 1906. – 419 табл.
17. Лихачев, Н. П. Моливдовулы греческого Востока / Н. П. Лихачев ; сост. В. С. Шандровская. – М., 1991. – 359 с.
18. Лихачев, Н. П. Палеографическое значение водяных бумажных знаков / Н. П. Лихачев. – СПб., 1899. – Ч. 1. – 135 с. – Ч. 2. – 424, 248 с. – Ч. 3. – 786 с.
19. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI в. / Н. П. Лихачев. – СПб., 1888. – 559, 72, 94, 6 с.
20. Мещерская, Е. Н. Музей академика Н. П. Лихачева и его судьба (1925–1930) / Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская // «Звучат лишь письма...»: к 150-летию со дня рождения академика Н. П. Лихачева. – СПб., 2012. – С. 49–62.
21. Музей палеографии. – Л. : Изд-во АН СССР, 1925. – 8 с.
22. Назипова, Г. Р. «Казанский антиквариум» / Г. Р. Назипова, С. Ю. Измайлова. – Казань : Фолиант, 2006. – 200 с.
23. Носова, Е. И. Подготовительные материалы к «Палеографическому значению бумажных водяных знаков» Н. П. Лихачева в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга / Е. И. Носова // Фотография. Изображение. Документ. – СПб., 2015. – С. 5–13.
24. Панченко, Е. З. Петрозаводская, 7 – Дом Н. П. Лихачева / Е. З. Панченко // Фонтанка. Культурно-исторический альманах. – 2017. – № 22. – С. 6–20.
25. Плешков, В. Н. Из истории дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге (ул. Петрозаводская, д. 7) / В. Н. Плешков // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 2005. – Т. 29. – С. 517–521.
26. Руденко, К. А. Великая Булгария А. Ф. Лихачева: первый историко-археологический дискурс по культуре волжских булгар / К. А. Руденко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – Кн. 3. – С. 46–54.
27. Руденко, К. А. Личность и Наука: роль образования в формировании научного подхода в коллекционировании древностей во второй половине XIX в. (по материалам архива А. Ф. Лихачева) / К. А. Руденко // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 1. – С. 106–110.
28. Руденко, К. А. Творческая лаборатория А. Ф. Лихачева: от коллекционера к ученому / К. А. Руденко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – Кн. 3. – С. 187–198.
29. Савельева, Н. В. Русская бумага XVI века в Древлехранилище Пушкинского Дома / Н. В. Савельева // Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства : материалы и сообщения первых научных чтений. – СПб., 2003. – С. 46–61.
30. Фролов, А. И. Русские коллекционеры и формирование музейного фонда России / А. И. Фролов // Шахматовский вестник. – 1993. – №3. – С. 8–12.
31. Шалина, И. А. История создания отделения христианских древностей Русского музея Имп. Александра III / И. А. Шалина // Государственная Третьяковская галерея. История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства. – М., 2012. – С. 309–344.
32. Шибяев, М. А. Н. П. Лихачев: штрихи к портрету отечественного генеалога / М. А. Шибяев // Из истории Русского генеалогического общества : сб. ст. и мат-лов. – СПб., 2001. – С. 58–60.
33. Das Deutsche Buchmuseum zu Leipzig. 1885–1925. – Leipzig, 1925. – 102 S.

Софьяна М.В., Софьян Д.М.
ДНЕВНИКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЦАРСКОЙ ОХОТЫ В БЕЛОВЕЖЕ¹

Еще во времена Речи Посполитой беловежские земли время от времени использовались для охоты польских королей. По итогам третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. эти земли отошли к России. Именно в составе Российской Империи произошел подлинный расцвет данной территории. По распоряжению императора Александра III в 1888 г. Беловежская пуца была приобретена Главным управлением уделов и стала личной собственностью Императорской Фамилии. Александром III в новом царском имении был построен великолепный охотничий дворец, при нем же началось строительство Свято-Никольской церкви, службы в которой уже начались в царствование императора Николая II, при нем же в Беловеж была построена железная дорога, был основан музей пуцы. Для обоих последних русских самодержцев Беловеж стал одним из излюбленных мест охоты [5].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01342 «Дневники наследника и великого князя Михаила Александровича, 1899–1903 гг.», <https://rscf.ru/project/23-28-01342/>.

После Первой мировой войны деревня Беловеж и окрестные территории были захвачены вновь возникшим польским государством, но благодаря освободительному походу Красной Армии 1939 г. Беловеж вошел в состав Белорусской ССР как часть Брестской области. В бывшем императорском охотничьем дворце был создан крупный научный центр. Однако после окончания Великой Отечественной войны Беловеж по решению И. В. Сталина был передан Польской Народной Республике, и до настоящего времени этот знаковый населенный пункт, являющийся неотъемлемой частью российского и белорусского культурно-исторического пространства, остается за пределами Союзного государства.

Среди членов Дома Романовых была широко распространена культура ведения личных дневников. Так, император Николай II вел ежедневные записи. Дневники монарха отличает классический викторианский стиль, для которого характерна краткость и точность, фактографичность, минимальная эмоциональность [4]. На фоне сухих, практически протокольных записей Николая II дневники его младшего брата, великого князя Михаила Александровича, отличаются более подробным описанием событий, эмоциональностью, живостью и непосредственностью, в связи с чем представляют собой весьма ценный и интересный источник информации. Дневники великого князя хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации, основная их часть (за исключением поздних дневников 1915–1918 гг. [3]) до сих пор не опубликована. Информационный потенциал данного источника для изучения царской охоты в Беловеже можно рассмотреть на примере охоты, состоявшейся в конце лета 1900 г. Ее описание содержится в одной из дневниковых тетрадей великого князя, в целом охватывающей временной промежуток с 1 августа по 15 декабря 1900 г., поездка в Беловеж занимает 12 листов [1, л. 18–29].

Утром 16 августа 1900 г. в церкви в присутствии императора и его родственников был отслужен напутственный молебен. Царский поезд выехал из Петергофа в тот же день, через полчаса после полудня. Вместе с монархом в Беловеж отправились его жена, императрица Александра Федоровна, с дочерьми, брат, великий князь Михаил Александрович (бывший в то время наследником престола), двоюродный дед, председатель Государственного Совета великий князь Михаил Николаевич, двоюродный дядя, генерал-инспектор кавалерии великий князь Николай Николаевич-младший, а также кузен, принц Николай Греческий и Датский. Августейших особ сопровождало, как отметил в дневнике Михаил Александрович, руководство Министерства Императорского Двора и уделов – министр барон В. Б. Фредерикс, начальник канцелярии Министерства А. А. Мосолов, управляющий Придворно-конюшенной частью А. А. фон Гринвальд. Также среди сопровождающих лиц были дворцовый комендант П. П. Гессе, свитная фрейлина императрицы княжна С. И. Орбелиани, бывший министр Двора граф И. И. Воронцов-Дашков. В поезде великий князь Михаил Александрович играл с братом-императором в триктрак, затем с императрицей «в игру со стеклянными шариками», а вечером, после обеда, вместе с царской четой и великим князем Михаилом Николаевичем – в безик [1, л. 18–18об.].

На следующий день, 17 августа, императорский поезд остановился в Белостоке, где представители Дома Романовых проводили роту 61-го пехотного Владимирского полка, отправлявшуюся в Китайский поход 1900–1901 гг. В пять часов вечера участники царской охоты прибыли в Беловеж: «Погода была чудная здесь, теплая и ясная», – записал в дневнике великий князь. На месте уже ожидали начальник Главного управления уделов князь В. С. Кочубей, начальник Императорской охоты светлейший князь Д. Б. Голицын, ловчий Его Величества В. Р. Диц. Также на царскую охоту прибыл дядя императора, главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович. Михаил Александрович был размещен в комнате, в которой в 1894 г. проживал его брат, в то время престолонаследник, во время последней белоовежской охоты их отца, императора Александра III. Михаила Александровича сопровождал берейтор Придворно-конюшенной части С. В. Чухлеб с тремя лошадьми великого князя – Мирай, Лисичкой и Селимом. Вечером по прибытии, как отметил Михаил Александрович, «все играли в разные игры», а он сам играл в бильярд с княжной С. И. Орбелиани [1, л. 19–19об.].

Дневниковые записи великого князя свидетельствуют, что охота организовывалась ежедневно, начиная с 18 августа и до дня отъезда 29 августа. Каждый вечер завершался «штреком» – торжественным выкладыванием и представлением добычи. Непосредственно в Белоовежской пуще охотой заведовал И. В. Неверли (Неверли).

Великий князь Михаил Александрович, будучи, как и его старший брат, страстным охотником, уделял большое внимание описанию охоты, скрупулезно подсчитывал общие и личные результаты. Для примера можно привести охоту 22 августа: «Утром в 7½ ч. князь Голицын и я поехали верхом на охоту, ехать пришлось все время по чудной зеленой дороге. Сделали 16 вер[ст]. Все остальные выехали в 8 ч. и приехали через 1½ часа. Мы также ехали 1½ ч. и ждали других более ½ часа. В 9½ ч. началась первая загон, я убил козла, и еще было 3 загона, и я убил 2 кабанов. После завтрака было 3 загона, я убил поросенка. В последнем загоне Ники (император Николай II. – М. С., Д. С.) ранил зубра, который перешел назад, и Ники, Николаша (великий князь Николай Николаевич. – М. С., Д. С.), Диц, Неверли, д[ядя] Владимир (великий князь Владимир Александрович. – М. С., Д. С.) и я пошли по его

следам и вскоре его увидели; в него стреляли, но он побежал дальше, вскоре опять его нагнали и тут-то Ники его и dokonчил. Затем люди его с большим трудом притащили на дорогу». Общим результатом дня стали три зубра, четыре лося, пять оленей, 44 козла, 17 кабанов, четыре лисицы и один глухарь [1, л. 22об.–23об.]. Итоговую общую добычу за все дни пребывания в Беловеже великий князь подсчитал 29 августа: 40 зубров, 53 оленя, 36 лосей, 325 козлов, 26 даниелек (ланей), 138 кабанов, 57 лисиц, три глухаря, четыре вальдшнепа и четыре рябчика, всего 680 животных, из которых 25 пришлось на долю самого Михаила Александровича [1, л. 28об.].

Помимо охоты, досуг ее участников включал длительные верховные прогулки, игру в карты и на бильярде. Великий князь Михаил Александрович любил играть на флейте, часто под аккомпанемент на фортепиано императрицы Александры Федоровны, кроме того, наследник с императрицей играли на фортепиано в четыре руки.

Охота проводилась и в воскресные дни, но царская чета и Михаил Александрович не принимали в ней участия. Так, в воскресенье 20 августа после церковной службы все присутствовали на освящении местной школы для девочек и затем отправились на охоту, за исключением императорской четы, Михаила Александровича, а также великого князя Михаила Николаевича. Николай II с братом в тот день долго катались верхом: «Ездить было чудно, и мы сделали большую прогулку по чудным зеленым дорогам» [1, л. 21–21об.]. В следующее воскресенье 27 августа император с женой и наследником в сопровождении княжны С. И. Орбелиани совершили трехчасовую конную прогулку [1, л. 27].

Случались и забавные казусы. Так, 18 августа, Михаил Александрович играл в безик с императрицей, великим князем Михаилом Николаевичем и его врачом, почетным лейб-медиком А. Л. Зандером. Михаил Николаевич очень любил играть в карты, и, как вспоминал адъютант московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича В. Ф. Джунковский, «когда он выигрывал, то бывал очень в духе и все время шутил, но когда начинал проигрывать, то хмурился и дулся» [2, с. 374]. Повидимому, внучатый племянник нередко обыгрывал двоюродного деда. Наследник записал в дневнике: «На меня д[ядя] Миша, конечно, часто сердился, а когда я опрокинул чашку чая на стол, замочив карты, платье Аликс и пр[очее], то тогда было очень плохо, а у меня сделался большой фурир» [1, л. 20]. Спустя десять дней императрица припомнила деверю этот случай, сделав шуточную запись в его дневнике на английском языке, но кириллицей: «Гуд найт, слип вел, ю олд [слово неразборчиво]. Юр жилти пен дертед – руинд май дрес» (“Good night, sleep well, you old [неразборчиво]. You are guilty pain dirtied – ruined my dress”), что означало «Доброй ночи, спи спокойно, старый [неразборчиво]. Ты виноват в том, что испачкал – испортил мое платье» [1, л. 28].

Император Николай II с другими участниками охоты покинули Беловеж поздним вечером 29 августа: «Страшно грустно было уезжать», – отметил в дневнике наследник и великий князь Михаил Александрович [1, л. 29].

К настоящему времени дневники Михаила Александровича, за исключением поздних записей периода Первой мировой войны, в малой степени введены в научный оборот. Использование ранних дневников великого князя встречается почти всегда лишь в специальных работах, посвященных непосредственно Михаилу Александровичу (например, его подробная биография, написанная В. М. Хрусталевым [6]). Между тем, в силу количественных и качественных показателей его дневники обладают высоким информационным потенциалом для раскрытия разных тем и сюжетов, к которым великий князь имел отношения, а также для изучения событий, свидетелем которых он являлся, в том числе царской охоты.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 668. Оп. 1. Д. 18.
2. Джунковский, В. Ф. Воспоминания (1865–1904) / В. Ф. Джунковский. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2016. – 816 с.
3. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича : 1915–1918 / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталев. – Москва : ПРО-ЗАИК, 2012. – 800 с.
4. Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С. В. Мироненко. – Москва : РОССПЭН, 2011–2013. – Т. 1 : 1894–1904. – 2011. – 1101 с. ; Т. 2, ч. 1 : 1905–1913. – 2013. – 823 с. ; Т. 2, ч. 2 : 1914–1918. – 2013. – 783 с.
5. Пармузина, И. С. Царские охоты в Беловежской пуце : страницы истории / И. С. Пармузина, Н. Д. Черкас. – Минск : Беларусь, 2009. – 123 с.
6. Хрусталев, В. М. Великий князь Михаил Александрович / В. М. Хрусталев. – Москва : Вече, 2008. – 544 с.

Раемский Ю.А.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКОВ, ПЕРЕПИСКИ И ФОТОАЛЬБОМОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

При проведении любых исторических исследований наиболее важное значение имеет вопрос источниковой базы. Уже не одно десятилетие Могилевский областной краеведческий музей является научным центром по изучению и исследованию событий истории Могилевского края. При этом только сравнительно недавно, во второй половине 2010-х гг. приобрела научную актуальность тема пребывания в Могилеве Ставки Верховного главнокомандующего и последнего российского импе-

ратора Николая II. Несмотря на обилие источников по данной теме, степень ее научной разработанности следует охарактеризовать как недостаточную. Участники событий в Ставке оставили после себя многочисленную мемуарную литературу. Однако данный вид письменных источников имеет весьма существенный недостаток – а именно значительное время, которое разделяет сами события и момент их записи. Конечно, определенные из них могли опираться на поденные или даже дневниковые записи, однако в целом, мемуары – самый подверженный искажениям и неточностям вид письменных источников. Некоторые авторы могли путать даты и события в силу свойств человеческой памяти, а некоторые, наоборот, сознательно искажали свои мемуары с целью преуменьшить свое участие в событиях, приведших к падению Российской империи. Одним из примеров таких воспоминаний является очерк «Как произошел переворот в России» генерала Д.Н. Дубенского.

Однако в данной статье хотелось бы рассмотреть другую группу источников, в которых зафиксированы события, происходившие в Могилеве в 1915–1917 гг. Для изучения периода размещения Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве огромную роль играют источники личного происхождения. В данном случае речь идет о дневниках и частной переписке членов императорской семьи Романовых, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Несомненно, что в период их создания возможность публикации дневников и переписки полностью исключалась. Однако в настоящее время большинство из данных источников были исследованы археографами, опубликованы и достаточно глубоко проанализированы историками. Исключением, пожалуй, являются дневники и письма царских детей. На сегодняшний день опубликована лишь избранная переписка и фрагменты дневников великих княжон [12]. Часть дневниковых записей относится ко времени, когда великие княжны пребывали вместе с матерью в Ставке в Могилеве. Больше всего времени с императором в Могилеве провел цесаревич Алексей, который с 1 января 1916 г. начал вести свой собственный дневник, неопубликованный до настоящего времени.

В данной группе источников зафиксированы многочисленные события и явления, происходившие в Ставке Верховного главнокомандующего действующей армией и флотом Российской империи. Также можно сказать, что на сегодняшний день сам факт пребывания в городе царской семьи может выступать отдельным предметом для исследований.

Дневники Николая II уже были многократно опубликованы в Советском Союзе и в Российской Федерации. В СССР это делалось с намерением показать императора безвольным, самостоятельно не управлявшим государством, ведомым своей женой и Распутиным. Первые фрагменты дневников стали появляться в советских газетах «Правда» и «Известия ВЦИК» вскоре после расстрела царской семьи. Более полный фрагмент, который охватывал период с декабря 1916 г. по апрель 1917 г., был опубликован в СССР только в 1927 г. в XX томе «Красного архива» [10].

В 2012 г. к 400-летию дома Романовых под редакцией В.М. Хрусталева вышел в свет двухтомник «Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны» – наиболее полная публикация дневников последних представителей династии в рамках одного издания [11]. Кроме того, авторами сборника была проведена колоссальная работа по размещению в издании писем за соответствующие дни, подборке воспоминаний очевидцев, архивных документов и комментариев к каждой дневниковой записи, представленных путем сносок.

Другой группой источников личного происхождения является частная переписка Николая II и его супруги Александры Федоровны. С целью показать Николая II монархом, полностью подчиненным воле своей жены, в советское время публиковались целые тома личной переписки Николая II со своей супругой. Уже в 1923 году М.Н. Покровским началась публикация писем и телеграмм царской четы, которыми они обменивались в период Первой мировой войны. Третий том охватывает период с 28 апреля 1914 г. по 31 декабря 1915 г. Николай II прибыл в Могилев 23 августа, таким образом, только часть третьего тома представляет собой пригодный для исследования заявленной темы источник [13]. Четвертый том охватывает 1916 год [14], а пятый, изданный в 1927 году, заканчивается началом марта 1917 года, когда приехавший из Могилева бывший император был помещен под арест вместе со всей семьей в Александровском дворце Царского Села [15]. Отметим, что Николай II и Александра Федоровна переписывались на английском языке, поэтому перед изданием письма были переведены на русский.

Если за основу систематизации брать именно критерий происхождения, то неотъемлемой частью источников личного происхождения также являются и фотоальбомы членов царской семьи, несмотря на то, что фактически они относятся к типу визуальных источников. Именно совокупное рассмотрение дневников, писем и фотоальбомов приносит наибольшие результаты в исследовании темы пребывания Ставки в Могилеве.

Личные фотоальбомы также находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. При этом они располагаются в фондах, которые соответствуют их прижизненным владельцам. В хронологических рамках исследуемого периода находится фотоальбом Николая II (1913–1916 гг.) с общим количеством снимков в 513 единиц [1]. В рамках исследований нами проводилась работа по

определению местоположения снимков для выявления тех из них, которые относятся к Могилеву. Также фотографии сопоставлялись с соответствующими записями из дневников и писем с целью уточнения датировки снимков, привязки к определенным географическим объектам и т. п.

За исследуемый период существуют также фотоальбомы императрицы Александры Федоровны 1912–1916 гг. [2] и несколько альбомов великих княжон: Ольги 1914–1915 гг. [4] и 1916 г. [5], Татьяны 1916 год [3], Марии 1914–1916 гг. [9], Анастасии 1915–1916 гг. [7].

В ходе изучения фотоматериалов из ГА РФ нами был сделан вывод, что при формировании фондов в ГА РФ была допущена довольно серьезная неточность. Альбом императора за 1916–1917 гг. по ошибке был отнесен в фонд его дочери, великой княжны Анастасии [8]. Дело в том, что предыдущий альбом Николая II за 1913 – начало 1916 гг. закончился весной 1916 г., однако в письменных источниках, а именно в дневниках императора, есть многочисленные сведения о том, что альбом велся и в последующее время. В вышеуказанном альбоме большинство фотографий соответствует событиям, происходившим с Николаем II, а все рукописные заметки сделаны почерком императора. Кроме того, Анастасия в это же время вела другие альбомы [6; 7], в которых также отражены события 1916 г., но с гораздо большим участием самой младшей великой княжны.

Для более наглядного представления данного вывода приведем здесь изображения подписей к фотоснимкам в альбомах. За пример взято слово «Могилев», встречающееся довольно часто.

Рис. 1. Подписи из альбомов семьи Романовых

примеры в данной статье опустим. Вопрос переатрибуции указанного фотоальбома обязательно будет поднят на рассмотрение перед руководством ГА РФ, где, вероятно, будет проведен ряд более профессиональных экспертиз.

Таким образом, дневники, письма и фотоальбомы царской семьи Романовых представляют значительный интерес для исторических и краеведческих исследований по теме Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве. Их уникальность состоит в том, что они взаимодополняют друг друга и позволяют получить более полное представление об отдельных аспектах изучаемого явления. Комплексное использование данных источников личного происхождения в ходе исследований не только является оправданным, но и уже привело к положительным результатам при определении местоположения некоторых утраченных объектов как на территории современного Могилева, так и в его окрестностях.

В левом столбце помещены подписи императора из альбома за 1913–1916 гг. [1], в центральном – подписи из спорного альбома [8], а в правом – подписи Анастасии из двух ее альбомов [6; 7]. Сравнительный анализ указывает на то, что в центральном столбце надписи сделаны не рукой великой княжны, а рукой императора Николая II. Изучение других подписей к фотографиям также приводит к этому выводу. Остальные

1. ГА РФ. – Ф. 601. Оп. 1. Д. 1536.
2. ГА РФ. – Ф. 640. Оп. 3. Д. 25.
3. ГА РФ. – Ф. 651. Оп. 1. Д. 263.
4. ГА РФ. – Ф. 673. Оп. 1. Д. 204.
5. ГА РФ. – Ф. 673. Оп. 1. Д. 206.
6. ГА РФ. – Ф. 683. Оп. 1. Д. 122.
7. ГА РФ. – Ф. 683. Оп. 1. Д. 123.
8. ГА РФ. – Ф. 683. Оп. 1. Д. 125.
9. ГА РФ. – Ф. 685. Оп. 1. Д. 188.
10. Дневник Николая Романова // Красный архив. –1927. – Т. 20. – С. 123–152.
11. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны : в 2 т. / отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. – М. : ПРОЗАИК, 2012.
12. Дневниковые записи Великих княжон Ольги, Марии, Татьяны, Анастасии и их письма к отцу Императору Николаю II (1914–1917). – М. : Libra Press, 2016. – 395 с.
13. Переписка Николая и Александры Романовых : в 5 т. / с предисл. М. Н. Покровского Центрархив. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923–1927. – Т. III : 1914–1915 гг. – 1923. – XXXIV, 510 с.
14. Переписка Николая и Александры Романовых : в 5 т. / С предисл. М. Н. Покровского Центрархив. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923–1927. – Т. IV : 1916 год. – 1926. – XVI, 438 с.
15. Переписка Николая и Александры Романовых : в 5 т. / С предисл. М. Н. Покровского Центрархив. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923–1927. – Т. V : 1916–1917 гг. – 1927. – XIII, 303 с.

МАТЕРИАЛЫ БИОГРАФИИ ЛЬВА СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Популярный белорусский замок Мир известен своими знаменитыми обитателями. Центральная ветвь рода Святополк-Мирских является объектом пристального внимания белорусских исследователей. Пожалуй, лучше всего изучены жизнь и деятельность Петра Дмитриевича Святополк-Мирского, губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского, а позже – министра внутренних дел и отца литературоведа Дмитрия Петровича Святополк-Мирского [2; 3]. Настоящее исследование посвящено биографии представителя боковой ветви рода Святополк-Мирских – Леону (Льву). В отличие от своего знаменитого старшего родственника-политика, Леон избрал карьеру клирика. Материалы его биографии представляются уникальным комплексным источником по истории государственно-конфессиональной политики, удивительным образом связывающим Беларусь и Сибирь.

Леон Святополк-Мирский, 1876 года рождения, в возрасте двадцати лет окончил курс обучения в римско-католической семинарии Санкт-Петербурга, был рукоположен с именем о. Евгений. Сразу же после получения сана был назначен викарием в далекий сибирский город Тобольск, где и начал служение 2 июня 1897 г [1]. Обычно после рукоположения духовное лицо пользуется исключительно «новым» именем, однако в метрических книгах Тобольска сделан ряд записей о крещениях младенцев, заверенных подписью «Лев Святополк-Мирский» [8, с. 124]. Через шесть лет, 11 июня 1903 г., священник Евгений (Леон, Лев) стал настоятелем в другом сибирском городе – Красноярске, а в 1909 г. уже служил на Волыни. Для заверения записей в метрических книгах он произвольно использовал любое из трех своих имен, в связи с чем и возникли сложности с идентификацией личности духовного лица. О том, что героя нашего повествования звали именно Львом, свидетельствуют и его собственноручные подписи в материалах дела архивного хранения в составе Российского государственного исторического архива (РГИА), и комплекс делопроизводственной документации Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел (ДДД ИИ МВД), приобщенный к корпусу личного дела священника, который имеет заголовок «Переписка о ксендзе Льве Святополк-Мирском» [7].

В коллекции Российского государственного исторического архива находится на хранении дело «О переводе в худший приход вне Волынской губернии ксендза Л. Святополк-Мирского за обвенчание православной крестьянки с католиком до совершения брака в православной церкви» (22.04.1909 – 17.10.1910) [5]. Нужно заметить, что наказание Святополк-Мирскому, как представителю знатного дворянского рода, было назначено мягкое. Например, «за совершение католических обрядов над детьми от смешанных браков католиков с православными» был привлечен к уголовной ответственности ксендз В. Зенкевич (24.07.1907 – 15.11.1909) [6], а «за венчание православных с католичками» (23.11.1907 – 04.01.1910) также к уголовной ответственности был предан М. Секлюцкий [7, л. 28–77]. Казалось бы, оптимальным решением для инославных священников, дабы не попасть в немилость властей, был бы отказ в отправлении Таинств лицам, принадлежащим к иным конфессиям. Однако Российская империя являлась многонациональным и поликонфессиональным государством, и в том же архиве отложилось дело за 1910 год «Об увольнении ксендза И. Мицкевича за противодействие бракам католиков с православными» (26.01.1910 – 08.03.1910) [7, л. 56]. То есть, и венчание инославных с православными квалифицировалось как преступное деяние, и отказ в венчании считался противодействием. Предпочтительным с точки зрения закона и государственной церкви являлся вариант, когда будущие супруги в преддверии венчания оба принимали православие. Однако жизнь сложна, многогранна и не всегда члены одной семьи исповедовали единую религию, а потому время от времени случались казусы, зафиксированные в текущей переписке и делопроизводственной документации Министерства внутренних дел.

Второй сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского не был продолжительным, но коренным образом повлиял на его дальнейшую карьеру. В 1910 году он прибыл в Красноярск, а в 1913 г. последовало распоряжение архиепископа Могилевской архиепархии Иоанна Цепляка о перемещении красноярского курата-настоятеля Льва Святополк-Мирского в более удаленный город – Иркутск. Иркутский период в жизни опального священника продолжался менее года – в мае 1914 г. он был назначен настоятелем Быховского прихода, что в Могилевской губернии, а уже в июне – настоятелем Минского кафедрального костела и деканом Минского деканата.

Причина столь динамичного изменения места жительства и служения представителя династии Святополк-Мирских, на первый взгляд, достаточно абсурдна. 2 марта 1912 г. курат (настоятель) Красноярского приходского костела о. Евгений Святополк-Мирский направил командование 31-го Сибир-

¹ Подготовлено при поддержке гранта Фонда Президента РФ для поддержки ведущих научных школ по теме: «Религиозные процессы в Сибирских окраинах России: от имперской политики аккультурации к современной модели государственно-конфессиональных отношений» (проект НШ-63.2022.2).

ского стрелкового полка уведомление в том, что: «По сношению с Штабом дивизии ... исполнение обряда пасхального говения нижними чинами римско-католического вероисповедания мною назначено на 8, 9, 10 и 11 марта сего года, в виду чего честь имею просить управление выслать мне список нижних чинов римско-католического вероисповедания 31-го полка и освободить католиков в означенные дни ... ежедневно с 7 часов утра до 12 и с 3-х часов по полудни до 7-8 вечера» [7, л. 56–57]. В соответствии с положениями законодательства Российской империи, граждане неправославного исповедания имели возможность в дни религиозных праздников пользоваться правом «дня отдыха» [8].

Командованием полка был представлен перечень из 242 имен «нижних чинов 31-го Сибирского Стрелкового полка римско-католического вероисповедания» [7, л. 57]. 13 марта подпоручик Томашевич направил рапорт на имя командира полка о том, что: «7 сего марта, согласно приказа по полку за № 75 от 5 марта, я пошел исповедоваться в Красноярский р-к Католический костел. Настоятель названного костела на исповеди не разрешил мне принять Таинства Св. Причастия, мотивируя свой отказ тем, что я женат на православною». Резонансное дело дошло до Енисейского генерал-губернатора, ДДД ИИ МВД и даже Военного министра.

Казалось бы, факт правонарушения очевиден. Об аналогичных примерах мы знаем из материалов Омского, Томского, Красноярского, Новониколаевского (Новосибирского) архивов [4, л. 1–2]. Почему же проступок Святополк-Мирского вызвал такой резонанс?

В переписку оказались включены митрополит Ключинский и помощник министра внутренних дел Золотарев, который, анализируя ситуацию, заключает: «...чины 31 Сибирского стрелкового полка обряд говения выполнили 8, 9, 10 и 11 /но не 7/ марта сего года; ...по словам того же ксендза, подпоручик Томашевич в полковых списках не значился, ксендзу Святополк-Мирскому совершенно неизвестен и лично к нему за причастием не обращался. На основании этих данных митрополит Ключинский, с своей стороны, делает заключение, что: «обвинение названного ксендза, по-видимому, вызвано необоснованной жалобой недоброжелательно настроенного к нему лица, которое несомненно обнаружится после переговоров кс. Мирского с подпоручиком Томашевичем, по возвращении воинских частей из лагеря в Красноярск» [7, л. 33]. Когда вернулись воинские части с полевых сборов, состоялась ли встреча священника с подпоручиком? Об этом в материалах дела не упоминается. Контент-анализ анализируемого документального корпуса позволяет сделать вывод о преднамеренной фальсификации: истинная фамилия подпоручика – Томашевский, жалоба же составлена от имени Томашевича. В объяснительной записке Льва Святополк-Мирского от 14 апреля 1912 г. читаем: «Подпоручик 31 Сибирского стрелкового полка Франц Томашевский в текущем году обряд говения исполнял, относительно же принятия им Св. Причастия, ввиду того что Св. Причастие раздавалось и мною, и викарным костела, я за этим не следил и не мог следить» [7, л. 37].

Тем не менее, дело имело далеко не религиозный резонанс: 20 сентября 2012 г. Начальник штаба Иркутского военного округа генерал-майор Марков, согласно представления Окружного дежурного генерала, с согласования Заведующего судной частью, направил распоряжение: «Командиру 3-го Сибирского армейского корпуса. Согласно резолюции Временно командующего войсками округа. О последующем прошу уведомить Штаб округа». 30 апреля 1913 г. «курят Красноярского костела, ксендз Лев Святополк-Мирский ... перемещается на должность настоятеля Иркутского прихода» [7, л. 45].

Территориально Иркутск считается более удаленным сибирским городом, нежели Красноярск. Однако Иркутский католический приход обладал более высоким административным статусом, и потому служебное перемещение опального клирика можно было расценить двояко – не только как наказание, но как повышение в должности.

Казалось бы, инцидент исчерпан; однако в дело снова вмешалось военное ведомство. 10 июля 1913 г. Временно управляющий военным министерством по Главному штабу направил министру внутренних дел Н.А. Маклакову отношение следующего содержания: «...Вполне соглашаясь с мнением Вашего Высокопревосходительства, что наиболее соответствующей мерой в данном случае является перевод ксендза Святополк-Мирского из Красноярска ... казалось бы наиболее желательным не оставлять ксендза Святополк-Мирского в пределах того же Иркутского военного округа, а перевести его в один из городов Сибири вне названного округа» [7, л. 24].

Могилевский митрополит Ключинский принял неожиданное решение: он перевел опального клирика не в один из сибирских приходов, а в титульную Могилевскую губернию, назначив его настоятелем небольшого Быховского прихода [7, л. 24 – 25об]. Через год последовало новое назначение: Святополк-Мирский стал настоятелем Минского кафедрального собора и деканом Минского деканата, что вызвало нарекания со стороны теперь уже Минского губернатора [7, л. 70]. Испуганный губернатор 12 июня 1914 г. направил обращение в ДДД ИИ МВД: «...покорнейше прошу Департамент духовных дел не отказать в распоряжении о недопущении осуществления назначения ксендза Святополк-Мирского на какую бы то ни было должность в Минскую губернию» [7, л. 77].

Последний документ в личном деле опального священника весьма красноречив. Товарищ министра внутренних дел Золотарев в ответ на обращение Минского губернатора отвечает: «Прини-

мая во внимание, что указанное выше перемещение ксендза Святополк-Мирского состоялось на основании ст. 42.2 Уст. Ин. Исп., Министерство лишено возможности в настоящее время, за отсутствием сведений, компрометирующих деятельность этого священника на новом месте его служения, требовать удаления его из Минской губернии» [7, л. 80].

Рассмотренный нами кейс является наглядной иллюстрацией комплексного использования исторических источников, содержащихся в архивохранилищах разных городов и даже государств, для проведения тематического научного исследования. Выявлены не столько элементы фактологии, сколько разносторонние и многоплановые аспекты религиозной политики и государственно-конфессиональных отношений, повлиявшие на судьбу человека.

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). – Ф. 156. Оп. 30. Д. 37.
2. Крот, М. Н. «Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика «церковно-приходского обрусения» северо-западного края и Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский / М. Н. Крот // Тетради по консерватизму. – 2020. – №2. – С. 318–330.
3. Новицкая, О. В. Историко-архивные изыскания о роде князей Святополк-Мирских в аспекте научно-исследовательской работы в музее / О. В. Новицкая // Культура Беларуси: реалии современности. – Минск, 2019. – С. 380–385.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 821. Оп. 128. Д. 964.
5. РГИА. – Ф. 826. Оп. 3. Д. 846.
6. РГИА. – Ф. 821. Оп. 3. Д. 857.
7. РГИА. – Ф. 826. Оп. 3. Д. 896.
8. Титова, Т. Г. К истории католической церкви в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.) / Т. Г. Титова // Словоцкие чтения. – Тюмень, 1999. – С. 123–125.

Ткаченко Д.С.
СБОР СВЕДЕНИЙ О ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВА
«БОЛЬШОЙ ИГРЫ» ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Г.В. РОЗЕНА¹

Российско-Британское политическое соперничество на Востоке, разворачивавшееся в XVIII – начале XX вв., получило образное название «Большой игры». Термин был придуман английским военным разведчиком Артуром Конолли [9, р. 141] и был позднее популяризирован Р. Киплингом. Он прочно вошел в нарратив повествований как о политике обеих стран, так и тесно связанного с осуществлявшимся в процессе ее проведения изучения восточного приграничья обеих империй.

Большую игру в контексте дипломатического и политического противостояния активно изучали ученые как в России [60], так и за рубежом [10; 12; 13], однако соперничество стран за право вести географические и научные открытия до сих пор остается за рамками внимания современных авторов.

Кавказ занимал особую роль в Большой игре. Он непосредственно примыкал к южным губерниям России и одновременно являлся плацдармом для продвижений в Малую Азию, на Ближний Восток и в Прикаспий. Регион также был тесно связан со знаменитым в дипломатии XIX в. «Восточным вопросом» – европейской политикой на Ближнем Востоке и Балканах, связанной с кризисом Османской империи.

В сентябре 1830 г. на должность командира Отдельного Кавказского корпуса был назначен Г. В. Розен. В военно-политической истории Кавказа его образ представлен как пример «неудачливого управленца», отстраненного со своего поста в 1837 г. волей Николая I, однако архивные материалы деятельности корпусного командира свидетельствуют не только об организации научного изучения самого Кавказа, но и о пристальном внимании к исследованиям территорий, лежащих между границами Российской и Британской империй.

Основным хранилищем, имеющем в своем составе документы Г.В. Розена, является фонд 6 Государственного исторического музея (ГИМ). Дела из этого фонда представляют собой объемную подшивку разноплановых документов, систематизированных по тематическому принципу и достаточно полно освещающих круг интересов первого лица в кавказской администрации.

Они показывают, что командующий корпусом решал не только военно-тактические задачи, но и выступал с идеями организации изучения неподконтрольных России земель, а также территорий Юго-Восточного приграничья Кавказа. При этом изучалась не только география региона, но и характер тех народов, которые его населяли. «Всецело занятые горцами, – писал А.П. Берже, – мы с постепенным углублением в неведомые для нас до того местности, более и более расширяли запас наших географических, топографических и других сведений и тем самым дали возможность литературе обогатиться обстоятельными сочинениями о крае» [1, с. XVII]. Деятельность Г.В. Розена в этом направлении А.П. Берже сводил только к появлению на Кавказе иностранных путешественников, таких, как Дюбуа де-Монпере, посетивший регион в 1833 г. и напечатавший свою работу в Париже [3]. Однако в архиве командира корпуса сохранилась обширная документация, свидетельствующая о более широких интересах корпусного командира.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.

Одно из наиболее интересных дел архива Г.В. Розена – комплекс документов «Кавказ, Средняя Азия и Индия» [4], отражающий вопросы официального видения возможностей использования Кавказа как плацдарма для дальнейшего продвижения России на Восток. Они ярко иллюстрируют один из базовых тезисов нарратива Большой игры о существовании в Российской империи проектов проникновения в Индию, убедительно доказывают, что данный тезис не являлся продуктом политических «фобий» Британской стороны.

Нарратив Большой игры делает акцент на то, что как британская, так и российская разведки тщательно собирали сведения о всех возможных путях, ведущих в Индию со стороны Ближнего Востока и Средней Азии. Этот тезис имеет документальное обоснование: дело из фонда Г.В. Розена начинается обширной справкой – «О путях, которыми Тифлиссские купцы ездили торговать в Индию» [4, л. 1–17]. «Многие из Тифлиссских купцов, – отмечает автор, – 50 лет прежде ездили по торговле в Индию через Марагу, Гянджан, Кирманшаг, Багдад и Басру. Сия дорога хоть ближе, но опасней от Куртинцов-Езидов, живущих около Куменши и арабов, обитающих между Багдадом и Басрой, кои не только нападают на караваны, но и на лодки, по реке Шат плывущие. Так же сей путь есть весьма знойный от песков, где бывают весьма часто палящие ветры... По сему эту дорогу оставили и начали ходить на Бушер, сия дорога гораздо безопаснее, хотя и дальше» [4, л. 9]. Скрупулезный подсчет, проведенный автором, показал, что от Тифлиса можно добраться до Калькутты за 4 месяца [4, л. 10].

Российская и британская стороны отправляли военных разведчиков в восточное приграничье своих империй. Мемуары многих британских военных часто по «горячим следам» публиковались [7; 8; 9]. В России, за редким исключением не публиковались даже травелоги людей, участвовавших в разведке. Однако, архив Г.В. Розена содержит отдельные документы, считавшиеся секретными в свое время. «Частые сношения Закавказского края с многими азиатскими владениями, – писал Г.В. Розен военному министру Чернышову, – обращали постоянное мое внимание на те полезные последствия, которые произойти могут от собрания вернейших сведений о различных путях, пролегающих через внутренность Азии. Прибывающие в наши пределы лица и иностранные путешественники доставляли мне возможность в получении тех сведений, что и было поручено мною Генерального штаба майору фон-дер-Ховену, который сблизившись с некоторыми из таковых лиц, старался извлекать от них все нужные для исполнения возложенного на него поручения» [4, л. 66].

Обер-квартирмейстер Отдельного кавказского корпуса Х.Х. фон-дер-Ховен был известен своей картографической деятельностью, поэтому, неудивительно, что ему было поручено составить подробную карту земель между Кавказом и Индией. Для этого он использовал опубликованные английские карты «но со значительными исправлениями по сведениям и замечаниям лично им отобраным. Она в особенности замечательна тем, что большая часть названий сличалась с употребляемым произношением жителей тех стран» [4, л. 18], – писал Розен. При составлении карты Ховену помог армянский купец Геврук Тергукасов, который был неоднократно в Персии [4, л. 20]. Копия отправленной в военное министерство карты также находится в деле.

Одним из офицеров Кавказского корпуса являлся В.И. Мочульский. Офицер был известен своей разведывательной деятельностью среди горцев Северо-Восточного Кавказа, поэтому он был назначен Розеном продолжать вести разведывательную работу уже за пределами Кавказа [4, л. 17]. Архив содержит данные о составлении Мочульским «краткого описания Афганистана и пограничных с ним земель по сведениям, отобраным от находившихся тогда в Тифлисе афганцев» [4, л. 17]. Разведчик также осуществлял сбор информации о Британской Индии и владельцах ее Северо-Западного приграничья. Для выполнения последнего задания, Мочульский должен был сблизиться с английским офицером, прибывшим из Лахора – полковником Мевирсом [4, л. 25]. Последний был принят на службу в Отдельный кавказский корпус в звании майора.

В 1834 г. разведчика отправили в составе российской делегации встречать «наследника Персидского престола, для доставления ему случая сблизиться с некоторыми из лиц свиты, дабы в разговоре с ними проверить и, если возможно дополнить имевшиеся сведения от майора Мевирса и других» [4, л. 18]. Интересно отметить, что сам Мочульский, опубликовавший обширную автобиографию [2] и творческое наследие, связанное как с его интересами энтомолога, так и описаниями Кавказа [5], оставил в тени информацию о своей разведывательной деятельности в рамках Большой игры.

В деле Розена также содержится «Записка об Индии», представляющая собой военно-статистическое описание этой страны [4, л. 33–481]. Русских военных интересовали любые сведения – границы и пути, вооруженные силы и способ правления, грамоты Ост-Индской кампании об уступке ей земель, описания политических настроений местных владельцев.

Самая интересная часть работы – ее введение, где обосновывается цель Большой игры – проникнуть в Индию. Военных увлекала грандиозная задача, но в их рассуждениях видна и критика общего замысла. «Приобретение Индии для России есть и будет одной мечтательностью, покуда четыре истины не изменятся», – писал автор. Он говорил не только о невозможности упорчить политическое владычество без использования военной силы, но и предупреждал о возможности по мере продвижения

к границам Индии растратить боевой потенциал армии, о зыбкости силового утверждения на Востоке несвойственных ему порядков, о необходимости при заключении военных союзов с местными правителями учитывать их политические интересы. Пока эти условия не будут учтены в планировании военных операций, завоевание Россией Индии, по словам автора, останется лишь «мечтой пылких умов, не знающих Восток» [4, л. 35]. К труду были приложены свидетельства, полученные у проезжавших через Кавказ англичан об их пути из Индии и обзоры военных сил ведущего проанглийского правителя Пенджаба Режид-Сингха [4, л. 482–505], с которым российским войскам пришлось бы столкнуться в первую очередь, двигаясь со стороны Персии и Афганистана.

В заключении дела находятся свидетельства европейцев, побывавших в Северной Индии и Средней Азии. Из них наибольший интерес представляет краткая записка о пути прусского барона Дискау из Лахора в Эрзерум, откуда он позднее добрался до Тифлиса. Авантюрист попеременно выдавал себя то за мусульманина, то за путешествующего европейца, то за узбека, то за англичанина. Автор записки сообщал о всех фактах «нелюбви» местных к англичанам, ссылаясь на мнение самого Дискау о возможности отнять Индию «весьма легко, судя по питаемой туземцами ненависти к своим властителям» [4, л. 620 об.].

Таким образом, архив Г.В. Розена хранит интересные источники, позволяющие исследователю изучать тот пласт сведений о Востоке, который был накоплен кавказской администрацией в 30-е гг. XIX в. в рамках организации ей мероприятий Большой игры.

1. Берже, А. П. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / А. П. Берже. – Тифлис : Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. – Т. VIII. – 1033 с.
2. Приключения жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим / сост. В. А. Кривохатский. – М. ; СПб. : Товарищество научных изданий КМК, 2013. – 261 с.
3. Мариньи, Т. Путешествие по Черкессии / Т. Мариньи. – Нальчик : Изд-во «Эль-Фа», 2002. ; Монпере, Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа / Ф. Д. Монпере. – Нальчик : Изд-во «Эль-Фа», 2002.
4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). – Ф. 6. Оп.1. Д. 66.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. Оп. 16. Д. 6528. Л. 1137.
6. Bondarevsky, G. L. The Great Game. A Russian Perspective / G. L. Bondarevsky. – Hastings : Christie Books Publ., 2008. – 103 p.
7. Burnaby, F. On Horseback Through Asia Minor / F. Burnaby. – London : Sampson Low Publ., 1877 – 399 p.
8. Burnes, A. Travels into Bokhara / A. Burnes. – London : Spottiswood Publ., 1834. – 356 p.
9. Conolly, A. Journey the North of India, Overland from England, Through Russia, Persia, And Afghanistan / A. Conolly. – London : Richard Bentley Publ., 1838. – 364 p.
10. Hopkirk, P. The Great Game. On Secret Service in High Asia / P. Hopkirk. – London : John Murray Publ., 2006. – 498 p.
11. Johnson, J. A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the Year of 1817 / J. Johnson. – London : Longman Publ., 1818. – 376 p.
12. Meyer, K. Tournament of Shadows / K. Meyer, S. B. Brysac. – New York : Basic Books, 2006. – 705 p.
13. Waugh, D. C. Rhetoric and Reality in the History of the "Great Game" / D. C. Waugh. – Seattle : Bactrian Press, 2007. – 88 p.

Садова Л.А.

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (АВПРИ) ПО ИСТОРИИ ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОГО КРИЗИСА 1891–1905 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1905 г. на международной арене появилось новое государство – Норвежское королевство, которому предстояло выстраивать отношения с великими державами и мировым сообществом в целом. Норвегия проделала долгий путь в борьбе за свою независимость и самостоятельность. Шведско-норвежская уния заключенная в 1814 г. пережила ряд кризисов на протяжении всего XIX в. Наиболее острый конфликт возник в конце столетия и привел к разрыву унии. В 1885 г. в результате парламентской реформы в Швеции дипломатические функции перешли от короля в ведение министра иностранных дел и министерства в целом. Министр становился ответственным перед шведским парламентом, и число представителей двух стран в составе совместного шведско-норвежского совета по внешнеполитическим делам менялось в соотношении 3 к 1: три представителя Швеции и один от Норвегии [6]. Министерство иностранных дел Соединенных Королевств Швеция и Норвегия было по сути шведским – министерскую должность занимал швед, большинство дипломатических постов также принадлежали шведам, норвежцам же лишь принадлежали ряд консульских должностей. Реформа не учитывала норвежских интересов в отдельности и фактически норвежское правительство утратило возможность активно влиять на формирование внешнеполитического курса Соединенного Королевства. С приходом к власти в Норвегии радикального крыла либеральной партии Венстре в 1891 г. разворачивается шведско-норвежский кризис, в основу которого был положен так называемый «консульский вопрос». Согласно предложенному норвежским правительством законопроекту, Норвегия имеет право на собственную консульскую структуру, что обусловлено разницей в экономических и внешнеполитических интересах Швеции и Норвегии. Создание отдельных консульств рассматривалось как первый этап в процессе реорганизации внешнеполитического ведомства. Главной целью было создание собственного норвежского МИД, ответственного перед стортингом. На протяжении 1891–1905 гг.

развернулась политическая борьба между шведскими и норвежскими властями вокруг консульской реформы, которая сопровождалась спорами, конфликтами, попытками вести переговоры, затрагивала различные другие проблемные аспекты отношений двух сторон, и оказывала влияние на все слои шведского и норвежского общества в целом.

Сложная ситуация на Скандинавском полуострове находилась под пристальным вниманием великих держав: Великобритании, Германии, Франции и Российской империи. Последняя проявляла особую заинтересованность, как пограничное государство и исходя из российских геостратегических и внешнеэкономических интересов в регионе. Российская дипломатия составляла подробные отчеты обо всех изменениях в текущих политических, экономических и военных делах, происходящих в Швеции-Норвегии. Фонды Архива внешней политики Российской империи содержат обширную информацию об экономическом, внутривластном, культурном развитии Швеции и Норвегии на рубеже XIX – начала XX вв., взаимоотношениях с другими странами, в частности с Россией. Они послужили основой для многочисленных исследований отечественных историков [11; 13; 15].

Опубликованные документы Архива раскрывают историю русско-норвежских отношений периода признания Россией независимости Норвегии и последующего времени установления и развития двусторонних отношений между странами [1; 12]. Предыдущие годы нарастания кризиса унии и шведско-норвежского конфликта 1891–1905 гг. представляют также особый интерес с точки зрения процесса формирования позиции российских властей, изучения факторов, влиявших на принятие решений и системы отбора информации дипломатами происходивших в Соединенных Королевствах событий. Среди обширной документации, хранящейся в АВПРИ, хотелось бы выделить ряд наиболее интересных фондов. Материалы фонда № 133 АВПРИ («Канцелярия министра иностранных дел») [2], которые содержат в себе огромный массив дипломатических документов: депеш, писем, телеграмм, в том числе секретных и конфиденциальных, записок посланников и секретарей Императорской российской миссии в Стокгольме, направленных в МИД, бумаги межведомственной переписки по текущим вопросам, донесения российских консулов в Кристиании и Гаммерфесте. Значительная часть документов, посвященных российским отношениям, в том числе экономическим и региональным (Север и Арктика) содержится в фонде № 155 (II Департамент МИД, который до 1897 г. назывался «Департаментом внутренних сношений») [3]. Здесь можно найти информацию о проектах российских властей по благоустройству Мурманского края, переписку с различными ведомствами по проблемам северного региона, донесения российских консулов северо-норвежских городов в МИД. В документах фонда № 159 («Департамент личного состава и хозяйственных дел») [4] представлена информация как об отдельных сотрудниках внешнеполитического ведомства (например, формулярные списки), так и переписка по различным вопросам: отпуска, прибытие к месту назначения, определение выплат, списки состава ряда миссий и консульств и пр. Фонды № 193 («Миссия в Стокгольме») и № 288 («Генеральное консульство в Стокгольме») [5] включают в себя переписку российских дипломатических и консульских представителей с МИД по вопросам торговых отношений, статистические отчеты, письма по проблемам наследства и различных юридических споров и т.д.

При анализе дипломатических документов необходимо учитывать, что Скандинавский полуостров в российском внешнеполитическом векторе на рубеже XIX–XX вв. был не приоритетным. Назначение на дипломатический пост в данный регион, как один из наименее конфликтных, с точки зрения развития дипломатической карьеры было периодом снижения активной деятельности. Другим важным фактором был тот факт, что Швеция и Норвегия в рамках унии представляли собой самостоятельные государства в области внутренней политики и экономического развития, объединенные личностью короля и общим Министерством иностранных дел, расположенным в столице Швеции – Стокгольме. Здесь же были сосредоточены все дипломатические представительства иностранных государств, включая Российскую империю. Через Миссию в Стокгольме осуществлялась связь с другими российскими представительствами как в Швеции, так и в Норвегии, поэтому более тесные контакты у посланников складывались с представителями шведского истеблишмента, а не норвежского, что наложило отпечаток на предоставляемую ими информацию. Все они были уже состоявшиеся дипломаты, имевшие за плечами огромный опыт дипломатической работы, дворяне по происхождению. Они отлично разбирались в хитросплетениях международной политики, проводили тщательный отбор информации и имели собственную позицию в тех или иных вопросах, которая сквозит в отправленных ими донесениях. Нужно также учитывать, что выборка и оценка информации дипломатами находилась под влиянием не только их личной позиции, выдержанной в духе патриотизма и консерватизма как того и требовала кастовая система российского МИД, но определенных стереотипов, связанных с внешнеполитическими установками и приоритетами [10, с. 139]. С этой точки зрения, политические и законодательные акции норвежских властей-членов радикальной партии Венстре, поддерживаемые значительной частью населения страны и направленные на расширение самостоятельности Норвегии в рамках унии, воспринимались как революционные действия против легитимной монархии. В сознании международной общественности и дипломатии Швеция и Норвегия выступали как единое целое,

а в связи с тем, что все рычаги внешнеполитического управления находились в руках Швеции, то борьба норвежцев за свои права выглядела и преподносилась как политическая провокация и дестабилизирующий страну фактор. В качестве примера можно привести высказывание российского посланника И.А. Зиновьева в своем донесении в 1892 г. по поводу «консульской проблемы»: «вопрос этот как домоклов меч будет отныне висеть над Швецией и, в виду видимого умножения в Норвегии приверженцев радикальных убеждений, должно предвидеть, что в более или менее близком будущем, он послужит источником крупных осложнений между Соединенными Королевствами» [7].

Обязанности консульств определялись «Уставом консульским» 1892 г. и были весьма обширными, хотя и касались в основном вопросов социально-экономической сферы, защиты и покровительства русских подданных, содействия русской торговле и т. д. [10, с. 135–136]. Консульские донесения направлялись в посольства и миссии и лишь оттуда, в зависимости от степени их значения, в МИД.

Главными задачами дипломатов было отслеживание ситуации в стране и своевременное информирование центрального аппарата о происходящих изменениях, встречах с руководством страны и представителями различных общественных слоев [10, с. 135]. Российскую дипломатию волновали многочисленные детали внутренней жизни Соединенных Королевств Швеция и Норвегия, царящие в стране общественные настроения, особенно по отношению к королевской власти и России. В своих донесениях посланники нередко приводят выдержки из местной прессы в качестве иллюстрации того или иного тезиса. В зависимости от ценности передаваемой информации, иногда приводятся полные тексты на оригинальном языке. В фокусе внимания также оказалась бурная политическая борьба между консервативными (партия Хёйре) и либеральными силами Норвегии (партия Венстре). Представленная в документах динамика партийных перестановок демонстрирует постепенное снижение в Норвегии агрессивной риторики против Швеции с 1891 г. к началу 1900 г. Своеобразным рубежом оказался 1895 г., события которого показали, что жесткая и настойчивая позиция может спровоцировать войну между «братскими странами», к которой, однако, ни одна из сторон не готова как материально, так и психологически [14]. «Консульский вопрос» звучит рефреном практически во всех документах этого периода. Диппредставители на страницах своих донесений передавали различные вопросы и результаты деятельности специальных шведско-норвежских комитетов, собираемых с целью найти решения существующей проблемы. Военные реформы и наращивание вооруженных сил со стороны Норвегии и Швеции в обозначенный период нередко увязывались с феноменом «русской угрозы». Последнюю можно назвать весьма значительным фактором межгосударственных отношений, который учитывался российским МИД при принятии решения о признании независимости Норвегии. Особый интерес с точки зрения выстраивания и особенностей межведомственной коммуникации представляют документы переписки между МИД и Министерством Финансов по вопросу о переговорах о пересмотре российско-норвежского трактата о торговле, мореплавании и дружбе 1838 г. [8; 9]. Еще один фокус внимания российской дипломатии – внешнеполитический курс Соединенных Королевств. Германофильская Швеция и прогерманские настроения в ее обществе вызывали немалую обеспокоенность российской властей и были тем фактором, который российская дипломатия постоянно имела в виду при внешнеполитическом планировании, а также довольно часто поднимала эту тему во время встреч российского представителя со шведскими властями.

Подводя итог, можно сказать, что документы Архива внешней политики Российской империи позволяют сформировать практически полную картину хода развития шведско-норвежского конфликта в 1891–1905 гг., выявить особенности формирования позиции российской дипломатии в отношении политического кризиса между Швецией и Норвегией.

1. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917). Сборник документов / сост.: В.А. Карелин, И.П. Нильсен; отв. ред. А.А. Комаров. – М.: Ленанд, 2014. – 400 с.
2. АВПРИ. – Ф.133. Оп.470.
3. АВПРИ. – Ф.155. Оп.445, 407.
4. АВПРИ. – Ф. 159. Оп. 749/1, 749/2.
5. АВПРИ. – Ф. 193. Оп. 817/1; Ф. 288. Оп. 817/2.
6. АВПРИ. – Ф.133. Оп. 470. Д. 90. Л. 25–25 об.
7. АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д.91. Л. 65–66.
8. АВПРИ. – Ф. 155. Оп. 407. Д. 16.
9. Ганелин, Р. Ш. С.Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 / Р. Ш. Ганелин // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Труды ЛОИИ. – Вып. 11. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – С. 144–163.
10. Георгиев, А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия / А. В. Георгиев // История СССР. – 1988. – № 4. – С. 135–149.
11. Касиян, А. С. Россия и Норвегия. 1814–2014 гг. / А. С. Касиян // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 223–224.
12. Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов) / сост. В. В. Похлебкин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 106 с.
13. Россия и Норвегия. Сквозь века и границы / ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсен. – М.: Художник и книга, 2004. – 504 с.
14. Садова, Л. А. Осложнение шведско-норвежского конфликта в 1895 г. по документам российских дипломатов / Л. А. Садова // Новая и новейшая история. – Том 65. – № 5. – 2021. – С. 165–179.
15. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 гг. / Р. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. Й. П. Нильсен. – М.: Весь мир, 2017. – 702 с.

Бахтурина А.Ю.
ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС В ВОСПОМИНАНИЯХ С.Ю. ВИТТЕ

Основой для оценок взглядов Витте на финляндский вопрос стали его «Воспоминания», где он сосредоточился на своем участии в принятии решений по Финляндии в 1905 г. принятии Устава о воинской повинности в Финляндии, а также кратко охарактеризовал деятельность Н.И. Бобрикова и В.К. Плеве. Но в изложении событий усматривается довольно много недомолвок и умолчаний при сравнении их с официальными документами за подписью самого Витте и иных источников личного происхождения, где современники указывали на то, что симпатии Витте к Финляндии не были безусловными, а отличались свойственной крупному государственному деятелю прагматичностью.

В тесное соприкосновение с финляндскими проблемами Витте вступил, будучи министром финансов. После введения золотого стандарта рубля Витте сразу же поднял вопрос об установлении единого образца в монетных системах России и Великого княжества, инициировал открытие в Гельсингфорсе отделения Российского государственного банка, активно участвовал в решении вопроса о таможенном объединении Великого княжества Финляндского и Империи. Но эти сюжеты в своих «Воспоминаниях» он не затрагивал, ограничившись указанием на то, что считал экономическое сближение наиболее надежным способом интеграции Великого княжества. Гораздо больше внимания Витте уделил истории принятия нового Устава о воинской повинности в Финляндии, хотя данный вопрос выходил за границы его компетенции как министра финансов. Витте дал оценку не только Уставу, но и крайне подробно остановился на характеристике военного министра А.Н. Куропаткина. Он писал, что Куропаткин, стремясь проявить свои «истинно» русские чувства» на посту военного министра, он сразу после назначения «поднял финляндский вопрос: надо – де их сделать русскими, по крайней мере войска... Итак, Куропаткин поднял вопрос о русификации Финляндии» [3, с. 62].

Витте выступил не только противником ряда положений Устава, но и организатором министерской оппозиции инициативам военного министра А.Н. Куропаткина. Помимо воспоминаний Витте ход дискуссии зафиксирован его в заключениях на проект Куропаткина на имя министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского В.К. Плеве. Заключение Витте от 20 февраля 1900 г. содержало множество указаний на политическую неадекватность этого проекта, а 14 января 1901 г. он адресовал Плеве второй вариант, указав, что для сближения Финляндии с Россией необходимо укрепить торговые связи – «самое верное и самое мирное средство к взаимному сближению» [4, л. 54].

В 1903 году Витте оставил пост министра финансов и в октябре 1905 г. в качестве председателя Комитета министров столкнулся с проблемой урегулирования антиправительственных выступлений в Финляндии. Октябрьские события стали временем активного участия Витте в решении финляндских проблем, но именно эти эпизоды он предпочел в своих «Воспоминаниях» обойти молчанием или ограничиться скудными упоминаниями. В октябре 1905 г. в Петербурге состоялись две встречи премьер-министра С.Ю. Витте с представителями партии конституционалистов А. Тёрнгреном, губернатором Вааса Ф. Бьёрнбергом, государственным советником Алексисом Грипенбергом, которые настаивали на отмене большинства постановлений периода генерал-губернаторства Н.И. Бобрикова и назначении на ответственные должности в Великом Княжестве финнов. Одновременно С.Ю. Витте вел переговоры с лидером конституционалистов Л. Мехелиным. Витте стремился получить от финляндских политиков обещание урегулировать ситуацию, если царское правительство пойдет на уступки, но твердых гарантий ему не дали [3, с. 70, 539]. В воспоминаниях он очень скупко повествует об этих встречах и информация о них, по замечанию М.А. Витухновской, присутствует преимущественно в мемуарах финляндского политика А. Тёрнгрена.

Определенную роль сыграл Витте также в назначении нового финляндского генерал-губернатора в ноябре 1905 г., предложив кандидатуру члена Государственного совета Н.Н. Герарда. В воспоминаниях Витте отмечал, что он «совсем не знал Герарда и не имел с ним никаких личных отношений», а рекомендовал его только потому, что во время работы в Царстве Польском по введению там общероссийской судебной системы Герард «оставил о себе в Царстве Польском как у русских, так и у поляков, самую лучшую память» [3, с. 389]. Хотелось бы заметить, что в Царстве Польском Герард служил тридцать лет назад, в 1875 г. Его деятельность в там продолжалась ровно год и не оставила заметных следов и аргументация, приведенная, С.Ю. Витте вызывает некоторые сомнения.

Другую версию назначения Н.Н. Герарда выдвигала финляндская периодическая печать. Одна из финляндских газет в связи с этим писала, что: «... Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ...» [3, с. 539].

В докладе С.Ю. Витте, представленному Николаю II накануне отставки генерал-губернатора И.М. Оболенского, прослеживается и еще одна немаловажная причина назначения Герарда: влияние лидеров партии конституционалистов. В своем докладе Витте подробно описал свою встречу с их лидером Л. Мехелиным и особенно то, как Мехелин охарактеризовал финляндского генерал-

губернатора И.М. Оболенского: «Мехелин, а значит и вся его партия, относится с симпатией к князю Оболенскому. Но из его рассказа видно, что князь Оболенский... совершенно растерялся и сделался орудием в руках других, думаю больше всего в руках Мехелина. Так он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им Мехелином и его сотрудниками...Мехелин проговорился, что недостаток генерал-губернатора заключается в том, что он много говорит, а потому не имеет достаточно времени думать» [1, с. 108–109].

Представляется, что Витте использовал аргументацию Мехелина и соглашался с ней, чтобы обеспечить отставку Оболенского, что и произошло. В «Воспоминаниях» Витте об уходе Оболенского с генерал-губернаторского поста пишет следующее: «... он так растерялся, что ушел. Он сам ушел, но если бы он не ушел, то его бы сместили» [3, с. 69]. С учетом вышесказанного, смещение Оболенского тщательно готовилось Витте в союзе с Мехелиным, но в воспоминаниях он предпочел об этом умолчать, сделав акцент на том, что определяющим стало недовольство Николая II: «Государь после ухода не хотел в течение более года принимать своего генерал-адъютанта Оболенского» [3, с. 69].

В январе 1906 г. «Новое время» опубликовало статью «Своеобразные администраторы» [5, с. 3] с подробным разбором деятельности Герарда в Финляндии, который, по мнению газеты «первым пунктом своей политической программы поставил очищение финляндских учреждений от русских людей! ...Гонит своих соотечественников, гонит из окраины Империи представителей господствующей нации, тех, которые своею кровью завоевали Финляндию и своею кровью отстаивали государственные интересы родины». Примечательно что политика Герарда была названа «новым курсом гр. Витте и Н.Н. Герарда».

Не менее важной кадровой проблемой в октябре 1905 г. стал выбор кандидатуры на должность министра статс-секретаря по делам Финляндии. В уже упоминавшемся докладе Витте императору, говорилось и о том, что прежний статс-секретарь, по заявлению Мехелина, «во время кризиса... сделал все. Что хотели в Гельсингфорсе, но что он... не пользуется в Финляндии ни доверием, ни уважением» [1, с. 109]. В результате на пост статс-секретаря был назначен А.Ф. Лангоф, о котором Витте в своих воспоминаниях вообще не упоминает.

Кадровая политика Витте вызывала возражения. Так, Дурново в начале 1906 г. обратился к нему с предложением изменить персональный состав статс-секретариата

Таким образом, при содействии Витте в 1905 г. была сформирована администрация, действовавшая в тесном контакте с финляндскими политиками и, как подчеркивал Витте в воспоминаниях, «Финляндия успокоилась, она в значительной степени перестала быть сценой для репетиции всяких революционных трагедий в России» [3, с. 70]. Но все было иначе. Революционные выступления в Финляндии не закончились и наиболее крупным из них стало восстание 1906 г. в Свеаборгской крепости. С 1906 г. развернулась длительная борьба П.А. Столыпина с финляндским Сенатом за предоставление права российской полиции проводить аресты российских революционеров на территории Княжества.

Наряду с проблемой смены состава российской администрации в Великом княжестве, к началу 1906 г. возникла еще одна проблема общеимперского масштаба, связанная с участием финнов в работе Государственной думы и Государственного совета и вообще с взаимодействием общеимперских и финляндских представительных учреждений.

После издания манифеста 6 августа 1905 г. о созыве Государственной думы встал вопрос о том, каким образом будет формироваться в Думе представительство от Великого княжества Финляндского, поскольку в манифесте 6 августа 1905 г. о порядке участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского не говорилось, и законодательных правах Думы и Государственного совета в отношении Финляндии. Против участия финляндских представителей в Думе выступили Герард и Лангоф. Лангоф отметил, что, «едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для Империи и Великого княжества Финляндского вопросов», т.к. «неоспоримыми актами Финляндии предоставлена самостоятельность в области местного законодательства». Н.Н. Герард отмечал, что «в финском обществе с большими опасениями прислушиваются к тем проектам, на основании которых Финляндский Сейм был бы устранен от обсуждения так называемых общегосударственных законов, или же потерял значение решающего законодательные вопросы учреждения, а взамен того было бы установлено участие лишь нескольких представителей от Финляндии в Государственной думе».

В воспоминаниях Витте об этих дискуссиях, как и о своем участии в решении проблемы не пишет. Проблема обсуждалась в Особом совещании под председательством Д.М. Сольского и в его переписке с Будбергом имеется указание на позицию Витте. 2 апреля 1906 г. Будберг писал Сольскому о том, что необходимо срочно разработать порядок участия депутатов от Финляндии в Государственной думе и Государственном совете, а также указал на то, что нельзя согласиться с предложением Витте, «указавшего на то, что нельзя связывать судьбу финляндского законодательства с нашим новым законодательным аппаратом» [4, л. 19].

Таким образом, в «Воспоминаниях» Витте довольно старательно обошел вопросы о своем участии в решении экономических и кадровых вопросов в Великом княжестве Финляндском. Его роль реконструируется на основе его собственных записок, упоминаний в периодической печати, воспоминаниях современников, переписке должностных лиц. Одной из причин подобных умолчаний видится желание Витте не афишировать свои связи с финляндскими политиками, особенно с Л. Мехелиным, с которым он переписывался и после ухода в отставку в 1906 г.

1. Граф С. Ю. Витте и Лео Мехелин. Доклад гр. Витте Николаю II // Былое. – 1918. – № 2. – С. 108–109.
2. Заключение С. Ю. Витте на проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф 922. Оп.1. Д.63. Л.54.
3. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. – Санкт-Петербург, 2003. – Т.2. – С.62.
4. Письмо А. Будберга Д. Сольскому // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) – Ф.781 Оп. 1 Д 196. Л.19.
5. Своеобразные администраторы // Новое время. – 1906. – 22 января. – С.3.

Николаев Н.Ю.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АНТИВОЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И СМЫСЛОВ¹

В историю российского пацифизма период второй половины XIX – начала XX вв. вошел не только как важный этап поступательного развития, в котором происходило интенсивное идейное усложнение и размежевание, но и в качестве перехода антивоенной мысли в практическую, деятельную плоскость². Несмотря на то, что проблематика российского миротворчества второй половины XIX – начала XX вв. была рассмотрена в ряде публикаций, комплексного анализа ее источниковой базы не проводилось. Целью данного исследования является не только выявление наиболее важных и значимых массивов источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв., но и их внутренняя классификация. К сожалению, объем данной статьи не позволяет выделить даже наиболее значимые источники по миротворческой проблематике. Однако автор надеется, что данный текст станет источниковедческим «путеводителем» и поможет настоящим и будущим исследователям одной из самых интересных и важных страниц в истории отечественного пацифизма.

Очевидно, что при изучении антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. востребованы в основном письменные источники, которые для начала мы предлагаем разделить на опубликованные (на них приходится основная исследовательская «нагрузка») и неопубликованные. Из числа опубликованных отметим прежде всего публицистику – разнообразную как по содержанию, так и по форме. Характерной чертой публицистики XIX в. стало то, что она активно «сращивается с периодикой» [3, с. 81]. Поэтому неудивительно, что значительная часть материалов по миротворческой тематике второй половины XIX – начала XX в. – это публикации в периодических изданиях. Большая их часть была связана с авторской апперцепцией важных внутри- и внешнеполитических событий (войны и мирные соглашения, внутренние и международные антивоенные мероприятия и события). Среди публицистических источников особо выделим «толстые» ежемесячные литературно-политические журналы, преимущественно либеральной направленности – «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» и пр. Многочисленные антивоенные статьи на страницах этих изданий были вызваны как общим пацифистским настроением отечественных либералов, так и усилиями отдельных авторов – последовательных противников завоевательных войн и милитаризма (Л. З. Слонимский, М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев и пр.). Отметим также ведомственные журналы, где регулярно появлялись публикации по проблемам войны и мира, отражавшие точку зрения «правительственного миротворчества» («Журнал министерства юстиции», «Военный сборник», «Журнал Министерства народного просвещения» и пр.). Антивоенная тематика второй половины XIX – начала XX вв. нередко обсуждалась в контексте развития международного права (главным образом гуманитарного). В результате, значимым источником по истории антивоенной мысли служат статьи в специализированных юридических журналах, которые в пореформенный период переживали бурный рост («Юридический вестник», «Сборник правоведения и общественных знаний», «Вестник права» и пр.) [4, с. 184–185]. Отдельно отметим первое в дореволюционной России антивоенное издание – «Вестник мира: Орган международного права и культуры», которое издавалось в течение 1912–1914 гг. Санкт-Петербургским обществом

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01272, <https://rscf.ru/project/23-28-01272/>.

² В данном тексте «пацифизм» понимается в самом широком смысле, то есть как антивоенное учение/движение, которое реализуется в теоретической и практической форме и направлено на искоренение войн, вооруженных конфликтов и всякого рода насилия из человеческого общежития и установление всеобщего мира и согласия.

мира. Помимо публицистических статей в различных журналах важным источником по миротворчеству второй половины XIX – начала XX в. является газетная периодика. Это в основном либеральные газеты («Русские ведомости», «Неделя»), а также тематические издания (например, еженедельник «Право»).

Публицистика – это тот вид источника, который выражает «мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме» [2, с. 449]. В таком качестве публицистические источники по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. – это многочисленные научные и научно-популярные работы, диссертации, учебники и учебные пособия, литературные произведения и философские трактаты. Список источников данной группы воистину неисчерпаем – это и монументальные, фундированные труды, написанные последовательными миротворцами, авторами десятков антивоенных сочинений, это и типичные «*homo unius libri*», то есть единичные работы, выделяющиеся из общей библиографии публициста (к последним можно отнести В. В. Тенишева, П. Н. Милюкова, С. М. Житкова). Многообразны и авторские подходы, то есть критика войны с точки зрения отдельного научного направления и/или с позиции разных общественно-политических взглядов. В числе наиболее важных укажем социально-экономические труды (И. С. Блюх, Я. А. Новиков, М. В. Аничков); юридические (Ф. Ф. Мартенс, Л. А. Камаровский, М. А. Таубе), философские (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин). Проблемы войны и мира красной нитью проходили через творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского – крупнейших отечественных писателей второй половины XIX в. При этом антивоенные труды Л. Н. Толстого следует рассматривать в контексте работ его последователей – сторонников радикального пацифизма – толстовцев (И. М. Трегубов, В. Г. Чертков, П. И. Бирюков). Отдельно укажем на сочинения служителей церкви, в которых христианские человеколюбивые мотивы антиномически сочетались с пропагандой «священной войны» и «защиты русской земли от иноверцев» (митр. Филарет (Дроздов), митр. Иннокентий (Вениаминов), митр. Антоний (Храповицкий)). Немалый интерес представляют труды представителей радикальной социалистической мысли, в большинстве своем резко выступавших против межгосударственных конфликтов (А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Г. В. Плеханов). Особняком стоят сочинения В. И. Ленина с его жесткой критикой «либеральных пацифистов». Однако эти работы выступают не столько в качестве источников по антивоенной мысли начала XX в., сколько важным идейным ориентиром для последующей советской историографии. Кроме того, по мнению автора, для более полного исследования дореволюционного миротворчества следует также изучить позицию активных сторонников войны (т.н. «социологии войны»), в основном представленных трудами высокопоставленных военных-теоретиков (Г. А. Леер, М. И. Драгомиров, Н. Н. Сухотин, Н. П. Михневич).

Увеличение количества антивоенной публицистики, как правило, совпадало с общественной реакцией на знаковые внешнеполитические события. Так, проведение по инициативе России первой мирной Гаагской конференции (1899 г.) способствовало появлению многочисленных агитационно-пропагандистских антивоенных брошюр. Ситуативность и конъюнктурность таких работ не отменяет их источниковую важность и интересное содержание (М. А. Энгельгард, А. А. Рымкевич, А. М. Алексеев).

В неопубликованном виде публицистика представлена прежде всего в личных фондах видных деятелей российского пацифизма второй половины XIX – начала XX вв. В числе наиболее значимых отметим публицистические материалы в личных фондах П. Д. Долгорукого, Л. А. Камаровского, И. Н. Ефремова, Е. П. Семенова, М. А. Таубе, П. Н. Милюкова и пр. Большая часть этих фондов находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Значимым источником по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. являются законодательные акты и делопроизводственная документация. Под законодательными источниками мы понимаем «официальные акты, утвержденные верховной властью» [1, с. 14]. Документы данного вида нужны, чтобы «связать» государственную политику в области войны и мира и общественную реакцию на нее. Во второй половине XIX – начале XX вв. Россия активно участвовала, а в ряде случаев и инициировала ряд важных международных собраний по кодификации международного гуманитарного права и сокращению вооружений (Санкт-Петербургская конференция (1868 г.), Брюссельская конференция (1874 г.), мирные конференции в Гааге 1899 г. и 1907 г.). Вне зависимости от итоговых результатов этих мероприятий, укажем, что они стали серьезными «катализаторами» отечественной миротворческой мысли. Значительная часть законодательных актов, связанных с российской внешней политикой, было опубликовано еще до революции («Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» Т 1-15, «Ежегодники Министерства иностранных дел» 1861–1916 гг. и пр.). В советское время отдельные документы по внешней политике России второй половины XIX – начала XX вв. были опубликованы в журнале «Красный архив» в 1920-е – 1930-е гг. Делопро-

изводственная документация возникает «в процессе практической деятельности государственных органов власти, учреждений или общественных организации» [1, с. 14]. Ее использование важно для анализа «внутреннего участия» министерств и ведомств в государственном миротворчестве. Использование документов делопроизводства поможет и при исследовании деятельности общественных антивоенных организаций начала XX в. Из опубликованных делопроизводственных документов отметим серию публикаций в журнале «Красный архив». Часть информации по законодательным актам и особенно по делопроизводственной документации второй половины XIX – начала XX вв. можно получить при изучении личных и ведомственных фондов в ГАРФ, РГИА, а также Архиве внешней политики Российской империи – АВПРИ (фонды Г. С. Саркисова, Н. П. Игнатьева, В. Н. Ламсдорфа и пр.).

Наконец, к числу востребованных источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. отнесем документы личного происхождения – мемуарные и эпистолярные источники (воспоминания, дневники, письма). Их использование поможет конкретизировать и уточнить информацию по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. К наиболее важным документам личного характера относятся воспоминания П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевского, С. Ю. Витте, дневники В. Н. Ламсдорфа, А. Н. Куропаткина, М. М. Мартенса и пр.

Кроме письменных источников, возможно также использование фото и кинодокументов (последние актуальны для начала XX в.). Однако их роль сравнительно невелика и призвана дополнительно визуализировать информацию по отдельным сюжетам истории отечественного миротворчества.

В качестве итога подчеркнем обилие источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв., а также их видовое и содержательное многообразие. Очевидно, что львиная часть данных документов – это письменные источники, среди которых, в свою очередь, преобладает весьма разнообразная по содержанию и форме публицистика.

1. Георгиева, Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников / Н. Г. Георгиева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
2. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – М. : РГУ, 1998. – 702 с.
3. Плавская, Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения / Е. В. Плавская // Вестник РГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2008. – № 4. – С. 81–93.
4. Усманова, Д. М., Гильмутдинов, Н. В. Юридическая периодическая печать в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. М. Усманова, Н. В. Гильмутдинов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 184–190.

Павлов А.Ю.
ДОКЛАДЫ Ж.Г. ЛАНГЛУА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Среди множества сохранившихся в архиве Министерства армий Франции в Венсенском замке документов, касающихся отношений с Россией в период Первой мировой войны, есть особая группа – восемь докладов о ситуации в России, составленных в 1915–1917 гг. французским офицером майором (с 1916 г. – подполковник) Жаком Ланглуа. Каждый из докладов был подготовлен им по результатам поездки в Россию, которые он регулярно совершал в эти годы. Поскольку Ланглуа был направлен в Россию Военным министерством, поначалу его доклады содержали лишь сведения военного характера, но постепенно тематика расширялась, в них включались сведения о положении в экономике России, о состоянии общества и внутривнутриполитических процессах, а иногда также и об отношениях с другими странами.

Необходимость регулярно получать актуальную и достоверную информацию о положении дел в России была осознана французским правительством уже в конце 1914 г. Война, которой еще недавно предрекали быстрое завершение, очевидно затягивалась, перспективы ее дальнейшего хода становились все более неясными. При этом события первых месяцев продемонстрировали тесную взаимосвязь Западного и Восточного фронтов. Для успешного стратегического планирования французскому правительству и Верховному командованию требовалось знать, на что способен и к чему готовится важнейший союзник Франции – Российская Империя. Расширение тематики докладов Ланглуа не было случайным. Тотальная война требовала мобилизации всего общества, всех его ресурсов, как материальных, так и нематериальных. Настроения в обществе, моральное состояние войск, эффективность управления страной стали значимыми элементами национальной мощи, важнейшими факторами успехов и неудач в ведении войны. В Париже хотели знать обо всем как можно

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617 «Роль России в экономической борьбе Антанты против Центральных держав в годы Первой мировой войны».

больше и подробнее, и объем докладов постоянно увеличивался. Если первый состоял всего из двадцати четырех страниц, то доклад по результатам седьмой поездки осенью 1916 г. уже включал семьдесят четыре страницы текста, не считая приложений [4; 5].

Автор докладов, Жак Габриэль Ланглуа, был потомственным военным, артиллеристом, имевшим до войны опыт службы в строевых частях, однако выбран он был для миссий в России по другим причинам. Он хорошо владел русским языком, в 1908 г. после окончания Высшей военной школы проходил шестимесячную стажировку в России, после чего перешел на службу во французский Генеральный штаб. В 1914 г. Ланглуа уже возглавлял русский отдел 2-го (разведывательно-го) бюро Генерального штаба. Его личные качества также способствовали успеху миссий. Офицеры, под началом которых ему доводилось служить до войны, характеризовали Ланглуа как энергичного и умного офицера, обладавшего при этом открытым и легким характером [3]. Аналогичное мнение в своих мемуарах высказал российский военный агент в Париже граф А. А. Игнатъев. Характеризуя этого французского офицера, он писал, что Ланглуа «старался придать себе вид «рубахи-парня», чему немало помогало его отличное знание русского языка. Но под этой беззаботной внешностью скрывался тонкий наблюдатель и вдумчивый аналитик». Игнатъев считал, что «французы благодаря Ланглуа знали о России гораздо больше, чем русские знали о Франции» [1, с. 573–574]. Действительно, Ланглуа с самого начала работы в России не ограничивался лишь сбором и обобщением информации, каждый его отчет носил аналитический характер, а также содержал конкретные предложения относительно того, что стоило бы предпринять французскому правительству для достижения тех или иных целей в России.

Специфика осуществления контактов между Францией и Россией в период войны также способствовала тому, что доклады Ланглуа становились со временем все подробнее и включали в себя новые элементы. Уже с конца 1914 г., по понятным причинам, контакты по линии Военных миссий и Верховных командований России и Франции по интенсивности и спектру вопросов стали превосходить обычные контакты по дипломатическим каналам, несмотря на значительную интенсификацию последних. Ланглуа, оставаясь кадровым офицером, выполнял поручения не только французского военного командования. Одна из двух копий секретного доклада, подготовленного по результатам каждой поездки, направлялась Главнокомандующему французскими армиями, вторая – военному министру, а значит поступала в правительство. Есть упоминания о Ланглуа и в дневниковых записях президента Французской Республики Р. Пуанкаре. Так, 2 января 1916 г. Ланглуа явился к Пуанкаре с отчетом о результатах очередной поездки в Россию, причем, судя по тексту, они встречались уже не первый раз. Интересно, что в первую очередь Ланглуа поделился с Пуанкаре своим мнением о внутривосточной обстановке в России, и только потом разговор пошел о чисто военных делах [3, р. 5]. 16 марта того же года Ланглуа вновь был принят Пуанкаре, на этот раз – перед отъездом в Россию, очевидно для получения инструкций [3, р. 126]. На одном из экземпляров четвертого доклада Ланглуа стоит пометка о том, что его читал сам Главнокомандующий генерал Ж. Жоффер.

К концу 1915 г. сложилась устойчивая структура докладов. Каждый документ состоял из двух частей. Первая часть целиком посвящалась анализу состояния вооруженных сил и делилась на разделы, каждый из которых касался отдельного вопроса: положения в Верховном командовании, планов операций, состояния войск, наличия вооружений и военных материалов. Вторая часть состояла из разделов, освещавших вопросы «общего порядка»: положение в правительстве, экономический кризис, транспорт, общественное мнение, отношения с другими странами и т. д. Развитие ситуации в России периодически вносило некоторые изменения в тематику докладов. Например, с лета 1915 г., когда вследствие неудач на фронте в России резко ухудшилось отношение к союзникам, Ланглуа стал особое место уделять отношению в русском обществе к Франции и положению в России различных французских миссий [6]. С того же времени Ланглуа стал помещать в докладе информацию о военном производстве в России. Военные неудачи русской армии лета 1915 г. и в России, и во Франции связывались с недостатками в обеспечении русской армии вооружениями и боеприпасами. Для решения проблем со снабжением армии российское правительство стремилось получить от союзников, также испытывавших недостаток военных материалов, как можно больше. Французское правительство стремилось понять, что действительно срочно нужно России для решения самых насущных проблем со снабжением, и какие ее запросы можно пока оставить без ответа. Такого рода сведения, конечно же, предоставлялись российским правительством через своих представителей, но французы хотели иметь и альтернативный достоверный источник информации и аналитики. Недаром на титульном листе многих экземпляров докладов Ланглуа есть приписка: «Этот документ должен рассматриваться как весьма секретный и (его содержание – АП) не должно ни под каким предлогом быть передано, полностью или частично, ка-

кому-либо российскому представителю» [6]. Нередко оценки Ланглуа носили достаточно критический характер, и французы понимали, что российским коллегам это может не понравиться.

То, как Ланглуа собирал сведения в России, можно понять по содержащимся в некоторых отчетах подробных описаниях маршрутов его поездок с момента отъезда из Парижа и до возвращения обратно. Во время первого путешествия по пути в Петроград Ланглуа нанес визиты послам Франции в Лондоне, Христиании и Стокгольме. В Петрограде, где он пробыл шесть дней, Ланглуа встречался с министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым, послом Великобритании Д. Бьюкененом и рядом офицеров Главного управления Генерального штаба. Затем Ланглуа посетил Ставку, где имел возможность побеседовать с целым рядом высших начальников русской армии, включая начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича. Из Ставки он отправился за личными впечатлениями на несколько дней непосредственно на фронт в Польшу. На обратном пути в Ставке его принял сам Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. В Петрограде Ланглуа удалось пообщаться с послом Японии бароном И. Мотоно, а по пути в Париж снова посетить послов Франции в Стокгольме и Христиании [4].

Постепенно Ланглуа устанавливал все больше личных связей, которые в российских реалиях того времени часто значили больше, чем официальные контакты. Таким образом росли количество и спектр его источников информации. Иногда в докладах прямо упоминаются те, с кем Ланглуа приходилось беседовать и на чьем мнении он основывал свои выводы. Так, уже в докладе о второй поездке, совершенной в марте-апреле 1915 г., упомянут «член Сената Стахович» (вероятно, речь идет о члене Государственного Совета М. А. Стаховиче), с которым Ланглуа беседовал о настроениях в российском обществе [8]. Там же упомянуты встречи с командующими армиями Юго-Западного фронта генералами А. А. Брусиловым и Р. Д. Радко-Дмитриевым.

Увеличение количества и разнообразия французских военных миссий в России, начавшееся уже в конце 1914 г., предоставило Ланглуа возможность получать сведения не только от членов постоянных французских дипломатической и военной миссий, но и от множества других французов, с этого времени постоянно находившихся в России. Во втором докладе приведены весьма важные сведения о заказах российским правительством артиллерийских снарядов в России и за границей, полученные от руководителя прибывшей в Россию в начале 1915 г. французской военно-технической миссии майора Пио, который и впоследствии регулярно снабжал Ланглуа информацией подобного рода [8]. Вполне вероятно, что некоторые из постоянно находившихся в России французских военных готовили материал для докладов на постоянной основе.

Судя по всему, лично Ланглуа довольно успешно удалось преодолеть общее недоверие и недоброжелательность по отношению к союзникам, возникшие в России летом 1915, иначе вряд ли он смог получать подробную информацию о состоянии войск и наличии вооружений, о военном производстве, о состоянии экономики и другие секретные данные, которые Ланглуа приводил в своих докладах. Отдельный элемент докладов – приложения к ним. Среди них встречаются документы, еще лучше свидетельствующие о хороших связях Ланглуа в России. Например, одно из приложений к седьмому докладу содержит перевод секретного письма министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру [5], а в следующем – перевод двух статей о визите в Россию французского генерала де Кастельно, которые российская цензура запретила опубликовать [2].

Материалы составленных Ланглуа докладов должны были восприниматься всерьез в правительстве и Верховном командовании Франции. Конечно же, из России поступало множество других документов самого разного вида и содержания, но по охвату тем, регулярности и оперативности их трудно сравнивать с докладами Ланглуа. Можно утверждать, что предоставленные им сведения, аналитика и предложения оказывали серьезное влияние на восприятие французским политическим и военным руководством ситуации в России в годы войны. Некоторые элементы описанных документов были использованы в исторических исследованиях, в том числе автором данной статьи, однако их потенциал как источника по истории франко-российских отношений еще далеко не исчерпан.

1. Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. – Москва : Воениздат, 1986. – 752 с.
2. Huitième rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois. 19 Mars 1917 // SHD/DAT. 17 N 1547.
3. Poincaré, R. Au service de la France: neuf années de souvenirs. Tome VIII – Verdun (1916) / R. Poincaré. – Paris : Plon-Nourrit et Cie, 1931. – 355 p.
4. Rapport du commandant Langlois sur sa mission en Russie. Le 5 Février 1915. Service historique de la defense (SHD) / Departement de l'armee de terre (DAT). 17 N 1547.
5. Rapport du lieutenant-colonel Langlois sur sa septieme mission en Russie. Le 30 Octobre 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.
6. Jacques-Gabriel Langlois // SHD/Guerre (GR). 13 YD 86.
7. Rapport du commandant Langlois sur sa quatrième mission en Russie. 16 Septembre 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.
8. Rapport du commandant Langlois sur sa seconde en Russie. 10 Avril 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.

Новикова И.Н.

ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННЫХ АТТАШЕ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ АНТАНТЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В СКАНДИНАВИИ (1914–1917 ГГ.)¹

Трудно найти другую такую область жизнедеятельности, в которой систематические попытки государства изучить положение в соседних странах являлись бы такими древними, как в военной сфере. Это касается не только шпионажа, но также и легальных каналов поступления информации об иностранных государствах. Сбор, обработка и передача информации долгое время являлись прерогативой дипломатов. С созданием массовых армий и развитием военной техники, дипломаты были уже не способны эффективно решать эту задачу. С начала XIX века великие европейские державы ввели в свои иностранные представительства институт военных агентов или военных атташе [8, с. 160]. Россия не являлась в этом новом деле исключением. Институт военных агентов появился здесь практически одновременно с другими великими державами. Развитие военной мысли и усовершенствование военной техники привело к разделению военных агентов согласно их специализации. Наряду с военными агентами, с 1857 г. в России появился также институт военно-морских агентов – официальных представителей государства за границей, в задачу которых входило сообщение сведений об иностранных флотах [2, с. 165]. Военные агенты занимали по своему статусу и функциям промежуточное положение между карьерными дипломатами и офицерами. Как официальных представителей военного ведомства за рубежом, их называли «дипломатами в погонах». В иерархии рангов они заняли место вслед за временными поверенными, соответствуя уровню советника или первого секретаря миссии.

В общественном мнении существовало представление, что военный агент – это «официальный шпион» [3, с. 435]. Но это было далеко не так. Главной задачей военных агентов являлось всестороннее изучение военного устройства и могущества государств аккредитации, сбор и обработка полных и точных своевременных сведений о современных силах и средствах иностранных государств». Военные агенты были также обязаны следить за всеми изменениями в вооруженных силах и за усовершенствованиями военной техники [4, с. 449]. Особенностью нового периода развития института военных агентов в начале XX века стало усиление общественно-политической составляющей в информационно-аналитических материалах, направленных ими в центральные военные ведомства, тогда как ранее их деятельность была во многом ограничена сбором военно-технических данных и передачей салонных сплетен [7, с. 33]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать значение информационно-аналитической работы военных агентов для изучения экономического противоборства в Скандинавии периода Первой мировой войны.

В воспоминаниях А.А. Игнатьева дана краткая, но точная характеристика роли и значения Скандинавии для интересов России в Европе. Тогдашний руководитель Генштаба Ф.Ф. Палицын перед вступлением Игнатьева на должность военного агента в Дании, Швеции и Норвегии, отметил: «А, впрочем, самое главное – это там», указав с присущей ему невозмутимостью на северный край висевшей на стене громадной карты Европы. «Да, да. Все будущее там!» [3, с. 301–302]. И хотя эти слова руководителя Генерального штаба относились к 1908 г., значение Скандинавии для интересов России с началом Первой мировой войны заметно возросло.

Во-первых, возросло экономическое значение Скандинавских нейтралов. Война 1914–1918 г. стала первой тотальной войной. И победа в ней определялась не только военными успехами. Война испытывала на прочность экономический фундамент государств. Победить в этой войне была способна лишь та коалиция государств, которая лучше приспособилась к затяжному характеру войны и обладала большими экономическими ресурсами. В условиях ожесточенного военного противостояния скандинавские нейтральные государства приобрели особое значение. Они взяли на себя роль перевалочных пунктов в экономическом обеспечении воюющих сторон. Скандинавские нейтралы стали своего рода отдушиной, через которую воюющие государства, могли получать необходимые для ведения войны материалы и стратегически важное сырье. Так, несмотря на разрыв экономических отношений, Россия, с помощью такого явления, как контрабанда, продолжала получать товары германского, а Германия – российского происхождения. Кроме того, немецкая подводная война и контроль западной части Балтийского моря сделали невозможным балтийскую торговлю России. Для связи с союзными державами в Европе оставались лишь два пути: северный путь через Архангельск и транзит грузов через территории скандинавских нейтралов.

Во-вторых, Скандинавия приобрела особое значение как своего рода «окно» с мир противника. Скандинавские страны стали ключевым плацдармом тайной агентурной деятельности российской разведки против Германии. В данной связи Дания служила основной базой для секретных операций России против Германии. Наконец, возросло стратегическое и геополитическое значение скандинавских нейтралов для обеспечения безопасности российской столицы. В этих условиях должность воен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

ного агента в трех северных столицах рассматривалась руководителями Главного управления Генерального штаба как одна из ключевых с точки зрения получения информации о планах великих держав на европейском Севере и в Балтийском регионе. Наряду с хорошими специалистами в своем прямом деле, военные агенты должны были обладать прекрасными аналитическими способностями и выполнять прогностическую функцию по отношению к развитию вверенного их глазам региона. Из простого «собирателя информации» военный агент становился ее обработчиком, транслятором и в какой-то мере предсказателем возможного развития событий. Не случайно на этот пост назначались лица, близкие к скандинавским народам по происхождению и религии (лютеране), либо выходцы из северных губерний России, владевшие, как правило, скандинавскими языками.

В период Первой мировой войны военным агентом России в странах Скандинавии был полковник Дмитрий Леонтьевич Кандауров, военно-морским агентом – капитан 1 ранга Владимир Арсеньевич Сташевский. Усложнение задач, решаемых военными агентами в Скандинавии, привело к тому, что с 1916 г. помощник Сташевского в Дании капитан 2 ранга Борис Сергеевич Безкровный стал военно-морским агентом в Дании, другой его помощник – старший лейтенант Павел Петрович фон Веймарн занимался преимущественно Норвегией и находился в столице Норвегии – Христиании. Сташевский, Кандауров и Веймарн продолжали работать в Скандинавии и после прихода к власти правительства большевиков. Они были отправлены в отставку в 1918 г., чуть раньше, в декабре 1917 г., за отказ вернуться в Россию был лишен чина и уволен из флота Б.С. Безкровный, ключевая фигура в русской военной разведке в Дании и северной Германии.

Центральным вопросом аналитической работы для военных атташе был вопрос о том, удастся ли Скандинавии сохранить нейтралитет в пожаре мировой войны. При этом особую тревогу на берегах Невы вызывала позиция Швеции. С 1908–1909 г. в разработках ГУГШ и Генерального морского штаба Швеция считалась потенциальным противником России в Балтийском регионе, но при этом российские военные аналитики рассматривали не столько самостоятельное выступление Швеции в случае военного конфликта на Балтике, сколько действия Швеции в союзе с Германией [6, л. 6]. Российские дипломаты в погонах» ожидали от Швеции в первые дни войны, как об-разно заметил В.А. Сташевский – «всяких сюрпризов» [5, д. 3991, л. 63–64].

Степень недоверия Петрограда к позиции Стокгольма была действительно высокой на протяжении войны. Военно-морской агент Сташевский сравнивал политику Швеции с капризной женщиной, которая в любую минуту может изменить свое мнение в ту или другую сторону». Он был уверен в том, что Швеция сдерживалась исключительно только двумя людьми – премьер-министром Я. Хаммаршельдом и министром иностранных дел К. Валленбергом. «Умри сегодня эти два человека и завтра Швеция выступит против нас» [5, д. 3991, л. 90] – утверждал он в одном из своих донесений. Военный и военно-морской агенты Кандауров и Сташевский не раз сообщали в течение войны, что вступление Швеции в войну против России практически неизбежно. Если сравнить донесения дипломатических и военных представителей России в Скандинавии, то можно сделать вывод о том, что военные атташе были настроены более воинственно, чем дипломаты. Дипломаты, в силу своей профессии, искали возможности для мирного разрешения конфликта, военные представители империи были более склонны к вооруженному пути разрешения конфликта. Однако России нужна была нейтральная Скандинавия, тихий уголок мира в бушующем пламени войны.

Наиболее слабым звеном русской военной аналитики являлось изучение экономических отношений. Как вспоминал граф Игнатъев, «в сущности о значении экономики в политике даже во время войны все наше поколение имело тогда самое слабое понятие» [3, с. 431]. Однако донесения военных агентов дают все же некоторое представление о масштабах военной контрабанды в Скандинавии – вопросу наиболее трудному для исследования. Это тем более важно, что о военной контрабанде немного говорят в своих донесениях профессиональные дипломаты и торговые представители России. Донесения военных агентов, в частности, показывают, что перевозкой контрабанды занимались скандинавы, имевшие деловые отношения с российскими партнерами. Так, братья Эхкольм, жившие долгое время в России, занимались перевозкой контрабанды из Швеции в Россию и наоборот. Однако в начале августа 1916 г. произошел неприятный инцидент. У некоего Захарченко, который вез из Парижа в дипломатической почте лекарства для правительственных госпиталей, в пограничном пункте Хапаранда разорвалась посылка – и лекарства немецкого происхождения высыпались на пол перед изумленными таможенниками. Разразился скандал [6, д. 7447].

Не отставали от коммерсантов и российские военные агенты. К примеру, военно-морской агент Сташевский сообщал, что «широко занимается контрабандой». Он отправлял медикаменты и термометры немецкого происхождения в Россию. Еще дальше пошел Кандауров. С его помощью в Санкт-Петербург выехал шведский предприниматель Магнус Мейер, который с собой вез две корзины гранат, оклеенных дипломатическими бланками и печатями [6, д. 4469, л. 15]. Время от времени Кандауров должен был проявлять и предпринимательские качества, правда, не всегда удачно. Он покупал бинокли в Швеции и Дании для российской армии. Когда информация просочилась

в шведские газеты, был большой переполох, но позднее выяснилось, что весь этот шум устроили конкуренты, у которых военный агент отказался купить бинокли по более высокой цене. Дело чуть было не дошло до отзыва Кандаурова [6, д. 4469, л. 87]. Тем не менее Кандаурову и его помощнику в Дании Потоцкому удалось к сентябрю 1916 г. приобрести в Швеции 2600 биноклей и 25 биноклей в Дании. На эти цели было израсходовано 577 628 крон [6, д. 5990, л. 2, 10].

Донесения «дипломатов в погонах» также дают представление о масштабах размещения заказов военного и военно-морского ведомств в Скандинавии и транзите военных грузов. Военное ведомство заказывало в Швеции запчасти для автомобилей, станки, приборы, запчасти для кораблей, детали для аэропланов, специальную сталь для взрывателей, двигателя, стволы для винтовок. Датчане и шведы предлагали нашим военным агентам отравляющие вещества и многое другое. Россия получала из Швеции даже подковы для лошадей. Осенью 1915 г. в Швеции было изготовлено 150 тыс. заказанных ружейных стволов, которые вывозились в компенсацию за вывоз зерна и бобов на 2 млн 500 тыс. крон. Это была контрабанда, шведское правительство не могло дать согласие на ее вывоз, но смотрело сквозь пальцы на выгодную для страны сделку [5, д. 1417, л. 85--86]. Другой пример, шведский завод Хускварна изготовил первый заказ на 20 тыс. черновых стволов к маю 1916 г. В качестве компенсации за ввоз этого дефицитного товара Россия отправляла заводу паклю. К 1 сентября 1916 г. завод Буфорс для Петроградского трубного завода 30 тыс. пудов стали, 1 тыс. 500 тонн стали для АО Сименс-Шуккерт, 500 тонн стали для завода «Динамо». Фирма «Франк-Гирш» изготовила 101 станок для Трубного завода, завод «Центрифуг» для этого же завода изготовил 200 тыс. штук взрывателей. Статистику по военным поставкам мы также можем обнаружить и проанализировать, используя донесения военных агентов [6, д. 5987, л. 44, 112]. Донесения военных агентов также содержат интересные сведения, касающиеся транзита грузов союзников через Скандинавские страны.

Успех работы военного агента во многом зависел от того, насколько он знал нравы, обычаи и менталитет жителей стран аккредитации. В донесениях военных агентов мы можем также обнаружить ценные замечания о сформировавшемся образе скандинавов в восприятии русской военной аналитики. В донесениях военно-морского агента шведы были представлены как «страшные снобы, которые никак не могут примириться с положением маленькой страны, живут прошлым и учат в школах детей, что Россию ... надо ненавидеть». Шведы способны только лишь на то, чтобы устраивать всяческие трудности для России. В отличие от шведов, датчане и норвежцы были более симпатичными для «дипломатов в погонах». Особые симпатии вызывали при этом норвежцы – «сильный и демократичный народ». Военным атташе импонировало в норвежцах то, что они «прямо-таки ненавидят немцев», что они «ни при каком случае на выступят против России», более того, норвежцы удивляются, что Россия так снисходительно смотрит на все гадости, которые делает Швеция по отношению к России в смысле торговли. Что касается Дании и датчан, их российские «дипломаты в погонах» считали дружественными по отношению к России, но слишком гибкими и расчетливыми. В случае немецкого давления от них не ожидалось никакого сопротивления могущественному соседу.

В целом, донесения военных агентов в Скандинавии являются ценным источником для анализа экономического противоборства между Антантой и Центральными державами, а также российско-скандинавских отношений периода Великой войны. Содержащаяся в них информация дополняет сведения дипломатических и торговых представителей России в Скандинавии, причем, в тех вопросах, которые освещались профессиональными дипломатами и торговыми представителями менее глубоко. К числу этих вопросов принадлежат, проблема союзнического транзита, военной контрабанды и др. Донесения также свидетельствуют о том, что военные аналитики постепенно стали соперничать с дипломатами в степени информированности по наиболее острым проблемам внутриполитической жизни скандинавских стран. Более разнообразными стали каналы получения военными агентами информации. В «большую политику» оказались вовлеченными представители новых для традиционной дворянско-монархической дипломатии социальных слоев – крупные банкиры, предприниматели, общественные деятели. Это давало взаимодействующим с ними «дипломатам в погонах» возможность существенно расширить поле своей деятельности. Несмотря на отказ военного ведомства вмешиваться в политические вопросы, довольно отчетливо проявилось стремление высших военных кругов к более полной информированности по проблемам международных отношений и общим задачам внешней политики России [7, с. 33]. Противники России довольно высоко оценивали деятельность российских военных агентов в Скандинавии. Глава немецкой военной разведки В. Николаи, например, считал, что в Скандинавских странах, только британская военная разведка могла соперничать с российской по степени эффективности своей работы в условиях, когда последняя «курировала» также северную Германию.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 138. Оп. 467. Д. 420. Л. 158–161.

2. Военно-морская разведка в Первой мировой войне. Комментарии В.А. Петрова // Русское прошлое. Книга 8. – СПб., 1998. – С. 165–202.

3. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. – М., 1955. – Т. 1. – 597 с.

4. Инструкция военным агентам и лицам их заменяющим от 5.08.1912 // Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М., 2003. – С. 449.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991, Д. 1417.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284, Д. 4469, Д. 7447, Д. 5990.
7. Сергеев, Е. Не подлежит оглашению... / Е. Сергеев, А. Улунян. – М. Реалии-Пресс, 2003. – 480 с.
8. Böhme, K-R. Deutsch-schwedische Militärbeziehungen 1918-1932 / K-R. Böhme // Nicht nur Strindberg. – Stockholm, 1979. – S.160–173.

Жучкова С.В.

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ БЕЖЕНЦЕВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 ГГ.)
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

Первая мировая война повлияла на судьбы миллионов людей и вызвала значительные перемещения населения из прифронтовой полосы. В Российской империи, вступившей в войну на стороне Антанты, проблема беженцев затронула, в основном, население западных губерний. После Горлицкой операции (19 апреля – 9 июня 1915 г.) российское командование совершило стратегический отход из центральных районов Польши, что стало причиной массовой эвакуации населения. Ввиду сжатых сроков отступления организовать эвакуацию населения на ее начальном этапе было сложно, что вынудило власти прибегнуть к тактике «выжженной земли».

Военные и гражданские власти выселяли население, имущество и посевы были уничтожены, лошади и крупный рогатый скот реквизировались [25, с. 130]. Беженцами стали не только жители близлежащих белорусских уездов, но и польские крестьяне из Холмской и Люблинской губерний, выселенные в принудительном порядке военными властями. В июле 1915 г. на участке пути Кобрин-Пружаны-Барановичи находилось около 400 тыс. беженцев. С 31 июля по 15 августа 1915 г. из-под Кобрина вглубь страны было отправлено около 100 тыс. человек [24, с. 71]. Беженцы забирали с собой все, что можно было погрузить на воз, некоторые крестьяне продавали имущество. В многокилометровых составах беженцы везли продукты, одежду, зерно и сельхозинвентарь. За возами часто следовали одна или две коровы. Места для людей не было, поэтому даже старики и дети часто шли пешком. Часто имущество и крупный рогатый скот приходилось оставлять на железнодорожных станциях [1, с. 7].

Закон «Об обеспечении нужд беженцев» был принят лишь 30 августа 1915 г., его 1 статья гласила: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [14, с. 2].

Проблема беженцев привлекла внимание многих исследователей, данная тема достаточно полно раскрыта как на общероссийском, так и на региональном уровне. Однако в связи с недостаточной источниковой базой история пребывания беженцев в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии изучена скудно и рассматривалась с точки зрения взаимодействия органов государственной власти в статьях Е.А. Поповой и Н.А. Лукиных [20], Г.В. Рокиной [23], в электронном сборнике документов «Марийский край в годы Первой мировой войны» [21]. Некоторые источники личного происхождения по истории Первой мировой войны в Марийском крае приведены в статьях Л.Н. Комелиной [18] и А.Н. Кудрявцева [19].

В фондах Государственного архива Республики Марий Эл сохранился важный тип источников, позволяющий взглянуть на проблему беженцев глазами реальных людей – эго-документы. Под эго-документом в исследовании, пользуясь классификацией немецкого исследователя Винфреда Шульце, понимается историческое свидетельство, в том числе, которое писалось по требованию административных, судебных или финансовых органов, в которых можно «услышать» голос человека, рассказывающего о себе [15].

Исходя из этого, статья посвящена анализу эго-документов беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.), сохранившихся в фондах Государственного архива Республики Марий Эл. Автором статьи были поставлены задачи по выявлению эго-документов в архивных фондах, определению исторических условий создания, степени полноты, достоверности, субъективности источников, что позволит воссоздать условия жизни беженцев на территории Марийского края, как их увидели участники исторических событий. Территориальные рамки исследования обусловлены сохранностью документов и ограничены Царевококшайским и Козьмодемьянским уездами Казанской губернии.

Согласно регистрационным карточкам Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза, первые партии беженцев прибывали в Царевококшайск с 30 августа 1915 г. из Холмской и Гродненской губерний, встречаются единичные беженцы из Львовской, Виленской и других губерний [2].

На 22 сентября 1915 г. в Царевококшайский уезд прибыло 1230 беженцев и 137 голов скота, на пути следования находились 1685 человек и 551 голова скота [10]. Всего ожидалось около 5000 беженцев. Они были размещены в Царевококшайском городском училище, церковных сторожках при Соборной, Троицкой церквях, монастырской гостинице, в доме Булыгина, Чулкова, при земской больнице [20, с. 96].

На 1 января 1917 г. в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии было размещено 2782 беженца из Холмской, Львовской, Виленской и Витебской губерний [12].

Одним из наиболее информативных и массовых эго-документов в фондах Государственного архива Республики Марий Эл являются прошения в различные ведомства, что и определило их структуру:

- 1) обращение к адресату: «Его Превосходительству Господину Казанскому Губернатору»;
- 2) сведения о просителе (фамилия, имя, отчество, место жительства до эвакуации, место жительства во время эвакуации): «Беженцев, проживающих в деревне Березовой Вараксинской волости из крестьян Гродненской губ. Пружанского уезда Малецкой волости села Малец Семеона Стриж, Анастасии Карпинчук, Емельяна Лощик, Нины Шкилевич, Феклы Докучич, Софии Луцук и Домны Марчук»;
- 3) название обращения: «всепокорнейшее прошение»;
- 4) обстоятельства создания: «Получая пособие по расчетной книжке Царевококшайского уездного комитета Всероссийского союза городов, мы, просительницы, почему-то одновременно не были удовлетворены полностью продовольственной суммой одной выдачи за исключением двух возрастов семьи нашей, а затем нам не было выдано вовсе продовольственного пайка за два месяца, т.е. за июнь и сентябрь месяцы сего года. Все мы очень бедные и должны существовать исключительно на выдаваемое пособие, к тому же не получаем одежды, приостановлена выдача квартирных денег»;
- 5) содержание обращения: «Общая дороговизна довольствия в связи с недополучением пайка вынуждало нас обратиться с покорнейшей прозью Вашему превосходительству по сношении с Его Превосходительством Господином Гродненским Губернатором, местонахождение которого неизвестно нам, исходатайствовать выдачу нам одежды, по случаю зимнего времени, так же денежной выдачи на продовольствие, не отказать уведомлением»;
- 6) подпись: «Неграмотные Семен Стриж, Анастасия Карпинчук, Емельян Лощик, Нина Шкилевич, Фекла Докучич, София Лещук и Домна Марчук, а по прозье их расписался Илья Склович»;
- 7) дата составления прошения: «Ноября 16 дня 1916 года» [6].

Данный тип источников хранится в фондах:

Ф-124 – Царевококшайский уездный комитет Казанской губернии помощи беженцам Всероссийского земского союза больным и раненым воинам,

Ф-171 – Козьмодемьянский уездный комитет помощи беженцам Казанской губернии.

По форме авторства прошения были коллективные и индивидуальные, а по содержанию – прошения о помощи по различным жизненно важным вопросам (обеспечение питанием, пособием, одеждой, дровами, безработица).

Так, в коллективном прошении беженцев из села Седлиск волости Высокое Замостского уезда Холмской губернии, проживающих в деревне Савино Вараксинской волости в Царевококшайскую уездную земскую управу от 5 октября 1915 г. отмечена судьба населенного пункта, занятого врагом: «Мы пострадали в тысяча девятьсот четырнадцатом году от нашествия неприятеля и их разгрома, и от пожара нашей деревни, так как все у нас выгорело дотла. А оставшиеся дома в целости и невредимые, все из них было ограблено австрийскими войсками, и в том числе бы остались нагими и босыми, и просим Вашей милости снабдите нас теплой одеждой и обувью» [9].

Самой многочисленной проблемой, указанной в обращениях, стало обеспечение дровами, продовольствием, теплой одеждой, пособиями и пайком.

В письме Казанскому губернскому земскому комитету от 16 сентября 1915 г. председатель Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза П.В. Ящерицын указывал, что 12 000 рублей, отпущенные земским комитетом, израсходованы на организацию питательных пунктов для беженцев по Царевококшайскому и Кокшайскому трактам. На выдачу продовольственных пайков, топлива для 5000 беженцев финансирования не было: «Незначительная часть беженцев удовлетворена. Громадное число остается без продовольствия, нужна вопиющая, наступили холода. Голодные, холодные, в нетопленных избах беженцы толпами приходит из деревень, просят хлеба» [7].

Как следствие, в коллективном прошении беженцев, проживающих в деревнях Ятманово, Томшарово и Шуашнур, адресованному Холмскому губернатору от 10 ноября 1915 г. записано: «Настает время сильных холодов, но нам полагаемой от казны ничего не выдают на прокорм лошадей и на теплую одежду нас самих. [...] что касается тёплой одежды, мы ничего не получали до настоящего время, по чему нас очень затрудняет ходить по воле в такое холодное время, хотя просили мы распоряжения Господина Земского начальника 2-го участка Царевококшайского уезда по нам своевременного распоряжения не последовало. В виду вышеизложенного имеем честь покорней-

ше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о своевременной выдаче нам теплой одежды и накормить лошадей» [11].

Список необходимых теплых вещей приведен в прошении беженца Ильи Григорьевича Сорока из села Жапчи Потуржинской волости Томашевского уезда Холмской губернии в Царевококшайское уездное отделение Татьянинского комитета от 11 ноября 1916 г.: «Мне самому нужно: теплое пальто, шапку, рубашку, кальсоны, брюки и валеные сапоги, и варежки, сыновьям моим нужно то же самое, что и мне, а жене моей теплое пальто, платье, шаль, платок и варежки» [3].

Немаловажной проблемой среди беженцев была нехватка пособия на проживание. В прошении крестьянина Осипа Петровича Калиновского из деревни Лубинки Загудовской волости Белостокского уезда Гродненской губернии от 16 июля 1916 г. указаны траты на месяц: «За этот месяц я, Калиновский, получил только 7 руб. 50 коп. Обратите внимание, как же я буду жить на эти деньги цельной месяц. Из 7 руб. 50 коп. нужно отдать за квартиру 1 руб. 50 коп., дров нужно протопиться на 3 р., остается у меня на пропитание только 3 руб. Как же я могу питаться на цельной месяц на три рубля?» [13].

Действительно, в годы Первой мировой войны беженцы столкнулись с ростом цен на муку, мясо, керосин, спички. Для борьбы с повышением цен на предметы первой необходимости была создана Царевококшайская уездная комиссия, но и эта мера была недостаточной [20, с. 95].

Растущая безработица и невозможность трудоустройства указана в коллективном прошении беженцев, поселенных в д. Марковой Вараксинской волости Царевококшайского уезда, в Татьянинский комитет от 18 ноября 1916 г.: «Будь бы здесь заработки, каковы они бывают около фабрик, заводов, промышленных предприятий, сельско-хозяйственных экономий, то жить можно было бы, а здесь ничего этого нет и заработать что-либо нет возможности, когда как наступила зима, которая здесь бывает и сурова, и продолжительна. В такую зиму нужно много отопления, теплую одежду и более-менее питательную пищу» [5].

Для определения достоверности содержания прошения рассмотрим количество промышленных предприятий уездов, из которых прибыли беженцы, согласно регистрационным карточкам. По сравнению с Казанской губернией фабрично-заводская промышленность губерний, откуда прибыло большинство беженцев, достигла значительного развития [17, с. 29–69; 22, с. 9]:

Губерния	Уезд	Количество промышленных предприятий в 1913 г.
Холмская	Холмский	26
	Бельский	27
	Грубешовский	60
	Томашовский	12
	Гродненская	Гродненский
	Пружанский	387
	Кобринский	579
	Бельский	482
	Слонимский	175

Население Холмской губернии было задействовано в кустарном, навозном и отхожем промыслах, часть населения находило заработки во время весенней навигации по Западному Бугу, Вепржу и Сану [17, с. 23]. Благодаря многочисленным фабрикам и заводам, железным дорогам, население Гродненской губернии без труда находило работу. Во время сбора хлебов и трав крестьяне могли дополнительно заработать в экономиях помещиков [22, с. 9].

В случае с Царевококшайском, на 1913 г. численность населения города составляла 2042 чел., в городе было лишь одно крупное промышленное предприятие – винокурный завод и 2 мелких [16, с. 233]. Первая мировая война отрицательно повлияла на развитие промышленности, на первый план вышли лесозаготовка и лесопиление, переведенные на нужды военной промышленности, но и здесь наблюдалось падение производства: в 1915 г. в Царевококшайском уезде было изготовлено около 3000 плотов, вместо обычных 4000 [16, с. 243].

Авторами прошений были крестьяне, проживающие в сельской местности Холмской, Гродненской губерний, в регистрационных карточках Царевококшайского уездного комитета Всероссийского земского союза их основным занятием было указано земледелие или хлебопашество. Находясь вдали от родных мест, беженцы были лишены возможности заработать, что определило их особый социальный статус.

Таким образом, анализ эго-документов беженцев западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в фондах Государственного архива Республики Марий Эл показал, что самым многочисленным видом стали прошения беженцев в различные ведомства, что было обусловлено историческими условиями создания документа.

Экстренная эвакуация населения, вызванная Великим отступлением Российской императорской армии 1915 г., повлекла за собой нехватку вещей, невозможность транспортировки сельско-

хозяйственного инвентаря, крупного рогатого скота и лошадей, поэтому беженцы были вынуждены истребовать предметы первой необходимости в местах проживания во время эвакуации.

Согласно архивным данным, на территории Марийского края было размещено около 8000 беженцев. Стоит заметить, что в масштабе Российской империи эта цифра довольно мала, но при этом перед местными властями встал острый вопрос по размещению и обеспечению беженцев продовольствием, теплыми вещами, пайком и пособием, что отражено в тематике прошений.

Авторами прошений стали семейные беженцы-крестьяне Холмской, Гродненской, Виленской и Витебской губерний, проживающие в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии, основным занятием которых до эвакуации было земледелие, дополнительным – кустарные и отхожие промыслы.

По характеру авторства прошения можно разделить на единичные и коллективные, по месту обращения – в волостные, уездные или губернские ведомства. Прощения беженцев в канцелярии Холмской и Гродненского губернаторов свидетельствуют о том, что прошения были единственным возможным средством коммуникации с родными местами в надежде получить помощь.

Эго-документы беженцев западных губерний Российской империи в фондах Государственного архива Республики Марий Эл не только дополняют корпус источников по истории Первой Мировой войны, но и представляют интерес с точки зрения самостоятельного предмета исследования. Несмотря на их субъективность, достоверность и полнота прошений, как исторических источников, не вызывает сомнений.

1. Бежанства 1915 года. – Беласток, 2000. – 416 с.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). – Ф. 124. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1081.
3. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 66.
4. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 72.
5. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.
6. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 76.
7. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
8. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.
9. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
10. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
11. ГА РМЭ. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 7. Л. 83–83 Об.
12. ГА РМЭ. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.
13. ГА РМЭ. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 Об.
14. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1 / изд. Юрид. отд. Глав. комит. Всерос. союза городов. – 2-е изд., доп. – М., 1916. – 103 с.
15. Зарецкий, Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков [Электронный ресурс] / Ю. П. Зарецкий // Человек второго плана в истории. – 2007. – Режим доступа: <http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=1167089/>. – Дата доступа: 15.02.2023.
16. История Марийской АССР. – Т. I : С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Йошкар-Ола, 1986. – 327 с.
17. Каретников, С. М. Холмская губерния: географическо-исторический очерк / С. М. Каретников. – Лубны, 1913. – 220 с.
18. Комелина, Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам музея истории города Йошкар-Олы) / Л. Н. Комелина // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 126–136.
19. Кудрявцев, А. Н. «Покуда остаюсь жив и здоров. Того же вам желаю...». Солдатские письма Первой мировой войны в Царевококшайский уезд / А. Н. Кудрявцев // Марийский архивный ежегодник. – 2013. – С. 335–341.
20. Лукиных, Н. А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл) / Н. А. Лукиных, Е. А. Попова // Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 92–103.
21. Марийский край в годы Первой Мировой войны. 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gosarhivme.ru/sites/default/files/exhibition/worldwar1/files/assets/basic-html/page5.html>. – Дата доступа: 15.02.2023.
22. Обзор Гродненской губернии за 1913 год. – Гродно, 1913. – 145 с.
23. Рокина, Г. В. Первая мировая война и Марийский край / Г. В. Рокина // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 149–153.
24. Саматя, В. Проблема беженцев в Беларуси в годы Первой мировой войны / В. Саматя // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 2. – С. 71–74.
25. Смольянинов, М. М. Беларусь в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 415 с.

Твердюкова Е.Д.

ПРОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О РОЗЫСКЕ ДЕТЕЙ, БЕЖАВШИХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

История Первой мировой войны долгие годы не привлекала внимания российских исследователей, лишь в последние десятилетия сформировался устойчивый научный интерес к событиям тех лет, причем в широком контексте, включая повседневную жизнь «homo belli». Общепризнано, что вступление России в войну мобилизовало население, не исключая и детей всех сословий и возрастов. Современники отмечали, что «городские дети... окружены и взволнованы теми новыми чертами,

которые приняли шумные столичные центры: автомобили с ранеными, пронсящие с вокзалов; вереницы солдат с перевязками на улицах; сестры милосердия, санитары; обилие телеграмм на всех перекрестках и многочисленные продавцы, беспрестанно возглашающие все новые – и правдивые, и выдуманные – сведения с театров военных действий; уличные продажи флагов, гербов и открыток; лазареты в частных квартирах и школах; войска на улицах; различные сборы в училищах, кружки и урны в классах; карты военных действий в стенах каждой квартиры; иллюстрированные журналы, картины и открытки в окнах магазинов и, наконец, постоянные и бесконечные разговоры и споры взрослых о войне, о войне и о войне – все это небывалое оживление городской жизни окружает детей, будит их мысли... поселяет мечту о геройских подвигах и героях» [1, с. 36–37].

Романтический флер, окутывавший войну в детских представлениях, становился «благодатной почвой для воспитания патриотических настроений, формирования чувства гражданственности» [7, с. 14]. Мечтая о войне, ребенок рисовал в голове увлекательные картины лихих схваток и никакие доводы, что он «мал, бессилен и его убьют», не производило на него никакого впечатления [6, с. 18]. Осознание того, что совсем рядом совершалось то, о чем рассказывали любимые книги, способствовало массовому бегству детей в действующую армию и появлению особого феномена – детей-солдат [8, с. 34; 9, с. 67].

Несовершеннолетним было разрешено добровольное поступление в ряды действующей армии, но лишь с письменного согласия родителей. Однако острой социальной проблемой становилось самовольное бегство на фронт детей, которым зачастую не исполнилось и 14 лет и считавшихся малолетними, согласно русскому законодательству.

В ходе работы над проектом, посвященным воспитанию патриотизма и гражданственности в России начала XX в. и поддержанным Фондом содействия сохранению и развитию историко-культурных и духовно-нравственных основ русской цивилизации «Светослав», мы обратили внимание на комплекс прошений родителей о розыске бежавших на фронт детей, который находится в фонде 2003 Штаба Верховного Главнокомандующего в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Именно в адрес Штаба направлялись родительские письма, на основании которых публиковались и рассылались по армии объявления следующего содержания: «В Штаб Верховного Главнокомандующего поступили от родителей просьбы возвратить им детей, бежавших на театр военных действий. Сим объявляется, что все лица, которым известно местопребывание нижеупомянутых лиц, обязаны немедленно передать таковых или указать местной полиции для отправления их на родину». Объявления состояли из двух разделов: в первом из них указывались сведения о лицах, бежавших на театр военных действий: фамилия и имя, возраст, учебное заведение и класс, а также дата побега (при наличии таких сведений); во втором – сведения о том, куда следует препроводить малолетних добровольцев: адрес и имя родителя или опекуна.

Адресантами писем были не только представители «размышляющего и пишущего меньшинства», но и неграмотные крестьяне, прибегавшие для составления прошений к посторонней помощи. Представители знатных фамилий, прося о розыске своих детей, прибегали к «авторитетному» посредничеству. В частности командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский ходатайствовал перед дежурным генералом Штаба Верховного Главнокомандующего П.К. Кондзеровским о розыске 13-летней дочери полковника Нине Джавровой и 20-летней Наталии Ключфель. Некоторые родители для привлечения внимания к своей просьбе, ссылались на заслуги семьи перед Отечеством. Так, потомственный дворянин Нижегородской губернии Г. Ключарев «слезно» умолял императора дать указание о розыске сына Александра, 17 лет, и направлении его в военную школу, во имя памяти предка своего П. Ключарева, принимавшего участие в войне 1812 г. и получившего знаки отличия города Нижний Новгород [5, л. 41].

В большинстве писем, независимо от сословной принадлежности их авторов, содержались неподдельные эмоции, беспокойство за детей. Так, крестьянин Калужской губернии А. Силичев просил о розыске сына, самовольно ушедшего в действующую армию: «Не желая, чтобы сын мой Павел все сбился с правильного пути жизни, веря тому, что из 12-летнего юноши не может быть защитник родины, ибо какую может принести пользу 12-летний юноша в эту жестокую войну, слабый по характеру и не развитой умственной способности; я вижу одно пред ними – неминуемую гибель или от руки неприятеля по своей неопытности, или же, сбившись с правильного пути жизни, отвыкнув от честного труда и привыкнув даром есть хлеб, обиваясь около солдатского стола» [4, л. 84].

Боязнь того, что ребенок пополнит ряды «праздношатающихся», присутствовала во многих письмах. Мещанин М. Байкусов, беспокоясь о сыне, 16-летнем ученике 3 класса Владимирского реального училища, обращался к Верховному Главнокомандующему: «Сын мой... возымел искреннее ревностное желание посвятить себя и свою юношескую жизнь на благослужение Великому государю и встать в ряды войск, находящихся под покровительством и защитой Вашего Императорского Высочества, и геройским своим подвигом встать грудью за православную Веру, Царя и Отечество, для чего вторично, без согласия даже моего, решил 2 апреля с маршевой командой из г. Владимира выбыть на театр воен-

ных действий... По родительскому своему долгу, заботясь о юноше-дите и не щадя его в предпринятой им благой цели... я единственно только решил прибегнуть к Вашему Императорскому Высочеству с усерднейшим ходатайством: благоволите обратить свое Августейшее внимание на сына, чтобы он не мог где-либо впасть в легкомысленное свое заблуждение и бесприютное празднотательство среди сражающихся доблестных воинов, а повелите зачислить его по усмотрению Вашего Императорского Высочества в часть войск... для несения полезной службы» [3, л. 226 – 226 об.].

Многие из адресантов указывали на болезненность ребенка и непригодность его для службы в армии, отмечая неблагоприятное влияние войны на детскую психику. Так, в своем прошении С. Каган и А. Котляр, жившие в г. Николаеве, сообщали о своих детях: «Первый единственный сын Борис Каган 13 лет, брюнет, тщедушный, худой, небольшого роста, недоразвитый умственно, недавно болел воспалением легких; второй 10 лет, из соседнего двора Пинька Котляр, шатен, оборванный, бошой, глядит совсем еще ребенком, вечно плаксивый. Такие дети служат для солдат развлечением лишь за время переезда, а засим должны быть лишней обузой, отвлекая солдат от прямых своих обязанностей. Находясь все время в суровой боевой, непривычной детскому организму жизни, дети начинают скоро хиреть, требуют ухода, умирают, и лишь небольшой процент старшего возраста, более сильной комплекции, переживают все невзгоды, привыкают к кровавым мучительным зрелищам и хладнокровно переносят все ужасы войны, – но к таким безнадзорным детям, побывавшим в этой необычной кровавой мути, скорее прививаются все отрицательные стороны домостроя и впоследствии могут создаться отщепенцы – живой укор общества и угроза будущему подрастающему поколению» [3, л. 317 – 317 об.].

Среди просмотренных писем ни разу не встречалось упоминания о конфликтных отношениях в семье, которые могли бы явиться поводом для бегства ребенка из дома на войну. Напротив, зачастую адресанты подчеркивали, что ребенок жил в любви и согласии с окружающим миром. Например, крестьянин Владимирской губернии А. Киселев, сообщая о бегстве своего сына Василия, 12-летнего ученика 2 класса высшего 4-классного Московского городского училища, подчеркивал, что в семье сыну жилось хорошо: «Его все любили, содержался он наравне с другими детьми великолепно», – и объяснял поступок подростка «пылким воображением» [4, л. 42]. Но нередко родители высказывали в своих письмах обиду на беглецов, оставивших их, слабых здоровьем и неспособных содержать себя материально. Так, крестьянин Полтавской губернии И. Земляной, предполагавший, что 15-летний сын его Василий уехал на австрийский фронт, указывал, что сам он 16 лет служил на сверхсрочной службе, заболел грыжей и, будучи уволен из армии, оказался совершенно без средств существования, ибо ранее жил за счет мелочной торговли, которую вел его сын [3, л. 28].

Как следует из прошений, мотивацией ухода ребенка на фронт зачастую выступало стремление отомстить за родственников. Так, жена капитана 5 Пехотного Калужского полка Д. Величковская сообщала, что находившийся в отряде генерала Самсонова ее муж попал в немецкий плен, а их сын 14-летний воспитанник Суворовского кадетского корпуса, «по легкомыслию своему, несмотря на повелительное указание нашего монарха о бесцельности и бесполезности пребывания кадет в рядах армии... самовольно ушел из корпуса, по словам товарищей, на войну с целью мстить немцам за отца и за полк, в котором сражался отец» [3, л. 88]. В иных случаях мотив бегства читался между строк. Полтавская учительница П. Богословская, надеясь вернуть своего сына, 15-летнего ученика 4 класса гимназии Владимира, указывая в письме на болезненность подростка, бежавшего на войну со сменой белья, револьвером и большим хлебным ножом, признавала: «Ввиду его горячего желания служить в нашей доблестной армии он, верно, будет всячески стремиться остаться и ... посему покорнейше прошу передать ему мою полную готовность отпустить его снова туда, после того как он подготовится к двум переэкзаменовкам по алгебре и геометрии, выдержит их в начале августа, а тогда я его снаряжу в поход, если только он окажется после представления местному военному начальству годным нести какую-либо службу» [3, л. 292–293]. Очевидно, что бегство на фронт казалось оставленному на второй год подростку достойным выходом из сложившегося положения. А житель Царицына К. Тихомиров заочно упрекал своего 14-летнего сына в том, что, бежав на войну, тот «надеялся заслужить и получить в два раза более награды и блага, чем в Царицынской гимназии» [3, л. 5 – 6 об.].

Анализ комплекса прошений родителей о розыске бежавших на войну их детей-добровольцев дает возможность оценить их как важное «дискурсивно-коммуникативное средство» [2, с. 4]. Роль этих нарративов в ряду иных документальных свидетельств о войне сложно переоценить. Они могут служить информативным историческим источником, помогающим реконструировать социальные отношения, коммуникативные цепочки, общественную психологию, а также дают историку возможность заглянуть и в то прошлое, что осталось за рамками писем.

1. Воронов, В. С. Война в рисунках детей / В. С. Воронов // Вестник воспитания. – 1915. – № 2. – С. 33–79.
2. Лившин, А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М. : РОССПЭН, 2002. – 208 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 724.
4. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 726.
5. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 728.

6. Рубинштейн, М. М. Война и дети / М. М. Рубинштейн // Вестник воспитания. – 1915. – № 2. – С. 1–32.
7. Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань : Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – 256 с.
8. Самович, А. Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны / А. Л. Самович // Новейшая история России. – 2015. – № 1. – С. 29–38.
9. Щербинин, П. П. Детская повседневность в период Первой мировой войны, 1914–1918 / П. П. Щербинин. – Тамбов : [б.и.], 2015. – 256 с.

Серова Е.В.

**ПРОБЛЕМЫ ТРАНЗИТА ГРУЗОВ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ В МОРЯХ АКВАТОРИИ
СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)¹**

На рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что состояние морских коммуникаций и транспортно-логистических артерий в Российской Арктике окажут существенное влияние на расстановку сил в случае масштабной войны на северном морском театре. События зимы 1915 года – весны 1916 года показали, что развитие и использование морского транспортно-логистического маршрута в регионе в военное время сопряжено с рядом трудностей, которые обусловлены слабым развитием портовой инфраструктуры, нехваткой судов ледового класса, недостаточным освещением вопроса о состоянии навигации, слабым обеспечением мер безопасности проводки пароходов по опасным зонам и рядом других факторов.

Именно в годы Первой мировой войны происходило качественное переосмысление возрастающей стратегической роли *арктического Беломорья* для безопасности России и союзных стран Антанты. Это было, прежде всего, связано с необходимостью своевременной разгрузки пароходов, прибывающих из союзных стран Антанты, увеличения площадей для хранения грузов, оборудования баз как для снабжения, так и береговой обороны.

Географически, Белое море является частью акватории Северного Ледовитого океана, объединяя территории современных Архангельской, Мурманской областей и Республики Карелия. В заливах Белого моря расположен ряд островов: в Горле – остров Сосновец, в Двинском заливе – остров Мудьюг и острова дельты реки Северная Двина, в Онежском заливе – Соловецкие, Жижгинский и многочисленные шхерные острова, в Мезенском заливе – остров Моржовец [4].

На Белом море весьма много удобных в морском отношении портов, но все они имеют один недостаток, – они замерзают на весьма продолжительное время, исключая те, которые находятся между Варангерским заливом и островом Кильдин. Здесь незамерзающее море даёт возможность пользоваться портом круглый год, что составляет главное условие для свободы действий военных судов, которые будут стоять в этом порту, и для успешного развития торгового движения, которое терпит большие неудобства и убытки, если отправка и получение грузов приостанавливаются [2, с. 86].

Грубые просчёты по оценке ледового покрытия на зиму 1915–1916 гг. вынудили Морской генеральный штаб в срочном порядке пересмотреть план организации и смету гужевой доставки военных грузов из Александровска (соврем. Полярный), транзитом через территорию Финляндии, в сотрудничестве и при содействии финского населения. Об этом свидетельствует записка капитана 2-го ранга М. Роцаковского морскому министру И. Л. Горемыкину: «...в Александровске скопилось много груза, возвращенного из-за непроходимости Горла, а груз этот особенно срочный. В самом деле, в ледокольном сообщении уверенности нет, а питать армию необходимо непрерывно: приходится изыскивать новые жилы для провоза винтовок и других предметов снабжения срочной необходимости» [3].

Примечательно, что уже после прекращения навигации пароходы с грузами, имеющими военное значение, продолжали прибывать в порты Белого моря. В Александровске и у Семеновых островов в Кольской губе находилось около 30 пароходов. Прибытие некоторого количества пароходов ещё ожидалось в скором времени. По имеющимся сведениям, в этих портах сосредоточивалось около 100–150 тыс. тонн груза, однако при полном отсутствии береговых площадей, годных для размещения грузов, а также и портовых средств для разгрузки в Александровске и Кольской губе.

Прибытие такого количества пароходов можно объяснить недостаточно правильным освещением вопроса о состоянии навигации, но большое значение имело отсутствие своевременных распоряжений о направлении пароходов. В качестве примера можно привести отpravку 17 декабря 1915 года парохода Добровольного Флота «Омск» с грузом 9 тыс. тонн из США в Александровск.

В этих условиях портовому управлению на местах приходилось находить *ad hoc* решения, а именно, как поступать с пароходами, прибывшими в Александровск и Кольскую губу: оставить ли их в этих местах до открытия навигации в Белом море и, тем самым, лишить Россию и союзников

¹ Исследование выполнено при поддержке (за счет) гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

громадного тоннажа; вернуть ли пароходы обратно в порты их отправления, где, однако, не было места для хранения грузов; или же направить все пароходы из Александровска во Владивосток и Дальний, с тем, чтобы грузы попали в места назначения примерно к маю–июню 1916 года.

Согласно материалам переписки о перевозке и выгрузке грузов особой важности в 1915–1916 гг. [3], выходом из сложившейся ситуации могло стать использование пристани «Дровяная», принадлежащей Шведской Лесопромышленной Компании и расположенной на левом берегу Кольского залива, приблизительно в 4-х верстах от устья реки Туломы. Пристань была удобна для разгрузки одного большого парохода и имела даже рельсовый путь к складам леса, расположенных на возвышении от пристани 15–20 саженей (приблизительно 27,4 м). Несмотря на то, что никаких приспособлений для разгрузки пароходов на пристани не имелось, площадь для хранения грузов была значительных размеров, с приблизительной вместимостью грузов 20–30 пароходов.

Кроме того, допущенные просчёты и невозможность навигации по Белому морю привели к усилению так называемого *человеческого транзита* для строительства рельсовой колеи на участке Кола-Кандалакша строящейся мурманской железной дороги, в том числе через территории нейтральных стран: а) по финляндской дороге до станции Торнео и далее через Швецию, Норвегию в Кольский залив, б) от станций Финляндской железной дороги по существующим грунтовым дорогам Финляндии в Кандалакшу и далее вдоль строящейся линии, в) по открытым Олонецкой и Петрозаводск-Сорокской железным дорогам – до села Сорока и далее пешим ходом до Кандалакши.

Резюмируя, отметим, что транзит грузов особой важности в арктическом Беломорье был изначально рискованным, но неизбежным мероприятием Морского генштаба России, которое продемонстрировало необходимость изменения портовых расписаний, распределения портовой разгрузки на отдельных участках, ведения точного учёта прибывающих судов всех классов, а также необходимость более согласованной работы по сбору и представлению информации о ледовой обстановке.

С другой стороны, как показывают более поздние сохранившиеся документы [1], суровая зима 1915–1916 гг. способствовала формированию своего рода *человеческого измерения* войны, в основе которого лежали принципы сотрудничества и взаимопомощи России и Финляндии как части Российской империи, Швеции и сопредельных регионов Норвегии.

1. Переписка по вопросу сношения с представителями Строительного управления в Нарвике (30 января 1916 – 24 мая 1916) // Фонд 320 оп.3 ед. хр. № 547. Национальный архив Республики Карелия.
2. Семенович, В. Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях / В.Н. Семенович. – Санкт-Петербург: Изд-во Аврора, 2016. – 199 с.
3. Переписка о перевозке и выгрузке грузов особой важности // Управление постройки мурманской железной дороги. 30 декабря 1915 – 28 марта 1916. Национальный архив Республики Карелия. 108 с.
4. Шведе, Е. Е. Северный морской театр [Электрон. ресурс] : Центральный Военно-Морской Портал / Е. Е. Шведе. – Электрон. дан. – [Москва], 2023. – URL: <https://flot.com/history/patriotwar/sev1.htm?print=Y>.

Чикалова И.Р.

МЕМУАРЫ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ И ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Советскими издательствами систематически публиковались воспоминания свидетелей и участников Первой мировой войны, но только тех из них, кто перешел на сторону Советской власти, служил в Красной Армии или, по крайней мере, в эмиграции не принимал активного участия в антисоветской борьбе.

Отдельное место в блоке мемуарной литературы занимают воспоминания государственных деятелей. В них дипломаты А. П. Извольский, С. Д. Сазонов, А. А. Гирс, Б. Э. Нольде и другие показали закулисные стороны международных взаимоотношений и процесс принятия ключевых решений. Политические и общественные деятели, в их числе М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин, описали катастрофическую ситуацию в стране, выход из которой усматривали в перемене власти. Во что вылилась эта перемена власти, когда она свершилась в результате Февральской революции, видно из воспоминаний деятелей Временного правительства А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, А. И. Верховского.

Серьезный пласт мемуарной литературы составляют воспоминания военных министров. Ими были В. А. Сухомлинов (11 марта 1909 – 12 июня 1915 г.), А. А. Поливанов (13 июня 1915 – 15 марта 1916), Д. С. Шуваев (15 марта 1916 – 3 января 1917), М. А. Беляев (3 января 1917 – 1 марта 1917). В должности морского министра состоял И.К. Григорович (19 марта 1911 – 1 марта 1917). Во Временном правительстве военное и морское ведомство возглавляли А. И. Гучков (2 марта 1917 – 30 апреля 1917), А. Ф. Керенский (5 мая 1917 – 30 августа 1917), А. И. Верховский (30 августа 1917 – 20 октября 1917). Все названные министры, кроме Шуваева и Беляева, оставили воспоминания.

После завершения войны мемуары написали многие генералы (А. А. Брусилов, В. И. Гурко, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов и др.), занимавшие ключевые должности в армии (Верховного главнокомандующего, главнокомандующих фронтами, командующих армиями), а также служившие под их началом начальники штабов и квартирмейстеры. При этом вышедшие в зарубежных издательствах на русском языке мемуары ряда генералов российской армии, стали доступны массовому читателю только после распада Советского Союза либо через открывшиеся ранее недоступные фонды крупных библиотек, либо благодаря переизданиям прежде запрещенных книг. В воспоминаниях военных деятелей представлена развернутая картина принятия стратегических решений и тактических действий по их осуществлению.

Участники войны в генеральских чинах, занимавшие сравнительно невысокие должности – командиров корпусов, дивизий, бригад, начальников штабов воинских подразделений этого уровня, также создали значительный пласт мемуарной литературы. Внимание этих авторов привлекают сражения, в которых они лично участвовали, описания ограничены масштабами действий подчиненных им подразделений и основаны на личных впечатлениях. В воспоминаниях командиров дивизий и бригад зачастую не найти глубокого анализа решений командования в масштабе армии и тем более фронта, но результаты осуществления замыслов высшего командования они ощущали на боевой судьбе своих частей, и это давало основания для оценки и критики вышестоящих начальников.

В своих воспоминаниях в зависимости от степени участия в описываемых событиях генералы концентрируются на нескольких ключевых темах. Это собственно боевые операции: Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская, Лодзинская, Нарочская, наступление Юго-Западного фронта летом 1916 г., попытка июньского наступления 1917 г. Кроме того, в них постоянно присутствуют рассуждения о профессиональных качествах военного руководства – Верховного главнокомандующего, военных министров, главнокомандующих фронтами, командующих армиями и корпусами, даже командиров дивизий, провалах в обеспечении армии вооружением и кадровыми резервами, негативных последствиях принятия Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, отречении императора, разложении армии накануне и после Февральской революции, ее отношении к революции.

Хотя мемуары являются ценнейшими историко-литературными памятниками эпохи, позволяющими из первых рук узнать о личном восприятии событий эпохи, свидетелями и участниками которых были их авторы, глубже и рельефнее понять первопричины принятия тех или иных решений, роли самих авторов в изменении хода событий на глобальном и локальном уровнях, нельзя забывать и о некоторых особенностях такой литературы. От нее не стоит ожидать систематизированного и последовательного рассказа о ходе событий. А. А. Брусилов предупреждал своих читателей: «Я никогда не вел дневника и сохранил лишь кое-какие записки, массу телеграмм и отметки на картах с обозначением положения своих и неприятельских войск в каждой операции, которую совершал. Великие события, участием которых я был, легли неизгладимыми чертами в моей памяти. Я не имею намерения писать связанных между собой подробных исторических воспоминаний о мировой войне, и тем более не в моих намерениях подробно описывать боевые действия тех армий, которыми мне пришлось командовать во время этой войны. Цель моих воспоминаний – более скромная. Она состоит в том, чтобы описать мои личные впечатления и переживания в тех великих событиях, в которых я был или действующим лицом, или свидетелем» [1, с. 55]. Но именно в этом – засвидетельствовать и оценить события с позиций их «действующего лица» – и есть наибольшая ценность мемуаров.

Конечно, надо учитывать, что авторы мемуаров зачастую не до конца откровенны. Но это не единственное их уязвимое место. Они создавались и выходили в свет спустя более или менее продолжительное время после того, как происходили освещаемые события. В связи с этим их уязвимость не только в субъективности свидетельств, но и во вполне возможных пробелах памяти автора. Тот же П. Н. Миллюков, взявшийся за создание мемуаров только на 82-м году жизни, а это был 1940 г., не скрывал наличия этой проблемы: «Я приступаю к писанию при отсутствии всяких материалов, кроме запаса моей памяти. Говорят, что в старости восстает в памяти особенно ярко и точно самое отдаленное прошлое. В своем случае я этого не нахожу. Слишком многое забыто, в том числе, вероятно, и много существенного. Прошлое выплывает из памяти в разорванных обрывках, отдельных эпизодах, врезавшихся в память, и чтобы восстановить из этих обрывков какое-нибудь целое, нужно сразу перейти из годов младенчества к годам, когда возникает сознание о себе как части этого целого. Это сознание начинается довольно поздно, а складывается в общую картину еще позднее – и уже тогда, когда к *Wahrheit* примешивается значительное количество *Dichtung*. Но тогда эта *Dichtung* ретроспективно вмешивается и в попытки описать прошлое, пережитое в состоянии неполного сознания. Отсюда, рядом с неполнотой, и неизбежная недостоверность воспоминаний» [8, т. 1, с. 7].

В таком положении могли оказаться и другие мемуаристы, допускавшие неполноту и недостоверность воспоминаний вследствие ошибок памяти. Можно ли в таких обстоятельствах доверять авторам? Предвидя возможность подобных сомнений, многие из них сами стремились развеять их.

Генерал Я. М. Ларионов, например, предварил свои «Записки» уведомлением: «Фактическая часть “Записок” написана в период 1916–1918 года по имевшимся в моем распоряжении полевым документам и дневнику, а ... события и факты были ещё свежи в памяти» [5, с. I]. Не только личные воспоминания лежат и в основе книги генерала Данилова, который также считал нужным объяснить: «я изучил ряд архивных материалов, имеющихся в Париже; внимательно ознакомился со всей той, правда, скудной литературой, которая вышла по войне на русском фронте, и использовал любезное указание и рассказы некоторых участников былых событий» [2, с. II]. С возможными негативными сторонами мемуарной литературы приходится мириться: преимущество получения эксклюзивной информации из первых рук превосходит недостатки замалчивания автором невыгодных для него сведений, ошибок памяти или субъективной интерпретации описываемых событий и поступков, свидетелем или участником которых довелось быть мемуаристу.

Ценность содержащейся в мемуарах информации часто превосходит возможное в некоторых случаях негативное отношение к автору. В этом отношении характерен пример М. К. Лемке. Этот мемуарист, по гражданской профессии журналист, в 1915–1916 гг. проходил службу в Ставке Верховного главнокомандующего русской армии в качестве военного цензора. О своем пребывании в Ставке он и рассказывает в воспоминаниях [6]. Лемке, по собственным признаниям, как только начал работать в Ставке, записывал все, что удавалось узнать за день из разговоров, – и не только: «материалами для меня служили прежде всего бесчисленные документы, проходившие через или около меня, чаще же (и в очень большом числе) попадавшие мне под без усталости искавшую их руку. Все они тщательно копировались». Узнанное и скопированное Лемке переносил в записи, «которыми иногда были буквально переполнены мои бесчисленные офицерские карманы, расшифровывались дома, на покое, за несколькими запорами входных дверей, и вместе с копиями документов вносились в очередную тетрадь... Заполненные тетради отсылались в Петербург, где и хранились в надежном месте» [6, с. XIV].

Информацию Лемке, естественно, отсылал некоему неназванному лицу. А как этот хранитель полученных от Лемке документов обеспечивал их сохранность? Невольно приходится привести наблюдения генерала А. С. Лукомского: «Многое, что говорилось и делалось в центральных управлениях в Петрограде, и многие распоряжения высших штабов доходили до немцев скорее, чем до наших войск, до которых они относились. Известны случаи, когда на германских позициях выставлялись плакаты, в которых сообщалось о предстоящем передвижении частей, стоявших перед немцами. И действительно, через день – два такое распоряжение получалось. Впоследствии выяснилось, что германцы действительно были хорошо осведомлены не только о том, что делалось у нас на фронте, но и в глубоком тылу. Виноваты, конечно, были в этом прежде всего сами русские. Уж очень любим мы делиться всякими новостями, не соображаясь с их секретным характером» [7, с. 87]. Информационная цена документов Ставки была невероятно высока, от нее зависели судьбы операций. Авторы мемуаров приводят на это счет множество примеров. 4 июня 1915 г. началось наступление Брусилова на Юго-Западном фронте, о котором Родзянко пишет: «офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение» [9, с. 162].

Возвращаясь к мемуарам Лемке, следует признать, что сейчас уже не установить, были ли похищенные документы и полученные сведения использованы только им самим для написания воспоминаний или ими воспользовался кто-нибудь еще: интересующихся могло быть достаточно – документы-то касались управления войсками во время войны. Нет никаких данных, позволяющих подозревать Лемке, но возникают вопросы не только об этичности и законности действий автора, похищавшего военную информацию, надо полагать, во многих случаях секретную и не подлежащую оглашению. За давностью лет выяснение последствий деятельности Лемке ушло на второй план, а скрупулезная, систематическая и без изъятий фиксация событий повседневной внутренней жизни и решений Ставки сделала записи Лемке ценнейшим историческим источником.

Субъективность авторов воспоминаний в полной мере присуща и тем, кто писал вступительные статьи к их изданиям, равно как и рецензентам, размещавшим свои материалы в общественно-политических и научных журналах. Особенно это относится к мемуарам военных и политических деятелей эпохи Первой мировой войны, опубликованным в Советской России и СССР в 1920-х – 1930-х годах. Практически каждому из них предпосланы предисловия с откровенно негативными оценками как личности автора, так и самих мемуаров.

Например, Л. Нежданов представляет советскому читателю министра иностранных дел России А. П. Извольского как одного из «вдохновителей мировой бойни», который «мог бы многое рассказать и о своей роли в подготовке мировой войны, и о других виновниках этой войны, о многом другом». Однако в «Воспоминаниях» «бывший царский дипломат старается скользить по поверх-

ности», «кроме наивностей в воспоминаниях Извольского очень много вздора – сознательного или бессознательного, сказать трудно». И вообще, «читая его воспоминания, просто поражаешься, как может человек, занимавший еще недавно такой ответственный пост, сочинять на глазах всего мира, столько небылиц, и врать – выражаясь вульгарно – без зазрения совести» [4, с. 5, 6, 10, 11].

Как относиться к этим уничижительным оценкам? С одной стороны, мемуары высокопоставленного чиновника низвергнутого режима, какими бы достоинствами они ни обладали, не могли получить не только благосклонного, но и более или менее лояльного, научно объективного отзыва от победившей власти. С другой, – политический режим Советской власти еще не заостенел настолько, чтобы поставить жесткий цензурный запрет на публикацию материалов, принадлежавших идейным врагам. С третьей, – желая взять на вооружение в изобилии содержащийся в мемуарах разоблачительный материал, вынуждены были публиковать тексты, вводя тем самым в широкий оборот огромный пласт свидетельств очевидцев и участников событий. Нежданов завершает свое разгромное «Предисловие» признанием: «воспоминания бывшего министра иностранных дел во многих отношениях представляют большой интерес. О многом мы узнаем из воспоминаний Извольского впервые. Многие, нам уже известное, он дополняет многими интересными подробностями». Тут его оценки совсем другие: «большой интерес» – о договоре в Бьёрке, «чрезвычайно интересен» – рассказ об инциденте в Доггер-банке, «немало интересного» – о совещаниях Милюкова со Столыпиным [4, с. 10, 11]. И это только немногие примеры из разряда «интересных». Так что, кроме «небылиц» в мемуарах, по Нежданову, есть и то, что заслуживает внимания. Подходы и многих других рецензентов зачастую сходны с теми, которые он продемонстрировал.

Мемуары, как никакой другой источник, передают дух эпохи. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко предпослал книге «Крушение империи» вступление, в котором определил и свой творческий метод: «я буду базироваться на многих документах, имеющихся у меня, и на сохранившихся личных записках. Мне придется, однако, иногда приводить и бродившие в русском обществе слухи и рассказы, которые дают прямое отражение настроения умов описываемой эпохи» [9, с. 10]. «Слухи и рассказы», конечно, не могут быть достоверным историческим источником, но Родзянко прав, утверждая, что по ним можно судить об общественном настроении и представлениях широких масс о тех или иных явлениях. Подтверждение этому можно найти и у А. И. Деникина. Рассуждая о переменах в отношении армии к династии, он сделал вывод: «В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ею в отношении фельдмаршала Китченера¹, о поездке которой она, якобы, сообщила немцам, и т.д. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции» [3, вып. 1, с. 17].

Действительно, в мемуарах могут присутствовать дух и настроения эпохи во всем их своеобразии. Но далеко не всегда мемуарист способен передать их так, как ощущал в момент события: время приносит новое отношение к тому, что он видел и в чем участвовал. Сам рассказ о событии становится позднейшей его интерпретацией. И все же запечатленные личной памятью автора факты дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть нюансы, никакими официальными документами не передаваемые. Это свойство мемуаров притягивает к ним внимание читателей, сколько бы времени ни прошло с момента их появления, а также делает их ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны.

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 249 с.
2. Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Слово, 1924. – II, 396 с.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. [В 5-ти т.]. – Париж ; Берлин : Я. Поволоцкий ; Слово, 1921–1926. – Т. 1 : Крушение власти и армии (Февраль – сентябрь 1917 г.). – Вып. 1–2. – Париж, 1921.
4. Извольский, А. П. Воспоминания / А. П. Извольский / пер. с англ. Л. Сперанского ; [пред. Л. Нежданова]. – Пг. ; М. : Петроград, 1924. – 191 с.
5. Ларионов, Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армии на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (Составлено по дневнику и полевым документам) / Я. М. Ларионов. – Харбин, 1936. – VI, XI, IV, 220, 13, III с.
6. Лемке, М. 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.) / М. Лемке. – Пг. : Госиздат, 1920. – XVIII, 859 с.
7. Лукомский, А. С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского : в 2 т. / А. С. Лукомский. – Берлин : Отто Кирхнер и К°, 1922. – Т. 1. – 300, [1] с.
8. Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955. – Т. 1. – 438 с.; Т. 2. – 397 с.
9. Родзянко, М. В. Крушение империи / М. В. Родзянко. – Изд. 2-е. – Л. : Прибой, 1929. – 272 с.

¹ Китченер – военный министр Великобритании. 5 июня 1916 г. отплыл с визитом в Россию на крейсере «Хэмпшир». Корабль погорел на мине, установленной германской подводной лодкой. Погибли почти все, в том числе Китченер.

Космач В.А.
«МИР» АНДРЕ ТАРДЬЁ

В 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, в Москве (перевод с французского сделал и вступительную статью написал известный историк Б.Е. Штейн) вышла книга под кратким названием «Мир» политического деятеля Франции первой половины XX в., одного из творцов большинства статей Версальского договора 1919 г. Андре Тардьё [1]. Она посвящена знаменитой Парижской мирной конференции и Версальскому мирному договору, подведшим финальную черту под Первой мировой войной 1914–1918 гг.

Первую главу своей книги «Мир» А. Тардьё назвал «Агрессия» и посвятил ее анализу предвоенной обстановки в Европе накануне Первой мировой войны, начиная с франко-прусской войны 1871 г. При этом Франция изображается как жертва Германии. Тардьё подчеркивает, что «Германия хотела войны» [1, с. 11] и что «в Германии идея войны неразделима с идеей родины» [1 с. 12]. Он показывает в процентах увеличение военных расходов шести великих европейских держав с 1883 по 1913 г., где у Германии первое место [1, с. 16]. Тардьё подчеркивал, что в 1914 г. все немецкие политические партии, в том числе оппозиция (СДПГ), были готовы в едином порыве поддержать свое правительство в войне, в том числе разгром Франции за три недели [1, с. 21]. Первая глава начинается утверждением А. Тардьё о том, что «история не знает более грубого нарушения международного права, чем нападение Германии на Францию 2 августа 1914 г. Не было и более преднамеренного» [1, с. 1].

2 главу своей книги А. Тардьё назвал «Война и перемирие» и начал словами о том, что «Франция играла в войне особую роль» [1, с. 27]. Это утверждение Тардьё обосновывает многочисленными факторами и цифрами. Высоко оценивает он и роль союзников по Антанте, но есть неточности. Например, названо число потерь в живой силе России в Первой мировой войне – 1700 тыс. солдат и офицеров [1, с. 35, 42]. На самом деле Россия потеряла в той Великой войне как минимум 2500 тыс. погибшими. Но для Тардьё, Франция – превыше всего! Он снова отмечает, что «подвиг Франции на поле брани останется непревзойденным в истории» [1, с. 31], «она была щитом цивилизованного мира и гарантией победы» [1, с. 41]. Много внимания в этой главе А. Тардьё уделяет самой разработке всего механизма условий перемирия с Германией на условиях союзников и «14 пунктов» Вильсона, что приведет побежденную Германию в Компьен.

Главу 3, «Конференция» А. Тардьё посвятил началу работы Версальской конференции, ее повестке и предстоящим решениям, в том числе по «русскому вопросу», а также принципам работы Совета четырех. В самом начале главы он отметил: «Работа, которую предстояло проделать участникам конференции, была огромна и не имела прецедентов, равно как огромна была и сама война, завершением которой должен был явиться мир. Огромна она была прежде всего по своим масштабам: впервые в войне принимали участие целые народы; 70 миллионов мобилизованных, 30 миллионов раненых, 8 миллионов убитых; ничего подобного не знала история: одних убитых было больше, чем солдат во всех наполеоновских армиях. Огромна она была так же и по сложности своих составных элементов; поскольку война велась всей нацией, она втянула в свою орбиту все национальные силы: земледельческие, промышленные, коммерческие, финансовые, и мирный договор должен был учесть интересы всех этих сил» [1, с. 69].

Главным лейтмотивом 4 главы, «Разоружение», стали слова А. Тардьё о том, что «непривычным делом было разрушить военную мощь самой воинственной в мире нации, но это дело было предпринято и выполнено с мужеством, достойным великих солдат нашей родины. Удар был нанесен по голове упразднением генерального штаба армии, военных школ, мобилизационных работ. Удар был нанесен основе военной мощи упразднением конскрипции и сокращением численности войск до 100. тысяч человек при 12-летнем сроке службы. Что касается вооружения и военного снаряжения, запрещены были вся тяжелая артиллерия, танки, авиация, газы, право что-либо из этого хранить и право производить что-либо заново. Германии разрешено было оставить себе 288 полевых орудий, сконструированных на заводах, выбранных союзниками, контролируемых ими же, число которых они могли в любой момент ограничить. Можно ли было идти дальше, не давая оснований к возражению, которое часто пускали в ход наши союзники: «В таком случае придется защищать и гарантировать Германию?» [1, с. 125].

Главу 5 А. Тардьё назвал «Левый берег Рейна». Тардьё пишет: «Самые ожесточенные дебаты» на конференции вызвал вопрос об оккупации левого берега Рейна. Ни один вопрос так ярко и убедительно не выявил различия национальных психологий – этого препятствия, стоящего, на пути ко взаимному пониманию честных правительств и народов, связанных, объединенных победой и пролитой кровью. Для нас, французов, оккупация левого берега Рейна, и предмостных укреплений была не только необходимой гарантией осуществления договора, но и уверенностью в невозможности повторения грабительского нападения, дважды имевшего место на протяжении 50 лет. Для остальных, хотя и связанных душой и телом с грозившими нам вчера и предстоящими. завтра

опасностями, эта оккупация, каковы бы ни были ее формы и длительность, в связи с различным подходом к толкованию исторических событий представлялась неоправданной, бесполезной и рискованной [1, с. 129].

В 6 главе, «Союзы», А. Тардьё подробно анализирует союзнические договоренности и отношения Франции с США, Великобританией и Бельгией. Седьмая глава носит название «Эльзас и Лотарингия» и посвящена весьма болезненной для Франции теме. Тардьё пишет: «В тот день, когда Эльзас и Лотарингия с ликованием встретили наши победоносные войска, весь мир понял, чем были эти две провинции для Франции. Верность их нашей стране относится к далекому прошлому...

С 1871 по 1914 г. разыгрывалась драма двух миллионов человек, отстаивавших свой национальный дух от империи грубого насилия. Как в Эльзас-Лотарингии, так и во Франции и за границей 360 тысяч эльзасцев и лотарингцев заявляли о том, что при праве оптации они отдадут предпочтение Франции. ... Но с безжалостной суровостью на обе провинции обрушилась германизация. Как административными мерами, так и обучением изгонялось все, что напоминало о прошлом» [1, с. 198–199].

В главе 8 «Саар» А. Тардьё заявил, что «проблема Саарского бассейна принадлежит к числу таких проблем, которые были, по крайней мере вначале, хуже всего поняты американскими делегатами на мирной конференции и Америкой вообще. Это – единственная проблема, в связи с которой возникли и десять дней продолжались распри между представителями Франции и Соединенных штатов, в иные часы, перераставшие в подлинный конфликт. Именно она дала повод к самым оскорбительным обвинениям против нас. Тем более не следует оставлять что-либо в тени. Я день за днем опишу происходившие переговоры. Я оглашу документы, еще нигде не опубликованные, в которых Франции нечего скрывать, не о чем жалеть, нечего изменять.

Проблема двойная и потому трудная; с одной стороны, экономическая из-за угольных копей, обладание которыми и юридически и фактически необходимо было нации, систематически разоряемой Германией, но также моральная и историческая, так как население большей части этой территории по своему происхождению, по своим традициям и стремлениям было французским» [1, с. 212].

Глава 9, «Требования долгов союзниками», отражает прения и противоречия между государствами Антанты, и прежде всего, между США, Великобританией и Францией, по вопросу репараций и контрибуций с побежденной Германией. В центре внимания союзников стояло их требование к Германии обеспечить выполнение двух долгов. «Первый долг состоял в том, чтобы обеспечить безопасность, второй – в том, чтобы организовать репарации. Оба эти долга были общими для всех, но для Франции их насущный характер подчеркивался трагическим опытом.

Здесь еще раз французские интересы совпадали с общими интересами и справедливостью. За нарушения, причиненные войной, Германия несет двойную ответственность: прежде всего потому, что она спровоцировала их своей преднамеренной агрессией, затем потому, что она усугубила их своей методической, дикой жестокостью. Война – это зверство. Развязывая ее, Германия знала, что делает, но тем методом, каким она эту войну вела, она еще усилила ее зловещий характер. Война жестока для гражданского населения – вот какой была построена на расчете быстрой победы доктрина германского генерального штаба, часто проповедуемая «ex cathedra» (публично) еще до того, как Лувен и многие другие города познакомились с отвратительным применением ее на практике. Но война жестока также и потому, что она преследует цель возможно лучше использовать наступающее вслед за нею мирное время и при помощи меча добывать себе золото, – вот какой была доктрина германских промышленников, видевших в противнике на полях сражения возможного конкурента завтрашнего дня. Большая часть разрушений производилась систематически и не во время боев, а с целью надолго разорить оккупированные местности и подготовить почву для выгодного сбыта германской продукции в будущем. Такая концепция войны, подчеркивая ответственность побежденного теперь агрессора, вдвойне оправдывала самое полное возмещение понесенных убытков [1, с. 236–237]. К побежденной Германии было проявлено милосердие, так как «союзники, которым война стоила более 1 тысячи миллиардов, по смыслу договора требуют от Германии около 350 миллиардов» [1, с. 269].

Главу 9 логично продолжила глава 10 – «Германские платежи». С одной стороны, она рассматривала материальные, людские и финансовые возможности Германии, с другой – А. Тардьё детально проанализировал гарантии и контроль над взиманием репараций, а также финансовую солидарность и приоритеты союзников в этом деле. А. Тардьё называет людские потери Германии в войне – 1800 тыс. чел. убитыми и 4 млн ранеными [1 с. 273]. Особенно острые противоречия по вопросу германских платежей возникли между Парижем и Лондоном.

Главу 11. А. Тардьё назвал «Германское единство», отметив, что «Бисмарк создал единство Германии, его гений определил масштабы этого единства, но Бисмарк создавал его не один, и нельзя объяснять германское единство только его гением». Еще в 1820–1830 гг. Геррес, а не Бисмарк (он лишь повторит это) заявил, что, если понадобится, то германское единство «надо создавать железом и кровью» [1, с. 310]. А. Тардьё подчеркивает, что «ни правительства, ни парламенты, ни даже

пресса не требовали в течение войны уничтожения германского единства» [1, с. 314], в Версале «все союзники говорят то же самое» [1, с. 315].

Большая 12-я глава («Результаты мирного договора») посвящена у А. Тардьё политическим и экономическим итогам Версаля и критике Версальского мирного договора. В начале главы А. Тардьё пишет: «Когда 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца представители Германии подписали мирный договор, вся Франция невольно вспомнила день 8 января 1871 г.: контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, – полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII веке, когда кусок за куском монархия бестолково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX века, когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссию; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, – мира,» описанного мною в начале этой книги, –мира навязанного, мира тягостного, мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. – уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция искупила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения. Этот закон сводился к двум словам: безопасность и солидарность, причем последняя была условием и гарантией первой. Такова была с января по июнь 1919 г. мирная политика Клемансо. Всякая иная не имела бы завтрашнего дня. Для Франции, восстановленной в ее единстве, тесная дружба с Бельгией, Великобританией и Соединенными штатами в час подписания договора обеспечила такой политике характер постоянства.

В этой же главе А. Тардьё показал основные противоречия между Францией и союзниками в Версале и по пунктам отметил то, чего удалось добиться Парижу по «германскому вопросу» в ходе мирной конференции.

Главу 13-ю, заключительную, А. Тардьё назвал «На завтра после мира», в которой с сожалением отметил многочисленные случаи искажений и ревизий Версальского мирного договора. Он обращается со страстным призывом к руководителям английской политики, заявляя им: «Франция нуждается в Англии, но Англия нуждается во Франции. Она нуждается в ней ради своей безопасности. Если когда-нибудь агрессия восстановившей свою мощь Германии создаст для Франции и Бельгии новую угрозу на Востоке, в этот день одновременно и та тех же основаниях угроза возникнет и для Великобритании. Без Бельгии и без Франции у Великобритании нет на континенте поля сражения, где она могла бы развернуть свои силы и защищать свои берега. Когда дорога на Париж открыта для нападения, в опасности Кале и Дувр» [1, с. 398–399].

Этим строкам нельзя отказать в политической прозорливости.

1. Тардьё, А. Мир / А. Тардьё ; под ред. и вступ. статья Б. Е. Штейна. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 432 с.

Гордиенко А.Б.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН ЭРИКА БРЕДТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерпретация революционных событий Февраля и Октября 1917 г., протекавших на фоне масштабного социально-политического и экономического кризиса, приведшего к Гражданской войне, является дискуссионным вопросом в современной российской историографии. Многие свидетельства революционной эпохи противоречивы и субъективны. В этой связи небезынтересно проанализировать менее ангажированные группы исторических источников: официальные документы, воспоминания современников, не связанных ни с одной из политических сил, участвовавших в событиях Революции и Гражданской войны в России.

Важным источником в изучении этих событий на территории Ставропольской губернии являются произведения немецкого пленного Первой мировой войны Эрика Бредта, пребывавшего в России в 1915–1919 гг.

Эрик Бредт родился в Лейпциге в 1890 г., окончил школу и театральное училище, работал в театре. В 1914 г. его призвали в армию. В феврале 1915 г. Эрик попал в плен русской армии и оказался сначала в лагере для военнопленных в Поволжье, а позже – в Ставропольской губернии. Он жил в селе Среднегорлыкском, трудился в нескольких крестьянских семьях, затем скитался по Ставрополю и Кубани.

Лишь зимой 1919 г. Э. Бредт вернулся в Лейпциг. Воспоминания о России он изложил в романе «Пахарь поневоле», две части которого были опубликованы в 1926–1927 гг. [9]. В 1932 г. Бредт переехал в Гамбург, писал сценарии и пьесы, озвучивал аудиоспектакли, играл в телефильмах [6, с. 3–4]. Он часто

возвращался к воспоминаниям молодости, рассказывая родным о пережитых на Ставрополье испытаниях. Начал работу над рукописью романа «Настя. История моей жизни, любви и невзгод в Лежанке». В отличие от «Пахаря поневоле», новый опус получился более автобиографичным. Повествование здесь идет от первого лица, что сближает роман Бредта с мемуарной литературой.

В 1965 г. Эрик Бредт скончался. Рукопись его романа хранилась у родственников [6, с. 5]. В 2013 г. рукопись Бредта «Настя. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье», стараниями его дочери, была опубликована на русском языке [3, с. 422]. В 2015 г. увидело свет дополненное издание [1]. Автор данной статьи в своем анализе опирается на публикацию 2015 г.

Эрик Бредт оказался в плену в ходе крупного сражения Первой мировой войны: 2-й Августовской операции [7, с. 20]. Бредта отправили в лагерь для военнопленных, расположенный в городе Мамадыш Казанской губернии [1, с. 10–11]. Оттуда его послали на сельскохозяйственные работы в Ставропольскую губернию.

Аграрный регион в ходе войны столкнулся с нехваткой рабочих рук. В мае 1915 г. на Ставрополье прибыли первые группы военнопленных. Их привлекали к строительству Армавир-Туапсинской железной дороги, задействовали в аграрной сфере [4, с. 134]. В одной из таких групп впоследствии оказался Э. Бредт. Его отправили в с. Среднегорлыкское Медвеженского уезда Ставропольской губернии, в народе называемое Лежанкой.

После работы в нескольких крестьянских семьях, зимой 1916–1917 гг., Бредта передали новому хозяину. «Теперь я буду служить у богатого земле- и скотовладельца Кондратия Артемовича Дорохова», – пишет автор [1, с. 65].

И хотя оба сына Кондратия Артемовича воевали на фронте, отношение Дороховых к пленным немцам нельзя назвать враждебным. Бредт трудился бок о бок с домочадцами, ему разрешали общаться с другими военнопленными. В атмосфере относительной свободы и интереса, а также близких контактов Бредта с представителями семьи Дороховых, зарождаются чувства автора к одной из невесток хозяина дома – Насте. Эти чувства формируют основную линию повествования романа [2, с. 17]. Не удивительно, что в 1-й части произведения сделан акцент на личных взаимоотношениях Бредта с Настей и ее родственниками.

Утверждение органов власти Временного правительства на Ставрополье в ходе Февральской революции 1917 г. произошло мирным путем, оно не сопровождалось серьезным социально-политическим противостоянием [8, с. 85]. Следствием революционных событий Февраля 1917 г. Бредт называет возрождение у пленных надежды на скорое освобождение: «Всех разбудила и протрезвила Петербургская революция. Нас сразу же охватила... лихорадка возвращения домой» [1, с. 84]. Уже летом 1917 г. Ставропольская губерния столкнулась с массовым отказом военнопленных от выполнения работ, участились случаи их побегов [5, с. 131].

Октябрьское вооруженное восстание, приведшее к утверждению власти Советов, завершило развал Кавказского фронта. Южные губернии наводнили покинувшие фронт военные части. В ноябре 1917 г. на территорию Ставрополья прибывают военнослужащие 39-й пехотной дивизии. В Лежанке и соседних селах разместились солдаты и офицеры 154-го Дербентского пехотного полка и 39-й артиллерийской бригады.

Бредт ничего не упоминает о событиях Октября, но повышение социальной напряженности в обществе он заметил: «Говорили, что офицерам в ближайшее время дадут понять, что они должны снять аксельбанты и знаки отличия... Офицеры виноваты в войне и царь, ... а также богатые кулаки», – пишет автор [1, с. 117]. Лежанку захлестнула митинговая активность. Бредт подчеркивает, что ядром этих собраний являлись фронтовики, а симпатизировали они большевикам [1, с. 118–119].

Между тем, на Юге России нарастала социальная конфронтация. Она привела к упразднению структур Временного правительства в Ставропольской губернии и утверждению новой власти. На Общегубернском народном собрании в Ставрополе 1 (14) января 1918 г. была провозглашена Ставропольская советская республика, избран Совет народных комиссаров.

В соседней со Ставропольем Донской области начинает формироваться белое движение. Дон стал прибежищем для офицеров царской армии, представителей интеллигенции, духовенства и казачества, политических деятелей, не согласных с революционными преобразованиями и их социальными последствиями. Именно они составили костяк Добровольческой армии, части которой в конце января 1918 г. заняли Ростов-на-Дону. Однако к началу весны добровольцы вынуждены были отступить из города, теснимые красноармейскими подразделениями Р.Ф. Сиверса, Ю.В. Саблина, Г.К. Петрова и А.И. Автономова.

Командование Добровольческой армии в лице Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, М.В. Алексева приняло решение о походе на Кубань с целью взятия Екатеринодара. Этот поход получил название «Первого Кубанского» или «Ледового». В ходе него, части Добровольческой армии оказались на территории

Ставропольской губернии. 21 февраля (6 марта) 1918 г. белые приблизились к селу Лежанка, обороняемому местными крестьянами и солдатами, сочувствующими большевикам [3, с. 426, 429].

После ожесточенного боя село было взято частями Добровольческой армии. Разозленные упорным сопротивлением, добровольцы совершили ряд массовых казней защитников Лежанки и мирных жителей [3, с. 436–438]. Пробыв в селе два дня и пополнив продовольственные запасы, белые двинулись в Кубанскую область.

Бой за Лежанку сказался на судьбе находившихся в селе военнопленных. Некоторые из них были убиты белогвардейцами [1, с. 158–159], другие, как Бредт, угнаны с обозом добровольцев [1, с. 178, 185]. И хотя Эрик, оказавшись на территории Кубанской области, убегает от белых и возвращается в Лежанку [1, с. 200, 221], водоворот событий Гражданской войны уносит его от Насти.

Вторая часть романа посвящена странствиям Бредта по Ставрополю. Он оказывается сначала в селе Медвежье [1, с. 228], затем в центре губернии – Ставрополе-на-Кавказе [1, с. 245–246]. Здесь Бредт стал свидетелем упорных боев за город летом-осенью 1918 г. между красными и белыми [1, с. 361, с. 399–400], репрессивной политики представителей обеих лагерей по отношению друг к другу и мирному населению [1, с. 311–312, 322–333]; попал в тюрьму, освободился из нее [1, с. 285, 314], а затем реализовал свою мечту вернуться на Родину. Но перед тем, как попасть в Германию, он вернулся в Лежанку, чтобы попрощаться с Настей [1, с. 413–418].

Роман Эрика Бредта – ценный исторический источник, позволяющий оценить трансформацию социальных отношений на Юге России в 1917–1918 гг. Он фиксирует состояние сельского и городского общества Ставрополя в период нарастания конфронтации, революционных преобразований. Автор не становится ни на одну из сторон в конфликте, выступая в качестве стороннего наблюдателя. Тренированная память и наблюдательность актера позволяют Бредту быть удивительно точным в деталях. Перед глазами читателей проходит галерея исторических персонажей. Бредт описывает вождей белого движения – Л.Г. Корнилова и М.В. Алексева [1, с. 191–192], матросов из отряда Д. Якшина [1, с. 237], ветерана Кавказской войны генерал-майора П.А. Мачканина [1, с. 278], казненного красноармейцами, упоминает основателя Ставропольского музея наглядных пособий Г.К. Пправе [1, с. 255]. При этом, статус военнопленного и языковой барьер не позволили автору до конца разобраться в реалиях социально-политической жизни революционной России.

1. Бредт, Э. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье. Воспоминания немецкого актера-военнопленного. 1916–1918 гг. / Э. Бредт. – М., 2015. – 448 с.
2. Булыгина, Т. А. Историческая память и источники личного происхождения: воспоминания немецкого актера о российском плене Первой мировой войны / Т. А. Булыгина // История и историческая память. – 2014. – № 10. – С. 9–18.
3. Ватулин, Н. Ф. Революционные события. Бой за село (глава из книги «Человек и малая родина») / Н. Ф. Ватулин // Бредт Э. Указ. соч. – С. 420–443.
4. Крючков, И. В. Военнопленные стран Тройственного союза в Ставропольской губернии / И. В. Крючков // Новая локальная история. – Ставрополь ; М., 2006. – С. 130–141.
5. Крючков, И. В. Военнопленные стран Четверного союза на территории Ставропольской губернии в условиях политического катаклизма (февраль–ноябрь 1917 г.) / И. В. Крючков // Исторический вестник. – М., 2018. – Т. 23. – С. 122–139.
6. Моос-Бредт, Э. К. Предисловие / Э. К. Моос-Бредт // Бредт Э. Указ. соч.
7. Парфенов, О. В. Лежанке помнят Гришу и Настю / О. В. Парфенов // Открытая газета от 24 июня – 1 июля 2015. – № 24 (667). – С. 20–21.
8. Филатова, Ж. В. Трансформация системы органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области в марте-апреле 1917 г.: динамика и особенности преобразовательных процессов / Ж. В. Филатова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – № 15. – С. 78–86.
9. Brädt, E. Der Pflüger im Leid : Roman. – Leipzig und Hartenstein, 1926 ; Brädt, E. Der Pflüger im Leid : Roman. – Leipzig und Hartenstein, 1927.

РАЗДЕЛ 5 ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Мясоедова С.Н. ДОКУМЕНТЫ ОТДЕЛА ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГЛЮКОЗНО-ПАТОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В Г. ВИТЕБСКЕ В 1918–1921 ГГ.

В ноябре 1918 г. для осуществления мероприятий по национализации предприятий химической промышленности, их объединения, обследования и контроля деятельности в структуре Витебского губернского Совета народного хозяйства был организован отдел химической промышленности. В ведении отдела в период 1918–1921 гг. (был ликвидирован 13 сентября 1921 г.) находились мыловаренные, скипидарно-смолокуренные, пивоваренные, писчебумажные, салотопенные, стекольные, кирпичные, известковые и др. предприятия. В Государственном архиве Витебской области документы Отдела выделены в отдельный фонд № 2359 (всего 74 дела за 1918 – 1921 гг.).

Одним из направлений деятельности Отдела было восстановление довольно редкого в Витебской губернии глюкозно-паточного производства.

До 1918 г. все глюкозно-паточное производство губернии было сосредоточено исключительно в г. Витебске в частных руках и представлено четырьмя предприятиями [1, л. 37 – 37об.].

Производство Айзика Эльевича Кагана было старейшим из четырех, открылось в 1863 г. (1865 г.). Завод размещался в каменном здании по адресу: ул. Шоссейная д. 45 и в нормальных условиях мог производить 3 – 4 тыс. пудов глюкозы и патоки в год. На август 1918 г. чистая прибыль предприятия составляла 10 – 15 рублей с 1 пуда, работали 3 человека, каждый зарабатывал 35 рублей в день. Сырье (крахмал) предприниматель закупал в Тульской, Воронежской и др. губерниях [1, л. 1 – 2об., 42].

Производство братьев Лифшицев было самым большим в Витебске, называлось паточно-глюкозным заводом и входило в товарищество «Бр[атъя] Лифшиц» наряду с олифным заводом, сахарно-кулерной фабрикой, производством фруктово-кофейных напитков и муки картофельной. На фирменном бланке товарищества значилось, что оно имело медаль Комитета бессарабских сельскохозяйственных выставок «За трудолюбие и искусство». Глюкозно-паточный завод открылся в 1880 г., на 1918 г. занимал каменную двухэтажную постройку 4 × 4 саж.² и каменный сарай 4 × 3 саж.² в г. Витебске по адресу: ул. Малая Покровская, д. 6. В нормальных условиях завод мог производить 25 – 30 тыс. пудов патоки, глюкозы и постного сахара в год. На август 1918 г. чистая прибыль предприятия составляла 15 – 20 рублей с 1 пуда, работали 4 человека (в том числе 2 брата Лифшица, Бениамин и Мовша Иоселевичи), каждый зарабатывал 35 рублей в день. Сырье (картофельный крахмал) получали из Орловской, Курской, Воронежской, Пензенской и др. губерний. Требовались также серная кислота, мел, жженая кость, нашатырь в кусках [1, л. 3 – 4об., 10].

Паточно-глюкозный завод Свердлина и Мнухина размещался по адресу: ул. Большая Покровская, д. 13, и в нормальных условиях мог производить 15 тыс. пудов постного сахара, конфет и патоки в год. На август 1918 г. себестоимость пуда составляла 415 – 416 рублей, работали 4 человека. Рабочие зарабатывали по 35 рублей в день, заведующий варкой и заведующий конфектным отделением – по 100 рублей в день. Сырье закупали в Витебске [1, л. 5 – 6об.].

Завод И. А. Гальбрайха (каменный и деревянный амбар) размещался по адресу: ул. Генеральная, д. 31. В нормальных условиях мог производить 10 тыс. пудов патоки и глюкозы в год. На август 1918 г. чистая прибыль предприятия составляла 20 рублей с 1 пуда, работали 2 человека, каждый зарабатывал 35 рублей в день. Сырье закупали в Курске и Воронеже [1, л. 7 – 8об.].

Все заводы были оборудованы котлами, чанами, баками, фильтрами, прессами и др. Основной процесс производства заключался в нагревании в котлах на огне субстанции, полученной в результате гидролиза крахмала соляной кислотой и получении из нее патоки. Т. е. по оборудованию и способу производства предприятия не подлежали национализации, поскольку были кустарными, в послереволюционные годы оставались в частных руках [1, л. 1 – 8об., 37 – 37об., 40].

Процесс производства патоки занимал 3 дня: крахмал поступал в мешальный чан, добавлялась вода и соляная кислота, «крахмальное молоко» поступало в заварной чан, заваривалось, соединялось с мелом и костью, затем поступало в варочный котел, оттуда через фильтры на нижний этаж, варилось вновь, патока поступала на фильтры и в холодильную коробку, на третий день застывшая патока разливалась в посуду и взвешивалась, в этот же день начинался новый процесс [2].

Патока и глюкоза пользовались большим спросом не только у местного населения, но и в соседних губерниях вследствие недостатка сахара и меда, продававшихся, к тому же, «по недоступным для большинства населения рыночным ценам» [1, л. 40].

С конца августа 1918 г. предприятия практически остановились из-за отсутствия картофельного крахмала, в течение некоторого времени производили глюкозу из остатков. Как правило, новый сезон начинался в конце сентября после сбора картофеля нового урожая. В 1918–1919 гг. ситуация изменилась.

17 октября 1918 г. для организации и развития, в том числе, крахмально-паточного производства был организован Главный Комитет крахмально-паточной промышленности (Главкрахмал) при Секции сахаристых веществ Бюро по делам крахмально-паточной продукции ВСНХ, положение о нем опубликовано 7 – 8 декабря 1918 г. в «Известиях ЦИК» [1, л. 30–34]. 14 января 1919 г. представитель Главкрахмала закрыл витебские заводы, так как работа в сезоне была разрешена лишь на крупных, хорошо оборудованных предприятиях, которые находились в «местах заготовок сыркрахмала». «В Витебской губ. крахмальных заводов нет, кроме одного маленького завода Сенненского уезда (недавно присоединенного из Могилевской губ.). Наша малопродуктивная губ. не дает надежды, даже при хорошем урожае, на пользование картофеля в производственных целях. Вся надежда наша возлагается на Центр, который бы содействовал снабжению этого производства из более богатых местностей», – обращался отдел химической промышленности Витебского губсовнархоза в Главкрахмал 25 августа 1919 г. [1, л. 37 – 37об.]. Братья М. и Б. Лифшицы, А. Каган обращались в Главкрахмал с просьбой разрешить открытие заводов, и Комитет предоставил решить этот вопрос Витебскому губсовнархозу в положительном смысле, причем относительно и других крахмально-паточных предприятий «в целях увеличения наличности крахмалопродуктов».

Одновременно отдел направил владельца одного из витебских глюкозно-паточных заводов М. Лифшица в Москву и Петроград для «приобретения материалов, крайне необходимых паточному заводу бр. Лифшиц[ев]», а именно около 25 – 30 вагонов сырого крахмала, 2 вагонов серной кислоты, 3 вагонов мела и 300 пудов жженой кости.

В это время на территории РСФСР в целом и в г. Витебске в частности ощущалась сильная нужда не только в патоке, но и в чае. Чай на местном рынке совершенно отсутствовал, но был крайне необходим: во время эпидемий необходимо было приучить людей пить не сырую, а кипяченую воду [1, л. 46]. И братья Лифшицы летом 1919 г. предложили Главкрахмалу и Витебскому губсовнархозу начать выпуск нового продукта, суррогата чая на основе патоки под названием «Чин-чен-пу» (жидкий ароматный чай, искусственный чай, кулер, сахарный колер), ингредиентами для которого были крахмал картофельный, серная кислота, фруктовые эссенции, мел молотый [1, л. 40, 62].

Вполне вероятно, что изобретателями «Чин-чен-пу» были именно братья Лифшицы, в том числе третий из них, харьковский предприниматель Ю. Лифшиц. Известно, что в июне 1919 г. на паточном заводе в г. Харькове продукт уже производился [1, л. 40].

5 ноября 1919 г. представитель завода братьев Лифшицев Ш. Берман направился в г. Ефремов Тульской губернии для закупки до 1000 пудов картофельной гущи для производства из нее в Витебске жидкого чая. Гуща была закуплена, не позднее 8 декабря 1919 г. кустарный завод по производству жидкого чая зарегистрирован в отделе химической промышленности Витебского губсовнархоза. 16 – 17 декабря 1919 г. Отдел запросил аптечную комиссию Витебского губздравотдела и завод по производству искусственных эссенций братьев Бремме отпустить для кустарного производства Лифшицев малиновую или вишневою эссенции, которые, вероятно, использовались как ароматизаторы. В декабре были закуплены 150 000 пробок в правлении пробочного производства, 150 000 стеклянных флакончиков на заводе «Новка» [1, л. 51, 55, 56, 64, 65, 66, 67].

К этому времени на пробную партию «Чин-чен-пу» уже нашелся покупатель. Еще в конце августа – начале сентября 1919 г. комитет рабочих и служащих химико-фармацевтической фабрики акционерного общества «Сопитат» (Петроград) направил своего представителя Иосифа Лазаревича Йохельсона в Витебск для закупки и отправки багажом 100 пудов «Чин-чен-пу» для исполнения заказов на «Сахарочай». 23 декабря было выдано разрешение на отгрузку 90 пудов готового продукта в г. Петроград багажом в бочках [1, л. 49, 58]. В декабре 1919 г. в Витебск приехал и представитель ефремовского союза кооперативов Яков Самойлович Табаков для закупки «Чин-чен-пу» в жестянках с упаковкой в ящики и отправкой багажом в г. Ефремов [1, л. 60].

Сотрудники предприятия были освобождены от работы по трудовой повинности [1, л. 79].

В качестве рекламы продукта отмечалось, что производимый заводом фруктовый чай в жидком виде за полным отсутствием натурального составлял предмет первой необходимости и способствовал уменьшению употребления сырой воды [1, л. 59, 60], был необходим для населения.

Следует отметить, что «Чин-чен-пу» не получил широкого распространения в РСФСР, вполне вероятно, производство продукта прекратилось в начале 1920-х гг.; глюкозно-паточные предприятия продолжали работать в г. Витебске, но производили патоку и глюкозу [2].

Таким образом, на основании всего одного дела из фонда Отдела химической промышленности Витебского губернского Совета народного хозяйства можно составить краткую историческую справку о деятельности целой отрасли, что подтверждает тот факт, что документы являются довольно информативными и представляют собой ценный источник по истории промышленных предприятий Витебской губернии в первые послереволюционные годы.

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 2359. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАВт. – Ф. 123. Оп. 3. Д. 1451. Л. 4, 89, 105об.

Слущкая Л.В. **БЕЛОРУСЫ ЛИТВЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ФРАНЦИИ (1918–1923 ГГ.)**

Белорусы и литовцы долгое время жили бок о бок в рамках различных государственных образований: Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, что не могло не отразиться на национально-культурной специфике пограничных территорий Литвы. Белорусско-литовское пограничье формировалось под влиянием исторических, геополитических, этнических, религиозных, культурных и языковых факторов.

Культурная, демографическая и конфессиональная гетерогенность белорусско-литовского пограничья, расположение данного региона на стыке ментального влияния как Запада, так и России и Польши, породили «дрейф этничности», при котором человек пограничья может одновременно отождествлять себя с разными этническими группами. Такой феномен можно увидеть у белорусов Литвы после распада Российской империи и провозглашения независимости государствами Балтийского региона.

В данной работе на основе анализа документов Дипломатического и Военного архивов Французской Республики рассматривается участие белорусских представителей в литовской политике с 1918 г. до 1923 г. За исходный рубеж принято провозглашение независимости Литвы 16 февраля 1918 г., конечная дата связана с изменением политики литовского правительства в отношении национальных меньшинств.

В Дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Франции в рамках документов по Европе межвоенного периода – «*Europe 1918–1929*» (*Europe 1918–1929*) есть отдельный фонд «*Litwa*» (*Lithuanie*). Данный фонд включает не только материалы, раскрывающие основные направления внутренней и внешней политики Литвы, но и документы, в которых представлена деятельность членов Министерства по белорусским делам при Литовском правительстве, а также документы, непосредственно связанные с современными белорусскими территориями.

Основной массив документов, в той или иной степени затрагивающих деятельность белорусов в Литве в рассматриваемый период, представлен практически в каждом деле фонда. Однако больше всего документов, затрагивающих участие белорусов в политической и культурной жизни Литвы, находится в делах, охватывающих период 1919–1921 гг.

Следует отметить, что термин «Беларусь» по-разному употребляется в архивных документах: *Les Blanc-Ruthènes*, *La Blanche Ruthenie* либо *La Russie-Blanche*, что в дословном переводе означает «Белая Русь», «Белая Россия». В данной статье употребляется современное сокращенное официальное название страны – Беларусь.

Значимость белорусских представителей на начальном этапе утверждения литовской государственности определяется рядом действий правительства Литвы. Уже в декабре 1918 г. был назначен министр по белорусским делам (без портфеля), в начале 1919 г. белорусские представители вошли в состав Тарибы, а также в состав литовской делегации на Версальской конференции. Доклад литовских представителей на конференции («Ситуация в Литве») подчеркивает важность белорусских территорий и населения для политического руководства Литвы: «Нестабильность границ, определенные выступления белорусского Комитета в пользу союза с этнографической Литвой, амбиции некоторых литовских политиков и сам состав последней Тарибы делают Беларусь (правительство Витебска, Могилева, Минска, юго-западные области Виленской губернии и северо-запад Гродненской губернии) важным элементом всех литовских проблем» [1, р. 120].

В Париж были направлены Министр по делам Беларуси Язеп Воронко и секретарь Доминик Семашко, которые работали на конференции «в полном равенстве прав с Литовской делегацией» [2, р. 176]. В ходе Версальской конференции Семашко последовательно отстаивал идею возрождения ВКЛ и выступал против объединения Беларуси с Польшей: «Белорусы, проживающие в Литве с незапамятных времен, считают своим долгом объединиться с литовцами для возрождения общего литовского государства и защищать его независимость извне» [2, р. 175]. Литва, в свою очередь, «должна защищать права белорусского населения и противодействовать объединению белорусских

территорий Гродненской губернии (район Сокола, Бельска и Белостока) с Польшей» [2, р. 175], поскольку отмечал Семашко, как «показывает опыт» польские войска на территории Гродненской губернии «грубо обращались с белорусским мирным сельским населением» [3, р. 67]. Согласно другим утверждениям Семашко, Гродненская губерния экономически и культурно всегда была единым целым с Литвой, понимаемой как исторически литовские территории, и потому должна войти в ее состав. В августе 1919 г. Семашко обратился к Председателю Литовской делегации на мирной конференции с просьбой довести до сведения глав государств Антанты информацию о «преследованиях со стороны польских властей, которым с некоторого времени подвергается белорусское население Гродно, Вильнюса, Белостока, Волковыска и других территорий, оккупированных польскими войсками» [4, р. 69]. Семашко также направил протест против произвола поляков по отношению к белорусскому населению на оккупированных ими территориях полковнику Ребулю: «заклучение в тюрьму политических лидеров белорусов, их священников, подавление белорусских газет, вывесок, написанных на русском и т.д.», заметив, что «если поляки немедленно не изменят свое поведение, досадные инциденты, могут быть выгодны русским большевикам», – констатировал он [4, р. 70]. Отчет главы Французской военной миссии в Литве, полковника Ребуля, подтверждает сведения Семашко о враждебной политике, проводимой польскими военными по отношению к белорусскому населению. «Белорусы требуют, чтобы поляки отпустили на свободу белорусских офицеров, и чтобы оружие полка, конфискованное поляками, было передано литовскому правительству», а «комиссия Антанты должна провести расследование действий поляков в Гродно», – отмечал Ребуль [5, р. 118–119]. После завершения Парижской конференции белорусские территории оказались «яблоком раздора» более сильных держав, которые используя историческое прошлое, обосновывали свои притязания на Беларусь. Впрочем, отсутствие единства «по вопросу политического статуса их этнических территорий...» в рядах белорусских национальных сил способствовало стремлению найти поддержку своих националистических проектов у соседних государств – России, Польши, Литвы.

Глава французской военной миссии в Литве, полковник Ребуль в ежедневном отчете выделял две тенденции, распространенные среди белорусов: «первая представлена Воронко, министром по белорусским делам в Литовском правительстве и состоит в том, что белорусские депутаты из Гродно и Вильно должны составить единый блок с литовцами... Вторая хочет, чтобы Гродненский и Виленский уезды считались белорусскими..., а белорусское правительство должно вести дела с литовским на равных и подписывать с ним соглашения уже сейчас» [6, р. 15]. Относительно второй тенденции Ребуль подчеркивал, что «среди сторонников этого последнего тезиса многие бесспорно добросовестны, но некоторые безусловно, являются агентами Германии, пытающимися еще больше осложнить и без того достаточно запутанную ситуацию» [6, р. 15].

В аналитической заметке 1920 г. о Литве и Беларуси (литовские и польские требования), сохранившейся в фондах архива МИД Франции, раскрыты литовские территориальные притязания: «под исторической Литвой мы обычно подразумеваем территории бывшей Российской империи, называемые Ковенской губернией (ранее Жемайтия), Гродно, Вильно и Минск, а также более восточную часть Могилевской губернии и Витебска, который в действительности представляют собой правительство Минска, что называется Беларусью» [7, р. 29]. К сожалению, установить авторство этой записки невозможно, поскольку она представлена без подписи и адресата. В этом же документе утверждалось, что «выбирая между жестокой анархией большевиков и режимом порядка, к которому относится последовательная польская оккупация, ...белорусские крестьяне, умело работающие на польских собственниках, в абсолютном большинстве выскажутся за присоединение Беларуси к Польше» [7, р. 31 об.]. Данные документы подчеркивают, как сложно или даже невозможно провести черту между проживающими по соседству народами, основываясь на их этнической или культурной отличительности. Граница между идентичностями и культурами соседствующих этнических групп, как правило, не бывает четкой, она размыта. Французский аббат Ш. Кёне, посетивший Литву на рубеже 1920–1921 гг. по приглашению лидеров литовской Христианско-демократической партии так описывал белорусское население Вильно: «Белорусская группа, которая могла бы быть самой сильной, была полонизирована и в данный момент не осознает свою белорусскую национальность; более того, она начинает действовать под влиянием белорусского духовенства, пробуждаясь к национальной жизни; многие белорусские священники уже попросили у епископа Вильно разрешения проповедовать на белорусском языке; литовский епископ, сохранявший нейтралитет, до сих пор отказывает им в этом разрешении. Белорусский элемент еще аморфен...» [8, с. 416].

В апреле 1920 г. в Литве прошли выборы в Учредительный Сейм, в результате которых ни один белорус не был представлен в Сейме, что подчеркивает эволюцию литовской политики в сторону национальной государственности.

После признания *de facto* и *de jure* Литовской Республики в 1922 г. европейскими государствами представители национальных меньшинств утратили свою роль активного участника политиче-

ских процессов в жизни Литвы. Это отразилось и на деятельности белорусов при литовском правительстве: в конце 1923 г. из государственного бюджета была вычеркнута статья расходов на министра по белорусским делам.

Политические лидеры того времени (литовские, польские, большевики, белогвардейцы) стремились склонить представителей национальных меньшинств спорных территорий на свою сторону. Во французских архивных документах просматривается стремление нивелировать значимость белорусского вопроса, который к 1923 г. ушел с повестки дня как внутренней, так и внешней политики Литвы. Можно согласиться с мнением литовского историка Э. Гимжаускаса о том, что «литовцы обычно старались использовать белорусов только как дипломатическо-политический инструмент для реализации своих этнографических проектов...» [9, с. 202].

Таким образом, белорусы всегда играли значимую роль в политической и культурной жизни Литвы. Эта роль отчетливо прослеживается в условиях утверждения литовской государственности после Первой мировой войны. Документы Дипломатического и Военного архивов Франции наглядно подтверждают значимость белорусского элемента в политической жизни Литвы после провозглашения независимости в 1918 г. до упразднения министерства по белорусским делам в 1923 г., немногочисленные члены которого были сторонниками союза белорусов с Литвой.

1. Archives du Ministère français des Affaires étrangères (AMAE). – Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 2 Situation en Lituanie. 13 mars 1919.
2. AMAE. – Lituanie. Vol. 57. Memoire relatif aux Blancs-Russiens de l'Etat de Lituanie.
3. AMAE. – Lituanie. Vol. 2. A Monsieur le Ministre des Affaires étrangères de Lituanie.
4. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. A Monsieur le Président de la Délégation de Lituanie à la Conférence de la Paix
5. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. 23-ème rapport hebdomadaire. Note sur la Blanche Ruthénie. 22.08.1919; Annexe XI.
6. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. 20-ème rapport hebdomadaire. Note sur la Blanche Ruthénie. 07.08.1919.
7. AMAE. – Lituanie. Vol. 6. Note sur la Lituanie et la Russie Blanche (Revendications lituaniennes et polonaises).
8. Слуцкая, Л. В. «Христианская дипломатия» Шарля Кене: в поисках франко-литовского сближения. Заметки Шарля Кёне о поездке в Литву 27 декабря 1920 – 14 января 1921 / Л. В. Слуцкая // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. – 2020 – № 5. – С. 397–418.
9. Гімжаўскас, Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Э. Гімжаўскас. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 216 с.

Котович Т.В.

ВИТЕБСКИЙ ТРАКТАТ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА «БОГ НЕ СКИНУТ»

Материал о витебском трактате Казимира Малевича «Бог не скинут» основан на архивных источниках, письмах, личных воспоминаниях современников, афишах и самом тексте философского трактата.

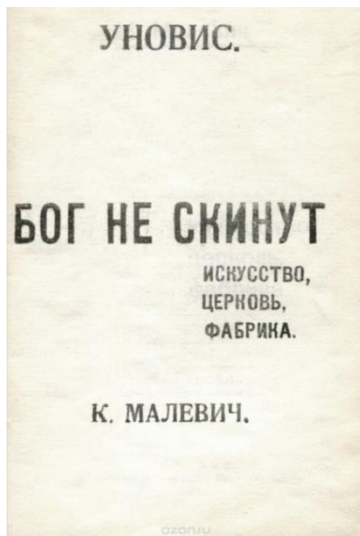
Бэкграунд/«сценография» создания философского проекта были достаточно драматичными. Гражданская война и страшный бандитизм (с 1918 года в Витебской губернии в целом и отдельных населенных пунктах ввиду бандитизма неоднократно вводилось военное положение. Это влекло за собой ограничение передвижения, введение запретов отдельным лицам на пребывание в определённой местности. За малейшие подозрения в участии в бандитских налётах объявлялся расстрел на месте [1]) – продолжались в Витебске на протяжении всего долгого периода. Но это становилось, пожалуй, всего только вынужденным оформлением происходящего и внутри школы Малевича, и внутри персонального мира Малевича:

«Комната, в которой я живу, имеет <такой> вид, что получаешь впечатление сидения в Москве; в ней нет ничего, что бы могло напомнить глухую провинцию, но когда выйдешь на улицу, все заговорит о том, что далеко находишься от оси вращения и что всё, видимое здесь, только чутко заострило рупор ушей и ровняет тело свое по голосу еле доносящегося центра. Видишь, как всё напрягается и бежит, как ручей в обширное море, чтобы исчезнуть со всей своей индивидуальностью и умом, расплыть крупички ума в котле разума город» (Из письма К. Малевича к М.О. Гершензону от 14 ноября 1919 года из Витебска в Москву) [2].

«Сейчас же я написал самую большую записку «Супрематизм как беспредметность», в которой выделяю в первенство непрактичность и обрушиваюсь целиком на всю предметную культуру <...> Это издание завершило бы двадцать пять лет моей живописной работы и размышлений над ней» (из письма к М.О. Гершензону от 11 февраля 1922 года из Витебска) [3].

Характеризуя этот труд, Иван Ключ, товарищ и сподвижник К. Малевича, художник-авангардист и теоретик искусства позже вспоминал: «В Витебске еще Малевич издал небольшую книжонку «Бог не скинут», в которой он, исходя из того, что новейший микроскоп, увеличивающий в десятки тысяч раз, разложил «атом» и выявил «микрон», который продержится до следующего усовершенствования микроскопа (и так без конца, до полной беспредметности мира) – он утверждает, что еще неизвестно, есть Бог или его нет, во всяком случае бог еще не сброшен. Книж-

ка эта распространения не получила. Другие его писания «О супрематизме», «Мир как беспредметность» вообще не увидели света, а жаль, очень интересные и своеобразные по мысли и языку произведения. Но Малевич не унывал и продолжал писать, и это продолжалось несколько лет. В литературе его все-таки проглядывала какая-то особенная мистика» [4].

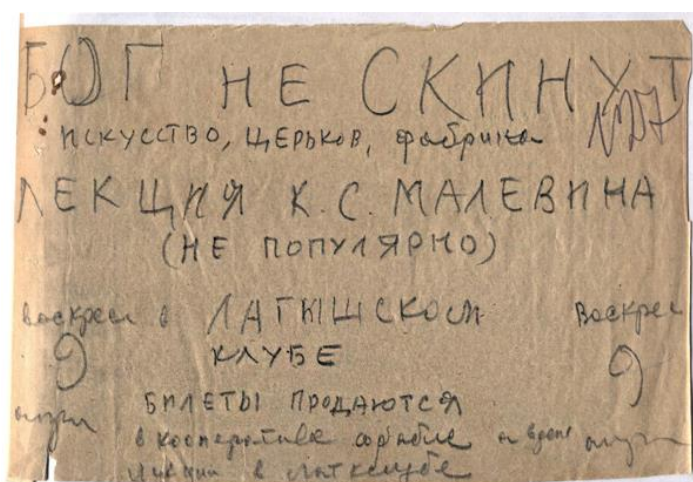
В письме от 18 марта 1920 года Малевич объяснял свою основную философскую идею через идею объемной формы квадрата – куба: «О супрематизме тоже многое кое-чего прояснилось, в особенности, когда черный Квадрат вырос в архитектуру такими формами, что трудно выразить вид архитектуры, принял такой образ, что нельзя найти его форму. Это форма какого-то нового живого организма; если внезапно бы наткнуться на такой город, то нельзя было бы узнать, что это Квадрат сделался живым, дающим новый мир совершенства; я на него смотрю иначе, нежели раньше, это не живопись, это что-то другое. Мне пришло в голову, что если человечество нарисовало образ Божества по образу своему, то, может быть, *Квадрат черный* есть образ Бога как существа его совершенства в *новом пути* сегодняшнего начала» [5].

Поэтому, что уже в следующем письме от 11 апреля 1920 года Малевич прямо напишет своему корреспонденту: «Много лет я был занят движением своим в красках, отставив в сторону религию духа, и прошло двадцать пять лет, и теперь я вернулся или вошел в мир религиозный» [6]. Неудивительно, что Малевич пытается построить свою синтетическую религию, естественно, как религию пост-христианскую: народ нужно вывести из всех религий к религии чистого действия, в которой не будет никаких наград и обещаний.

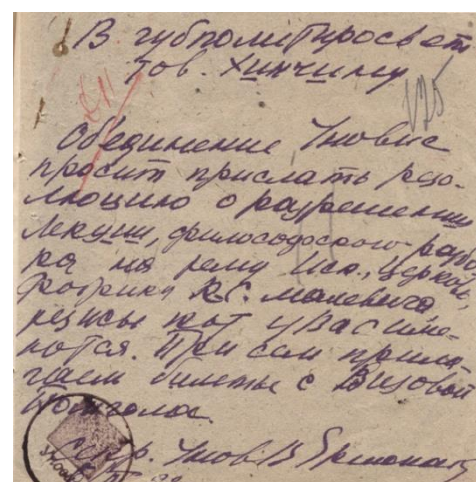
Б. Эндер, один из ленинградских учеников Малевича подчёркивал: «Идеи об Эйнштейне и Малевиче. Равные по силе мысли и глубине философского воображения, Эйнштейн и Малевич определили эпоху. Это их философское воображение переносит нас в эпоху таких представлений о пространстве, о видимости в пространстве и пространственном реализме, которые прежние представления о видимости и реализме сменяют на новые, построенные на изменившихся понятиях о пространстве, *изменяют видимость*» [7].

По Малевичу, беспредметное оформляется в реальности через предмет – Бог, Вещь, Красота, и это путь идеализма, но предметом все равно нельзя овладеть: «идеалист пытается беспредметное сделать предметным, беспредметное вечно уходит от его физического идеализма, сохраняя свою беспредметность» [8]. Бог является финальной целью практики Религии, Красота – у Искусства, Вещь – у Науки.

9 апреля 1922 года К. Малевич читал в Витебске в Латышском клубе лекцию на тему – «Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика».

ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 127

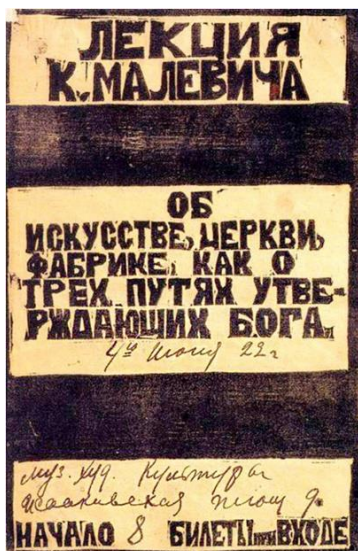

ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Л. 125

Предварительно Вера Ермолаева, ректор Витебского института обращалась в губполитпросвет за резолюцией о разрешении лекции – философского разбора. Этот документ, ею подписанный хранится в Витебском архиве вместе с талоном-разрешением и рукописной афишой-сообщением о времени и месте проведения малевичской лекции.

О готовящемся мероприятии в городе было известно заранее, еще за некоторое время до завершения труда: так, «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП (б)» в № 29 за 5 февраля 1922 года сообщали: «В ближайшее время предполагается устроить чтение художником К.С. Малевичем его нового труда «Бог еще не свергнут!». После чтения состоится собеседование, в котором примут участие местные культурные силы». И только позже, 6 апреля газета анонсировала: «В воскресенье в Латклубе состоится очень интересная лекция Каз<имира> Сев<ериновича> Малевича – «Бог не скинут».

Эту же лекцию Малевич прочёл 4 июня 1922 года в Петрограде в Музее художественной культуры (МХК) на Исаакиевской пл., 9.

Исследуя приближение/движение человека к Богу, Малевич исходит в своих размышлениях из следующей посылки: пути к Богу у человека идут через множество религиозных систем – к Богу как человеческому пределу совершенства. Он приходит к выводу, что постижение мира возможно только через его отрицание, то есть через его беспредметность. Это переключается с его же размышлениями о качествах Бога, среди которых главным является отрицание всех качеств, что является апофатическим путем познания Бога.

На религиозных путях человеческая воля подчинена воле Бога, на научных путях – практике, и только в искусстве есть единственная возможность свободного движения: «В этом преимуществе волевого состояния Искусства перед всеми остальными путями предметного практического реализма человека».

Трактат «Бог не скинут» состоит из первых 33 параграфов второй части основного философского сочинения Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность», законченного 11 февраля 1922 года. Трактат стал единственным философским сочинением Малевича, изданным прижизненно.

Еще в 1922 году, сразу после выхода трактата в свет, он подарил его одному из талантливейших своих последователей, уновисту Илье Чашнику с надписью: «Идите и останавливайте культуру. И. Чашнику. Культуре как верблюду трудно перелезть через ушко иголки, ибо она стремится умом, разумом и смыслом проидти в то что не имеет ни разума ни смысла ни ума. Разумный или умный не войдет в безумного. К. Малевич. Витебск апрель 1922». Сходная надпись была адресована через пять лет Даниилу Хармсу.

Текст витебской брошюры Малевича был впервые переиздан в составе всей книги «Супрематизм. Мир как беспредметность», выпущенной в переводе на немецкий язык в 1962 году в Кёльне.

Малевич разработал 1) структуру мира; 2) взаимодействие внутреннего и внешнего в человеческой жизни; 3) рассмотрел поиск совершенства в качестве цели обыденного сознания; 4) определил, что пределом совершенства для обыденного сознания является Бог; 5) проанализировал пути достижения совершенства – Религию, Фабрику (практику, науку, технику) и Искусство; 6) обнаружил выход за предел совершенства в беспредметность; 7) доказал, что именно в беспредметности Бог не скинут.

Брошюра «Бог не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика» стала музейным экспонатом, она кладет начало и особенной библиотеке Музея истории ВНХУ, где помимо электронных материалов, обязательно существуют бумажные носители, которые можно изучать, с которыми можно работать классическим способом. Такая библиотека оказывается сродни Музею современного искусства, который сто лет назад создавал Марк Шагал, и который не имел отдельного помещения, и который превратился в своеобразный учебно-методический центр, способствующий обучению в ВНХУ. И новая библиотека предполагается в виде учебного, просветительского центра для современного понимания модернизма, центра открытого и доступного как культурное поле идей. Это – и своего рода продолжение библиотеки, работающей в ВНХУ во главе с И. Гаврисом, членом УНОВИСа, с книгами со штампами УНОВИСа.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 56. Оп. 1. Д. 226. Л. 29.
2. Казимир Малевич. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 3. – М., 2000. – С. 329.
3. Казимир Малевич. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 3. – М., 2000. – С. 349, 350.

4. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авторы-сост.: И. Вакар, Т. Михиенко. – М., 2004. – С. 77–78.
5. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авторы-сост.: И. Вакар, Т. Михиенко. – Т. 1. – М., 2004. – С. 125.
6. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авторы-сост.: И. Вакар, Т. Михиенко. – Т. 1. – М., 2004. – С. 128.
7. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авторы-сост.: И. Вакар, Т. Михиенко. – Т. 2. – М., 2004. – С. 277.
8. Казимир Малевич. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 3. – М., 2000. – С. 74.
9. Казимир Малевич. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 3. – М., 2000. – С. 82.

Приборович А.А.

СОСТАВ МАТЕРИАЛОВ ПЕРЕПИСИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР 1923 Г.

Сто лет назад, в 1923 г., в БССР прошла городская перепись населения. Это была первая перепись, которая давала возможность выяснить хотя бы некоторую демографическую ситуацию на белорусских землях после революций, Первой мировой и Советско-польских войн. До этого в послереволюционный период проводилась всеобщая перепись населения 1920 г., которая из-за войны так и не была практически проведена на нашей территории, лишь частично затронула восточные уезды Витебской и Гомельской губерний. Отсюда материалы указанной переписи представляются важным источником по выяснению особенностей демографического, социального и экономического положения городского населения Белорусской ССР в 1920-е гг.

Отметим, что активная фаза переписи городского населения 1923 г. проходила с 15 по 22 марта на всей территории СССР и в том числе на белорусских территориях, которые тогда являлись частью БССР, РСФСР, УССР: уезды Минской губернии (Минский, Бобруйский, Борисовский, Игуменский (с 1924 г. Червеньский), Мозырский, Слуцкий); уезды Витебской, Смоленской губерний (Витебский, Полоцкий, Сенненский, Суражский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Оршанский, 18 волостей Горецкого и Мстиславского уездов), а также Гомельской губерний (Климовичский, Рогачевский, Быховский, Могилевский, Чериковский, Чаусский уезды), которые вошли в состав БССР в 1924 г.; Гомельский и Речицкий уезды, которые были переданы в состав БССР в 1926 г. Несмотря на то, что на момент переписи 1923 г. в состав Белорусской ССР входили лишь 6 уездов Минской губернии, принято считать материалы указанных выше уездов общим статистическим наследием Беларуси так как перепись носила Всесоюзный обхват и соответственно имела общую процедуру сбора, обработки и публикации результатов. Кроме этого, в демографической статистике важным является наличие предыдущих материалов учёта населения, так как при проведении последующих форм демографических обследований они используются в выявлении статистических показателей. Так материалы переписи городского населения 1923 г. послужили в качестве основы новой разработки статистических сведений, связанной с административно-территориальной реформой и последующими двумя укрупнениями БССР, а также наличием сложившегося статистического опыта, задействованного затем при проведении переписи всего населения в 1926 г.

Что же из себя представляют материалы переписи 1923 г.? Материалы переписи состоят из трёх групп документов: первичные формы, разработочные таблицы, публикации итогов переписи [1]. Во время проведения городской переписи населения статистиками для сбора первичных сведений применялись следующие основные три формы: личный листок (форма № 1), семейная карта (форма № 2) и квартирная карта (форма № 3). В отличие от предыдущих переписей личный листок переписи 1923 г. был сокращён и включал следующие вопросы для респондента: название населённого пункта, фамилия, имя, отчество, пол, возраст, национальность, семейное состояние, главное и побочное занятие, является ли владельцем дома, учится, является ли нетрудоспособным, живёт ли на чужие средства, является ли членом деревенского хозяйства, живёт ли в семье как одиночка.

Нововведением переписи 1923 г. стало использование семейной карты. Семейная карта впервые была применена в переписи и имела своим назначением осветить вопросы, связанные с изучением семейного состава населения и жилищных условий.

В квартирной карте указывалось: количество комнат, общая жилая площадь, наличие элементов благоустройства, характер использования квартиры, действует ли электрическое освещение, размер платы за квартиру на декабрь 1922 г., сколько зарегистрировано жителей согласно переписи (по первым двум формам), размер оплаты за отопление при наличии центрального отопления.

Важной формой учёта населения, помимо предыдущих трёх, в инструментарии переписи 1923 г. была также подворная ведомость (форма № 4). Основным предназначением формы было охарактеризовать владение, его принадлежность, площадь, характер построек, количество помещений и благоустройство. Подворная ведомость служила также источником сверки и сводки результатов

переписи уже в общие таблицы учётных участков и переписных отделов. Во время переписи применялись также и другие формы, которые заполнялись счётчиками при обходе жилых строений обследуемого участка: форма № 5 – разработка данных о владениях и квартирах (незастроенные владения); форма № 6 – разработка данных о владениях и квартирах; форма № 7 – размер квартирной платы, форма № 11 – отчётный лист регистратора переписи, форма № 12 – бланк предварительного подсчёта демографической переписи (лист инструктора) и др.

Первичные формы переписи являлись основой для последующей их разработки (сводки) территориальными подразделениями центрального органа статистики БССР. Так данные переписи 1923 г. разрабатывались: по личным листкам в одиннадцати таблицах; по семейным картам в трёх таблицах.

Разработка сведений личных листков осуществлялась в следующих таблицах: таблица № 1 – население по полу и источникам средств существования (с выделением одиночек); таблица № 2 – самостоятельное население по главным занятиям и социальному положению (по классификатору занятий); таблица № 3 – самостоятельное население по главным занятиям и по главным производствам и отраслям труда; таблица № 4 – самостоятельное население по главным занятиям и возрасту; таблица № 5 – самостоятельное население по социальному положению, возрасту и семейному состоянию; таблица № 6 – самостоятельное население по социальному положению и побочным занятиям; таблица № 7 – самостоятельное население по социальному положению и связей с деревней; таблица № 8 – безработные по профессиям и продолжительности безработицы; таблица № 9 – несамодеятельные по возрасту и семейному положению и № 9а – несамодеятельные моложе 20 лет по однолетним возрастным группам; таблица № 10 – несамодеятельное по полу и главным занятиям их кормильцев, таблица № 11 – население по национальному составу, самостоятельности и полу.

Разработка сведений семейных карт проводилась в следующих трёх таблицах: таблица № 1 – семьи по главному занятию и по полу главы семьи, с распределением по численному составу семей, с подсчётом числа семей, главы которых отсутствуют, наличного и отсутствующего населения по полу и числу полных брачных пар; таблица № 2 – семьи по полу и главному занятию главы семьи, и по численности их составу, с подсчётом наличного населения по возрастам; таблица № 3 – семьи по полу и главному занятию главы семьи и по численному их составу, с подсчётом самостоятельных, безработных и прислуги.

В переписных отделах также проводилась разработка квартирной карты и подворной ведомости по следующим формам: застроенные владения и категории их владельцев (форма № 1), общая характеристика застроенных помещений (форма № 2), данные о квартирах (нежилые застройки) и владениях (форма № 3), распределение помещений по их назначению (форма № 4), данные о квартирах (незастроенные владения) и владениях (форма № 5), категории квартир по благоустройству (форма № 6), квартирная плата (форма № 7), распределение квартир по населенности (форма № 8). Материалами для сводки указанных форм были также и разработанные таблицы личных листков и семейных карт.

После разработки первичных материалов в итоговые таблицы по уездам (позже по округам), последние попадали в демографический отдел ЦСБ (ЦСУ) БССР. Где уже после ряда проверок результаты переписи по республике передавались органам государственной власти и соответственно ЦСУ СССР для оперативной обработки по Союзу и последующей публикации в статистических сборниках.

Итоги городской переписи населения в 1923 г. по БССР напечатаны в следующих изданиях: главные результаты предварительного подсчёта опубликованы в «Бюллетенях» ЦСУ СССР (№ 77 – 1923 г.), важнейшие данные о занятиях населения и его классовом составе изданы в «Бюллетене» № 80, 83, 86 за 1924 г.; полные итоги некоторых важнейших данных переписи опубликованы отдельным изданием в «Трудах ЦСУ СССР». Сведения по БССР в «Трудах...» были опубликованы в ряде частей тома № 20 под общим названием «Итоги Всесоюзной городской переписи»: Ч. I. Общие предварительные сведения о городах и их населении: Вып. 2. Азиатская Россия, Белоруссия, Украина и Закавказье (1924 г.); Ч. II. Население городов Союза ССР по занятиям: Вып. 3. Крым. Азиатская часть РСФСР, Белорусская ССР (1925 г.), Вып. 4. Распределение городского населения по главным отраслям труда (1925 г.); Ч. III. Вып. 1. Население городов Союза ССР по возрасту, занятиям и семейному состоянию (1926 г.); Ч. IV. Побочные занятия городского населения. Несамодеятельное население по занятиям самостоятельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписи семей (1927 г.).

На 2023 г. материалы переписи городского населения 1923 г. по БССР аккумулированы в фонде № 30 НАРБ в виде разработочных таблиц личных листков, семейных и квартирных карт. Общее количество дел переписи в архиве составляет около 400 дел.

Особую ценность представляют сохранившаяся часть личных листков и семейных карт переписи. В фонде № 30 сохранилось около 1250 уникальных личных листков по г. Костюковичи, м. Калинковичи, м. Наровля и п. Лужок (Оп 1. Д. 4013–4016, 4021). Большая часть семейных карт сохранилась по г. Могилёву (около 5700 карт, Оп. 1, Д. 3996–4012, 4045а), а также 3400 карт (там же Д. 4016–4027) по

местечкам Гомельской губернии (м. Калинковичи, п. Лужок, м. Н. Быхов, м. Городец, м. Свержень, м. Стрешин, м. Корма, м. Наровля).

Таким образом, изучение материалов переписи городского населения 1923 г. исследователями истории Беларуси необходимо по ряду причин, которые тесно связаны с самими задачами такого вида статистического наблюдения. В советские годы перепись населения нужна была властям в целях налаживания эффективного управления. Одной из основных областей применения результатов переписи в государственных целях являлось разграничение административно-территориальных единиц по равным экономическим и социальным возможностям. Данные переписи городского населения использовались советским руководством для разработки программ в области коммунального и промышленного строительства. Поэтому историкам сведения о численности, распределении и характеристиках населения городских поселений важны для описания и оценки его социально-экономических характеристик и демографических условий жизни. Кроме этого, материалы переписи населения и жилого фонда обеспечивают исследователей сопоставимыми статистическими сведениями по разным регионам советской Беларуси в целом и по каждому городскому поселению в отдельности [2].

При всей трудоёмкости работа по сохранившейся в НАРБ части материалов переписи городского населения 1923 г. значима для дальнейшего изучения советской городской семьи в период НЭП. Отметим, что архивные дела переписи изучены далеко не полностью, поэтому актуальным направлением исследовательской деятельности также является разработка полноценного научно-справочного пособия. В качестве того пособия нами планируется разработка путеводителя по архивным документам переписи. В этом путеводителе будет приведена разбивка архивных дел по их тематическому разнообразию с привязкой последних к соответствующим населённым пунктам. Также пособие будет дополнено официальными результатами переписи 1923 г. как по БССР, так и по отдельным городским поселениям, которые были возвращены в состав республики к 1926 г. В качестве теоретического компонента пособие получит историографическую часть и собственно аналитическую справку такого рода исторического источника как статистического документа.

1. Приборович, А. А. Статистические формы учёта населения БССР во время Всесоюзной городской переписи 1923 года / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 3–10.
2. Приборович, А. А. Перепись городского населения БССР 1923 г.: организация и итоги / А. А. Приборович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2021. – Ч. 2. – С. 170–176.

Баканов Д.К.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТОВСКОГО КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РСФСР

Особую роль в становлении Страны Советов сыграл Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (далее Наркомнац; НКН). Данный орган советской власти был учрежден на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября по н. с.) 1917 года в Петрограде и возглавлялся И.В. Сталиным. Современные российские и зарубежные историки рассматривают преимущественно участие НКН в становлении национального самосознания малых народов, проживающих на территории современной России, в то время как его деятельность за пределами РСФСР практически не отражена в научных работах последних десятилетий. Между тем и внешнеполитическая роль НКН была велика, и его подразделения – комиссариаты – активно занимались организацией жизни на территориях, которые Красная армия занимала за пределами РСФСР, где создавались новые советские республики. От того, каким образом это делалось, зависело, какие народы могли тогда получить государственность и в каких границах. В частности, деятельность НКН отразилась и на судьбе Литвы и Беларуси, представления о государственном статусе которых тогда еще не устоялись.

Немаловажное значение в формировании сначала Литовской, а затем и Литовско-Белорусской Советской Социалистической республики оказал Литовский комиссариат (позднее отдел) Наркомнаца, под руководством В.С. Мицкевича-Капсукаса [12, с. 37]. Среди задач Наркомнаца были: подготовка кадров среди литовских и белорусских беженцев на территории России для работы в республике после ее освобождения от немецких войск, перенесение опыта государственного строительства РСФСР на территорию советских Литвы и Белоруссии, а также реэвакуация вывезенного во время Первой мировой войны имущества в Литву и Белоруссию [7, с. 68]. Историческим источникам, на основании которых можно реконструировать деятельность данного комиссариата НКН посвящена данная работа.

Деятельность Литовского комиссариата НКН нашла отражение во множестве источников. Одними из важнейших среди них являются отчеты о деятельности комиссариата. В 1920 году выходит сборник под названием «Политика советской власти по национальным делам за три года 1917 – XI – 1920» [9]. В нем приводятся документы, изданные СНК, НКН и прочими органами советской власти, посвященные

национальной политике страны Советов. В 1921 году выходит справочник Народного комиссариата по делам национальностей [10]. В нем содержатся ключевые сведения о целях и задачах комиссариата, а также о структуре НКН, которые сложились к 1921 году. В 1924 году после расформирования Народного комиссариата по делам Национальностей выходит публикация о деятельности НКН за 6 лет [11]. В данном сборнике приводятся отчеты о деятельности комиссариата в области создания автономных образований, а также социальной и экономической поддержки национальностей, проживающих на территории РСФСР, а также культурно-просветительской деятельности НКН.

Важным периодическим изданием, в котором находит отражение деятельность Народного комиссариата по делам Национальностей и Литовского комиссариата является газета «Жизнь национальностей», которая была центральным органом Наркомнаца. Данное периодическое издание выходило с ноября 1918 года до 1922 года [8, с. 6]. В газете публиковались сведения о международной обстановке, сводки с фронтов гражданской войны и прочие новостные материалы. Также в газете печатались этнологические заметки о быте и культуре народностей, проживающих в РСФСР и за ее пределами. Кроме того, в газете присутствовала колонка «Из деятельности Народного комиссариата по делам Национальностей», в которой публиковались отчеты о деятельности национальных комиссариатов, в том числе литовского и белорусского. В частности, в газете присутствуют сообщения о деятельности ликвидационного отдела (позднее Ликвидационно-реэвакуационной комиссии), занимающегося возвращением имущества, вывезенного из Литвы во время Первой мировой войны. Несмотря на цензуру, в газете сообщались сведения о превышении должностных полномочий и коррупции. Так, в выпуске от 1 декабря 1918 г. в газете сообщалось: «Закончена ликвидация учреждений, эвакуированных в Тверь. Приняты меры к возвращению имущества эвакуированных учреждений, которое было захвачено различными тверскими учреждениями» [6, № 5 от 8 декабря 1918 г., с. 7]. Данное периодическое издание содержит множество сообщений, посвящённых как деятельности Литовского комиссариата (позднее отдела) НКН, так и большое количество заметок, посвящённых военно-политического, экономического и культурного положению дел на территориях Литвы и Белоруссии.

Большинство исследователей советского периода при изучении деятельности Литовского комиссариата НКН ограничивались лишь сборниками документов и газетой «Жизнь национальностей». Но сохранилось множество документов, как в местных архивах на территории, где комиссариат работал, так и в Москве. В данной работе будут рассмотрены документы из фондов Государственного Архива Российской Федерации.

Важнейшими источниками, проливающими свет на деятельность Литовского комиссариата, являются архивные документы, хранящиеся в фонде ГАРФ *P1318* (народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнац РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР). В частности, большой исследовательский интерес представляет кассовая книга Литовского комиссариата [1], в которой отражены расходы данного подразделения НКН за 1918 год. Примечательно, что данный документ заполнялся от руки черными чернилами, а не на печатной машинке. В документе содержатся сведения о доходах и расходах комиссариата, что в свою очередь позволяет реконструировать деятельность данного подразделения, поскольку любые действия комиссариата требовали средств, которые брались из бюджета Литкома. Данный документ заканчивается декабрем 1918 года, однако активная деятельность Литовского комиссариата пришлась на начало 1919 г., когда части РККА заняли значительную часть Литвы [13, с. 633–634].

Особенным корпусом источников по изучению деятельности литовского комиссариата НКН является фонд ГАРФ *P9509* (Реэвакуационно-ликвидационная комиссия Литвы и Белоруссии при наркомате по делам национальностей РСФСР). Данная структура занималась возвращением в Литву и Белоруссию эвакуированного в глубинные районы России во время Первой мировой войны имущества с занимаемых немецкой армией территорий. В фонде содержится 98 дел, раскрывающих различные аспекты (экономические, политические, бытовые и проч.) деятельности данной комиссии, входившей в состав Наркомнаца. Информационный потенциал источников, содержащийся в делах данного фонда, раскрывает вопросы деятельности сотрудников комиссариата, подробно описывает имущество, содержащееся на балансе Литкома, а также географию работы комиссариата, которая выходила за границы Литвы и Белоруссии.

Население Виленской губернии накануне революции было смешанным – там компактно проживали поляки, литовцы, евреи, русские, а большинство в ней составляли белорусы, которые, в свою очередь, делились на католиков и православных. В связи с этим у национальных комиссариатов могли возникнуть споры по поводу ликвидируемого имущества. В этом случае собирались конфликтные комиссии, разрешавшие данные споры. Работа одной из таких комиссий нашла отражение в стенограмме заседания конфликтной комиссии от 30 ноября 1918 г. по вопросу о передаче Литовским комиссариатом пансионного имущества бывшего Виленского Маринского Высшего Женского Училища Белорусскому комиссариату. На основании того, что учились в нем преимущественно

белорусские девушки, было принято решение передать его в ведение Белорусского комиссариата, несмотря на его расположение в литовской столице [5, л. 84].

Работники ликвидационного отдела часто сталкивались с тем, что ликвидированное имущество было потеряно местными властями или уже передано третьей стороне. Данная проблема нашла отражение в докладной записке члена коллегии ликвидационного отдела Ч.Ю. Петрашкевича от 20 декабря 1918 г. в которой сообщалось о его работе в Витебске: «Из числа учреждений, помещенных в переданном мне списке, ни одного не оказалось ... Отдел Управления Губисполкома разослал, правда, запросы в уездные города и в советские учреждения в Витебске с просьбой сообщить сведения об эвакуированных учреждениях, однако ответов или вовсе не получил или только отрицательные». Тем не менее, сотруднику комиссариата удалось убедить Губисполком передать найденное им литовское имущество в ведение комиссариата [2, л. 12–14].

Деятельность Литкома на территории РСФСР, а также бытовые условия, в которых работали сотрудники комиссариата, нашли отражение в докладной записке руководителя «ликвидационной комиссии по ликвидации учреждений, эвакуированных из Литвы в Кострому» от 3 марта 1919 г. Согласно данному документу, ликвидационные мероприятия начались в Костроме 20 февраля 1918 г. и формально закончились к 15 июня того же года. Члены комиссии отмечали: «Ликвидация была произведена так: служащие в обозначенных учреждениях уволены от службы, а дела учреждений свезены и свалены в двух комнатах здания бывшего казённого винного склада. Ликвидация была закончена лишь формально, а фактически она продолжается и в настоящее время». Кроме того, авторы докладной записки подчеркивают нехватку денежных средств, оборудования и невыплату жалования сотрудникам комиссии. О своих бытовых проблемах костромская комиссия докладывала в сообщении в Литовский комиссариат от 10 марта 1919 г.: «холодное дымное, угарное помещение, пыльная и грязная работа и подвергаясь от этого частым заболеваниям, [сотрудники] получают не своевременное жалование ... несвоевременная получка жалования и голодовка как ее результат, ведут к тому, что служащие, могущие успешно работать бегут на другие места, а приходящие наниматься спешат уйти, как только узнают про все неудобства. Остаются те, которые менее успешны в работе и не имеют навыка в делах, с которыми приходится иметь дело. Все это замедляет и затрудняет работу» [4, л. 44–47].

Данные сообщения с мест демонстрируют проблемы, с которыми сталкивались сотрудники Литовского комиссариата при ликвидации литовского имущества. Безусловно в хаосе Гражданской войны вопросы возвращения в Литву имущества и учреждений, среди которых были промышленные предприятия, учебные заведения, архивы общественных организаций и государственных учреждений, культурно-образовательные и развлекательные заведения и прочие [3, л. 7–8], не были приоритетом советского правительства.

После отказа от советизации Литвы ввиду поражений 1919 г. на советско-польском фронте, советское руководство перестало оказывать серьезную поддержку Литовскому (Литовско-белорусскому) комиссариату, а после подписания мирного договора между РСФСР и Литовской республикой 12 июля 1920 г. окончательно отказалось от данного ведомства, поскольку его работа могла оказать негативное влияние на формирующееся на антипольской основе советско-литовское сближение [13, с. 685].

Тема Литовского и Белорусского комиссариатов Наркомнаца РСФСР в современной историографии (как в российской и белорусской, так и западной) практически не отражена. Данная тема крайне перспективна для исследования, поскольку сохранилось множество документов, не достаточно отраженных в современной историографии.

1. ГАРФ. – Ф. Р1318. Оп. 22. Д. 35.
2. ГАРФ. – Ф. Р9509. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАРФ. – Ф. Р9509. Оп. 1. Д. 18.
4. ГАРФ. – Ф. Р9509. Оп. 1. Д. 77.
5. ГАРФ. – Ф. Р9509. Оп. 1. Д. 81.
6. Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. Выпуски за 1918–1920 гг.
7. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. / Г. П. Макаров. – М.: Наука, 1987. – 172 с.
8. Нечипуренко, Г. А. В борьбе за линию партии: (Газ. «Жизнь национальностей» – орган Наркомнаца РСФСР, 1918–1922 гг.) / Г. А. Нечипуренко. – М.: Мысль, 1979. – 143 с.
9. Политика советской власти по национальным делам за три года 1917 – XI – 1920. – М.: Гос. изд., 1920. – 185 с.
10. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Справочник Народного комиссариата по делам национальностей. – М., 1921. – 18 с.
11. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг.: (вместо отчета). – М., 1924. – 228 с.
12. Чеботарева, В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. / В. Г. Чеботарева. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 852 с.
13. Шубин, А. В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив / А. В. Шубин. – М.: Академический проект, 2020. – 773 с.

Баранов А.В.
**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
НА ЮГЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

Тема статьи обладает актуальностью с точки зрения осмысления впервые вводимых в научный оборот источников, для выбора территориальных принципов устройства Российского государства.

Цель статьи – осмыслить новые источники о реализации советской национальной политики (1920–1924 гг.) на Юге России. Под регионом подразумеваются автономии, Донская, Кубано-Черноморская и Терская области, Ставропольская губерния. Термин «Юго-Восток России», принятый до середины 1924 г., и «Юг России» – синонимы.

В последние годы создаются взвешенные исследования, авторы которых исходят из приоритетов государственной интеграции и равноправия народов [1; 6; 11]. Но необходимо качественное приращение источников. Мы вовлекаем в оборот протоколы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) за 1921–1924 гг., Экономического совета Юго-Востока России, доклады и записки политических деятелей (А.А. Пономарёва, В.Н. Хромина).

Важнейшим вопросом стало создание автономий и урегулирование споров. 13 ноября 1920 г. чрезвычайный съезд Советов Дагестана провозгласил создание Дагестанской АССР. 17 ноября 1920 г. съезд народов Терека объявил о создании Горской АССР. Решения узаконены 20 января 1921 г. ВЦИК Советов РСФСР. Автономии Северного Кавказа рассматривались как плацдарм мировой революции на Востоке. Напротив, казачество объявлено орудием «русского империализма» [10, с. 282–291; 8, с. 311], что сделало неизбежной передачу Хасавюртовского и Кизлярского округов, земель сунженских казаков автономным областям.

В данном аспекте важен доклад полномочного представителя Народного комиссариата земледелия РСФСР на Кавказе А.А. Пономарёва наркому земледелия С.П. Серее от 7 сентября 1920 г. Он описывает состояние органов власти с мая по август 1920 г. Утверждённого центральной властью положения о Северо-Кавказском ревкоме не было. Вся работа велась тремя его членами, а с отъездом Г.К. Орджоникидзе в Москву работа затруднилась. Пономарёв описывает кризис власти, «комиссаро-родержавие» и забвение интересов крестьянства. На совещании о землеустройстве 28 мая член ревкома С.И. Габиев подчёркивал, что «Советская власть на Северном Кавказе может опираться только на горцев» [4, л. 46–47, 51 об.], землеустройство должно проводиться за счёт казачества вплоть до выселения станиц. Этот курс основан на телеграмме Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину 2 апреля 1920 г., в которой предлагалось разрешить вопрос о земле за неделю. Но делопроизводства по землеустройству горцев ревком не вёл, члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) слабо разбирались в сельском хозяйстве. Поэтому выступление А.А. Пономарёва с противоположной точкой зрения об «уступчивой политике центра в отношении окраинных крестьян и казаков» вызвало бурю негодования [4, л. 46об – 47]. Пономарёв завершал доклад выводом: «Близоруко и негосударственно, утопично думать, что достаточно путём подачек привлечь к себе какую-либо общественную группу окраинного населения». Такой метод означает длительную гражданскую войну [4, л. 57]. Предложения А.А. Пономарёва, как и других умеренных большевиков, отвергнуты Кавбюро ЦК РКП(б) и Революционным советом трудовой армии Юго-Востока России.

Радикальный курс привёл к мятежу терского казачества в октябре 1920 г. и, как следствие, к депортации жителей Сунженской линии, передаче их земель и инвентаря горцам [5, с. 85–103]. Позже императив выселения русских из автономий и, шире, возмещения коллективной «исторической вины» за политику самодержавия будет звучать во взаимоотношениях между Горской АССР и областями Юго-Востока России. Карачаевская автономная область требовала передать ей г. Кисловодск, Кабардино-Балкарская – г. Пятигорск, Чеченская – г. Грозный, Северная Осетия и Ингушетия соперничали за обладание г. Владикавказом. Во всех городах преобладало славянское население.

В декабре 1920 г. ряд работников краевого Статистико-экономического бюро (Ф.Н. Литинский, В.Н. Смирнский и др.) предлагал провести районирование Северного Кавказа «по принципу экономической целесообразности», создав комиссию по изменению границ между административными единицами. В состав комиссии предлагали включить представителей Ревсовтударма, наркоматов продовольствия и земледелия, уполномоченного ЦСУ, профсоюзного центра. Прозвучала идея создать Казачью (Пятигорскую) область [4, л. 229].

Вследствие образования СССР перед системой власти встали задачи переустройства административно-территориального деления. Решать задачи предлагалось на основе рационального размещения и планового развития производительных сил, экономического тяготения местностей [7, с. 43–100]. Этнический фактор районирования отходил по мере развития НЭПа на второй план. XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.) постановил провести районирование страны, создав укрупнённые края и области. 11 мая 1923 г. Экономический совет Юго-Востока России образовал краевую комиссию по районированию под руководством Г.Н. Гурари с участием В.Н. Хромина, А.С. Аксамитного, Орлова и Алексеева.

Комиссия должна была предоставить в Госплан РСФСР обоснование экономического профиля края, его разбивки на округа и структуры административных единиц (округов, разделённых на районы). Утвердить новую административно-территориальную сеть предполагалось на сессии ВЦИК РСФСР в июле 1923 г. [3, л. 58 – 58об]. Комиссия по районированию Юго-Востока России на первом же заседании определила направления работы, в том числе – определение взаимоотношений русских областей с автономными республиками и областями (от экономически неэффективной Горской АССР отделились Карачай, Кабардино-Балкария, Чечня в статусе автономных областей). Комиссия планировала изучить конституции Горской и Дагестанской АССР, изучить районирование автономий, выработать проект создания национальных округов и их взаимоотношений с русскими областями [3, л. 59 – 59об].

Представляет интерес «Договор о правах областного (краевого) исполнительного комитета и национальных республик и областей Юго-Востока и об их взаимоотношениях», подготовленный краевой комиссией к середине августа 1923 г. Целями заключения договора в преамбуле документа объявлялись согласование интересов Юго-Восточной области и национальных объединений, гарантии прав и преимуществ этих объединений» [3, л. 89 – 91об]. Сторонами подписания договора указывались областной исполком, Горская и Дагестанская АССР, Адыгее-Черкесская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская и Чеченская АО.

В договоре детально перечислялись исключительные предметы ведения Юго-Восточного облисполкома, а также исключительные предметы ведения национальных объединений (АССР и АО). В том числе, Юго-Восточная область (ЮВО) решала все споры между автономными республиками, автономными областями и русскими областями. Для согласования интересов ЮВО и автономий предлагалось создать Национальный Совет по делам национальных республик и областей при облисполкоме. Его состав формировался бы по квоте: по 3 делегата от облисполкома, Дагестанской и Горской АССР, по 1 – от каждой АО. Председатель Национального Совета мог назначаться из его состава Президиумом Юго-Восточного облисполкома; такое должностное лицо входило бы в состав Президиума облисполкома. Предлагался следующий порядок принятия решений: облисполком передаёт важнейшие директивы автономным образованиям через Национальный Совет или уведомляет последний о решениях вышестоящих инстанций. По текущим вопросам сношения облисполкома с автономиями идут непосредственно. В случае несогласия органов власти автономий с решениями облисполкома возможно обжалование таковых решений в Президиуме ВЦИК РСФСР и приостановка действия областных решений под судебную ответственность исполкомов автономий.

Данный документ отразил максимум прав автономий в рамках раннего советского федерализма, сделав АССР и АО субъектами федеративных отношений на договорной основе. Но договор не был принят и не вступил в действие, поскольку области и автономии Юго-Востока России выдвинули взаимоисключающие проекты территориальной реформы. Так, Дагестанская АССР намеревалась выйти из состава РСФСР и вступить в Закавказскую СФСР, а когда это стало нереальным, добилась сохранения своего прямого подчинения всероссийским органам власти. Горская АССР весной 1924 г. распалась и была ликвидирована к сентябрю 1924 г. Её бывшие части стали автономными областями в составе Юго-Восточной области, вскоре переименованной в Северо-Кавказский край.

Члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) одобрили 4 июня 1923 г. проект краевой плановой комиссии, который активно отстаивал заместитель председателя Крайэкономсовета В.Н. Хронин [12, л. 64]. Договорный порядок вхождения автономий в состав края был заменён на решения партийных и советских органов. АССР и АО получили квоту представительства в крайисполкоме в соответствии с «Положением о Юго-Востоке России», принятого ВЦИК РСФСР 13 февраля 1924 г. и утверждённого Госпланом РСФСР 10 июня 1924 г. [2, с. 17]. Автономии не добились и права обжаловать решения краевого уровня власти в Президиуме ВЦИК. Границы национальных образований пересмотрены в соответствии с составом населения. Образованы Владикавказский и Грозненский округа в прямом подчинении краю, что вывело русское большинство их населения из-под контроля автономий.

Национальный Совет при крайисполкоме Советов был создан в 1925 г., но с качественно более узкими функциями, чем в проекте 1923 г. Национальный Совет решал теперь только вопросы развития этнической культуры: ликвидации неграмотности, развития национальной письменности и системы просвещения, социального обеспечения.

Итак, впервые вводимые в научный оборот источники доказывают, что органы власти Юга России постепенно отказывались от радикального расширения прав автономий, проведённого в 1920–1921 гг. Крайности этнизированного федерализма при территориальной реформе 1924 г. были заменены на более сбалансированную модель взаимоотношений макрорегиона (Юго-Восточной области, позже – Северо-Кавказского края) с вошедшими в его состав автономными областями.

1. Аманжолова, Д. А. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2021. – 576 с.
2. Весь Северный Кавказ (справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края) / под ред. А. Овчарова. – Ростов н/Д : Севкавказ, 1931. – 348 с.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 79. Л. 58–59 об., 89–91 об.
4. ГАРО. – Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 68. Л. 46–47, 51 об., 57, 229.
5. Жуликова, Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. / Е. Ф. Жуликова. – М. : Новый хронограф, 2016. – 424 с.
6. Карпов, Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2017. – 400 с.
7. Круглов, В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты / В. Н. Круглов. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.
8. Ленин, В. И. Аграрная программа русской социал-демократии / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 6. – С. 303–348.
9. Положение СНК о Революционном совете Трудовой армии Юго-Востока России // Декреты Советской власти. Т. X. Август – сентябрь 1920 г. – М. : Политиздат, 1980. – С. 343–344.
10. Сталин, И. В. К военному положению на Юге / И. В. Сталин // Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. 4. – С. 282–291.
11. Хлынина, Т. П. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 290.

Филимонов А.В.

ДОКУМЕНТЫ ГУБЕРНСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ РКП(б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-Х ГГ.)

Ведущая роль, которую занимала в жизни советской страны Коммунистическая партия, ставшая в 1917 г. правящей, обусловила большое значение ее документов, как исторического источника: практически ни один вопрос послереволюционной истории страны невозможно изучать без глубокого и всестороннего их анализа. Партийные документы и материалы весьма многообразны по своему происхождению, содержанию, значимости и формам, хотя все организации действовали в соответствии с единым для партии Уставом. В структуре Коммунистической партии важная роль принадлежала местным партийным организациям, распространявшим свое влияние на соответствующие регионы (в 1920-е гг. – на губернии), поэтому их документы имеют огромное значение, прежде всего, для изучения истории отдельных местностей. Вместе с тем, из опыта мест складывалась единая история страны, а деятельность губернских организаций РКП(б) отражала общероссийские закономерности.

Одним из «отрядов» РКП(б) являлась Псковская губернская организация, выросшая из созданной еще в 1900 г. В. И. Лениным «искровской» группы, но прекратившая существование с окончанием революции 1905–1907 гг. и заново возродившаяся лишь в 1917 г. 16 октября 1917 г. состоялась партийная конференция, организационно оформившая Псковскую организацию РСДРП, а 1-я губернская партийная конференция, собравшаяся лишь в августе 1918 г., оформила губернскую организацию. Конференция являлась высшим органом губернской организации РКП(б), что закреплялось Уставом партии, в перерывах между конференциями действовал избираемый ими губернский комитет РКП(б), периодически собиравший пленумы, а органом повседневного руководства являлся Президиум губкома.

В Псковской губернии в течение 1918–1920 гг., т. е. в обстановке Гражданской войны, состоялось в общей сложности семь губернских партийных конференций (в 1918 г. – две, в 1919 г. – три, и в 1920 г. – две). Процесс партийного строительства вследствие происходивших на территории губернии военных действий и двукратного захвата Пскова противником (в 1918 г. – германскими войсками, в 1919 г. – белоэстонцами и русскими белогвардейцами) протекал с большими трудностями, что имело в числе прочих последствий плохую сохранность партийных документов и даже утрату многих из них. При этом протоколы губернских конференций за 1918–1920 гг. в архивах сохранились, хотя записи в них порой очень конспективные, что тоже свидетельствует о той сложной обстановке, в которой приходилось работать партийной организации. Но настоящий рассказ – о губернских конференциях, проходивших уже в мирных условиях – в 1920-е гг.

Их со времени отмены военного положения (январь 1921 г.) и до проведения административно-территориальной реформы (1927 г.), повлекшей упразднение Псковской губернии, состоялось 11 (VIII-я – 25 февраля – 1 марта 1921 г., IX-я – 1-4 июля 1921 г., X-я – 6-8 декабря 1921 г., XI-я (внеочередная) – 19 марта 1922 г., XII-я – 9 мая 1922 г., XIII-я – 28 ноября – 1 декабря 1922 г., XIV-я – 5-6 апреля 1923 г., XV-я – 8-12 мая 1924 г., XVI-я – 28-31 декабря 1924 г., XVII-я – 10-13 ноября 1925 г., и последняя, XVIII-я – 10-16 декабря 1926 г.) [7, с. 488–493]. Следовательно, в 1921–1922 гг. они проводились трижды в год, затем собирались реже – сначала не более двух раз, а затем вообще – один раз в год, при этом строгой периодичности по месяцам не существовало. На каждой конференции традиционно избирались руководящие органы – губком партии и ревизионная комиссия, а вместо Президиума губкома с 1924 г. действовали бюро и секретариат. В составе губкома оформлялись отделы и комиссии.

Основным документом, остававшимся по итогам работы каждой конференции, является протокол ее заседания, приближавшийся иногда по своей форме в стенограмме: помимо основных докла-

дов и выступлений в прениях в нем нередко фиксировались реплики и вопросы с места, из президиума, слова председательствующего, ответы на поступившие записки, реакция зала и др. Ни один из протоколов не представлен в опубликованном виде целиком, в лучшем случае публиковались в виде брошюр лишь резолюции и их проекты, иногда отчеты губкома РКП(б) очередной конференции, но они не предназначались для широкой огласки: будучи «номерными», снабженные грифами «Секретно», «Для служебного пользования», «Подлежит возврату», они раздавались делегатам в начале работы конференции и сдавались после ее окончания. В архивных делах сохранились соответствующие «Листы» их выдачи и возврата с фамилиями делегатов и их росписями; брошюры с полными отчетами губкома РКП(б) на полки библиотек чаще всего не попадали, а откладывались в архивных делах [5; 6; 10].

Ход работы конференции в обязательном порядке освещался губернской газетой «Псковский набат», в которой «для сведения делегатов» печатались объявления о времени и месте ее созыва, по ходу заседаний – изложение докладов и выступлений (в сокращении), по итогам – состав вновь избранных руководящих органов. Аналогичным образом ряд материалов (в первую очередь, резолюции и постановления) печатался в партийном печатном органе – журнале «Известия Псковского губкома РКП(б)» (в 1926–1927 гг. – «Спутник большевика»). В полном же виде протоколы конференций представлены в машинописной (отчасти в рукописной) форме в архиве: до 1991 г. – партийном архиве Псковского обкома КПСС (ПАПО КПСС), затем – Псковский областной центр архивных документов партий и общественных движений (ПОЦАДПОД), Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), а ныне – Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО) (фонд 1 – Псковский губком РКП(б)).

Сценарий псковских партийных конференций, видимо, мало чем отличался от других регионов: открытие их проводилось в торжественной обстановке с исполнением «Интернационала», с приветствиями и поздравлениями, направлением писем и телеграмм в адрес вышестоящих органов, затем выбирались руководящие органы (президиум, секретариат, мандатная комиссия) и начинались заседания. Конференции традиционно заслушивали доклады о международном и внутреннем положении Республики (впоследствии – СССР), содержание которых мало что дает для изучения региона: речь шла о ситуации, которая освещена и хорошо знакома ныне читателям по учебникам истории. Но, учитывая важность и сложность обстановки в Псковской губернии, тяжело пострадавшей в годы войны, а в 1920 г. ставшей пограничной, в работе конференций неоднократно принимали участие представители ЦК партии и его Северо-Западного бюро. На XIII губконференции, например, с докладом о международном и внутреннем положении Республики выступил председатель ВЦИК М. И. Калинин, а секретарь Северо-Западного бюро ЦК Б. П. Позерн доложил о работе бюро [13, с. 95; 7, с. 161], делегатов XIV-й конференции приветствовал представитель ЦК П. А. Залуцкий [12, с. 27]. Доклады мандатной комиссии позволяют получить представление о социальном и возрастном составе делегатов, их партийном стаже, процедуре их избрания на конференцию.

Но основным документом каждой конференции, выполняющем роль важнейшего источника о жизни и развитии губернии, деятельности губернской организации РКП(б), линии ее руководства по выполнению постановлений вышестоящих органов, является, несомненно, отчет губкома за период со времени предыдущей конференции. Значимость его заключается в том, что отчет представляет собой всесторонний анализ состояния всех основных сфер региона, сторон его жизни – хозяйственной, социальной, культурной, содержит материалы о выполнении основных задач, намеченных предыдущей конференцией. В этом отношении он в некоторой мере «пересекается» с документами высшего органа Советской власти – губернского съезда Советов, но, в отличие от последнего, в отчете губкома партии гораздо большее место занимают вопросы организационно-партийной и идеологической работы, руководства общественными организациями, расстановки кадров, содержатся политические оценки проводимых мероприятий. Поскольку структура отчета от одной конференции к другой существенным изменениям не подвергалась, «обрастая» лишь деталями и сведениями о работе вновь созданных отделов, то изучение их дает возможность проследить динамику происходивших процессов, развития губернии на принципах НЭПа. Архивные дела с протоколами конференций нередко содержат не только официальные их документы, но и подготовительные материалы к отчету: различные справки, сводки, статистические таблицы, докладные записки и др., подготовленные отделами и комиссиями, рабочими группами или «бригадами», и используемые при написании докладов. Как правило, они сосредоточивают в себе гораздо больше цифр и фактов, чем непосредственно отчеты и доклады, поэтому ценность их как источника очень велика. Чаще всего указанные документы представлены в архиве отдельными делами под названием, типа «Материалы к отчетному докладу». Не меньшее значение имеют сосредоточенные в делах списки и личные анкеты делегатов, позволяющие исследователям пополнить биографические данные конкретных людей, изучать их судьбы (эти документы тоже оформлены в виде отдельных единиц хранения). Суще-

ственно дополняют отчет губкома РКП(б) доклады с мест и выступления делегатов в прениях, не только дававшие оценку работы партийного органа губернии, но и приводившие конкретные примеры из практики деятельности уездных и волостных партийных организаций. Тем самым они содержат материалы о жизни низовых административно-территориальных единиц и могут служить источником для изучения их истории, а сама же атмосфера работы конференций отражала практику живого, «работающего», хотя и ограниченного демократизма.

Помимо заслушивания отчета губкома РКП(б), его обсуждения и принятия резолюции, конференции рассматривали и множество конкретных вопросов жизни губернии, а изучение материалов их позволяет также представить атмосферу работы конференций. «XII-я губпартконференция подвела итоги работы партии за период от декабря 1921 по май 1922 г., – отмечалось, например, в справке по итогам ее работы. – Докладчик по отчету губкома т. Гей указал в своем докладе, что с июня месяца прошлого года перед губкомом стояли четыре основные задачи: 1) борьба с усталостью, склоками и внутренняя спайка, 2) усиление коммунистической воспитательной работы, 3) укрепление партийной дисциплины, 4) усиление хозяйственной работы. Относительно первой задачи, по словам докладчика, достигнуто довольно много, но не все. Вторая задача – коммунистическое воспитание членов организации – выполнено еще меньше., в дисциплине сделаны робкие шаги, а что касается четвертой задачи, то мы еще не научились хозяйствовать... Из проведенных и проводимых кампаний самые крупные – продналоговая и сельскохозяйственная, – дали удовлетворительные результаты. В прениях, довольно продолжительных и резких, деятельность губкома за отчетный период была признана мало интенсивной...» [1, с. 15].

Повестка дня конференции чаще всего бывала насыщенной и разнообразной, а обсуждение включенных в нее вопросов требовало порой нескольких дней. Вот, например, что было вынесено на обсуждение XIII-й губпартконференции: хозяйственное и политическое положение Республики, доклад Северо-Западного облбюро ЦК РКП(б), отчеты губкома, ревизионной комиссии и губКК, вопросы партстроительства, вопросы торговой политики, вопросы профсоюзной работы и тарифной политики, школьное дело в губернии, всеобщ, т. е. в повестку были включены «такие вопросы, которые являются актуальными не только для Псковской губернии, но и для всего Советского государства». Широкий был и круг вопросов, затронутых в отчетном докладе губкома партии: общие условия работы, рабочий аппарат губкома, социальный состав организации и влияние НЭПа, организационное укрепление партработы, агитпропаганда и политпросвещение, ЧОН и работа среди красноармейцев, РКСМ, партработа в профсоюзах, партработа в кооперации, промышленность, работа советских учреждений, кампании, задачи и перспективы [3, с. 7–8; 4, с. 20].

Следующая, XIV-я конференция (апрель 1923 г.) «собралась накануне XII съезда и демонстрировала то единство, которое резко подчеркнул и партсъезд в общероссийском масштабе. Порядок дня конференции включал в себя помимо отчетного доклада вопросы о налоговой политике и посевной кампании в плоскости местных условий и задач. Отчет губкома, сделанный т. Дмитриевым, подвел итоги работы губкома за пять месяцев. Первым вопросом, который стал в работе губкома, был вопрос об укреплении советского аппарата и плановых перебросках... Руководство работой губисполкома носило плановый характер, поскольку председатель губисполкома входил в Президиум губкома, а секретарь губкома – в Президиум губисполкома...» [12, с. 25].

Итоги работы указанных трех конференций, в отличие от ряда других, получили наиболее полное обнародование в печати [1; 2; 3; 11], что облегчает их изучение исследователями. В преддверии очередной, XV-й конференции ориентиры ее работы сформулировал секретарь губкома РКП(б) П. И. Струппе, выступивший в печати: «Поставленные в повестке дня организационный и партвоспитательный вопросы особенно значимы, благодаря тем крупным изменениям, которые внес в партийную жизнь Ленинский призыв. Далее в повестку дня включены четыре вопроса, имеющие громадное значение для возрождения нашего советского народного хозяйства, благодаря деловому и политически правильному разрешению которых должна укрепиться база Советской власти – союз рабочих и крестьян. И только под этим углом зрения мы должны и будем подходить к разрешению этих четырех вопросов. Первый из них – это вопрос о внутренней торговле, разбитый на два самостоятельных вопроса: а) о госторговле, и б) о кооперации, третий вопрос – о денежной реформе, и четвертый – об очередных задачах нашей работы в деревне...» [8, с. 40–41]. После завершения работы конференции П. И. Струппе подвел в кратком виде ее итоги: «XV-я губпартконференция собралась в обстановке, когда по всей Республике наблюдаются определенные улучшения нашего хозяйственного положения... Мы вступили в полосу улучшения и оживления нашего хозяйства. Новая экономическая политика развернула производительные силы страны и вполне себя оправдывает. Это сейчас должно быть ясным каждому. Ясно должно быть также, что НЭП должен остаться, что после трехлетнего существования еще не наступило время, когда в лозунге «всерьез и надолго» требовались бы изменения...» [9, с. 1–3].

Аналогичным образом широкий круг вопросов обсудила и XVII-я конференция: отчетный доклад губкома, отчет губКК, об укреплении партаппарата и усилению партруководства, о политико-воспитательной работе, о работе РЛКСМ, о советском строительстве, о мероприятиях по укреплению сельского хозяйства, о работе кооперации, о терстроительстве и Красной Армии; все принятые резолюции тоже были опубликованы [11]. Итоги же последней, XVIII губпартконференции подвел секретарь губкома А. Корчагин: «Работа XVIII губпартконференции проходила в обстановке дальнейшего экономического роста и развития социалистических элементов в хозяйстве нашей страны, а также и нашей губернии, усиления политической активности широких масс рабочих и крестьян... Все эти моменты красной нитью проходили во всей работе губпартконференции...». Одновременно А. Корчагин подчеркнул, что «она с негодованием осудила выступление лидеров «новой оппозиции», считая это выступление попыткой оппозиции принести фракционную борьбу в международное коммунистическое движение...» [2, с. 3].

Период НЭПа являлся временем, когда тотальный партийный контроль за всеми сторонами жизни общества еще не установился, во многом сохраняли свою самостоятельность органы Советской власти, кооперативы, общественные организации, но тенденция к усилению влияния РКП(б) была очевидной, что наглядно показывает изучение материалов губернских партийных конференций, особенно с середины 1920-х гг., когда развернулась острая внутривнутрипартийная борьба.

1. Итоги XII губпартконференции // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1922. – Июнь. – № 13. – С. 15–18.
2. Корчагин А. Итоги XVIII губпартконференции / А. Корчагин // Спутник большевика. – 1927. – № 1 (64). – С. 3–5.
3. К предстоящей XIII-й губпартконференции // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1922. – Октябрь. – № 17. – С. 7–8.
4. К губернской партконференции // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1922. – Ноябрь. – № 18. – С. 11–20.
5. Отчет Псковского губкома РКП(б) XV-й губпартконференции (май 1924 г.) // Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (далее – ОДНИЛС ГАПО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–126.
6. Отчет Псковского губкома XVII-й губпартконференции с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. // ОДНИЛС ГАПО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 374. Л. 1–113.
7. Очерки истории Псковской организации КПСС / ред. коллегия: З.П. Антонова (отв. ред.) [и др.]. – Л.: Лениздат, 1971. – 542 с.
8. Струппе, П. К очередной губпартконференции / П. Струппе // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1924. – Апрель. – № 4 (33). – С. 40–48.
9. Струппе, П. Что сказала XV-я губпартконференция / П. Струппе // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1924. – Июль. – № 7 (35). – С. 1–9.
10. Резолюции XVI-й губпартконференции (28 декабря 1924 – 1 января 1925 гг.) // ОДНИЛС ГАПО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–32.
11. Резолюции XVII-й губпартконференции // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1925. – № 11 (51). – С. 89–125.
12. XIV-я губпартконференция РКП(б) (5–6 апреля 1923 г.) // Известия Псковского губкома РКП(б). – 1923. – Апрель-май. – № 4-5 (23-24). – С. 25–27.
13. Филимонов, А. В. М. И. Калинин и Псков / А. В. Филимонов // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2017. – № 46. – С. 93–101.

Бамбешка ІІ.

МАТЭРЫЯЛЫ БЕЛАРУСКІХ КРАЯЗНАЎЧЫХ З’ЕЗДАЎ І КАНФЕРЭНЦЫЙ МІЖВАЕННАГА ПЕРЫЯДУ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Адным з найбольш знакавых перыядаў у гісторыі краязнаўства і айчынай гісторыі з’яўляецца міжваенны перыяд. Менавіта 1917–1941 гг. уяўляюць несумненную цікавасць у плане вывучэння гісторыі грамадскага жыцця, гісторыі навукі і культуры, гісторыі беларускай і савецкай інтэлігенцыі, гісторыі распаўсюджвання ведаў. Гісторыя развіцця краязнаўчага руху можа быць рэканструявана з дапамогай шырокага комплексу крыніц.

Паколькі найважнейшыя пытанні развіцця краязнаўства ў міжваенны перыяд вырашаліся на усебеларускіх краязнаўчых канферэнцыях і з’ездах і праводзіліся ў жыццё з дапамогай Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК), то ўнікальнай крыніцай па гісторыі краязнаўчага руху ў міжваенны перыяд з’яўляюцца матэрыялы згаданых краязнаўчых форумаў.

Так, у сакавіку 1924 г. для распаўсюджвання інфармацыі аб функцыях і дзейнасці ЦБК, якое было створана 29 снежня 1923 г., і выпрацоўкі асноўных кірункаў краязнаўчага вывучэння краю, абмеркавання пытанняў арганізацыі краязнаўчай працы, выяўленне краязнаўчых сіл, працуючых у Мінску, і іх аб’яднанне была склікана Мінская краязнаўчая канферэнцыя [6, с. 7]. На канферэнцыю былі запрошаны прадстаўнікі краязнаўчых арганізацый Мінска і розных дзяржаўных структур, зацікаўленых у развіцці краязнаўства. Шырокі абмен думкамі і прынятыя на канферэнцыі рашэнні паклалі пачатак шырокаму разгортванню краязнаўчага руху ў БССР. З праграмным дакладам аб асаблівасцях краязнаўчага руху выступіў тагачаснага старшыня ЦБК А. А. Смоліч, які адзначаў яго масавы, грамадскі характар, гаварыў, што праца краязнаўцаў «мае на ўвазе высокакваліфікаваную дзейнасць, якую вядуць вузкія спецыялісты». На думку дакладчыка, масавасць руху дасць магчымасць самага

шырокага і падрабязнага вывучэння ўсіх адметнасцяў краю. Вельмі важным з'яўляецца і той факт, што ў дакладзе А. А. Смоліча была агучана і прыкладная структура арганізацыі краязнаўчага руху ў Беларусі: ЦБК – павятовыя таварыствы краязнаўства – іх аддзяленні на месцах [7, с. 2]. У аснову дадзенай структуры быў паклазены тагачасны адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел БССР. У далейшым падобная іерархічная будова, праўда, з пэўнымі зменамі, зацвердзілася на практыцы і была замацавана пастановамі I і II Усебеларускіх краязнаўчых з'ездаў.

На канферэнцыі былі абмяркаваны спосабы пашырэння краязнаўчых ідэй і ўцягнення ў краязнаўчую працу шырокіх колаў працоўнай інтэлігенцыі. Канферэнцыя дазволіла ЦБК наладзіць сувязь з правінцыяльнымі краязнаўчымі арганізацыямі, актывізаваць супрацоўніцтва з расійскімі калегамі з мэтай атрымання метадычнай дапамогі [3, с. 85].

На згаданай канферэнцыі з дакладамі на гісторыка-краязнаўчую тэматыку выступілі рэктар БДУ У. І. Пічэта “Пра крыніцы па гісторыі Беларусі”, дырэктар Беларускага дзяржаўнага музея (БДМ) П. В. Харламповіч “Пра становішча цэнтральнага музея” і супрацоўнік Дзяржаўнага архіва І. М. Барашка “Пра становішча цэнтральнага архіва” [7, с. 2]. Гэтыя нешматлікія выступленні, нягледзячы на тое, што яны не насілі метадычнага характару, акрэслілі асобныя тэмы для гісторыка-краязнаўчага даследавання на бліжэйшы час: выяўленне, вывучэнне і захаванне гісторыка-культурнай спадчыны.

Інфармацыя аб Мінскай краязнаўчай канферэнцыі была апублікавана ў цэнтральнай рэспубліканскай прэсе – у газете “Савецкая Беларусь”, там жа былі змешчаны ў вельмі сціслым аб'ёме і матэрыялы выступленняў дакладчыкаў.

29 лістапада – 1 снежня 1924 г. ужо пасля ўзбуйнення БССР адбылася I Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя, у якой прынялі ўдзел прадстаўнікі розных дзяржаўных устаноў, ЦБК і ўсіх краязнаўчых арганізацый БССР [4, с. 168]. Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя сведчыла, што кіраўніцтва рэспублікі вельмі зацікаўлена ў распаўсюджванні краязнаўства, прычынай такой зацікаўленасці была неабходнасць ва ўсебаковым вывучэнні Беларусі і ўцягненні ў гэты працэс як мага большай колькасці жыхароў краіны, выяўленні найбольш здатных і перспектывістых да навуковай дзейнасці асоб, што набывала найбольшую актуальнасць ва ўмовах катастрафічнага недахопу навуковых кадраў.

На I Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі, як і на Мінскай, абмяркоўваліся пытанні папулярнасці краязнаўства. Прысутныя канстатавалі распаўсюджванне краязнаўчага руху па БССР: у канцы 1924 г. у Беларусі налічвалася 38 цэнтраў краязнаўчай актыўнасці, з якіх 16 – аматарскіх краязнаўчых арганізацый, 8 – краязнаўчых арганізацый ў розных навучальных устаноў [5, с. 10–11].

Адначасова канферэнцыя намеціла перспектывы і метады каардынацыі краязнаўчай працы ў БССР. Асноўнай перашкодай для ўцягнення ў гэту справу шырокіх слаёў насельніцтва і выкарыстання вынікаў іх працы была адсутнасць сувязі паміж краязнаўчымі арганізацыямі і немагчымасць публікацыі вынікаў сваёй працы. Таму для вырашэння дадзенай праблемы было намечана выданне спецыяльнага краязнаўчага часопіса. На канферэнцыі закраналіся і пытанні метадычнага характару. У абавязкі Інбелкульту было ўведзена выданне разнастайных праграм і метадычных прац і падручнікаў для краязнаўцаў [11, с. 170].

Асноўнай крыніцай інфармацыі аб згаданай канферэнцыі стала публікацыя ў часопісе “Асвета”. Гэта было аб'яднанае выданне Народнага камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы БССР, які пачаў выпускацца ў чэрвені 1924 г. на беларускай і рускай мовах. Паколькі ў тагачаснай Беларусі не было наркаматаў культуры і інфармацыі, а таксама адпаведных прафсаюзных выданняў, то на старонках названага часопіса змяшчалася разнастайная інфармацыя па пытаннях культурна-асветнага будаўніцтва, метадыкі і метадалогіі выкладання і прафсаюзнай работы.

Для падвядзення першых вынікаў краязнаўчай дзейнасці, а таксама для замацавання асноўных форм і выпрацоўкі галоўнага накірунку краязнаўчай працы 7–11 лютага 1926 г. у Мінску быў скліканы I Усебеларускі краязнаўчы з'езд. Па характары з'езд істотна адрозніваўся ад папярэдняга лістападаўскага канферэнцыі 1924 г.: калі на апошняй асноўнымі былі пытанні арганізацыі, папулярнасці і кіраўніцтва краязнаўчым рухам, то на з'ездзе пераважалі пытанні метадычнага характару, у адпаведнасці з якімі неабходна было праводзіць практычнае краязнаўчае вывучэнне Беларусі. У чарговы раз было падкрэслена, што галоўная мэта краязнаўчай дзейнасці – гэта “абслугоўванне вытворчых патрэб мясцовых гаспадарчых і культурных устаноў”, якім прадастаўляліся канкрэтныя матэрыялы. Асноўным відам навуковай дзейнасці краязнаўчай арганізацыі было прызнана навуковае апісанне сваёй мясцовасці, якія ў суме складуць падрабязнае апісанне усёй Беларусі [8, с. 83]. На з'ездзе важнае значэнне мелі даклады інструкцыйнага характару, зробленыя вядомымі беларускімі даследчыкамі (А. У. Фядзюшыным, С. М. Некрашэвічам, М. І. Гарэцкім, С. А. Пятровічам, М. В. Доўнар-Запольскім і М. В. Мялешкам). Гэтыя выступленні вызначылі асноўныя напрамкі навуковай дзейнасці краязнаўцаў: выяўленне, улік, ахову і выкарыстанне гісторыка-культурных каштоўнасцей; ахову, збор і назіранне за з'явамі прыроды; выяўленне і вы-

вучэнне вытворчых сіл і мясцовых промыслаў у народнагаспадарчых мэтах [1, с. 77]. Амаль усе даклады, за выключэннем выступлення А. У. Фядзюшына аб прыродазнаўчым вывучэнні Беларусі, прадугледжвалі даследаванні той ці іншай з’явы ў гістарычнай перспектыве.

Вынікі выканання шырокай праграмы дзейнасці, прынятай на I Усебеларускім краязнаўчым з’ездзе, былі падсумаваны на II Усебеларускім краязнаўчым з’ездзе, які адбыўся 10–13 лютага 1927 г. Акрамя справаздачных дакладаў кіраўніцтва ЦБК, акруговых і асобных таварыстваў краязнаўства на II Усебеларускім краязнаўчым з’ездзе таксама была акрэслена праблематыка навуковых даследаванняў краязнаўцаў, тым ліку сезонныя фэналагічныя і метэаралагічныя назіранні, вывучэнне бюджэту часу селяніна, вывучэнне хатніх рамёстваў, збіранне вуснай народнай творчасці і слоўнікавага матэрыялу, апісанне паселішча, апісанне помнікаў старажытнасці і стварэнне археалагічнай карты раёна і г. д. [9, с. 116].

Матэрыялы I і II Усебеларускіх краязнаўчых з’ездаў выйшлі асобнымі зборнікамі [10, 9], а таксама праца з’ездаў шырока асвятлялася ў чарговых нумарах краязнаўчага часопіса “Наш край”.

На II Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі, што адбылася 7–12 студзеня 1929 г. у Мінску, побач з канстатацыяй яскравых поспехаў у справе папулярызацыі краязнаўства і арганізацыі даследавання Беларусі ў розных кірунках, краязнаўчыя арганізацыі рознага ўзроўню крытыкаваліся за недастатковую актыўнасць у галіне вывучэння сучаснай эканомікі і энергетычных рэсурсаў краіны. Як і на папярэдніх краязнаўчых з’ездах кіраўнікі краязнаўчага руху, прадстаўнікі краязнаўчых арганізацый рознага ўзроўню выступалі са справаздачнымі дакладамі. Прагучала таксама шмат інструкцыйных дакладаў, якія насілі праграмны характар. Гэта былі выступленні А. М. Ляўданскага, В. Ю. Ластоўскага, М. І. Каспяровіча, І. І. Цвікевіча і шэрагу іншых спецыялістаў, якія арыентавалі на правядзенне на месцах шырокіх краязнаўчых даследаванняў [2].

Апошнім краязнаўчым форумам міжваеннага перыяду стала III Усебеларуская канферэнцыя, якая адбылася 25–26 студзеня 1930 г. На ёй гучала разгромная крытыка дзейнасці лепшых краязнаўчых арганізацый, кіраўніцтва краязнаўчага руху. ЦБК было абвінавачана ў адсутнасці яснай устаноўкі па эканамічных пытаннях, адзначаўся надзвычай нізкі ўзровень работы па вывучэнні калгаснага руху і прамысловасці, гучалі патрабаванні ліквідацыі нацыянальных секцый пры таварыствах [12, с. 57]. Справаздачнае выступленне старшыні ЦБК А. З. Казака і яго калег стала своеасаблівым падсумаваннем дзейнасці краязнаўцаў за апошняе дзесяцігоддзе. На чарговай канферэнцыі было вырашана актыўна ўключыцца ў сацыялістычнае будаўніцтва і выкананне пяцігадовага плана. Сярод асноўных заданняў для краязнаўчых арганізацый было вывучэнне калгаснага руху ў раёнах суцэльнай калектывізацыі, фабрык і заводаў, быту рабочых і рэвалюцыйнага руху [12, с. 66–67]. Такім чынам план краязнаўчага вывучэння мясцовасці быў кардынальна зменены ў адпаведнасці з новымі сацыяльна-эканамічнымі і палітычнымі рэаліямі.

Матэрыялы II і III Усебеларускіх краязнаўчых канферэнцый самастойнымі выданнямі не выходзілі, а былі змешчаны ў чарговых нумарах часопіса “Наш край”, таму падаваліся ў даволі сціслым выглядзе.

Такім чынам, знакавай падзеяй у гісторыі краязнаўчага руху ў міжваенны перыяд сталі агульнарэспубліканскія сходы краязнаўцаў. Усяго адбылося два усебеларускіх краязнаўчых з’езда, тры ўсебеларускіх краязнаўчых канферэнцыі і адна Мінская краязнаўчая канферэнцыя, якая, нягледзячы на пэўную тэрытарыяльную абмежаванасць, мела вельмі важнае значэнне для разгортвання краязнаўчага руху ў рэспубліцы. Матэрыялы Мінскай краязнаўчай канферэнцыі, I, II і III Усебеларускіх краязнаўчых канферэнцый былі змешчаны ў рэспубліканскім перыядычным друку (газете «Савецкая Беларусь», часопісах «Асвета» і «Наш край»). Даклады на I і II Усебеларускіх краязнаўчых з’ездах, а таксама рэзалюцыі былі выдадзены асобнымі зборнікамі. Усе пералічаныя дакументы маюць выключную навуковую каштоўнасць, паколькі дазваляюць сфарміраваць уяўленне аб адносінах улады, навуковай грамадскасці да такой важнай з’явы, як краязнаўчы рух. Згаданыя крыніцы ўтрымліваюць у тым ліку і статыстычныя звесткі аб колькасці краязнаўчых арганізацый рознага ўзроўню, аб актыўнасці іх работы, змяшчаюць матэрыялы метадычнага і інструктыўнага характару.

1. Гужалоўскі, А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. Гужалоўскі ; навук. ред. У. М. Міхнюк. – Мінск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, 2004. – 192 с.
2. II Усебеларуская Краязнаўчая Канферэнцыя, 7–12 студзеня 1929 г. // Наш край. – 1929. – №1. – С. 49–72.
3. Інстытут беларускай культуры. Гісторыя ўзнікнення. Сучасная структура. Навукова-даследчая дзейнасць / апрац. А. І. Цвікевіч. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 118 с.
4. І. С. Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя / І. С. // Асвета. – 1924. – № 3. – С. 168–169.
5. Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций / Центральное бюро краеведения. – Л. : ЦБК, 1925. – 136 с.
6. Краязнаўчыя арганізацыі БССР // Наш край. – 1925. – №1. – С. 6–10.
7. М. Менская краязнаўчая канферэнцыя // Савецкая Беларусь. – 1924. – 1 красавіка. – С. 2.
8. Пастановы першага Усебеларускага Краязнаўчага З’езду 7–12 лютага 1926 г. ў Менску // Наш край. – 1926. – № 2-3 (5-6). – С. 82–86.
9. Працы другога Усебеларускага краязнаўчага з’езда, 10–13 лютага 1927 года. – Менск : Інбелкульт, – 1927. – 122 с.

10. Працы першага Усебеларускага краязнаўчага з'езда, 7–11 лютага 1926 г. / рэд. А. Смоліч. – Менск : Коштам Ін-та беларус. культуры, 1926. – 81 с.
11. Рэзолюцыі Ўсебеларускай краязнаўчай канферэнцыі па арганізацыйнаму пытаньню і дакладах навуковых устаноў // Асьвета. – 1924. – № 3. – С. 169–171.
12. Трэцяя Ўсебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Наш край. – 1930. – № 2. – С. 50–69.

Яковлева Г.Н.

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ КОНЦА 1920-Х ГОДОВ: ЛОКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В 1920-е годы в СССР происходили огромные социальные сдвиги, затронули они и сферу любви, взаимоотношений между полами, брачно-семейных отношений. Дискуссии по этим проблемам охватили все слои общества, в них участвовали многие видные большевики (А. М. Коллонтай, С. Н. Сидович, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский). Разброс мнений по данной проблематике был чрезвычайно широк и менялся в течение всего десятилетия. Тогда же появились первые опросы среди молодежи об их сексуальных практиках, отношении к браку и семье. Статистика различных опросов тех лет (Гельмана, Ласса, Гуревича и др.) свидетельствовала о широком распространении внебрачных сексуальных связей среди студенческой и рабочей молодежи. Однако к концу 1920-х гг. стало очевидно, что эпохе экспериментов в брачно-сексуальной сфере приходил конец. Верхами был взят курс на укрепление семьи, на воспитание ответственности молодежи за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Слишком много скандалов, страданий и разочарований повлекли за собой практики свободной любви, обмена партнерами и явного сексуального потребительства, слишком не соответствовали эти постреволюционные новшества наступавшей эпохе «Большого скачка».

Изменения в нравственно-эмоциональной сфере в молодежной среде и отзвуки предыдущей вольницы в половом вопросе хорошо прослеживаются и на региональном уровне. Рассмотрим, как витебские студенты относились к этим сложным вопросам через призму их ответов на анкеты тех лет.

В начале 1929 г. проводилось обследование студенчества учебных заведений БССР. В его рамках студентам вузов, техникумов и рабфаков была предложена анонимная культурно-бытовая анкета Центрального Бюро Пролетстуда ЦСПСБ. В Витебске на анкету отвечали студенты семи учебных заведений города: ветеринарного института, художественного техникума, белорусского педагогического техникума, еврейского педагогического техникума, кооперативного техникума, политехнического техникума и витебского рабфака. Анкета включала в себя целый ряд вопросов общественно-политического характера, интересовалась состоянием здоровья, условиями учебы, питания и проживания студентов, а также выясняла состояние брачных и сексуальных отношений в студенческой среде. Обобщенные данные Комиссия по проведению обследования из Минска прислала в Витебский окружной комитет КП(б)Б. Они состояли из двух частей: 1) «Сведений о заполнивших анкету студентах» по каждому учебному заведению и 2) выдержек из студенческих ответов на ряд вопросов, выбранных Комиссией как значимых для партструктур. В первом блоке суммировались ответы студентов на целый ряд вопросов культурно-бытового плана. Эти вопросы предусматривали возможные варианты ответа. Приведем значимые для анализируемой темы вопросы и варианты ответов: играли ли студенты в карты (да-нет-нет ответа), употребляли ли спиртное (да-нет-нет ответа), их отношение к курению (да-нет-нет ответа), ругани (да-нет-нет ответа), пользовались ли косметикой (да-нет-нет ответа). Делались попытки выявить реалии сексуальной жизни молодежи: практиковали ли студенты онанизм (ранее-теперь-нет-нет ответа), имели ли венерические заболевания (да-нет-нет ответа), какова регулярность половой жизни студентов и студенток (нормальная-беспорядочная-воздержание-нет ответа). Выяснялось их представление об идеале половой жизни с предложением таких вариантов ответов: долгосрочные отношения-случайные-воздержание-нет ответа. Подсчитывались отдельно мужские и женские ответы. Во втором блоке приводились достаточно пространственные выдержки из развернутых ответов на вопросы общественно-политического характера, и, что важно для нашего анализа, аргументация студентов по поводу их отношения к заключению брака в студенческие годы. Кое-где приводятся даже дополнения к ответам.

Нами подсчитано, что из 1399 студентов упомянутых учебных заведений на анкету ответили 660 студентов, что составляло 47% от их числа. Среди них было 457 мужчин и 203 женщины, что соответствовало тогдашним гендерным реалиям в образовании. Сложно определима степень искренности ответов студентов. Относились ли они к заполнению анкеты ответственно или формально, проявляли в своих ответах на вопросы конформизм или честность? Ни пытались ли они угадать желательные для центра ответы, скрывали ли нелицеприятные сведения о себе? Формулировки анкеты отражают как уровень ее авторов, так и типичные представления тех лет на проблемы секса

и любви. Трудно судить, что понимали авторы анкеты под «нормальной» половой жизнью: секс в зарегистрированном браке, долгосрочные отношения с одним партнером в гражданском браке или без него? Что означает вопрос о воздержании: вынужденном или сознательном до брака? Интересно, что среди вариантов предлагавшихся ответов об идеале половой жизни, нет ответа о таких отношениях только в браке или хотя бы «по любви». Очевидно, что анкета не удовлетворяла и самих студентов, один из них в дополнении к ответам писал: «Остались без внимания вопросы о дружбе и товариществе среди студенчества, о взаимоотношении полов, где много перегибов, о взгляде на девушек и на любовь». Многих волновало отсутствие товарищеской спайки, культуры отношений между парнями и девушками. Только одних волновала «игра в кавалеров и барышень», а другие отмечали присущее парням «неумение вести себя с девушками» и общую «нашу бытовую некультурность».

В ответах указано только одно признание о наличии венерического заболевания. Очень немногие девушки пользовались косметикой. Если принять за аксиому, что студенты не приукрашивали реалии, то не злоупотребляли они и спиртным. Самыми распространенными формами девиантного поведения студентов были курение, игра в карты и ругань. Многие упоминали про онанизм (естественно, отвечая на порядок чаще, что занимались им раньше, а теперь нет).

О чем же говорят ответы студентов на вопросы о частоте своей половой жизни, ее идеале и отношении к браку в студенческие годы? Ответы разные, часто противоречивые, говорящие о сумбуре и путанице в головах молодежи тех лет. Старые социальные роли и бытовые практики разрушились, новые еще не устоялись. Очевидна тенденция автономизации сексуальности от брачности. Однако студенты, в отличие от авторов анкеты, говоря о сексе, упоминали о любви. По ответам видно, что кто-то испытал разочарование в чисто физиологическом отношении к сексу, парни и девушки желали не просто половых контактов, а писали о желании любви, нехватке теплоты человеческих отношений, т.е., используя лексику тех лет, хотели «любви с черемухой». «До этого времени я не хотел останавливать свое внимание на одной девушке и предпочитал гулять со многими, и мне приходилось гулять со многими такими, с которыми можно и побаловаться – «пожмать» и т.д. Но с некоторого времени мне эта «физика» ужасно надоела. Я увидел всю пустоту и мерзость этого и решил найти лучше одну интересную девушку и уделить больше внимания духовным чувствам и в этом я нашел большое удовлетворение. Так как студенческая жизнь настолько черства, так слабо привито подлинное товарищество и дружба между ребятами, так мало весь коллектив в целом интересуется психологическими моментами жизни своих отдельных членов, так мало знают ребята, живущие даже в одной комнате, об интимной жизни друг друга, так мало у нас теплого, человеческого, товарищеского отношения друг к другу, что не иметь хорошего близкого друга девушку, а девушки вообще более чутки и отзывчивы, можно совершенно очерстветь и отупеть духовно и еще больше закрыться в себе. Вместе с тем, я против брака в студенческие годы, брака вообще» [1, л. 404 об.]. «В студенческие годы можно и даже нужно любить, для того, чтобы внести теплоту и свет в серую и однообразную студенческую жизнь, но я решительно против того, чтобы в студенческие годы брать на себя обузу как женитьба. Во-первых, это мешает нормальному ходу занятий и влечет за собой хлопоты и беспокойства. А с другой стороны, в условиях техникума нельзя вкусить всех прелестей брачной жизни», – пишет двадцатилетний студент [1, л. 404].

Иногда анкетированные пишут о любви в несколько странном контексте. «Брак мешает учебе. Но если влюбился, ничего не сделаешь. Очень хорошо будет, если выйдешь за любимую, в противном случае, утратишь свое здоровье» [1, л. 413 об.]. С одной стороны, автор приветствует влюбленность и брак с любимой. С другой стороны, неясно, что он понимал, когда писал об опасности утраты здоровья: его расшатанности от воздержания или от угрозы заболеть венерическими заболеваниями при многочисленных и случайных контактах? Или о «возможном параличе или размягчении ума» при злоупотреблении половыми контактами?

Для другой части студентов сохраняла актуальность «любовь без черемухи», здесь секс снимал психофизиологическое напряжение либо был данью моде. Иногда в ответах проскальзывает чисто потребительское отношение к партнеру. Парень 20-ти лет отрицает брак в студенческие годы, но не исключает того, чтобы «иметь девушку, с которой можно было бы весело проводить время». «Рано связываться материальной жизнью и материально это трудно, но периодические половые сношения необходимы, потому что часто половое возбуждение вызывает такую вялость, ленивость и даже пессимистическое настроение, из которого может вывести только любимая девушка», – замечает парень 18 лет [1, л. 404]. В этом ответе парадоксальным образом сочетается экономический прагматизм, признание чистой физиологии (термин «половые сношения») и в тоже время употребляется выражение «любимая девушка».

Анкеты подтверждают активное вовлечение в добрачные сексуальные отношения девушек. Они тоже, хотя и гораздо реже, чем парни, признавались в наличии «беспорядочных» сексуальных контактов. Этому способствовало уравнивание полов в правах, обучение за одной партой учебного заведе-

ния, сокращение контроля со стороны родителей, церкви, общественности. Новые социальные реалии и изменение моральных установок – все это способствовало увеличению числа половых контактов. Студентка пишет о браке: «Прочного взгляда у меня нет. По-моему, без детей, которые мешают работе, это полезно, потому что по моему темпераменту у меня бывали такие моменты, когда я не могла заниматься. Теперь этого нет, так как работа отнимает у меня все время. Два года назад я была со своими парнями в близких товарищеских отношениях, что известно влияло, теперь общественная работа вытеснила это» [1, л. 417 об.]. Представляется, что фраза о «близких товарищеских отношениях» звучит достаточно прозрачно.

И все же, по нашему мнению, данные анкет свидетельствуют о преувеличенности представлений о размахе сексуальной свободы в 1920-х гг. По крайней мере, к концу 1920-х гг. и среди витебских студентов, количество сексуальных контактов было не столь велико. Их распространенность была выше у парней. Но и они часто отмечали отсутствие регулярных или случайных половых контактов и признавали воздержание как свою реальную повседневность. Огромное количество студенток в ответах о случайных связях ставило прочерк или не отвечало на вопрос. Большинство студентов высказывались за долгосрочные отношения как идеал половой жизни, проявили ответственное отношение к проблеме рождения детей. Девушек волновала проблема первого аборта.

Большинство анкетированных отрицательно относились к вступлению в брак в годы учебы. Чем же они обосновывали его неприятие в студенческие годы? 1. Брак мешает учебе 2. Браку мешает экономическая необеспеченность 3. Половые отношения отрицательно влияют на умственные способности. На них отрицательно влияет и появляющаяся в браке ревность. 4. В браке появляются дети, которые отнимают время и бьют по карману, а аборт по здоровью.

«Нет. Потому, что половые отношения *притупляют умственные способности*, и они рано связывают человека, который еще не жил по-человечески. Естественно, есть исключения» [1, л. 417 об.]. «Жена должна быть самообеспеченная. Поскольку студенчество вообще не обеспечено, то и отпадает вопрос о женитьбе в студенческие годы» [1, л. 404]. Иногда и в ответах девушек сквозит усвоенное к этому времени несколько облегченное представление о браке. «Сама была некоторое время замужем, это глупость. В техникуме нельзя выходить замуж, детей иметь нельзя, а аборт делать не хочется. Приходится мучиться, *пока ушла*», – сетовала студентка 22 лет [Там же, л. 413 об.]. Фактически о том же пишет еще одна респондентка: «С учетом своего годовичного опыта: нет, так как где-нибудь да не успеешь. Стала нервной, боязнь забеременеть и опасность первого аборта. Иметь ребенка плохо, но он будет мешать учебе. В результате вольнка и чуть не пессимизм» [Там же, л. 288].

Те, кто студенческие браки признавал, аргументировали это так: 1. В том случае, если требует половое влечение. 2. Брак может улучшить экономическую обеспеченность. 3. Несмотря на материальные трудности и бытовую неустроенность брак возможен из-за любви.

«В студенческие годы я считаю можно вступать в брак. А почему на этот вопрос я отвечу другим вопросом, что лучше, беспорядочные половые отношения и неизвестно с какими личностями или иметь одну определенную, известную», – таково обоснование студента 22 лет. «Да. Если студент до этого уже имел отношения с женщинами и это вошло в некоторую физическую потребность, то необходимо, потому что иначе это отразится на здоровье (из своего опыта), а если не имел, то лучше не вступать, если это не повлияет на потребность», – считал женатый студент ветинститута 38 лет. «В 20 лет не надо, а в мои 28 надо: толкает на путь случайных встреч, могут быть венерические заболевания» [1, л. 411]. «Почему нет. Особенно таким личностям, которым это необходимо. Я считаю, лучше вступить в брак, и жить нормально, чем коверкать вопрос, заниматься онанизмом и т.д. Другое дело, это материальная обеспеченность». «Да, так как человек становится более спокойным, ответственным, трудоспособным и делается более серьезным», – таково мнение студента кооперативного техникума [Там же, л. 409]. «Да. Женитьба не так много отнимает времени мужчин (!), а, между прочим, делает его более спокойным. Но жениться без гроша в кармане нехорошо и даже нечестно по отношению к детям, если они будут» [1, л. 288].

Если встретится хорошая девушка, которая бы подходила бы тебе, то почему бы ни жениться». «Если очень нравится девушка и без нее делается грустно, то в таких случаях я считаю возможным. Но надо обращать внимание на экономическое обеспечение» [1, л. 417 об.]. Интересна следующая цитата, которую можно трактовать по-разному: «Долгосрочное сожительство признаю тогда, *когда буду сильно любить мужа*, в ином случае признаю развод или случайные встречи. Замуж идти или жениться можно, когда человек имеет в руках кусок хлеба и не зависит от учебного заведения». Девушка в соответствии с представлениями времени уравнивает фактический и юридический брак, но готова на него только по любви и при экономической обеспеченности. До брака она признает случайные половые отношения, но в случае сильной любви готова вступить в долгосрочное сожительство, при этом употребляя понятие муж. В любом варианте она заявляет о разводе по причине отсутствия любви.

Таким образом, можно признать, что глубокие изменения в данной сфере социальных связей затронули молодежь всей страны. Старые социальные роли и бытовые практики разрушились, новые

еще не устоялись. Студенчество было в курсе дискуссий тех бурных лет, но медленнее перестраивалось в соответствии с изменением взглядов верхов. На местном уровне налицо обозначилась весьма пестрая картина нравов, в которой можно увидеть и поиски глубокого человеческого счастья и настоящей любви, и одновременное метание и желание быть «как все». Много тогда было наносного, чужеродного, но уровень сексуальной раскрепощенности витебских студентов был все же не столь высок. Хотя очевидно, что половые контакты отделялась от брачности, осуществлялся переход к единой сексуальной морали среди девушек и парней. Ощущала молодежь и свою ответственность за будущее детей.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 735.

Дианова Е.В. **КООПЕРАТИВНЫЙ КОНТЕНТ СОВЕТСКОГО КИНО 1920-Х ГОДОВ**

Визуальный поворот в исторической науке способствовал введению в активный научный оборот кино- и фотодокументов. Кино как изобразительный источник, являясь продуктом определенной эпохи, несет в себе ее идейные установки и социокультурные ориентиры. Художественное освоение реальной действительности кинематографистами запечатлело на экране внешний вид людей, особенности социальной коммуникации, орудия труда, технические приспособления, архитектурные сооружения того времени, когда был создан тот или иной фильм. Кино позволяет созерцать визуальные образы повседневной жизни, традиционной культуры (танцев, костюмов и т.п.), обрядовых действий, производственных процессов, социальных явлений и исторических событий, даже если это не документальный, а игровой фильм.

В свою очередь антропологический поворот в гуманитарных науках помогает взглянуть на кино с позиций визуальной антропологии. В советском кино 1920-х годов можно найти сюжетные линии, связанные с кооперативной темой. С целью обнаружения визуальной информации о кооперации фильмы рассматриваются «сквозь антропологическую призму» [1, с. 11]. Для изучения истории кооперативного движения данный подход обеспечивает возможность интерпретации их содержательной стороны в свете визуальной антропологии. Герменевтический анализ кинокартин путем выявления смысла данного произведения искусства в контексте исторической эпохи помогает обнаружить в них кадры, связанные кооперативным строительством при нэпе, в том числе создание потребительских обществ или сельскохозяйственных артелей. Как в игровых фильмах, так и кинохронике, отражающей реальные события, кооперативный контент присутствует в титрах и киноскриптах. Кино-скрипт – это попавший в кадр текст на вывесках, объявлениях, лозунгах, призывах, плакатах и транспарантах с упоминанием кооперативных обществ и союзов.

Художественные и документальные фильмы, посвященные кооперации, отражали актуальные вопросы кооперативного строительства. Режиссеры и сценаристы, выполняя социальный заказ, стремились правдиво отразить реальную действительность, поэтому произведения искусства способствуют формированию исторических представлений о нэпе, когда кооперация была провозглашена «столбовой дорогой к социализму». В 1920-е годы выпуском кооперативных фильмов занимались государственные и коммерческие киностудии: Госкино, «Культкино», «Межрабпом-Русь», «Совкино» и др. Из сохранившихся произведений кинематографии 1920-х годов можно назвать кинокартины «Закройщик из Торжка», «Красавица Харита», «Морока», документальный фильм «Кино-Глаз» режиссера Дзиги Вертова. Некоторые игровые кинокартины сняты по заказу Центросоюза в целях кооперативного просвещения, чтобы полнее освещать хозяйственную (заготовительную, сбытовую, производственную, торговую) и культурно-просветительную работу потребительской кооперации.

Кооперативная кинопропаганда предназначалась для населения, которое «всегда легко попадает на удочку частного торговца, вредя этим своему кооперативу и своим интересам». Жителям городов и сел внушалось, что «несознательность, непонимание своих интересов может легко погубить лучшие начинания», чтобы не допустить «торжества частного над кооперативной лавкой», нужно проводить кооперативное просвещение с целью поголового кооперирования трудящихся, чтобы оно поняло все выгоды от участия в кооперации. Как и прежде, «малокультурным потребителям» нужно было разъяснить, что кооперация – это «путь к объединению бедняков и эксплуатируемых на почве их общих интересов» [7, с. 6]. XIII съезд РКП(б) потребовал целиком передать в руки кооперации дело по обслуживанию «распыленной деревенской торговли». Основным вопросом во внутренней торговой политике стали конкуренция кооперативной и частной торговли, «применение кооперации к борьбе с частным капиталом» [9, с. 92, 386].

Одной из первых кооперативных кинокартин стал игровой фильм «Всем на радость» (Культкино, 1924), который снял режиссер Александр Анощенко-Анод по заказу Центросоюза. По жанру фильм

рекламировался как драма, что предполагало развитие действия с острым социальным конфликтом. Драматизм постановки отражал борьбу кооператоров с частником: «Кулак-торговец держал в кабале крестьян одной из деревень. Руководимая горе-кооператором плохонькая кооперация тщетно пыталась бороться с кулаком. Но вот в деревню возвратился демобилизованный красноармеец. Опираясь на помощь крестьян и селькора, он наладил кооперативную торговлю и полностью вытеснил кулака. Победа кооперации вызвала подъем экономического благосостояния деревни: была построена электростанция, открылся кинотеатр» [8, с. 55].

При нэпе идея вытеснения с рынка частной торговли кооперацией, так или иначе, присутствовала во многих фильмах. В фильме «Закройщик из Торжка» (Межрабпом-Русь, 1925) режиссера Якова Протазанова лавочник Семижилов, владелец частного торгового заведения с вывеской «Колониальная и бакалейная торговля И. И. Семижилова», жалуется соседу, что с открытием кооператива его торговые дела стали хуже некуда: «Жить не дает кооперация проклятая...». В кадре показано, что в частной лавке нет покупателей, а у дверей кооператива напротив – толпится народ [3].

В фильме «Морока» / «Две силы» (Госкино, 1925) режиссеры Евгений Иванов-Барков и Юрий Тарич показали, как деревенские комсомольцы с помощью стенгазеты и других средств массовой агитации противостоят местным торговцам. Кино-скрипт дает информацию из стенгазеты «Красный луч», где комсомольцы нарисовали карикатуру с надписью: «Богатей Бухвалов – нахал из нахалов, бедняков обирает, пузо отпускает». В фильме представлена одна из самых распространенных форм культурно-просветительной работы в деревне – народный театр. Спектакль посвящен злободневной теме – борьбе с сельскими лавочниками. Правда, попытка высмеять кулаков в самодеятельной театральной постановке на сцене, где висел плакат с призывом: «Подрывай кулаку махинацию – строй кооперацию!», закончилась потасовкой молодых активистов с напавшими на них односельчанами [6].

Театральный режиссер Василий Сахновский единственный свой фильм «Крестовик» (Совкино, 1926) посвятил преодолению старых устоев в одном из отдаленных северных сел. В 1920-е годы «веяния новой жизни почти не коснулись деревни Медвежий Лог, расположенной на севере страны. Как и прежде, крестьяне и охотники вынуждены втридорога покупать соль и порох у местного кулака – мироеда Вагина; по-прежнему ореолом святости и благочестия окружен юродивый монах Ферапонт – верная опора кулака. Новое ворвалось в глушь вместе с экспедицией, прибывшей на строительство железнодорожной ветки. Начальник экспедиции Шадрин и председатель сельсовета вербовали крестьян на работу, разъясняя, какие выгоды принесет Медвежьему Логу железнодорожная магистраль. Одновременно в селе был организован кооператив. Больше не надо было за бесценок отдавать пушнину кулаку Вагину и покупать в его лавке соль и порох. Вагин понял, что ему грозит смертельная опасность. При активной помощи монаха Ферапонта он развил бешеную агитацию против строительства. Железная дорога должна пройти через холм, на котором стоял большой деревянный крест, которому местное население придавало значение святости. Вагин и Ферапонт толкнули население на попытку разрушить станцию. Рабочая охрана стройки и наиболее сознательная часть крестьян-бедняков отстояли строительство» [8, с. 144]. В фильме открытие кооператива является таким же действенным способом преодоления старых устоев, как и строительство железной дороги.

В 1920–1930-х годы в центре внимания кинематографа оказалось создание сельскохозяйственных артелей и коллективных хозяйств. Кино транслировало решения партийных съездов, призывавших к «организации бедняцких и середняцких слоев против кулачества, ростовщического капитала, против эксплуатации этих низших слоев». Причем данная организация была возможна только «на почве кооперирования этих слоев, на почве общественной аренды рабочего скота, товариществ по закупке скота, инвентаря, общественной обработки земли». Для РКП(б) кооперация выступала «орудием социальной политики в деревне, организации вокруг пролетарской диктатуры бедняцких и середняцких слоев и средств поднятия их экономической мощности против кулацких элементов» [9, с. 395].

Одним из сохранившихся фильмов по данной тематике является картина режиссера Льва Шеффера «Красавица Харита» (Совкино, 1927), другие названия – «Двор» и «Нелепое сердце». В написании сценария фильма приняли участие Лев Шеффер и Ипполит Соколов. Кинокартина снята по мотивам рассказа Анны Каравановой «Двор», где рассказывается о двух крестьянских семьях – середняка Степана Заломина и кулака Маркела Бурмина. Красавица Харита – это корова Степана.

Аннотация телеканала «Культура» раскрывает подробности сюжета фильма «Красавица Харита», где события развиваются в украинской деревне в начале 1920-х годов: «Главный герой Степан Заломин недавно вернулся с Гражданской войны, где служил в Красной армии. А сын его соседа – зажиточного крестьянина Бурмина – в эти годы ухаживал за женой Степана. Заломин прогнал неверную супругу, и она поселилась у Бурминых, а те потребовали у бывшего мужа приданое – корову Хариту. Однако у главного героя были другие планы: с Харитой он вступил в сельхозартель и стал председателем. По заданию Бурмина Степана Заломина ранили, однако врагов арестовали» [5]. В фильме наряду с показом патриархальных пережитков и предрассудков традиционного сельского

общества запечатлены социальные инновации (изменение положения женщины в обществе, сельхозартель) и технические новшества (радио) – яркие приметы советской действительности.

В период нэпа пропаганда кооперативного строительства осуществлялась средствами документального кино и кинохроники. Архивистами выявлено 17 фильмов о работе кооперативных организаций, 17 киножурналов, 10 сюжетов кинолетописи, относящихся к истории кооперации 1921–1929 гг. Киножурналы представлены названиями: «Госкинокалендарь», «Кино-Правда», «Комсомол», «Ленинградский Госкинокалендарь», «Совкино-журнал». Режиссер «Кино-Правды» был Дзига Вертов, он же руководил выпуском «Госкинокалендаря» (Культкино), который в 1925 г. преобразовали в «Совкиножурнал» [2, с. 60].

В кооперативной кинохронике есть сюжет, посвященный празднованию Международного дня кооперации в Москве 5 июля 1924 г., с кинокадрами, где дети держат транспаранты: «Ребята! Для наших нужд создаем школьные кооперативы», «Не посеешь кооперацию, не пожнешь коммунистического воспитания», «Да здравствует кооперация – путь к социализму!». Кооперативные организации принимали деятельное участие в культурно-просветительной деятельности, оказывали материальную помощь народному образованию. В «Совкиножурнале» (1929, № 17) присутствует сюжет о школе, возведенной на средства крестьян – пайщиков сельской кооперации села Новлянское Иваново-Вознесенской губернии [2, с. 61].

Для фильма «Кино-Глаз» (1924) режиссер Дзига Вертов снял проведение кооперативного праздника на селе. Об этом сообщают кино-скрипты – плакаты «Сегодня Международный день кооперации» и «Работница и крестьянка, иди в кооперацию». Вслед за этим в кадре появляются титры: «Кооператив – детям». В фильме показано, как пионеры строем идут по деревне, по всей видимости, к зданию сельпо, где в честь Международного дня кооперации кооператоры приготовили праздничное угощение для деревенских ребятишек. В следующей части запечатлено участие городских пионеров в кооперативной агитации и пропаганде. Две пионерки, расклеивают плакаты «Кооперация ведет борьбу с дороговизной. Помог ли ты ей?», «Покупай в кооперативе всё, в частной лавке – ничего», «Не давай купцам наживы, покупай в кооперативе» [4].

Расширение исследовательского поля историков и внедрение в научный оборот визуальных источников обусловили возникновение новых направлений в исторических исследованиях, в частности, «визуальной антропологии». Изобразительные материалы, фото- и кинодокументы стали дополнительным источником для изучения социокультурных трансформаций, различных общественных движений, в том числе кооперативного движения. Кооперативный контент обнаруживается как в игровом, так и документальном кино 1920-х годов. Художественные фильмы и кинохроника выступают в качестве изобразительного источника, дополняющего общие представления о кооперативной политике партии и государства в период нэпа, в том числе о роли кооперации в вытеснении с рынка частной торговли и насаждении коллективных методов хозяйствования в деревне.

1. Александров, Е. В. В поисках предмета визуальной антропологии / Е. В. Александров // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 7–20.
2. Бабкин, А. А. Кинодокументы РГАКФД по истории кооперации в СССР. 1921–1929 гг. / А. А. Бабкин // Отечественные архивы. – 2009. – № 2. – С. 60–66.
3. Закройщик из Торжка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/live/movies/16796/zakroishik-iz-torzhska>. – Дата доступа: 17.03.2023.
4. «Кино-глаз» (1924) // YouTube. – Дата доступа: 17.03.2023.
5. Красавица Харита / Двор / Нелепое сердце [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/live/movies/14890/krasavica-kharita-dvor-nelepoe-serdce>. – Дата доступа: 17.03.2023.
6. Морока / Две силы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/live/movies/17480/moroka-dve-sily>. – Дата доступа: 17.03.2023.
7. Осипович, М. Культурно-просветительная работа кооперации / М. Осипович. – Москва : Центросоюз, 1926. – 22 с.
8. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: Немые фильмы (1918–1935). – Москва : Искусство, 1961. – 529 с.
9. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. – Москва : Госполитиздат, 1963. – 884 с.

Жилинская И.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СССР В СФЕРЕ КИНО: ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Сфера киноискусства давала довольно много возможностей для формирования положительного имиджа молодого советского государства в зарубежных государствах, и в первую очередь, западноевропейских. Так, уполномоченный Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) во Франции писал в 1931 г.: «Наши фильмы – замечательно удобное средство для привлечения к нам новых сочувствующих групп и лиц» [1, с. 116]. Поэтому продвижению советского кино в зарубежные страны стало одним из основных направлений советской культурной дипломатии.

Документы, касающиеся международных связей СССР в сфере кино, а также продвижения советского кино за рубежом хранятся в Российской государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Некоторые документы можно найти и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

В РГАЛИ основная масса рассматриваемых документов хранится в следующих фондах: 2456 (Министерство кинематографии СССР), 2496 (Всероссийское фотокинематографическое акционерное общества «Совкино»), 2497 (Всесоюзное государственное кинофотообъединение «Союзкино»), 2918 (Всесоюзное объединение по экспорту и импорту кинофильмов «Совэкспортфильм»), 2923 (Центральный дом кино).

Все имеющиеся документы можно условно разбить на несколько основных групп.

Одна из наиболее значимых групп документов, дающих представление о работе зарубежных представительств СССР по продвижению советских фильмов на зарубежные экраны – это переписка между ЦК ВКП(б), НКВД, НКВТ, Комитетом по делам искусств о прокате советских фильмов за рубежом и работе Союзинторгкино, о приезде иностранных деятелей, организации отдельных мероприятий и т.д. Через переписку ЦК ВКП(б) и НКВД давал директивные указания по организации такой работы, с другой стороны, эти органы освещали свою позицию по тем или иным вопросам, возникающим в процессе работы, давали свое разрешения (или запрещение) на те или иные мероприятия. В этом отношении помимо документов РГАЛИ важны и отдельные документы РГАСПИ, например, письма и докладные записки председателя Главного управления кинофотопромышленности Б.З. Шумяцкого В.М. Молотову (документы фонда 82 описи 2), а также в Отделы ЦК ВКП(б) (документы фонда 17 описей 114, 120 и др.).

Наиболее значительное место в данной группе документов занимает переписка торговых представительств СССР в зарубежных странах, находящихся в системе Народного комиссариата внешней торговли и Союзинторгкино. Связано это с тем, что массовый прокат советских фильмов за границей являлся коммерческим прокатом, поэтому этот процесс курировался НКВТ.

В 1920–1930-е гг. право вывозить за границу советские фильмы имела только автономная экспортно-импортная контора Союзкино (Инторгкино) [2, с. 402]. В 1933 г. постановлением СНК СССР от 11 февраля было организовано Главное управление кинофотопромышленности (ГУКФ) при СНК СССР. При этом управлении была организована хозрасчетная контора по экспортно-импортной работе и связи с заграничной кинематографией (Союзинторгкино) [2, с. 456]. Но уже 27 мая того же года появилось постановление СНК СССР «Об организации Всесоюзного объединения Союзкиноэкспорт в системе Народного комиссариата внешней торговли СССР», согласно которому ГУКФ должен был передать все операции по экспорту вновь созданной организации [2, с. 461]. Таким образом, реализация советских фильмов за границу полностью переходило в ведение НКВТ. Но 28 сентября 1934 г. вышло постановление СНК СССР «О реорганизации ГУКФ при СНК СССР», которое устанавливало Всесоюзную государственную контору по киноимпорту и киноэкспорту (Союзинторгкино), ведущую свою импортно-экспортную работу под контролем НКВТ [2, с. 484]. В структуре зарубежных торговых представительств были созданы киноотделы. При этом важно отметить, что на протяжении 1926–1932 гг. киноотдел Берлинского торгового представительства являлся центром работы во всей Европе, а в 1934 г. в Париже был создан Европейский центр ГУКФ Союзинторгкино (в документах НКВТ он именуется как киноотдел Парижского торгпредства, что явилось отражением двойственности в управлении Союзинторгкино, и в целом, экспорта советских кинофильмов). В ведении Европейского центра находились страны: Франция, Бельгия, Швейцария, Люксембург, Испания, частично Англия, другие страны Европы [12, л. 21].

Таким образом, наибольший массив документов переписки приходится именно на Берлинское и Парижское торгпредство, достаточно большое количество документов по переписке и с Американским представительством, где продвижение советских фильмов шло наиболее успешно. Сама переписка содержит достаточно информативный материал по условиям продажи и проката советских фильмов зарубежными фирмами-прокатчиками, особенностям прохождения советскими кинолентами цензурных органов. Имеется достаточно много материала и по некоммерческому прокату, а именно информации по организации закрытых просмотров советских фильмов, не получивших цензурную лицензию для массового проката.

В отношении некоммерческого проката советского кино в зарубежных странах, следует отметить, что он стал использоваться с середины 20-х гг. Часть советских кинокартин, запрещенных цензурой или не имеющих шансов на получение цензурной визы передавались для закрытого проката в клубах и на «сеанс-приват». Некоммерческим прокатом активно занимались и Общества Друзей СССР. Кроме того, советские фильмы за рубежом появлялись и посредством ВОКС, который имел киносекцию и снабжал Общества Сближения с СССР советскими кинолентами, преимущественно документальными короткометражными, для закрытого показа. В этом отношении наиболее инфор-

мативными являются документы киносекции ВОКС, хранящиеся в ГАРФ, фонде Р-5283 (Оп. 1. Ед.хр. 91; Оп. 2. Ед.хр. 32; Оп.12. Ед. хр. 41, 68 и др.).

Еще одной важной группой документов в отношении рассматриваемой проблемы являются отчеты и обзоры деятельности торгпредств, отчеты Союзинторгкино. В этом отношении особую информативную ценность представляют собой отчеты Союзинторгкино по экспорту и импорту¹. Данные документы содержатся в нескольких фондах РГАЛИ, но наибольшая их концентрация в фондах 2456 и 2918.

Отчеты содержат информацию по продажам фильмов за рубеж для массового коммерческого проката, сведения о зарубежных прокатных компаниях, работающих с советскими фильмами, их материалы по показам, количеству экранов и количеству зрителей и т.д. Особо следует выделить «Тезисы докладов и отчеты Директора Европейского центра Союзинторгкино» [12]. В данных документах в концентрированном виде дается информация по работе по продвижению советских кинолент во Франции и других европейских странах в период с 1934 по 1937 год включительно.

К указанной группе документов следует добавить и различного рода докладные записки и справки, поясняющие отчеты, либо дающие к ним дополнительную информацию. Например, «Докладная записка директора Акционерного общества «Межрабпомфильм» о совместных постановках фильмов с иностранными фирмами» [9], «Историческая справка о Акционерном обществе «Межрабпомфильм» [3], «Справка по вопросу об изъятии кадров врагов народа из художественных фильмов и хроники в США» [13, л. 6–8] и др.

Особую важную группу документов составляют отзывы иностранной прессы о советских фильмах. В фондах РГАЛИ есть единицы хранения, содержащие отзывы иностранной прессы о советских фильмах, демонстрировавшийся на выставке в Венеции (1934 г.) [4–6], вырезки из иностранной прессы с отзывами о советских фильмах [7]. Но наиболее значимыми в этом отношении являются Информационные бюллетени Союзинторгкино, содержавшие информацию о демонстрации советских фильмов за рубежом и отзывы прессы на них. Такие бюллетени начинают появляться в 1937 г. на правах рукописи и нигде не публиковались, содержали информацию по месяцам, делились в основном на 4 раздела: 1 раздел. «Сведения о демонстрации на зарубежных экранах советских фильмов» (по странам и городам). В ряде случаев помещалась информация о количестве сеансов и количестве зрителей, посмотревших тот или иной фильм.

2 раздел. «Отзывы прессы о советских фильмах». Отзывы о советских фильмах отбирались из разных периодических изданий разных стран. В большей части отзывы имеют положительный характер, или содержат небольшую критику, но встречаются и негативные – в меньшей степени. При этом важно отметить, что бюллетени как правило включают и отзывы профессиональных газет и журналов по киноискусству, как например, ведущий американский еженедельник *Variety* и газета *Daily Variety* (Лос-Анжелес), «Ла синематографи Франсэз» («*La Cinématographie française*») (Париж), издания издательской корпорации *The Film Daily* и др.

3 раздел «Хроника», содержит информацию, взятую из зарубежных СМИ по развитию кинодела в различных зарубежных странах. Среди этой информации встречается и данные по демонстрации советских фильмов за рубежом, контактах советских представителей киноискусства с их зарубежными партнерами.

Некоторые бюллетени содержат 4 раздел «Статистика», который помещает различного рода статистические сведения по киноделу в зарубежных странах, встречается статистика и по советским фильмам, демонстрируемым на зарубежных экранах. Информация, как правило, взята из иностранных СМИ, материалов ТАСС или Информбюро.

Информационные бюллетени хранятся в РГАЛИ в фондах 2918 и 2923, Информационный бюллетень № 24 за август 1937 г. находится в фонде 962.

Политика советского государства в отношении импорта и проката зарубежных фильмов в СССР² отражена в документах фондов 2496 и 2497 который содержит Удостоверения Главного комитета по контролю за репертуаром (Главрепетком), отчеты работы Редакции Совкино³, докладные записки, протоколы по просмотру закупленных для СССР кинокартин. В данных документах приводятся списки разрешенных, запрещенных к показу фильмов, а также фильмов, требующих определенной «обработки», т.е. вырезок.

В этом отношении хотелось бы обратить внимание на документ «Сведения о зарубежных фильмах, разрешенных и запрещенных к демонстрации на экранах в СССР за период с 1 октября 1925 г. по

¹ В начале 1930-х гг. импорт зарубежных кинокартин в СССР для массового проката практически прекратился, основными статьями импорта Союзинторгкино стали кинолента, химические реактивы, кинооборудование и т.д.

² Зарубежные фильмы активно экспортировались в СССР приблизительно до 1932 г., в дальнейшем импорт резко сократился и сошел на нет. так согласно докладной записке Б.З. Шумяцкого в период с 1934 по 1936 гг. в СССР для массового показа было импортировано только 5 художественных фильмов.

³ Редакция Совкино занималась просмотром импортируемых зарубежных фильмов и давала свои рекомендации Главрепеткому по поводу разрешения или запрещения показа той или иной кинокартины.

1 октября 1926 г.», из которого следует, что 46% всего импорта зарубежных фильмов в СССР составляли картины американского производства, при этом 58% прошли цензуру и были разрешены к демонстрированию. В этом отношении заведующий редакцией Совкино в своем отчете отмечал, что «наибольший процент приемлемости фильмов для нашего экрана дает Америка. На импорт фильм из этой страны и следует обратить главное внимание» [10, л. 1]. На второе место в документе была поставлена Германия, так как «германский фильм в значительной мере поддается обработке и имеет технические и художественные достоинства» [10, л. 1]. В документе рекомендовалось с особой осторожностью покупать французские фильмы, особенно французский исторические и «салонные» драмы, так как эти фильмы за малым исключением «почти не поддаются обработке» [10, л. 1]. От покупки итальянских фильмов и вовсе рекомендовалось отказаться.

Интерес представляют и протоколы просмотров зарубежных фильмов редакцией Сектора продвижения фильмов. В них описывается содержание фильма по частям, дается заключение – общее впечатление о фильме (фильм «сильный» или «слабый», режиссерская и актерская работа, постановка, свет и т.д.), и в конце – рекомендация о разрешении или запрещении фильма. Встречаются и протоколы, в которых рекомендуется отослать фильм на пересмотр в Главрепетком (чтобы последний пересмотрел свое решение) [11, л. 190б].

В отношении анализа личных контактов советских и зарубежных режиссеров и актеров имеют большое информативное значение документы, содержащие стенограммы бесед с представителями зарубежной киноиндустрии и киноискусства, например, с американским режиссером Франком Капра и кинодраматургом Робертом Рискиным [8], а также личные фонды С.М. Эйзенштейна (1923), А.П. Довженко (2081), В.И. Пудовкина (2060), А.Г. Рошаля (2331), Братьев Васильевых (2733), Н.В. Эрка (2794), Е.Л. Дзигана (3015), Л.З. Трауберга (3016), С.И. Юткевича (3070) и других.

Таким образом, представленные документы дают возможность в достаточном объеме реконструировать политику Советского Союза в сфере международного сотрудничества в сфере киноискусства, и особенно в отношении продвижения советских кинокартин на зарубежные экраны.

1. Белогловский, Е. С. Очерки истории советско-французских культурных связей. 1924–1939 гг. / Е. С. Белогловский. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 320 с.
2. Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. : док-ты / сост. А. Л. Евстигнеева. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 606 с.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). – Ф. 962. Оп. 3. Д. 58.
4. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 1. Д. 116.
5. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 1. Д. 117.
6. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 1. Д. 118.
7. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 1. Д. 121.
8. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 1. Д. 200.
9. РГАЛИ. – Ф. 2456. Оп. 4. Д. 17.
10. РГАЛИ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 11.
11. РГАЛИ. – Ф. 2497. Оп. 1. Д. 33.
12. РГАЛИ. – Ф. 2918. Оп. 1. Д. 2.
13. РГАЛИ. – Ф. 2918. Оп. 1. Д. 5.

Вишневский И.А.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА БЕЛОРУССКОГО ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО СИНОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

При изучении темы репрессий в отношении православной церкви на территории Белорусской ССР в 1920–1930 гг. исследователи в связи с ограниченностью доступа к материалам архивов ведомства КГБ акцентируют внимание на документах государственных и партийных органов. Вместе с тем, малоисследованными в раскрытии озвученной тематики остаются материалы органов управления Белорусской обновленческой церкви, которые являются фактически единственными сохранившимися документальными собраниями конфессиональных органов управления за рассматриваемый период.

В настоящей статье хотелось бы обратить внимание на информационный потенциал материалов архива Белорусского обновленческого Синода – наиболее значительного по объему обновленческого документального комплекса, в освещении проблемы репрессий против православного духовенства.

В составе архива Белорусского обновленческого Синода [1] можно выделить несколько групп документов, в которых фиксируются факты репрессий в отношении духовенства.

Сведения обзорного характера о репрессированном духовенстве в территориальном измерении за определенный период времени (чаще всего по полугодиям) или к конкретной дате приводится в отчетной документации. С 1929 г. в рапортах о состоянии обновленческих епархий при характеристике изменений в составе духовенства приводились такие данные о репрессиях: если кратко –

констатировался факт (арестован, сидит в исправдоме), подробнее – указывалась место заключения и мера наказания. Например: священник Евфимий Куторгин отбывает наказание за неуплату налога [14, л. 28]; священник Григорий Медведев отбывает наказание в Гомельском исправдоме (с декабря 1931 г.) [11, л. 21об.]; архиепископ Досифей, арестованный за антигосударственную деятельность вместе с тихоновским епископом Феодосием, приговорен Коллегией ГПУ к высылке на 8 лет в концентрационный лагерь [12, л. 25]; священник Желивской церкви Чаусского района Владимир Бабич осужден на 5 лет принудительных работ по делу епископов [12, л. 28].

Большой интерес из материалов отчетного характера представляют рапорты епархиальных управлений и составленная на их основании сводная ведомость по епархиям за 1930 г., в которых фиксируются сведения о заключенном под стражу духовенстве [3, л. 3–3об.; 4]. Отдельно следует отметить отчет Могилевского епархиального управления от 16 апреля 1930 г., в котором фиксировались сведения о духовенстве, находящемся в заключении в Могилевском исправдоме за неуплату налогов. В документе приводилось общее количество задержанных: из духовенства разных церковных ориентаций под арестом находилось 2 епископа, 50 священников, диаконы и несколько псаломщиков [8, л. 20]. Об обновленческом духовенстве, отбывающем наказание, приводились персональные данные. Например: «Архиепископ Чаусский Феодор – обложен налогом около 400 рублей, налог выплачен полностью с 7-дневным опозданием, за что народным судом осужден на 1 год заключения условно, но могилевским прокурором условное заменено действительным отбыванием в заключении»; «священник Федор Иванов села Чернявки Чаусского района налоги оплатил частично, оштрафован на 750 рублей, все имущество (дом, постройки, скот) конфискованы; осужден по 72 статье на 5 лет концлагеря, жена и дети высланы в Северный Край» [8, л. 20–21].

Информацию уведомительного характера о репрессиях против духовенства содержат донесения епархиальных управлений, рапорты, частные письма епископов и священников, адресованные в Белорусский Синод. В данной группе источников, для отражения ситуации в епархиях, благочиниях и приходах, указывались конкретные факты, касающиеся репрессий в отношении клира. К примеру, в донесении Витебского епархиального управления от 30 марта 1932 г. констатировалось, что 27 сего марта арестован священник Успенской церкви с. Козаково Иоанн Озеров [9, л. 111]. В рапорте священника Николая Дудкина в октябре 1933 г. сообщалось, что после 19-дневного содержания под стражей он освобожден 21 октября, а арестованный одновременно с ним священник Михаил Зарицкий сидит [13, л. 31]. Архиепископ Феодор Турбин в письме от 22 марта 1930 г. фиксировал персональные эпизоды раскулачивания в Оршанском округе: у протоиерея Петра Шимковича отобрали корову и корм, но из дома не выселили, приказали очистить погреб; у протоиерея Григория Попейко все отобрали и из дома выселили; протоиерею Полиевкту Валюженичу запретили проживать в его доме [2, л. 48об.–49].

Наиболее информативными источниками по рассматриваемой теме в составе архива являются просительные документы (прошения, заявления, рапорты), адресованные в Синод с просьбой о возбуждении ходатайства перед государственными органами управления о помиловании, а также письма священнослужителей из мест заключения. Все просительные документы можно разделить на личные (священно- и церковнослужителей, их жен) и коллективные (епархиальных управлений, церковно-приходских советов и верующих).

В указанных источниках приводились такие сведения, как время, место и обстоятельства задержания, условия местопребывания в заключении, предъявляемые обвинения, ход судебного разбирательства, принятая мера осуждения, запечатлено личное восприятие корреспондентов. Приведем ряд наглядных примеров.

Сведения об аресте и предварительном заключении содержатся в письме от 4 марта 1930 г. Полоцкого епископа Иоанна Глыбовского митрополиту Даниилу Громоу. Так, он писал: «26 февраля в 10 вечера я арестован и 27 очутился в Могилеве в ГПУ, откуда попал в исправдом (предварительное заключение). Причина ареста мне не выяснена, кроме сухой цифры 72 Уголовного кодекса. Обещали допросить дня через два, однако и сейчас не допрошен. Все это в высшей степени убийственно действует на мое существо... Сижу без призрения, тем более, что бывшие у меня деньги 58 р. 30 к. и серебряные часы взяты на хранение в ГПУ и не возвращены» [5, л. 24–25].

Обстоятельно описывал свою ситуацию в рапорте от 25 июня 1931 г. протоиерей церкви с. Бракново Могилевского района Антоний Билецкий. В рапорте он сообщал, что был задержан 17 января 1931 г. Могилевским ОГПУ и помещен в тюрьму г. Могилева, а 26 января Коллегией ГПУ приговорен по 72 статье к высылению в Западную Сибирь на 3 года за то, что устраивал у себя на квартире собрания и вел агитацию в антисоветском духе. Протоиерей отмечал, что в марте подавал в ЦИК БССР заявление об амнистии, однако ответа не получил, и по состоянию на 25 июня 1931 г. продолжал находиться в тюрьме Могилевского исправдома в 16-й камере [7, л. 53–54об.].

Сведения о том, как проходило судебное рассмотрение дел репрессированного духовенства можно представить на примере писем священника Антония Жуковского и протоиерея Иоанна Баранова.

Так, священник Антоний Жуковский в январе 1931 г. писал: «Сейчас нахожусь в Рогачеве. Привезли меня в народный суд. 24 февраля будет разбирательное дело в народном суде. Меня обвиняют в том, что я якобы молился о здравии папы римского и агитировал против хлебонарыхтовки и чтобы граждане не шли в колхозы... Обвиняют по 103а статье Уголовного кодекса» [6, л. 118]. Протоиерей Иоанн Баранов в своем письме от 13 июня 1933 г. отмечал: «В заключении в Горках от 30 апреля первое обвинение отвергнуто. Предложено второе – будто я противник колхозного строительства» [10, л. 92].

Отдельно отметим представленные в персональной корреспонденции сведения о положении духовенства в условиях заключения. Так, например, архиепископ Михаил Постников в письме митрополиту от 25 мая 1933 г. указывал, что, находясь в заключении с 4 марта, не получил «ни одной смены белья и не одной передачи», и просил ему соответственно помочь [13, л. 30об.]. Протоиерей Емелиан Лесков, осужденный на 3 года вольной высылки в 1933 г. в Казахстан, писал из Алма-Аты митрополиту Даниилу Громовенко: «...за полгода заключения и месяц тяжелого путешествия так ослабел, что еле хожу... Я семь месяцев хожу в том, в чем арестован: обносился, оборвался до последней степени... Денег нет ни гроша». Вследствие этого он просил митрополита о высылке ему предметов гардероба [10, л. 7].

Резюмируя, отметим, что материалы архива Белорусского обновленческого Синода являются главным образом источником изучения репрессий против обновленческого духовенства. Информация о репрессированном тихоновском и автокефальном духовенстве в документальном комплексе носит фрагментарный характер. Использование материалов архива в освещении рассматриваемой проблемы позволяет детализировать отдельные аспекты из биографии репрессированных священнослужителей.

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1, 2.
2. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 452.
3. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 463.
4. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 464.
5. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 477.
6. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 488.
7. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 489.
8. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 495.
9. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 522.
10. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 545.
11. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 550.
12. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 553.
13. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 557.
14. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 569.

Безнин М.А., Димони Т.М.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «ХОЗЯИН» В ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ 1930-Х ГГ.: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

Становление «классической» сталинской экономической системы было неразрывно связано с переосмыслением роли важнейших общественных институтов – собственности, рынка, денег и др. Об особенностях их функционирования в тот период на сегодня имеется определенная литература [8; 10]; авторы данной статьи также предложили свое видение происходивших процессов [1; 6]. Наименее исследованным представляется институт собственности в «сталинской» экономике [2]. Ситуация осложняется тем, что присущее советскому обществу представление об общественной собственности, как не имеющей конкретного субъектного воплощения, продолжает транслироваться большинством исследователей. Между тем, как известно, в советское время существовало большое количество инстанций и должностных лиц, подающих властные импульсы, регулирующие экономические отношения, в том числе и институт собственности. Авторы данной статьи в предыдущих работах обозначили круг лиц, выполняющих функции собственника в советский период [4; 5]. По нашему мнению, права собственности концентрировались на всей властно-хозяйственной пирамиде страны. В их реализации, в первую очередь, были задействованы те, кто занимал руководящую ступень в должностной иерархии. Титульные права собственности (владения, распоряжения и пользования) были разделены между отдельными когортами со-собственников – партийной, советско-хозяйственной, плановой, финансовой и пр., а осуществление прав собственника было в юридическом, властно-политическом и пове-

¹ Подготовлено за счет РНФ, проект № 22-28-00325, <https://rscf.ru/project/22-28-00325>.

дневном контексте функционально «сепарировано» между представителями господствующего класса. Оформление данной властно-собственнической системы приходится на конец 1920-х – 1930-е гг.

В данной статье исследуются смыслы коннотации «хозяин», отраженные в материалах 1930-х гг. (речи И.В. Сталина, периодическая печать), свидетельствующие об особенностях становления права собственности и ментальном отражении этих процессов, прежде всего, в промышленном секторе производства.

Движение в становлении новых отношений собственности заметно уже в начале 1920-х гг. Важнейшим шагом в этом направлении было введение номенклатурного принципа назначений на важнейшие должности партийными органами. Истоки этого решения относятся к 1923 г. [9], а во второй половине 1920-х гг. уже можно было наблюдать довольно стройную систему назначенчества. Другим важным шагом стал введенный в 1929 г. принцип единоначалия, который подразумевал, что есть одно должностное лицо, уполномоченное принимать все решения и несущее персональную ответственность за результаты деятельности. В Постановлении ЦК ВКП (б) 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия» закреплялось положение о том, что директор предприятия «руководит как аппаратом управления, так и всеми организационно-техническими процессами производства на предприятии. Все его оперативно-хозяйственные распоряжения как для нижестоящей администрации, так и для рабочих безусловно обязательны, какое бы положение они не занимали в партийных, профессиональных и иных организациях» [12].

С начала 1930-х гг. к вопросу об осуществлении прав собственника власть и общество обращается все более предметно. Это заметно, например, по содержанию выступлений на конференциях и совещаниях работников промышленности. Так, на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. И.В. Сталин в речи «О задачах хозяйственников» основную содержательную часть посвятил рассуждению о том, что значит стать «хозяином дела». «У нас нередко думают, – отмечал докладчик, – что руководить – это подписывать бумаги, приказы... А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, – на этот счет – ни-ни» [14, с. 35]. Далее И.В. Сталин конкретизирует задачу: «Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям...Пока среди нас, большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики, финансов, у нас не будет действительного единоначалия... Если ты директор завода – вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего» [14, с. 37, 41]. Еще раз к этим идеям И.В. Сталин возвратился в июне 1931 г. на совещании хозяйственников. В произнесенной речи он снова подчеркнул: «требуется..., чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно..., входили в технику дела..., вникали в «мелочи»...» [13, с. 78]. На первый взгляд, речь идет об усилении требований к работе директоров промышленных предприятий, однако, есть и другая сторона медали. По сути дела, напрямую был поставлен вопрос о сосредоточении основных функций «хозяина» предприятия в руках его руководителя (директора). Увеличение «хозяйских» полномочий сопрягалось с владельческими («овладеть техникой») и распорядительными («вникать в мелочи») функциями.

Сюжеты, связанные с трактовкой «хозяйских» полномочий, и далее неоднократно озвучивались И.В. Сталиным, приобретая новые подцветы. На XVII съезде ВКП (б) (1934 г.) в отчетном докладе, он, например, остановился на понятии «авторитета» руководителя. Это был довольно важный для марксистов тезис, ведущий свое начало еще от трудов Ф. Энгельса [11]. В трактовке этого вопроса И.В. Сталин критически остановился на типах руководства, которые необходимо изжить – он говорил о «неисправимых бюрократах и канцеляристах», «зазнавшихся вельможах», живущих опорой на «старые заслуги», «болтунах – рабочих», «неисправимых руководителей» [15, с. 370].

Посылы XVII съезда довольно быстро были трансплантированы в политическое поле страны. Так, уже в феврале 1934 г. передовица «Правды» состояла из статьи «О советском директоре и единоначалии» [12]. Примечательно, что хотя в докладе на XVII съезде ВКП (б) И.В. Сталин вел речь, конечно, не только о директорах предприятий, а обо всех руководящих рабочих, авторы статьи «Правды» уверенно обозначили, что именно проблема директора на съезде «была выдвинута с особой силой». В статье указано, что такое большое внимание к роли директора предприятия объясняется тем, что «советский директор – организатор производства материальных ценностей», от директора требуется, чтобы он «был хозяином порученного дела; чтобы он был авторитетным руководителем». Авторы передовицы подчеркнули, что «директор без власти в своем деле не может быть организатором» производства. В статье «Правды» поднималась и начатая на XVII съезде ВКП(б) тема «авторитета», о котором говорилось, что «авторитет хозяйственника – это нечто такое, что может быть завоевано знанием дела и оперативным квалифицированным руководством». Кроме того, передовица поднимала тему единоначалия: «Основное теперь заключается не в недостатке у директора прав, а в том, чтобы он был крупным организатором, умеющим пользоваться своими правами единоначалия и быть настоящим командиром производства». В качестве провальных функций нового «хозяина» в статье приводился пример

«двойного планирования», когда директор «преуменьшает мощность станков и возможностей предприятия», «создает антигосударственную систему двойного планирования, чтобы... жить «спокойней», прозябать». В этом же номере газеты был опубликован дневник директора завода «Красная заря» в качестве примера того, как не нужно работать, «директора-шляпы».

Как видно из описания идей статьи «Правды», практически сразу после XVII съезда ВКП (б) уточняется и шлифуется трактовка определения «хозяин» в отношении директоров предприятий – теперь этот функционал связывается с организацией производства, знанием дела, высокой квалификацией, грамотным командованием производством, честностью в отношении вышестоящих органов.

Тема «хозяйских» прав директоров предприятий оставалась в политической повестке практически до начала Великой Отечественной войны. В 1940 г. большой резонанс имела статья четырех директоров промышленных предприятий Ленинграда (заводов «Светлана», им. ОГПУ, им. Ленина, «Большевик») [7], напечатанная, как указывалось «в порядке обсуждения» и посвященная вопросу объемно-правового положения директора завода. Начиналась данная статья с утверждения, что «советский директор является полномочным руководителем предприятия», «это политический государственный деятель, выполняющий волю советского правительства и большевистской партии», «полностью отвечает за доверенное предприятие» и т.д. Особо руководители заводов отмечали, что Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня, 10 июля и 10 августа 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода с работы», «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов предприятиями», «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей») увеличили объем прав руководителей предприятий. Однако, главная цель статьи состояла в постановке проблемы как раз малого объема прав директоров заводов! Четыре директора заводов утверждали, что их полномочию мешает «практика взаимоотношений... с главками и наркоматами». В частности, критике со стороны директоров подверглись: положение с фондом заработной платы предприятия, жестко определяемом «сверху», прогрессивно-премиальный порядок оплаты некоторых узких операций, не дающий директорам возможности маневра. В статье довольно подробно писаны конкретные ситуации на заводах, неудовлетворявшие директоров. Приводился пример, как на заводе им. Ленина группой инженеров был проведен сложнейший оптический расчет под руководством инженера Турыгина. Однако, достойно поощрить Турыгина директор завода не мог, так как был ограничен утвержденными размерами премий. Директора заводов протестовали против права наркоматов и главков утверждать общее количество работающих на предприятиях (так как это было жестко привязано к лимитам общего фонда заработной платы), невозможности требуемых расходов на приобретение «нефондируемого» имущества (запрещались траты свыше 200 руб. без согласованного с главком титульного списка), невозможности самим маневрировать в направлении капиталовложений предприятия, ущемления межзаводского кооперирования и технической взаимопомощи предприятий. Директора предприятий искренне негодовали, что в их руках находятся «огромные ценности, они оперируют суммами, исчисляемыми в миллионах рублей», и в то же время не могут без утверждения главка позволить «расход в 10-15 рублей для приобретения веников, метелок, спичек» и т.д. Последние абзацы статьи посвящены обоснованиям необходимости расширения прав директоров предприятий, ограничения полномочий главков. Статья имела довольно широкий резонанс и показала нарастание самоощущения директоров заводов в их «хозяйских» правах. Нужно отметить, что политическая линия, отражаемая газетой «Правда», не противоречила их стремлению, в противном случае текст статьи просто не был бы опубликован и уже тем более, не было бы призыва к его общественному обсуждению. Кроме того, авторы статьи, конечно, не были рядовыми директорами, например, Д.Ф. Устинов через год был назначен наркомом вооружения СССР.

Таким образом, за сравнительно короткий промежуток времени термин «хозяин», широко введенный в политико-информационное поле в начале 1930-х гг., расширил свое толкование: от грамотного управленца, знающего производственный процесс, до «хозяина» с довольно большим запросом на собственные права в отношении руководимого предприятия. Расширение собственных устремлений прослеживается, прежде всего, в директорском корпусе. В целом в 1930-е гг. мы наблюдаем начальную, но уже видимую, стадию движения к присвоению собственных прав. Рассмотренные нами более поздние периоды показали «небезобидность» сформировавшихся в 1930-е гг. собственных импульсов [3].

1. Beznin, M. A. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. – 2020. – № 4 (13). – С. 186–201.
2. Безнин, М. А. Обзор подходов к изучению модели власть-собственность в советской России сталинского периода / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. – 2022. – № 3. – С. 49–60.
3. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Новейшая история России*. – 2019. – № 2 (9). – С. 437–453.

4. Безнин, М. А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25–42.
5. Безнин, М. А. Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2022. – № 10-1. – С. 4–19.
6. Безнин, М. А. Экономический строй России 1950–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. А. Гулин. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2021. – 250 с.
7. Восканян, В. О единоначалии и правах директора / В. Восканян [и др.] // Правда. – 1940. – 10 сентября. – С. 3.
8. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. – Москва : Росспэн, 2008. – 400 с.
9. Коржихина, Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
10. Корнаи, Я. Дефицит / Я. Корнаи. – Москва : Наука, 1990. – 607 с.
11. Коэн, И. В погоне за авторитетом. 1930-е годы / И. Коэн // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 4. – С. 66–72.
12. О советском директоре и единоначалии // Правда. – 1934. – 25 февраля. – С. 1.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 3. Д. 756. Л. 9–13.
13. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 13. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 51–80.
14. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 14 февраля 1931 г. // Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 13. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 29–42.
15. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. // Сочинения / И. В. Сталин. – Т. 13. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 282–379.

Ерешко А.Е.

ОСОБЕННОСТИ АРХИВНОЙ ПОДШИВКИ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА» ЗА 1934 ГОД И «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» ВСЕСОЮЗНОЙ ДЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ

Одна из самых из старых выпускаемых ныне детских газет – газета «Пионерская правда», которой в марте 1925 г. исполнится 100 лет, сохранила в редакции самую полную свою архивную подшивку. При ее изучении выяснилось, что с приходом в сентябре 1933 г. на пост ответственного редактора Андрея Ивановича Гусева (1905–1974), впоследствии сотрудника Московского городского Дома/Дворца пионеров, историка и летописца пионерского движения [1; 14, с. 26], всесоюзная газета сделала резкий поворот к более глубокому освещению региональных событий. Были испробованы различные варианты изданий, можно сказать, был поставлен «региональный эксперимент». Именно ему и посвящена данная статья.

Региональные колонки, изредка появлявшиеся в «Пионерской правде» до этого, приобрели в 1934 г. характер отдельных страниц, печатающихся в особом выпуске газеты (впрочем, он имел тот же номер, что и всесоюзная, но на первой странице над выходными данными добавлялся регион, которому посвящен был данный конкретный выпуск). За одним числом и одним номером могло одновременно выйти до четырех газет с разными региональными страницами.

Кто был адресатом этих газет с региональным компонентом и где они распространялись – можно сказать лишь предположительно – вероятнее всего в тех регионах, которым были предназначены. Но нигде, кроме архивной подшивки издательства, нами не были обнаружены подборки данных выпусков, что формирует к ним особый интерес.

Какие регионы получили отдельное освещение? Это и республики, входящие в СССР – Белоруссия, Украина, ЗСФСР, и автономные области (Татария), края и округа вместе с их административными центрами (см. таблицу «Газета «Пионерская правда» 1934 г. с региональными страницами»). Всего было выпущено порядка 280 номеров по 32 регионам. Но по ним они распределялись неравномерно – иногда был всего один выпуск, иногда – свыше 20. Больше всего региональных страниц было посвящено Москве, Ленинграду, Белоруссии, Украине и Татарии, их совокупность составляет большую половину всех выпусков. Точно учесть все номера не представляется возможным, поскольку в архивной подшивке встречаются незначительные лакуны, о чем свидетельствуют как следы от вырванных страниц, так и несовпадение номеров, например, первых сохранившийся номер по Свердловску назван как «Страница пионеров Свердловской области № 5» [10].

Таблица. Газета «Пионерская правда» 1934 г. с региональными страницами (составлено по подшивке газеты [10])

№ п/п	Название региона	№№ газет	№ п/п	Название региона	№№ газет
1.	Азово-Черноморский край	93, 105, 126, 135, 142, 153, 161, 165	2.	Башкирия	131
3.	Белоруссия (Белорусская ССР)	29, 35, 39, 43, 48, 60, 72, 76, 81, 84, 88, 93, 99, 107,	4.	Воронеж (Воронежская область)	98, 125, 129, 148, 163

		123, 129, 133, 138, 144, 150, 161, 162, 167, 170			
5.	Воронежская и Курская области	86	6.	Горький (Горьковский край)	48, 100, 111, 132,
7.	Горьковский и Кировский края	163	8.	Дальний Восток (Дальневосточный край)	109, 167
9.	ЗСФСР	163	10.	Закавказье	37, 49, 95, 99, 119, 126, 137, 148, 155
11.	Западная область	39, 42, 53, 61, 69, 73, 84, 89, 96, 102, 117, 132, 137, 140, 146, 156	12.	Иваново (Ивановская область)	26, 34, 40, 46, 59, 80, 88, 111, 134, 152, 165
13.	Крым	43, 59, 95, 166	14.	Курская область	130, 134, 138, 167
15.	Ленинград (Ленинградская область)	3, 9, 19, 20, 26, 29, 35, 42, 54, 68, 69, 72, 78, 83, 89, 92, 95, 96, 99, 101, 102, 108, 121, 124, 126, 129, 136, 140, 144, 152, 162, 170	16.	Москва (Московская область)	19, 21, 25, 26, 36, 38, 44, 49, 52, 57, 72, 76, 79, 83, 86, 90, 108, 119, 124, 125, 130, 134, 138, 141, 143, 150, 155, 162, 169
17.	Саратов (Саратовский край)	66, 78, 89, 121, 128, 133, 168	18.	Свердловск (Свердловская область)	62, 92, 168
19.	Север (Северная область)	66, 100	20.	Северный Кавказ	37, 101
21.	Северный край	25, 37, 115, 136, 143, 154, 164	22.	Сибирь (Западная и Восточная Сибирь; Западносибирский край)	21, 34, 52, 61, 88, 92, 98, 105, 155, 166, 170
23.	Средняя Азия	54, 117, 131, 142, 146, 153, 164	24.	Средняя Волга	42, 67, 81, 108, 124, 154
25.	Сталинград	40, 43, 141	26.	Татария	3, 12, 19, 23, 31, 35, 38, 44, 50, 54, 60, 68, 73, 78, 86, 90, 96, 107, 115, 128, 146, 153, 164, 169
27.	Украина (Украинская ССР)	5, 9, 12, 20, 23, 29, 32, 36, 39, 60, 67, 73, 76, 79, 83, 84, 90, 93, 98, 100, 102, 105, 107, 109, 111, 115, 117, 119, 121, 123, 128, 130, 132, 141, 144, 149, 150, 154, 156, 161, 165, 169	28.	Украина, Западная область, Средняя Азия	117
29.	Урал	34, 38, 50, 80, 136, 143, 148	30.	Урал – Сибирь	25
31.	Центральная Черноземная область (ЦЧО)	31, 36, 73	32.	Челябинская область	156

При анализе содержания региональных страниц остановимся на материалах «Страниц пионеров Белоруссии». Всего их нами выявлено 24 с марта по декабрь 1934 г. [2; 9]. Три из них имеют порядковый номер – с 4 [5] по 6 (и до этих выпусков лакун нет). Из 24 номеров у двух сохранился только первый лист с названием, а основное содержание утеряно (№№ 72 и 81). Как правило, региональная страница располагается на 3 или 4 странице; но есть одно исключение – в номере 99 – и 1 и 3 страницы названы «Страница пионеров Белоруссии» и отличаются от всесоюзной газеты «Пионерская правда» [7].

По структуре страница состояла из ответов с мест на политические события центра; выделение достижений, высмеивание и осуждение плохих примеров работы на местах, ответы на возникшие у пионеров вопросы [3; 4; 6]. Много места уделялось тому, чтобы успешно закончить учебу, что преподносилось в газете как лучший ответ на задачи правительства, на доклад товарища Сталина [2].

Сначала отдельно была заведена колонка «Деткиры пишут» [3; 4; 6]; но вскоре она пропала, поскольку большая часть страницы состояла из статей и писем деткоргов. Конечно, пишут они чаще всего в духе статей того времени: «Беседа о Гражданской войне», «Помогли колхозу», «Пионеры Бобруйска готовятся к слету», есть письма с просьбой наладить связь с местными органами – «На

мои письма ячейка не обращает внимания». По каждой такой статье или опубликованному письму дается комментарий редакции с указанием, как нужно поступать. Но одно то, что проблему осветили в всесоюзной газете, может помочь ее разрешить.

В конце лета отдельный номер с двумя «Страницами пионеров Белоруссии» был посвящен полезному труду (раздел «Каждый колос соберем») и отдыху (раздел «В лагерях») пионеров. Также отдельно выделяется большая статья с рассказом о летней работе «Витебской коммуны имени Калинина», где были проведена художественная олимпиада самодеятельности: выставка живописи, рукоделия; выступления хора [7].

К концу 1934 г. чувствуется спад интереса к местным материалам, возможно «выдохлись» деткоры, чей материал составлял большую часть опубликованных на региональных страницах материалов. Так в декабре 1934 г. на «Странице пионеров Белорусской ССР» мы теперь видим и общие статьи о советской авиации («Воздушные киты», «Летающий сеятель») [8; 9] и юмористический уголок «Юный крокодил» [8] (хотя и сделанный как бы на местном материале, но уже не отражающий колорит белорусской пионерии). Поэтому закономерно, что в следующем 1935 г. региональные страницы уже не выпускались отдельными газетами.

Одновременно с ними редакция газеты «Пионерская правда» выпускала еще специальные номера и специальные выпуски / листовки с выездной редакцией, посвященные как отдельным регионам, так и важным для пионеров событиям в стране, которых по нашим подсчетам было выпущено более 30. Также выявлено 8 совместных выпусков с тремя региональными газетами: «Дновец» (г. Дно Псковской области), «Мыдан Тайяр» (Туркменистан, на русском и туркменском языке) и «Пионер Востока» (Узбекистан).

Подробнее хочется остановиться на трех листовках Агитвагона Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии (30 ноября – 7 декабря 1934 г.) [11; 12; 13]. Их редактором был активный деятель детского движения, бывший вожатый Артека, в будущем сотрудник Московского Дворца пионеров Владимир Викентьевич Нагач (1910–1988) [14, с. 62–63]. Сначала в листовках публикуются установочные материалы, обращения руководства, и просьба к пионерам Белоруссии писать о своих делах на адрес «Пионера Белоруси» [11, с. 1]. В следующих номерах уже большая их часть посвящена статьям юнкоров в разделах: «Пионерское шефство социалистической связи» и «Витебские пионеры за работой по шефству над связью» [12, с. 2; 13, с. 2].

Итак, в архивной подшивке редакции «Пионерская правда» сохранился уникальный комплекс газет по работе всесоюзной газеты с регионами в 1934 г. Была создана площадка для юнкоров всех областей СССР, где они могли публиковать свои материалы, рассказывать о местных достижениях и проблемах. Особенно активно ею воспользовались Московский и Ленинградский регионы, Белоруссия, Украина и Татария. Но «региональный эксперимент» в итоге был признан не оправдавшим себя: по трудозатратам за 1 год было издано материалов, как обычно выпускается – за 3; это колоссальная нагрузка на редакцию с угасающей к концу года отдачей с мест.

1. Гусев, А. И. Год за годом: Из летописи детского коммунистического движения СССР 1917–1981 гг. / А. И. Гусев. – 4-е изд., перераб., доп. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 208 с.
2. Пионерская правда. – 1934. – 6 марта. – № 29 (1328). – С. 4.
3. Пионерская правда. – 1934. – 18 марта. – № 35 (1334). – С. 3.
4. Пионерская правда. – 1934. – 26 марта. – № 39 (1338). – С. 4.
5. Пионерская правда. – 1934. – 4 апреля. – № 43 (1342). – С. 4.
6. Пионерская правда. – 1934. – 14 апреля. – № 48 (1347). – С. 4.
7. Пионерская правда. – 1934. – 4 августа. – № 99 (1398). – С. 1, 3.
8. Пионерская правда. – 1934. – 22 декабря. – № 167 (1466). – С. 3.
9. Пионерская правда. – 1934. – 28 декабря. – № 170 (1469). – С. 3.
10. Пионерская правда. 1934. // Архивная подшивка редакции газеты «Пионерская правда»: в 4 т.
11. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии. – 1934. – 30 ноября. – № 1. – 2 с.
12. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Белоруссии. – 1934. – 7 декабря. – № 2. – 2 с.
13. Пионерская правда. Агитвагон Наркомсвязи СССР и редакции «Пионерская правда» в Витебске. – 1934. – 7 декабря. – № 3. – 2 с.
14. Сотрудники Дворца – участники Великой Отечественной войны. – М.: МГДД(Ю)Т, 2012. – 96 с.

Филимончик С.Н.
СТЕНОГРАММЫ XIII–XV КОНФЕРЕНЦИЙ КАРЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (1937–1939 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Научное изучение истории областной партийной организации, занимавшей в 1930-е гг. ведущую роль в политической жизни Карелии, фактически развернулось после политических реабилитаций хрущевской оттепели. В брежневскую эпоху были изданы основанные на архивных источниках Очерки истории Карельской областной партийной организации [2], при этом деятельность комму-

нистов в 1930-е гг. в этой книге освещена апологетически. Широкие возможности для системного изучения практики партийной работы открыла «архивная революция» 1990-х гг., но большинство историков партии в это время переключились на другие темы, и многие рассекреченные документы пока не введены в научный оборот. Изменился исследовательский вопросник, теперь в центре внимания историков, изучающих 1930-е гг., оказались пути рекрутирования властной элиты, инструменты воздействия власти на общественное сознание. В данном сообщении охарактеризованы рассекреченные в 1996 и 2008 гг. стенограммы XIII–XV конференций Карельской областной партийной организации (1937–1939 гг.). Они важны для характеристики правящей партии в период выборов в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и Верховный Совет КАССР. Конституционная реформа проводилась в условиях возрастания роли силовых структур. В 1938 г. Управление НКВД КАССР было преобразовано в Наркомат внутренних дел Карельской АССР. В 1937–1938 гг. действия этого наркомата вышли из-под контроля партийной организации Карелии. Более того, одним из ключевых направлений репрессий стали «чистки» партийного и государственного аппарата. Массовые аресты управленческих кадров подрывали устойчивость властных структур. После массовых репрессий выдвинулась когорта активистов, построивших карьеру, получивших политическое образование после разгрома партийной оппозиции и лично преданная Сталину.

В 1937–1939 гг. численность коммунистов в Карелии сократилась с 4,9 тыс. до 4 тыс. [1, с. 35]. Согласно докладам мандатных комиссий, в работе партийных конференций в 1937–1939 гг. участвовало от 175 до 232 делегатов, кроме того в 1938–1939 гг. на конференции избирались 43–73 делегата с совещательным голосом. Ежегодно состав делегатов существенно обновлялся. Таким образом, большое число коммунистов Карелии получили опыт участия в республиканских партийных форумах. При этом представительство разных социально-демографических групп существенно различалось. Согласно докладам мандатной комиссии, рабочих с производства (3–13 чел.), колхозников (3–4 чел.), хозяйственных руководителей было мало, большинство делегатов являлись работниками партийного аппарата, правительства, военнослужащими. Если в 1934 г. финны составляли 26 % делегатов XII конференции, то в 1937 г., когда шли репрессии против финских мигрантов, их представительство на областной партконференции сократилось до 9 %, а в 1938–1939 гг. финнов среди делегатов конференций вообще не оказалось. Стенограмма XV областной партконференции показывает, что в конце 1930-х гг. большинство партийных работников имели низшее образование, даже среди актива, избранного делегатами конференции, таких оказалось 46 %. В то же время около трети делегатов прошли политическое обучение (в комвузе, совпартшколе, на курсах марксизма-ленинизма и др.) [9, л. 31].

В годы нэпа областные партконференции проводились ежегодно, в 1928–1934 гг. – раз в два года, а с января 1934 г. до мая 1937 г. их вообще не было. В 1937–1939 гг. конференции вновь проводились ежегодно и были многодневными: в 1937 и 1938 гг. делегаты заседали по неделе, в 1939 г. четыре дня. При этом регламент работы конференции был достаточно плотным. Так, на XV конференции (1939) заседания проходили с 10 до 15 и с 17 до 21 часа. В первый день вечером после заседания предусматривалась художественная часть и товарищеский ужин [6, л. 23]. В коммуникациях управленцев были задействованы как формальные, так и неформальные связи.

Одним из центральных событий областной партконференции являлся отчетный доклад секретаря обкома ВКП(б). В 1937–1939 гг. докладчик ежегодно менялся. В мае 1937 г. с отчетным докладом о работе выступал П. А. Ирклис, которого командировали в Карелию из Ленинграда после того, как были отозваны в Москву «красные финны». Вскоре после XIII областной партконференции Ирклис, поддерживавший в 1925 г. оппозицию, был арестован и расстрелян. На XIV областной партконференции в июне 1938 г. отчетный доклад делал Н. И. Иванов, исполнявший обязанности первого секретаря Карельского обкома партии. Во время конференции Иванов был отозван из Карелии, а делегатам представили нового кандидата в руководители – посланца Ленинграда 32-летнего Г. А. Куприянова. Поскольку было заявлено о поддержке кандидата товарищем Сталиным, за введение приехавшего утром впервые в жизни в Петрозаводск Куприянова в состав пленума обкома партии проголосовали практически единогласно. «Против» голосовал всего один делегат [5, л. 31]. Куприянов вспоминал, что его послали в Карелию остановить расправы над коммунистами [10, л. 73], однако он активно участвовал в работе «тройки» осенью 1938 г., когда были осуждены 1805 жителей Карелии, 95 % приговоров – расстрел.

Отчетный доклад секретаря обкома ценен тем, что в нем особое внимание уделялось характеристике внутривластной обстановки. На XIII областной партконференции в мае 1937 г. резко критиковались нарушения Устава партии: сроков выборности, практика кооптации. В докладе приводилось много примеров льгот, чванства советских и партийных работников. По решению XVII съезда партии в 1934 г. структура обкомов ВКП(б) была реорганизована по производственно-отраслевому принципу, фактически возникли «дублиеры» наркоматов, хозяйственные «толкачи». Однако в 1937 г.

страна готовилась проводить первые всеобщие тайные выборы, поэтому в центр выдвигалась агитационная и пропагандистская работа. П. А. Ирклис привел пример секретаря Кондопожского райкома ВКП(б) Шерешкова: «Знает, какого винта не хватает в машине на Бумкомбинате, сколько гаек в 1936 г. потеряно тракторами, а вот как поднять партийно-политическую работу на комбинате, он не всегда скажет» [3, л. 91].

В мае 1937 г. XIII областная партконференция проходила под лозунгом «Поднять революционную бдительность!» На эту установку отчетного доклада ориентировались, выступая, другие делегаты. На XIV областной партконференции в июне 1938 г. Н. И. Иванов признал острую нехватку партийных работников из-за большого числа исключений из партии. Партийный руководитель призвал помочь 1167 товарищам, впервые выдвинутым на руководящую работу. Однако значительно больший вес на XIV партконференции имело вступление наркома НКВД С. Т. Матузенко. Нарком грозно напомнил о «тягчайшем предательстве Троцкого», о «выполнявших указания финляндского фашизма врагах народа» и заявил: «Доклад Иванова слишком общий. Не поставил задач. Меня лично это не удовлетворило» [4, л. 58]. Поняв призыв, делегаты конференции развернули травлю уцелевших после 1937 года обкомовских работников.

На XV конференции (1939) нарком НКВД КАССР М. И. Баскаков, сменивший арестованного Матузенко, вновь обстоятельно расписал, что в приграничной республике основную опасность представляли буржуазные националисты (карбеженцы, иммигранты из Финляндии и Америки), а также троцкистское, меньшевистское и эсеровское подполье [7, л. 13]. Однако в выступлениях партийных работников были проставлены другие акценты. Первый секретарь обкома партии Г. Н. Куприянов признал опасной «обстановку огульного политического недоверия», сложившуюся в 1937 г. [8, л. 17]. Секретарь Петрозаводского горкома партии В. Р. Романов привел пример редактора газеты «Транспортник» Маклакова: тот оклеветал 20 человек. С удовлетворением отмечалось, что клеветник исключен из партии и предан суду [8, л. 82]. Теперь главной задачей называлась подготовка кадров, умеющих работать с населением.

В 1939 г. власть стремилась убедить граждан в правильности проводившегося курса. В докладе Председателя Президиума Верховного Совета КАССР М. В. Горбачева акцентировалось внимание на успехах в экономике и культуре. Делегатам конференции внушалось: «Колоссальные достижения нашей советской социалистической Карелии» [6, л. 30]. Еще активнее докладчик стремился увлечь слушателей заманчивыми перспективами, которые наметил план третьей пятилетки. Всячески подчеркивалась народная поддержка власти. Итоги выборов представительных органов, по мнению М.В. Горбачева показали: «Такого единства народа еще не знала и не знает история человечества [6, л. 25]». Секретарь Беломорского райкома партии Кузнецов отмечал: «Народ любит нашу партию, уважает её» [7, л. 37].

Значительную часть времени на областных конференциях отводили выборам, и стенограммы содержат ценную информацию биографического характера о партийном активе. Вопросы и комментарии, заданные кандидатам на ответственные посты, характеризуют настроения, установки партийного актива, атмосферу в партийной среде.

На XIII областной партконференция в новый состав обкома партии было выдвинуто 88 кандидатур, а избрали 51. Не включали в бюллетень фамилии тех, кто в 1920-е годы поддерживал оппозицию: читал их листовки, «не тому» дал рекомендацию в партию и т.д. Отказывали в выдвижении тем, кто хоть в какой-то мелочи, порой курьезной, не проявил почтения к Сталину. Пристрастно рассматривались кандидатуры финнов: отказывали имевшим родственников за границей, сохранившим финские паспорта, выданные в Российской империи. Несмотря на придирчивую проверку, половина избранных на XIII областной партконференции членов Карельского обкома была репрессирована: 15 человек расстреляли, двое умерли в заключении, 5 человек отправили в лагеря сроком на 8–10 лет, один покончил с собой после исключения из партии, четверо арестованных были освобождены в конце 1930-х годов. В маховик репрессий попали почти все члены бюро обкома партии [16].

Стенограмма XV областной партконференции показывает, что партийный актив поддержал порицание огульных нападков и преследований коммунистов в 1937–1938 гг. Когда выбирали делегатов на XVIII съезд партии, у трех кандидатов оказались репрессированы родственники, однако это не помешало им быть избранными. В то же время корреспондент «Правды» Б. Золотов не набрал нужного количества голосов, хотя представлявший его кандидатуру Н. П. Аристов подчеркивал, что «он оказал большую помощь в разоблачении врагов народа» [9, л. 52].

К концу 1930-х годов НКВД вернулся под контроль партийных органов. Цена это, выдвинувшаяся после массовых репрессий когорты управленцев Карелии была глубоко предана политическому курсу Сталина. «Друга, Учителя и Вождя» славил в выступлениях, ему кричали «Ура!», направляли приветствия и рапорты. Ежегодные многодневные конференции областной парторганизации играли важную роль в продвижении скорректированных идеологических установок центра, формировали

позитивный образ советской действительности, который затем следовало внедрять в сознание простых людей, являлись важным каналом коммуникации руководителей и низовых партийных организаций, способствовали разнонаправленной мобильности политических активистов.

1. Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984 / отв. ред. Е. М. Морозов. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 152 с.
2. Очерки истории Карельской организации КПСС / редкол.: М. Х. Киуру [и др.]. – Петрозаводск : Карелия, 1974. – 589 с.
3. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). – Ф. 3. Оп. 4. Д. 203.
4. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 7.
5. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 10.
6. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 219.
7. НАРК. – Ф. 3 Оп. 5. Д. 220.
8. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 221.
9. НАРК. – Ф. 3. Оп. 5. Д. 222.
10. НАРК. – Ф. 3435. Оп. 2. Д. 196. Тетрадь 5.
11. Филимончик, С. Н. Как в Карелии строили партию-крепость : опыт 1930-х годов / С. Н. Филимончик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 6. – С. 91–99.

Кучик Б.Г.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1919–1939 ГГ.)

Эффективная налоговая система государства должна стимулировать накопление и рациональное использование национального богатства страны, способствовать гармонизации интересов экономики и общества и тем самым обеспечить социально-экономический прогресс общества [12]. Очевидно, что институт налогообложения играет огромную роль не только в экономике, но и во всей социальной сфере. Подтверждение этих слов можно найти в прошении жителя Западной Беларуси Романа Жущы от 18 июля 1931 года в адрес Министерства промышленности и торговли. Небольшой предприниматель из деревни Семеховичи Пинского повета Полесского воеводства просил освободить его от необходимости покупки промышленного свидетельства и налогов при осуществлении торговли по месту жительства ввиду того, что сам он является инвалидом, а на его попечении находятся жена и маленький ребёнок [6, л. 75]. Это прошение отражает не только важность справедливой налоговой системы, но и недостатки системы социального обеспечения Польской республики межвоенного периода. А на социальную политику государству также требуются большие расходы, которые восполняются налогами. Так, доля прямых налогов в объёме бюджета межвоенной Польши составляла от 25 % в 1920-х гг. до 39 % в конце 1930-х гг. Ещё около 30 % доходов составляли монополии государства на алкоголь, табачные изделия, соль и лотереи [14, с. 325].

На практику налогообложения влияет масса факторов – квалификация и культура труда персонала, правовая культура налогоплательщиков, материальное обеспечение учреждений по налогам и сборам, общая экономическая ситуация и другие. При исследовании данных факторов в Западной Беларуси большой интерес представляют документы Государственного архива Брестской области (ГАБО), которые были созданы в результате деятельности различных органов местного управления и самоуправления.

Наибольший интерес представляет Фонд 50 «Брестская казенная палата финансовой секции Гражданского управления Восточных земель Польши (с 1920 – Министерства финансов Польши), г. Брест Брестского (с 18.11.1920 – Полесского) округа (с 04.02.1921 – Полесского воеводства)», охватывающий 1919–1939 годы. С 28 апреля 1921 до апреля 1930 года деятельность данного органа распространялась не только на Полесское, но и на Новогрудское воеводство, то есть охватывала значительную часть Западной Беларуси.

Документы фонда описывают конкретные сложности, возникавшие в процессе становления польской налоговой системы на территории Полесского воеводства. Достаточно полно представлены кадровые проблемы и эффективность сотрудников. Так, в Отчётах ревизоров Казённой палаты (Скарбовой Избы) в Бресте (Брест-над-Бугом) пан Растишевский во время ревизии Правления (Urząd) акциз и государственных монополий упомянутой Избы в 1922 году пришёл к выводу, что начальник данного правления по фамилии Мыц не соответствует занимаемой должности. Мыц мало знаком с ведением акцизной деятельности и имеет в ней мало руководящего опыта, проявляет низкую активность – и даже плохо владеет польским языком. А инспектор Ковальский из Кобрина хоть и проработал 20 лет на Кавказе, но разбирался только в акцизах на вина. При этом имел проблемы по предоставлению отчётности даже по алкоголю и возвращался из инспекций без составленных протоколов о правонарушениях [3, л. 5].

В целом, недостатки сотрудников заключались в малом количестве составленных протоколов о правонарушениях в области налогового законодательства, в недостаточной компетентности и даже в разгульном образе жизни, который мешал работе. Отмечалось, что добросовестные сотрудники не могут достичь высокой эффективности из-за отсутствия компетентного руководства и необходимости помогать другим сотрудникам на иных направлениях работы. Повсеместно отмечается слабый контроль за подакцизной деятельностью, проблемы с опломбированием специального оборудования, путаница в документах [3, л. 5–8].

Весьма важной представляется переписка и отчёты руководителей Казённой палаты в Бресте. Один из них в письме от 31 июля 1922 сообщает в Министерство финансов о многочисленных проблемах, связанных с переездом сотрудников. Отмечается, что он сам ещё живёт в помещении при Избе, даже поветовые старосты до сих пор вынуждены жить в гостиницах [3, л. 139].

Документы, посвящённые учёту личного состава налоговых органов, также описывают тяжёлую кадровую ситуацию в Полесском и Новогрудском воеводствах в начале 1920-х годов. По состоянию на 31 декабря 1921 года в налоговых учреждениях было вакантным 61 место. Из 89 сотрудников только 7 имели высшее образование. К шестому (высшему), седьмому и восьмому служебным классам относилось всего 20 человек. Нехватка извозчиков и курьеров составляла 28 человек [4, л. 222–223].

Со временем данные кадровые проблемы решались, однако у руководства Казённой палаты в Бресте оставалась масса претензий. Особенно это касалось секвестраторов – должностных лиц, которые принудительно взымали налоговые задолженности. Иногда их роль исполняли люди должного опыта, из-за чего результаты деятельности были низкими. Циркуляр брестской казённой палаты за 1931 год прямо указывает на слабый контроль за деятельностью секвестраторов со стороны поветовых органов, а в некоторых поветах результаты работы находятся в плачевном состоянии, экзекуция (приведение в исполнение решений о принудительном взыскании задолженностей) проводится весьма хаотично [5, л. 1].

Почти в трети случаях секвестраторы приходили к выводу, что задолженность взыскать уже невозможно. Документы об изъятии имущества в счёт погашения задолженности в абсолютном большинстве случаев оформлялись без конкретной даты лититации – аукциона по продаже населению данного имущества. В результате было невозможно корректно проводить данные лититации [5, л. 2].

При объяснении причин такого положения дел руководство обращало внимание, что нельзя всё сводить к экономическому кризису (1929–1933 гг.) – многие проблемы случаются именно из-за неправильно организованного процесса. В итоге даже Министерство финансов было вынуждено констатировать, что налоговые органы демонстрируют отсутствие заинтересованности в наполнении государственного бюджета [8, л. 1].

При анализе документов можно выделить разные пути решения проблем налогообложения. С одной стороны, на фоне массового роста задолженностей проводились различные конференции с целью информирования населения о налоговых льготах и способах погашения долгов по уплате налогов [7, л. 2, 3, 6]. С другой, жёстко ставился вопрос о сокращении аппарата секвестраторов в том случае, если расходы на его содержание не покрывались поступлениями от их деятельности. Однако задолженность, которую невозможно было взыскать, росла – 47 % в Полесском воеводстве [9, л. 49]. Кроме того, казённая палата рассылала в региональные правления разъяснения о порядке сбора налогов с целью недопущения ошибок [9, л. 34].

Анализировалась и ситуация с налогоплательщиками. Казённая палата указывала на факт отсутствия у заметного числа ремесленников специальных карт, дающих право на легальную деятельность [9, л. 104]. Увеличение продажи промышленных свидетельств на право ведения торговли было связано не с улучшением экономической ситуации, а с участвовавшими проверками во время ярмарок (Кобринский повет) и изменениями в законодательстве – больше плательщиков стали обязаны покупать свидетельства восьмой категории [9, л. 125].

Определённое внимание необходимо уделить Фонду 53 «Окружная палата государственного контроля Волынского и Полесского воеводств Верховной палаты государственного контроля Польши, г. Ковель Волынского воеводства (с 12.03.1924 – г. Брест Полесского воеводства)». Документы фонда поднимают вопросы материального обеспечения деятельности системы налогообложения. Так, в феврале 1930 брестская казённая палата оплатила покупку 56 портфелей на общую сумму 2 352 злотых. Палата объясняла необходимость портфелей для секвестраторов и курьеров тем, что они возят большие суммы банкнот и важные документы, которые без портфелей могут быть повреждены или утеряны [11, л. 34об., 47].

К значимым фактам, которые содержат документы палаты госконтроля, можно отнести выявленные ошибки на сумму 108 493,75 злотых в бюджете брестской казённой палаты, исправлять которую пришлось на министерском уровне [11, л. 34об., 49]. О взаимоотношениях между руководством и подчинёнными может свидетельствовать случай налогового сотрудника Филимонова. Палата гос-

контроля настаивала, что налоговый орган мог не выплачивать компенсацию в сумме 118,04 злотых за неиспользованный отпуск. Но руководитель казённой палаты отстаивал права своего сотрудника, ссылаясь на тяжёлое материальное положение и отсутствие карьерных перспектив немолодого Филимонова (судя по всему, сотрудник был православным, что и затрудняло его карьерный рост в условиях государственной ассимиляции – Б. К.) [11, л. 50].

Большим информационным потенциалом обладают протоколы заседаний съездов начальников правлений, которые содержатся в Фондах 50 и 53. В таких протоколах подробно описываются трудности и достижения налоговых органов – начиная с материального положения учреждений и заканчивая критикой и предложениями по совершенствованию налогового законодательства [10, л. 1–3].

Также важны фонды органов местного управления и самоуправления. В ГАБО находится 37 фондов гминных правлений поветов Полесского воеводства (гмина – территориальная единица повета, в свою очередь из поветов состояло воеводство), по материалам которых возможно исследовать практику налогообложения в сельской местности. Местные налоги, натуральные повинности и их размеры имели свою специфику и зависели от конкретной территории. Расходы гмины ложились на плечи населения. На каждый финансовый год в поветах утверждались Статуты о повинностях и дорожных свидетельствах для каждой гмины. Статуты регламентировали шарварки – повинность, заключающуюся в общественных работах по благоустройству дорог и местности [2, л. 4]. Проблемой шарварков и источниковой базы данной темы продуктивно занимался А. А. Савич [13].

Существовали и другие натуральные повинности. Например, в октябре 1938 года в гмине Жабинка Кобринского повета каждый двор громады Федьковичи должен был предоставить сечку (мелко нарезанную солому) из одного снопа с целью подготовки глины для укладки пола в школе-памятнике имени Ю. Пилсудского. Также громада на строительство школы должна была предоставить строительных услуг стоимостью 3 000 злотых и 500 злотых деньгами. А в июне 1938 года все гмины Кобринского повета должны были предоставлять безвозмездно подводы для транспортировки металлолома, собранного в рамках акции по поддержке национальной обороны (F.O.N.) [1, л. 31, 53, 58].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что документы фондов ГАБО затрагивают практически все стороны системы налогообложения на территории Западной Беларуси и могут быть эффективно использованы при проведении исследований по данной тематике.

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 45. Оп. 1. Д. 15.
2. ГАБО. – Ф. 45. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 23.
5. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 3422.
6. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 3439.
7. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 4728.
8. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 4743.
9. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 5609.
10. ГАБО. – Ф. 53. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАБО. – Ф. 53. Оп. 6. Д. 18.
12. Дементьева, Н. М. Налоговая политика государства [Электронный ресурс] / Н. М. Дементьева // Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ). – 2009. – Режим доступа: <https://is.gd/gLQV0o>. – Дата доступа: 12.03.2023.
13. Савич, А. А. Шарваркі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у кантэкście гістарыяграфічнага асэнсавання [Электронный ресурс] / А. А. Савич // Электронная библиотека БГУ. – 2015. – Режим доступа: <https://is.gd/qLBDGY>. – Дата доступа: 10.03.2023.
14. Jezierski, A. Historia gospodarstwa Polski / A. Jezierski, C. Leszczyńska. – Warszawa : Key Text, 1999.

Згірскі Ю.І.

АНКЕТАВАННЕ ПРЫ РЭГІСТРАЦЫІ БЕЖАНЦАЎ У СПРАВАВОДСТВЕ ЖАСНЯНСКАЙ ГМІНЫ МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ ЗА 1920-Я ГАДЫ

Адной з характэрных рыс Першай сусветнай вайны стаў феномен масавага бежанцтва мірнага насельніцтва з зоны баявых дзеянняў. Ня гледзячы на падпісанне Брэсцкай дамовы паміж Савецкай Расіяй і блокам Цэнтральных дзяржаў і, як вынік, выхада Расіі з Першай сусветнай вайны, палітэні становішча на тэрыторыі Беларусі пачалося толькі ў канцы 1920 г., што звязана са сканчэннем фазы актыўных баявых дзеянняў польска-савецкай вайны. Дзякуючы архіўным матэрыялам, інсуе магчымасць даследаваць механізм рэгістрацыі бежанцаў на тэрыторыі Жаснянскай гміны ІІ Рэчы Паспалітай. Дзякуючы цэнтралізаванаму характару і агульнасці норм бюракратычных працэсаў на тэрыторыі міжваеннай Польшчы, матэрыялы са звышэйзгаданнай гміны можна выкарыстоўваць пры даследаванні падобных працэсаў у іншых рэгіёнах Заходняй Беларусі.

Перад разглядам бюракратычнага працэса, неабходна разгледзець адміністрацыйна-тэрытарыяльныя змены на тэрыторыі Віленскай губерні, у склад якой ўваходзілі землі створанай ў 1919 г. Жаснянскай гміны:

- 1914–1917 гг. – Жаснянская воласць Віленскай губерні Расійскай імперыі.
- 1919–1920 гг. – Жаснянская гміна Вілейскага павета Наваградскага ваяводства пры Грамадзянскім ўрадзе ўсходніх зямель (польск. Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich) Польскай Рэспублікі.
- 1920–1926 гг. – Жаснянская гміна Дунілавіцкага павета Наваградскага ваяводства (заўв. з 1922 г. па 1926 г. – Віленскай зямлі).

- 1926–1939 гг. – Жаснянская гміна Пастаўскага павета Віленскага ваяводства.

Пачынаючы з 1920 г., у матэрыялах справаводства Жаснянскай гміны Дунілавіцкага павета фіксуецца вяртанне бежанцаў [11]. З мэтай рэгістрацыі экс-бежанцаў, грамадзянскімі органамі улады быў арганізаваны механізм фіксацыі асоб, якія праходзілі рэгістрацыю і/ці перарэгістрацыю на тэрыторыі Жаснянскай гміны. Адказнасць за ажыццяўленне працэсу была ўскладзена на мясцовыя органы ўлады (стараствы) пры кантролі грамадзянскіх органаў улады і Міністэрства ўнутранных спраў [8]. Фіксацыя праводзілася цэнтралізавана, нормы і правілы правядзення бюракратычнага працэсу былі аднолькавыя для ўсіх гмін [9].

Асноўная форма фіксацыі асоб – анкетаванне. Яно пачало выкарыстоўвацца пры рэгістрацыі экс-бежанцаў з 1920 г. Анкеты мелі розныя варыянты, якія фактычна, мала чым адрозніваліся паміж сабой. У анкетаванне ўваходзіла:

- Імя, фамілія.
- Месца і час нараджэння.
- Узрост.
- Час і месца, куды выехаў бежанец.
- Месца прапіскі.
- Род дзейнасці.
- Служба ў войску.
- Веравызнанне.
- Нацыянальнасць.
- Сямейнае становішча і склад сям'і.
- Валоданне мовамі.
- Удзел ў арганізацыі польскіх органаў улады.
- Служба ў войску [9].

Анкетаванне вялося на польскай мове. Напісанне імя і асабістых дадзеных вялося ў адпаведнасці з нормамі польскай мовы. Ня гледзячы на напісанне дакладнай даты ў графе “Дата нараджэння”, дата, пазначаная ў гэтай графе, выклікае сумнеў, так як асоба магла ўказаць дату хрышчэння замест даты нараджэння, спасылаючыся на метрычныя кнігі, якія выкарыстоўваліся пры запаўненні анкет.

Метрычныя кнігі і выпіскі з іх выкарыстоўваліся не толькі з мэтай вызначэння даты нараджэння і/ці хросту, але і для пацверджання асобы. У гэтых мэтах праводзілася параўнанне запісаў у метрычных кнігах, аўтабіяграфіі і дакументаў, якія падаваліся асобай пры рэгістрацыі, а таксама сведчанні сведкі, прадстаўленай экс-бежанцам з мясцовага насельніцтва [3].

Мова аўтабіяграфій – польская і руская ў дарэвалюцыйнай арфаграфіі [7]. Аўтабіяграфіі ахоплівалі перыяд з 1914 па год напісання аўтабіяграфіі. Звычайна, аўтабіяграфіі ўтрымлівалі інфармацыю аб асобе, якая супадала па змесце з іншымі дакументамі, пададзенымі экс-бежанцам для рэгістрацыі. Напрыклад: веравызнанне. Цікавым фактам з’яўляецца пазначэнне нацыянальнасці без прывязкі да веравызнання. Так, згодна з дакументамі, вылучаецца катэгорыя асоб каталіцкага веравызнання, якая пазначала ў аўтабіяграфіях беларускую нацыянальную прыналежнасць [5]. На сённяшні дзень немагчыма дакладна вызначыць час выезду з тэрыторыі Жаснянскай гміны, што звязана са спецыфікай сітуацыі ваеннага часу. Самая ранняя дата выезду з тэрыторыі даваеннай Жаснянскай воласці, зафіксаванай у матэрыялах справаводства, з’яўляецца 1 верасня 1914 г. [4].

Адначасова з аўтабіяграфіямі і метрычнымі кнігамі і выпіскамі з метрычных кніг, экс-бежанцам падаваліся:

- Пасведчанне аб вайсковай павіннасці (рус. Свидетельство о воинской повинности). Яны выкарыстоўваліся пры запаўненні пунктаў, звязаных са службай у войску. Вызначыць дакладны час пачатку мабілізацыі мясцовага насельніцтва ў Рускую імператарскую армію немагчыма праз незахаванасць значнай часткі дакументаў. Самы ранні год, пазначаны як час прызыва ў войска – 1915 г. [2] Факт мабілізацыі з тэрыторыі Жаснянскай воласці ў 1915 годзе сведчыць пра захаванасць мабілізацыйнага рэзерву і, як вынік, з’яўляецца сведчаннем паступовага выезду часткі насельніцтва з воласці з 1914 г.

- Вусныя звароты насельніцтва: прадстаўлены дакументамі, складзенымі пры мясцовых органах улады на падставе вусных сведчанняў асобы пры звартанні апошняй з заяўленнем на выдачу спраўкі ці пасведчання асобы [1]. З’яўленне падобнай катэгорыі дакументаў магчыма звязана са звартаннем у мясцовыя органы ўлады маладукаванай ці неадукаванай часткі насельніцтва.

- Фіксацыя факта пражывання асобы на тэрыторыі Жаснянскай воласці былой Віленскай губерні на момант 1 верасня 1914 г. у дакументах справаводства мясцовых даваенных органаў улады [3].

- Даваенныя расійскія (заўв. дарэвалюцыйныя) пасведчанні асобы, як адна з крыніц для пацверджання факта пражывання апошняй да Першай сусветнай вайны. Гэты масіў дакументаў фактычна адсутнічае, так як, у моц абставін, дакументы маглі быць страчаны асобай пад час Першай сусветнай вайны [3]. Магчымай прычынай адсутнасці дакументаў у матэрыялах справаводства Жаснянскай гміны Дунілавіцкага павета (з 1926 г. – Пастаўскага павета) з’яўляецца знічэнне дарэвалюцыйных пасведчаннеў асоб пасля выдачы польскіх дакументаў, так як першыя ўжо пераставалі дзейнічаць у моц знікнення органаў іх выдачы і Расійскай імперыі ўвогуле.

Захаваанне анкеты ў матэрыялах справаводства сведчыць аб паспяховым праходжанні працэса рэгістрацыі экс-бежанца. Апошні, па выніках рэгістрацыі, атрымліваў пасведчанне аб нараджэнні [5]. 3 мая 1921 г., пасля сканчэння польска-савецкай вайны, пачалася выдача легітымацый (заўв. пасведчанне асобы). Працэдура анкетавання асоб захавалася да 1939 г. і распаўсюдзілася на справаводства іншых дзяржаўных устаноў міжваеннай Польшчы [12, с. 28].

Запаўненне анкеты праводзілася на падставе дакументаў, прадстаўленых асобай пры рэгістрацыі і/ці перарэгістрацыі (аўтабіяграфія, даваенныя дакументы, метрычныя кнігі і інш.) і матэрыялаў справаводства мясцовых даваенных органаў улады. Мова анкет – польская. Мова аўтабіяграфій – польская і руская, што звязана з распаўсюдам рускамоўнай адукацыі і валоданнем польскай мовай часткай насельніцтва. Фіксуецца эпізоды звяртання ў дзяржстановы маладукаванай ці неадукаванай часткі насельніцтва, што фіксуецца ў матэрыялах справаводства мясцовых органаў улады. Па выніку рэгістрацыі, у межах якой праводзілася анкетаванне, асобе выдавалася часовае пасведчанне асобы, а пасля падпісання Рыжскай мірнай дамовы, з мая 1921 г., пачалася выдача пастаянных пасведчанняў асоб. Даваенныя рускія пасведчанні асобы не захаваліся ў матэрыялах справаводства Дунілавіцкага павета, што звязана як са стратай апошніх так і стратай сэнсу ў захоўванні недзейных дакументаў.

1. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладэчна (далей – ЗДАМал.). – Ф. 56. Воп. 1. Спр. 11. Л. 26.
2. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 1. Спр. 19. Л. 2.
3. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 1. Спр. 35. Л. 1.
4. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 3.
5. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 21.
6. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 23.
7. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 81.
8. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 94.
9. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 128.
10. ЗДАМал. – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 8. Л. 220.
11. ЗДАМал. – Ф. 388. Воп. 1. Спр. 4. Л. 2.
12. Згірскі, Ю. І. Латвійскі напрамак працоўнай эміграцыі ў дакументах гарадскога суда мястэчка Друя ІІ Рэчы Паспалітай / Ю. І. Згірскі // Электронны зборнік твораў моладых спецыялістаў Полоцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфросіні Полоцкай / ред. кол.: Ю. Я. Романовскі (пред.) [і др.]. – Новополоцк : Полоцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфросіні Полоцкай, 2022. – Вып. 43 (113): Образование. Педагогіка. – С. 28–30.

Ананька К.Д. УСПАМІНЫ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГІМНАЗІЙ У МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі ўспаміны выкарыстоўваюцца як крыніцы для даследавання пастаўленай праблемы. У савецкай гістарыяграфіі ўспаміны і мемуары класіфікаваліся даследчыкамі як суб’ектыўныя крыніцы і выкарыстоўваліся ў якасці дадатку да іншых дакументаў. У сувязі з пашырэннем выкарыстання новых метадалагічных падыходаў у 1990-х гг. заходняй гістарычнай навуцы, а затым і ў беларускай стала папулярным выкарыстанне эга-дакументаў з мэтай даследавання асобных праблем. Эга-дакументы – катэгорыя шырокага значэння, якая ўключае ўспаміны, мемуары, пратаколы апытанняў, жыццяпісу, эпістальныя крыніцы і г. д.

У апошні час у гістарычным навуковым дыскурсе папулярным становіцца выяўленне і стварэнне біяграфій раней невядомых або малавывучаных дзеячаў, а таксама праспаграфічныя даследаванні – пабудова калектыўных біяграфій асобных катэгорый людзей. На думку даследчыка беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі А. С. Горнага падобныя даследаванні патрабуюць грунтоўнага аналізу асабістых дакументаў, у тым ліку і ўспамінаў. Вывучэнне ўласнага «я» дазваляе ўбачыць інтэлектуальныя магчымасці і пошукі беларускіх нацыянальных дзеячаў, складанасці іх выбару і ў цэлым умовы іх дзейнасці [1, с. 295]. Да крыніц па разглядаемай тэме адносяцца ў асноўным ужо апублікаваныя ўспаміны былых супрацоўнікаў і навучэнцаў гімназій – Янкі Багдановіча [2], Ігара

Бурсевіча [3], Мікалая Бурсевіча [4], Леаніда Галяка [5], Раісы Галяк [6], Анелі Катковіч [7], Зоі Коўш [8], Святаслава Коўша [9], Вітаўта Тумаша [10, 11, 12, 13]. У ф. 1 і ф. 35 Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ўтрымліваюцца ўспаміны былых выпускнікоў Віленскай беларускай гімназіі Янкі Шутовіча [14] і Якуба Міско [15].

Адным з першых апавяданняў пра вучобу ў Віленскай беларускай гімназіі (ВБГ) стаў артыкул «Уступаючы ў жыццё...» М. Бурсевіча, апублікаваны ў 1958 г. М. Бурсевічам, які з'яўляўся братам І. Бурсевіча. Ён паступіў адразу ў 3 клас гімназіі ў 1929 г. Асноўны змест успамінаў у большай ступені раскрывае грамадска-палітычную сітуацыю сярод вучняў. У другой палове 1920-х гг. сярод навучэнцаў сталі хутка распаўсюджвацца камуністычныя ідэі па лініі КПЗБ, ладзілася антыўрадавая дзейнасць. У 1929 г. М. Бурсевіча, як і некаторых іншых навучэнцаў, адлічылі па прычыне камуністычнай дзейнасці, пасля чаго яны перайшлі ў Клецкую беларускую гімназію, дзе працягвалі сваю камсамольскую дзейнасць [4, с. 134–141]. Ён раскрытыкаваў бяздзейнасць гімназічнай адміністрацыі і асабліва Р. Астроўскага, называючы яго здраднікам. Успаміны М. Бурсевіча напісаны ў камуністычным духу, падкрэсліваючы барацьбу беларускіх камсамольцаў супраць польскіх уладаў. У падобным кантэксце напісаны мемуары вядомага беларускага публіцыста Я. Міско, якія знаходзяцца ў асабістым фондзе аддзелу рукапісаў ЦНБ НАНБ. Ён таксама навучаўся ў сценах ВБГ і быў удзельнікам тых падзей, асабіста сябраваў з Я. Урбановічам і В. Таўлаем, з якімі разам здзяйсняў антыўрадавыя акцыі пратэсту, вёў камсамольскую дзейнасць у гімназіі [15, арк. 23–24]. З асабліва сярэдніх гэтых мемуараў можна падкрэсліць формы і метады палітычнай актыўнасці, якой карысталіся навучэнцы пры арганізацыі розных акцый пратэсту, супраціўлення і г. д.

У чэрвені 1978 г. у свет выйшлі ўспаміны былога навучэнца ВБГ І. Бурсевіча, які навучаўся ў ёй з 1923 па 1929 гг. Аўтар падзяліў свае ўспаміны па раздзелах: размяшчэнне будынку, умовы працы ўстановаў, навучальны працэс, палітычныя абставіны ў Заходняй Беларусі. У апошнім раскрываецца грамадска-палітычная і культурная актыўнасць навучэнцаў, іх удзел у дзейнасці КПЗБ, камсамола, БСРГ, ТБШ [3, с. 140–141]. Нягледзячы на тое, што І. Бурсевіч сам быў уцягнуты ў актыўнае камсамола, яго ўспаміны носяць у большай ступені апісальны характар. Аўтар згадвае свае сяброўскія сувязі з Я. Урбановічам, А. Салагубам, В. Таўлай, Х. Ляўшэвічам і іншымі, а таксама свайго бацьку М. Т. Бурсевіча, які з'яўляўся кіраўніком Цэнтральнага сакратарыята БСРГ. У адзін момант польскія ўлады яго арыштавалі па справе Грамады, што паўплывала на далейшы лёс самога І. Бурсевіча. У 1929 г., не давучыўшыся яшчэ адзін год у гімназіі, сям'я Бурсевічаў разам з сям'ёй С. Рак-Міхайлоўскага былі вымушаныя выехаць у БССР.

Каштоўнымі для вывучэння тэмы дзейнасці беларускіх гімназіяў з'яўляюцца ўспаміны С. і З. Каўшоў, дзяцей былога праваслаўнага законавучыцеля ВБГ А. Каўша. З. Коўш, якая выпусцілася з гімназіі ў 1929 г., у сваіх успамінах раскрыла вядомы тэзіс “беларускія гімназіі – кузні нацыянальных кадраў”. У большай ступені яна звярнула ўвагу на культурна-выхаваўчую працу, прааналізавала абставіны знішчэння ўстановаў [8, с. 34–36]. Прычынай такога зыходу падзей стала супярэчнасць, якая перарасла ў адкрытае супрацьстаянне паміж гімназістамі і адміністрацыяй у асобе былога дырэктара Р. Астроўскага. Успаміны С. Каўша ўвайшлі ў змест «Летапіс Віленскай беларускай гімназіі» часопіса «Спадчына» у 1999 г. У сценах гімназіі С. Коўш апынуўся пасля арышту польскімі ўладамі яго бацькі, што аказала некаторы ўплыў на яго непрыязнасць да настаўніка польскай мовы на папярэднім месцы вучобы [9]. Перыяд яго вучобы ў 1929–1934 гг. прыпадае на пераломны момант для ВБГ, калі ўстанова стала філіялам польскай гімназіі ў 1932 г. Карысным для даследавання з'яўляецца спіс выкладчыкаў, сярод якіх фігуруюць і былыя навучэнцы, напрыклад, М. Ляўшэвіч, Б. Кіт і іншыя.

У 1923–1931 гг. у ВБГ навучалася Р. Галяк. У сваіх успамінах яна дала асабістую характарыстыку некаторых выкладчыкаў гімназіі – В. Багдановіча, Р. Астроўскага, І. Дварчаніна, М. Сіняўскага і іншых. Менавіта Р. Галяк адна з нямногіх звярнула ўвагу на тое, што некаторыя вучні і супрацоўнікі былі “хадэтамі” – прыхільнікамі партыі “Беларуская хрысціянская дэмакратыя” (БХД). “Хадэтамі” яна называла загадчыцу інтэрната М. Шутовіч, сястру згаданага Я. Шутовіча, і тых, хто блізка сябраваў з настаўнікам А. Станкевічам [6, с. 44]. Карыснымі для даследавання з'яўляюцца ўспаміны яе мужа, Л. Галяка, вядомага беларускага дзеяча ў эміграцыі. Ён добра апісаў настаўнікаў і вучняў, з якімі ён кантактаваў на працягу сваёй вучобы ў 1922–1930 гг. [5]. Гэтыя ўспаміны могуць стаць вельмі карыснымі для складання праспаграфічных даследаванняў беларускіх дзеячаў у Заходняй Беларусі.

Да падобнай катэгорыі ўспамін можна аднесці змястоўныя мемуары В. Тумаша, таксама былога вучня ВБГ. Яны былі апублікаваны ў 4-х частках часопіса «Полацк» у 1992 г. і ўтрымліваюць інфармацыю пра паўсядзённае жыццё навучэнцаў, іх грамадска-палітычную і культурную актыўнасць, апісанне выкладчыкаў, зместу іх заняткаў і г. д. [10–13]. Даследчык А. Горны ахарактарызаваў ўспаміны В. Тумаша і Л. Галяка як “грунтоўныя дапаможнікі” пры даследаванні праспаграфіі настаўнікаў і вучняў [1, с. 290]. Таксама карысным для падобнага даследавання могуць стаць мемуары Я. Шутовіча, вучня ВБГ у 1919–1924 гг. Ён стаў адным з нямногіх, хто ў сваіх мемуарах закрануў пы-

танне сацыяльнага і нацыянальнага складу вучнёўскага кантынгенту. Справа ў тым, што ў першыя гады існавання ВБГ, значная колькасць навучэнцаў паходзіла з сялянскіх сямей, а таксама складалася з прадстаўнікоў яўрэйскай нацыянальнасці [14, арк. 5–6].

Успаміны былой вучаніцы ВБГ А. Катковіч, на жаль, не з'яўляюцца дастаткова падрабязнымі, так як аўтар апісала асабістыя ўражанні і суперажыванні падчас вучобы. Аднак з іх можна падкрэсліць цяжкасці іншагародніх навучэнцаў, якія былі вымушаныя самастойна ў літаральным сэнсе выжываць у цяжкіх эканамічных умовах. Напрыклад, сама А. Катковіч была на аякунстве беларускага дзеяча Э. Будзькі, які і дапамог ёй паступіць у ВБГ [7, с. 30]. Пры гэтым аўтары і рэдактары ўспамінаў пастараліся зафіксаваць кожную згаданую асобу кароткай біяграфічнай даведкай.

Такім чынам, у большай ступені разглядаемая катэгорыя крыніц прадстаўлена ўспамінамі былых вучняў беларускай гімназіі ў Вільні. Шмат даследчыкаў характарызуюць яе як вучэбна-метадычны цэнтр, доўгі час рыхтаваўшы прадстаўнікоў беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі. Вялікая частка з іх ужо апрацавана і апублікавана, што палягчае магчымасць даследчыкам працаваць з гэтымі крыніцамі. З іх можна падкрэсліць шмат інфармацыі пра грамадска-палітычныя абставіны, умовы існавання і працы, характарыстыку супрацоўнікаў і навучэнцаў і г. д. Успаміны, як адзін са складнікаў комплексу эга-дакументаў, у пары з іншымі відамі крыніц могуць стаць важнай базай для стварэння прасапаграфічных даследаванняў, якія набіраюць папулярнасць у сучаснай беларускай гістарыяграфіі.

1. Горны, А. С. Эга-дакументы як крыніцы па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі / А. С. Горны // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 286–297.
2. Багдановіч, Я. На жыццёвым шляху: Успаміны / Я. Багдановіч. – Мінск : Маст. літаратура, 1992. – 144 с.
3. Бурсевіч, І. Віленская беларуская гімназія / І. Бурсевіч // Маладосць: штомесячны літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны ілюстраваны часопіс. – 2011. – № 4. – С. 136–141.
4. Бурсевіч, М. В. Уступваючы ў жыццё... / М. В. Бурсевіч // У суровыя гады падполля: успаміны былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Інстытут гісторыі партыі ЦК КП Беларусі. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1958. – С. 133–141.
5. Галяк, Л. Успаміны. Кніга 1. [Электронны рэсурс] / Л. Галяк. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Leanid_Halak/Usпаміны.html. – Дата доступу: 26.12.2022.
6. Галяк, Р. Настаўнікі Віленскай Беларускай гімназіі / Р. Галяк // Полацк. – 1993. – № 3. – С. 41–45.
7. Катковіч, А. Успаміны / А. Катковіч, В. Катковіч-Клентак. – Беласток : Беларускае Гістарычнае Таварыства, 1999. – 117 с.
8. Коўш, З. Віленская гімназія / З. Коўш // Беларуская мінуўшчына. 1995. – № 1. – С. 34–36.
9. Летаніс віленскай беларускай гімназіі 1919–1944 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/203/Летаніс_віленскай_беларускай_гімназіі_1919-1944.html. – Дата доступу: 25.12.2022.
10. Тумаш, В. Віленская беларуская гімназія / В. Тумаш // Полацк. – 1992. – № 3. – С. 50–52.
11. Тумаш, В. Віленская беларуская гімназія / В. Тумаш // Полацк. – 1992. – № 4. – С. 54–57.
12. Тумаш, В. Віленская беларуская гімназія / В. Тумаш // Полацк. – 1992. – № 5. – С. 49–51.
13. Тумаш, В. Віленская беларуская гімназія / В. Тумаш // Полацк. – 1992. – № 9. – С. 37–40.
14. ЦНБ НАНБ. АРКР. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 64.
15. ЦНБ НАНБ. АРКР. – Ф. 35. Воп. 1. Спр. 94.

Бароўская В.М.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ УЗАЕМАДАЧЫНЕННЯЎ 1921–1939 ГГ.

Крыніцы даследавання можна ўмоўна падзяліць на некалькі груп. У першую чаргу гэта матэрыялы расійскіх, польскіх і беларускіх архіваў, якія дазваляюць выявіць шматлікія матывы бакоў, а таксама невядомыя даследчыкам падзеі і рашэнні. Каштоўныя данныя, якія маюць ключавое значэнне для ўсталявання прычын рашэнняў, якія прымаліся савецкім кіраўніцтвам адносна беларускага пытання, утрымліваюць дакументы Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ), у прыватнасці фонд сакратарыята Народнага камісара замежных спраў (НКЗС) Г.В. Чычэрына (ф. 4/04), фонды рэферэнтур па Польшчы (ф. 122/0122) і Літве (ф. 151/0151), матэрыялы савецка-германскай, савецка-літоўскай і савецка-польскай мірнай канферэнцыі, а таксама фонды членаў Калегіі НКЗС М. М. Літвінава, А. А. Іофе і Я. С. Ганецкага, М. М. Красцінскага. Прадстаўляе цікавасць перапіска Г. В. Чычэрына, П. Л. Войкава, членаў Калегіі НКЗС паміж сабой і іншымі дыпламатамі, запісы іх размоў, даклады, артыкулы і прамовы Г.В. Чычэрына па міжнародных пытаннях, інфармацыйныя агляды НКЗС, агляды замежнага друку, пераклады дыпламатычных дакументаў замежнага паходжання і інш. Навуковая значнасць гэтых матэрыялаў заключаецца ў разуменні асаблівасцей фарміравання і трансфармацыі знешнеэканамічных курсаў Польшчы, СССР, Германіі і заходнееўрапейскіх краін.

Матэрыялы па беларускім пытанні прадстаўлены значнымі масівамі навуковых выкладак, дакладаў аб этнаграфічнай сітуацыі ў рэгіёне, дыялектах і арэале іх распаўсюджвання, параўнальных табліц па перапісам насельніцтва, аналізу поглядаў розных навукоўцаў і палітычных груп па праблеме межаў рассялення беларусаў. Такія даклады складаліся ў тэрміновым фармаце ў 1917 г. да Брэсцкай канферэнцыі (ф. 413) і больш дэталёва ў 1920 г. для савецка-літоўскай канферэнцыі.

Гэтымі ж данымі карысталіся і на савецка-польскіх пераагаворах. Акрамя таго, у звестках гэтых фондаў утрымліваецца дыпламатычная перапіска з прадстаўнікамі РСФСР у Літве і Беларусі, інструкцыі НКЗС савецкай дэлегацыі, перапіска з іншымі зацікаўленымі ведамствамі, у тым ліку і з беларускім савецкім кіраўніцтвам.

З матэрыялаў Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ) найбольш важныя дакументы ўтрымліваюцца ў фондах сакратарыята Старшыні СНК У. І. Леніна (ф. 5) і Народнага камісара замежных спраў Г. В. Чычэрына (ф. 159), Польскага бюро агітацыі і праганды пры ЦК РКП (б). У іх змешчана перапіска з беларускім савецкім кіраўніцтвам, зводкі і даклады НК і ДПУ аб палітычнай сітуацыі ў краі, інструкцыі і рашэнні па асобных пытаннях дыпламатычных адносін. Прынцыповае значэнне для аналізу ўзаемаадносін РКП (б), НКЗС, сілавых ведамстваў і Камінтэрна маюць пратаколы пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП (б), уключаючы “асобныя папкі”, куды заносіліся рашэнні па самым сакрэтным пытанням. Таксама прадстаўляюць цікавасць прамовы І.В. Сталіна, якія сабраў у 1930-я гг. І. П. Тоўстуха, большая іх частка не ўвайшла ў збор твораў 1940-х гг. (ф. 71). Яны дазваляюць прасачыць эвалюцыю яго поглядаў на нацыянальныя пытанні і яго рашэнні. Каштоўнасць маюць фільмакопіі дакументаў РДАСПГ з фонду сакратарыята У. І. Леніна, якія маюць міжнародны характар, а таксама матэрыялы пасяджэнняў Палітбюро ЦК УКП (б) па польскіх справах. Яны сведчаць аб негатыўным уплыве ўзаемных падазрэнняў на адносіны Масквы і Варшавы.

Фонды Расійскага дзяржаўнага ваеннага архіва (РДВА) ўтрымліваюць трафейныя польскія матэрыялы міжваеннага перыяду, з якіх былі выкарыстаны матэрыялы II аддзела польскага Генштаба (ф. 308), у прыватнасці зводкі і даклады мясцовых ваенных улад аб сітуацыі ў краі падчас польскай акупацыі, справаздачы разведкі, дэкларацыі, адозвы і брашуры, якія масава выпускаліся беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі як паланафільскага, так і антыпольскага складу. Яны дазваляюць даць ацэнку інфармацыйнаму кантэнт, якім аперывавала польскае кіраўніцтва пры прыняцці таго ці іншага рашэння па беларускім пытанні.

У фондах Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ДАРФ) звяртаюць на сабе ўвагу матэрыялы УЦВК (Р-1235), СНК РСФСР (Р-130), Паўнамоцнае прадстаўніцтва ўрадаў РСФСР і УССР пры ўсіх замежных арганізацыях дапамогі Расіі (Р-1058), а таксама розныя архіўныя калекцыі (Р-6055 Калекцыя інфармацыйных матэрыялаў аб Савецкай Расіі, Германіі і іншых краінах за 1917–1937 гг.; Р-6218 – калекцыя матэрыялаў Беларускай Народнай Рэспублікі; Р-7067 – калекцыя матэрыялаў Лігі нацый). Пры дапамозе гэтых рэсурсаў удалося ўвесці ў навуковы зварот дыпламатычную перапіску НКЗС РСФСР з НКЗС БССР перыяду правядзення Генуэзскай, Гаагскай канферэнцый, Маскоўскай канферэнцыі па раззбраенні.

Фонды МЗС Польшчы (Ministerstwo Spraw Zagranicznych) (ф. 322) і пасольства Польшчы ў Лондане (ф. 503), Парыжы (ф. 463), Вашынгтоне (ф. 490), канцылярыі Ю. Пілсудскага (ф. 3), асабістыя фонды Л. Васілеўскага (ф. 390), Р. Кноля (ф. 1791), С. Каузіка (ф. 95), У. Грабскага (ф. 94), Э. Пілтца (ф. 391) у Archiwum aktów powych, дазволілі больш дэтальна асветліць спецыфіку савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду. Гэта рознага кшталту стэнаграмы і пратаколы пасяджэнняў савецка-польскіх пераагавораў, інструкцыі МЗС Польшчы, дыпламатычная перапіска, справаздачы, аналітычныя матэрыялы.

У фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) значную цікавасць для даследчыкаў савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду маюць матэрыялы фондаў 4п (ЦК КПБ (б)), 6 (ЦВК БССР), 7 (СНК БССР), 15 (Паўнамоцнае прадстаўніцтва БССР у РСФСР), 34 (НКУС БССР), 39 (Цэнтрэвак), 40 (Белэвак), 71 (СНГ БССР), 126 (Упраўленне Упаўнаважанага УСНГ РСФСР пры СНК БССР), 325 (Рада Народных Міністраў БНР) і іншыя. Звяртаюць на сябе ўвагу перапіска паўнамоцнага прадстаўніка БССР у РСФСР М.І. Мароза з НКЗС БССР і НКЗС РСФСР, розныя статыстычныя матэрыялы, пратаколы пасяджэнняў, агляды польскамоўнай прэсы, перапіска Упраўлення ўпаўнаважанага НКЗГ РСФСР пры СНК БССР з Гандлёвым прадстаўніцтвам у Польшчы, НКЗГ РСФСР (СССР), перапіска кіраўніцтва Белэвак з членамі расійска-ўкраінскай дэлегацыі ў Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі, Народным камісарыятам фінансаў БССР, Камітэтам па рээвакуацыі замежных прадпрыемстваў пры ВСНГ РСФСР.

Прызнаючы неабходнасць уважання ў навуковы зварот архіўных дакументаў і матэрыялаў, неабходна звярнуць увагу на выніковасць звароту да апублікаваных раней крыніц, іх аналізу з сучасных поглядаў і падыходаў. Таму важную ролю ў даследаванні мелі шматлікія дакументальныя публікацыі, якія ўключаюць матэрыялы афіцыйнага справаводства. Для раскрыцця тэмы асноўнае значэнне адыгралі зборнікі “Дакументы знешняй палітыкі СССР” [1]. Першыя 17 тамоў выдання ўтрымліваюць шмат савецкіх і замежных дакументаў за 1917–1934 гг. Публікацыю істотна папоўнілі выданыя ІСБ АН СССР у супрацоўніцтве з гісторыкамі ПНР зборнікі дакументаў і матэрыялаў [2]. Дакументальныя матэрыялы, якія па-новаму раскрываюць многія сюжэты польска-савецкай вайны,

утрымлівае зборнік, падрыхтаваны пад кіраўніцтвам І. І. Касцюшка [5], і дакументы, выданыя польскія даследчыкамі і архівістамі [9]. Варта адзначыць грунтоўныя зборнікі дакументаў, падрыхтаваныя беларускімі спецыялістамі [3].

Для больш дэтальнага вывучэння міжнароднага становішча ў адзначаны адрэзак часу былі выкарыстаны інфармацыйныя заявы, прамовы і публіцыстычныя працы вядомых дзяржаўных дзеячоў Савецкай дзяржавы і іншых краін, у прыватнасці, заявы і прамовы намесніка народнага камісара замежных спраў М. М. Літвінава [4], працы і выступленні народнага камісара замежных спраў СССР Г. В. Чычэрына [6], прамовы міністра замежных спраў Польшчы ў 1926–1932 гг. А. Залескага [11], разлічаныя на шырокую аўдыторыю працы польскага міністра замежных спраў у 1932–1939 гг. Ю. Бэка [7], міністра замежных спраў Польшчы ў 1922–1923 і 1924–1926 гг. А. Скішыньскага [10] «Польшча і свет», польскага дзяржаўнага і палітычнага дзеяча У. Грабскага [8].

Значная частка крыніц па праблеме савецка-польскіх адносін 1921–1929 гг. апублікавана і ўведзена ў навуковае карыстанне. Аднак, на вялікі жаль, даследчыкі не маюць шырокага доступу да архіўных матэрыялаў з'ява сховішчаў Расійскай Федэрацыі (напрыклад, Архіва знешняй палітыкі). Патрабуюць больш глыбокага вывучэння і публікацыі матэрыялы асабістага паходжання. Многія крыніцы (асабліва перыядычны друк) знаходзяцца на мяжы знішчэння, патрабуюць пераводу ў электронны выгляд. Накладвае адбітак спецыфіка дыпламатычных матэрыялаў, назіраецца частковае разыходжанне зместу афіцыйных дакументаў з неафіцыйнымі формамі ўзаемаадносін. Толькі комплексны аналіз крыніц дазволіць папоўніць факталагічную базу па праблеме. Да гэтага моманту невядомым застаецца месцазнаходжанне часткі пратаколаў пасяджэнняў Змешаных камісій, асабліва пагранічнай камісіі. Праведзены гістарыяграфічны і крыніцазнаўчы аналіз паказвае, што фарміраванне цэласнай сістэмы савецка-польскіх адносін 1921–1929 гг. у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі сутыкалася з праблемамі недастатковай забяспечанасці архіўным матэрыялам, па прычыне яго сакрэтнасці і цяжкадаступнасці для даследчыкаў, да канца заставалася нявывучанай беларуская праблематыка на асобных этапах савецка-польскіх дыпламатычных зносін.

1. Документы внешней политики СССР : в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3–12. – М., 1960–1967.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М., 1964. – Т. 2 : декабрь 1918 г. – март 1920 г. – 528 с. ; Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М., 1965. – Т. 3 : апрель 1920 г. – март 1921 г. – 607 с.
3. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Т. 1 : 1917–1922 гг. – Мінск : БелНДДАС, 1997. – 395 с. ; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : Юніпак, 2008. – Т. 1 : 1 жніўня 1914–18 сакавіка 1921 гг. : у 2 ч. – Ч. 2 : 3 студзеня 1920–18 сакавіка 1921 гг. – 392 с.
4. Литвинов, М. М. Внешняя политика СССР, речи и заявления 1927–1935 гг. / М. М. Литвинов. – М., 1935. – 176 с.
5. Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2 ч. / И. И. Костюшко. – М. : ИСБ РАН, 1994. – Ч. 2 : 20 августа 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 222 с. ; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы) : документы и материалы / подг. публ. И. И. Костюшко. – М., 2004. – 404 с.
6. Чичерин, Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики / Г. В. Чичерин. – М., 1961. – 78 с.
7. Beck, J. Polska polityka zagraniczna w latach 1926–1939 / J. Beck. Paryż, 1990. 447 s.
8. Grabski, W. Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej (1924–1925) / W. Grabski. Warszawa, 1927. – 438 s.
9. Polacy na Białorusi od Powstania Styczniowego do XXI wieku. – Т. 4 : Rok 1920 na tle przełomów politycznych XX wieku / pod red. T. Gawina. – Warszawa, 2020. – 783 s. ; Polacy na Białorusi od powstania Styczniowego do XXI wieku. – Т. 5 : Traktat ryski i jego konsekwencje dla Polaków i Białorusinów. Monografia zbiorowa / pod red. T. Gawina. – Warszawa, 2021. – 732 s.
10. Skszyński, A. Polskaapokój / A. Skszyński. – Warszawa, 1923. 116 s.
11. Zaleski, A. Mowy ministra spraw zagranicznych p. Augusta Zaleskiego, wygłoszone na posiedzeniu sejmowej komisji spraw zagranicznych w dniu 21-go lipca 1926 r. i w komisji senatu w dniu 22-go lipca 1926 r. / A. Zaleski. Warszawa, 1926. – 65 s.

Михайлова Ю.Л.

«ЦИВИС – ОБЩИЙ ЛЮБИМЕЦ». КАРИКАТУРЫ СЕРГЕЯ ЦИВИНСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Известный художник-карикатурист межвоенного периода С.А. Цивинский родился в 1895 г. Даугавпилсе, в семье военного. Предполагалось, что он продолжит семейную традицию, пойдет по стопам отца. Цивинский получил фундаментальное военное образование: окончил псковский кадетский корпус, Александровское военное училище в 1914 г., Офицерскую воздухоплавательную школу в Гатчине в 1916 г., Одесскую школу высшего пилотажа в 1917 г. [12]. Однако талант художника изменил его жизнь: с 1920 г. Цивинский жил в Латвийской Республике, сотрудничая с рядом латвийских газет – «Сегодня», «Для Вас», «Rigasche Rundschau» («Рижское обозрение»), «Latvijas Sargs» («Защитник Латвии»), «Pēdējā Brīdī» («В последний момент»), журналом «Atrpība» («Отдых») и многими другими [16]. Информационное пространство межвоенной Латвии представляло широкий спектр политических мнений, который дополнялся также тем, что Латвийская Республика формировалась как государство многонациональное – крупнейшими предста-

вителями национальных меньшинств выступали прибалтийские немцы и русские, на определенное место в политической и общественной жизни также претендовали поляки, евреи и другие национальные меньшинства.

Остроумие, талант и язык сатиры сумели объединить многих – карикатуры С.А. Цивинского публиковались в латышских, русских, немецких газетах, иллюстрируя различные сферы общественно-политической жизни страны. Период парламентаризма Латвийской Республики 1918–1934 гг. – это время свободы печати и свободы слова, условия, в которых политическая карикатура, язвительная, ироничная и едкая, становится одним из важных политических инструментов, винтиком в формировании общественного мнения. Попастъ «на карандаш» насмешника обидно, но еще обиднее – быть обойденным его вниманием. Один из прибалтийских немецких журналистов, О. Гросберг, отмечал: «Карикатурист ... может обращаться с нами, как ему заблагорассудится, а мы... не обижаемся на него... Откуда эта толерантность? С одной стороны, от осознания того, что карикатурист должен создавать карикатуры, а с другой – потому что карикатурист делает популярным. Вот где зарыта собака» [4, с. 3].

Исследователи творчества С.А. Цивинского отмечают, что в 1920-х годах Цивинский создал более 7 тыс. работ [12], значительная часть которых увидела свет именно в газетах и журналах, хотя нельзя не отметить и значимость персональных публикаций художника. Такую же цифру называли и современники [20, с. 8]. Карикатуры, шаржи и рисунки С.А. Цивинский публиковал под различными псевдонимами – *Civis (Civi-s)*, *Aviator*, *Zero* и др.

Способности Цивиса быстро оценили. По воспоминаниям самого художника, его шаржи, нарисованные на скорую руку во время циркового представления в Москве в 1916 г., заметил один из журналистов журнала «К спорту», Б. Чесноков. Тогда же С.А. Цивинский получил первое редакционное задание и первый гонорар [20, с. 8].

Его персональные выставки прошли в 1923, 1927, 1931 и 1939 гг., на выставленные работы давались развернутые рецензии [1, s. 5; 3, s. 4; 5, s. 4; 10, s. 10; 13, с. 8; 14, с. 14]. Журналисты отмечали: именно пресса была первым проводником карикатур Цивиса. Так, в статье газеты «*Rigasche Nachrichten*» («Рижские новости»), посвященной выставке художника 1923 г., говорилось: «Большая часть карикатур уже известна публике из газет, где они были воспроизведены в разное время» [3, s. 4].

Издательский концерн «Сегодня» придавал особое значение деятельности Цивинского. На страницах газеты выходило немало материалов, содержащих доброжелательные оценки деятельности художника. Современники отмечали острый ум, отсутствие в политической карикатуре Цивинского «распаленной злобы», определенную легкость и даже беззаботность манеры: «Карикатура может щипать и бить, похлестывать и убивать. Цивис по жизни проходит не с ятаганом. В его руках – тросточка. <...> Даже самые отточенные, ранящие карикатуры Цивиса никогда не наносят смертельных ударов. Цивис – не убийца. Он ловкий, изящный фехтовальщик, но все чувствую и понимаю, что сегодняшняя игра может завтра стать смертельной. Общественно-воспитательное назначение карикатура выполнила без жестокости, ранив, но не оскорбив, и остались уколотые, но не погибшие» [23, с. 4]. Русским журналистам вторили и немецкие авторы: «Что означает улыбка Цивиса? ... Некоторые говорят, что это часть работы, другие утверждают, что Цивис скрывает изрядную долю злобы за своей загадочной улыбкой. Лично я считаю Цивиса не злым насмешником, а весельчаком, который добродушно высмеивает слабости своих собратьев» [4, s. 3].

Редакция газеты «Сегодня» именно себе приписывала «открытие» таланта Цивинского, который за несколько лет «развернулся в глазах у всех». «Сегодня» внимательно следила за творчеством художника – в газете освещались его выставки и давались самые лестные характеристики творчеству [13, с. 8; 22, с. 14; 24, с. 6; 25, с. 6]. Так писал о Цивисе журналист, член редколлегии газеты «Сегодня» Б. Оречкин: «Цивинский – самоучка. И если Двинск¹, по праву, гордится тем, что он – его родина, то «Сегодня» может гордиться тем, что именно оно открыло и впервые оценило талант этого художника-самоучки» [14, с. 14].

Особый интерес у издателей всегда вызывали карикатуры Цивиса на Советскую Россию и советских политических лидеров, их охотно публиковали и комментировали [11, с. 4; 22, с. 14; 26, с. 8]. На обложке антисоветских карикатур Цивиса была изображена пика карандаша, нанизывающая на свое древко «разрушителей России». В случае, когда карандаш художника был направлен в сторону восточного соседа, он становился по-настоящему злым: критика Цивинского, направленная против Советов, была беспощадной: «...только когда Цивис приближается к большевикам, он действительно беспощадно злится..., впрыскивает яд и желчь» [4, s. 3]. Такая позиция художника объясняется тем, что Цивинский не принял революцию и новую власть, и осознанно покинул Россию, а также общим тоном газеты «Сегодня», которая последовательно подвергала советский строй критике на протяжении всего межвоенного времени.

¹ Ныне Даугавпилс (Латвия).

Большой резонанс получил альбом карикатур Цивинского «Герои нашего времени», в котором показано сближение Советского Союза и Германии. Газета «Сегодня» так охарактеризовала альбом: «Почти все темы этой большой тетради посвящены 1933 году, и, значит, его главному герою, приковавшему к себе внимание всего мира – речь идет о Гитлере. Начиная с карикатуры, украшающей обложку <...> Гитлер нашим карикатуристом неизменно сближается с вершителями судеб СССР: национал-социализм подает руку близкому в своей практике коммунизму» [17, с. 8].

Однако не меньшее внимание привлекала деятельность Цивинского, направленная на отображение политической и общественной жизни внутри Латвии. Тут вниманием нельзя было обойти альбом карикатур на депутатов Сейма, включивший в себя 100 политических портретов-шаржей. Один из авторов «Сегодня», А. Амфитеатров, сравнивая два направления творчества Цивиса – «противобольшевицкое» и «зарисовки латвийских депутатов», отдавал предпочтение второму, ведь Цивис в этом случае «открыл» для общества латвийских политиков, показал их индивидуальность, представил спектр политических партий и мнений [11, с. 4]. Большое внимание он уделял парламентской борьбе, освещая не только борьбу партий, но и подчас высмеивая парламентскую раздробленность, отсутствие консолидации у политических сил, которые на первый взгляд должны были бы выступать вместе, борясь за свои права [15, с. 1].

Карикатуры Цивиса отражали и непростой национальный вопрос в Латвии, борьбу меньшинств за свои права. Он иллюстрировал такие аспекты, как формирование правящих кабинетов с опорой на те или иные национальные меньшинства, сложные взаимоотношения титульной нации и тех, кто еще недавно занимал в Латвии господствующее положение, прежде всего прибалтийских немцев [6, с. 1; 9, с. 2; 19, с. 3]. Шаржи на латвийских политиков и государственных деятелей К. Улманиса, В. Замуэля, М. Скуениекса, русских депутатов Сейма М.А. Каллистратова, Л.В. Шполянского, И.Ф. Юпатова, Е.М. Тихоницкого, лидеров прибалтийских немцев П. Шиманна, К. Келлера отражали спектр политических мнений Латвии, обнажали особенности борьбы меньшинства за политические права в Сейме, за защиту идеи национально-культурной автономии, и одновременно показывали стремления титульной нации строить единое национальное государство [18, с. 1; 19, с. 3; 21, с. 3].

Кисть Цивиса рисовала также и общественную и культурную жизнь Латвийской Республики. Так, в иллюстрированном журнале «Atrūta» публиковались десятки его шаржей на представителей латвийской культуры и искусства. В фокус внимания попали оперная певица М. Брехман-Штенгеле [8, 4. lpp.], изображенная в виде девы-атлета, которой одна за другой покоряются гири – оперные партии – Зиглинда («Валькирия»), Феврония, Кармен и мн. др., солист Латвийского театра оперы и балета Р. Берзиньш [7, 5. lpp.], показанный в виде кита, плывущего по водам океана и поющего мирную песню, директор Дайлес-театра Э. Смигис [2, 4. lpp.], представленный как строгий тигр-дрессировщик, которого трепетно слушают все актеры, и многие другие. Эти портреты были написаны в дружеской, юмористической манере. Художник стремился подчеркнуть ту или иную личную особенность персонажа, одновременно служа делу популяризации латвийской культуры.

Творческая жизнь Цивиса не закончилась с установлением в 1934 г. режима К. Улманиса. Несмотря на то, что многие газеты и общественные объединения прекратили свое существование, С. Цивинский продолжил работать и публиковать свои карикатуры на страницах газеты «Сегодня» и приложения к ней «Для Вас». Поскольку «Сегодня» в течение всего межвоенного периода выступала в духе лояльности Латвийской Республики, то и многие политические карикатуры Цивиса носили характер скорее дружеских шаржей, нежели действительно злой сатиры. Он совершил поездку в Америку, где предлагал прессе свои работы, создавая «американские типы» [27, с. 2]. Новые впечатления и новая струя в творчестве должны были компенсировать художнику невозможность в эпоху авторитаризма проходить своим острым пером по латвийской политической элите. В конце 1930-х годов Цивис много внимания уделял спортивной тематике, рисовал шаржи.

После аннексии Латвии в 1940 г. и включения в состав СССР судьба многих общественных деятелей сложилась трагически. Сотрудничество с «белоземгрантской» «Сегодня» не могло не сказаться и на судьбе Цивиса: он был арестован по подозрению в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Его жизнь оборвалась в июле 1941 г. на Лубянке.

1. Civis-Ausstellung // Rigasche Rundschau. – 23.03.1931. – Nr. 66. – S. 5.
2. Dailis teatra direktors Ed. Smilgis. Civis'a ceturtais šaržs "Atpūtai" // Atpūta. – 26.03.1926. – Nr. 73. – 4.lpp.
3. Die Karikatur Ausstellung von "Civis" // Rigasche Nachrichten. – 05.04.1923. – Nr. 69. – S. 4.
4. Grosberg O. Die Ausstellung des Karikaturisten Civis im Dancing Palace // Rigasche Nachrichten. – 29.03.1923. – Nr. 67. – S. 3.
5. Kritik // Rigasche Nachrichten. – 05.04.1923. – Nr. 69. – S. 4.
6. Lettischer sozialdemokratischer Agitator... // Riga am Sonntag. – 07.10.1928. – Nr. 43. – S. 1.
7. Operdziedatājs Rudolfs Bērziņš. Civis'a 18. šaržs "Atpūtai" // Atpūta. – 02.07.1926. – Nr. 87. – 5.lpp.
8. Operdziedatāja M. Brechman-Štengēle. Civis'a 30. šaržs "Atpūtai" // Atpūta. – 29.10.1926. – Nr. 104. – 4.lpp.
9. Unsere deutschen Fuereer im Landtage. Charge von Civis // Riga am Sonntag. – 18.12.1927. – Nr. 1. – S. 2.
10. Von der Eröffnung der Ausstellung Civis // Rigasche Rundschau. – 23.03.1931. – Nr. 66. – S. 10.

11. Амфитеатров А. Civis-карикатурист // Сегодня. – 22.03.1931. – № 81. – С. 4.
12. Беляев, Л. Судьба карикатуриста [Электронный ресурс] / Л. Беляев // Grani.lv. – 19.02.2019. – Режим доступа: <https://grani.lv/sudba-karikaturista>. – Дата доступа: 07.03.2023.
13. Бичюнас, В. Выставка Civis'a в Ковно / В. Бичюнас // Сегодня. – 28.05.1931. – № 146. – С. 8.
14. Бор[ис] Ор[ечкин]. С.А. Цивинский. К открывающейся сегодня выставке его картин // Сегодня. – 22.03.1931. – № 81. – С. 14.
15. Все переговоры о составлении нового кабинета до сих пор не дали результатов // Сегодня. – 22.12.1927. – № 289. – С. 1
16. Германис, А. Русские художники в Латвии 20-х–30-х годов / А. Германис // Даугава. – 03.05.2001. – № 3. – С. 85–95.
17. Герои нашего времени // Сегодня. – 14.11.1933. – № 315. – С. 8.
18. Горе от ума // Сегодня. – 30.04.1926. – № 95. – С. 1.
19. Каждый со своими меньшинствами // Сегодня. – 25.12.1925. – № 291. – С. 3.
20. Карикатурист-рекордсмен // Сегодня. – 24.04.1927. – № 90. – С. 8.
21. Модная терминология // Вечернее время. – 13.01.1925. – № 250. – С. 3.
22. Пильский П. Искусство Civis'a // Сегодня. – 29.03.1931. – № 88. – С. 14.
23. Пильский П. Карикатурист Civis-s. К выходу альбома 100 депутатов // Сегодня. – 07.04.1929. – № 95. – С. 4.
24. Сегодня в столице // Сегодня. – 15.07.1939. – № 193. – С. 6.
25. Сегодня открывается выставка работ Цивиса // Сегодня. – 15.07.1939. – № 193. – С. 6.
26. Художник-журналист // Сегодня. – 09.11.1930. – № 310. – С. 8.
27. С.А. Цивинский-Цивис в Америке // Сегодня. – 30.10.1934. – № 300. – С. 2.

Хавкин Б.Л.

ТРОФЕЙНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭВИАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1938 Г.

В 2023 г. исполняется 85 лет международной конференции по вопросам беженцев, проходившей 5–16 июля 1938 г. во французском курортном городе Эвиан-ле-Бен на берегу Женевского озера у границы Франции и Швейцарии. По соседству с Эвианом, в Женеве находилась штаб-квартира Лиги Наций.

Несмотря на актуальность проблемы беженцев, следует признать, что Эвианская конференция не находится в центре внимания современной исторической науки. В России нет ни одной монографии по этой теме; да и на Западе литература по истории попустительства мировых держав юдофобской политике нацистов, приведшей к Холокосту, не многочисленна [1].

Конференция в Эвиане была создана по инициативе президента США Ф.Д. Рузвельта в связи с проводившейся Третьим рейхом политикой государственного антисемитизма и еще большим ухудшением положения немецких и австрийских евреев после «аншлюса» (присоединения к нацистской Германии) Австрии 11–12 марта 1938 г.

23 марта 1938 г. Рузвельт обратился с призывом к руководителям стран мира обсудить вопросы предоставления убежища политическим беженцам из Третьего рейха и предложил план конференции по этому вопросу. В Эвиан прибыли делегации Австралии, Аргентины, Бельгии, Боливии, Бразилии, Великобритании, Венесуэла, Гаити, Гватемалы, Гондураса, Дании, Доминиканской Республики, Ирландии, Канады, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Новой Зеландии, Норвегии, Нидерландов, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Перу, США, Уругвая, Франции, Чили, Швеции, Швейцарии, Эквадора. Польша и Румыния прислали наблюдателей.

В конференции принял участие Генеральный секретарь Лиги Наций Жозеф Луи Анн Авеноль. В письме Авенолю американский дипломат Джеймс Г. Макдональд, до декабря 1935 г. занимавший пост «Верховного комиссара по делам беженцев евреев и лиц других национальностей из Германии» (благодаря его работе удалось расселить в Палестине 60 тыс. немецких евреев) описал положение, в котором оказалось евреи в Германии после прихода нацистов к власти. Макдональд настаивал на принятии Лигой решительных политических мер, направленных на порицание антисемитской политики германских властей. К письму прилагался подробный отчет Макдональда с анализом расовой политики Германии. Макдональд сделал вывод, что «одной из основных целей нацистской политики является создание невыносимых условий жизни для евреев в Германии путем лишения их возможности заниматься своими профессиями, изъятия у них финансовых активов, лишения гражданства и законных прав... Условия в Германии, в результате которых образуется поток беженцев, настолько критические, что Лига Наций должна в полном объеме пересмотреть ситуацию» [2].

Макдональду удалось привлечь внимание Рузвельта к проблеме еврейской эмиграции из Германии. Но на призыв президента США обсудить эту проблему на международной конференции Третий рейх не отреагировал. Не откликнулись также его союзники Италия, Венгрия, Япония.

Находившаяся в кризисе Чехословакия, на которую нацистская Германия оказывала сильнейшее военно-политическое давление, требуя передачи Германии Судетской области и «нейтрализации» Чехословакии, также не прислала своих представителей в Эвиан.

В конференции в Эвиане не участвовал и СССР. Однако именно в Советском Союзе, сыгравшем главную роль в разгроме нацистской Германии, после Второй мировой войны среди военных трофеев оказались документы Третьего рейха по Эвианской конференции. Они хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА) в собрании материалов бывшего Центра хранения историко-документальных коллекций («Особого архива»), в фонде Главного управления имперской безопасности (ф. 500, оп. 1). Большая часть этих документов до сих пор не опубликована.

Документы РГВА свидетельствуют, что Эвианская конференция находилась под внимательным наблюдением не только МИД Германии, но и нацистских спецслужб: службы безопасности (СД) и тайной государственной полиции (гестапо). В отношении проблемы беженцев тайная полиция занимала аналогичную дипломатам позицию: «Речь идет о внутригерманской проблеме, стоящей вне всяких дискуссий. На вопрос, может ли Германия облегчить трансфер капитала, сосредоточенного в руках евреев, следует дать отрицательный ответ. Германия не может позволить вывоз за границу капитала, накопленного евреями в основном после войны. Поэтому сотрудничество Германии с представителями заседающих в Эвиане государств невозможно» [3].

Однако в Эвиане в качестве наблюдателей присутствовали представители евреев Германии и Австрии. Руководителем группы евреев Германии был д-р Хирш из Имперского представительства евреев в Германии; в делегацию входили члены Имперского представительства евреев в Германии д-р Пауль Эпштейн, д-р Вернер Розенберг, д-р Михаэль Трауб. Делегацию евреев Австрии возглавлял руководитель еврейской общины Вены д-р Йозеф Лёвенгерц; в делегацию входили д-р Нойман и банкир Шторфер [4].

О каких конкретно трофейных документах по Эвианской конференции из коллекции бывшего «Особого архива» идет речь?

Например, дело № 612 (ф. 500, оп. 1) включает: сопроводительное письмо и второй машинописный экземпляр сообщения гестапо группенфюреру СС Р. Гейдриху об Эвианской конференции от 1 июля 1938 г. (РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 612, л. 1–16); направленный с сопроводительным письмом от 23 августа 1938 г. рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Г. Гиммлеру в имперское министерство внутренних дел отчет о конференции по делам беженцев в Эвиане, датированный 15 августа 1938 г. (там же, л. 17–30); два приложения к отчету – списки делегатов конференции (там же, л. 31–33) и тексты принятых в Эвиане резолюций (там же, с. 34–37). В деле содержится сопроводительное письмо министерства иностранных дел И. фон Риббентропа от 24 августа 1938 г. и циркулярное письмо министерства директора и начальника политического отдела МИД штандартенфюрера СС Э. Вёрмана касательно конференции беженцев в Эвиане, направленное в главное управление СД на имя штурмбаннфюрера Эрлингера (там же, с. 39–42). В дело подшита вырезка из немецкоязычной газеты от 29.09.1938 г. о предварительных переговорах по еврейской эмиграции, которые вели в Лондоне представители еврейских организаций Я. Розенхайм и А. Гольдман (там же, с. 43) и сопроводительное письмо отдела гестапо «II 4 В» о возвращении 31.08.1938 г. пересланного документального материала о конференции в Эвиане (там же, с. 46). Дело завершается письмом сотрудника отдела гестапо «II 4 В» правительственного асессора Х. Фрайтага от 31.08.1938 г., направленным рейхсфюреру СС с просьбой о скорейшем возвращении документации по Эвианской конференции в МИД (там же, л. 47).

Дело № 649 фонда Главного управления имперской безопасности содержит: «Сообщение о заседании переселенческого комитета Имперского представительства евреев в Германии от 15.06.1938 г. (РГВА, ф. 500, оп. 1, д. 649, л. 2–2об); приглашение на это заседание и отчет о нем (там же, л. 3–11); оценку Эвианской конференции, данную «еврейскими наблюдателями» Траубом и Эпштейном 20.06.1938 г. (там же, л. 12–12об); помету от 27.06.1938 г. об отказе в выдаче загранпаспорта для поездки в на конференцию Эвиан «евреям М. и Р. Берманам» (там же, л. 13); черновик проекта отчета об Эвианской конференции (с рукописной правкой) от 30.06.1938 г. (там же, л. 14–19); отчет для гестапо от 30.06.1938 г. Имперского представительства евреев в Германии о переговорах с Американским еврейским распределительным комитетом «Джойнт», состоявшихся в Париже 12–13 июня 1938 г. (там же, л. 20–22); помету о допросах в гестапо д-ра П. Эпштейна из Имперского представительства евреев в Германии от 15.06.1938 г. (там же, л. 23–24) и от 30.06.1938 г. (там же, л. 25–25об); срочную депешу службы безопасности рейхсфюрера СС начальнику СД Австрии по вопросу Эвианской конференции от 2.07.1938 г. и копию этой депеши (там же, л. 26–27, 29–30); телеграмму службы безопасности рейхсфюрера СС, направленную 2.07.1938 г. фюреру СД в Вене по вопросу Эвианской конференции (там же, л. 28–28об); копию проекта памятной записки Имперского представительства евреев в Германии о конференции в Эвиане от 2.07.1938 г. (там же, л. 32–34); запись телефонного разговора с правительственным асессором Фрайтагом 7.7.1938 г. о еврейских наблюдателях в Эвиане (там же, л. 35). В дело также подшиты: телеграмма от 14.07.1938 г., направленная отделом СД Восточного Берлина в главное управление службы безопасности рейхсфюрера СС, содержащая информацию о разногласиях среди участников конференции в Эвиане (там же, л. 36); письмо подот-

дела гестапо «II 112 с» о конференции в Эвиане (л. 37–41); служебная записка от 16.07.1938 г. отдела «II 112» о подготовке проекта доклада об Эвианской конференции. Окончательный текст этого доклада надлежало, согласно распоряжению рейхсфюрера СС Г. Гимmlера, направить генерал-фельдмаршалу Герингу, рейхсминистру иностранных дел Риббентропу и рейхслайтеру Борману (л. 42). В деле находятся 2 экземпляра текста информационного письма от 8.08.1938 г. об Эвианской конференции и направлении в Эвиан еврейских наблюдателей из Германии. Это информационное письмо было признано службой «II 112» преждевременным и его текст был перечеркнут (л. 43–44); доклад гестапо о конференции в Эвиане от 1.07.1938 (л. 45–51) и второй экземпляр этого доклада (л. 53–59); сопроводительное письмо шефа главного управления безопасности рейхсфюрера СС Гейдриха, адресованное рейхсфюреру СС и шефу германской полиции в имперском министерстве внутренних дел Гимmlеру с приложением отчета о конференции в Эвиане (л. 60); три экземпляра отчета главного управления безопасности рейхсфюрера СС о конференции в Эвиане (л. 61–66, 69–75, 77–82); сопроводительные письма к этому отчету на имя Риббентропа (л. 67), Геринга (л. 68), Бормана (л. 76).

В деле содержатся также материалы по Австрии: 2 экземпляра требования от 21.07.1938 г. штурмбаннфюрера СС Элингера унтерштурмфюреру СС Эйхману из отделения СД в Австрии немедленно прислать составленный ездившими в Эвиан австрийскими евреями меморандум, необходимый для подготовки отчета (л. 83, 85); это же требование, оформленное на телеграфном бланке (л. 84); телеграмма Эйхмана о выполнении этого распоряжения (л. 86); письмо начальника СД Вены от 21.07.1938 г. о пребывании на конференции в Эвиане руководителя еврейской общины Вены д-ра Лёвенгерца (л. 87); письмо д-ра Лёвенгерца от 19.07.1938 г. о переговорах в Эвиане (л. 88–88об); отчет еврейской общины Вены от 19.07.1938 г. о поездке в Эвиан (л. 89–98). В дело подшито резюме допроса 27.07.1938 г. д-ра П. Эпштейна из Имперского представительства евреев в Германии о его оценка перспектив еврейской эмиграции после Эвианской конференции (л. 99–100); отчет гестапо для группенфюрера СС Гейдриха об Эвианской конференции от 1.07.1938 г. (л. 109–123) и рабочие материалы к нему (л. 101–112); вырезка из немецкоязычной газеты «Еврейское обозрение» от 19.07.1938 г. с резолюциями Эвианской конференции (л. 107); резолюции и список участников Эвианской конференции (л. 124–128); предварительное сообщение о конференции по делам беженцев в Эвиане. Берлин, 10.08.1938 г. (л. 129–135); отчет о конференции по делам беженцев в Эвиане с приложением списка делегатов и резолюций (л. 136–155).

Трофейные документы РГВА свидетельствуют, что немецкие евреи предоставили на рассмотрение Эвианской конференции меморандум, содержащий план эмиграции из Германии 200 тыс. человек в течение 4 лет [5]. Однако их конкретные предложения потонули в общих разговорах. В выступлениях участников конференции звучало нежелание большинства стран открыть свои границы перед преследуемыми евреями. Открывая конференцию, представитель США Майрон Тейлор заявил, что США уже сделали все возможное, впусив в 1938 г. 27 тыс. человек, то есть полностью использовав въездную квоту для беженцев из Германии и Австрии [6].

Представитель Великобритании лорд Винтертон отметил, что его страна «видит свою задачу главным образом в том, чтобы подготовить эмигрантов к окончательному переселению в другие страны» [7]. На территории Соединенного королевства Великобритания не может размещать беженцев из-за перенаселенности и большого числа безработных. Лорд Винтертон полностью исключил Палестину как возможное убежище для еврейских беженцев. Великобритания была готова принять лишь 100 семей беженцев в своих колониях в Восточной Африке [8].

Швейцарцы и французы не рискнули открыть границы для евреев из Германии, чтобы не раздражать опасного соседа – гитлеровский рейх. Франция заявила, что она уже приняла максимальное число беженцев. «Страна уже насыщена, если не пересыщена эмигрантами», – сказал французский представитель Беренже [9].

Такую же позицию заняла Бельгия. Нидерланды были готовы стать транзитным пунктом для беженцев, направляющихся в другие страны. Австралия объяснила свой отказ впускать беженцев из Европы тем, что в стране нет конфликтов на национальной почве и она не хочет их возникновения. Канада и страны Латинской Америки заявили, что вследствие экономического кризиса и большой безработицы они не могут принять значимое число беженцев.

Таким образом, в Эвиане интересы отдельных государств взяли приоритет над чаяниями беженцев. Был сформулирован принцип финансирования приема беженцев не государствами, а частными организациями. Конференция не была в состоянии обязать то или иное государство принять больше беженцев, чем это предусматривали правила каждой конкретной страны [10].

Итоги работы Эвианской конференции были весьма скромными; ее участники очень боялись «обидеть» Германию. Они приняли единодушное решение: «согласно принятой резолюции продолжить работу и до 3 августа 1938 г. создать Межправительственный комитет в Лондоне. Отмечается, что по предложению Швейцарии в резолюцию вносится изменение, отражающее опасение, что пра-

вительство Германии могло бы воспринять выражение “disorderly emigration” (неорганизованная эмиграция. – Б.Х.) как посягательство на свои полномочия. По этой причине в текст вносится соответствующее изменение» [11].

Созданный в Лондоне Межправительственный комитет по делам беженцев не получил ни достаточного финансирования, ни реальных полномочий. Комитет обращался к различным странам мира с призывом открыть границы перед еврейскими беженцами, чтобы эмиграция из Германии была организована в определенных рамках, и чтобы беженцам было позволено брать с собой хотя бы часть своей собственности.

Однако позиция Третьего рейха была непреклонной. «Всякое сотрудничество с исполнительным комитетом по вопросу немецких евреев для Германии принципиально исключается... Если будет поднят вопрос о содействии Германии в решении проблемы беженцев, я прошу по возможности не вступать по этому вопросу в дискуссию, чтобы ни в коем случае не пробуждать за рубежом надежду на участие Германии в трансфере еврейской собственности за границу», – подчеркивал начальник политического отдела имперского министерства иностранных дел (МИД) штандартенфюрер СС Эрнст Вёрман [12].

Документы доказывают, что в Германии, несмотря на неучастие в Эвианской конференции, внимательно наблюдали за ней. После конференции Гитлер заявил, что в Эвиане был разоблачен миф о всемирной мощи и влиянии евреев. Нацисты поняли, что у евреев в мире нет надежной защиты. «Это позорное зрелище – когда весь демократический мир говорит о своих симпатиях к бедным угнетенным евреям Германии, становясь жестокосердным, едва речь идет о помощи им» [13]. Нацистские газеты с удовлетворением отметили: «Вся конференция – огромный провал, чего и следовало ожидать. Если бы участники конференции беспокоились о судьбе евреев Германии, они могли бы их получить. Нас не интересуют принятые в Эвиане решения, поскольку у нас выработан свой подход к еврейскому вопросу и вопрос этот решается последовательно, шаг за шагом» [14].

Вывод, который Третий рейх сделал из провала Эвианской конференции, был прост: если нельзя выслать евреев из Германии и Австрии в другие страны, значит, следует найти иной путь от них избавиться.

От ограбления и выдавливания евреев из рейха (по нацистской терминологии – «ариизации», «дееврейзации»), до «полного» и «окончательного» решения нацистами «еврейского вопроса» оставался один шаг. После «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 г. он был сделан.

Во время развязанной нацистами для «окончательного решения еврейского вопроса» и достижения мирового господства «высшей арийской расы» Второй мировой войны жертвами Холокоста стали 6 млн европейских евреев [15].

1. Weingarten R. Die Hilfeleistung der westlichen Welt bei der Endlösung der deutschen Judenfrage. Das Intergovernmental Committee on Political Refugees (IGC) 1938–1939. Lang, Bern u. a. 1983, Perl W. The Holocaust Conspiracy. – New York, 1989. ; Aly, G. Europa gegen die Juden. 1880–1945 / G. Aly. – Frankfurt am Main, 2017. ; Thies, J. Evian 1938 Als die Welt die Juden verriet / J. Thies. – Essen, 2017.
2. Это письмо находится в архивах Лиги, переданных в 1946 г. Организации Объединенных Наций и хранящихся в штаб-квартире ООН в Женеве. В 2010 г. они были включены в реестр программы ЮНЕСКО «Память мира». – Letter of Resignation of James G. McDonald, High Commissioner for Refugees (Jewish and Other) Coming from Germany. London, 1935 [Electronic resource] // Мировая цифровая библиотека. – Mode of access: <https://www.wdl.org/ru/item/11604/>. – Date of access: 19.05.22.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 500. Оп. 1. Д. 649. Л. 101об.
4. Там же, д. 612, л. 11, 12, 25, 27.
5. Там же, л. 25. ; Д. 649, л. 2–11.
6. Там же, л. 5, 12, 26. По данным русскоязычного автора из Германии Греты Ионкис, в июле 1938 г. лишь 4,9% опрошенных американцев поддержали идею повышения иммиграционной квоты в США. Даже в 1942 г., когда США находились в состоянии войны с Японией и Германией, на вопрос социологов, кого они считают главной угрозой для Америки, вариант «евреи» набрал у американских граждан в три раза больше голосов, чем «японцы», и в четыре раза больше, чем «немцы». – Ионкис, Г. О Сообщниках и соучастниках Холокоста / Г. Ионкис // Лехаим. – 2009. – № 12.
7. РГВА. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 612. Л. 5, 12, 26.
8. Там же, л. 12.
9. Там же, л. 24.
10. Foreign Relations of the United States. 1938. – Washington, 1955. – Vol. I. – S. 740–741. ; Bentwich, N. The Evian Conference and After / N. Bentwich // Fortnightly. – Vol. 144. – New Series, 1938. – P. 287.
11. РГВА. – Ф. 500. Оп. 1. Д. 612. Л. 14, 28.
12. Там же, л. 44–44об.
13. Токарев, М. Эвианские хроники [Электронный ресурс] / М. Токарев // Известия. – 29.05.2003. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/277208>. – Дата доступа: 19.05.2022.
14. Кандель, Ф. С. Очерк 47. Бегство евреев из Германии. Конференция в Эвиане / Ф. С. Кандель // Очерки времён и событий из истории российских евреев. – Т. 4 : Уничтожение еврейского населения, 1941–1945. – Иерусалим, 2005.
15. СС в действии. Документы о преступлениях СС. – М., 2000. – С. 167. ; Gerlach, Ch. Der Mord an den europäischen Juden. Ursachen. Ereignisse. Dimensionen / Ch. Gerlach. – München, 2017.

Гребень Е.А.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ.
В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Документы по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь и в шести государственных областных архивах. Фонды Национального архива Республики Беларусь представлены документами движения Сопrotивления (Белорусский штаб партизанского движения, Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Беларуси, ЦК Ленинского коммунистического союза молодежи Беларуси) и документы оккупационных властей (рейхскомиссара Остланда, подразделений генерального комиссариата Беларуси, командования тылом группы армий «Центр», силовых структур). Документы высших органов оккупационной власти дают возможность реконструировать политику немецких властей в Беларуси в целом, но если задачей исследователя является реконструкция оккупационных реалий в конкретном регионе, то документы НАРБ, как правило, содержат фрагментарную информацию. Локальная история периода нацистской оккупации Беларуси относительно подавляющего большинства районов может быть реконструирована на основе фондов государственных областных архивов, в которых хранятся документы местной вспомогательной администрации (окружные, городские, районные и сельские управы и подчиненные им предприятия и учреждения) [1].

Необходимо учитывать, что информация относительно различных районов сохранилась крайне неравномерно. Если относительно крупных городов, таких как Витебск, Могилев, Минск, Брест, Гродно, Бобруйск, отдельным районам (Браславский, Борисовский, Клецкий, Лепельский) всех областей сохранилось огромное количество документов местной администрации и предприятий и учреждений, можно достаточно полно реконструировать картину оккупационной повседневности. По ряду районов документы сохранились лишь в незначительном количестве либо они относятся к какому-либо подразделению местной вспомогательной администрации, например, полиция Городокского района, Добрушский мировой суд. При этом документы конкретного фонда могут быть слабо применимы для исследования в виду неудовлетворительной сохранности (угасающий текст). По ряду районов информация в областных архивах может отсутствовать. Документы могли быть утрачены в ходе боевых действий, уничтожены партизанами в ходе разгрома волостных администраций либо оказались за пределами Беларуси [1].

В такой ситуации исследователь вынужден выявлять отдельную информацию по интересующему его району в документах немецкой оккупационной администрации. В то же время в фонде БШПД в НАРБ, помимо огромного количества документов партизан, хранится комплекс документов оккупационных и коллаборационных структур, относящихся к ряду районов Беларуси. В ходе атак партизан на подразделения местной вспомогательной администрации ее документация уничтожалась не всегда, а рассматривалась как важный источник информации о положении на оккупированной территории и анализировалась в БШПД. В послевоенные годы, вопреки территориальному принципу хранения документов местных органов власти, эти документы вместе с комплексом документов БШПД поступили на хранение в нынешний Национальный архив Республики Беларусь. В основном это документы германских комендатур, районных и волостных управ, характеризующие сельскую повседневность. Доля документов городской администрации незначительна, поэтому таковые в статье не рассматриваются.

Один из блоков документов характеризует систему контроля гражданского населения, в частности, процесс регистрации, в частности, справки, выданные местной администрацией, удостоверяющие личность, распоряжения об учете конкретных категорий граждан [10, л. 130]. Например, учет в 1942 г. кустарей на основании распоряжения гомельской комендатуры для контроля над ремесленной деятельностью и недопущения работы граждан без патента [11, л. 222].

Помимо информации о количестве жителей, наличии трудовых ресурсов в конкретном районе, регистрация позволяла выявить неблагонадежные для оккупантов категории граждан. Так, Езерицанская районная управа потребовала от граждан мужского пола от 15 лет и старше пройти регистрацию в срок до 25 апреля 1942 г., отмечая, что явившиеся будут рассматриваться как благонадежные, не имеющие связи с партизанами. Не сохранилось документов, иллюстрирующих успешность акции, но можно предположить, что вряд ли местные жители стремились выполнять распоряжение, поскольку в документе сообщалось, что явившиеся на регистрацию мужчины в возрасте 16 – 45-ти лет будут привлечены к общественным работам на 7 – 10 дней, и «после умиротворения поименованных волостей отпущены домой с соответствующими документами». Очевидно, оккупационные власти стремились взять под контроль людские ресурсы и не допустить пополнения местными мужчинами партизанских отрядов [2, л. 76]. Свидетельством провала намерений властей стало воззвание к населению от 12 мая 1942 г. за подписью германского коменданта, начальников рай-

онной управы и полиции. В нем констатировалось наличие в районе трех партизанских отрядов, и транслировалось требование к мужчинам в возрасте 18 – 45-ти лет (а также изъявившие желание сдать партизаны) явиться на переучёт и для получения документов. Не явившиеся до 20 мая рассматривались как сочувствующие партизанам [16, л. 95]. На отдельный учет волостными администрациями также брались не местные уроженцы [6, л. 119, 119 об.].

Оккупационными властями велся розыск подозрительных лиц, например, заброшенных из-за линии фронта советских диверсантов, как это видно из письма начальника полиции Кировского района начальнику полицейского участка. Последнему предписывалось произвести розыск десантированной с парашютом в район женщины (указывались приметы, одежда, наличие оружия, имя) [10, л. 7].

В административной переписке содержатся материалы, касающиеся отпуска советских военнопленных из концентрационных лагерей (выдача соответствующего свидетельства, порядок регистрации по месту жительства, регламентация размещения беженцев и военнопленных, передвигающихся по территории общины), требования скрывающимся красноармейцам-окруженцам добровольно сдать [14, л. 50; 4, л. 14; 9, л. 36]. В административной переписке Городокского района в разное время содержались требования оккупационных властей запретить собрания граждан (в том числе танцевальные вечера) [4, л. 107]. Запрещалось также передвижение по деревням торговцам, ремесленникам и людям, просящим подаяние. Фактически любой не местный житель рассматривался оккупантами как подозрительный [4, л. 50].

Отдельные документы характеризуют пенитенциарную систему нацистов. Так, в 1943 г. главам местной администрации было доведено распоряжение немецких властей о порядке освобождения отбывающих наказание граждан. В частности, отбывающих наказание на торфозаводах предписывалось отпускать 1 и 15 числа каждого месяца независимо от даты окончания срока заключения [3, л. 80]. За самогонование виновных предписывалось наказывать 14-ю днями ареста (и смертной казнью в случае рецидива) и лишением продуктов питания на период, сколько бы они могли прожить, используя картофель, потраченный на производство самогона [13, л. 70]. В объявлении за подписью чечерского ортскоменданта сообщалось о расстреле ряда граждан за связь с партизанами, хранение оружия, саботаж распоряжений оккупантов, а также высказывались угрозы наказания за невыполнение распоряжений старосты деревни и волостного бургомистра о выходе на работу (вывоз дров, расчистка дорог) [11, л. 259].

Ряд документов иллюстрирует мероприятия оккупантов по борьбе с партизанами. В разных регионах, помимо районной полиции, сил которой не хватало для эффективной нейтрализации партизан, в помощь ей назначались дежурные из числа местных жителей (по два в населенном пункте), обязанностью которых являлось дежурство в деревне по ночам, оповещение полиции о появлении посторонних лиц [11, л. 65; 4, л. 131, 135].

Масштабы партизанской активности вынудили оккупационные власти ввести запрет (приказ ортскомендатуры Чечерска от 4 июня 1942 г.) на использование населением лодками, поскольку партизаны пользуются ими под видом рыбаков. Также вводился запрет на лов рыбы по всему Чечерскому району, за исключением района переправы (очевидно, хорошо охранялась) [11, л. 205]. Вопрос рыболовства затрагивался в распоряжении начальника Чечерского района от 25 апреля 1942 г. и 16 мая 1942 г. Население оповещалось о том, что разрешение выдается только «взрослым и политически надежным гражданам, имеющим удостоверения на право рыбной ловли», а также о правилах осуществления лова [11, л. 241, 287].

Согласно распоряжению оккупационной администрации местные жители принуждались собирать оставшиеся на полях сражений оружие, боеприпасы и военную амуницию. Одно из первых мероприятий оккупантов было разоружение населения. Комендант Городокского района 19 августа 1941 г. под угрозой смертной кары потребовал от гражданского населения сдать все имеющиеся на руках оружие, включая охотничьи ружья [4, л. 7]. Следующим шагом оккупантов было требование собрать всю военную амуницию и обмундирования. Очевидно, такие требования оккупантов были тщетными, поскольку в письме городокской районной управы главе Войханской волости констатировалось отсутствие сбора амуниции и обмундирования и высказывалась угроза лишения волостного бургомистра должности [4, л. 73]. Полиция проводила обыски у граждан [13, л. 130]. Оккупационные власти также ввели запрет под (угрозой лишения свободы до одного года) на продажу или обмен предметов военного обмундирования на рынках [16, л. 121].

Волостные бургомистры несли персональную ответственность (давалась подписка) за сбор и сохранность собранного и обязывались ежедневно отчитываться перед комендатурой [15, л. 42–54]. Рядовые граждане могли принуждаться также давать подписку об отсутствии у них на руках оружия [15, л. 55]. Порой данное требование обыгрывалось неожиданным образом, например, заботой о детях. Так, пропойское районное управление со ссылкой на комендатуру 23 июня 1942 г. предписало волостным бургомистрам организовать сбор предметов военной амуниции, чтобы дети не подбира-

ли предметы военного назначения и не получали травм в результате взрывов. В дальнейшем во всех подобных несчастных случаях ответственность возлагалась на родителей, обязанных держать детей под надзором [13, л. 57]. Кроме того, волостным администрациям предписывалось своими силами производить разминирование территории или хотя бы маркировку мин, поскольку имели место неоднократные подрывы людей [13, л. 80].

Саботаж требований немцев имел следствием суровое наказание. Например, в обращении кормянской ортскомендатуры к населению района 29 декабря 1941 г. сообщалось об обнаружении у 16 и 17-летних жителей д. Новоселки оружия, за что они был приговорен к расстрелу [11, л. 157]. Житель Ланьковской волости в своем заявлении германскому коменданту в марте 1943 г. пытался оспорить решение белыничского суда, покарвавшего его штрафом в 1000 руб. за детонацию запала от гранаты, принесенного детьми [14, л. 383, 383 об.].

Практика выдачи главой администрации расписки имела место и относительно сбора теплой одежды для вермахта. Подобная практика была вызвана злоупотреблениями глав местной администрации, манипулировавшими собранными предметами, поэтому в подписке содержалось обязательство «не обменивать собранную одежду, раздавать другим лицам и прочее» [15, л. 20 – 27, 32].

Документы местной администрации иллюстрируют стремление оккупационных властей переключить обеспечение советских военнопленных на гражданское население. Так, Чечерская районная управа распорядилась собрать и доставить в г. Чечерск на склад районного комитета помощи военнопленным 351 кг картофеля, 88 кг ржи или ячменя для обеспечения военнопленных лагеря в Гомеле не позднее 1 июля 1942 г. [12, л. 260]. В ноябре 1942 г. сбор продуктов питания для узников витебского концлагеря проводился среди сельских жителей Городокского района [8, л. 3]. Могилевское районное управление инициировало сбор нательного белья для раненых советских военнопленных, находящихся в лазаретах [3, л. 130]. Обеспечение отпущенных из лагерей военнопленных-инвалидов также возлагалось на сельские общины [3, л. 375; 16, л. 56].

Крах германского блицкрига, неудачи вермахта под Москвой, неготовность к войне в сложных климатических условиях вынудили оккупантов использовать для снабжения вермахта материальные ресурсы жителей оккупированной Беларуси. За счет местных жителей происходило обеспечение солдат вермахта и местной полиции. В 1941 – 1942 гг. у местного населения изымались лыжи, валенки, требовалось сдать белье, скатерти и т.д. для изготовления маскировочных костюмов, требовалось изготовить шерстяные перчатки и вязаные наушники, для нужд полиции собирались теплая одежда и обувь [3, л. 31; 10, л. 2; 4, л. 66, 118].

Наиболее значительный пласт документов характеризует социально-экономическую ситуацию на оккупированной территории, формы и методы эксплуатации населения.

Ряд документов описывает процесс распределения и лимитирования продуктов питания, снабжения продуктами городов: в частности, распоряжение немецких властей относительно снабжения граждан, проживавших в деревнях, но не являвшихся до войны членами колхозов (предписывалось снабжать продуктами по нормам городского населения), обеспечение горожан за счет конкретных сельских общин, недельные нормы выдачи продуктов питания для горожан [16, л. 34; 2, л. 27; 10, л. 143].

Оккупационные власти уделяли внимание регламентации содержания скота. Был введен запрет на самовольный убой без санкции местной администрации. Например, могилевское районно-городское управление объясняло данную меру сокращением поголовья скота в районе, якобы, из-за слухов об изъятии скота у владельцев, вследствие чего последние предпочитали произвести не вынужденный убой животных [3, л. 398]. Резкое сокращение поголовья скота и птицы происходило и вследствие самовольных реквизиций (под угрозой оружия) у крестьян солдатами вермахта. Масштабы мародерства вызывали негодование даже у глав немецких комендатур, угрожавших виновным наказанием. Так, в приказе минской фельдкомендатуры от 19 августа 1941 г. сообщалось, что в одном из колхозов под Минском стадо сократилось со 120 до 50 коров. Разумеется, оккупационных чиновников беспокоили не сами факты изъятия у местных жителей, а несанкционированный характер, при котором мясо не использовалось максимально эффективно, а шкуры животных вообще пропадали [2, л. 20 – 21]. О том же говорилось в приказе полоцкой фельдкомендатуры от 5 октября 1941 г. В нем отмечалось, что за подобное самовольство военнослужащим было вынесено ряд приговоров с общим наказанием на 114 месяцев ареста 4 недели домашнего ареста, трое мародеров были разжалованы. На момент опубликования приказа восемь случаев мародерства (некоторые отягощенные подделкой документов) находились в стадии расследования [2, л. 30 – 31].

Множество документов характеризуют натуральные налоги, доведенные оккупационными властями крестьянам, в частности, нормы на поставку конкретных продуктов для общин и конкретных хозяйств, акты, расписки о хранении картофеля до весны в счет госпоставок, охранные расписки крестьян на выданный им из общинного стада скот, списки недоимок, планы и оценки хода подго-

товительных мероприятий перед посевной кампанией [12, л. 258; 3, л. 10, 10 об.; 13, л. 82, 295; 9, л. 30; 6, л. 61, 62, 68123, 126, 73, 57, 58, 180 – 184, 50, 51, 54 – 55, 139; 8, л. 39]. Например, петриковское городское управление в августе 1942 г. требовало от волостных управ организовать сдачу птицы из расчета 3 кг с каждого крестьянского хозяйства (не менее 1/3 квоты должны были составлять гуси и утки). При этом отмечалось, что сдавать не следует птицу 1941 – 1942 годов рождения, кроме молодых петухов (сохранялось поголовье кур-несушек) [6, л. 59].

До сведения крестьян (под расписку) доводилось, что невыполнение сдачи зерна будет иметь следствием изъятие всего хлеба и скота, а недоимщик будет передан в жандармерию [6, л. 74]. Жесткость действий оккупантов в ходе сбора натуральных налогов иллюстрирует директива начальника Бегомльского района старосте д. Кветча (октябрь 1942 г.). Крестьянской общине доводился план поставок продуктов (2280 кг ржи, 1900 кг овса, 2280 ячменя, 304 кг пшеницы, 13821 кг картофеля и другие продукты) и сообщалось, что, в случае неповиновения, деревня будет сожжена немецкими войсками [10, л. 113]. Помимо фиксированных натуральных налогов крестьяне, под угрозой конфискации, должны были сдать конские хвосты, гривы, козью шерсть [5, л. 71].

Ряд документов характеризует оценку оккупационными властями местных ресурсов, стремление их использовать максимально полно. В разное время администрация различных административно-территориальных единиц производила мониторинг количества и качества скота, посевов, сельскохозяйственного инвентаря и рабочей силы [6, л. 21 – 26, 161 – 162, 169, 171, 175 – 179; 8, л. 16; 11, л. 444; 14, л. 140]. Сельскохозяйственный комендант Быховского района весной 1942 г. давал наставления руководителям общинных дворов относительно организации полевых работ, распределения лошадей в общине. Предписывалось пропорционально распределить лошадей между крестьянскими дворами и конкретными земельными наделами, удобрить землю, провести проверку всхожести семян. В населенных пунктах, испытывающих дефицит тяглой силы или мужских рук, предлагалось организовать товарищества по совместной обработке земли, которые произведут обработку и засев, а урожай будут убирать индивидуально, дворами. Интересно, что уже в апреле 1942 г. германский чиновник признавал дефицит лошадей и рекомендовал производить вспашку с помощью быков, волов и коров [10, л. 62 – 64].

В переписке подразделений местной администрации по вопросу выполнения постановлений немецких властей о распределении сенокосов, приусадебных участков, видны противоречивые подходы относительно взимания (или нет) натуральных налогов с приусадебных участков [10, л. 100; 8, л. 37; 12, л. 103; 6, л. 56].

Попыткой стимулировать сдачу натуральных налогов являлось предоставление им сельхозинвентаря. Так, в Могилевском районе крестьянам, выполнившим обязательные поставки продуктов, выдавались во временное пользование плуги [3, л. 73].

В трофейных документах видны масштабы сопротивления крестьян натуральным налогам, а также действия глав сельской администрации. Например, в приказе по пропойскому районному управлению от 21 июля 1942 г., помимо констатации прекращения поступлений из сельских общин яиц, молока и других продуктов, содержалось объяснение старостами и волостными бургомистрами причин этого. Невозможность исполнять натуральные налоги, трудовую повинность объяснялась активностью партизан. Глава районной администрации подозревал своих подчиненных искажением фактов и обещал верифицировать полученную информацию путём опроса жителей, наказав глав низового звена администрации как пособников партизан [13, л. 72].

Ряд документов касаются привлечения сельского населения к различным работам в рамках исполнения обязательной трудовой повинности: сбор коры, различных лекарственных трав, очистка леса и заготовка древесины, ремонт мостов, очистка дорог от снежных заносов, дежурство на железной дороге, гужева повинность [13, л. 91, 126; 1355, л. 74, 301; 4, л. 3, 111; 6, л. 40 – 43 об., 173 – 174 об., 159].

Таким образом, захваченные партизанами трофейные документы, хранящиеся в настоящее время в Национальном архиве Республики Беларусь, представляют значительную ценность для реконструкции событий оккупационной повседневности на локальном примере. В одних случаях они являются важным дополнением к комплексу документов по конкретному региону, хранящемуся в областном архиве, в другом случае могут быть единственной альтернативой в виду отсутствия аналогичных документов в соответствующем областном архиве. Не меняя в целом восприятие оккупационной повседневности в масштабах всей Беларуси, трофейные документы обогащают новыми фактами и примерами по истории конкретного региона.

1. Документы по истории Великой Отечественной войне в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945). Справочник. – Дрезден – Минск – Грац, 2003. – 592 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1342.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1343.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1344.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1345.

6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1346.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1347.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1352.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1353.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1354.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1355.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1356.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1357.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1359.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1365.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1390.

Кулинок С.В.

ОСОБОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СС ОСКАРА ДИРЛЕВАНГЕРА В БЕЛАРУСИ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Война Германии против СССР изначально планировалась как широкомасштабная истребительная кампания. Логическим продолжением геноцидной стратегии стала нацистская оккупационная политика. Важнейшими составными частями ее были ликвидация восточноевропейского еврейства, убийства и обречение на смерть пленных красноармейцев, сожжение деревень и уничтожение их жителей, организация голода по отношению к гражданскому населению и экономическое ограбление, доведение людей до смерти через физический труд [1, с. 316–321].

Особое место в вопросе карательной деятельности среди воинских частей и формирований СС принадлежит подразделению под командованием Оскара Дирлевангера.

Это подразделение было создано в рамках акции «Браконьер» и первоначально состояло из осужденных лиц, в первую очередь браконьеров. Местом сбора осужденных охотников определили базу 5-го полка частей СС «Мертвая голова» – в концлагере Заксенхаузен, рядом с Ораниенбургом. Пройдя ускоренную подготовку, особая команда в сентябре 1940 г. прибыла в оккупированную Польшу. Браконьеры поначалу охраняли еврейские рабочие лагеря в Старом Дзикове и Бельжеце, а затем переключились на борьбу с польскими движением Сопротивления. В этих боях они приобрели навыки антипартизанских действий, попутно грабя и жестоко убивая местное население.

В конце зимы – в начале весны 1942 г. наиболее тяжелая обстановка сложилась в тылу центрального участка Восточного фронта. Недостаток охранных сил не позволял немцам вести активные контрпартизанские действия. Начальник тылового района группы армий «Центр» генерал от инфантерии Макс фон Шенкендорф отмечал серьезные угрозы, со стороны партизанского движения. Для борьбы с партизанами на территории Восточной Беларуси было направлено и подразделение Дирлевангера.

Вопросы тактики определялись Дирлевангером в зависимости от сложившейся обстановки. Но каким бы ни было положение, он стимулировал жестокость у своих подчиненных, толкал их на совершение преступлений и сам принимал в них участие. Как вдохновитель и организатор карательных акций, он придерживался геноцидной линии поведения.

Методика истребления гражданских лиц сложилась у Дирлевангера не сразу. Опыт приходил постепенно. Многие также зависело от формы оперативных действий. Так, при проведении крупных операций (*Großunternehmen*) карательные меры обычно применялись вслед за боевой фазой, когда повторно прочесывалась местность. Зондеркоманда СС, заняв после боя населенный пункт, прежде чем его покинуть, придавала огню все жилые строения и убивала всех, кто в нем находился. Этот прием использовался 8–13 мая 1942 г. в операции против Кличевского партизанского соединения. В те дни дирлевангеровцы сожгли деревни Суша, Ольховка, Развадово и Усакино (Кличевский район Могилевской обл.) [2, л. 210–211; 9, л. 124; 10, л. 218; 12, л. 28–32].

В рамках малых операций по борьбе с партизанами (*Kleinunternehmen*), суть которых чаще всего сводилась к проведению оперативно-войскового поиска и разведки, частота разрушений сел и деревень, осуществленных особой командой СС, почти не снижалась, хотя перед личным составом ставились задачи, не позволявшие сильно отвлекаться на экзекуции. Так, 22 июня 1942 г. солдаты опустошили деревню Новый Городок (Кировский район Могилевской обл.). Спустя несколько дней, во время поисковых мероприятий, исчезли в огне деревни Будище, Закутье, Куты и Малые Белевичи (Могилевский район Могилевской обл.). 19 июля 1942 г. превратилась в пепел деревня Ветренка (Быховский район Могилевской обл.), хотя эсэсовцы должны были найти сбитый немецкий самолет и спасти летчиков [5, л. 174; 8, л. 19–20; 11, л. 197, 218; 141, л. 130–131].

Формирование Дирлевангера также практиковало налеты (*Überfall*) на населенные пункты. Целью этих внезапных нападений являлись захват и ликвидация партизанских штабов, небольших гарнизонов, складов и т.п. Однако часто налеты карателей совершались только для того, чтобы грабить и уничтожать деревни. Так, 17 ноября 1942 г. батальон СС совершил налет на де-

ревню Дубовручье (Червенский район Минской обл.). В результате нападения немцы сожгли 78 домов и убили 240 человек. Годное для труда население и скот они угнали на сборный пункт в Червень [3, л. 93 – 93 об.; 6, л. 67–69].

Одним из самых чудовищных методов, который применялся карателями в борьбе с партизанами, заключался в использовании населения для проделывания проходов в минно-взрывных заграждениях. Этот способ был позаимствован у вермахта. Тем не менее в своей кровожадности Дирлевангер превзошел коллег из армии: если в войсках для подобных мероприятий использовали пленных красноармейцев и партизан, а также немногих уцелевших евреев, то особый батальон СС брал только гражданских лиц и, как правило, в большом количестве.

Впервые эсэсовцы использовали мирных жителей в качестве минных тралов во время крупномасштабной операции «Коттбус» (20 мая – 21 июня 1943 г.). Партизаны создали заграждения из противопехотных мин. Боевая группа Дирлевангера, понеся первые потери, прекратила наступление. В этот момент к командиру карателей пришла в голову изуверская идея преодолеть минные поля, используя женщин, стариков и детей. 25 мая 1943 г. он отдан приказ, в соответствии с которым немцы доставили из ближайших населенных пунктов Буденичи и Новое Село (Борисовский район Минской обл.) несколько десятков человек и погнали их на заминированную местность [1, с. 78]. Почти все жители погибли в ужасных муках (кого-то разорвало на куски, кого-то добила выстрелом в затылок) [4, л. 302–303; 7, л. 14–18]

Активно применялись методы устрашения, чтобы подавить у населения волю к сопротивлению и создать условия, при которых оно откажется помогать партизанам. Акты насилия являлись для дирлевангеровцев обычным делом. Например, в конце операции «Карлсбад» (12–23 октября 1942 г.) в деревне Красное немцы изнасиловали 16-летнюю Проню Бабицкую (Березинский район Могилевской обл.). Девушка, отчаянно сопротивляясь, выбила глаз офицеру СС. За это ее публично казнили в центре населенного пункта [3, л. 93]. Во время операции «Коттбус» каратели в деревне Новое Село (Борисовский район Минской обл.) устроили групповое изнасилование местных женщин. В частности, Полину Круглик насиловало 30 человек, Феодору Чеботарь – 15 человек. Не выдержав мучений, сошла с ума Анна Верховодка. В общей сложности подручные Дирлевангера замучили в Новом Селе 107 женщин [13, л. 87].

Говоря о специфике батальона Дирлевангера в контексте контрпартизанских действий, важно отметить то, что в период пребывания особого формирования СС на захваченной территории Белоруссии оно прошло извилистый путь – от охотничьей команды (Jagdkommando), эпизодически выполнявшей охранные функции, до отдельного полка специального назначения, предназначенного для решения боевых задач в тылу и на фронте.

По неполным данным в период с марта 1942 г. по июнь 1944 г. подчиненные Дирлевангера приняли участие в 63 антипартизанских операциях. 28 из них, по немецкой классификации, относятся к разряду крупных и 35 к разряду малых экспедиций. Из 28 больших операций 3 имеют отношение к широкомасштабным оперативным мероприятиям оккупационных войск. Именно в ходе крупных операций особое формирование СС уничтожало десятки белорусских деревень/

Источниковая база по истории формирования СС Дирлевангера в Беларуси представлена как документами из фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), но также из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива США и др. Эти документы касаются создания, пополнения, боевого и карательного применения особого формирования СС Дирлевангера на оккупированной территории Польши и БССР. Основную часть раздела занимают источники по борьбе с партизанским движением в захваченной Беларуси, в том числе боевые приказы особого батальона и вышестоящих органов СС и полиции о проведении антипартизанских операций, сообщения, радиограммы, донесения и отчеты о боевых и карательных действиях немецких уголовников и коллаборационистов.

Значительный объем источников представляют материалы из Национального архива США в Вашингтоне, из фонда Т-354, где собраны микрофильмированные документы войск СС. Материалы особого формирования СС сконцентрированы в роликах 648–652, объединенных под описью Штурмовая бригада СС «Дирлевангер» (SS. Sturmbrigade “Dirlewanger”).

Интерес представляет также судебно-следственная документация из фонда № 1363 НАРБ (Комитет государственной безопасности Республики Беларусь), где в настоящий момент находятся раскритиченные судебно-следственные дела, заведенные на военных преступников органами государственной безопасности БССР. В первую очередь, выявлялись дела на бывших военнослужащих 36-й ваффен-гренадерской дивизии войск СС, которые попали в советский плен в апреле-мае 1945 г. и в последующем содержались в соответствующих лагерях НКВД–МВД на территории БССР.

Подводя итог, отметим, что источниковая база по истории особого подразделения СС Оскара Дирлевангера разнообразна и информативна, однако документы «разбросаны» по архивам разных стран: Беларуси, России, Германии, США, Польши.

1. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г.: документы и материалы. – Минск, 2018. – 636 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33. Д. 154.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 405.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 495.
5. НАРБ. – Ф. 1330. Оп. 1. Д. 1.
6. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 2481.
7. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 101.
8. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 206.
9. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 41.
10. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 766.
11. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 767.
12. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1047.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 14.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 121.
15. Wette W. Sowjetische Erinnerungen an den deutschen Vernichtungskrieg // Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht 1941–1944. Sowjetische Überlebende berichten. – Frankfurt-am-Main, 1995. – S. 316–321.

Пивовар Н.В.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ, УТОЧНЯЮЩИЕ КОЛИЧЕСТВО УНИЧТОЖЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ВИТЕБСКОГО РАЙОНА

В связи с расследуемым делом о геноциде белорусского народа особенно актуальным стало уточнение потерь и ущерба, нанесенного нацистами нашей стране. Хрестоматийными стали цифры об общих материальных потерях БССР, которые составили 79 млрд руб. в ценах 1940 г. В учебниках указывается о том, что захватчики разрушили 209 городов и районных центров, свыше 9 тыс. деревень. Однако достаточно существенной проблемой является составление точного списка уничтоженных в годы войны населенных пунктов. Например, в Витебском районе число сожженных деревень менялось весьма существенным образом – от 168 (ГАВО, 1966) до 501 (НАРБ, 2023). Проведенными нами исследованиями эта цифра существенно увеличилась и сейчас составляет более 600 деревень. И эта цифра не окончательна. Какие же источники можно использовать для уточнения количества сожженных деревень?

На данный момент не существует единого мнения о том, сколько населенных пунктов было уничтожено в Витебском районе в годы войны. Имеется две базы данных, созданные на основе документов. Первая, созданная в 1969 г. Государственным архивом Витебской области (ГАВО) «Список ликвидированных, уничтоженных, сселенных, переименованных и других несуществующих населенных пунктов Витебской области», составленный в 1969 г. [2]. Включает названия 168 населенных пунктов (имеется и в виде электронной таблицы).

Вторым важнейшим источником является электронная база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 годы» создана Национальным архивом Республики Беларусь в 2013 г. на основе хранящихся там документов. Учитывая, что административные границы современного Витебского района не совпадают с довоенными, общее число деревень следует учитывать добавляя и отнимая из разных районов. Число уничтоженных фашистами деревень Витебского района указывается в ней как 163. Число деревень, уничтоженных в Суражском районе, который большей частью вошел в 1961 г. в состав Витебского района указывается как 362. Сюда же следует отнести некоторые деревни Лиозненского и Богушевского районов, которые сейчас находятся на территории Витебского района. Однако, некоторые сельские советы Суражского района, которые были присоединены к Городокскому району следует исключить. Как и некоторые деревни Витебского, включенные в состав Городокского района после войны (например, д. Борково).

Кроме этих двух баз данных имеются и другие источники, в которых упоминаются сожженные деревни, не включенные в них: донесения партизан, списки уничтоженных деревень, составленные по сельским советам после войны, постановления по увековечению памяти о событиях Великой Отечественной войны и другие. Так, в донесении партизан Витебского района от 7 июля 1942 г. указаны сожженными 10 деревень Николаевского с/с, которые в иных источниках не упоминаются [10, с. 38–39].

С целью составления полного, уточненного списка уничтоженных во время войны населенных пунктов Витебского района в его современных административных границах следует сравнивать и проверять информацию нескольких источников:

1. Списки сожженных деревень Витебского района, размещенный на сайте “Сожженные деревни Беларуси” (НАРБ) [5], Суражского района [7], Богушевского района [4], Лиозненского района [6].

2. Список ликвидированных, уничтоженных, сселенных, переименованных и других несуществующих населенных пунктов Витебской области [2].

3. Постановление Бюро Витебского райкома КПБ “Аб дальнейшай рабоце па ўвекавечанні гераічных подзвігаў савецкіх людзей ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны” прынятая ў 1967 г. [1].

4. Документы местных органов управления (Списки уничтоженных деревень, составленные по сельским советам [3], акты, донесения партизан и другие.).

Еще несколько источников следует использовать для уточнения информации:

5. Список населенным местам Витебской губернии [9] (проверяется принадлежность населенного пункта региону).

6. Книга «Память» Витебского района [8, с. 227–228] (списки жертв войны, документы по уничтоженным населенным пунктам – уточняет обстоятельства уничтожения населенных пунктов).

Однако при анализе этих источников следует учитывать следующие обстоятельства.

А) Не все объекты, включенные в списки, можно считать населенными пунктами в современном понимании этого слова: мельница, лесосклад, лесопункт, смолзавод, железнодорожная будка, будка обходчика, водокачка, детский дом, санаторий, дом инвалидов:

Будки ж/д (5), ж/д сторожка (2), водокачка, дом отдыха (Селютский, Вороновский), Дом охраны, детдом (Дыманово, Зароново, Замосточье), мельница (Концеполье, Скретулево, Добрейка), Лесной лесосклад, лесоучасток, смолзавод № 11 (Запольский с/с), льнозавод (Вороновский), поселок картонной фабрики им. Воровского, поселок МТМ (Бителево), Теплый лес (Военный городок), шоссейная станция (Боровляны). Всего **25**.

С другой стороны, при железнодорожной будке (будке обходчика) как правило был дом для работников (у местных жителей устойчив к употреблению термин *казарма*). Это большой деревянный дом с общим коридором и 8 отдельными комнатами, которые занимали семьи железнодорожников (обходчиков, путейцев, стрелочников и др.). В каждой, как правило проживала семья, состоявшая по меньшей мере из 4, чаще больше человек. Таким образом в доме, уничтоженном фашистами, могло проживать более 30 человек, то есть, население небольшой деревни. На наш взгляд, это дает основание учитывать такие объекты, как железнодорожные будки в качестве населенных пунктов.

Б) Некоторые населенные пункты встречаются 2 раза, хотя в списке населенных пунктов имеется только один: Зездрино, Киселево, Лапы, Марковичи, Папоротно, Пукшино, Саловичи, Тарасенки, Ходорово, Хомяково, Шпуры. Деревни Стырики на территории Витебского района не было. **11+1**

В) Некоторые данные НАРБа, размещенные на сайте, требуют уточнения. Например, некоторые деревни упоминаются дважды, но есть лишь один населенный пункт с таким названием (Зездрино, Лапы, Пукшино и др.). Можно предположить, что имели место два эпизода сожжения одной деревни.

В некоторых населенных пунктах в графах отсутствует информация. Например, указывается, что в деревне было 00 домов, 00 жителей, или уничтожено 00 домов или прочие варианты. Отнесем сюда д.: Клишево, Заполье, Литвины, Медведи, Путилово и др. Как быть с такими населенными пунктами, о которых отсутствует архивная информация?

Г) Некоторое сомнение вызывают даты уничтожения некоторых деревень. Так, иногда указывается январь–июнь 1944 г. Однако, в это время на территории района шли ожесточенные бои. Населенные пункты, скорее всего, были уничтожены в ходе боевых действий, а большинство жителей были вывезены немцами в тыловые районы или помещены в концлагеря. Таких более 30: Абраменки (февраль 1944 г.), Белянки (февраль 1944), Бородины (февраль 1944 г.), Васьковичи (февраль 1944 г.), Волково (июнь 1944 г.), Ворошилы (январь 1944 г.), Городняны (июнь 1944 г.), Грушевская (Сыворотки) (январь 1944 г.), Дейки (февраль 1944 г.), Швейцария (февраль 1944 г.) и др.

Проанализировав указанные источники, приняв во внимание оговоренные обстоятельства, приходим к следующим результатам. Из 163 деревни Витебского района исключаем д. Хомицево, которая относится к Вилейской (современной Минской) области. Из 362 деревень, сожженных в годы войны, в Суражском районе исключаем 60 деревень, которые не имеют отношения к современному Витебскому району: 52 деревни Городокского района, 2 Шумилинского района, 6 в Вилейской области.

Из 168 населенных пунктов, приведенных в «Списки ликвидированных, уничтоженных...», 131 не упоминаются в документах № 1, 2.

11 деревень Бывшего Богушевского района и 25 деревень Лиозненского района, которые на данный момент находятся на территории Витебского района, включаем в общий список.

В Постановлении Бюро Витебского райкома КПБ указываются 12 населенных пунктов, из которых 4 не указываются ни в одном документе.

Из общего списка исключаем 11 населенных пунктов, которые встречаются дважды и д. Стырики, которая не находится на территории Витебского района.

Таким образом, на территории современного Витебского района были сожжены $162+290+11+25+131+4+10=633$ населенных пунктов. Отметим, что эта цифра не окончательна и при выявлении иных архивных источников, в которых указываются деревни, сожженные в годы войны, может вырасти.

Однако для составления окончательного списка уничтоженных в годы войны деревень, на наш взгляд остается ряд проблемных вопросов, которые следует обсудить с привлечением экспертов.

Предложения для обсуждения:

- На основании каких документов составлялись списки в НАРБ для размещения на сайте «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 годы»?
- По какому принципу следует включать в число уничтоженных деревень населенные пункты? В АБД «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 годы» упоминаются деревни, в которых дома сожжены не были: Александрово, Бодревщина, Кукшино, Любашково Суражского района.
- Как при составлении сводного списка по району учитывать сведения о населенных пунктах, упоминаемые в «Списке ликвидированных, уничтоженных деревень...», если о них отсутствуют данные в НАРБ (если нет сведений о времени уничтожения и количестве сожженных домов и убитых людей)?
- Как учитывать и оформлять сведения, полученные от местных жителей на местах (краеведов, старожилов, родственников свидетелей и др.)?
- Часто в разных архивных документах указывается разное число сожженных дворов и убитого населения одной и той же деревни. Какие сведения учитывать и включать как окончательные?
- Как быть, когда имеются документы, а также устные свидетельства местных жителей, которые свидетельствуют о том, что некоторые деревни, которые указаны на сайте «Белорусские деревни уничтоженные или сожженные в годы Великой Отечественной войны» сожжены не были. Как их учитывать и кому верить?
- Как можно законодательно утвердить уточненное число уничтоженных деревень Витебского района? НАРБ? Институт истории НАН? ВГУ? Решение Райисполкома?
- При составлении списков уничтоженных деревень на местах обязательно привлекать местных краеведов для уточнения информации.

1. ГАВО. – Ф. 571. Оп. 4. Д. 185. Л. 35–44.
2. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 15. Д. 374. Т. 1 и 2, 1969 г.
3. Богушевский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old®ion=&district=65&year=>. – Дата доступа: 03.01. 2023.
4. Витебский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old®ion=&district=7&year=>. – Дата доступа: 29.09. 2022 г.
5. Лиозненский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old®ion=&district=23&year=>. – Дата доступа: 3.01. 2023 г.
6. Суражский район: Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/?title=&titles=old®ion=&district=42&year=>. – Дата доступа: 29.09. 2022 г.
7. Памяць: Віцебскі раён: Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў. – Мінск : Маст. літ., 2004. – С. 227–228.
8. Сапунов, А. П. Список населенных мест Витебской губернии / А. П. Сапунов. – Витебск, 1906. – 450 с.
9. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944 : документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменова [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – С. 38–39.

Тарасенкова Т.И.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941–1943 ГГ.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Смоленской области проживало большое количество гражданского населения. Его численность достигала 1 850 000 человек [6, с. 193]. Мирным жителям пришлось столкнуться с многочисленными страданиями и тяготами военного времени: насилием, разрушением жилья, потерей имущества, голодом, принудительными работами, непосильными требованиями оккупационных властей.

К сожалению, в послевоенные десятилетия данная проблематика не становилась объектом исследования. Внимание историков было сосредоточено на описании боевых действия на территории

области в период оккупации и в ходе освобождения. Изучалась история партизанского движения. Только в 2000-е гг. наряду с традиционной тематикой появились исследования, в составе которых были разделы о жизни мирного населения области в период оккупации [6].

Документальные публикации о периоде оккупации Смоленской области охватывали такую же проблематику, что и научные издания: действия Красной армии на территории области, деятельность партизанских отрядов. Злодеяниям немецко-фашистских захватчиков в них посвящены небольшие разделы.

Значительный вклад в изучение проблемы насилия в отношении мирного населения на оккупированной территории, внесла реализация федерального проекта «Без срока давности». В ходе реализации проекта в фондах Государственного архива новейшей истории Смоленской области выявлялись документы, объединенные единой тематикой, но различные по видовому составу: докладные записки и отчеты руководителей райкомов ВКП(б) и райисполкомов, донесения, справки, сводки командиров партизанских формирований, акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. Немногочисленной, но ценной разновидностью документов стали документы личного происхождения. Они представлены воспоминаниями партизан, дневниковыми записями, беседами командиров партизанских отрядов с представителями Комиссии по истории Великой Отечественной войны, созданной при Академии наук СССР.

Комиссар партизанской бригады им. Ворошилова, секретарь Батурицкого подпольного райкома ВКП(б) С.И. Куксенков вел дневник в течение всего времени пребывания в бригаде – с момента начала войны 22 июня 1941 г. до полного освобождения Батурицкого района 18 марта 1943 г. Ежедневно он записывал наиболее важные события боевой деятельности партизан, их столкновения с врагом и, находясь в центре партизанской борьбы, не мог остаться равнодушным свидетелем насилия, которое творилось нацистами в отношении местного населения.

Семен Илларионович немногословен в описании фактов злодеяний, но по этим описаниям можно проследить, как изменялись границы его восприятия трагической действительности: от фиксации преступлений по отъему имущества и граждан, до сообщений сначала о единичных фактах убийств, а затем об уничтожении целых населенных пунктов и угоне мирных жителей в неволю. Осознание жестокой реальности войны, готовности врага массово уничтожать мирных жителей происходило постепенно.

Уже 17 июля 1941 г. С.И. Куксенков сделал запись о том, что «немцы заняли Мало-Фоменковский и Фрольцевский сельсоветы, грабят население, убивают животных и птицу» [4, л. 9]. Первой жертвой в тот же день стал секретарь Фрольцевского сельсовета: «Тов. Зайцев был убит немцами в здании сельсовета при несении службы, захваченный врасплох. Его прикрыли грязной рогожей и не разрешают хоронить...» [4, л. 9].

В конце сентября 1941 г. он отмечал, что многие крестьяне из прифронтовых колхозов пытаются уехать в тыл страны, потому что боятся насилия и зверств от наступающего врага. Из рассказов беженцев, а также разведчиков было известно о жестоком отношении к молодым женщинам, убийствах сельских активистов и руководителей, разграблении колхозного и личного имущества [4, л. 19]. Однако словосочетание «многие крестьяне» требует пояснения, так как подавляющее большинство сельских жителей, по данным исследователей, осталось проживать на оккупированной территории – около 80% населения [5, с. 33].

В течение 1942 г. Семен Илларионович неоднократно описывал военное противостояние партизан и оккупантов, закономерным результатом которого становилось ужесточение карательных акций против мирного населения: сожжение деревень, угон жителей, казни.

21 июня 1942 г. партизанская бригада им. Ворошилова вступила в бой с немецким карательным отрядом у деревень Ивановичи и Панаскино Батурицкого района. Накануне д. Ивановичи была полностью уничтожена карателями, расстреляно 66 жителей деревни. Командование бригады обратилось с письмом к гражданам Батурицкого района, в котором рассказало об уничтожении деревни и призвало «усиленнее оказывать сопротивление немцам» [4, л. 45]. На следующий день – 22 июня 1942 г. – карательный отряд прекратил атаки против партизан и отошел в с. Пречистое в соседнем районе.

Партизаны пытались защищать сельских жителей. Например, 18 июля в Марковском и Климовских лесах они убили «одиннадцать немцев, оставшихся поджигать с. Львово и д. Красницу», 19 июля отбили у немецкого конвоя колонну женщин, угонявшихся из деревень в г. Ярцево [4, л. 51].

Стремление немцев расправиться с партизанами приводило к увеличению числа и размаха карательных акций. В дневниковых записях за вторую половину 1942 г. С.И. Куксенков все чаще фиксирует факты злодеяний. 7 августа 1942 г. немцы сожгли деревню Калыгино, отступая из нее после боя с партизанами [4, л. 57]. 20 декабря 1942 г. немецкий отряд расправился с жителями деревни Пакитино: «Какие жертвы, пока не подсчитано, – писал С.И. Куксенков, – предполагается, что убито и растерзано 50-60 человек женщин, детей и стариков. Мы срочно выслали отряды, чтобы не допустить немцев в соседние деревни и спасти население от неминуемой гибели» [4, л. 86].

В дневнике С.И. Куксенкова указана важная тенденция, известная из других документов военного времени: уничтожение оккупантами, в первую очередь, наиболее активных граждан, коммунистов, комсомольцев, и тех, кто до оккупации занимал ответственные должности в партийном, советском, хозяйственном аппаратах [4, л. 34].

В воспоминаниях разведчицы партизанского полка имени 24 годовщины РККА, действовавшего на территории Ельнинского района Смоленской области, З.Д. Коняшкиной, написанных в 1943 г., основная часть текста посвящена описанию тяжелого материального положения местного населения. Автор также отмечает особую жестокость нацистов по отношению к жителям, оказывавшим любую помощь партизанам. Если в деревне у кого-нибудь побывали партизаны, и об этом стало известно людям, сотрудничавшим с оккупантами, то в деревню приезжали немцы, выгоняли население на улицу, деревню сжигали, а хозяев дома, приютивших партизан, расстреливали [1, л. 18]. В этих строках затрагивается очень сложная проблема – коллаборационизма. Если информацию о гибели немецких солдат скрыть от оккупационных властей было невозможно, то о посещении деревни партизанами они могли узнавать в большинстве случаев только от самих жителей, старост, или тех, кто служил в полиции.

Поводом для расстрела мирных жителей часто становилось любое незначительное действие, считавшееся оккупационной властью опасным: поднять советскую листовку, отправиться из одной деревни в другую без разрешения, не выполнить распоряжение о сдаче продуктов или имущества, – все это являлось основанием для расправы [1, л. 18–21].

Осуществление физического насилия в отношении местного населения дополнялось созданием невероятно тяжелых условий повседневной жизни, о которых рассказывает З.Д. Коняшкина [1, л. 18].

Значительный вклад в собирание информации о Великой Отечественной войне внесла Комиссия по истории Великой Отечественной войны, созданная при Академии наук СССР. Ее представители беседовали с командованием партизанских отрядов области. Особенность таких воспоминаний в том, что инициатива их составления не принадлежала авторам. Цель их создания заключается не столько в осмыслении или обнародовании материала, сколько в собирании и сохранении информации о войне. Важно, что между происходящими событиями и их описанием существовал минимальный временной разрыв, поэтому в памяти опрашиваемых они сохранялись наиболее достоверными.

В мае 1942 г. состоялась беседа с командиром отряда Слободского района М.Н. Шульцем, секретарем Слободского подпольного райкома ВКП(б). Он рассказывал о разрушении Слободы уже после первого боя в июле 1941 г., о различиях в поведении военнослужащих передовых и тыловых немецких частей: «Когда шли передовые немецкие части, то особого зверства и мародерства не было. Только что они делали? Когда они вступали в деревню, они прежде всего раскрывали магазины, брали, что им нужно, а населению говорили: берите, а то большевики вам не давали... Когда проходили передовые ударные части, шли тыловые, тут уже начинались грабеж, мародерство, издевательство над населением» [2, л. 33].

В стенограмме беседы описана расправа нацистов с жильцами Демидовского дома инвалидов. Около 75 инвалидов, проживавших в нем, остались после оккупации района без продуктов питания. «Один или два инвалида пошли в немецкий штаб с просьбой или жалобой, что есть нечего. "Хорошо, говорят, мы вас накормим". На завтра пришли, взяли всех этих инвалидов, яму вырыли и в эту яму всех живьем закопали» [2, л. 34].

Так же, как и С.И. Куксенков, М.Н. Шульц рассказывает о сожжении деревень, расстрелах советских активистов: «Немцы за то, что отдельные лица помогали партизанам, сожгли деревню Булижу – 44 дома. В Веселом Бору сожгли 38 дворов. В отдельных деревнях также порасстреляли отдельных активистов, сожгли их дома за связь с партизанами» [2, л. 56].

Командир группы в партизанском отряде М.Н. Шульца, секретарь Понизовского подпольного райкома ВКП(б) М.Ф. Еремеев в июле 1942 г. тоже, предположительно, беседовал с представителем Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В его рассказе описаны факты расправы над жителями населенных пунктов района: «В Понизовье в первые дни было повешено из населения 32 человека. Устроена была виселица около больницы... Вешали совершенно безвинных людей» [3, л. 7]. В деревне Колышки было уничтожено все еврейское население, включая детей [3, л. 10]. Особое внимание М.Ф. Еремеев обращал на исполнителей казней – это были полицейские из числа местных жителей, действовавшие под руководством немцев.

Документы личного происхождения, рассказывающие о насилии в отношении мирного населения в период оккупации Смоленской области 1941–1943 гг., очень ярко показывают глубину и масштаб трагедии, с которой столкнулось мирное население. Политика насилия, создание невыносимых условий жизни, проведение карательных операций, угон на принудительные работы, – все это привело к значительному увеличению людских потерь. Эта сложная тема, оставаясь долгое время в тени других, не менее важных исследований, требует более глубокого изучения.

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1304.

2. ГАНИСО. – Ф. 1624. Оп. 1. Д. 1.

3. ГАНИСО. – Ф. 1701. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАНИСО. – Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6.
5. Комаров, Д. Е. Население оккупированных территорий: между коллаборационизмом и сопротивлением (на материалах Смоленской области) / Д. Е. Комаров // Приволжский научный вестник. – 2012. – № 10. – С. 32–41.
6. Комаров, Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа / Д. Е. Комаров. – Смоленск : Свиток, 2015. – 368 с.

Крыварот А.А.

**БАЯВАЯ САДРУЖНАСЦЬ САВЕЦКІХ ПАРТЫЗАН БЕЛАРУСІ І УКРАЇНЫ:
ДАКУМЕНТЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ СВЕДЧАЦЬ**

Звесткі пра арганізацыйнае і баявое ўзаемадзеянне беларускіх і ўкраінскіх партызан у гады Вялікай Айчыннай вайны знайшлі пэўнае адлюстраванне ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Асноўны масіў такіх дакументаў знаходзіцца ў справах фондаў № 4п вопіс 33а (дакладныя, справаздачы, спецпаведамленні і лісты партыйных, камсамольскіх, савецкіх работнікаў, кіраўнікоў партызанскіх атрадаў і груп) і № 1450 вопіс 4 (матэрыялы па баявой дзейнасці брыгад і атрадаў). Інфармацыя ў сваёй большасці храналагічна ахоплівае перыяд з лета 1942 да восені 1943 г. і ў геаграфічным плане тэрыторыю Гомельскай, Палескай, Магілёўскай, Мінскай, Пінскай, а таксама часткова Арлоўскай (РСФСР) абласцей. Пры гэтым у некалькіх дакументах асвятляюцца кантакты савецкіх партызан суседніх рэспублік, якія мелі месца восенню – зімой 1941 г. як на тэрыторыі Беларусі, так і Украіны.

Адна з першых інфармацый аб садружнасці партызан Беларусі і Украіны датычыцца ўваходжання беларусаў-выпускнікоў Вучэбна-аператыўнага цэнтра Заходняга фронту, які знаходзіўся ў пасёлку Белья Берагі Арлоўскай вобласці, у склад Пуціўльскага атрада Сумскай вобласці пад камандаваннем С.А. Каўпака. У архіўных дакументах зафіксавана, што ў пачатку верасня 1941 г. выпускнікі колькасцю 104 чалавек прыбылі ў Пуціўльскі раён Сумскай вобласці для пераходу лініі фронту. Большасць з іх улілася ў шэрагі Чырвонай арміі і разам з яе часцямі адступала на ўсход, частка дэзерціравала. Група колькасцю 7 чалавек: В.М. Астроўскі (былы фінансавы работнік Столінскага раёна), Р.Д. Кравец (урадзенец Пінска), М.М. Курс (былы дырэктар школы ў Рэчыцкім раёне), Я.Л. Рахлін, А.Д. Фрэйдман, В.В. Церахаў, Г.А. Юхнавец (былы інструктар Баранавіцкага абкама КП(б)Б) з 9 верасня 1941 г. стала дзейнічаць у Пуціўльскім атрадзе. У архіўных матэрыялах адзначана, што члены групы ўнеслі значны ўклад у станаўленне атрада і разгортванне баявой дзейнасці. Так, М.М. Курс стаў першым начальнікам штаба атрада. Члены групы атрымалі ў Вучэбна-аператыўным цэнтры добрую дыверсійную падрыхтоўку і ўдзельнічалі ў многіх аперацыях. Групу мінёраў спачатку ўзначаліў М.М. Курс, а потым Г.А. Юхнавец. На баявым рахунку групы з 10 верасня 1941 г. да 1 мая 1942 г. 21 знішчана машына з акупантамі і грузамі, чатыры падбітыя танкі, адзін паравоз, 14 вагонаў і тры платформы, шэсць разбураных чыгуначных і восем грунтовых мастоў. За праяўлены гераізм члены групы былі адзначаны высокімі ўзнагародамі: М.М. Курс і Г.А. Юхнавец – ордэнам Леніна, В.В. Церахаў – ордэнам Чырвонага Сцяга. У адным з дакументаў змешчана справаздача аб баявой дзейнасці групы, датаваная 31.01.1943 г. [6, л. 276, 319–320; 7, л. 124–125].

Пра кантакты беларускіх атрадаў і ўкраінскіх патрыятычных груп восенню 1941 г. у Жытомірскай вобласці ёсць нешматлікія звесткі ў адным з дакументаў фонда 4п, воп. 33а. У справаздачы ідзе гаворка аб двух нападах на паліцэйскія ўчасткі. У першым выпадку быў налёт Лельчыцкага атрада на апорны пункт у вёсцы Войкевічы Алеўскага раёна. У другім выпадку 3 кастрычніка 1941 г. Лельчыцкім атрадам і групай Тураўскага раёна быў нанесены ўдар па акупантах у вёсцы Копішча ў тым жа раёне. Падчас бою было знішчана 25 акупантаў [4, л. 66].

На жаль, у фондах НАРБ да гэтага часу яшчэ не выяўлены дакументы, якія б сведчылі аб знаходжанні на тэрыторыі Нараўлянскага і Ельскага раёнаў Палескай вобласці першых ўкраінскіх партызанскіх атрадаў – Корастаньскага (камандзір Дз.І. Марцінкоўскі) і Славечанскага (камандзір Т.Л. Грышын). Інфармацыя аб іх дзейнасці ўтрымліваецца ў архіве Жытомірскай вобласці [1, с. 351, 479].

У справах некалькіх фондаў НАРБ змешчаны дакументы са звесткамі аб дзейнасці на тэрыторыі Гомельскай, Магілёўскай, Палескай і Арлоўскай абласцей з мая 1942 да восені 1943 г. Чарнігаўскага атрада (з 28 ліпеня 1942 г. – злучэння атрадаў) пад камандаваннем А.Ф. Фёдарова, якія раскрываюць узаемаадносіны гэтага фарміравання з беларускімі партызанамі. Да чэрвеня 1943 г. злучэнне называлася Чарнігаўскім, а затым Чарнігаўска-Валынскім [19, с. 463]. У адным з такіх дакументах ёсць інфармацыя аб чатырох дыверсіях груп Чарнігаўскага атрада ў канцы мая 1942 г. на камунікацыях вакол Гомельскага транспартнага вузла, найперш на чыгуначнай лініі Гомель – Навазыбкаў. Свае аперацыі ўкраінскія партызаны праводзілі ўзгоднена з беларускімі падраздзяленнямі, якія ў той час аперавалі ў асноўным на шашэйных дарогах. Падчас удару 26 мая 1942 г. група Чарнігаўскага атрада правяла буйную дыверсію паміж станцыямі Закапыцце – Добруш і пусціла пад адхон эшалон у складзе двух паравозаў, 48 вагонаў і цыстэрн з палівам і запаснымі часткамі для самалётаў. У гэты

самы дзень яшчэ адна група падарвала чыгуначнае палатно на лініі Гомель – Злынка. У інфармацыі аб дыверсіях 29 і 30 мая 1942 г. па кожнай аперацыі паказаны агульныя вынікі аб падарваных паравозах, вагонах, платформах, знішчаных акупантах [5, л. 5].

Другі этап знаходжання чарнігаўскіх партызан на чале з А.Ф. Фёдаравым на Гомельшчыне і ўзаемадзеяння з беларускімі атрадамі звязаны з рэйдам ў другой палове жніўня 1942 г. злучэння ў Чачэрскаім раёне. У фондах 4п і 1450 ёсць больш за дзесяць дакументаў, у якіх асвятляюцца падзеі згаданага перыяду. Падчас карнай аперацыі сіламі 221-й нямецкай ахоўнай дывізіі ў трэцяй дэкадзе ліпеня 1942 г. акупантам удалося заняць тэрыторыю Чачэрскай зоны. Атрады зоны былі часткова рассяяны праціўнікам. Пасля першых баёў з карнікамі камандаваннем штабу зоны (кіраўнік – камандзір чэкіскага атрада П.Р. Шамякін, камісар – сакратар Гомельскага падпольнага абкама КП(б)Б А.А. Куцак) было прынята рашэнне, што падраздзяленне П.Р. Шамякіна павінна выйсці ў клятнянскія лясы, а мясцовыя атрады застацца ў Чачэрскай зоне. Ёсць дакументальныя звесткі, што камандзір Чарнігаўскага злучэння А.Ф. Фёдараў пасля прыбыцця ў Чачэрскай раён валавым рашэннем уключыў у свой склад групы партызан Чачэрскага (камандзір П.А. Балыкоў) і Свяцілавіцкага (камандзір І.М. Філіпаў) атрадаў, а затым з прычыны наступу вялікай групоўкі праціўніка з боку Гомеля вывёў партызанскія сілы ў бок Клятнянскага і Мглінскага раёнаў Арлоўскай вобласці. Беларускім партызанам, д алучаным да Чарнігаўскага злучэння, на шапках нашываліся чырвоныя стужкі, як знак таго, што з гэтага часу яны з'яўляюцца ўкраінскімі байцамі [2, л. 48–49; 8, л. 45, 47, 48; 9, л. 28].

Паўночную цікавасць уяўляюць дакументы, якія раскрываюць матывацыю дзеянняў А.Ф. Фёдарава па ўключэнні беларускіх атрадаў і груп у склад Чарнігаўскага злучэння і адносіны да такога яго ўчынку Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР), Гомельскага падпольнага абкама КП(б)Б, камандавання падраздзяленняў шэрагу раёнаў Гомельскай вобласці. Камандзіры мясцовых атрадаў П.А. Балыкоў, А.І. Ушаў, І.М. Філіпаў напачатку адмовіліся з'явіцца ў штаб Чарнігаўскага злучэння, матывуючы гэта тым, што ім пастаўлена задача апераваць ў сваіх раёнах. Аднак пасля паўторнага загаду А.Ф. Фёдарава Чачэрскай і Свяцілавіцкай атрады колькасцю 130 чалавек і 80 чалавек адпаведна былі вымушаны ўвайсці ў склад злучэння і перамясціцца ў жніўні – верасні 1942 г. у клятнянскія лясы Арлоўскай вобласці. Кармянскі атрад (камандзір А.І. Ушаў) колькасцю 20–25 чалавек перамясціўся туды некалькі пазней. Пры гэтым А.І. Ушаў, вярнуўшыся па прапанове А.Ф. Фёдарава ў Чачэрскай і Кармянскі раёны для збору і перамяшчэння ў клятнянскія лясы астаніх партызан, застаўся на тэрыторыі Гомельшчыны дзейнічаць супраць акупантаў. Да канца 1942 г. А.І. Ушаў удалося сабраць падраздзяленне колькасцю да 60 байцоў. Кіраўніцтва (БШПР) і Гомельскі абкам КП(б)Б лічылі правільным вярнуць атрады ў раёны ранейшай дыслакацыі і неаднаразова рабілі захады для стаўлення вырашэння праблемы [2, л. 48–49, 62; 10, л. 8аб].

Для асэнсавання сутнасці пытання звяртае на сябе ўвагу адзін з дакументаў, у якім паведамляецца, што падчас сустрэчы з кіраўніцтвам штаба Чачэрскай зоны на тэрыторыі Магілёўскай вобласці 25 верасня 1942 г. А.Ф. Фёдараў заявіў аб наяўнасці ў яго паўнамоцтваў на кіраўніцтва партызанскім рухам у Чарнігаўскай і Гомельскай абласцях. Пры гэтым 28 верасня 1942 г. на нарадзе з удзелам А.Ф. Фёдарава было прынята рашэнне стварыць Гомельскае злучэнне на чале з А.А. Куцаком, аднак пазней пытанне аб вяртанні беларускіх атрадаў на месца ранейшай дыслакацыі так і не было вырашана. Яшчэ ў адным дакуменце, дзённіку прадстаўніка ЦК КП(б)Б і БШПР, сакратара падпольнага абкама ЛКСМБ І.Я. Палякова, адзначана, што ў другой палове снежня 1942 г. – студзені 1943 г. у клятнянскіх лясах, ён неаднаразова спрабаваў вярнуць атрады ў ранейшыя раёны дыслакацыі. Аднак кіраўніцтва Чарнігаўскага злучэння не выяўляла жадання вырашаць гэтую праблему. Гомельскія атрады, акрамя Свяцілавіцкага, вярнуліся на тэрыторыю Беларусі ў лютым 1943 г. пасля выхаду з акружэння падчас карнай аперацыі ў клятнянскіх лясах [2, л. 62, 108; 3, л. 136; 10, л. 28–32].

У масіве дакументаў фонда 1450 вопісу 4 асветлены шматлікія кантакты партызан Гомельскай і Палескай абласцей з рэйдавымі ўкраінскімі злучэннямі С.А. Каўпака і А.М. Сабурова, якія перамясціліся ў Беларускае Палессе на пачатку лістапада 1942 г. пасля фарсіравання Дняпра ў раёне Лоева. Па сведчанні архіўных матэрыялаў, камандаванне вялікіх па колькасці і добра ўзброеных злучэнняў з першых дзён базіравання на беларускай тэрыторыі ўстанавілі кантакты з мясцовымі партызанамі. Адзначаюцца наступныя формы ўзаемадзеяння: дапамога з боку ўкраінскіх партызан зброяй, сувяззю з цэнтрам, інфармацыйнымі матэрыяламі, а таксама сумесныя баявыя аперацыі. Так, атрады Гомельскай вобласці «Бальшавік», Лоеўскі «За Радзіму», Рэчыцкі імя К.Я. Варашылава атрымалі ў сярэдзіне лістапада 1942 г. ад злучэння С.А. Каўпака тры радыёстанцыі, станкавы кулямёт, два процітанкавыя ружжы, некалькі аўтаматаў і вялікую колькасць ручных гранат [11, л. 10].

Нямала звестак у архіўных дакументах аб дапамозе з боку ўкраінскіх рэйдавых злучэнняў беларускім атрадам у арганізацыйным умацаванні сваіх структур. Ельскі атрад (камандзір А.С. Мішчанка) з 23 лістапада 1942 г. на працягу двух з паловай месяцаў дзейнічаў разам са злучэннем С.А. Каўпака як аўтаномная баявая адзінка. Сумесна з ўкраінскімі атрадамі беларускія партызаны ўдзельнічалі ў аперацыях і выкананні іншых заданняў. 23 снежня 1942 г. каля вёскі Глушкавічы Лельчыцкага раёна

атрад сумесна з 3-ім батальёнам Каўпака вёў больш за трохгадзінны бой з карнікамі. Падкрэслена, што за гэтыя два месяцы Ельскі атрад узабагаціўся баявым вопытам, вырас колькасна і ўмацаваўся арганізацыйна. У канцы студзеня 1943 г. падраздзяленне налічвала 230 чалавек і падрыхтавала вялікую колькасць людзей, якія гатовы былі далучыцца да атрада [12, л. 5аб, 6; 15, л. 11, 35].

З дакументаў вынікае, што прыкметны ўплыў на разгортванне ўзброенага супраціўлення ворагу на паўднёвым захадзе Гомельшчыны аказала і злучэнне А.М. Сабурава. Некалькі месяцаў у склад злучэння ў якасці самастойнай адзінкі ўваходзіў Лельчыцкі атрад (камандзір І.А. Колас). Баявы вопыт беларускае падраздзяленне набірала ў сумесных баях з украінскімі партызанамі па разбурэнні камунікацый і разгроме апорных пунктаў захопнікаў у Лельчыцкім, Петрыкаўскім, Мазырскім раёнах. Пастаянны колькасны рост Лельчыцкага атрада дазваляў у будучым выдзяляць арганізатарскія групы для разгортвання партызанскага руху ў Петрыкаўскім, Жыткавіцкім і Тураўскім раёнах [16, л. 51аб, 55].

Найбольшая колькасць дакументальных звестак аб узаемадзеянні беларускіх і ўкраінскіх партызан датычыцца сумесных удараў па ваенна-паліцэйскіх гарнізонах і іншых тылавых апорных пунктах праціўніка на тэрыторыі Гомельскай і Палескай абласцей. Па зробленых падліках у перыяд з лістапада 1942 па студзень 1943 г. беларускія атрады і злучэнні С.А. Каўпака і А.М. Сабурава правялі баявыя аперацыі супраць 15 тылавых аб'ектаў, у тым ліку па гарнізонах у райцэнтрах Лельчыцы і Хойнікі, станцыі Дзямехі, дзе захоўваліся значныя запасы харчоў, абмундзіравання, зброі, медыкаментаў, што было важна для забеспячэння ўкраінскіх партызан перад рэйдамі на тэрыторыю Прыкарпацкай Украіны [12, л. 6; 15, л. 11, 35; 16, л. 50аб; 17, л. 5–6]

Вясной – летам 1943 г., калі на тэрыторыі Беларускага Палесся базіраваліся больш за 10 партызанскіх злучэнняў, у розных раёнах Гомельшчыны былі праведзены сумесныя напады на дзясяткі гарнізонаў. Аб'ектамі ўдараў станавіліся такія важныя для акупацыйнага рэжыму апорныя пункты, як Брагін, Піркі, Скрыгалаў, Давыд-Гарадок, Казенкі, Тураў, Нароўля [13, л. 29; 14, л. 32аб; 17, л. 12, 23–24; 18, л. 17, 17аб, 18–20].

Дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь сведчаць, што баявая садружнасць савецкіх партызан Беларусі і Украіны ўключала арганізацыйнае ўмацаванне партызанскіх фарміраванняў, баявыя аперацыі на камунікацыях, удары па гарнізонах, барацьбу супраць карных аперацый і інш. Узаемадзеянне ажыццяўлялася на тэрыторыі Беларускага і Украінскага Палесся, а таксама Арлоўскай вобласці РСФСР.

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3. – 1985. – 531 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 9.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 68.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 79.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 162.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 165.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 174.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 182.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 249.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4 Спр. 250.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 260.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 269.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 270.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 271.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 278.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 283.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 288.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 289.
19. Партизанські колекції Меморіального комплексу «Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років». Особові фонді. Путівник. – К. : Аеростат, 2014.– 552 с.

Корсак А.И.

ДНЕВНИК ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА М.Ф. ШМЫРЁВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

История советского партизанского движения изучается исследователями, как правило, на основе архивных материалов Белорусского и Центрального штабов партизанского движения. Безусловно, это огромным пласт документов, которые в полной мере раскрывают основные моменты боевой деятельности партизанских формирований, трудности и проблемы, связанные с комплектованием составов и обеспечением продовольствием и т.д. Но наименее, на наш взгляд, изученный период в становлении партизанского движения на территории Беларуси является 1941 г. – начало 1942 г. Когда сформированные партизанские отряды не имели должного опыта не только в ведении боевых действий, но и не имели практики конспиративной работы. Это время ошибок, накопления знаний и опыта.

Документацию на начальном этапе становления партизанского движения командиры отрядов фактически не вели, но фиксация происходящих событий и участие в них осуществлялась посредством ведения дневниковых записей. В данном контексте одним из таковых является «Дневник жизни и деятельности партизанского отряда Суражского района под командованием директора картонной фабрики им. Воровского тов. Шмырева Миная Филипповича» (далее – Дневник), что и является предметом исследования с точки зрения источниковедческого анализа.

Интерес к Дневнику проявился не только в качестве источника по истории Великой Отечественной войны, но и как имеющий три копии, хранящиеся в разных местах. Так, оригинал хранится в Витебском областном краеведческом музее (далее – ВОКМ) [2]. Две из трёх копий находятся в фондах Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва (далее – ВОМШ) [3] и Музея боевой славы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее – НПИКМЗ) [7]. Отметим, что эти два варианта были сделаны с оригинала, предположительно, в 1960-ые гг., т.к. известно, что 20 июля 1963 г. согласно Акту № 1600 лично комиссаром партизанской бригады Ричардом Владиславовичем Шкрёдо были переданы на хранение в ВОКМ все материалы, в том числе и дневник [1]. На одной из них, которая хранится в ВОМШ, имеется личная подпись Р.В. Шкрёдо.

С точки зрения источниковедческого анализа интересна третья копия, которая находится на хранении в Национальном архиве Республики Беларусь [6]. Фонд 750п имеет отношение к деятельности Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии, о работе которой более подробно можно узнать из опубликованных материалов [5]. Одной из задач Комиссии являлся сбор материалов различного плана: от рассказов активных участников борьбы до дневников и документов. Важность и ценность собранных ею свидетельств состоит в отражении ими событий по горячим следам. Это не послевоенные воспоминания и дневниковые записи, а актуальные и соизмеримые своему времени материалы. Так, копия Дневника в НАРБ хранится в отдельном деле № 129. Несмотря на то, что записи в оригинале заканчиваются 11 апреля 1942 г. (причиной тому стало формирование партизанской бригады во главе с М.Ф. Шмырёвым), в копии последняя дата – 2 февраля 1942 г. Можно выдвигать разные версии – почему дневниковые записи отряда не в полной мере перенесены в создаваемую копию. Чтобы приблизиться к этому ответу, нужно понять кто её создавал. Это были сотрудники Комиссии или кто-то из членов отряда? Но о том, что копия подтверждалась командованием отряда, свидетельствует наличие подписи М.Ф. Шмырева в конце последней записи [6, л. 33об].

Кроме того, в 1996 г. на страницах газеты «Рэспубліка» профессором Р.П. Платоновым был опубликован дневник партизанского отряда М.Ф. Шмырева, который хранится в партийном фонде НАРБ [9]. Эта еще одна копия, текст которой соотносится с выше упомянутой копией НАРБ.

Таким образом, когда были сделаны копии и, предположительно, кем более или менее представление имеется. Все копии так или иначе создавались или непосредственно самими членами партизанского отряда или с их ведома как в период военных действий 1942 г., так и в 1960-ые гг.

Продолжим источниковедческий анализ. Оригинал Дневника по внешним характеристикам представляет собой две тетради. Первая – ученическая тетрадь в мягкой обложке землистого цвета в мелкую клетку. Написан графитным (простым) карандашом. Вторая тетрадь обрезана наполовину в крупную клетку без обложки. Копия НАРБ внешне состоит из скрепленных между собой листов в крупную линейку ученической тетради. Отпечатана на пишущей машинке. Копии 1960-ых гг. сделаны на листах форматом А4 печатным способом.

Оригинал Дневника, судя по визуальной фиксации более одного подчеркика, имел несколько авторов. При этом первый известен достоверно, т.к. перед началом записей прописано, что дневник ведёт начальник штаба отряда Павел Николаевич Голубев. К сожалению, он погиб 2 января 1942 г. Последняя запись, сделанная им, относится к 18 ноября 1941 г.: «<...> заканчиваю дневник. Продолжаю в новой тетради, а этот с 5/VII по 18/XI сжечь» [2, л. 30]. В конце подпись. После неё следует приписка другим подчеркиком, которым далее сделано несколько записей: «См. на обороте» [2, л. 30]. Так или иначе, продолжение записей осуществлялось в той же тетради, т.е. П.Н. Голубев не успел её спрятать. Причину этому можно найти в записях от 20 ноября 1941 г., в которых ведется речь об организации нацистскими оккупационными властями полицейских отрядов, которые ведут борьбу с партизанами, прочёсывают леса и «ищут Шмырева» [2, л. 30об]. После гибели П.Н. Голубева Дневник продолжает вестись. Визуально можно определить несколько подчеркиков. Но, это один или несколько человек – непонятно, т.к. очевидно, что записи делались порой на ходу, соответственно подчерк даже у одного и того же человека мог изменяться. На этот вопрос может ответить только графолог и подчеркoved. Чисто логически можно предположить, что одним из них был Р.В. Шкрёдо, у которого этот Дневник сохранился и хранился до момента передачи его в музей, о чём упоминалось выше.

В самом содержании Дневника можно проследить несколько блоков фиксируемых событий. При этом подробно останавливаться на них не будем, т.к. это всё известно и прописано во многих изданиях, посвященных истории партизанского движения [8, с. 226–229], в том числе и на сайте Витеб-

ского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва [3]. Обратим внимание на некоторые несоответствия при передаче информации из оригинала в копии.

Кроме того, отметим, что в некоторых местах оригинала текст зачеркнут или дополнен новой информацией. К примеру, в записи от 8 июля 1941 г. копии НАРБ фраза «Шкрето это считает преждевременной паникой – Шмырев не обращает внимания» [6, л. 2] в оригинале замазана чернилами [2, л. 1об]. Информация от 11 октября 1941 г., в день, когда партизанский лагерь был обнаружен противником в копии НАРБ и в оригинале по своей подаче отличается разительно. Процитируем полностью записи, для того, чтобы можно было их сравнить. Цитата из оригинала: «*Не без участия провокаторов наше место нахождения было сообщено немцам. Вчера в 12 час дня немцы, пустив впереди пустые подводы с провокатором сами сзади по трем дорогам напали на наш лагерь. Такого с 3х сторон нападения мы не ожидали. Всё же по возможности встретив их огнём – отошли вглубь леса. При чем не могли унести с собой миномёты 2 шт и 2 ст. пулемёта. (При этом налёте было убито 22 немца, ранено 15 – 17 у нас потерь не было). Собаки ищейки рыская по лесу обнаружили закопанные нами бумаги как списки партизан и немецкие бумаги, взятые нашими партизанами с разбитой немецкой машины. Раненные еще накануне были перевезены в другую землянку. Отряд ночью перешли в землянку группы Шкрето» [2, л. 17об]. Та же запись в копии НАРБ: «*С 5 октября немцы в составе 2-х карательных батальонов бросили вокруг расположения нашего партизанского отряда. Во всех деревнях и окружающих местонахождения наших лесов устраивали засады и сидели по 10 – 15 дней на одном месте. Кроме того, немцы начали группировать силы всё ближе в зону расположения отряда. Усиленно велась подготовка провокаторов со стороны карательных немецких отрядов и посредством предателей, которые знали месторасположения отряда 11 октября 1941 г. немцы 3-мя группами с 3-х сторон в рассчитанное точное время 12 час. Стали подходить к месту расположения лагеря. Отряд не был подготовлен к данной встрече, т.к. в отряде всего лишь имелось 40 бойцов, а немцев двигалось около 400 человек. Пост по дороге, которой двигались немцы из Селезней идущей к лагерю встретил немцев пулемётным огнём. Подходя к лагерю немцы начали усиленно обстреливать пулемётным, миномётным и артиллерийским огнем. Бой был дан с немцами винтовочный и пулемётный. Убито со стороны немцев 19 чел, ранено – 5. Убито 5 лошадей немецких, наших убито 3 лошади и 2 ранено и 3 взято немцами. Немцы взяли трофеи: 2 пулемета, станковых и все запасы продуктов, находившихся в расположении лагеря. Во всех трех группах немецких было не менее как по 2 ищейки собаки, которые отыскивали все зарытое необходимое имущество, в т.ч. был захвачен подлинный дневник сначала существования отряда и по 11 октября 1941 г., а также списки личного состава всех групп партизанского отряда, в котором насчитывалось 105 бойцов» [6, л. 24]. При этом отметим, что в послевоенных копиях информация в полной мере сохранена оригинала с учетом дополнений и исправлений простым карандашом.**

Так, запись от 19 октября 1941 г. в оригинале значительно короче, чем в копиях НАРБ. Из оригинала: «*Командир принимает решение разбиться на малые группы 10 – 15 чел. т.к. находится одной большой группой опасно и трудно с питанием. Партизаны все согласны с этим решением*»¹ [2, л. 19об – 20]. На этом запись окончена и за ей следует следующая от 21 октября 1941 г. В копии есть продолжение: «*<...> Данное решение было принято в связи с тем что на наш отряд было брошено 2 карательных батальона, все деревни местности были охвачены карательными отрядами, в которых устраивались засады и зачастую партизанам приходилось нарываться на эти засады, кроме этого со стороны местного населения стало появляться массовое предательство эти провокаторы-предатели совместно с карательными отрядами, ежедневно процеживали самые глубины лесов, в которых располагались партизаны, отсюда как выход из положения в целях сохранения живой силы отряда – было дано указание разойтись как можно на мельчайшие группы в глубины лесов обзавестись продуктами на всю зиму и не показывая следа по зимней ступе – сидеть до прихода частей Красной Армии. После этого большая часть группы ушла по направлению к фронту, и лишь 3 группы остались в зоне Суражского района» [6, 26–27]. Данное дополнение, с одной стороны, доказывает, что копия создавалась всё же непосредственно руководством отряда. С другой стороны, видим рефлексию своих действий по прошествии некоторого времени. Обратим внимание на опубликованную копию Дневника 1996 г. В процессе подготовки публикации была произведена корректировка записи: «*<...> Кроме того, среди местного населения появились предатели. <...>*» [9]. Слово сочетание «массовое предательство» было заменено на выше указанную фразу. Действительно, партизанскому отряду, особенно в 1941 г., было достаточно сложно разобраться в ситуации, когда не было опыта ведения конспиративной работы и степень доверия людям была достаточно высокой, пока не произошло несколько трагических событий. Уже 9 июля 1941 г. были арестованы первые предатели [2, л. 1об]. А 21 июля отряду пришлось перебраться в другое место по причине того, что «*в Жильцах некоторые провокаторы узнав по близости партизан донесли об этом в Сураж немцам*» [2, л. 3]. Кроме того, начиная с момента ухода отряда в леса несколь-*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация сохранена без изменений.

ко человек «ушли самовольно» из него [2, л. 3], а кто-то и сбежал [2, л. 3], а кого-то и «исключили из отряда» [2, л. 6]. Обратим внимание на запись от 12 октября 1941 г.: «Случайно обнаружили что в нашем отряде находится японец – выдававший себя за хакаса Гадулина. Допросили его. Он признался – что был направлен немцами в район действия партизан, чтобы давать сведения немцам. Шпион нами уничтожен» [2, л. 18об]. Случалось и такое.

Несоответствие в передаче текста выявляется также и в описании погодных условий. К примеру, в оригинале за 10 ноября 1941 г. первое предложение записано: «Снег по прежнему не тает» [2, л. 26об]. В копии НАРБ: «Снег продолжает таять» [6, л. 30]. На этом не всё. В печатной копии 1960-ых гг. данная фраза звучит как «Снег перестал таять» [7, л. 29]. Как видно, три разные вариации одного и того же словосочетания могут ввести в заблуждение исследователя.

Источниковедческий анализ Дневника позволяет сделать следующие выводы. Записей партизанских формирований, в которых фиксировались бы события начального периода Великой Отечественной войны в целом и возникновения партизанского движения в частности, известно не так много, что повышает ценность данного источника.

Дневник велся несколькими людьми из отряда М.Ф. Шмырёва, один из которых и начинал его записи – это начальник штаба отряда Павел Николаевич Голубев, ведший записи вплоть до своей гибели 2 января 1942 г. Захоронен в братской могиле № 4439 в г.п. Сураже Витебского р-на.

При сравнительном анализе оригинала и копий можно проследить некоторые отличия в подаче материала, корректировка которого осуществлялась как в период военных действий, так и в 1960-ых гг. Тем не менее они не имеют принципиального характера. Но свидетельствуют о том, что записи оригинала рефлексировались и дополнялись комментариями, которые раскрывали причины тех или иных действий со стороны руководства партизанского отряда М.Ф. Шмырёва.

1. Акт передачи № 1600 от 20.07.1963 г. // Витебский областной краеведческий музей.
2. Витебский областной краеведческий музей. КП-14260.
3. Витебский областной музей Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shmyrev.museum.by/node/16835>. – Дата доступа: 18.02.2023.
4. Витебский областной музей Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва. Инв. № В-874.
5. Корсак, А. И. Преступления нацистов на территории Беларуси по документам Комиссии по истории Отечественной войны ПРИ ЦК КП(Б) Б и СНК БССР / А. И. Корсак // Архивы в истории – история в архивах: (к 100-летию архивной службы Беларуси) : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 6–7 октября 2022 г. / редкол.: В.И. Кураш (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2022. – С. 86–91.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 750п. Оп. 1. Д. 129.
7. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. Фонд Музея боевой славы.
8. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
9. Платонов, Р. П. Первые сплехи партизанской войны: (дневник отряда «Батяки Миная», июль 1941 – февраль 1942 г.) / Р. П. Платонов // Рэспубліка. – 1996. – 12 лістап. – С. 7 ; 13 лістап. – С. 15 ; 14 лістап. – С. 7 ; 15 лістап. – С. 11.

Латышева В.А.

ДНЕВНИК О.Б. РЕЙЗМАН: МЕЖДУ МУЗЕЕМ И АРХИВОМ

В 2016 г. в газете Союза кинематографистов России «СК-Новости» было опубликовано интервью одной из старейших женщин операторов-кинодокументалистов на постсоветском пространстве Майи Николаевны Поповой. К сожалению, в марте 2018 г. её жизненный путь был завершён. Однако воспоминания о её коллегах-женщинах по цеху, вошедшие в отмеченное интервью, остались. Их начало открывает повествование о такой яркой личности, как О.Б. Рейзман: «Молодая, улыбочивая женщина, она и представить не могла, что ее, с подругой оператором Машей Суховой, профессия приведет в партизанские отряды [Беларуси]» [4, с. 11]. Уточним, что здесь основная локация работы девушек охватывала территорию созданной в сентябре 1943 г. Ушачской (Полоцко-Лепельской) партизанской зоны, состав которой составляли 16 бригад, насчитывающих более 17 тыс. человек.

Действительно, как и Майя Николаевна, Оттилия Болеславовна в своё время избрала «неженскую» профессию, которая в 1930-ые гг. приобретала всё большую популярность в её выборе среди советских женщин. Однако сегодня, скорее всего, как и тогда, как отмечала М.Н. Попова, более диссонировавшим для восприятия представляется другой факт: место женщины в изменившейся реальности конца 1930-х – первой половины 1940-х гг. – на войне, осуществление ею непосредственно своей профессиональной деятельности в таких условиях. Известно, что Оттилия Болеславовна была призвана осенью 1941 г., а её судьба с 1943 г. и на протяжении большей части 1944 г. была связана с оккупированной территорией Беларуси.

Предположительно, именно на этот период приходится рождение документа, содержащего датированные записи, сделанные О.Б. Рейзман [7]. Они были приняты на хранение в архивные фонды в сентябре 1988 г. от Крылова Алексея Алексеевича, проживавшего на тот момент в г. Москва, как было выявлено в ходе дальнейшей работы.

Загадкой остается подлинное название документа. Сегодня эти записи не имеют обложки. Они числятся как «Партизанский дневник О.Б. Рейзман». Но как его назвала автор и был ли он вообще как-либо назван ею – мы не знаем. Возможно, идея ведения записей пришла к Оттилии Болеславовне уже в самом партизанском отряде: с этой целью автором была использована довольно дешевая бумага. Женщина либо не имела предварительных намерений вести дневник, либо умышленно пошла на вариант использования того, что было под рукой (и для этого варианта у неё так же имелись причины). Мы не можем ответить на вопрос целеполагания ведения записей: потребности творческой личности или, возможно, это были требования, которые выдвигались к ней, как к человеку, который был заброшен на оккупированную территорию, или же она делала датируемые пометки, в том числе, для основной цели своего визита на оккупированную территорию – работы над будущим фильмом «Освобождение Советской Белоруссии»? На данные моменты в этом вопросе наши знания ограничены.

Сегодняшнее состояние записей позволяет предположить, что для их ведения использовался блокнот. Определенное количество страниц с текстом было от руки пронумеровано О.Б. Рейзман. Дата начала ведения записей нам не известна по причине того, что сохранившейся документ начинается с 21 листа. Обусловлена ли эта «утрата» физическими свойствами хода времени или же была сделана умышленно под влиянием обстоятельств, мы также не знаем, но точно можем сказать, что первая из сохранившихся записей датируется «28/XII[1943]», а общий объем сохранившейся информации размещен на 68 листах. Причину прекращения ведения записей возможно было бы связать с окончанием Оттилией Болеславовной одного из этапов профессиональной работы. Так, последнее предложение в оставленных ею записях от «9/IV» свидетельствует: «Сегодня снимаем пейзажи и отправим пленку в Москву ...». Отметим, что ранее в тексте, возможно ошибочно, автором записей отмечены и события, датированные концом апреля 1944 г. Остальные страницы предполагаемого блокнота не заполнены, лишены пометок.

Однако, если сопоставить дату окончания «Дневника» с историей Полоцко-Лепельской партизанской зоны, то возможно выделить и другие обстоятельства весны 1944 г., которые способны были повлиять на прекращение ведения записей. Именно в начале апреля того года была начата самая значительная за всю историю войны, как отмечают специалисты, карательная операция, закончившаяся прорывом партизан в ночь на 5 мая. Однако более 20 дней окружения были одними из самых тяжелых для переживших их людей.

Смысловую нагрузку рассматриваемого текста составляет значительный массив информации из жизни советского человека: празднование 26-ой годовщины Красной армии, вручения знамени комсомольцам, проведение торжественных заседаний, приуроченных к тем или иным датам и событиям и т.д.

Определенное внимание привлекают сюжеты, связанные непосредственно с войной. О.Б. Рейзман описала быт партизан, производимые ими боевые операции, свои впечатления от них, частично мифологизированные пересказы некоторых комичных сюжетов, несмотря на военное время, возникших в ходе проведения партизанских операций. Нашли своё место и такие яркие события из жизни партизанских отрядов, как, например, прибытие в партизанскую зону летчиков. Скорее всего, речь шла о довольно известном партизанском аэродроме, образованном зимой 1943–1944 гг. на льду замерзшего озера Вечелье.

Из записей женщины-кинооператора можно составить впечатление об определённых личностях из числа командного состава ряда партизанских отрядов, на основе приведенных в тексте их поведенческих ориентиров, запечатленных на бумаге ярких черт характеров.

В целом, приведенная выше информация имеет предсказуемый контент. Однако, записи, сделанные О.Б. Рейзман имеют и другую плоскость – человеческую, сострадательную, наполненную эмоциями и чувствами.

Отдельное место занимает её профессиональная жизнь. Кинооператор О.Б. Рейзман, исходя из задач, поставленных перед ней, должна была осуществлять киносъёмку, которая постоянно подвергала её жизнь непосредственной угрозе, как, например, съёмка деятельности одной из диверсионных групп. При этом, она сама прекрасно осознавала, что «освещая ракетами, немцы отлично меня видят» [7, л. 55 об.].

Она испытывала естественное чувство отвращения к войне, и осознавала неестественность её жертв. Интересна и следующая её запись: «Когда видишь жертвы, невольно жалеешь, что не едешь с Машей (Мария Ивановна Сухова – *авт.*) вдвоем [там] легче в боевых операциях. Как-то она там воюет? Надеяться на охрану не приходится. Пуля заставляет думать только о себе» [там же, л. 58]. Записей о «Маше» содержится значительное количество. К сожалению, 4 мая (по другим данным 5 мая) 1944 г. Мария Ивановна не смогла «подумать о себе». Её смерть стала результатом ранения.

Еще в 1936 г. начались профессиональные отношения О.Б. Рейзман с М.И. Суховой, когда они работали над фильмом «Женский автопробег» и вместе приняли в нём непосредственное участие. Кинематография М.И. Суховой за период 1941–1944 гг. включает ленты, запечатлевшие И. Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта. Она являлась ассистентом оператора первой советской ленты, удостоенной «Оскара» в номинации за «Лучший документальный фильм» (Разгром немецких войск под Москвой, 1942 г.). Как минимум 8 её работ посвящены событиям Второй мировой войны на оккупированной территории Беларуси [3]. Записи же, сделанные О.Б. Рейзман, приобретают особый трагизм: они запечатлели последние месяцы профессиональной и личной жизни Марии Ивановны.

В целом, в рассматриваемом тексте встречаются частые упоминания о людях, близких его автору. Так, неоднократно фигурируют данные о её друге – враче Алексее. Оттилию Болеславовну каждый раз шокировала его работа: «у него как всегда много раненных и убитых, и убитых хороших товарищей» [7, л. 8]. Она испытывала сильные эмоции при посещении госпиталя. Отдельной строкой здесь проходили концерты для больных.

Перечисление сюжетов, которые предлагают сделанные смелой кинооператором записи можно продолжать ещё долго. Представляется, что внимания заслуживают перспективы дальнейшей судьбы «Партизанского дневника О.Б. Рейзман».

Он был обнаружен нами при работе с документами в фондах учреждения «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной». Исходя из имеющихся данных, эти записи никогда не были опубликованы и до сегодняшнего дня не были введены в научный оборот [см., например: 2, 8, 9]. На личные средства автора предлагаемой статьи осенью 2021 г. была закончена работа по его оцифровке. Использовать эту копию только для удовлетворения личных профессиональных нужд видится как непозволительная роскошь.

По ряду причин, сегодня наиболее актуальным размещением выявленных информационных массивов является интернет-пространство. Оно позволяет удовлетворять наиболее актуальные потребности как профессиональной среды, так и общества в целом. Здесь можно обратиться к таким общим вопросам, как доступность информации, комфортность работы с ней, её открытость, визуализация и др. Кроме того, существует и ряд профессиональных перспектив, связанных с осуществлением хранения и поиска информации, организации исследовательской среды для возможности использования компьютеризированных методик, например, контент-анализа, популяризации исторического знания, организации дискуссионных возможностей, экспертной оценки, очевидна необходимость создания востребованных комментариев и пояснений к архивным документам.

Судьба О.Б. Рейзман, как и её творческого наследия, показательна в этом плане. Для белорусского общества она малоизвестная страница из книги его истории. Официальный сайт, например, учреждения «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» содержит следующую информацию о ней: «Специально летали к белорусским партизанам для работы над будущим кинофильмом «Освобождение Советской Белоруссии» кинооператоры Мария Ивановна Сухова и Оттилия Болеславовна Рейзман... М.И. Сухова снимала скатывающиеся под откос вражеские эшелоны, горящие штабы и комендатуры, О.Б. Рейзман – бои с карателями, а также жизнь и быт партизан» [6]. Таким образом можно составить первоначальное впечатление о деятельности О.Б. Рейзман. Однако эта информация игнорирует иные факты из жизни Оттилии Болеславовны, представляющие интерес для белорусского общества. Она не только «летала к белорусским партизанам», но и сама была уроженкой белорусской земли. О.Б. Рейзман родилась в Минске в 1914 г. (по другим данным – 1911 г.). Её профессиональный путь начался именно на территории Беларуси – в стенах студии «Белгоскино».

Авторы одного из масштабных русскоязычных ресурсов – «#МузейЦСДФ», посвященных документалистам, в том числе и военного времени, избрали другой путь. Они первоначально перед тем как познакомить пользователя ресурса с той или иной персоналией предоставляют информацию о месте и дате её рождения. Проект позиционирует себя как интернет-музей, посвящённый «Центральной ордена Ленина и ордена Красного Знамени студии документальных фильмов». Однако свою задачу его авторы видят в рамках «истории отечественного документального кино» [1].

Хочется верить, что записи, сделанные десятилетия назад кинооператором О. Б. Рейзман, закончившей свою войну только с капитуляцией Японии, смогут вернуть сегодня её, и её наследие в целом, и для Беларуси. Шагом в этом направлении, в том числе, может стать переход «Партизанского дневника О.Б. Рейзман» от места его физической локации в учреждении «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» в виртуальную локацию в рамках современных подходов к наполнению понятия «архив».

1. #МузейЦСДФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csdfmuseum.ru/about>. – Дата доступа: 20.02.2023.
2. Дерябин, А. С. Создатели фронтовой кинолетописи. Биофильмографический справочник / А. С. Дерябин. – М. : Госфильмофонд, 2016. – 1032 с.
3. Мария Сухова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csdfmuseum.ru/names/37-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B0>. – Дата доступа: 20.02.2023.

4. Никонов, Н. В. Женщины-кинооператоры / Н. В. Никонов // СК Новости – 2016. – 18 марта. – № 3 (341).
5. Оттилия Рейзман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csdfmuseum.ru/names/36-%D0%BE%D1%82%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F-%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%BC%D0%B0%D0%BD>. – Дата доступа: 22.02.2023.
6. Официальный сайт учреждения «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.warmuseum.by/muzeunye-kolleksii/fotodokumenty/>. – Дата доступа: 7.02.2023.
7. Партизанский дневник О. Б. Рейзман. // Учреждение «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны». – КП 59401.
8. История, ожившая в кадре : Белорусская кинолетопись: испытание временем в 3 кн. – Кн. 1. 127–1953 / К.И. Ремишевский ; науч. ред. В. В. Гниломедов. – Минск : Вышэйшая школа, 2014. – 223 с.
9. Фомин, В. И. История российской кинематографии, (1941–1968 гг.) : управление, общественные организации, репертуарная политика, кинопроизводство, кинофикация, кинопрокат, кинотехника, зарубежные связи, подготовка кадров / В. И. Фомин ; Государственный центральный музей кино, Союз кинематографистов России. – Москва : КАНОН-ПЛУС : РООИ «Реабилитация», 2019. – 735 с.

Катионова А.О., Волков Р.Е.
ЖУРНАЛЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ИСТОЧНИК
О ГОМЕЛЬСКО-РЕЧИЦКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1943 Г.

В преддверии 80-летия начала освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков возрастает интерес не только к событиям, характеризующим победные действия Красной армии при освобождении этой территории, но и боевым операциям им предшествующим, которые обеспечили серьезный плацдарм для будущих успехов советских войск и полном освобождении Белоруссии [1].

Одной из таких операций стала Гомельско-Речицкая наступательная операция войск Белорусского фронта, проведенная с 10 ноября – 30 ноября 1943 года, в результате которой советские войска прорвали оборону противника в полосе шириной 100 километров, продвинулись вглубь на 130 километров, создав угрозу южному флангу группы армий «Центр», затруднили её взаимодействие с группой армий «Юг», и освободили города Гомель и Речица – важные военно-стратегически пункты противника [2, с. 159].

Благодаря содержанию схемы № 133 Белорусского фронта в период с 10.11.1943 по 30.11.1943 г. [3], рассекреченной в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [4], появилась возможность системно представить положение фронта, состав и движение воинских частей, принимавших участие в Гомельско-Речицкой наступательной операции. Так, основным информационным ресурсом стал портал «Подвиг народа» Центрального архива Минобороны РФ с огромным количеством делопроизводительной документацией боевых подразделений: боевых донесений штабов полков и штабов дивизий, оперативные сводки, приказы и приказания, журналы боевых действий.

Несмотря на то, что в Гомельско-Речицкой наступательной операции была задействована значительная часть подразделений Белорусского фронта, особую ценность представляет содержание журналов боевых действий нескольких *стрелковых дивизий*, участвовавших в освобождении города Речицы. Выбор именно стрелковых дивизий не случаен, поскольку эти воинские подразделения являются конгломератом из разных видов войск, что позволяет иметь большую вариативность в выполнении боевых задач.

Анализируя содержание журналов боевых действий как одного из основных источников для военной истории в целом и истории Великой Отечественной войны, в частности, попытаемся рассмотреть боевой путь конкретных воинских подразделений и их действия в освобождении Речицы.

В типовом Указании по ведению журнала боевых действий (ЖБД) содержится следующее пояснение: «Журнал боевых действий является одним из важнейших отчетно-информационных документов, богатейшим источником материалов для военной истории. Журнал должен дать возможно полную картину боевой деятельности войск». На конец 1943 года почти все правила ведения ЖБД ответственными офицерами были соблюдены, в отличии от первых лет войны, однако были и нюансы, связанные с человеческим фактором – аккуратность, полнота наполнения, иллюстративный материал.

Освобождение Речицы было стратегически важной задачей для командования Белорусского фронта. В мемуарах К. Ф. Телегин пишет: «10 ноября 1943 года силами 65-й армии при активной поддержке войск 61-й и 48-й армий начали наступление с лоевского плацдарма» [5]. С помощью этого обходного маневра наступающие войска 15 ноября перерезали западнее Речицы железную дорогу Гомель – Калинковичи, изолировав вражескую группировку.

О стремительности наступления повествуется в ЖБД 37 гв. сд за ноябрь месяц 1943 г. от 14 – 15 ноября: «Части дивизии в течении 14.11.43 продолжали вести наступательные действия с боями прошли от 7 до 15 км...» [6, л. 242]. Такие многокилометровые продвижения войск, вкпе с незначительными потерями (3 человека убито и 26 человек ранено) и взятыми в ходе наступления

трофеями позволяет сделать вывод о быстром отступлении войск противника на данном направлении [6, л. 244].

К 15 ноября со стороны юго-восточного направления к Речице подошли соединения и части 170 стрелковой дивизии. В ЖБД дивизии мы находим «Характеристику обороны противника в полосе действия 170 сд на подступах к г. Речица и непосредственный захват города», из которой ясно какие соединения и части участвуют в прорыве обороны и захвате города, и что представляют собой оборонительные укрепления и воинские подразделения противника.

Интересный момент можно выделить при обращении к журналу боевых действий 194 сд, участвующей в освобождении Речицы: нем отсутствуют данные о периоде целого месяца – ноября 1943 года: либо проблемы делопроизводства, что маловероятно, либо уничтожены страницы, что тоже не могло повлиять на размещение полного документа, поскольку ЖБД должен быть в 3 экземплярах. Скорей всего могли возникнуть технические проблемы в размещении данного документа на портал «Подвиг народа».

В свою очередь в ЖБД 194 сп 162 сд детально описываются обстоятельства событий. Обозначается в какой временной промежуток началось освобождение города войсками этого подразделения: с 11:30 17 ноября. Однако уже 16:00 полк получил приказ сосредоточиться в другом населенном пункте, неподалеку от Речицы, а к 14:00 18 ноября повторно совершить марш в город [7, л. 95]. Какое стратегическое значение этот маневр имел в ЖБД не уточняется.

18 ноября 1943 года Речица была полностью освобождена. Одновременный удар с разных направлений не позволил гитлеровцам взорвать заминированные здания, вывезти или уничтожить семь крупных складов с оружием и боеприпасами. Такой продуктивности наступательной операции способствовала скоординированность войск Белорусского фронта, представлявшего собой разные соединения и части. «Мы овладели Речицей почти без потерь, – писал впоследствии бывший командующий 65-й армией генерал армии П. И. Батов, – не дали врагу разрушить город, захватили богатые трофеи и много пленных. Бой за Речицу – один из примеров организации взаимодействия между войсками двух армий» [8, с. 250]. Между тем офицер, заполнявший ЖБД 422 сп 170 сд, фиксирует сведения о потерях одного из полков за 18 ноября 1943 года: «...за сутки... убитыми 13 человека, ранеными 49 человек» [9, л. 13]. И это «окопная правда», которая демонстрирует войну через человеческое измерение [10].

Приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина генералу армии Рокоссовскому от 18 ноября 1943 года [№ 43] содержит описание освобождения Речицы: «Войска Белорусского фронта в результате стремительного наступления подвижных соединений и пехоты в ночь на 18 ноября после трехдневных ожесточенных боев овладели городом Речица – крупным узлом коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев на правом берегу среднего течения Днепра» [11, с. 75]. Войскам, участвовавшим в освобождении Речицы, приказом ВГК была объявлена благодарность и в ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение города Речица, присвоить наименование «Речицких» [11, с. 75].

Так, Речицкими стрелковыми дивизиями стали именоваться 37-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Брушко, 170-я стрелковая дивизия полковника Цыпленкова и 194-я стрелковая дивизия полковника Опякина. В частности, 194-й стрелковой дивизии, наступавшей на правом фланге группировки по правому берегу Днепра на север и вступившей с боями в Речицу 17 ноября 1943 г., было присвоено наименование «Речицкой» и в дальнейшем так официально именовалась. Участник событий и автор очерка по истории 194-й стрелковой дивизии К. К. Шилов пишет: «в связи с освобождением Речицы Верховный Главнокомандующий приказом от 18 ноября 1943 г. присвоил 194-й стрелковой дивизии почетное наименование Речицкой, а ее личному составу объявил благодарность» [12, с. 98].

Стоит отметить, что участвовавшая в освобождении Речицы еще одна стрелковая дивизия – 162-я Среднеазиатская Новгород-Северская стрелковая дивизия полковника Черняка, второй раз особо отличилась в боях с немецкими захватчиками и уже имела почетное наименование. И потому 162-я сд. была представлена к награждению орденом Красного Знамени [11, с. 77].

Вечером 18 ноября в Москве дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Это был первый салют за освобождение городов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны [11, с. 77]. Об этом событии также можно узнать из журнала боевых действий 37 гв. сд за ноябрь месяц 1943 г. [6, л. 248].

Таким образом информация журналов боевых действий стрелковых дивизий, участвовавших в освобождении города Речицы, приказа ВГК, воспоминаний фронтовиков-участников событий, ресурса Портала «Память народа» способствует уточнению данных о Гомельско-Речицкой наступательной операции войск Белорусского фронта, освобождению Белоруссии и ходе войны в целом.

1. Катионов, О. Н. Память о сибиряках – участниках боевых действий на территории Белоруссии в 1944 г.: реализация коммеморативных практики студенческим архивно-поисковым отрядом / О. Н. Катионов, А. О. Катионова // *Фундаментальные проблемы воспитания в условиях современных социальных процессов. Материалы международной научно-практической конференции.* – 2020. – С. 83–92.
2. Волков, Р. Е. Основание присвоения воинским частям наименования «Речицкая» / Р. Е. Волков // *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 8–10 декабря 2021 г. : в 3 частях / под ред. Н. Е. Лукьянова.* – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2022. – Часть 1. – С. 159–160.
3. Схема Белорусского фронта. Гомельско-Речицкая наступательная операция. № 133. 10.11.1943 – 30.11.1943 г. [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/ops/gomelsko-rechitskaya-nastupatel'naya-operatsiya/>. – Дата доступа: 15.03.2023.
4. Приказ Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: информационно-правовое обеспечение. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/191283/#friends>. – Дата доступа: 16.03.2023.
5. Телегин, К. Ф. Войны неслыханные вёрсты. Гл. IV. Освобождение Белоруссии [Электронный ресурс] / К. Ф. Телегин. – М., Воениздат, 1988. – 416 с. // Сайт «Военная литература». – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/telegin_kf/04.html. – Дата доступа: 16.03.2023.
6. Журнал боевых действий 37 гв. сд за ноябрь месяц 1943 г. [Электронный ресурс] // Журналы боевых действий. Дата создания документа: 30.11.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 1128. Оп. 1. Л. 242. // Портал «Память народа». – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id>. – Дата доступа: 15.03.2023.
7. Журнал боевых действий 194 сп 162 сд. Период с 15.11.1942 по 16.04.1944 г. [Электронный ресурс] // Журналы боевых действий. Дата создания документа: 16.04.1944 г. // ЦАМО. – Ф. 6607. Оп. 75461. Д. 4. Л. 95. // Портал «Память народа». – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133034552&static_. – Дата доступа: 12.03.2023.
8. Батов, П. И. В походах и боях / П. И. Батов. – М. : Воениздат, 1974. – 528 с.
9. Журнал боевых действий 422 сп 170 сд. Период с 01.09.1943 по 31.12.1943 г. [Электронный ресурс] // Журналы боевых действий. Дата создания документа: 31.12.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 7119. Оп. 66859. Д. 7. Л. 13. // Портал «Память народа». – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id>. – Дата доступа: 15.03.2023.
10. Катионова, А. О. Боевые потери 194-й стрелковой дивизии при освобождении Белоруссии / А. О. Катионова, Р. Е. Волков // *Интерэкспо Гео-Сибирь.* – 2021. – Т. 5. – С. 23–30.
11. Приказ Верховного Главнокомандующего 18 ноября 1943 года [№ 43] // Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза : сборник. – М. : Воениздат, 1975. – С. 75–77.
12. Шилов, К. К. Речицкая Краснознаменная: Боевой путь 194-й стрелковой Речицкой Краснознаменной дивизии / К. К. Шилов. – М. : Воениздат, 1984. – 160 с.

Катионов О.Н.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БОЕВОГО ПУТИ 234 СРЕЛКОВОГО ПОЛКА 179 СД ПЕРИОДА ВИТЕБСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (ИЮНЬ 1944 Г.)

В данной статье дается попытка охарактеризовать источники, по которым можно изучить боевой путь 234 сп 179 сд периода Витебской наступательной операции конца июня 1944 г. и участие в ее составе Катионова Николая Лукьяновича – отца автора статьи. По наградным делам Н.Л. Катионова удалось установить, что на момент наступательной операции он служил в 234 сп 179 сд [6]. Интерес к этим событиям вызван еще и тем, что Н.Л. Катионов в силу стечения обстоятельств воевал и освобождал Белоруссию – родину своих предков, являясь потомком сибиряков из белорусов-переселенцев.

Из источников личного происхождения имеются воспоминания командующего Первым Прибалтийским фронтом И.Х. Баграмяна [1, с. 288–332] и командующего 43 армией А.П. Белобородова [2, с. 239–262], в которых основательно прописаны планы наступления, задачи, стоявшие перед армиями, указаны направления ударов, обозначены основные места прорывов, а вот ход операций каждой дивизии затрагивался лишь фрагментарно. Мемуары дают возможность ознакомиться с общей картиной происходивших боев в период наступательной операции, а также обратить внимание на события, в которых принимала участие 179 сд и её 234 сп.

Мы попытались для уточнения информации о действиях 179 сд использовать источники, представленные на сайте «Память народа» МО РФ. Особое внимание уделили картографическим материалам. Для уточнения информации воспользовались журналами боевых действий 43 армии, 1-го стрелкового корпуса, в составе которого вела боевые действия 179 сд до 27 июня. Также использованы Журналы боевых действий самой дивизии за июнь 1944 г. и наиболее уточняющие сведения о боевых действиях дивизии – оперсводки, боевые донесения и боевые приказы штаба 179 сд. Выставленных на сайте «Память народа» карт фронта и армии, а также карт-схем 179 сд крайне мало.

Учитывая, что операция «Багратион» готовилась заранее, еще в апреле-мае 1944 г., а в начале июня подготовка частей носила завершающий характер, то картографические материалы июня уже более точно фиксируют расположение частей 179 сд.

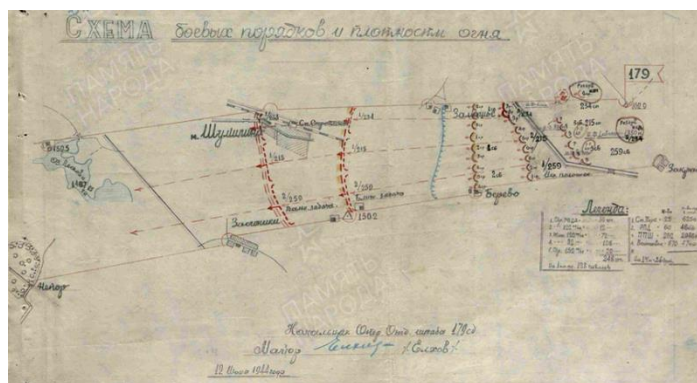

Рис 1. Схема боевых порядков и плотности огня 179 сд на 12.06.1944 г. [8]

На схеме показано расположение частей 179 сд с указанием местонахождения полков и их стрелковых батальонов с размещением рот первой и второй линии атаки. Вернее, это схема наступления, так как за линией обороны противника указывались рубежи, которые должны были быть заняты на «ближайшую задачу» и на «дальнейшую задачу».

В резерве командира дивизии находился 2-й батальон 234 сп.

234 стрелковый полк должен был наступать правым флангом на ширине фронта в 500 метров 1 сб: 2, 1 и 3 ср; за ними – 7, 8 и 9 роты 3 сб. В резерве комполка – 6 ср, защищавшая правый фланг дивизии. Полк левым флангом должен был «зацепить» д. Замошье, где располагались позиции немцев. За первой и второй линией атаки проходила дорога (большак), за которой находились части резерва – 6 рота 234 сп.

По схеме части дивизии должны были прорвать линию обороны противника и «ближайшей задачей» продвинуться за эти позиции и занять линию на схеме: 234 сп – перед ст. Сиротино – первым стрелковым батальоном. Дальнейшей задачей 1 сб 234 сп должно было быть овладение ст. Сиротино и наступление на местечко Шумилово.

Перед наступательными боями операции «Багратион» 179 сд 22 июня провела разведку боем, захватив несколько первых траншей противника. Данная разведка выявила огневые точки немцев, что позволило 23 июня осуществить прорыв линии обороны врага. Это мы можем узнать из журнала боевых действий 179 сд за июнь, в котором подводились анализ и итоги наступательных боев 22 июня – начала июля 1944 г. Начальник штаба дивизии, полковник Белугин, отмечая результат первых наступательных ударов полков дивизии, заметил, что планирование было рассчитано на трудное преодоление обороны противника, а результат оказался намного эффективнее, что поставило штаб дивизии в затруднительное положение относительно дальнейших наступательных действий частей дивизии. Пришлось частям вести наступление на запад и юго-запад за отступающими остатками разбитых частей противника и, одновременно, вести бои с окруженными частями врага, который не оставлял попыток прорвать фронт окружения, не считаясь с потерями в живой силе и технике [5, с. 4–7, 30, 52–53].

В ЖБД 1 стрелкового корпуса описаны наступательные действия полков дивизии. 23 июня 1944 г., атакуя из исходного рубежа Верево-Слободка, войска 179 сд вышли на рубеж: 215 сп – южнее Добрая; 234 сп – (иск) Добрая – Плющевка; 259 сп – Янченки-Дутчино. КП дивизии – юж. окраина м. Шумилово [4, с. 15].

Командир корпуса Васильев решил к исходу дня форсировать р. Зап. Двина и закрепиться на её южном берегу. 24.06.44 части 179 сд, преодолевая сопротивление мелких групп, к 17.30 вышли на сев.-зап. и сев. берег р. Зап. Двина, в том числе 234 сп – южнее Бокишево [4, с. 15].

25.06.44 г. войска корпуса форсировали р. Зап. Двина и к концу дня перерезали шоссе Витебск – Лепель, отрезав Витебскую группировку, и вышли на рубеж, где 234 сп был в районе – Вяжище [4, с. 16].

Командир корпуса решил: одним 234 сп 179 сд занять оборону по зап. берегу р. Черногостница, от р. Зап. Двина до оз. Островенское фронтом на восток и отрезать отход противника от г. Витебска в западном направлении. Другими двумя полками 179 сд преследовать противника до соединения с частями 39 армии [4, с. 17].

26.06.44 г. 234 сп оборонял рубеж по зап. берегу р. Черногостница фронтом на восток. В течение дня полк успешно отбивал атаки групп пехоты противника от роты до батальона усиленных танками, стремившихся прорваться с окружения в западном направлении [4, с. 17].

С 5.00 27.06.44 г. 179 сд перешла в распоряжение командующего 43 армией. Соответственно, информация о 179 сд в журнале боевых действий 1 ск с этого дня отсутствует [4, с. 18].

Подтверждением к анализу боевых действий в начальные дни наступательной операции 179 сд служит высокая оценка командиром 43 армии А.П. Белобородовым действий её частей по форсированию р. Западная Двина: «На рассвете 25 июня позвонил командующий фронтом И. Х. Баграмян:

– Что нового?

Докладываю: передовые отряды корпуса Васильева, форсировав Западную Двину, ведут бой на подступах к шоссе Витебск – Лепель. Но оседлать дорогу удалось пока что на узком участке, у деревни Задорожье.

– Хорошее начало – половина дела, – заметил Иван Христофорович. – Кто первым вышел на дорогу?

– Двести тридцать четвертый стрелковый полк. Рота автоматчиков.

– Отметить их особо.

– Есть!» [2, с. 257].

Командиром 234 стрелкового полка был М.Е. Волошин.

Рис. 2. Фрагмент карты «Положение на фронте в районе Витебска 26.6.44 г.» [9].

На карте от 26 июня 1944 г. видно, что 179 сд ударом на южном направлении от Шумилино замкнула окружение витебской группировки войск противника. В наградном листе на командира стрелкового батальона 234 сп сообщается: «майор Волошин Михаил Евстафьевич, 1920 г.р., 23.06.44 его батальон быстро прорвал сильно укрепленную оборону противника в р-не дер. Мазурино Витебской области, овладев сильным опорным пунктом противника м. Шумилино и станцией Сиротино Витебской области... Развивая успех наступления майор Волошин вышел с батальоном к реке Зап. Двина и на подручных средствах под сильным огнем противника форсировал реку... Овладев плацдармом на левом берегу реки, тов. Волошин... с боем овладел большаком Витебск–Бешенковичи, соединившись с войсками 3-го Белорусского фронта, замкнув кольцо окружения Витебской группировки противника. 26.06.44 г. противник, стремясь прорвать кольцо окружения крупными силами пехоты при поддержке 6 танков и артиллерии, в р-не дер. Черногостье Витебской области, перешел к контратакам... Батальон стремительным ударом опрокинул немцев... Достоин правительственной награды звания «Герой Советского Союза» [3].

Более точным источником о действиях 234 сп являются оперсводки штаба 179 сд. 27.06.44 г. 234 сп продолжал оборонять ранее занятый рубеж – оз. Островлянокское по р. Черногостница, левый берег р. Зап. Двина. За истекшие сутки полк отбил 4 контратаки противника численностью от роты до батальона пехоты, при поддержке 3–4 танков в направлении шоссе Витебск–Бешенковичи в районе Черногостье–Задорожье [7, с. 1].

На отчетной карте красными линиями обозначено расположение дивизий и корпусов 1 Прибалтийского фронта на 28 июня 1944 г., а желтым с красными линиями на 29.06.44 г. Полки дивизии находились в разных местах линии фронта. Один полк дивизии вместе с полками 204 сд 3 Белорусского фронта уничтожил окруженную группу противника численностью в 3000 солдат в районе населенных пунктов Лысая Гора, Шуки, п. Каменка, Боркуны, наступая из н.п. Верховье, Сватовка, Воскресенцы, стоявших у р. Свечанка. Возможно, это и был 234 сп, упоминавшийся в оперсводках.

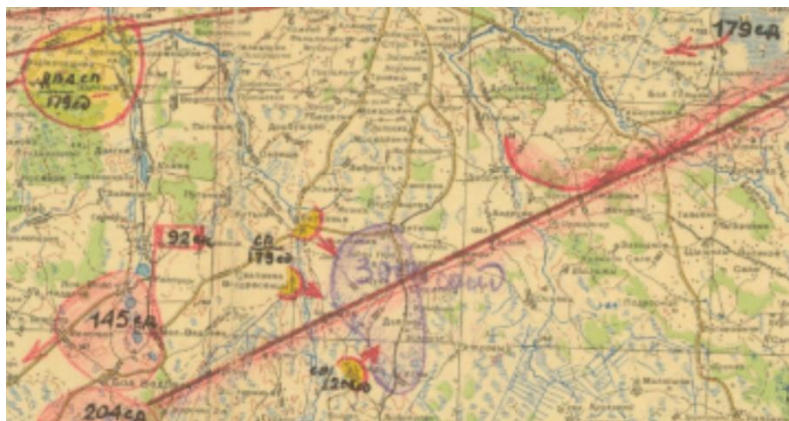

Рис. 3. Фрагмент карты «Отчетная карта 1 ПрибФ» [10].

Картографические материалы, представленные на сайте «Память народа»: во-первых, являются неполными (нет отчетных карт дивизии, имеются отдельные редкие схемы расположения частей, которые не охватывают весь период наступления в 20-х числа июня 1944 г.).

Во-вторых, в основном на сайте выставлены карты фронтов 1 Прибалтийского и 3 Белорусского. Они крупномасштабные и по ним детально проследить движение частей дивизии не представляется возможным.

Наличные картографические материалы позволяют ознакомиться с боевыми действиями дивизии фрагментарно. Они могут выступать источником по исследованию боевого пути дивизии только в комплексе с другими документами – оперсводками, боевыми приказами, жбд штаба дивизии. Комплекс этих источников дает возможность уточнить маршруты движений и мест боевых действий 234 сп 179 сд в период Витебско-Оршанской наступательной операции.

1. Баграмян, И. Х. Так шли мы к Победе [Электронный ресурс] / И. Х. Баграмян. – М. : Воениздат, 1977. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/russian/bagramyan2/index.html>. – Дата доступа: 01.03.2023.
2. Белобородов, А. П. Всегда в бою [Электронный ресурс] / А. П. Белобородов. – М. : Экономика, 1984. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/russian/beloborodov2/index.html>. – Дата доступа: 01.03.2023.
3. Волошин Михаил Евстафьевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150006190/?static_hash=73cf014bff9a68eaf63a7812f3a1cc4cv2. – Дата доступа: 11.03.2023.
4. Журнал боевых действий штаба 1 ск за июнь 1944 г. Описывает период с 01.06.1944 по 30.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Журналы боевых действий. Авторы документа: 1 ск, гв. полковник Пальчиков, майор Реут. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=211326312&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%BA::begin_date%5C01.06.1944::end_date%5C01.10.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=01.06.1944&date_to=01.10.1944&static_hash=e18539b3e8376fc8ef7a0b93ef3b1f08v2. – Дата доступа: 11.03.2023.
5. Журнал боевых действий 179 сд. Описывает период с 02.06.1944 по 23.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Журналы боевых действий. Авторы документа: 179 сд, ст. лейтенант Перерва. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=437715945&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.05.1944::end_date%5C01.09.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Cjbd::types%5Cjbd&date_from=01.05.1944&date_to=01.09.1944&static_hash=a4b14155e4581f639c9a7d4670aa626bv2. – Дата доступа: 01.03.2023.
6. Катионов Николай Лукьянович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie19200932/?static_hash=73cf014bff9a68eaf63a7812f3a1cc4cv2. – Дата доступа: 11.03.2023.
7. Оперативная сводка штаба 179 сд. Описывает период с 27.06.1944 по 27.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Боевые донесения, оперсводки. Авторы документа: 179 сд, майор Елхов. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=153508753&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.05.1944::end_date%5C01.09.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccord::types%5Copersvodki:rasporjajeniya:otcheti:peregovori::page%5C3&static_hash=bf38661f3e928e726e59636c07ef886ev2. – Дата доступа: 28.02.2023.
8. Схема боевых порядков и плотности огня 179 сд. Описывает период с 12.06.1944 по 12.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Схемы. Авторы документа: 179 сд, майор Елхов. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454785045&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.05.1944::end_date%5C01.09.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Cmap::types%5Ckarti:shemi::page%5C2&static_hash=3567e668a9aa70f89aada348dfbfd334v1. – Дата доступа: 16.02.2023.
9. Фрагмент карты «Положение на фронте в районе Витебска 26.6.44 г.» Описывает период с 26.06.1944 по 26.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Карты. Авторы документа: 3 БелФ, майор Бельский. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100370937&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.05.1944::end_date%5C01.09.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Cmap::types%5Ckarti:shemi::page%5C2&static_hash=3567e668a9aa70f89aada348dfbfd334v1. – Дата доступа: 17.02.2023.
10. Фрагмент карты «Отчетная карта 1 ПрибФ». Описывает период с 28.06.1944 по 29.06.1944 г. [Электронный ресурс] // Карты. Авторы документа: 1 ПрибФ, генерал-майор Щадилов. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=100969857&backurl=q%5C179%20%D1%81%D0%B4::division%5C179%20%D1%81%D0%B4::begin_date%5C01.05.1944::end_date%5C01.09.1944::use_main_string%5Ctrue::group%5Cmap::types%5Ckarti:shemi::page%5C3&static_hash=33a6725e764f4dc598b56ecff75a6077v1. – Дата доступа: 17.02.2023.

Красильников И.Б.
ФОНД Я.С. ЗОРОХОВИЧА КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СМОЛЕНЩИНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В изучении истории послевоенного восстановления большую роль играют архивные материалы. Это прежде всего документы партийных и советских органов, учреждений и организаций. Но, важная информация может находиться и в источниках личного происхождения: воспоминаниях, письмах, интервью. В государственном архиве Смоленской области в разделе фондов личного происхождения есть фонд Я.С. Зороховича [1]. В довоенные и первые послевоенные годы, он работал заместителем председателя Облплана. Одновременно Яков Соломонович входил в состав Смоленской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, был сотрудником областного научно-исследовательского института, являлся автором ряда книг по истории и современному состоянию Смоленской области [2], выступал с лекциями перед студентами смоленского пединститута. После его смерти в 1955 году, собранные им материалы поступили в областной архив. В его фонде содержатся различные документы: тексты лекций, отчёты, справки, планы восстановления и развития, материалы о состоянии промышленности и сельского хозяйства и т.д. Причём надо отметить, что значительную часть материалов составляют статистические данные – в основном таблицы, есть также списки предприятий, данные об их деятельности. К своей работе Яков Соломонович относился очень ответственно, ряд дел содержат большие объёмы подготовительных материалов – выписки из работ разных лет, включая дореволюционные и первых лет советской власти [1, Оп.1. Д. 7–10]. Анализ этих документов и составляет тему настоящего исследования. Данные архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

В настоящее время, когда в ряде стран, предпринимаются попытки переписать итоги Великой Отечественной войны, подвергается очернению подвиг советского народа по защите своей Родины, замалчиваются героизм и самоотверженный труд людей – данное исследование является достаточно актуальным.

В годы Великой Отечественной войны Смоленская область понесла значительные людские и материальные потери. Большая часть области находилась 18–26 месяцев под немецкой оккупацией. Отступая под натиском советских войск, фашисты проводили тактику «выжженной земли» – сжигали и взрывали всё что только возможно. Восточные районы области, освобождённые ещё в ходе контрнаступления советских войск под Москвой зимой 1942 года ещё около года, находились в прифронтной полосе, подвергаясь обстрелам и бомбёжкам. Согласно подготовленной к 25 января 1945 года Докладной записке Смоленской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и Справке «Об ущербе, причинённом фашистскими захватчиками народному хозяйству области» [4, с. 444–445] ущерб, нанесённый оккупантами народному хозяйству Смоленской области, был исчислен в сумме 41 008 111 300 рублей. Это больше, чем в соседних областях. Так, в Калининской области ущерб составил 26,7 млрд. руб., а в Калужской – 16 млрд. руб. При этом указывалось, что данные по Смоленской области приводятся в старых границах. В 1944 году ряд районов были переданы во вновь созданные Калужскую и Великолукскую области. В своей работе Я.С. Зорохович, считал, что общий ущерб области составляет 34 млрд. рублей (очевидно, это ущерб в новых границах 1944 года) [2, с. 118].

Особенно значительными были людские потери. В октябре 1943 года был проведён учёт населения на освобождённой территории. В результате выяснилось, что городских жителей осталось 80749 (менее 20 % от довоенной численности), на селе проживало 1249875 (56 % от довоенного) [4, с. 343–344]. Таким образом, численность населения сократилась более, чем на 1 миллион человек. Разумеется, часть людей была призвана в армию или сумела эвакуироваться. После войны уцелевшие солдаты вернулись домой, проводилась реэвакуация населения. Однако восстановить довоенную численность населения Смоленская область не смогла до настоящего времени. Эта ситуация и стала одной из причин того, что сразу два города области – Смоленск и Вязьма попали в число 15 наиболее пострадавших городов РСФСР, упомянутых в знаменитом постановлении СНК СССР № 2722 от 1 ноября 1945 года.

Несмотря на значительные разрушения, хозяйство Смоленской области удалось восстановить. Первым желанием людей того времени было точное восстановление довоенного – предприятий, учреждений, организаций. Однако жизнь внесла свои коррективы. Документы упоминаемого нами фонда дают представление об этих планах и реальном восстановлении.

Два дела [1, Д. 12–13] специально посвящены состоянию промышленности и сельского хозяйства в довоенный период. В Справке о довоенном состоянии ряда отраслей промышленности, в частности, приводятся сведения о кирпичных заводах (70 + 5 известковых), черепичных, 4 стекольных, 24 предприятия лесозаготовки, торфозаготовке, 5 предприятий лёгкой промышленности. Для восста-

новления требовались необходимые строительные материалы, поэтому сведениям о производстве этих материалов уделено особое внимание [1, Д. 13, л. 1–2].

Еще существовали 64 льнозавода, льночесальная фабрика и льнокомбинат. Особо выделялась пищевая промышленность. По многим предприятиям указывается объём производства, по отдельным крупным предприятиям и численность работающих. Также здесь есть несколько списков предприятий. Один из них включает перечень 37 предприятий дореволюционного времени, сохранившиеся к началу войны, расширенные и реконструированные. Другой список – 191 предприятие, построенное за годы первых пятилеток. Для каждого предприятия указан год строительства.

Интересные данные содержатся в Кратких справках о довоенной экономике и культуре городов области: Смоленска и Ярцево. В справках есть сведения о численности населения, числе домов, их площади, благоустройстве, перечень основных предприятий, сведения о товарообороте и сети торговых точек и предприятий общественного питания, число детских садов, школ, учащихся, развитии здравоохранения, кино и связи. Фактически эти справки можно именовать паспортом города. И можно только сожалеть что ограничились всего двумя городами.

Все эти данные послужили основой планов послевоенного восстановления. В одном из дел [1, Д. 15] есть текстовая часть схемы генерального плана восстановления города Смоленска. Сам план готовился группой под руководством академика Г.П. Гольца, но материалы Я.С. Зороховича, также, несомненно, использовались, тем более что в 1946 году академик Гольц трагически погиб и восстанавливать город пришлось без него. В этом же деле есть подготовительные материалы для доклада первого секретаря обкома партии Д.М. Попова в связи с пятилетием освобождения области. Доклад был выпущен в виде отдельной брошюры [3]. Подготовительные материалы готовили областные организации, в том числе и плановый отдел [1, Д. 15, л. 58–59].

Интересный фактический материал о результатах восстановления содержится в делах, содержащих Материалы о состоянии и ходе восстановления и развития хозяйства и культуры [17], промышленности [18], сельского хозяйства [19]. Здесь находятся, например, Основные показатели по итогам работы за 1944 год. Многие показатели даны в динамике в сравнении с 1943 годом [1, Д. 17, л. 1–5], что позволяет выявить результаты восстановления именно за 1944 год. При этом приводятся не только достижения, но и сохранившиеся проблемы. Анализируя демографический состав населения автор в частности указывает, что «до войны на 100 мужчин в рабочем возрасте приходилось 123 женщины, в настоящее время 449 женщин (на селе 474 женщины) ... Наиболее эффективные в трудовом отношении группы от 18 до 49 лет, имевшие до войны удельный вес в 38,8% от всего мужского населения области в настоящее время по своему удельному весу едва превышает 10%. Если же принять во внимание, что среди наличного состава этих возрастов имеется много нетрудоспособных (инвалидов, больных и т.д.), станет ясной мера потери трудовых ресурсов и подчёркивает всю значимость для настоящего времени женского труда» [1, Д. 17, л. 37 – 37об]. Эти данные показывают всю сложность не только задач по восстановлению хозяйства, но и проблемы с нехваткой людских ресурсов.

На этом фоне становятся понятными более медленные темпы восстановления промышленности Смоленской области, по сравнению с другими регионами страны. Так, даже в 1949 году валовая продукция все промышленности области составляла 44,7 % от довоенного уровня, хотя со времени освобождения рост и увеличился почти в 5 раз [1, Д. 18, л. 23]. В этом деле есть целый список из 16 предприятий, которые не восстанавливались вообще, чаще всего из-за отсутствия необходимости [1, Д. 18, л. 37]. На фоне 456 восстанавливаемых это совсем небольшая часть.

Большой урон понесло и сельское хозяйство области. Так согласно Справке о размерах посевных площадей 1940 и 1943 годов по всем категориям хозяйств составляло 37,9 % [1, Д. 19, л. 2]. При этом надо учитывать, что к этому времени около половины области ещё не было освобождено. Особенно сократились посевы льна – в 10 раз. Однако, несмотря на помощь, даже в 1947 году посевные площади даже в наиболее передовых районах были восстановлены на 66–86%, в то время как в отстающих районах всего на 21–38% [1, Д. 19, л. 9]. В целом по области использовалось 53% посевных площадей от довоенного уровня [1, Д. 19, л. 11]. Очень интересные цифры, касающиеся восстановления животноводства содержатся в документе Животноводство в колхозах и у колхозников в 1940–1947 годах. Если в целом количество коров в колхозах составляло 64,8% от довоенного уровня, лошадей вообще 19,5%, то в личных хозяйствах у колхозников в 1947 году количество крупного рогатого скота уже составляло 121,3 % от довоенного. Хотя коров всего 76,4 %, а свиней всего 27,9% [1, Д. 19, л. 12]. Эти цифры доказывают, что личная инициатива способствовала более быстрому восстановлению отдельных отраслей сельского хозяйства по сравнению с плановой экономикой. Особенно быстро на селе было восстановлены жилые дома. Только за 1943–1947 год было построено 129280 домов в которые переселено 469580 человек. В землянках и приспособленных помещениях оставалось проживать всего 380 человек [1, Д. 19, л. 13]. В городах области жилищная проблема оставалась острой еще

несколько лет, при этом люди продолжали жить даже в крепостной стене. Эти данные показывают, что по некоторым показателям восстановление на селе даже опережало города.

В фонде есть рукопись ряда послевоенных работ Я.С. Зороховича показывающих процесс отбора материала, а также дающие возможность сравнить, какие данные автор приводит в своих открытых работах, а какие в справках для областного руководства. Как правило получалась более приукрашенная картина.

В целом можно сказать, что изучение документов личного архива Я.С. Зороховича даёт возможность получить более объективные данные о ходе восстановления промышленности, сельского хозяйства и культуры Смоленской области в первые послевоенные годы.

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р-2758.
2. Зорохович, Я. С. Смоленская область: (Очерк экономики) / Я. С. Зорохович ; под ред. П. А. Залесского. – Смоленск : Смолгиз, 1948. – 160 с.
3. Попов, Д. М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских оккупантов: (В помощь агитаторам) / Д. М. Попов ; Отд. пропаганды и агитации Смол. обкома ВКП(б). – Смоленск : Смолгиз, 1948. – 96 с.
4. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. – М. : Московский рабочий, 1977. – 447 с.

Монзуль В.Ю.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОТОКОЛОВ ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ (В ГОРОДАХ) ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ ССР 1945–1953 ГГ. ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История повседневности – одно из сравнительно новых направлений исторической науки, которое к началу XXI в. завоевало признание не только ценными научными результатами, характеризующими повседневные практики людей прошлого, но и имманентным популярным характером, который связан с наблюдаемым каждым человеком предметом изучения и обычно не требует специальных познаний. В белорусской историографии история повседневности развивается недостаточно динамично, слабо разработаны её теоретико-методологические и источниковедческие проблемы.

Исследования по истории повседневности отличает опора на обильный и чрезвычайно пёстрый источниковый материал. К числу перспективных архивных источников, недостаточно вовлечённых в научный оборот, следует отнести протоколы местных конференций КП(б)Б (с 1952 г. – КПБ), которые будут рассмотрены на примере городских и районных (в городах) партийных конференций. Партийные конференции были, как правило, ежегодными собраниями делегатов от низовых партийных организаций в пределах административной единицы, в установленном порядке обсуждавших деятельность местного комитета партии за период после проведения предыдущей конференции и устанавливавших задачи дальнейшей работы местного комитета, а также решавших ряд кадровых вопросов. В рассматриваемый период городские комитеты партии существовали в городах республиканского и областного подчинения, а внутригородское районное деление с собственными комитетами партии существовало в Минске, Витебске и Гомеле (в последнем случае – с перерывом).

Протоколы местных партийных конференций 1945–1953 гг. разбросаны по различным фондам государственных архивов областей, что, конечно, затрудняет работу исследователей [7]. Наиболее полная подборка протоколов партийных конференций рассматриваемого периода хранится в фонде № 4п «ЦК КПБ» Национального архива Республики Беларусь (описи № 51, 88 и 96), поскольку в рассматриваемый период в ЦК КП(б)Б–КПБ направляли по одному экземпляру протокола каждой областной, районной, городской, районной (в городе) партийной конференции в Белорусской ССР (несколько небольших по объёму протоколов могли объединяться в одно дело в пределах одной области).

Структура протоколов партийных конференций стандартна: организационные вопросы (избрание рабочего президиума, почётного президиума, секретариата, мандатной комиссии, редакционной комиссии, утверждение регламента и других организационных вопросов), отчётный доклад, доклад ревизионной комиссии, выступления в прениях, доклад мандатной комиссии, справки и ответы на вопросы, утверждение проекта постановления конференции, выборы нового состава горкома или горрайкома и иные кадровые вопросы. Часто на конференции принимали коллективные письма и телеграммы, адресованные И.В. Сталину.

Отчётные доклады о работе городского или районного комитета партии охватывали период, прошедший с прошлой конференции (обычно на этот доклад отводилось около 2 часов). Большая часть содержания отчётных докладов была посвящена международному положению, внутривнутриполитической жизни СССР, вопросам партийной работы, развития промышленности и транспорта в городе. Эти сведения малоинформативны для нужд истории повседневности, хотя благодаря весьма подробному характеру описания ситуации в экономике (зачастую – с ценной статистической ин-

формацией), а также в партийных организациях могут быть использованы историками, работающими в рамках традиционной историографической парадигмы. Впрочем, в них можно выявить ценную информацию – например, об относительной распространённости проживания горожан в землянках и подвалах в протоколе Полоцкой городской партийной конференции 1950 г. [3, л. 8]. Для исследователей, изучающих историю повседневности, весьма ценны разделы отчётных докладов, посвящённые работе горисполкомов и райисполкомов в городах, развитию народного образования, здравоохранения, профсоюзной, комсомольской и оборонно-массовой работе. Эти вопросы находились в компетенции других учреждений и организаций, в связи с чем партийные руководители чувствовали больше свободы в критике их работы.

Наиболее познавательная для исследователя истории повседневности часть протоколов партийных конференций – выступления в прениях (как правило, выступало около 20-30 делегатов, обычный регламент выступления в прениях составлял 15 минут). Некоторые протоколы включают подробные стенограммы каждого выступления на нескольких страницах машинописного текста, но в ряде случаев они содержат менее одной страницы тезисного пересказа выступления. В прениях выступали руководители и секретари первичных парторганизаций промышленных предприятий, больниц, вузов, школ, железнодорожных станций, локомотивных и вагонных депо, местных органов внутренних дел, госбезопасности, прокуратуры, народные судьи и другие горожане. Они зачитывали доклады в пределах своей профессиональной компетенции и по иным актуальным вопросам, зачастую приводя конкретные примеры. Относительно шаблонный характер носили выступления руководителей горисполкомов и горрайисполкомов: они рассказывали о работе жилищно-коммунального хозяйства, городском благоустройстве и смежных вопросах городской жизни, иллюстрируя доклад конкретными примерами и статистикой.

Иногда на конференциях выступали стахановцы и ударники промышленных предприятий и работники железнодорожного транспорта. Некоторые из них ограничивались вопросами партийной работы и организации труда, но часть приглашённых стахановцев пользовалась трибуной для озвучивания бытовых проблем. Их выступления вдвойне ценны ещё и как документирование взгляда рядового советского человека на проблемы, с которыми делегаты-руководители не сталкивались в силу своего положения. Так, рабочий Минского тракторного завода, выступая на городской партийной конференции в 1950 г., пожаловался, что в заводском посёлке негде помыться [2, л. 146]. В 1952 г. на партийной конференции Сталинского района г. Минска выступил рабочий автозавода, который в числе прочего пожаловался на отсутствие качественной закуски в пивных ларьках в рабочем посёлке [5, л. 128]. Впрочем, подобные откровенные выступления были редкими. Во многих протоколах записывались также вопросы из зала (в устном и письменном виде) и ответы на них. Многие вопросы касались именно конкретных вопросов повседневной жизни, и задавали их, по-видимому, рядовые делегаты конференции, не выступавшие в прениях.

Весьма информативны выступления генералов и офицеров расквартированных в городах воинских частей. Они часто сигнализировали о проблемах в обеспечении генералов и офицеров жильём, развитии торговли (особенно в военных городках и окрестностях) и иных недостатках повседневной жизни, надеясь, что высокий социальный статус приведёт к решению бытовых проблем вверенных им воинских частей. Так, на партийной конференции Сталинского района г. Минска в 1948 г. генерал-лейтенант И.М. Логинов рассказал о жилищных проблемах, которые испытывали офицеры (вплоть до проживания в землянках) и рядовой состав (в их казармах было холодно и отсутствовало электричество) [1, л. 81–82].

Очень частые констатации тяжёлого положения в различных сферах городской жизни резко контрастируют с сообщениями в прессе по тем же вопросам, которые были либо положительными, либо выхолащенными в соответствии с указаниями Главлита. Причин, по которым на конференциях озвучивали критику, было три. Во-первых, протоколы партийных конференций были секретными, а предназначенные для более широкого ознакомления постановления использовали более мягкие и расплывчатые формулировки или вообще не упоминали о негативных замечаниях. Во-вторых, конференции являлись важным инструментом обратной связи с руководством республики и областей, и в рассматриваемый период со стороны последних существовал спрос на объективную информацию о положении на местах. Пользуясь присутствием на конференции представителей обкомов или ЦК КП(б)Б–КПБ, делегаты намеренно поднимали проблемные вопросы, чтобы привлечь к ним внимание, и к числу таких вопросов относились нехватка жилья, плохая организация торговли и общественного питания, преступность, алкоголизм, недостатки в работе учреждений образования, здравоохранения и культуры. В-третьих, большая численность делегатов – значительно больше 100 человек даже в городах, не являвшихся областными центрами – предопределила невозможность озвучивания заведомо ложной информации по общеизвестному вопросу. Разумеется, существовали неписанные границы критики, но названные обстоятельства предопределили весьма значительную

степень открытости докладчиков на партийных конференциях в озвучивании реального состояния различных сфер городской жизни и высокую степень достоверности их сообщений.

Докладчики в прениях главным образом рассказывали об успехах своей парторганизации. Существовала очевидная закономерность: собственные проблемы замалчивались, а вся критика была адресована другим предприятиям, учреждениям, организациям, в том числе и вышестоящим. При этом критика могла касаться как сферы в пределах компетенции докладчика, так и прямо не связанных вопросов, касавшихся главным образом повседневной жизни горожан – жилья, торговли, здравоохранения и других вопросов. Например, секретарь первичной парторганизации сапожной артели «Прогресс» в Бобруйске в 1952 г. закончил выступление критикой спекуляции, процветавшей, по его словам, на городском рынке, и бездеятельности милиции в этом вопросе [4, л. 56]. Председатель Ленинского райисполкома г. Минска в 1953 г. на партийной конференции этого района поделилась неприятным опытом покупки гардин в столичных магазинах [6, л. 92]. Самокритика звучала только в тех случаях, когда организацию или конкретное должностное лицо критиковали ранее, и обычно она сопровождалась сообщением извиняющих обстоятельств.

Некоторый интерес для исследователей представляют и отчёты ревизионных комиссий с анализом практики рассмотрения жалоб в горкомах или райкомах партии. Почти всегда выделялись основные вопросы, по которым поступали жалобы (львиную долю обычно составляли заявления по жилищному вопросу, что демонстрировало его огромную важность), иногда приводились характерные примеры жалоб и нарушений при их рассмотрении.

Протоколы партийных конференций весьма ценны в изучении истории повседневности, предлагая исследователю богатый, пусть и разрозненный материал по различным вопросам повседневной жизни населения городов Беларуси в первые послевоенные годы. Несмотря на значительный информационный потенциал протоколов партийных конференций, их применение в исследованиях по истории повседневности имеет те же ограничения, что и другие виды подобных источников – субъективизм и затруднённая верификация оценочных суждений, акцентирование внимания на недостатках, необходимость учёта скрытых мотивов выступающих публично. Помимо снабжения исследователей ценной информацией, протоколы партийных конференций помогают в решении важной методологической проблемы: уже на этапе описания быта задача исследователя заключается в необходимости не только выявить сущность феноменов повседневной жизни, но и определить их распространённость, отнести их или к обыкновенным и широко распространённым явлениям (норме), или к нерепрезентативным случаям (аномалиям). Протоколы партийных конференций надёжно документируют распространённость ряда частных феноменов повседневной жизни, чем изрядно повышают свою ценность в качестве исторического источника.

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 51. Д. 827.
2. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 88. Д. 282.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 88. Д. 541.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 88. Д. 1321.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 88. Д. 1632.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 96. Д. 416.
7. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by>. – Дата доступа: 19.03.2023.

Дорофеев Д.В.
ПРАЗДНОВАНИЕ В СССР 250-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. ФРАНКЛИНА:
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ИСТОЧНИК, КУРЬЕЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

За месяц до XX Съезда КПСС, 17 января 1956 г. состоялось торжественное заседание АН СССР, МГУ, Советского комитета защиты мира и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, посвященное 250-летию со дня рождения Б. Франклина. На научном форуме был зачитан доклад «Общественная деятельность Вениамина Франклина», подготовленный Алексеем Владимировичем Ефимов (1896–1971) – член-корреспондентом, сотрудником сектора методики истории и Конституции СССР Научно-исследовательского Института методов обучения Академии педагогических наук СССР, считавшимся основателем советской американистики. В последствии текст выступления был опубликован в «Вестнике Академии наук СССР».

Содержание доклада привлекает внимание по причине интерпретации аутентичных источников советским американистом.

Историк не только продолжал называть отца-основателя «Вениамином», но и «трудоустроил» его в не существовавший институт: «В самом конгрессе Франклин был поставлен во главе «секретного комитета по внешней политике» [2, с. 90]. Комитета такого не существовало в Континенталь-

ном Конгрессе: американист искажил название института – «комитет по секретной корреспонденции». Странного в этом ничего нет: ученый уже не в первый раз показывал отсутствие опыта изучения документов. Еще в 1941 г. А. В. Ефимов стал лауреатом сталинской премии за участие в подготовке к изданию «История дипломатии», в которой он написал главу «Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.)». В ней вместо термина «секретарь иностранных дел» он применял – «статс-секретарь» [1, с. 304]. Точность перевода не был сильной стороной ученого.

Общим в работах 1941 г. и 1956 г. было то, что американист не имел опыта анализа документов последней трети XVIII в. Если в коллективном труд, он не делал сноски на документы, что давало возможность скрыть масштабы источниковой базы его исследования, то спустя пятнадцать лет А. В. Ефимов показал непрофессионализм в работе с первоисточником. В частности, в докладе на заседании он отмечал: «Нам удалось найти в Ленинграде подлинное письмо Франклина сыну, написанное в Пасси 2 марта 1778 года. «Мы заключили наш договор о союзе с Францией и договор о торговле, – писал Франклин. – Они весьма выгодны для Соединенных Штатов. Пересылаю эти договоры с этой почтой. Вся Европа за нас, а Англия в оцепенении» [2, с. 94]. Обстоятельства нахождения документа в Ленинграде ученый не уточнил. Верификация «открытия» показала: письма от 2 марта 1778 г. отца-основателя к его единственному сыну – Уильяму Франклину (1730–1813) не существует. Не утруждался советский американист и объяснением вопроса: зачем было политику сообщать из Франции информацию своему сыну, который, во-первых, был лоялистом, во-вторых, находился под арестом в период с 19 июня 1776 г. по октябрь 1778 г.?

Исследование документов отца-основателя в многотомном издании «Документы Бенджамина Франклина», показало: в 26-ом томе было размещено письмо, датированное 2 марта 1778 г., но адресованное не У. Франклину, а Ричарду Баху (1737–1811). И на нем существует пометка «Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград» [6, р. 9]. Почему же советский ученый посчитал его сыном Б. Франклина? Ответ на этот вопрос кроется в последнем предложении письма: «I am ever Your affectionate Father» – «Я всегда буду Твоим любящим Отцом» [Ibid., р. 10]. Это дало основание историку понять фразу буквально. В действительности адресат был зятем, супругом единственной дочери отца-основателя – Сары Франклин (1743–1808).

Этот пример показывает, насколько профессионально А. В. Ефимов (не)знал не только биографию Б. Франклина, но и демонстрировал ошибочное представление о деятельности Континентального Конгресса: обращает внимание некорректное название комитета, поскольку сфера дипломатической истории в период Американской революции являлась парафией советского ученого, в которой никто из коллег не оспаривал его авторитет.

Примечательно, что ошибки А. В. Ефимова покрывались коллегами по научной деятельности. В начале 1960-х гг. Геннадий Петрович Куропятник (1924–) и Ирина Александровна Белявская (1915–2011) – сотрудники Института Истории АН СССР – разместили искаженное название доклада в обобщающей работе «Советская литература по истории США». Вместо «Вениамин Франклин» по необъяснимым причинам в названии доклада было указано «Б. Франклин» [4, с. 132]. Десятилетие спустя, в начале 1970-х гг., Роберт Фёдорович Иванов (1925–2003) – профессор МГИМО и ученик А. В. Ефимова – в книге «Франклин» (1972) продолжит поддерживать авторитет учителя: «В найденном А. В. Ефимовым подлинном письме Франклина от 2 марта 1778 года говорилось <...>» [3, с. 230].

Спустя несколько месяцев после выступления А. В. Ефимова, в №4 журнала «Исторический архив» за 1956 г. в разделе «Записки архивиста» была опубликована фотокопия документа в статье «Автограф Вениамина Франклина». В отличие от историка-американиста, автор публикации Моисей Израилевич Радовский (1903–1964) – старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР – привел все сведения корректно. Указав, также, что источник храниться в фонде коллекционера Петра Корниловича Сухтелена (1751–1836) в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [5, с. 259]. Несмотря на то, что в комментарии к источнику отмечался доклад А. В. Ефимова, М. И. Радовский не писал о том, что историк-американист нашел документ.

И празднование юбилея Б. Франклина в СССР, и доклад А. В. Ефимова, и публикация источника, подготовленная М. И. Радовским, представляли собой связанные друг с другом части «большой политики»: они показывали стремление постсталинского руководства Советского Союза сблизиться с администрацией Д. Эйзенхауэра. Непредсказуемым последствием этой стратегии стало проявление низкого уровня профессионализма у одного из основателей советской американистике, которому было доверено дать оценку деятельности Б. Франклина.

1. Ефимов, А. В. Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии : в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. – Москва : ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 303–316.
2. Ефимов, А. В. Общественная деятельность Вениамина Франклина / А. В. Ефимов // Вестнике Академии наук СССР. – 1956. – № 3. – С. 86–96.

3. Иванов, Р. Ф. Франклин / Р. Ф. Иванов. – Москва : Мол. гвардия, 1972. – 255 с.
4. Куропятник, Г. П. Советская литература по истории США / Г. П. Куропятник, И. А. Белявская // Советская историографическая наука от XX к XXII съезду КПСС: история Западной Европы и Америки : сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: акад. Н. М. Дружинин (гл. ред.) и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 128–150.
5. Радовский, М. И. Автограф Вениамина Франклина / М. И. Радовский // Исторический архив. – 1956. – №4. – С. 259–260.
6. From Benjamin Franklin to Richard Bache, 2 March 1778 // The Papers of Benjamin Franklin : in 43 vols. / ed. by William B. Willcox. – New Haven : Yale University Press, 1959–2018. – Vol. 26. – P. 9–10.

Каиль М.В.

ПРАКТИКИ СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ¹

В практике изучения истории Русской Православной Церкви (РПЦ) послевоенного периода преобладают сюжеты государственно-церковных отношений: реконструируются различные формы административного контроля и влияния на православные институты органов власти. При этом в тот же период времени существовало направление деятельности, в котором усилия церковно-иерархических структур и государства были сонастроены. Этим направлением была внешнеполитическая деятельность, в которую РПЦ активно была включена с момента «сталинского поворота» в вероисповедной политике 1943 г. [6; 8, с. 19–40].

Исследования данной проблематики немногочисленны. Абсолютное их большинство строится на хорошо известных и в целом введенных в научный оборот источниках из фонда Совета по делам РПЦ (Ф. Р-6991 Государственного архива Российской Федерации). Эти материалы служили основой для крупных документальных публикаций, отчасти или полностью посвященных участию РПЦ в международных отношениях и дипломатии советского времени [7; 9; 10]. Источники «государственного» и ведомственного происхождения – ведомственная переписка, постановления, официальные отчеты и служебная переписка с достаточной полнотой представляют институциональный уровень освещения внешнеполитической проблематики. Подобные материалы отложились и в фондах высших и центральных органов советской власти. Так, на протяжении многих лет реальным актором в принятии решения о любом зарубежном выезде представителей церкви выступал Совет народных комиссаров (Совет министров) СССР – соответствующие материалы отложились (весьма не сконцентрировано) в фонде Совмина (Ф.Р-5446 Государственного архива Российской Федерации).

Большим значением в раскрытии проблематики международной деятельности Московской Патриархии обладают материалы Архива Внешней политики РФ, а также в корпоративных архивах Русской Православной Церкви (прежде всего, Архива Отдела Внешних церковных сношений РПЦ, созданного в апреле 1946 г.). Если первых из названных – архив включенный в структуру современного МИДа существенно ограничивает доступ исследователей к своим материалам, то архив ОВЦС все недоступен исследователям, его материалы доселе не введены в научный оборот даже отчасти.

В этой связи встает задача компенсации информационного потенциала корпоративных архивов РПЦ. И логичным ответом на этот вызов является обращение к частным (персональным) архивам и фондам церковных деятелей, участвовавших в реализации внешнеполитической деятельности Московского Патриархата и, опосредованно, – советского правительства.

К числу первого поколения таких деятелей относились глава церковной дипломатии (по должности председателя ОВЦС) митрополит Николай Ярушевич (1946–1960) и представители высокообразованного старшего поколения иерархов – такие как митрополит Григорий (Чуков). В церковно-дипломатическую деятельность послевоенного пятнадцатилетия (связанного с эпохой Ярушевича в ОВЦС).

Со сменой руководства Совета по делам РПЦ под нажимом правительства меняется и руководитель ОВЦС. Последующее поколение церковных дипломатов составил круг иерархов и священнослужителей сформировавшихся вокруг нового лидера отечественной церковной дипломатии митрополита Никодима (Ротова, 1929–1978), руководившего ОВЦС до 1972 г.

Личных фондов митрополитов Николая (Ярушевича) и Никодима (Ротова) находящихся на государственном хранении нет. Их служебные архивы отложились в корпоративном архиве РПЦ – в ОВЦС и не доступны исследователям. Что побуждает к поиску материалов, посвященных активным участникам церковно-дипломатической деятельности.

Разумеется, вне зависимости от персоны священнослужителя, действуют универсальные алгоритмы поиска персональной информации: в отношении родившихся и прошедших обучение «по духовному ведомству» до 1917 г. они достаточно универсальны и требуют обращения к архивам Синода, архи-

¹Подготовлено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 19-78-00120.

вам епархиальных органов управления (консисторий и епархиальных советов – с 1917 г.). Но подобные поиски могут позволить сконцентрировать лишь персональные данные и ограничиваются лишь фрагментами служебной документации, формулярными списками и т.п. рассредоточенными историческими свидетельствами. Такие отдельные персональные материалы не отражают всей полноты служебной деятельности, мировоззрения, этико-эстетические взгляды персоны. Следует отметить, что именно международная деятельность представителей церкви середины – второй половины XX в. частично освещена документами Совета по делам РПЦ и иных правительственных структур, в том числе непосредственно Совмина СССР. Но подобные материалы, позволяя реконструировать частично или полностью, в зависимости от хронологии периода и персоны, историю международных контактов, миссий и поездок персоны, не несут всей полноты информации о личности, впечатлениях, событийном и эмоциональном фоне, сопряженных с поездками и свершаемыми миссиями.

На сегодняшний день известны и частично введены в научный оборот лишь несколько личных фондов деятелей Русской Православной Церкви, участвовавших в международном служении Московской Патриархии. Одним из ярчайших иерархов Русской Православной Церкви второй половины XX в. был митрополит Питирим (Нечаев, 1927–2003). Его личный фонд, недавно переданный в Научно-исследовательский Отдел рукописей РГБ, – уникальный пример полноты документального сопровождения персональной истории и служебной деятельности иерарха. С 1945 г., с первых месяцев патриаршества Алексия (Симанского), Константин (светское имя до принятия монашества) стал патриаршим иподиаконом, что выделяло его среди сокурсников и сулило высокую церковную карьеру. Окончивший в 1951 г. академию, Константин был оставлен профессорским стипендиатом и начал преподавать историю и разбор западных исповеданий [1, л. 4–28]. В 1952 г. патриархом рукоположен в диакона, в конце 1954 г. – во священника, но не был отправлен на приход, а приписан к патриаршему крестовому храму. Великим постом 1959 г. в Троице-Сергиевой Лавре пострижен в монашество с именем Питирим в честь епископа Питирима Тамбовского (о родстве, с которым говорила семейная традиция). Далее следовал стремительный взлет – возведение патриархом в сан архимандрита и назначение инспектором академии и семинарии. С начала 1962 г. архимандрит Питирим был назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии», в мае 1963 г. избран епископом Волоколамским, викарием Московской епархии (патриарха) с назначением председателем издательского отдела Московской Патриархии.

В первые заграничные поездки будущий архипастырь отправился еще в середине 1950-х гг. в составе сопровождающих патриарха (разумеется, это было связано со служением патриаршим иподиаконом, а затем и священником патриаршего храма в Переделкино). В ту пору каждый заграничный выезд согласовывался на самом высоком уровне – Советом Министров и утверждался лично И. Сталиным. Такой уровень генерализации, проверок и согласований приводил к тому, что имеющий опыт загранкомандировок попадал в группу благонадежных, которых предлагали и для последующих поездок и миссий. Так сложилось и у будущего митрополита. По мере развития его церковной карьеры он становился востребован в качестве церковного дипломата на каждой из ступеней своего служения. Участвуя в организации первых межхристианских совещаний, он вносил предложения главе церковной дипломатической структуры – Отделу внешних церковных сношений митрополиту Никодиму (Ротову) по лучшим форматам организации площадок таких форумов [5]. В будущем он много способствовал развитию издательского дела, по сути став создателем медийно-издательской сферы Московской Патриархии, более 30 лет руководил Издательским отделом патриархии. В 1960-е – 1970-е гг. владыка Питирим совершил десятки международных поездок, сопровождал двух патриархов (Алексия и Пимена) в церковных визитах в различные страны Ближнего Востока, Европы, Азии, Африки [3]. В 1960-е гг., став архиереем, Питирим занял свое заметное место в практической церковной дипломатии: у нас нет всей полноты информации о динамике и персональном вкладе того или иного архиерея в международных коммуникациях, но владыка Питирим на протяжении трех десятилетий безусловно входил в топ-пятерку церковных дипломатов. Способствовало тому и то обстоятельство, что возглавляемый им Издательский отдел Московской Патриархии стал выполнять роль одной из витрин не только Русской Православной Церкви, но и Советского Союза, принимая десятки как церковных, так и светских туристических групп и миссий, посещавших Советский Союз.

Выполнение данной «фасадной» функции способствовало развитию самого Издательского Отдела и сопряженного с его деятельностью круга учреждений Московской Патриархии. О значимости этого направления работы говорит строительство отдельного здания и его передача отделу летом 1981 г. (заметим, эта масштабная акция не была связана с повесткой подготовки 1000-летия Крещения Руси, в рамках которой позднее создавались и передавались патриархии различные объекты в Москве, в частности, новая резиденция Патриарха и Синода – комплекс на территории Даниловского монастыря).

Документы, отложившиеся в фонде митрополита Питирима (НИОР РГБ. Ф.938), иллюстрируют как его многочисленные церковные миссии по миру, так и участие подчиненных ему структур патриархии в этой деятельности. Фонд владыки был передан НИОР РГБ вскоре после смерти владыки – в 2005 г. его внучатой племянницей. Фонд включает биографические и творческие материалы, документы связанные с многолетним преподаванием иерарха в Московской духовной Академии и Семинарии, включая документы от его обучения в стенах высшей духовной школы (а он входил в число первых студентов, пришедших в 1944 г. на Богословские курсы, преобразованные вскоре в МДАиС). Отдельный раздел документов составляют «Слова и проповеди», ряд из которых относился к его международной деятельности, включая официальные обращения. Один из первых таких документов особенно примечателен и представляет собой набросок речи, записанной на кувертной карточке с именем самого Питирима, обращенной Сербскому Патриарху Герману и произнесенной на приеме в октябре 1961 г. [2, л. 2]. Есть в наследии иерарха воспоминания и рассказы и даже записи снов, сделанные в разные годы, и имевшие для владыки очевидно большое духовное значение.

Значительное место в документальном корпусе занимают записные книжки и дневники. В каждую поездку владыка брал чистый блокнот различного формата и объема: иногда в нем делал предварительные записи (с краткими сведениями о том месте, куда он направлялся, пометки о графике, прошедших в поездке событиях и проведенных встречах, а по возвращении – бережно хранил в личном архиве). Эти материалы составляют основное и наиболее значимое наследие, фиксирующее международную деятельность архипастыря. При этом огромную проблему составляет трудночитаемый почерк (по поводу которого шутил сам его обладатель). Эти блокноты представляют с той или иной полнотой вероятно большинство поездок владыки в период с 1961 г. по конец 1980-х гг. (когда они сворачивались в силу текущей социально-политической повестки). А принимая во внимание наличие последнего еженедельника владыки 2003 г. с краткой записью о встрече по подготовке поездки в Иерусалим в апреле 2003 г. (эта символическая поездка в канун Пасхи на схождение Благодатного огня в Храм Гроба Господня в Иерусалиме стала последней в жизни владыки Питирима) [4, л. 24].

За десятилетия международной коммуникации владыка представлял РПЦ на заседаниях Всемирного Совета Церквей, проводившего свою форуму по всей планете, сопровождал в качестве члена официальных церковных делегаций патриархов Алексия и Пимена в поездках в Грецию, Индию, США и многие иные страны, выезжал на семинары и церковные форумы, в духовные учебные заведения, на культурные и деловые мероприятия.

Важно отметить и оценить, что коммуникации Московской Патриархии были одним из значительных векторов всей системы внешних коммуникаций Советского Союза. Понимая это, владыка Питирим открывал новые направления в деятельности Издательского отдела, в частности, организовывал и проводил международные выставки, сопровождая ими в том числе торгово-представительские переговоры, промышленные ярмарки и иные официальные мероприятия в интересах советского правительства за рубежом.

В Издательском Отделе и сопряженных с ним редакциях, студиях и секторах сформировался круг талантливых церковных людей, некоторые из которых оставили свое значимое для исследователей международной деятельности церкви документальное наследие.

Издательский отдел, возглавляемый владыкой Питиримом, безусловно был центром, аккумулирующим церковную интеллигенцию. Ряд сотрудников Отдела, так же как и владыка Питирим, оставили богатое документальное наследие и сформировали персональные фонды, которые ныне также являются уникальными документальными комплексами, изучение которых способствует исследованию международных коммуникаций Московской Патриархии постольку поскольку фондообразователи были вовлечены в эту деятельность.

Так, многолетний заместитель владыки Питирима в Издательском отделе архимандрит Иннокентий (Просвирин, 1940–1994) оставил свое архив, также ныне находящееся на хранении в НИОР РГБ (Ф.862). Высокообразованный и деятельный священнослужитель не только вел значительную часть коммуникаций отдела во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг., но инициировал новые направления деятельности: издательские и коммуникационные проекты и мероприятия. В новых перестроечных и постсоветских условиях он установил взаимодействие с академическими и издательскими структурами. Но международных вектор в эту пору постепенно затухал – динамично менялись взаимоотношения, остро ощущались финансовые и ресурсные проблемы. Говоря о влиянии архимандрита Иннокентия на международную повестку, достаточно сказать, что в первой половине 1980-х гг. именно он инициировал вопрос о реконструкции «русского Афона», побывав там, составлял несколько аналитических материалов и обращений в правительственные структуры и церковному священноначалию (патриарху и Синоду) о мерах по возрождению российского присутствия на Афоне и инфраструктурному возрождению русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Таким образом, очевидно, что персональные фонды церковных деятелей, вовлеченных в международную деятельность Московской Патриархии, дают массу сведений и уникальных документальных свидетельств, характеризующих практики международной работы, степень концентрации сил и ресурсов, характер и мотивы приоритизации тех или иных ее направлений. Особенно значимы данные документальные комплексы в связи с ограниченной доступностью для исследователей проблематики архива главной церковной институции, осуществлявшей международную деятельность, – Отдела внешних церковных связей.

1. Архив Московской духовной академии. Личное дело «Митрополит Питирим (Нечаев), профессор». – Л. 4–28.
2. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). – Ф. 938. Карт. 9. Ед. 6. Л. 2.
3. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 13. Ед. 23–25. ; Карт. 14. Ед. 15, 17, 18. ; Карт. 15. Ед.12. ; Карт. 16. Ед. 3 и др.
4. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 21. Ед. 4. Л. 24.
5. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 38. Ед. 27.
6. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева ; Рос. акад. наук., Ин-т Рос. истории. – М., 1999. – 212 с.
7. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов / под ред. Т. В. Волокитиной – М., 2009. – Т. 1–2.
8. Каиль, М. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. / М. Каиль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 1. – С. 19–40.
9. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / под ред. Н.А. Кривовой [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2009. – Т. 1–2.
10. Советско-израильские отношения : сб. док. : [В 2. кн.]. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т.1, Кн. 2 : 1941–1953. – 558 с. + 551 с.

Козлов А.А.
ДОКУМЕНТЫ ОБЛЛИТОВ БССР КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Местные органы цензуры (обллиты) контролировали произведения литературы искусства в пределах своих областей, но в их документации подобные материалы редки. В основу исследования легли материалы делопроизводства обллитов БССР, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 1195), Государственных архивах Гродненской области (фонд 1264), Витебской области (фонд 3991), Могилевской области (фонд 1195), Брестской области (фонд 794), Гомельской области (фонд 968). Многие документы были уничтожены, но научный потенциал сохранившихся источников достаточно высок.

Следует учитывать, что литературная и журналистская цензура не были основным занятием для Главлита. 80-90% его деятельности – проверка текстов на предмет охраны данных, являющихся государственной тайной [9, с. 129]. Однако работники цензуры искали и находили в текстах писателей «неправильного освещения» либо исторических событий, либо советской действительности. Например, в 1956 г. в повести А. Карпюка «Молодые годы», подготовленной в литературный сборник «Нёман» описывались события в Вильно в 1938 г. По предложению обллита была переделана фраза: «Віленскіе школы рыхтаваліся да свята умацавання памяці салдат, якія загінулі ў 1920 г. на вайне з бальшавікамі». Гродненский цензор снял этот текст на том основании, что Советская Россия с панской Польшей не воевала, а подверглась нападению с ее стороны. Как пример «невыдержанной критики» из сборника «В помощь художественной самодеятельности» цензорами Гродненского обллита был исключен рассказ Я. Брыля «Фамут». Персонаж рассказа – местный советский чиновник был показан грубым и глупым, что оказалось слишком ярким и близким к реальности [15, л. 108].

В 1959 г. Могилевский обллит пытался исключить из Быховской районной газеты «Сцяг працы» стихотворение У. Бушлякова «Ветлівая прадаўшчыца», в котором критиковалось обслуживание в советских магазинах. Но в Главлите сочли замечания местных цензоров недостаточно аргументированными. Следовало сообщать только о случаях конкретных фактов «невыдержанной критики», но не в Главлит, а в обком партии [9, л. 24].

Не только литература была объектом контроля местных органов цензуры. Ни одно художественное произведение не могло выпускаться без визы обллита. Выпуском произведений искусства занимались производственные мастерские [14, л. 17]. Мастерские имели разрешение на изготовление политической и художественной изобразительной продукции по специальным эталонам, утвержденные Главлитом СССР [4, л. 15]. При приеме портретов руководителей партии и правительства органы цензуры требовали точного сходства написанного портрета с имеющимся эталоном. Изопродукция сначала рассматривалась художественным советом, составлялся протокол, в который включались принятые художественным советом произведения, затем протокол подписывался директором мастерской [8, л. 20]. После в обллит предоставлялся протокол художественного совета, он

рассматривал и принимал эту изопroduкцию и, если она точно соответствовала эталону, была выполнена качественно, то на каждом произведении ставился разрешительный штамп [5, л. 21].

С середины 1950-х началось некоторое упрощение цензурных процедур. От предварительной цензуры были освобождены издания министерств, ведомств, академий наук и вузов, а также вся мелкопечатная продукция (афиши, программы, объявления, листовки, билеты). Для изобразительной продукции предыдущий цензурный просмотр сохранялся [9, л. 7–8].

За 1953 г. Витебским обллитом принято и рассмотрено картин – 26, портретов – 369. При рассмотрении забраковано две картины и один портрет, десять было предложено переделать [6, л. 16]. Некоторую продукцию мастерские на контроль обллиту не предоставили, например, пейзажи были выпущены без визы цензора [10, л. 18]. В Гродненском управлении в 1955 г. процент отклоненных работ по общему количеству составил 15% [13, л. 102].

В 1957 г. Главлитом БССР было проверено 4308 экземпляров изопroduкции, а обллитами 3709 экземпляров. Возвращено для доработки 230 экземпляров политической и 17 другой продукции, выполненной недоброкачественно. 15 экземпляров политической продукции не было утверждено или изготовлено по старым эталонам [15, л. 34].

XX съезд КПСС и его решения оказали сильнейшее влияние на деятельность Союза художников БССР. На I съезде СХ СССР, который прошел 27 февраля – 7 марта 1957 года, белорусские художники Е. Зайцев и Н. Гавриленко настаивали на коренной перестройке на новых демократических началах руководства системой изобразительного искусства [1, с. 83]. Однако вмешательства творческий процесс со стороны цензуры продолжались. Например, Могилевский обллит в 1959 г. осуществлял контроль 7 областной передвижной выставки. Если картина Федоренко И.М. «Вечер на Днепре» была снята «как низкого качества», то картина Рубан Н.Ф. «Осень» была снята по «политическим мотивам». Он был найден в изображении современной колхозной деревни в виде полуразрушенных и взрослых в землю нескольких изб [11, л. 3]. Такого никак не могло быть в современной советской деревне.

С введением Единых правил 1959 г. на цензорский контроль стали принимать только произведения изобразительного искусства политического характера (портреты, картины) [16, л. 17]. Это была изопroduкция с образами классиков марксизма–ленинизма, руководителей Коммунистической партии, руководителей Советского правительства [18, л. 138].

Однако в это же время в некоторых областях БССР началось широкое распространение на рынках изопroduкции частными лицами. В Гомеле резко уменьшить продажу такой продукции удалось после принятия Горсоветом постановления. Оно обязывало финансовые органы сократить выдачу регистрационных удостоверений частным лицам на изготовление продукции [16, л. 86].

В Могилевской области в «целях прекращения кустарных «антихудожественных, халтурных» изделий прикладного искусства был создан во всех городах и районах области Совет, который занимался утверждением образцов изделий изопroduкции кустарей. Выдача удостоверений на право изготовления и продажу кустарных изделий прикладного искусства осуществлялась только после утверждения художественным советом [10, л. 46].

Местные органы цензуры контролировали и другие сферы культуры вверенных им областей: кино, репертуар местных оркестров, театров, концертных бригад. Контроль за местными драмтеатрами осуществлялся путем проверки режиссерского экземпляра пьесы и участием в приеме спектаклей. Проверка репертуара концертных бригад, цирковых коллективов и т.д. производилась при визировании маршрутного листа, просмотре программы и всех документов [15, л. 59]. Также, согласно приказу по Министерству культуры СССР от 28 декабря 1955 г. органам цензуры (Главкрайобллитам) представлялось по одному служебному (бесплатному) месту во всех театрах и цирках [3, л. 16].

Например, в 1953 г. в Витебской области работало 20 концертных бригад и театральных коллективов, репертуар которых проверялся. Театрам и гастрوليрующим коллективам утвердили 56 афиш и программ. Были взяты на учет два оркестра: в ресторане «Аврора» в составе 7 человек и в парке культуры и отдыха имени Фрунзе [7, л. 15–16]. В Брестской области в 1953 г. репертуар театров и концертных бригад проверялся цензорами 32 раза [6, л. 13–14].

«Инструкция о порядке рассмотрения и распространения музыкально-драматических произведений» регламентировала цензорский контроль либретто опер, балетов и оперетт. Либретто опер, балетов и оперетт, принятые театрами местного подчинения отправлялись на контроль в областные органы Главлита через областные и городские управления культуры. Органы Министерства культуры и театры, представляющие либретто на контроль в органы Главлита, обязаны были при этом письменно подтвердить, что данное произведение рассмотрено ими с точки зрения идейно-художественного качества и допущено (принято) к постановке [3, л. 12–13].

9 марта 1956 г. Главлитом СССР было разослано инструктивное письмо, согласно которому обллиты были освобождены от обязанностей контролировать репертуар художественных коллективов. В 1956 г. на контроль Брестскому обллиту драматические произведения, произведения для

эстрады и цирка, художественной самодеятельности и другие виды искусства не поступали ни от областного управления культуры, ни от ДНТ [14, л. 33]. Впрочем, иногда на местах в порядке пере-страховки репертуарные данные время от времени подавались в обллиты. В 1958 г. Гомельскому областному театру, по согласованию с обкомом КПБ, местный обллит разрешил к исполнению пьесу «Сильнее смерти» Дубравина [18, л. 83]. В 1960 г. Гродненским обллитом был проконтролирован только один текст произведения, предназначенного для исполнения в театрах в 1960 г. – инсценировка романа немецкого писателя М.Э. Ремарка «Три товарища» [18, л. 139].

После новочеркасских событий усилились официальные выступления против «лживой» концепции беспартийности искусства, свободы творчества [2, с. 214–215]. Система «проработок» интеллигенции усилилась и в БССР. Результаты последней московской встречи руководства КПСС с интеллигенцией обсудил республиканский совет творческой интеллигенции (19 апреля 1963 г.). На ней подверглись критике произведения, для которых были характерны реалистичные подходы к осмыслению общественных процессов [2, с. 215].

Таким образом, документы обллитов содержат большой статистический материал по истории культуры, но и отражают методы работы местных органов государственной цензуры в области литературы и искусства периода «оттепели». В это время обллиты продолжали осуществлять цензорский контроль над культурной жизнью своих областей. Однако с середины 1950-х годов областные управления были освобождены от некоторых своих обязанностей. На цензорский контроль стали приниматься только произведения изобразительного искусства политического характера, причем в этом отношении происходила эталонизация изобразительного искусства. Цензоры были избавлены от обязанностей контролировать готовый репертуар театров. Тем не менее, в этот период начинается давление на произведения кустарного производства, также изредка происходили идеологические вмешательства со стороны обллитов. Деятелям литературы и искусства приходилось учитывать цензурные требования, которые принуждали авторов более тщательно подбирать материал, что вело к дополнительной нагрузке, но, в конечном итоге, позволяло достичь необходимого для того времени качества итогового продукта.

1. Бессольнова, Н. В. Союз художников БССР в период «хрущевской оттепели»: ответы на вопросы времени / Н. В. Бессольнова // Восточнославянская цивилизация в современном глобализирующемся мире : сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Г. Кириченко ; М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель : БелГУТ, 2018. – С. 82–87.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.
3. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 10.
7. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 13.
8. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 17.
9. ГАВО. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 36.
10. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМогО). – Ф. 1195. Оп. 5. Д. 5.
11. ГАМогО. – Ф. 1195. Оп. 5. Д. 28.
12. Гужалоўскі, А. А. Парнас пад цензурным наглядом : Аляксандр Гужалоўскі / А. А. Гуджалоўскі // Польша. – 2014. – №6. – С. 141–147.
13. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 58.
14. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 64.
15. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 69.
16. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 76.
17. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 80.
18. НАРБ. – Ф. 1195. Оп. 2. Д. 90.

Носова М.С.

ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ – СИЛА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВЕТСКИХ ПОПУЛЯРИЗАТОРСКИХ ПРАКТИК¹

Стойкий интерес историков, философов, социологов, культурологов к социальной истории науки стимулировал выделение такого специфического научного поля как источниковедение историографии. Этот процесс нашел отражение не только в специальной научной литературе, но и в закреплении исследовательских компетенций на уровне учебных пособий. Показательным в этом плане можно считать учебное пособие по источниковедению под редакцией М.Ф. Румянцевой, выдержавшего несколько изданий, где выделен специальный раздел по источниковедению историографии [10]. Выделим и ряд значимых институциональных площадок, на которых обозначенные сюжеты активно обсуждаются – постоянно действующий семинар при ВИЕТ «История науки в источниках и историо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-20-00758.

графии», в определенной степени конференция, проводимая в РГГУ «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» и, конечно, источниковедческие конференции в Витебске. В этом русле наше обращение к журналу «Знание – сила», как специфическому историографическому источнику, принципиально значимо, поскольку речь идет о популярном журнале, транслирующем научное знание и этос науки в общество. Интерес к такого рода источникам возрастает и в связи с переосмыслением концепта публичной истории. В маршруте «академическая наука – масскультура» популярный журнал занимает важную позицию медиатора.

Средства массовой информации один из значимых институтов трансляции и популяризации научных знаний. Ежемесячные научно-популярные журналы напрямую связаны с циркуляцией информационных потоков в обществе и в контексте изучения формирования советских практик популяризаторской деятельности требуют пристального изучения. Использование подобных источников в исследовании значительно расширяет историографическую базу [11].

Л.Д. Дергачева констатирует важное для нас преимущество таких источников: «Периодика в состоянии рассказать сама о себе, о своих особенностях как исторического источника. Фронтальный просмотр журнала позволяет получить достаточно полную характеристику издания: проследить смену редакторов и издателей, установить изменение структуры (добавление рубрик, разделов) и внешнего вида изданий (увеличение формата, объема номера)». Внимательное изучение материалов дает возможность изучить условия существования и развития издания, определить его направленность, целевую аудиторию, предпочтения читателей [1, с. 94]. В нашем варианте важно зафиксировать транслируемые ценностные установки по отношению к научной деятельности и ученому.

Советский научно-популярный и научно-художественный журнал «Знание-сила», основан в 1926 году. В первый год издания журнал определяется как «ежемесячный научно-популярный журнал для подростков» [3]. Материалы журнала ориентированы на школьную аудиторию, написаны доступным языком художественного рассказа. В 1928 году в стране начинается эпоха «индустриализации» и в журнала меняет акценты, «Знание – сила» становится органом юных техников.

В 1941 году издание журнала было прекращено. Возобновить издание удалось только в 1946 году усилиями бывшего главного редактора Льва Жигарева. Траекторию своего направления редакторы журнала в первом номере 1946 года определяют так: «журнал снова выступает перед юным читателем. В системе государственных трудовых резервов обучаются новые пополнения квалифицированных специалистов. Для нашей славной рабочей молодежи и возобновляет свое издание научно-популярный журнал «Знание – сила» [4, с. 40]. Выход журнала возобновлен в издательстве «Трудрезервиздат», в нем он издается до 1968 года, после журнал передается Всесоюзному обществу «Знание».

Возобновление выхода журнала отмечается неуклонным ростом его тиража и востребованности. В 1946 году журнал выходит тиражом 25 тысяч и уже 1950 году он вырастает до 50 тысяч в месяц, а в 1974 тираж журнала ежемесячно 550 тысяч и по воспоминаниям современников получить эти журналы было достаточно сложно.

Во второй половине 1960-х годов это один из лучших иллюстрированных журналов СССР. В журнале регулярно печаталась прекрасно иллюстрированная фантастика, многие отечественные фантасты здесь начинали свой творческий путь.

Просмотр журналов за период с 1940-х до середины 1970-х годов (информация представлена с перерывами по 5 лет) позволяет сделать вывод (см. табл. 1), что количество публикаций посвященных рассмотрению технических наук превышает количество публикаций по гуманитарным наукам. Как видим, популяризация технических сфер знания и успехов в области точных и естественных наук считаются редколлегией журнала приоритетными для выстраивания популяризаторской политики. Знаковые события, связанные с освоением Космоса, (запуск спутника, полет человека в Космос), развитие атомной энергетики) занимают центральное место на страницах журнала. [8, с. 1–6]

Таблица №1. – Количество публикаций в журнале «Знание – сила».

Годы	Гуманитарные направления	Технические направления
1946	16	74
1947	24	87
1948	28	93
1949	14	113
1950	32	98
1960	67	213
1961	85	211
1962	97	194
1963	15	33
1964	32	75

1970	181	169
1971	113	89
1972	107	66
1973	105	87
1974	88	53
Общее число публикаций	880	1655

Рассмотрение потока публикаций по гуманитарным наукам показывает, что преимущественно это статьи по истории России, исторической теории и вспомогательных дисциплин. В структуре журнала эти публикации редко располагались на первых страницах.

Отдельно можно выделить публикацию научно-фантастических и просто литературных произведений. В журналах публикуются известные авторы – Аркадий и Борис Стругацкие, Станислав Лем, Кир Булычев [9] и др., их рассказы часто продолжают из номера в номер. Как и применительно к раннему постреволюционному периоду, взлет научно-фантастической литературы способствовал распространению и популяризации научных идей в обществе, формированию, «сциентистского дискурса эпохи» [2, с. 337]

Научные, идеологические и исторические юбилеи освящались в журнале достаточно подробно. Тематами публикаций становились как значимые даты – день рождения или день смерти ученого, или юбилейная дата открытия (открытие таблицы периодических элементов), так и значимые идеологические моменты – 25 лет Обществу Знания [5], 50 лет основания СССР [6], 70-летие 2 съезда РСДРП [7]. До 1960 года постоянной была рубрика «Люди русской науки». Позже она перестает быть постоянной и меняется содержательная направленность и посвящается только юбилеям.

Следующим шагом в изучении намеченных нами сюжетов станет соотнесение тематик и степени плотности публикуемого материала с этапами научной политики в СССР и трансформаций статуса ученого.

1. Дергачева, Л. Д. К вопросу об источниковедческом изучении дореволюционной журналистики России / Л. Д. Дергачева // Государство и общество. История, экономика, политика, право. – 2001. – № 1. – С. 94.
2. Долгова, Е. А. Рождение советской науки : ученые в 1920–1930-е гг. / Е. А. Долгова. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 337.
3. Знание-сила : журнал для подростков / учредитель изд-во «Молодая Гвардия». – 1926. – № 9.
4. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1946. – № 1. – С. 40.
5. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1972. – № 4, 6.
6. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1972. – № 3, 8, 9, 10, 11, 12.
7. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1973. – № 7.
8. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1973. – № 8.
9. Знание-сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1973. – №12. Знание – сила : научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. – 1976. – №12. – С. 58–62.
10. Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики. – 2-е изд., исправл. – 2019. – 685 с.
11. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.

Щавлинский Н.Б. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

Истоки белорусской гражданской авиации неразрывно связаны с историей развития воздушного флота СССР. 9 февраля 1923 г. Совет труда и обороны принял постановление об организации при Главном управлении воздушного флота СССР Совета по гражданской авиации, на который были возложены функции руководства и управления всеми сторонами жизнедеятельности зарождающейся крылатой отрасли.

7 ноября 1933 г., в ознаменование 16-й годовщины Октябрьской революции в торжественной обстановке состоялось открытие Минского аэропорта, что явилось началом славной истории белорусской гражданской авиации, насыщенной событиями и трудовыми подвигами.

Яркую страницу в историю гражданской авиации Советской Беларуси вписали белорусские авиаторы в годы Великой Отечественной войны. Среди тех, кто прославил свое имя на фронтах войны, Герои Советского Союза: А.А. Алехнович, Г.А. Таран, В.Г. Горехов, В.А. Орехов, Т.А. Ковалев, Б.А. Лактин, А.К. Новиков; Герои Социалистического Труда: В.С. Ползунов, Т.Ф. Михасенко; Заслуженные пилоты СССР: Д.Г. Глущенко, Е.А. Богданов; Заслуженные работники транспорта БССР: С.В. Валицкий, М.И. Радченко; кавалеры множества орденов и медалей И.Л. Тарасов, А.П. Мамкин, Н.И. Жуков,

А.Е. Неклюдов, Е.Т. Клуссон, А.В. Жога, В.С. Дегтев, В.П. Ламбуцкий, С.Е. Свиридович, М.А. Румянцев, С.В. Валицкий и многие другие.

И в годы мирного развития белорусские авиаторы делали все возможное для роста престижа не только крылатой отрасли, но и Республики. Уже начиная с 1968 г. они ежегодно перевозили свыше одного миллиона пассажиров, десятки тысяч тонн различных грузов и почты. Авиационные специалисты Минского авиаремонтного завода в его огромных ангарах производили ремонт самолетов не только со всех Республик бывшего СССР, но и Болгарии, Венгрии, Польши, Монголии, Вьетнама, Сирии, Ирака, Мадагаскара, Ирана, Афганистана, Албании, Италии и других стран мира.

Несомненно, что история развития гражданской авиации Беларуси, тесно связанная с вышеприведенными событиями, представляет значительный интерес для белорусской исторической науки.

Следует отметить, что основная масса информации по развитию гражданской авиации Советской Беларуси содержится на страницах архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве Минской области. Документы этих архивов позволяют достаточно широко и всесторонне проследить не только историю возрождения гражданской авиации Беларуси в послевоенное время, но и ее развитие в годы мирного строительства.

Например, в фонде Национального архива Республики Беларусь (Фонд 1005, оп. 3, д. 2а) содержатся материалы, касающиеся решений Совета Народных Комиссаров БССР от 2 июня 1944 г. о восстановлении гражданского воздушного флота Советской Беларуси [1, л. 6]. Здесь отмечается, что в ноябре этого же года Совет Народных Комиссаров БССР издал Постановление под №700 «О восстановлении и расширении Минского центрального аэропорта гражданского воздушного флота» [1, л. 7]. В этом же документе сообщается, что одновременно со строительством аэропортов, посадочных площадок в Беларуси, стали создаваться авиаподразделения в Гомеле, Пинске, Мозыре, Могилеве, Бобруйске, Витебске и Минске [1, л. 16–17]. А в документе №3 этого же фонда отмечается, что в 1948 г. в состав Белорусского управления гражданского воздушного флота был включен Калининградский аэропорт «Девау» [1, л. 4]. Кроме того, в данном фонде, в документе №27 содержится информация об организации в 1949 г. в Минске 1-й отдельной учебной авиаэскадрильи, которую возглавил подполковник гражданской авиации Ф.В. Антохин [2, л. 22].

Небольшой по объему материал, но очень важный для анализа структуры Белорусского управления гражданской авиации в 1953 г. содержится в документе № 71 вышеуказанного фонда. На его страницах отмечено, что в указанный период в составе Белорусского управления гражданского воздушного флота находились такие авиаподразделения, как: 104-й смешанный авиационный отряд, базировавшийся в городе Минске, 105-й объединенный авиаотряд, базировавшийся в городе Гомеле, 106-й объединенный авиаотряд, базировавшийся в городе Пинске, 7-й Учебно-тренировочный отряд и 1-ая Отдельная авиаэскадрилья, располагавшиеся в городе Минске, а так же аэропорты: Минск 1-го класса, Гомель и Пинск – 3-го класса, Мозырь, Витебск, Полоцк, Брест, Гродно, Калининград – 4-го класса и четыре неклассифицированные аэропорты – Бобруйск, Могилев, Барановичи и Молодечно [3, л. 64].

В то же время в документе №113 этого фонда содержится сведения о достижениях в 1957 г. коллектива Минского авиапредприятия, который вышел на передовые рубежи во Всесоюзном соревновании, развернутом в честь 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В соответствии с приказом начальника Главного управления гражданского воздушного флота СССР Минское подразделение было награждено денежной премией в сумме 111 тысяч рублей. Двадцать лучших производственников коллектива награждены знаками за безаварийный налет 500 тысяч, одного и двух миллионов километров. А бортмеханик Конохов В.Е. и авиатехник Денисевич А.Ю. 31-го октября 1957 года Указом Президиума Верховного Народного Собрания Кореической Народно-Демократической Республики “за помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР в послевоенный период, награждены корейскими орденами Государственного Знамени 3-й степени” [4, л. 7].

Значительная информация о структурных изменениях в БУГА в 1963 г. имеется в документе 262 фонда 1005. [5, л. 32–33]. В то же время в документе №213 указывается, что часть работников Гомельского авиационного авиаотряда, проводившая весной 1964 г. авиационно-химические работы на полях Каснодарского края, за качественное выполнение работ была награждена Почетными грамотами Белорусского управления гражданской авиации. [6, л. 378–379]. В данном документе также имеются сведения о белорусских авиаторах, которые приходили на помощь другим республикам СССР не только при обработке сельскохозяйственных угодий, но и в самое тяжелое для них время. Например, 26 апреля 1966 года в городе Ташкенте произошло мощное землетрясение, приведшее к большим разрушениям. И среди первых, кто протянул руку помощи узбекскому народу, были и белорусские авиаторы, которые в течение летних месяцев доставляли узбекских детей в Минск на оздоровление, а затем отправляли обратно [6, л. 266–267].

Очень важная информация, касающаяся становления и развития медицинской службы в Белорусском управлении гражданской авиации, хранится на страницах документа №3. Здесь указывается, что в 1963 г. в Минске был создан Совет БУГА, перед которым были поставлены задачи проведения науч-

но-исследовательских работ, усиления санитарно-просветительской работы во всех организациях и подразделениях [7, л. 147]. А в 1965 году, в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР "О государственном санитарном надзоре в СССР" и на основании приказа министра гражданской авиации СССР, во всех управлениях гражданской авиации СССР, в том числе и в Белорусском управлении гражданской авиации, была сформирована санитарно-эпидемиологическая станция [7, л. 142].

Однако наиболее широко в рассматриваемом фонде представлены материалы, отражающие процессы развития гражданской авиации в Советской Беларуси в 1970-1980 гг. Наиболее полная и подробная информация об этой проблеме сосредоточена на страницах таких документов, как: №№ 415, 469а, 485, 581, 589, 638, 665, 670, 746 и др.

Например, в документе 415 указывается, что наибольших успехов за период 1971–1975 гг. добился коллектив Минского объединенного авиаотряда, руководство которым в то время осуществлял Заслуженный пилот СССР Е.А. Богданов. Насчитывая в своих рядах свыше 2800 человек, Минский объединенный авиаотряд являлся крупнейшим авиапредприятием Белорусского управления гражданской авиации, на долю которого в то время приходилось свыше 50 процентов объема авиационных перевозок республики.

По темпам роста авиационных перевозок авиапредприятие вышло на одно из первых мест не только в Белорусском управлении гражданской авиации, но и по Министерству гражданской авиации СССР. Уже в 1967 году в ознаменование 50-й годовщины Октябрьской революции и в связи с успешным выполнением плановых заданий Минскому объединенному авиаотряду было вручено на вечное хранение Почетное Знамя Минского областного комитета партии Белоруссии, областного исполнительного комитета, областного совета профсоюзов. В 1968 году в честь 50-летия образования БССР коллективу Минского авиапредприятия вручили на вечное хранение Почетное Знамя Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии, Президиума Верховного Совета БССР, Совета Министров БССР, и Белорусского совета профсоюзов [8, л. 127–130]. В 1972 г. Минский объединенный авиаотряд трижды выходил победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий Министерства гражданской авиации СССР и пять раз – в социалистическом соревновании среди предприятий Белорусского управления гражданской авиации.

Что же касается развития гражданской авиации Беларуси в годы 10-й пятилетки (1976–1980 г.), то основная информация об этой проблеме содержится на страницах документа №589 [9, л. 1]. Здесь подчеркивается, что за указанный период произошло укрепление материально-технической базы авиапредприятий за счет реконструкции действовавших и строительства новых аэродромов, оборудования аэропортов средствами механизации и автоматизации перевозочных процессов и обслуживания самолетов на земле и в воздухе. Также были сданы в эксплуатацию новые аэропорты в Калининграде (1977 г.), Бресте (1976 г.) и в Витебске (1977 г.). В 1976 г. начато строительство нового комплекса аэропорта в Минске, в 1978 г. – в Гродно, а в 1980 г. произведена реконструкция взлетно-посадочной полосы в аэропорту Гомель для обеспечения эксплуатации самолетов Ту-134А. Всего же за истекший период было построено 46 взлетно-посадочных площадок с искусственными покрытиями, открыто 11 новых воздушных линий союзного и местного значения, а протяженность воздушных трасс доведена до 40 тысяч километров [9, л. 3].

Следует отметить, что некоторые проблемы, касающиеся развития авиаремонтной отрасли гражданской авиации в Советской Беларуси, освещены на страницах документов, хранящихся в фонде № 3805 Государственного архива Минской области. Так, в документе №1 указывается, что с самого начала деятельности Минского авиаремонтного завода № 407 перед его коллективом была поставлена задача «не только производить капитальный ремонт авиационной техники, но и заниматься изготовлением нестандартного технологического оборудования для нужд всех ремонтных баз гражданского воздушного флота СССР» [10, л. 141]. В то же время в документе №10 отражена деятельность коллектива авиапредприятия по обеспечению выполнения производственного плана, безопасности полетов, совершенствованию технологий, внедрению на производстве научно-технического прогресса [11, л. 37].

Значительный по объему материал, касающийся освоения коллективом завода №407 ремонта самолета Ил-14, содержится на страницах документа №19. Кроме того, в документе имеются сведения о тесном сотрудничестве коллектива авиапредприятия с такими предприятиями, как «Минский шарикоподшипниковый завод», «Минский инструментальный завод» и др. [12, л. 11–14].

Таким образом, изучение и использование материалов Национального архива Республики Беларусь, а также Государственного архива Минской области позволяет всесторонне и широко проанализировать многие процессы в развитии гражданской авиации Советской Беларуси.

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1005. Оп.3. Д. 2а.
2. НАРБ. – Ф. 1005. Оп.3. Д. 27.
3. НАРБ. – Ф. 1005. Оп.3. Д. 71.
4. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 3. Д. 113.

5. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 262.
6. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 213.
7. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 3.
8. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 415.
9. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 589.
10. Государственный архив Минской области (далее – ГА Минской области). – Ф. 3805. Оп. 1. Д. 1.
11. ГА Минской области. – Ф. 3805. Оп. 1. Д. 10.
12. ГА Минской области. – Ф. 3805. Оп. 1. Д. 19.

Чепик В.Н.

**ДОКУМЕНТЫ О РОЛИ В. БРАНДТА
В ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ФРГ (1964–1967 ГГ.)**

В научной литературе хорошо изучен период разрядки и деятельности В. Брандта по реализации новой восточной политики в качестве канцлера ФРГ. Однако его роль в подготовке трансформации внешнеполитической доктрины ФРГ в предшествующие годы, когда он стал председателем Социал-демократической партии и занимал должности мэра Западного Берлина, а затем министра иностранных дел в правительстве К. Кизенгера в полном объеме не исследована. Введение в научный оборот документов из личного архива В. Брандта поможет проследить эволюцию взглядов западно-германской элиты на доктрину Хальштейна (расценивавшую дипломатическое признание ГДР со стороны других государств как недружественный по отношению к ФРГ акт) и дополнить контекст формирования новой восточной политики проблемами продвижения европейской интеграции.

Во время визита в США в мае 1964 г. В. Брандт очертил круг основных проблем, с которыми столкнулся Запад при выстраивании отношений со странами Восточной Европы. Они были связаны как с политической интеграцией Европы, так и с разными подходами стран Запада к продвижению европейской идеи за «железный занавес». В. Брандт выступал за то, чтобы Германия также, как и Франция могла взять на себя инициативу в решении германского вопроса и независимо от Великобритании и США вести переговоры с СССР по условиям объединения Германии. Первоочередной задачей, по мнению Брандта, являлось налаживание экономического и культурного сотрудничества как возможности поднятия железного занавеса и «открытия Европы» для граждан восточноевропейских стран, которым не следовало забывать о том, что они европейцы. «Мы должны предложить совместные проекты народам восточной Европы и дать им понять, что мы не боимся, а стремимся приблизить их уровень жизни к нашему. Это также соответствует первоначальной идее плана Маршалла. ... Задача состоит в том, чтобы у нас были все возможные средства, для того чтобы Европа продолжала развиваться вместе», – утверждал в своем выступлении В. Брандт [3]. В том же документе признавалось, что германский вопрос нельзя было решить без СССР, и поэтому нужно было стремиться к устранению разделяющих барьеров и расширению контактов и связей между гражданами. Для продвижения европейской идеи на Восток, Запад нуждался «в твердости своих принципов», в «дерзости и изобретательности в быстро меняющемся мире», поскольку Европа не заканчивалась перед «железным занавесом» [3]. Позже в феврале 1967 г. В. Брандт заявил о том, что экономическое, техническое, научное, культурное и, по возможности, политическое сотрудничество с народами и государствами восточной Европы «является пробным камнем для разрядки в европейской политике» [4].

Принципы восточной торговой политики предстояло сформулировать таким образом, чтобы торговля со странами восточной Европы составляла «справедливую долю в общем объеме внешней торговли Федеративной Республики». Необходимо было исключить необоснованный дисбаланс между экспортом и импортом ЕЭС с восточноевропейскими странами. Более того, В. Брандт предусматривал меры по защите рынка ГДР от «неблагоприятных воздействий, обусловленных различиями в экономических системах» и меры по дальнейшему «смягчению импортной политики в отношении Востока» [4].

Для В. Брандта отношения между Востоком и Западом уже не определялись исключительно как отношения «друг-враг». Начиная с 1964 г., он выступал с идеей преобразования конфликта, которую почерпнул из концепции Кеннеди «стратегия мира», заключающаяся в преобразовании предмета конфликта, но не в разрешении самого конфликта. В. Брандт был убежден, что находившиеся у власти в восточноевропейских странах коммунистические партии и идея коммунистической революции в мировом масштабе не перестали представлять угрозу для Запада. Убеждая своих однопартийцев в необходимости изменения подхода к «восточной политике» В. Брандт доказывал, что настала пора менять отношение к восточноевропейским государствам, которые рассматривались как советский лагерь против Запада. «Давайте не будем выдавать желаемое за действительное и мыслить категориями крайностей. Наша задача – настроить восточноевропейские государства против Советского Союза. Однако наша цель должна заключаться в том, чтобы прийти к этим народам в качестве приемлемого и доброго соседа. Мы должны сделать так, чтобы другие народы чувствовали себя лег-

ко и комфортно не только как граждане собственной страны, но и как европейцы» [5]. Цель политики, которая соответствовала бы национальным интересам ФРГ, заключалась в том, чтобы «гарантировать свободу, сохранить мир и решить германский вопрос политическими средствами» [5].

Документы иллюстрируют и изменение взглядов В. Брандта по вопросам обеспечения безопасности. Так, если летом 1966 г. он поддерживал концепцию европейской безопасности на внеблоковой основе, которая должна была «охватить страны НАТО и Варшавского договора и выйти за рамки обоих блоков» [6], то уже через год в одном из своих интервью пресс-службе социал-демократической партии В. Брандт высказался за то, чтобы постепенно «заменить НАТО и Варшавский договор чем-то новым, но при сохранении прежнего уровня безопасности» [2].

В документах раскрывается несогласие В. Брандта с политикой Франции в отношении США и НАТО. Брандт назвал ее ошибочной не только потому, что она «неоправданно жесткая», но и потому, что «вес Франции никогда не будет достаточным (как у США), чтобы оказать влияние на Советский Союз». Как следствие, несмотря на то что восточная политика Ш. де Голля все еще представляла некоторый интерес для Германии, отношения с «самым важным соседом» ФРГ охладели до такой степени, что превратили договор о дружбе 1963 г. «в пустую и уже не используемую оболочку» [6].

В восточной политике Германия, по мнению В. Брандта, могла надеяться на поддержку европейцев и в первую очередь лейбористского правительства Великобритании, с которым, несмотря на прежнюю критику, установились хорошие отношения. Кроме лидера британских лейбористов Г. Вильсона, В. Брандт также рассчитывал на поддержку министров иностранных дел социал-демократов из Скандинавских стран, на «великого человека во главе Итальянской Республики, социал-демократа Дж. Саргата, одного из самых верных друзей Германии», поскольку он в конце 1965 г. «не где-нибудь в Польше, а в самом Освенциме заявил: “Это сделал не немецкий народ”» [6]. При этом целью европейской политики ФРГ провозглашалась «немецкая ответственность (совместно с западными союзниками) за всю Европу» [8]. Из этого вытекало и главная задача для немцев, заключавшаяся в том, чтобы трансформировать и усилить европейскую политику за счет отказа от антисоветской составляющей [8].

В 1967 г. В. Брандт полагал, что «холодная война, понимаемая как противостояние двух сверхдержав, была уже позади». Объединение же Европы должно было осуществляться «не против кого-то, а на благо народов Европы и их конструктивной роли в мире» [8]. Советскому Союзу и другим странам Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) также рекомендовалось реалистично оценивать Европейские сообщества. Нельзя было игнорировать значительный экономический потенциал стран Общего рынка, равно также, как и экономические возможности стран СЭВ несмотря на различия политических систем. Сотрудничество на общеевропейской основе отвечало потребностям высокоразвитых стран Европы, для которых восточноевропейские государства в первую очередь являлись потребителями, потенциальным рынком сбыта и только потом конкурентами. По убеждению В. Брандта, страны восточной Европы не могли игнорировать этого закона экономического развития. К тому же модель примирения и сотрудничества к которой призывал В. Брандт была уже опробована и реализована в Западной Европе в рамках франко-германского союза и Общего рынка в целом [8].

Целью немецкой политики в Европе также являлось закрепление «прочного и справедливого мирного порядка для всей Европы». Под мирным порядком В. Брандт подразумевал устранение причин напряженности и раскола Европы, в первую очередь разделения Германии. В качестве первоочередных задач предлагалось заключить взаимные договоренности по отказу от применения силы, угрозы применения силы, вмешательства во внутренние дела других государств. Любое общеевропейское урегулирование должно было основываться на признании различий политических, экономических и социальных систем государств-участников. Необходимо было уважать право каждого государства свободно определять свой собственный политический, экономический, социальный и культурный порядок. А межправительственные отношения должны были соответствовать принципам, изложенным в Уставе ООН. «Было бы хорошо, если бы мы приблизились к праву на свободное передвижение и свободу информации в Европе в целом», – заявлял В. Брандт [8]. Но сначала важно было создать «атмосферу доверия» или обстановку, в которой в можно было решить основные политические вопросы.

По словам Брандта, правительству ФРГ при поддержке ее союзников удалось уже в 1967 г. создать такую международную атмосферу, в которой «никто заслуживавший доверия не скажет, что ФРГ является возмутителем спокойствия или препятствием на пути разрядки». Произошло реальное изменение климата. «Обвинения в том, что федеральное правительство готовит агрессию, что оно является империалистическим, что оно ставит под угрозу мир, все еще имели место, но их эффективность была сведена к нулю» [7]. Никакая пропаганда не могла отрицать тот факт, что ФРГ была готова нормализовать отношения со всеми государствами восточной и юго-восточной Европы, развивать и улучшать отношения с Советским Союзом, обсуждать проблему разделенных народов не исключая Германии. Особенно важным являлось то, чтобы Бундестаг продолжил поддерживать эту политику с большим единодушием.

В тоже время прогресс в отношениях между двумя частями Германии, а в более широком контексте между Востоком и Западом, мог быть достигнут только в том случае, если возможным соглашениям в сфере общих интересов не будут препятствовать невыполнимые предварительные условия. В частности, вопрос о признании ГДР в соответствии с международным правом, на котором настаивал СССР и о котором, по заявлению В. Брандта в октябре 1967 г. «не могло быть и речи» [7]. Для ФРГ этот вопрос не являлся предметом переговоров и дискуссий. Однако в декабре 1967 г. под влиянием союзников по НАТО и в первую очередь Великобритании позиция правительства ФРГ по вопросу отказа от доктрины Хальштейна и признания ГДР странами «у которых никогда не было самостоятельного выбора по поводу установления дипломатических отношений с ГДР» кардинально изменится [1, с. 102].

1. Чепик, В. Н. От национальных государств к единой Европе. Проблема западноевропейской интеграции во внешней политике Великобритании: военно-политический аспект (1961–1975) / В. Н. Чепик, В. Н. Борисенко. – СПб.: РХГА, 2016. – 160 с.
2. Interview mit Willy Brandt über die europäische Friedensordnung [Electronic resource] : Sozialdemokratischer Pressedienst. 14.07.1967 (P/XXII/132). Bonn // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/interview_mit_willy_brandt_uber_die_europaische_friedensordnung_in_sozialdemokratischer_pressedienst_14_juli_1967-de-b7c32810-822e-49f5-93f1-7ad03528743d.html. – Date of access: 28.10.2021.
3. Rede von Willy Brandt vor der Foreign Policy Association [Electronic resource] : New York, 15. Mai 1964 // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_vor_der_foreign_policy_association_new_york_15_mai_1964de-7b38bb65-5b5c-4f59-abd1-b81e507cfd2.html. – Date of access: 28.10.2021.
4. Rede von Willy Brandt vor dem Bundestag über die Vollendung der Europäischen Gemeinschaften [Electronic resource] : Bonn, 22. Februar 1967 // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_vor_dem_bundestag_uber_die_vollendung_der_europaischen_gemeinschaften_bonn_22_februar_1967-de-2ef69dde-8c84-459c-8ed8-a960b0d03b18.html. – Date of access: 28.10.2021.
5. Rede von Willy Brandt über Gemeinschaftsideale und nationale Interessen in der deutschen Außenpolitik [Electronic resource] : Bad Godesberg, 11 Juni 1964 // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_uber_gemeinschaftsideale_und_nationale_interessen_in_der_deutschen_aussenpolitik_bad_godesberg_11_juni_1964-de-0b2f2bef-a204-4544-8a65-5a7a3ad2afcd.html. – Date of access: 28.10.2021.
6. Rede von Willy Brandt über die Lage der Nation [Electronic resource] : Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 1. bis 5. Juni 1966 in Dortmund. Bonn // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_uber_die_lage_der_nation_dortmund_1_5_juni_1966-dece6ebf1-6954-48c5-940c-66bf4f60467e.html. – Date of access: 28.10.2021.
7. Rede von Willy Brandt vor dem Bundestag über die Europapolitik [Electronic resource] : Bonn, 13. Oktober 1967 // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_vor_dem_bundestag_uber_die_europapolitik_bonn_13_oktober_1967de-4e3059a6-1577-46b5-87ce-b4e5a1135fc8.html. – Date of access: 28.10.2021.
8. Vortrag von Willy Brandt auf der Jahrestagung des Kuratoriums der Friedrich EbertStiftung in Düsseldorf (30. November 1967) [Electronic resource] : Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 01.12.1967 (139). Bonn // CVCE.eu. – Mode of access: http://www.cvce.eu/obj/rede_von_willy_brandt_uber_die_verantwortung_der_deutschen_gegenuber_europa_dusseldorf_30_november_1967-de-d7e36a61-2a9f-4f4a-be01-4d1d88b39fc5.html. – Date of access: 28.10.2021.

Пушкін І.А.

ЗАМЕЖНЫЯ СПЕЦЫЯЛІСТЫ НА ПРАМЫСЛОВЫХ ПРАДПРЫЕМСТВАХ МАГІЛЁЎШЧЫНЫ Ў 1970–1980 ГГ. (ПАВОДЛЕ ДАКУМЕНТАЛЬНЫХ КРЫНІЦ)

У беларускай савецкай [1; 2] і сучаснай гістарыяграфіі [3; 4; 7; 8; 10], у кантэксце пашырэння эканамічных, грамадска-палітычных і культурных сувязей БССР з рэспублікамі СССР і замежнымі краінамі, адзначана, што на прадпрыемствах рэспублікі выкарыстоўваўся тэхналагічны вопыт і абсталяванне краін Заходняй Еўропы, а таксама сацыялістычных дзяржаў, якія аб'ядноўваліся ў рамках Савета Эканамічнай Узаемадапамогі. У некаторых навуковых публікацыях даследавалася роля замежных спецыялістаў пры фарміраванні прамысловага патэнцыяла ўсходнебеларускіх рэгіёнаў [9].

Дзейнасць замежных спецыялістаў на прамысловых прадпрыемствах Магілёўшчыны і іх успрыняцце савецкай рэчаіснасці дазваляюць раскрыць паведамленні і запіскі Упраўлення Камітэта дзяржаўнай бяспекі (КДБ) па Магілёўскай вобласці аб эфектыўнасці выкарыстання замежных спецыялістаў. Дадзеныя дакументы накіроўваліся на імя першага сакратара абласнога камітэта КПБ і сёння захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці [5; 6].

На працягу 1970–1980-х гг. у адпаведнасці з падпісанымі кантрактамі на шэрагу прадпрыемстваў БССР шэфмантажныя (выкананне работ па мантажы, падключэнню і наладцы абсталявання персаналам заказчыка пад кіраўніцтвам персаналу пастаўшчыка) і пусканаладачныя работы ажыццяўлялі замежныя спецыялісты з ГДР, ФРГ, Англіі, Галандыі, Японіі, Італіі, Югаславіі і іншых краін. На Магілёўскім ВА “Хімвалакно” і ВА “Бабруйскшына” у мантажы і пуску асобных вытворчасцей, прымалі ўдзел прадстаўнікі фірмаў ФРГ “Хэхст”, “Круп-Коперс”, “Фр. Удэ” і “Бюлер-Міаг”, японскай “Міцуі-Торэ”, англійскай “Сайман-Карлз”, італьянскіх “Фата” і “Пірэллі”. Мантаж і наладку імпартнага абсталявання на камбінаце шаўковых тканін (КШТ) рабілі спецыялісты галандскіх фірмаў “Шторк” і “Сайтэк”, японскай “Вакаяма-Тэко”, заходнегерманскіх “Хэхст” і “Унан Матэк”. Так, на шэфмантажных работах штапельнай вытворчасці бесперапынным спосабам Магілёўскага камбіната сінтэтыч-

нага валакна імя Леніна з чэрвеня 1972 г. знаходзілася 20 спецыялістаў ГДР фірмы “Інвест-Экспарт”, з іх 8 з жонкамі і дзецьмі. На заводзе “Электрарухавік” у мантажы аўтаматычнай лініі прымалі ўдзел 4 спецыялісты з ГДР [5, арк. 20]; у 1981–1982 гг. на МВА “Хімвалакно” з дапамогай замежных фірмаў ажыццяўляліся шэфмантажныя і пуска-наладачныя працы на трох вытворчасцях: атрыманне дэметылтэрэфталата-4 (фірма “Круп-Коперс”, ФРГ), поліэтылентэрэфталату (фірмы “Фр. Удэ” і “Хэхст”, ФРГ), поліэфірных тэкстыльных нітак (фірма “Міцуй-Торэ”, Японія). У 1979 г. знешнегандлёвае аб’яднанне (ЗГА) “Тэхмашімпарт” падпісала кантракт з японскімі фірмамі “Макаява”, “Міцубісі” і “Тае Рабер” аб будаўніцтве ў г. Бабруйску завода звышбуйнагабарытных шын. Штогод колькасць шэфмантажнікаў з ФРГ і Японіі склала ў сярэднім 120 чалавек [6, арк. 34, 44].

У 1975–1980 гг. у Магілёўскай вобласці працавала звыш 700 замежных спецыялістаў з 26 фірмаў 10 капіталістычных краін тэрмінам ад некалькіх дзён да 2–3 гадоў. Замежныя спецыялісты, у сваёй большасці, валодалі дастатковай кваліфікацыяй і ведамі па ўсталёўцы і наладцы абсталявання, але і былі асобы з нізкім узроўнем прафесійнай падрыхтоўкі. Пад час правядзення работ былі выяўлены і задакументаваны факты парушэнняў тэхнічных умоў і якасці ўстаноўкі імпартнага абсталявання з боку шэфмантажнікаў.

Толькі за памылкі пры мантажы абсталявання на вытворчасцях “Дэметылтэрэфталата-4” і “Штапель-3” (ВА “Хімвалакно”) фірмы “Круп” і “Фр. Удэ” выдаткавалі 300 тыс. заходнегерманскіх марак. Прычынай названых недахопаў, нароўні са слабай кваліфікацыяй замежных спецыялістаў, з’яўляліся недакладнасці ў праектнай дакументацыі. Упраўленнем КДБ па Магілёўскай вобласці было ўстаноўлена, што з боку заходніх фірмаў “Круп-Коперс”, “Хэхст-Удэ”, “Бюлер-Міаг”, “Шторк” мелі месца выпадкі паставак на ВА “Хімвалакно”, “Бабруйшына” і КШТ дэфектнага і маральна састарэлага абсталявання і тэхналогій. Эксплуатацыя і ўжыванне іх была эканамічна не выгадныя, прыводзіла да забруджвання навакольнага асяроддзя. Для ліквідацыі дэфектаў, заходнія фірмы дадаткова паставілі за свой кошт імпартнае абсталяванне і запчасткі на суму амаль 2,5 млн. марак ФРГ [9, с. 81].

У пэўных выпадках адбывалася зацягванне тэрмінаў здачы ў эксплуатацыю вытворчых магутнасцей. Замежныя спецыялісты абгрунтоўвалі гэта неабходнасцю замены дэфектных вузлоў і пастаўкі запчастак, якія выйшлі са строю падчас мантажу, правядзеннем дадатковых выпрабаванняў абсталявання. Прычым гэта супадала па часе з перыядамі ўскладнення міжнароднай абстаноўкі. Так, для асвятлення пульты аўтаматызаванага гумазмешвання, электронныя блокі пастаўляліся кансорцыюму “Дэкорфа” амерыканскай фірмай “Дыжыталь”. Мантаж не пачынаўся ў сувязі з тым, што амерыканцы не дазволілі прадстаўнікам “Дэкорфы” ўсталяваць кампутар, матывуючы забарону падзеямі ў Афганістане. У той жа час з савецкага боку парушаліся тэрміны гатоўнасці будаўнічых пляцовак на 8–10 месяцаў [6, арк. 37]. Гэта давала падставу кіраўніцтву замежных фірмаў затрымліваць мантаж, здымаць гарантыйныя абавязацельствы.

Адсутнасць або недахоп складскіх памяшканняў на прадпрыемствах, прыводзілі да таго, што значная частка абсталявання доўгі час захоўвалася на адкрытых пляцоўках. Там абсталяванне прыходзіла ў непрыдатнасць. У 1980 г. на адкрытых пляцоўках ВА “Хімвалакно” захоўвалася імпартнае абсталяванне фірмы “Удэ” на агульную суму 175 млн. 500 тыс. марак ФРГ. Парушаліся ўмовы захоўвання згодна маркіроўкі і ўпакоўкі, дапушчалася змешванне абсталявання, якое прыбыло па розных кантрактах, не вёўся належны ўлік. Месцы складзіравання практычна не ахоўваліся. У выніку былі шматлікія выпадкі крадзяжоў, асабліва электроннай апаратуры. Так, на ВА “Бабруйскшына” у 1979 г. былі разукамплектаваны і скрадзены электронныя блокі трох кампутараў на агульную суму звыш 500 тыс. руб. [6, арк. 37, 38]

Пад час знаходжання ў БССР асобныя замежныя спецыялісты ўсхвалялі лад жыцця за мяжой, былі выпадкі распаўсюджвання парнаграфічнай і рэлігійнай літаратуры сярод моладзі. Паводле інфармацыі КДБ: “Большую частку вольнага ад працы часу спецыялісты ГДР праводзяць у рэстаранах, дзе захапляюцца спіртнымі напоямі, а таксама жанчынамі лёгкіх паводзінаў” [5, арк. 22]. Некаторыя спрабавалі збіраць інфармацыю разведвальнага характару. Адзначаліся факты засылання ў кантэйнерах з імпартным абсталяваннем ідэалагічна шкоднай літаратуры, правозу кантрабандных тавараў. За варожыя і правакацыйныя дзеянні, хуліганскія учынкi датэрмінова адкамандзіравалі з СССР 11 замежных спецыялістаў, якія працавалі ў Магілёўскай вобласці [6, арк. 39, 43].

Рэспубліканскія і рэгіянальныя ўлады, адміністрацыя прадпрыемстваў імкнуліся стварыць для замежных спецыялістаў належныя культурна-бытавыя ўмовы, арганізоўвалі паездкі ў Маскву, Ленінград, Мінск, Кіеў, наведванне святочных дэманстрацый, школ, дзіцячых устаноў, лепшых калгасаў. У Магілёве для замежнікаў у цэнтры горада была пабудавана гасцініца з басейнам. У той жа час былі праблемы з забеспячэннем транспартам, прадуктамі харчавання.

Выказванні нямецкіх спецыялістаў з ГДР, зафіксаваныя органамі КДБ, дазваляюць нам пазнаёміцца з тым як яны ўспрымалі савецкую рэчаіснасць. Непрыемнае ўражанне на замежнікаў зрабілі бруд і захламлэнасць працоўных пляцовак, месцаў захоўвання абсталявання, шматлікія спазненні беларускіх працаўнікоў на працу, працяглыя перакуры. Працаваўшыя на “Электрарухавіку” зрабілі

выснову, што “падрыхтоўка савецкіх спецыялістаў не адпавядае патрабаванням, умовы працы дрэнныя”. Адзначаліся частыя выпадкі крадзяжоў мясцовымі работнікамі ў замежных спецыялістаў некаторых дэталей кантрольна-вымяральных прыбораў, інструмента, насільных рэчаў, нават канцылярскіх прыналежнасцей. Да таго ж: “ва ўсіх прадуктовых крамах, нават агароднінных, уладкована сігналацыя”, “у крамах самаабслугоўвання падвойны кантроль – у касы і на выхадзе, гэта ж абраз, няма даверу да людзей” адсюль высновы: “значыцца ў гэтым ёсць неабходнасць” і “Магілёў – сталіца крадзяжоў” [5, арк. 20адв., 21].

Параўноўваліся ўмовы жыцця савецкага Магілёва і гарадоў усходняй Германіі, дзе таксама будаваліся сацыялістычны лад: “Умовы жыцця цяжкія. Купіць няма чаго, нават зараз улетку мала гародніны і садавіны”, “харчовыя крамы выглядаюць найгоршым чынам, ёсць толькі асобныя прадукты як хлеб, тлушч, маргарын, гарэлка і чыста рускай нацыянальнай вытворчасці – крупы, кашы. Такія прадукты як каўбаса, яйкі, масла, гародніна, узвары бываюць вельмі рэдка і ў такія дні дзяжурцы міліцыя. У праматарных крамах лепш, але на ўзроўні як у нас [у ГДР] у 1945 г. Ва ўсякім разе, гэтай краінай я расчараваны”. Замежнікаў ураджаў не высокі ўзровень культуры савецкага гандлю: “За ўвесь час нашага знаходжання ў Магілёве, ніводная прадаўшчыца не звярнулася да нас са словамі “дзякуй”, “калі ласка”. У крамах няма аборткавай паперы, газеты выкарыстоўваюць для пакавання тавараў” [5, арк. 21, 21адв.]. Безумоўна, у выказваннях адчувалася пэўная тэндэцыйнасць. Але сапраўды ў савецкі час была нізкая якасць абслугоўвання, у магазінах адсутнічалі некаторыя прадукты.

У выніку аператыўных дзеянняў Упраўленнем КДБ па Магілёўскай вобласці ад прадстаўнікоў фірмаў з ФРГ і Галандыі была атрымана каштоўная навукова-тэхнічная інфармацыя, якая па заключэнню аўтарытэтных спецыялістаў уяўляла цікавасць не толькі для прадпрыемстваў Магілёўскай вобласці, але і для савецкай прамысловасці ў цэлым. Здабытыя матэрыялы былі перададзеныя для рэалізацыі на прадпрыемствах СССР і БССР [9, с. 82].

Такім чынам, інфармацыя супрацоўнікаў КДБ дазваляе сцвярджаць, што стварэнне ва ўсходніх рэгіёнах БССР буйнога прамысловага комплексу адбывалася з выкарыстаннем тэхналагічнага вопыту вядучых краін свету і імпартнага абсталявання, якое на той час з’яўлялася інавацыйным для айчынай вытворчасці. Сумесная праца з замежнымі спецыялістамі дазволіла беларускім рабочым і інжынера-тэхнічным работнікам глыбей пазнаёміцца з перадавымі тэхналогіямі, павысіць сваю кваліфікацыю, умацаваць кадравы патэнцыял Савецкай Беларусі. У выніку шэраг прамысловых прадпрыемстваў выйшлі на ўзровень, які адпавядаў тагачасным дасягненням навукі і тэхнікі і занялі вядучыя пазіцыі ў эканоміцы рэспублікі, а таксама СССР і Еўропы. На эфектыўнасць выкарыстання імпартнага абсталявання і замежных спецыялістаў уплывала не толькі эканамічная кан’юнктура, але і знешнепалітычныя фактары, а таксама наяўнасць вялікай колькасці непаладак і недахопаў, характэрных для савецкага перыяду айчынай гісторыі.

1. Войтович, С. Д. БССР в экономических отношениях СССР с зарубежными странами (1945–1987) / С. Д. Войтович. – Минск : Наука и техника, 1989. – 184 с.
2. Воробей, Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50–70-е годы) / Н. С. Воробей. – Минск : Наука и техника, 1981. – 248 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск : Современная школа, Эксперспектива, 2011. – 728 с.
4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. – Кн. 2 / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 654 с.
5. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб’яднанняў Магілёўскай вобласці (далей – ДАГАМаг). – Ф. 9. Воп. 151. Спр. 58.
6. ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 165. Спр. 73.
7. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2-х ч. – Ч. 2 / А. П. Касцюк [і інш.] ; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – 560 с.
8. Несцяровіч, М. Эканамічнае становішча Беларусі (1970–я – першая палова 1980-х гг.) / М. Несцяровіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Бел. навука, 2014. – Вып. 29. – С. 201–208.
9. Пушкін, І. А. Кадравы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манагр. / І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў : БДУТ, 2022. – 302 с.
10. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. – Минск : БГУ, 2000. – 285 с.

Карпекін К.Р.

БІБЛІЯТЭКІ КУЛЬТАВЫХ БУДЫНКАЎ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў ПАЧАТКУ 1980-Х ГГ.

У 1982 г. супрацоўнікі Дзяржаўнага мастацкага музея БССР ажыццявілі экспедыцыю па культурных будынках, мэтай якой было выяўленне аб’ектаў культурнай вартасці, што знаходзіліся ў карыстанні рэлігійных абшчын. Апісанню і фотафіксацыі падлягалі розныя катэгорыі богаслужбовых прадметаў (абразы, крыжы, званы, святарская вопратка), у тым ліку і кнігі. На тэрыторыі Віцебшчыны навукоўцы наведалі 66 малітоўняў, сярод якіх – 41 праваслаўную царкву, 11 каталіцкіх касцёлаў і 14 стараабрадніцкіх малітоўных дамоў. Паколькі вопісы значных гісторыка-культурных

аб'ектаў утрымліваюць звесткі пра колькасць кніг, іх назвы, час і месца выдання, гэта дазваляе не толькі прааналізаваць стан бібліятэк рэлігійных абшчын пасля такіх значных сацыяльных катаклізмаў, як войны і працяглы перыяд савецкай антырэлігійнай палітыкі, але і атрымаць звесткі для выяўлення далейшага лёсу тых ці іншых старадрукаў.

Па выніках згаданага вышэй абследавання аказалася, што найбольш тыповымі з'яўляліся праваслаўныя цэрквы, якія мелі бібліятэкі з 20–49 тамоў богаслужбовых кніг (гл. табліцу). Увогуле ж, самыя багатыя зборы мелі Георгіеўская царква ў в. Сітца Докшыцкага раёна (81 асобнік) [3, арк. 3], а таксама Казанская царква ў г. Віцебску (78 тамоў) [1, арк. 5–9]. Бібліятэкі каталіцкіх касцёлаў даследуемага рэгіёна мелі значна больш сціплыя памеры: агульная колькасць кніг у кожнай з іх не перавышала 30. Палову складалі зборы да 10 кніг, і нават меўся адзін касцёл, у якім не было выяўлена ніводнай богаслужбовай кнігі (верагодна, вернікі прыносілі іх на набажэнствы з сабой). Што да бібліятэк стараабрадніцкіх храмаў, то паводле сваіх памераў яны займалі прамежкавае становішча паміж праваслаўнымі і каталіцкімі. Самымі распаўсюджанымі з'яўляліся стараабрадніцкія бібліятэкі з 10–19 кніг. Як правіла, колькасць выданняў, захоўваемых у храмах гэтай канфесіі, не перавышала 49, але мелася і адно выключэнне: у стараабрадніцкай малітоўні, якая размяшчалася ў Чыгуначным раёне г. Віцебска, налічвалася 78 разнастайных выданняў [13, арк. 8–10].

Табліца – Памеры бібліятэк культавых будынкаў Віцебскай вобласці, 1982 г.

Колькасць кніг	Лік праваслаўных цэркваў з указанай колькасцю кніг		Лік каталіцкіх касцёлаў з указанай колькасцю кніг		Лік стараабрадніцкіх малітоўных дамоў з указанай колькасцю кніг	
	абсалютны лік	%	абсалютны лік	%	абсалютны лік	%
0	0	0	1	9,1	1	7,1
1–9	1	2,4	6	54,5	2	14,3
10–19	5	12,2	3	27,3	5	35,8
20–29	10	24,4	1	9,1	2	14,3
30–39	9	22	0	0	2	14,3
40–49	8	19,6	0	0	1	7,1
50–59	3	7,3	0	0	0	0
60–69	1	2,4	0	0	0	0
70–79	3	7,3	0	0	1	7,1
80 і больш	1	2,4	0	0	0	0

На прыкладзе віцебскай Казанскай царквы бачна, што ў царкоўных бібліятэках магло захоўвацца да 15 відаў разнастайных друкаваных выданняў, якія выкарыстоўваліся ў набажэнствах. У прыватнасці, значную долю сярод іх займалі “Мінеі” (каля 30% ад агульнага ліку), “Служэбнікі” (каля 14%), “Евангеллі” (у тым ліку напастольныя) (каля 13%), нотныя зборнікі (каля 10%). У меншай ступені былі распаўсюджаны “Трыёдзі”, “Актоіхі”, “Псалтыры”, “Трэбнікі”, “Абіходы”, “Апосталы”, “Часасловы”, “Ірмалагіёны” і інш. (доля кожнага з пералічаных відаў звычайна не перавышала 7%).

Паводле часу выдання самымі распаўсюджанымі з'яўляліся кнігі, якія выйшлі ў свет у XIX ст. (больш за 50%). Дастаткова шмат мелася ў праваслаўных цэрквах і выданняў пачатку XX ст., а таксама 1950-х – 1970-х гг. (кожная група – прыкладна па 20%). Акрамя таго ў царкоўных бібліятэках Віцебшчыны захоўваліся богаслужбовыя кнігі XVIII ст. і 1920-х – 1930-х гг., але яны з'яўляліся рэдкімі (каля 3% і 5% адпаведна). З прыведзеных звестак вынікае, што аснову царкоўных бібліятэк складалі кнігі, выдадзеныя ў перыяд існавання Расійскай імперыі, калі праваслаўе з'яўлялася пануючай рэлігіяй. Гэтыя кнігі, як і выданні больш ранняга часу, не былі страчаны ў перыяд савецкай антырэлігійнай палітыкі. Больш за тое, у пасляваенны час праваслаўныя абшчыны мелі магчымасць дастаткова актыўна папаўняць свае бібліятэкі тымі ці іншымі богаслужбовымі кнігамі.

Самыя раннія царкоўныя выданні, выяўленыя ў праваслаўных храмах Віцебскай вобласці, датваліся канцом XVII ст. У прыватнасці, ва Успенскай царкве г. Браслава захоўваліся “Мінеі” на студзень і ліпень 1691 г. [9, арк. 7] (гл. іл. 1).

Кнігі XVIII ст. меліся ў бібліятэках не менш як 10 праваслаўных цэркваў рэгіёна, іншымі словамі, у 25% храмаў. Напрыклад, у царкве Божай Маці Адзігітрыі г.п. Дзісна Мёрскага раёна захоўваліся напастольныя “Евангеллі” 1703 г. і 1791 г., а таксама “Пяцідзсятніца” 1777 г. [2, арк. 4] (гл. іл. 2), у Ільінскай царкве г. Оршы – “Мінеі” на 1754, 1771, 1788 гг. [5, арк. 6–7], у Праабражэнскай царкве г. Чашнікі – “Мінея” на люты 1724 г. [6, арк. арк. 3], у Праабражэнскай царкве ў в. Смальяны Аршанскага раёна – “Новы Запавет” 1798 г. [7, арк. 3] і інш.

Варта адзначыць, што ў 1982 г. у некаторых праваслаўных цэрквах былі выяўлены і стараабрадніцкія выданні (такія выпадкі з’яўляліся адзінкавымі). Так, у Ільінскай царкве г.п. Бешанковічы захаваўся “Абіходнік” XIX ст. [4, арк. 4], а ў Спаса-Праабражэнскім храме в. Копысь Аршанскага раёна – стараабрадніцкі “Каноннік”, які таксама датаваўся XIX ст. [8, арк. 3].

У сувязі з тым, што ў вопісах аб’ектаў, выяўленых у культавых будынках, не заўсёды пазначана месца выдання, не ўяўляецца магчымым ажыццявіць поўны аналіз. Тым не менш, нават па прыкладных дадзеных бачна, што значную долю складала прадукцыя маскоўскіх выдавецтваў (не менш за 60%). Асобныя кнігі траплялі ў цэрквы віцебскага рэгіёна з Санкт-Пецярбурга, Кіева (у прыватнасці – з Кіева-Пячэрскай лаўры), Пінска, Варшавы, Вены і інш. [1, арк. 5–9].

Што тычыцца бібліятэк каталіцкіх касцёлаў, то каля 60% ад агульнай колькасці складалі “Мшалы”, адносна шматлікімі з’яўляліся “Rituale Romanum” (да 10%). Астатнія ж выданні (Біблія, канцыяналы і інш.) ў асноўным уяўлялі сабой адзінкавыя экзэмпляры, якія былі прадстаўлены далёка не ў кожным культавым будынку, таму немагчыма казаць пра пэўны тыповы склад бібліятэкі каталіцкага касцёла ў гэты перыяд.

Паводле храналагічнай прыкметы кнігі касцёльных бібліятэк размяркоўваліся наступным чынам: прыкладна аднолькавыя долі складалі асобнікі, выдадзеныя ў XIX ст., 1920-я – 1930-я гг. і 1950-я – 1970-я гг. (кожная група – ад 30% да 33%). Нязначна саступалі ім па колькасці выданні пачатку XX ст., якія займалі каля 20% ад агульнага ліку. Нарэшце, як і ў праваслаўных цэрквах, кнігі XVIII ст. з’яўляліся дастаткова рэдкімі (да 2%).

Кнігі, захоўваемыя ў бібліятэках касцёлаў, як правіла, пабачылі свет у заходнееўрапейскіх і прыбалтыйскіх друкарнях. Так, каля 30% выданняў былі прывезены з г. Катавіцэ, 25% – з г. Рэгенсбурга, 20% – з г. Парыжа, 15% – з г. Вільнюса. Таксама меліся кнігі, выдадзеныя ў г. Рыме, г. Познані і інш., але яны былі не асабліва распаўсюджанымі [10, арк. 3; 11, арк. 3–4].

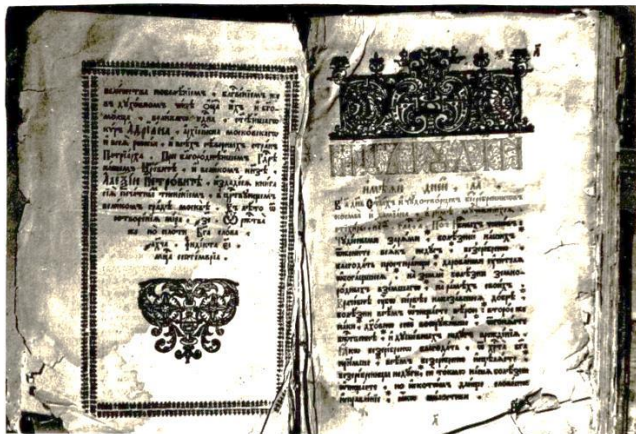
У зборах стараабрадніцкіх малітоўных дамоў Віцебшчыны налічвалася каля 30 відаў разнастайных выданняў. Самым шматлікім з іх, як дарэчы, і ў праваслаўных цэрквах, з’яўляліся “Мінеі” (іх доля сярод агульнага ліку дасягала амаль 30%). Колькасць астатніх відаў кніг у параўнанні з “Мінеямі” была значна меншай. У прыватнасці, на “Ірмалагіёны” прыходзілася 12% складу стараабрадніцкіх бібліятэк, на “Евангеллі” – каля 10%, на “Часасловы” – амаль 7%, на “Трыёдзі” – 6%, на “Актоіхі”, “Апосталы”, “Шастадневы”, “Псалтыры” і “Пралогі” – па 3–5%. Дастаткова рэдкімі з’яўляліся такія богаслужбовыя кнігі, як “Кормчая”, “Літургіён”, “Каноннік”, “Златавуст” і інш.

Бібліятэкі стараабрадніцкіх храмаў амаль цалкам складаліся з выданняў XIX – пачатку XX ст. (калі дакладней, то кнігі XIX ст. займалі 43%, кнігі пачатку XX ст. – 46% ад агульнага ліку). У адрозненне ад бібліятэк праваслаўных цэркваў і каталіцкіх касцёлаў доля кніг, выдадзеных да XIX ст., была значна вышэйшай. Больш за тое, у некаторых стараабрадніцкіх малітоўнях захоўваліся старадрукі не толькі XVIII ст., але таксама і XVI – XVII стст. У прыватнасці, на долю кніг XVI ст. прыходзілася ў сярэднім 0,6% складу бібліятэк (гл. іл. 3), XVII ст. – 5,9%, XVIII ст. – 3,7%. Крайне нешматлікімі былі і богаслужбовыя кнігі 1920-х гг. (0,6% складу), а больш позніх выданняў у малітоўных дамах не ўтрымлівалася зусім.

Паводле часу выдання, найбольш прыкметнымі з’яўляюцца “Мінея агульная” на 1627 г. і “Мінея” на сакавік 1646 г. са стараабрадніцкай царквы ў в. Ніўнікі Мёрскага раёна [17, арк. 3], “Евангелле” 1638 г. з царквы ў в. Відзы Браслаўскага раёна [13, арк. 1 адв.], “Псалтыр” 1641 г. з царквы ў в. Мінкавічы Браслаўскага раёна [16, арк. 2], “Мінеі” на студзень 1644 г. і жнівень 1646 г. з царквы г. Віцебска [14, арк. 10].

Калі геаграфія выданняў праваслаўных і каталіцкіх богаслужбовых кніг была дастаткова разнастайнай, то стараабрадніцкія абшчыны карысталіся амаль выключна прадукцыяй, падрыхтаванай у маскоўскіх друкарнях (больш за 90%) (гл. іл. 4). Толькі адзінкавыя экзэмпляры былі адрэкаваны ў г. Гродна, г. Вільні, г. Кіеве, а таксама ў Куцеінскім, Пачаеўскім і Супрасльскім манастырах.

Такім чынам, паводле стану на пачатак 1980-х гг. бібліятэкі культавых будынкаў Віцебшчыны адрозніваліся паміж сабой, што з’яўлялася вынікам іх канфесійнай прыналежнасці. Па шматлікасці ў дадзены перыяд найбольш багатымі варта лічыць зборы праваслаўных цэркваў і стараабрадніцкіх малітоўных дамоў, а найбольш сціплымі – сховішчы каталіцкіх касцёлаў. Што да відавой разнастайнасці, то яна таксама была ў большай ступені характэрна для праваслаўных і стараабрадніцкіх бібліятэк. Паводле часу выдання богаслужбовых кніг найбольш раўнамернае размеркаванне назіралася ў каталіцкіх зборах. У той жа час стараабрадніцкія бібліятэкі адрозніваліся наяўнасцю кніг, выдадзеных у XVI–XVII стст., што было зусім не ўласціва для праваслаўных цэркваў і касцёлаў. Нарэшце, і праваслаўныя, і каталіцкія абшчыны карысталіся прадукцыяй цэлага шэрагу выдавецтваў, старарабнадніцкія ж, як правіла, абмяжоўваліся друкарнямі г. Масквы.

1. “Мінея” на ліпень 1691 г., выдадзена ў г. Маскве, з праваслаўнай Успенскай царквы г. Браслава [9, арк. 110]

2. “Пяцідзясятніца” 1777 г., выдадзена ў г. Маскве, з праваслаўнай царквы Божай Маці Адзігітры ў г.п. Дзісна Мёрскага раёна [2, арк. 72]

3. “Евангелле”, выдадзенае ў г. Вільні ў 1575 г., са стараабрадніцкай царквы ў в. Булаўнікі Браслаўскага раёна [12, арк. 23]

4. “Абіход”, выдадзены ў г. Маскве ў 1911 г., са стараабрадніцкай царквы ў в. Кукляны Пастаўскага раёна [15, арк. 56].

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВц). – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 1.
2. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 2.
3. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 4.
4. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 6.
5. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 7.
6. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 27.
7. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 28.
8. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 34.
9. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 39.
10. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 42.
11. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 44.
12. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 54.
13. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 55.
14. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 56.
15. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 61.
16. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 64.
17. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 66.

Паўлава А.Я.

МАТЭРЫЯЛЫ АБ ДЗЕЙНАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АКАДЭМІЧНАГА ДРАМАТЫЧНАГА ТЭАТРА ІМЯ ЯКУБА КОЛАСА Ў ФОНДАХ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА-МУЗЕЯ ЛІТАРАТУРЫ І МАСТАЦТВА

Нацыянальны акадэмічны драматычны тэатр імя Я. Коласа з’яўляецца візітнай карткай г. Віцебска. Праз 3 гады тэатр адзначыць стогадовы юбілей. У 2009 г. выйшла манаграфія віцебскай мастацтвазнаўцы Т.В. Катовіч, напісаная з выкарыстаннем дакументаў ДАВВ. Між тым, асноўныя дакументальныя зборы аб коласаўскім тэатры знаходзяцца ў Мінску.

У зборах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ) адклаўся комплекс крыніц аб дзейнасці тэатра і яго акцёраў. Гэта фонд самой установы (Ф.269), збор дакументаў кіраўніка бутафорскага цэха тэатра У.І. Кулікоўскага (Ф.336), фонд Беларускага тэатральнага таварыства (Ф.156), асабістыя фонды С. Акружнай, У. Куляшова, Л. Мазалеўскай, П. Малчанова, І.А. Матусевіча, Ц. Сяргейчыка, А. Труса, Ф. Шмакава, К. Саннікава і С. Казіміроўскага. Колькасць крыніц перавышае 1600 архіўных спраў за перыяд з 1927 па 2014 год. Гэта справаводчыя дакументы, асабістыя творчыя і біяграфічныя матэрыялы артыстаў. Дапаўняюць сведчанні афіцыйных дакументаў адклаўшыся ў архіўных зборах афіцы і праграммы спектакляў тэатра, пачынаючы 1947 г. Асабліва сцю прыганданых фондаў з’яўляецца наяўнасць у зборах публікацый СМІ, прысвечаных дзейнасці тэатра, аналізу пастановак, аповяду пра рэжысёраў і акцёраў.

У архіўным фондзе тэатральнай установы даследчыкі могуць пазнаёміцца з дакументамі пачатковага перыяду дзейнасці тэатра. Гэта пастановы дырэкцыі тэатра аб фарміраванні штатнага складу, умовы аб продажы квіткаў на спектаклі, дамовы з аўтарамі музыкі і мастацкага афармлення спектакляў “Простыя сэрцы” і “Маёмасць” У складзе фонда знаходзіцца экзэмпляр п’есы С. Разанава “Маёмасць” [22, арк. 1–96].

З дакументаў вынікае, што кіраўніцкая структура тэатра складвалася няпроста. Прычынай канфлікта сталі супрацьлеглыя пазіцыі мастацкага кіраўніка тэатра С. Хачатурава і дырэкцыі ўстановы. Дырэкцыю тэатра непакоіла выступленне мастацкага кіраўніка супраць выездных спектакляў і нежаданне яго натхняць акцёраў працаваць над паляпшэннем сваёй беларускай мовы. Вырашэннем гэтага канфлікту стала прыняцце пастановы дырэкцыі аб скасаванні пасады мастацкага кіраўніка [21, арк.7, 24–31].

Дзейнасць тэатра не спынялася і ў ваенныя гады. У архіўным зборы адклаліся каляндарныя планы паказу спектакляў і канцэртаў за 1941 г. падчас знаходжання тэатра ў эвакуацыі ў г. Уральску і ў Арэхава-Зуеве ў 1944г. Жыхары Уральска ўбачылі пастаноўкі “Несцерка”, “Не ўсё кату Масленіца”, “Лекар па няволі”, “Хлопец з нашага горада”, “Выпрабаванне агнём”, “Фронт”. Як пазначана ў сшытку каляндарнага плана, усе спектаклі праходзілі “тэхнічна чыста”, зрэдку адбываліся спазненні з пачаткам, выкліканыя абставінамі ваеннага часу [23, арк. 1–22; 24, арк. 1–67].

На працягу ўсёй гісторыі дзейнасці на пляцоўках тэатра шанавалі традыцыі, ўважліва ставіліся да нацыянальнай драматургіі, ішлі насустрач маладым пісьменнікам і драматургам, акцёрам, тэатральным мастакам і кампазітарам, смела эксперыментавалі. Матэрыялы паседжанняў мастацкага савета тэатру, перапіскі з Міністэрствам культуры, каляндарныя планы работы, рэцэнзіі спецыялістаў і газетныя публікацыі сведчаць пра тэматычную і жанравую разнастайнасць спектакляў. Перавагай пры выбары п’ес для пастаноўкі карысталіся творы, заснаваныя на беларускім фальклору, інсцэніроўкі літаратурных твораў беларускіх аўтараў ці пастаноўкі на гістарычную тэматыку.

Літаральна напярэдадні вайны ў тэатры адбылася прэм’ера спектакля “Несцерка”, які на дзесяцігоддзі стане візітнай карткай коласаўскага тэатра. Пастаўлены Н.Б. Лойтарам спектакль адрозніваўся сваімі яркімі фарбамі, паэтычнасцю, музычнасцю, дынамізмам. У зборы У.І. Кулакоўскага захавалася фота макета дэкарацый да першых спектакляў “Несцеркі”, зробленыя мастаком Л.Ю. Кролем [40, арк. 1]. У спектаклі была занята практына ўся трупа. У тэатры прыкладалі намаганні, каб зберагчы матэрыялы і ўспаміны аб першай пастаноўцы спектакля. Аб гэтым сведчыць напісаны напярэдадні 40-годдзя ўстановы ліст кіраўніцтва тэатра да родных Н.Б. Лойтара з просьбай аб прадастаўленні дакументаў за ваенны перыяд [19, арк. 27]. Артысты працавалі над удасканаленнем спектакля. Вядучыя майстры сцэны выказвалі свае заўвагі аб недапушчальнасці ператварэння музычнай народнай казкі-свята ў звычайную бытавую камедыю і неабходнасці ўдасканалення выканання роляў маладымі артыстамі [10, арк. 3–10].

Інсцэніроўку коласаўскага “На ростанях” пад назвай “Навальніца будзе” у пасляваенныя дзесяцігоддзі можна таксама назваць адной з візітных картак тэатра. Гэтую п’есу А. Звонака трупа неаднаразова прадстаўляла на гастрольях па гарадах СССР, у тым ліку ў Крамлёўскім тэатры [38, арк. 5, 7]. Даволі ўдалым атрымаўся спектакль “Крыніцы” па твору І. Шамякіна, у якім быў задзейнічаны вялікі калектыў, уключаючы аўтара музыкі І. Пагаўкіна і тэкстаў Я. Шагана [38, арк. 2]. Да афіцыйных мерапрыемстваў з нагоды 40-годдзя тэатра трупа падрыхтавала спектакль “Бацькаўшчына” паводле К. Чорнага, рэжысёрам якога выступіў выдатны майстар сцэны Ф. Шмакаў. Дзеля прэм’еры “Бацькаўшчыны”, нават крыху пераносілі святкаванне [15, арк. 30].

Менавіта коласаўцам вопытныя і маладыя беларускія драматургі і літаратары аддавалі права першай пастаноўкі спектакляў – “Блытаныя сцежкі” (К. Крапіва), “Парог” (А. Дудараў), “Востраў Алены” (Я. Шабан), “Хуткія цягнікі” (А. Папова), “Трывога” (А. Петрашкевіч) [29, арк. 3; 38, арк. 11].

Коласаўцы неаднаразова браліся за сцэнічна складаныя пастаноўкі. Купалаўцы не знайшлі ключ для пераноса твора У. Караткевіча “Кастусь Каліноўскі” на тэатральную сцэну. Рэжысер В.

Мазынскі вырашыў спектакль як паэтычную легенду аб К. Каліноўскім. Сярод дакументаў архіўнага збора захавалася станоўчая рэцэнзія А. Саннікава на спектакль [1, арк. 19–21].

Тэматыка Вялікай Айчыннай вайны, барацьбы супраць ворагаў заўсёды прысутнічала на сцэне тэатра. У 1956 г. коласаўцы ажыццявілі пастаноўку п'есы "Крэпасць над Бугам" [14, арк. 1]. На 1968 г. тэатр запланаваў пастаноўку п'есы А.М. Маўзона аб Віцебскі падполлі (ва ўсіх дакументах фонда п'еса падаецца без назвы). Галоўным пытаннем было вызначыцца, у якім жанры ставіць гэты твор. Ц. Сяргейчык адзначыў, што "канкрэтнымі падзеямі глядачоў ўжо не здзівіш". Ён прапанаваў паставіць спектакль як аповяд пра падзеі мінулага з пазіцыі дня сучаснага і стварыць спектакль-канцэрт [20, арк. 5–8].

Пісьменнік Б. Васільеў не разлічваў на тэатр, калі ствараў сваю аповесць "А досвіткі тут ціхія...". Б. Эрын выдатна ведаў спецыфіку тэатра і галоўныя падзеі твора, што дазволіла яму зрабіць спектакль яркім і драматычным творам. С.П. Петровіч адзначыў у сваёй рэцэнзіі, што на вышыні аказаўся увесь пастановачны калектыў тэатра". Тэатральныя крытыкі і журналісты вельмі станоўча выказваліся аб выкананні ролі Галі Чэтвертак маладой С. Акружнай [5, арк. 1–6; 46, арк. 7]. Работу мастака А. Салаўёва па афармленню пастаноўкі прызналі лепшым прыкладам, калі тэатральны мастак цалкам падпарадкоўвае сабе задуме рэжысёра [5, арк. 1–6].

У 1955 г. М.А. Міцкевічам была пастаўлена лірычная камедыя па п'есе В. Губарэвіча і І. Дорскага "Алазанская даліна". Як сведчылі рэцэнзіі, у пастаноўцы адзначыліся як "зоркі" тэатра, так і маладыя артысты. Глядачы знаходзілі ў героях камедыі лепшыя свае якасці і ўдзячна рэагавалі па падзеі на сцэне [39, арк. 2]. Узаемаадносіны паміж прадстаўнікамі былых ваюючых краін прадставілі ў пастаноўцы "Салаўіная ноч"... Як сведчыць рэакцыя крытыкаў, у гэтым спектаклі таксама вызначыўся талент актрысы С. Акружнай [3, арк.1–3; 44, арк.1].

Руская класіка рэгулярна прысутнічала ў рэпертуары тэатра. Тэксты рэцэнзій і высноў мастацкага савета падцвярджаюць, што яскравым спектаклем атрымаўся "Клоп" па У. Маяковскаму [2, арк. 1; 20, арк. 19–25]. У той жа час, да пастаўленага У. Мазынскім "Вішнёвага саду" па А.П. Чэхава крытыкі выказвалі шматлікія прэтэнзіі [29, арк.7].

Калектыў тэатра ажыццяўляў і пастаноўкі твораў замежных аўтараў. У другой палове 1940-х аўтарскаму калектыву на чале з рэжысёрам Р. Осіпавым атрымалася паставіць спектакль "Овад" Э. Войніча [38, арк. 1]. У зборы тэатра захавалася ліст галоўнага рэжысёра А. Падабеда за 1966 г. у Міністэрства культуры з прапановай перакласці на беларускую мову і паставіць п'есу Р. Тома "Во-семь закаханных жанчын" [19, арк. 30]. І тэатр ажыццявіў гэтую пастаноўку, але пазней – у 1977 г. Падчас гастролі ў Браславе артысты прадставілі на суд глядачоў драму Ю. О'Ніла – "Любоў да зямлі" [29, арк. 10].

Наколькі сур'ёзна ў тэатры ставіліся да выпуску кожнага спектакля, якімі складанымі былі рэжысёрскія і акцёрскія пошукі, можна даведацца, чытаючы пратаколы пасяджэнняў мастацкага савета. У фондзе тэатра захаваліся ўсе пратаколы пасяджэнняў, пачынаючы з 1947 г. Сярод пратаколаў захаваліся матэрыялы аб абмеркаванні генеральнай рэпетыцыі і прыёме спектакля "Дурачка" па творы Лопе де Вега. Спектакль прынялі да пастаноўкі, пры гэтым адзначылі, што бліскучае афармленне, прывабная музыка і граматычная работа рэжысёра з цікавымі мізансцэнамі на момант задачы пастаноўкі і "выратавалі" яе [20, арк. 1–4].

Спектаклі для маленькіх глядачоў таксама прысутнічалі ў рэпертуары коласаўцаў. Перапіска з Міністэрствам культуры БССР і водгукі крытыкаў сведчаць аб удалых пастаноўках "Дзімка-невідзімка", "Аленькая кветачка" і "Прынцэса і дрывасек" [1, арк. 2–3; 4, арк. 1–3; 25, арк. 4].

На гастролі па традыцыі вывозілі беларускія пастаноўкі паводле класічных твораў і на сучасную тэматыку, рускую класіку і інсцэніроўку аднаго з аўтараў рэспублік СССР [19, арк. 36; 29, арк. 2; 45, арк.1–7].

У савецкі перыяд звычайнай была сувязь устаноў культуры з прадпрыемствамі прамысловасці і сельскай гаспадаркі. Акцёры паказвалі парадка 600 выяздных пастановак штогадова. У Віцебску існавала традыцыя вызначаць на прадпрыемствах горада дзень тыдня для наведвання спектакля на асноўнай сцэне ці прагляду выязднай пастаноўкі. У тэатры маніторылі сітуацыю з наведваннем спектакляў работнікамі прадпрыемстваў і устаноў горада, звярталася ўвага на колькасць маладых глядачоў. Так, студэнты і супрацоўнікі Віцебскага педагагічнага інстытута актыўна наведвалі спектаклі. На сцэне тэатра рэгулярна ажыццяўляюцца пастаноўкі па творах са школьнай праграмы па рускай і беларускай літаратуры [18, арк. 1–10]. Але дырэктар тэатра І. Дорскі пазначаў горана на недастатковы ўзровень увагі да наведвання спектакляў школьнікамі.

Эстэтычны ўзровень глядача можа паскорыць ці замарудзіць рост тэатральнага калектыву. Кіраўніцтва тэатра клапацілася аб працы з глядачамі. У 1972 г. пры тэатры быў створаны Універсітэт тэатральнага мастацтва. Спачатку слухачамі ўніверсітэта былі прадстаўнікі адміністрацыйнага актыву горада. Паступова далучыліся простыя жыхары, студэнты і навучэнцы.

Штогадова заняткі наведвалі больш за тысячу слухачоў. Праграмы заняткаў прадугледжвалі прагляд і абмеркаванне спектакляў, сустрэчы з майстрамі сцэны, рэжысёрамі, драматургамі і мастацтвазнаўцамі. Тэатр арганізоўваў філіялы ўніверсітэта ў Полацку, Наваполацку і Оршы [28, арк.42; 44, арк.4].

Дакументы аб штодзённых клопатах і працоўных буднях тэатра таксама адклаліся ў архіўным зборы [17, арк. 10–12]. Захаваліся планы-расклады работы па месяцах: рэпетыцыі, расклад спектакляў на асноўнай сцэне і выяздных выступленняў. З планаў вынікае, што ў дзень без спектакляў для артыстаў праводзіліся творчыя семінары і лекцыі [19, арк. 29; 27, арк.7]. У складзе фонда прадстаўлены справаздачы аб камандзіроўках прадстаўнікоў тэатра ў народныя тэатры вобласці з мэтай высвятлення ўзроўню іх творчасці [17, арк. 32–34].

Кіраўніцтва тэатра клапацілася аб папаўненні трупы тэатра маладымі артыстамі. У архіўным зборы захаваліся матэрыялы аб дзейнасці у 1950-я гады пры ўстанове тэатральнай студыі. Як вынікае з нататкаў артысты тэатра, што выкладалі ў студыі, ўважліва ставіліся не толькі да асабістых фізічных якасцяў студыйцаў, але і да сумленнасці падыхода да заняткаў у студыі. Ц. Сяргейчык пазначаў у характарыстыках, што некаторыя фізічныя асаблівасці могуць перашкодзіць навучэнцам стаць акцёрамі, але пры сумленным падыходзе, з такіх студыйцаў могуць атрымацца кіраўнікі самадзейнасці [26, арк. 706].

У 1961 г. дырэктар тэатра І. Дорскі звярнуўся да міністра з просьбай размеркаваць у тэатр 10 выпускнікоў тэатральна-мастацкага інстытута. Дырэктар падмацаваў сваю просьбу згодай перанесці на сцэну тэатра 3 дыпломных спектакля выпускнікоў і дамоўленасцю з Віцебскім гарвыканкам аб выдзяленні для маладых артыстаў 2 кватэр. І моладзь не падвяла. Праз некалькі гадоў маладыя артысты ў вольны ад працы час пераклалі на беларускую мову, аформілі, адрэпетыравалі і выпусцілі спектакль “Беласнежка і сем гномаў”. Падчас зімовых канікул спектакль быў паказаны маленькім гледачам 14 разоў. З гэтай нагоды дырэктар тэатра звяртаўся ў міністэрства з просьбай матэрыяльна заахоўваць маладых артыстаў [19, арк. 34].

З нагоды набліжэння стогадовага юбілея ў даследчыкаў могуць выклікаць цікавасць матэрыялы пра падрыхтоўку святкавання 40-годдзя. У тым юбілейным сезоне коласаўцы ўзбагацілі рэпертуар па некалькіх тэматычных кірунках. У тэатры былі пастаўлены “Сэрца на далоні” І. Шамякіна, “Жаркае лета ў Берліне” Д. К’юсак, “Трое з неба” Рабкіна. Былі адноўлены лепшыя спектаклі тэатра “Несцерка” В. Вольскага і “Лявоніха” П. Данілава. Артысты тэатра праехалі па рэгіёнах рэспублікі з творчай справаздачай. Да юбілея былі выпушчаны вялікая брашура і рэкламны ролік, падрыхтаваны шэраг перадач на ТБ і радыё [19, арк. 5–21].

Не менш цікавымі з’яўляюцца матэрыялы асабістых фондаў акцёраў. Практычна ўсе асабістыя зборы акумуляюць у сабе багаты фоталетапіс аб творчай дзейнасці, матэрыялы працы над ролямі, публікацыі СМІ аб пастаноўках тэатра, рэцэнзіі на спектаклі. Так, у фондзе А.М. Труса адклаліся матэрыялы аб 110 сыграных ім ролях. У фондзе Ф. Шмакава захаваліся крыніцы аб працы акцёра над ролямі Лемяшэвіча з п’есы “Крыніцы” і Эдгара з “Караля Ліра” [30, арк. 1–19; 31, арк. 1–16]. У адзінках захавання сабраны фотаздымкі са сцэнамі спектакляў. “Шукальнікі”, “Кароль Лір”, “Чатыры крыжы на сонцы” і інш. [32, арк. 1; 33, арк. 1]. У зборы знаходзяцца фота Ф.І. Шмакава ў вобразе Леніна са спектакля “Шостае ліпеня” паводле твора М.Ф.Шатрова [34, арк. 1–7]. Сярод фотаматэрыялаў фонда можна азнаміцца з кадрамі са спектакля “Трывога” паводле п’есы А. Петрашкевіча, пры пастаноўцы якога Ф. Шмакаў выступіў рэжысёрам [35, арк. 24]. Карысным для маладых даследчыкаў можа стаць аўтограф артыкула М. Маноліна “Выбар быў правільным” аб станаўленні і творчым шляху Ф. Шмакава і артыкул Р. Смольскага аб п’есах маладых драматургаў і іх пастаноўцы коласаўцамі [37, арк. 1–4; 38, арк.11].

У асабістым зборы С. Акружнай захаваліся фотаздымкі са спектакляў за перыяд з 1969 па 1986 г.: “А досвіткі тут ціхія...” паводле Б.Васільева, “Зацюканы апостал” паводле А. Макаёнка, “Ах, які пажар” паводле У. Салагуба і інш. [41; 42; 43; 44, арк. 2–3, 11; 45, арк. 6].

Цікавымі для мастацтвазнаўцаў будуць матэрыялы фонда Ц.М. Сяргейчыка. Акрамя фотаздымкаў і тэкстаў роляў, у гэтым асабістым зборы можна азнаёміцца з шматлікімі заўвагамі артыста і рэжысёра да спектакляў “Несцерка” і “Зацюканы апостал” [10, арк. 3–9; 11, арк. 3–9]. Гэты комплекс зберагае аўтарскі рэжысёрскі экзэмпляр п’есы “Ірынка” і пастановачны план п’есы Э. Ранета “Блудны сын” [6, арк. 1–47; 7, арк. 1–67]. Цікавасць даследчыкаў могуць выклікаць доклад Ц. Сяргейчыка на святочным паседжанні з нагоды 40-годдзя тэатра [6, арк. 1–92; 12, арк. 1–14]. У асабістым фондзе захоўваюцца матэрыялы аб калегах па тэатру: аўтограф артыкула аб Я. Глебоўскай і артыкул у “ЛіМ” пра А. Радзялоўскую [8, арк. 16; 9, арк. 1–5]. У зборы І.А. Матусевіча адклаліся асабістыя ўспаміны фондаўтваральніка пра А. Радзялоўскую [13, арк. 1].

Такім чынам, комплекс дакументаў і матэрыялаў, што зберагаецца ў БДАМЛІМ, з’яўляецца каштоўнай крыніцай аб творчых поспехах і эксперыментах аднаго з лепшых тэатраў краіны. Прыгада-

ныя матэрыялы могуць дадаць шмат цікавых штрыхоў ў творчы летапіс Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа і яго акцёраў і дапоўніць збор Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (далей – БДАМЛМ). – Ф. 129. Воп. 1. Спр. 119.
2. БДАМЛМ. – Ф. 156. Воп. 1. Спр. 365.
3. БДАМЛМ. – Ф. 156. Воп. 1. Спр. 372.
4. БДАМЛМ. – Ф. 156. Воп. 1. Спр. 376.
5. БДАМЛМ. – Ф. 156. Воп. 1. Спр. 797.
6. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 1.
7. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 3.
8. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 166.
9. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 168.
10. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 173.
11. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 174.
12. БДАМЛМ. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 227.
13. БДАМЛМ. – Ф. 251. Воп. 1. Спр. 75.
14. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 46.
15. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 47.
16. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 86.
17. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 109.
18. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 156.
19. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 173.
20. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 187.
21. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 668.
22. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 670.
23. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 677.
24. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 683.
25. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 704.
26. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 706.
27. БДАМЛМ. – Ф. 269. Воп. 1. Спр. 717.
28. БДАМЛМ. – Ф. 275. Воп. 1. Спр. 42.
29. БДАМЛМ. – Ф. 275. Воп. 1. Спр. 50.
30. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 1.
31. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 2.
32. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 18.
33. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 20.
34. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 21.
35. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 24.
36. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 28.
37. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 44.
38. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 47.
39. БДАМЛМ. – Ф. 285. Воп. 1. Спр. 89.
40. БДАМЛМ. – Ф. 336. Воп. 1. Спр. 36.
41. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 2.
42. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 3.
43. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 5.
44. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 11.
45. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 12.
46. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 13.
47. БДАМЛМ. – Ф. 337. Воп. 1. Спр. 14.

Денисов М.Н.

ДОКУМЕНТЫ ЦНА НАН БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В 1944–1991 ГГ.

Одним из важнейших показателей состояния экономики страны, является её индустриальное развитие, не последнюю роль в котором играет наука. Научные разработки позволяют оптимизировать различные сферы производства с целью получения оптимального количества товаров, при уменьшении количества затрачиваемых ресурсов на их разработку. Именно поэтому важно развивать сеть научных организаций и институтов, которые могли бы заниматься разработкой и внедрением в производство новых технологий, а также готовить кадры, способные ими управлять.

Процесс создания подобных организаций на территории Беларуси начался ещё в 1920-е гг., однако наибольшего развития их сеть достигла уже в послевоенные годы. Деятельность научных организаций БССР в 1944–1991 гг. нередко становилась темой для различного рода исследований, в рамках которых исследователями был выработан ряд методик, основанных на изучении документальных материалов научных организаций, именно об этих материалах и пойдёт речь в данном исследовании.

Цель исследования – дать обзорную характеристику документов, хранящихся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси, и определить их значение в изучении связей науки и промышленности БССР в 1944–1991 гг.

Архив академии наук был организован в начале 1930-х гг., являясь попеременно структурным подразделением Фундаментальной библиотеки АН БССР и Аппарата Президиума АН БССР. В 1987 году архив в качестве самостоятельного научно-методического подразделения вошёл в структуру Института истории. С 2021 года входит в состав Центра истории науки и архивной работы Института истории НАН Беларуси. Большая часть документов архива представлена планами и отчётами институтов, других учреждений и подразделений Аппарата Президиума академии наук, а также коллекцией личных дел сотрудников (академиков, член-корреспондентов, научных и технических сотрудников, аспирантов), насчитывающей более 20000 единиц хранения [3].

Большинство организаций и подразделений АН БССР, занимавшихся промышленными проектами, входили в состав Отделения технических наук [4, л. 18–28], отдельно в ряду данных организаций стоит отметить Институт экономики, находящийся в составе Отделения гуманитарных наук. Несмотря на это, указанный Институт играл важнейшую роль в научных исследованиях в сфере развития промышленности [5, л. 22].

Деятельность учреждений АН БССР охватывала широкий круг исследований, наиболее значимыми из которых являются следующие: выявление новых путей научно-технического прогресса, разработка рекомендаций по использованию результатов научных исследований на практике, разработка и осуществление научно-технических и экономических программ, научное обоснование добычи и использования природных ресурсов в промышленности и энергетике, исследования

в области ядерной энергетики, разработка промышленного оборудования, исследования в области машиностроения и автоматизации производства, изучение металлургических процессов и внедрение новых технологий обработки металлов и др. [1, с. 107–108].

Важнейшие вопросы научно-производственной деятельности учреждений рассматриваются на заседаниях Учёных советов, среди основных вопросов, поднимаемых на данных заседаниях следует отметить следующие:

- утверждение планов работ;
- утверждение отчетов о научно-исследовательской работе;
- подготовка научных кадров;
- оценка перспектив международного сотрудничества;
- внедрение результатов исследований в производство;
- изобретательская и патентно-лицензионная работа.

Результатом деятельности Ученого совета является составление *протоколов* его заседаний, в которых фиксируются решения по обсуждаемым вопросам. Кроме того, результатом деятельности Ученого совета являются изменения в других типах документации: планах и отчётах исследователей и структурных подразделений Института, которые, в свою очередь, являются структурными частями общеинститутских *планов* и *отчётов* о научно-исследовательской деятельности.

Как отмечалось выше, планы и отчёты институтов составляют основу документальных материалов академического архива. Кроме того, именно эти документы являются наиболее часто используемыми в исследованиях [2, с. 26]. Данный факт не удивителен, т. к. именно они содержат в себе наиболее полную информацию о проводимых исследованиях и полученных на их основе результатах, что в свою очередь позволяет оценить эффективность и рентабельность проводимых исследований на основе сравнения заявленных планов и итоговых отчётов.

Тем не менее, в оценке эффективности данных исследований следует обращать внимание на субъективность данных, приводимых составителями отчётов, т. к. фактически в отчётах практически не встречаются сведения о проведении контроля за выполнением тематического плана работ, а потому отдельные данные, приводимые в отчётах, могут быть неточными. Несмотря на это, отдельные отчёты содержат информацию и о результатах непосредственного применения разработок учёных на производстве, причём данные оценки были осуществлены не самими исполнителями или другими сотрудниками институтов, а представителями предприятий, на которых данные разработки внедрялись [6, л. 47]. На наш взгляд, эти сведения следует считать более достоверными, т. к. приводимые оценки осуществлялись лицами и организациями, заинтересованными в реальной эффективности разработок.

С другой стороны, невозможность исполнения тематического плана, которая зачастую находила отражение в отчётах, являлась во многом также следствием изначальной перегруженности плана, ввиду необъективности оценки времени и ресурсов на его исполнения. В таких случаях, как правило, в сами планы вносились изменения, в результате которых ряд тем могли стать переходящими на следующие годы, либо быть сокращёнными (что, естественно, отражалось и на сроках внедрения разработок в производство), либо к исполнению темы подключались дополнительные кадры [7, л. 60].

Особую роль в судьбе документов академии наук играли решения её Президиума. Президиум АН БССР осуществлял общее руководство деятельностью академии наук, включавшее в себя меры по совершенствованию структуры академических учреждений [7, л. 56], укрепление материально-технической базы, повышение профессионального уровня научных кадров и др. [1, с. 115–116]. Важной частью работы Президиума было также и осуществление деятельности по координации научных исследований всех академических учреждений. Так, именно Президиум окончательно утверждал планы научно-исследовательских работ Институтов, вносил предложения по их изменению [7, л. 54]. Аналогичная ситуация обстоит и с отчётами. Собственно, планы и отчеты отдельных организаций и учреждений являются составной частью общеакадемических планов и отчетов. Помимо этого, как уже упоминалось выше, долгое время академический архив входил в структуру Президиума и именно он определял направления деятельности своего структурного подразделения.

В данном контексте документы Президиума представляют большую ценность в связи с тем, что именно благодаря им имеется возможность проследить роль и место научных проектов в сфере промышленности в общеакадемической тематике научных исследований, а также оценить эффективность как отдельных проектов в сравнении с другими аналогичными проектами, так и промышленные проекты в целом в сравнении с другими проектами АН БССР.

Кроме того, материалы Президиума АН БССР являются более разнообразными и более используемыми в сравнении с материалами отдельных учреждений академии наук. Помимо планов и отчетов, они представлены *законодательными актами, аналитическими документами* (докладные записки, справки, доклады и т. д.), *руководящими документами, перепиской, протоколами и стенограммами*, а также материалами к ним. Данные документы практически в полной мере раскрывают деятельность

АН БССР в обозначенный рамками исследования период, т. к. именно они отражают политику учреждения в сфере науки, а также помогают раскрыть связи науки и производства на данном этапе.

Таким образом, документы Центрального научного архива НАН Беларуси представляют собой широкий массив различного рода материалов, которые раскрывают деятельность АН БССР в области научных исследований в сфере промышленности.

1. Академия наук Белорусской ССР / Н. А. Борисевич [и др.]. – Минск : Главная редакция Белорусской Советской Энциклопедии, 1979. – 600 с.
2. Жук, С. А. Развитие организационных форм подготовки научных кадров в АН БССР (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / С. А. Жук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 18–26.
3. Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ) [Электронный ресурс] // Институт истории Национальной академии наук Беларуси. – Режим доступа: http://history.by/central_scientific_archive_of_the_national_academy_of_sciences_of_belarus/. – Дата доступа: 10.03.2023.
4. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 125.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 151.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 502.

Бараноўскі А.В.

ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ДА БІАГРАФІЙ ПАРТЫЙНЫХ І САВЕЦКІХ КІРАЎНІКОЎ РАЁННАГА ЗВЯНА ВІЦЕБСКАГА РЭГІЁНА (1924–1991 ГГ.)

Асноўнай крыніцай да біаграфій партыйных і савецкіх кіраўнікоў раённага звяна Віцебскага рэгіёна 1924–1991 гадоў з’яўляюцца дакументы і матэрыялы з фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь – НАРБ (найбольшую цікавасць уяўляюць дакументы за 1930–1938 гг. калі раёны знаходзіліся ў прамым падпарадкаванні БССР, за выключэннем раёнаў, што ў 1935 г. былі аб’яднаны ў Лепельскую і Полацкую акругі), Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці – ДАВВ (захоўваюцца дакументы партархіва Віцебскага абкама КПБ, а таксама дакументы савецкіх органаў улады Бешанковіцкага, Віцебскага, Высачанскага (1924–1931), Гарадоцкага, Езяршчанскага (1924–1929, Мехаўскага 1935–1958, 1958–1962), Кузняцоўскага (1924–1927), Лёзненскага, Мяжанскага (1924–1931), Суражскага (1924–1960), Ульскага (1924–1931, 1946–1956), Чарэйскага (1924–1931), Чашніцкага, Шумілінскага (Сіроцінскага 1924–1961, 1961–1962, з 1966) раёнаў), Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Глыбокае – ЗДАГ (захоўваюцца дакументы савецкіх органаў улады Браслаўскага, Бягомльскага (1924–1960), Відзайскага (1940–1960), Глыбоцкага, Дзісенскага (1940–1959), Докшыцкага, Дунілавіцкага (1940–1960), Міёрскага, Пастаўскага, Пліскага (1940–1962), Шаркаўшчынскага раёнаў), Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Оршы – ЗДАО (захоўваюцца дакументы савецкіх органаў улады Аршанскага, Арэхаўскага (1946–1956), Багушэўскага (1924–1931, 1935–1960), Дубровенскага, Копыскага (1924–1931), Коханаўскага (1924–1931, 1946–1956), Сенненскага, Талачынскага раёнаў), Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацку – ЗДАП (захоўваюцца дакументы савецкіх органаў улады Асвейскага (1924–1959), Верхнядзвінскага (Дрысенскага 1924–1962), Ветрынскага (1924–1931, 1935–1960), Лепельскага, Полацкага, Расонскага, Ушацкага раёнаў).

З архівавасховішча НАРБ найбольшую цікавасць для даследчыкаў уяўляюць фонды: ЦВК БССР (ф. 6), Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь (ф. 968), Камісіі па ўстанаўленні персанальных пенсій пры Савецкім Міністраў БССР (ф. 1529), ЦК КПБ (ф. 4п), Цэнтральнай кантрольнай камісіі КП(б)Б (ф. 15п) і інш. Асноўную ж частку дакументальных крыніц складаюць дакументы і матэрыялы ДАВВ з фондаў: Віцебскага акруговага выканкама (ф. 118), Віцебскага аблвыканкама (ф. 1966-ААФ), Аршанскага акруговага камітэта КП(б)Б (ф. 10062-п), Віцебскага акруговага камітэта КП(б)Б (ф. 10051-п), Лепельскага акруговага камітэта КП(б)Б (ф. 10063), Полацкага акруговага камітэта КП(б)Б (ф. 10061-п), Віцебскага абкама КПБ (ф. 1), Віцебскага прамысловага абкама КПБ (ф. 9520-п), Віцебскага сельскага абкама КПБ (ф. 9556-п), Полацкага абкама КПБ (ф. 10060-п), Віцебскай акруговай кантрольнай камісіі КП(б)Б – рабоча-сялянскай інспекцыі БССР (ф. 10073-п), Аршанскай акруговай кантрольнай камісіі КП(б)Б – рабоча-сялянскай інспекцыі БССР (ф. 10077-п), Органаў партыйна-дзяржаўнага кантролю Полацкай акругі (ф. 10075-п-ААФ), райкамаў КПБ (42 фонды) і інш. У даследаванні таксама прадстаўлены дакументальныя матэрыялы з фондаў занальных архіваў Віцебскай вобласці: Аршанскі акруговы выканкам (ф. 1 ЗДАО), Полацкі акруговы выканкам (ф. 104 ЗДАП), Полацкі аблвыканкам (ф. 686 ЗДАП), раённыя Саветы дэпутатаў і іх выканаўчыя камітэты і інш. У фондах Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі захоўваецца картатэка персанальнага ўліку членаў партыі. Архівісты РДАСПГ ажыццяўляюць пошук улікова-партыйных дакументаў (справаздачныя карткі на партбілеты, уліковыя карткі на партбілеты, рэгістрацыйныя бланкі на партбілеты) па нумарах партбілетаў.

У корпусе выяўленых і даследаваных архіўных крыніц найбольшую каштоўнасць уяўляюць матэрыялы справаводства. Згодна з функцыянальным прызначэннем і зместам іх можна падзяліць на наступныя групы дакументаў:

1. распарадчыя (загады, пастановы, рашэнні);
2. пратакольныя (пратаколы і выпіскі з іх);
3. справаздачныя (справаздачы, даклады, дакладныя запіскі);
4. службовая перапіска;
5. асабістыя (асабістыя справы, асабістыя справы па прыёме ў партыю, персанальныя справы на камуністаў, асабістыя справы персанальных пенсіянераў рэспубліканскага значэння, асабістыя карткі членаў выканкамаў, анкеты дэлегатаў з'ездаў Саветаў, анкеты дэлегатаў партыйных канферэнцый, анкеты абследаванняў здароўя) і інш.

У дадзеным артыкуле засяродзім увагу на апошняй групе матэрыялаў справаводства, паколькі яна ўтрымлівае поўныя біяграфічныя звесткі асобаў на момант стварэння дакумента. Асабістыя справы адказных работнікаў ўключаюць у сябе розныя дакументы, размешчаныя ў пэўнай паслядоўнасці: дадатак да асабістага лістка па ўліку кадраў, асабісты лісток па ўліку кадраў (часам са здымкам), аўтабіяграфію, характарыстыку, дакументы аб прызначэнні і вызваленні ад пасады, даведку, вопіс дакументаў наяўных у справе. Асабістыя справы па прыёме ў члены партыі змяшчаюць заяву, анкету, аўтабіяграфію, тры рэкамендацыі, выпіскі з рашэння агульнага сходу партарганізацыі, пастановы бюро райкама КПБ. У персанальнай справе звычайна змяшчаліся наступныя дакументы: заява камуніста, тлумачальная запіска, даведка на члена партыі, выписка з уліковай карткі, характарыстыка, заключэнне па разглядзе персанальнай справы, выпіскі з пратаколаў бюро парторганаў аб прынятым рашэнні па справе і інш. Персанальныя справы заводзіліся на членаў партыі якія парухылі партыйную дысцыпліну, здзейснілі рознага роду правіну. Асабістыя справы персанальных пенсіянераў рэспубліканскага значэння ўключаюць у сябе розныя дакументы: заяву, хадайніцтва аб прызначэнні пенсіі, асабісты лісток па ўліку кадраў (часам са здымкам), аўтабіяграфію, характарыстыку, рашэнне па справе, дакументы на падставе якіх прымалася рашэнне аб спыненні выплаты пенсіі (пасведчанне аб смерці, заява аб спыненні выплаты пенсіі, пастанова аб спыненні выплаты пенсіі) і інш. Персанальную пенсію рэспубліканскага значэння маглі атрымліваць як асоба, што мела асаблівыя заслугі перад дзяржавай, так і яе родныя (у выпадку смерці). Асабістыя карткі членаў выканкамаў змяшчаюць наступныя звесткі на адказнага работніка: назва выканкама або Савета; прозвішча, імя, імя па бацьку; дата і месца нараджэння; нацыянальнасць; валоданне мовамі; сацыяльнае становішча; прафесія; адукацыя; маёмаснае становішча; сямейнае становішча; служба ў войску; знакі вайскавай і працоўнай адзнакі; членства ў прафсаюзе, грамадскіх арганізацыях, партыі; ці падвяргаўся рэпрэсіям; колькі разоў абіраўся на з'езды Саветаў, у члены выканкамаў і Саветаў; пасада, стаж; адрас і інш [1, 3, 4]. Як анкеты дэлегатаў партыйных канферэнцый [5], так і анкеты дэлегатаў з'ездаў Саветаў [2] утрымліваюць наступныя звесткі: кім дэлегаваны; прозвішча, імя, імя па бацьку; узрост (год нараджэння); нацыянальнасць; сацыяльнае становішча; партыйнасць (парстаж); ці падвяргаўся рэпрэсіям; ці быў у другіх партыях; адукацыя; прафесія (пасада); ці прымаў удзел у партыйных каференцыях (колькі разоў абіраўся на з'езды Саветаў, у члены выканкамаў і Саветаў). У анкетах дэлегатаў з'ездаў Саветаў таксама змяшчаюцца звесткі аб роднай мове; маёмасным становішчам; службе ў войску; знаках вайскавай і працоўнай адзнакі; членствах у прафсаюзе, грамадскіх арганізацыях; службовым і хатнім адрасе. Пэўныя біяграфічныя звесткі ўтрымліваюць анкеты абследаванняў здароўя: прозвішча, імя, імя па бацьку; узрост; пасада; склад сям'і; самі вынікі медыцынскага абследавання адказных работнікаў [6]. Такім чынам, першаснай крыніцай да біяграфій першых сакратароў райкамаў КПБ і старшынь райвыканкамаў Віцебскага рэгіёна з'яўляюцца дакументы і матэрыялы з архівасховішч Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, занальных дзяржаўных архіваў Віцебшчыны.

Дакументальныя матэрыялы, а таксама фотаздымкі кіраўнікоў Віцебскага рэгіёна – удзельнікаў Першай сусветнай вайны і Вялікай Айчыннай вайны можна адшукаць у электронных банках даных, што размешчаны ў адкрытым доступе ў сетцы Інтэрнэт. Так, на сайце партала “Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов” створаным Міністэрствам абароны Расійскай Федэрацыі пры падтрымцы Федэральнага архіўнага агенцтва і Расійскага гістарычнага таварыства размешчаны дакументы і матэрыялы аб удзельніках Першай сусветнай вайны. Сёння для пошуку даступны значны комплекс дакументаў аб стратах (справаздачна-інфармацыйныя карткі, імяныя спісы страт, апавяшчэнні аб прыёме параненага, карткі на тых, хто прыбыў у лазарэт, картка на выбыўшых з лазарэта) рускай арміі. Усе гэтыя дакументы як мінімум змяшчаюць наступныя звесткі пра чалавека: прозвішча, імя, імя па бацьку; месца нараджэння (губерня, павет, воласць, паселішча); воінскае званне і часць. У асобных крыніцах пазначана прычына недзеяздольнасці (хвароба, раненні, кантузія), веравызнанне. Інфармацыйны рэсурс таксама змяшчае імяныя спісы ўзнагароджаных рознымі ўзнагародамі

Расійскай Імперыі. Як правіла гэты тып дакументаў змяшчае прозвішча, імя, імя па бацьку; месца нараджэння (губерня, павет, воласць, паселішча); воінскае званне і часць; від і нумар ўзнагароды. Найменш інфарматыўным тыпам дакументаў, прадстаўленых на дадзеным сайце, з’яўляюцца карткі ваеннапалонных. У іх указвалася прозвішча, імя, імя па бацьку; год нараджэння; месца нараджэння (губерня, павет, воласць, паселішча), лагер [8]. Такім чынам, прадстаўленныя на партале “Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов” дакументы і матэрыялы дапамагаюць аднавіць лёсы тых, хто служыў у царскім войску ў 1914–1918 гадах.

Інтэрактыўны сэрвіс “Память народа” аб’ядноўвае раней створаныя Міністэрствам абароны Расійскай Федэрацыі агульнадаступныя банкі даных “Мемориал” і “Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” аб удзельніках Вялікай Айчыннай вайны. Сёння для пошуку даступны значны комплекс дакументаў па ўзнагароджаных (узнагародныя лісты, указы аб узнагароджаных, загады аб узнагароджаных). Сярод іх найбольш значнай крыніцай для даследчыкаў з’яўляюцца ўзнагародныя лісты. Яны, як правіла складаліся з наступных граф: прозвішча, імя, імя па бацьку; званне; пасада, часць; назва ўзнагароды да якой прадстаўляецца; год нараджэння; нацыянальнасць; партыйнасць; удзел у баявых дзеяннях (дзе, калі); раненні і кантузіі; з якога часу ў Чырвонай Арміі; якім райваенкаматам прызваны; чым раней узнагароджаны; хатні адрас і адрас сям’і; кароткі выклад подзвігу або заслуг. Інтэрактыўны сэрвіс таксама змяшчае лічбавыя копіі дакументаў аб стратах (імяныя спісы памерлых ад ран, загады аб выключэнні са спісаў Чырвонай Арміі, статкарты на памерлых у лячэбных установах, карткі ўліку параненых і хворых, спісы зніклых без вестак і інш.) Чырвонай Арміі. Як правіла гэты тып дакументаў змяшчае: прозвішча, імя, імя па бацьку; год нараджэння; званне і пасаду; адрас сям’і. На сайце прадстаўлены і копіі сапраўдных трафейных дакументаў, галоўным чынам аб савецкіх ваеннапалонных. Сярод іх найбольш змястоўнымі з’яўляюцца нямецкія персанальныя карткі № I (Personalkarte I). Яны змяшчаюць наступныя звесткі пра ваеннапалоннага: прозвішча, імя, імя бацькі, дзявочае прозвішча маці; дата і месца нараджэння; веравызнанне; грамадзянства; званне і пасада; калі ўзяты ў палон; лагер; фота; адбітак правага ўказальнага пальца і інш. Значная частка кіраўнікоў Віцебскага рэгіёна, асабліва сакратары райкамаў КП(б)Б, прызываліся ў войска ў якасці палітработнікаў. На іх заводзіліся спецыяльныя карткі якія сёння захоўваюцца ў картатэцы асабістых спраў Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі. У картцы палітработнікаў як правіла, змяшчаліся наступныя звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку; дата і месца нараджэння; адукацыя і партыйнасць; хатні адрас; звесткі аб родных; зваіненне і пасада. На жаль, на партале не прадстаўлены дакументы з картатэкі асабістых спраў, аднак на ім пазначаны нумары скрынь, у якіх захоўваюцца неабходныя карткі палітработнікаў, што значна спрашчае далейшыя пошукі [7]. Такім чынам, інтэрактыўны сэрвіс “Память народа” дазваляе па наяўных у базе архіўных дакументах аднавіць баявы шлях вайскоўцаў ад месца прызыву да месца гібелі, ці апошняга месца службы ў войска, а таксама спампаваць здымкі асобных удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны.

Спецыяльны праект Выдавецкага дома “Беларусь сегодня” і Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь “Партизаны Беларуси” ўключае індывідуальную картатэку партызан і падпольшчыкаў, біяграфічныя звесткі аб беларускіх партызанах – Героях Савецкага Саюза, легендарных камбрыгах, баях і бітвах, звязаных з партызанскім рухам. Размешчаная на партале інтэрактыўная картка партызана ўтрымлівае наступныя звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку; месца і год нараджэння; нацыянальнасць; узнагароды; прыналежнасць да партызанскага атрада, брыгады; электронныя копіі сапраўдных дакументаў (карткі асабістых спраў, асабістыя лісткі па ўліку кадраў, узнагародныя лісты, узнагародныя спісы, характарыстыкі і іншыя матэрыялы) [9]. Сярод прадстаўленых на сайце дакументаў найбольш каштоўнымі крыніцамі для даследчыкаў з’яўляюцца асабістыя лісткі па ўліку кадраў. Такім чынам, праект “Партизаны Беларуси” дазваляе па наяўных у базе архіўных дакументах з фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь аднавіць баявы шлях, працоўную дзейнасць (да 1941 г.) удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, а таксама спампаваць здымкі легендарных партызан.

Асобную групу крыніц складаюць матэрыялы перыядычнага друку. Перыёдыка разглядаецца асобна, як спецыфічная сістэма гістарычных крыніц, аб’яднаных у рамках канкрэтных выданняў. Газеты з’яўляюцца адной з найбольш распаўсюджаных груп перыядычных крыніц, што ўтрымліваюць заканадаўчыя і актавыя дакументы, творы аналітычнага і мастацка-публіцыстычнага жанраў, мемуарныя творы і інш. Дакументальныя матэрыялы да біяграфій партыйных і савецкіх кіраўнікоў можна адшукаць у падшыўках рэгіянальных («Заря Запада» (1924–1929), «Віцебскі пралетарый» (1929–1938), «Віцебскі рабочы» (1938–2013) і мясцовых (раённых) газет Віцебшчыны. Паколькі кіраўнікі Віцебскага рэгіёна абіраліся дэпутатамі раённых, абласных Саветаў дэпутатаў і Вярхоўнага Савета БССР, найбольш цікавасць у даследчыкаў выклікае асвятленне выбарчых кампаній у перыядычным друку (спісы членаў выбарчых камісій, спісы зарэгістраваных кандыдатаў у дэпутаты, біяграфіі зарэгістраваных кандыдатаў у дэпутаты, біяграфіі абраных дэпутатаў). Пэўныя біяграфічныя звесткі ўтрымліваюць дакументы і матэрыялы камітэтаў КПБ і выканкамаў, што публікаваліся на старонках газет.

Важнай крыніцай для напісання біяграфій першых сакратароў райкамаў КПБ і старшынь райвыканкамаў Віцебскага рэгіёна з'яўляюцца інтэрв'ю даследчыкаў з шэрагам былых кіраўнікоў, а таксама з іх калегамі, роднымі і блізкімі.

Такім чынам, комплекс біяграфічных крыніц прадстаўлены разнастайнымі па ступені навуковай значнасці, паўнаце і шырыні ахопу дакументамі і матэрыяламі, што дапамагаюць аднавіць лёсы партыйных і савецкіх кіраўнікоў раённага звяна Віцебскага рэгіёна 1924–1991 гг.

1. ДАВВ. – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 635.
2. ДАВВ. – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 654.
3. ДАВВ. – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 742.
4. ДАВВ. – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 789.
5. ДАВВ. – Ф. 10051-п. Воп. 1. Спр. 250.
6. ДАВВ. – Ф. 10062-п. Воп. 1. Спр. 127.
7. Інтэрактыўны сэрвіс “Память народа” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступу: 23.01.2023.
8. Партал “Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://gwar.mil.ru>. – Дата доступу: 23.01.2023.
9. Спецыяльны праект “Партизаны Беларуси” [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://partizany.by>. – Дата доступу: 23.01.2023.

Казак О.Г., Середа А.С.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОПОЛЕССКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (КОНЕЦ 1980-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГГ.)

Деятели западнополесского этнополитического движения, зародившегося в БССР в годы советской перестройки, утверждали, что жители западных районов Брестской области являются отдельным народом – полешуками (ятвягами). Лидером движения стал молодой филолог, поэт и публицист Н.Н. Шелягович. Проблематика западнополесского движения затрагивается в монографии И.А. Пушкина, посвященной общественно-политической и культурной деятельности национальных общностей Беларуси в 1990–2015 г. [1]. В работах К.В. Шевченко [2] и О. Цадко [3] уделяется особое внимание анализу попыток создания западнополесского литературного языка и конструирования лидерами этнополитического движения собственного исторического нарратива. Основными источниками для авторов данных работ стали материалы печатных изданий «Збудіне» («Пробуждение») и «Баласы Полісься» («Голоса Полесья»). Вместе с тем, в фондах белорусских архивов отложился целый массив документов, анализ которых позволяет составить более полную и точную картину западнополесского движения.

Важная информация о генезисе западнополесского движения содержится в документах фондов Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Особый интерес представляет личное дело лидера движения Н.Н. Шеляговича, являвшегося аспирантом Института языкознания Национальной академии наук БССР в 1984–1986 гг. В частности, в данном фонде отложился реферат дипломной работы Н.Н. Шеляговича за курс филологического факультета Белорусского государственного университета («Краткое фонетико-морфологическое описание одного западнополесского говора»), в которой приводились доказательства того, что говор населения региона может трактоваться как самостоятельный язык. В экспертном заключении на реферат А.А. Кривицкий отметил: «Автор демонстрирует, что он знаком с некоторыми важными работами по говорам Брестского Полесья, но рассуждения автора о статусе этих говоров и их языковых отношений бездоказательные, беспочвенные и удивительные» [4, л. 19–21, 35–35 об.]. Тем не менее, Н.Н. Шелягович был принят в аспирантуру и начал работу над диссертацией. Претензии к работе Н.Н. Шеляговича у сотрудников института возникли в июне 1986 г. (спустя полгода после публикации аспирантом первых стихотворений на западнополесском диалекте в журнале «Беларусь») во время аттестации на ученом совете. Протокол заседания также отложился в фондах ЦНА НАНБ. Участники заседания ученого совета вменяли в вину Н.Н. Шеляговичу отсутствие публикаций и упорядоченной картотеки лексики, «желание создать отдельный литературный полесский язык», «недостаточную политическую образованность» [5, л. 65–68]. Н.Н. Шелягович был отчислен из аспирантуры (формально – по собственному желанию) осенью 1986 г. Данный эпизод, возможно, стали причиной радикализации и политизации западнополесского движения, которое до этого имело исключительно культурно-просветительскую направленность.

В апреле 1988 г. Н.Н. Шелягович и его единомышленники учредили Общественно-культурное объединение (ОКО) «Полісьсе». С октября 1988 г. по декабрь 1991 г. ОКО действовало под эгидой Белорусского фонда культуры (БФК). Богатейший материал по истории западнополесского движения содержится в документах БФК, отложившихся в фонде 1515 Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). Среди представленных в фонде документов имеются многочисленные обращения активистов ОКО «Полісьсе» в Президиум правления БФК и иные инстанции, заключения экспертов (в большин-

стве своем – филологов) на инициативы активистов западнopolесского движения (выпуск печатных изданий на западнopolесском языке, создание отдельных научных центров по изучению культуры региона и др.). Авторы большинства экспертных заключений сходились во мнении о необходимости изучения истории и культуры Западного Полесья, однако крайне негативно оценивали перспективы политизации движения. Кроме того, эксперты-филологи отрицали возможность кодификации западнopolесского литературного языка. В качестве примера типичной реакции представителей научного сообщества на предложения Н.Н. Шеляговича приведем выдержку из заключения, подписанного заведующим отделом диалектологии Института языкознания Академии наук БССР Н.А. Михайловым (9 ноября 1988 г.): «Проведение научно-практической конференции по вопросам исследования материальной и духовной культуры Полесья, на наш взгляд, целесообразно в том случае, если тематика докладов и сообщений будет направлена исключительно на освещение разнообразных вопросов реального положения памятников народной культуры, а не тяготеть к обсуждению довольно неудачной койне Н.Н. Шеляговича. А такая опасность видится достаточно реальной. Поэтому в оргкомитет конференции должны быть включены прежде всего опытные и серьезные ученые» [6, л. 8].

Анализ документов фонда 1515 НАРБ позволяет сделать вывод о противоречивом отношении руководства БФК к деятельности ОКО «Полісьсе». Несколько раз правление БФК подымало вопрос о том, что ОКО «Полісьсе» должно функционировать не в столице БССР, а в Бресте или Пинске – регионе, изучением культуры которого и должно было непосредственно заниматься объединение. 15 апреля 1989 г. руководство ОКО приняло решение продолжать свою деятельность «вне контакта с БФК» до выполнения последним ряда условий (юридическое оформление Устава ОКО, проведение в первой половине 1990 г. научной конференции, посвященной проблемам полесского региона, «оказание должной моральной и материальной поддержки объединению в налаживании его деятельности»). Во второй половине 1989 г. в отношениях двух организаций наметилось некоторое потепление. На заседании Президиума правления БФК 2 ноября 1989 г. было принято решение о проведении в Бресте и Пинске 9–10 декабря «литературно-художественных вечеров, посвященных этническому возрождению Полесья». На следующем заседании (23 ноября 1989 г.) было решено оплатить участникам этих мероприятий (Н.Н. Шелягович, заслуженный артист БССР В.А. Мищенко, литераторы А.И. Трушко, В.В. Брыль, Н.Н. Минзер) командировочные расходы за счет средств БФК. Однако уже через несколько месяцев последовал новый виток противостояния между БФК и ОКО «Полісьсе», спровоцированный чрезмерной общественной активностью Н.Н. Шеляговича [7, с. 13–21].

Функционирование ОКО «Полісьсе» неоднократно рассматривалось на заседаниях Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР (Республики Беларусь). Материалы работы комиссии (выступления депутатов, заключения экспертов) отложились в фонде 968 НАРБ. «Западнopolесский вопрос» интересовал и членов Совета Министров БССР (Республики Беларусь), вследствие чего ряд важных документов (заключения экспертов-ученых, аналитические записки сотрудников Министерства культуры, Министерства юстиции и других ведомств) отложились в фонде 7 НАРБ. Многие участники дискуссий по данной проблеме оспаривали тезис Н.Н. Шеляговича и его единомышленников о том, что полешуки являются прямыми потомками балтского племени ятвягов. Приведем цитату из выступления филолога В.Л. Веренича на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР 20 мая 1991 г., которая весьма точно передает оценку «западнopolесского вопроса» белорусским научным сообществом того времени: «Это (западнopolесский диалект – авт.) чисто славянский язык, и нет никаких оснований называть его ятвяжским. Другое дело диалектные говоры. Их нужно изучать, исследовать. ... Мне кажется, что Н.Н. Шелягович направил свою энергию не в то русло. Нелогично поддерживать объединение “Полісьсе” в направлении открытия школ, вузов. Другое дело, нужно поддерживать культуру, фольклор, работу объединения, а не создавать надуманный язык полешуков» [8, л. 108].

Более резкие оценки содержались в заключении «Общества белорусского языка» (общественное объединение, созданное в 1989 г. в целях поддержки белорусизации общественной жизни), подготовленном в июле 1990 г. В документе утверждалось, что деятельность ОКО «Полісьсе» «может обострить межнациональные отношения путем создания искусственных преград для изучения белорусского литературного языка представителями групп населения республики разных национальностей, учреждения печатных органов на языке диалектов этнического белорусского Полесья, а также формирования, функционирования культурно-просветительских учреждений, ориентированных не на ценности всей национальной белорусской культуры, а только на ее региональные особенности» [9, л. 240–242].

Конкурентом организаций западнopolесского движения являлось Украинское общественно-культурное объединение Брестской области (УОКОБО) во главе с Н.С. Козловским. Активисты объединения утверждали, что жители Западного Полесья являются этническими украинцами с «нераз-

буженным национальным самосознанием», а Н.Н. Шеляговича и его единомышленников называли политическими авантюристами, якобы желавшими торпедировать процесс «украинского возрождения» в регионе. Фонд 338 Государственного архива Брестской области полностью укомплектован документами УОКОБО. Интерес представляет письмо Н.С. Козловского Начальнику управления прессы Волынской областной государственной администрации Б.М. Свенцицкому от 20 марта 1993 г. В документе шла речь об издании на Волыни газеты «Полищукове слово» («Слово полешука»). Информация о связи авторов и издателей данной газеты с ОКО «Полісьсе» отсутствует. Н.С. Козловский утверждал, что газета пропагандирует «идею отдельного полешуцкого языка и отдельной полешуцкой нации», и просил украинского чиновника запретить ее издание [10, л. 19].

Можно констатировать слабую изученность западнополесского этнополитического движения. В последние годы авторами данной статьи вводятся в научный оборот новые источники по проблеме (документы НАРБ и ГАБО, материалы прессы Брестской области). Ждут исследователей фонды Зонального государственного архива Пинска (в Пинском городском Совете депутатов в первой половине 1990-х гг. имелись депутаты, поддерживавшие западнополесское движение).

1. Пушкін, І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.) / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. – 206 с.
2. Шевченко, К. В. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии / К. В. Шевченко // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник. – 2008. – С. 318–342.
3. Цадко, О. Полесье и опыт национального конструирования (1988–1995) / О. Цадко // Палітычная сфера. – 2016. – № 1. – С. 78–93.
4. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНА НАНБ). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 20471.
5. ЦНА НАНБ. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 383.
6. НАРБ. – Ф. 1515. Оп. 1. Д. 33.
7. Казак, О. Г. Институционализация западнополесского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (1988–1995 гг.) / О. Г. Казак // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2022. – № 4. – С. 10–37.
8. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Л. 108.
9. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286.
10. Государственный архив Брестской области. – Ф. 338. Оп. 1. Д. 17.

Свилас С.Ф.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИД БЕЛОРУССКОЙ ССР И МИД СССР В 1985–1991 ГГ. (ПО ПРОТОКОЛАМ КОЛЛЕГИЙ)

В последний период советской истории МИД Белорусской ССР регулярно получал выписки из протоколов заседаний Коллегии МИД СССР, которой руководили Э. А. Шеварнадзе (июль 1985 – декабрь 1990), а в 1991 г. – сначала А. Бессмертных, затем Б. Панкин. Они в определенной мере отражают характер взаимодействия республики с Центром, а также изменения, происходившие в дипломатии Советского Союза. Отметим, что такая практика отсутствовала в первые десять лет созданной в 1956 г. Коллегии республиканского внешнеполитического ведомства [8].

В августе 1985 г. под председательством первого заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко союзная Коллегия рассмотрела вопрос «Об информационно-пропагандистской и контрпропагандистской деятельности МИД Литовской ССР», по которому выступил министр иностранных дел этой республики В. М. Зенкявичус. Министр Белорусской ССР А. Е. Гуринович обратил внимание на такие формы работы литовских коллег, как проведение семинаров для обобщения опыта республиканских министерств и ведомств в сфере внешнеполитической пропаганды, брифингов для журналистов-международников, инструктирование представителей республики, выезжающих за рубеж [1, л. 33–35, 42–47].

Коллегия МИД СССР, состоявшаяся в октябре 1986 г. под председательством первого заместителя министра Ю. М. Воронцова, сочла целесообразным проведение в 1987 г. совещания министров иностранных дел союзных республик и поставила задачу расширить информирование республиканских МИД по актуальным международным вопросам, практику использования специалистов из союзных республик на дипломатической работе, изучить совместную с Дипломатической академией возможность организации подготовки и переподготовки республиканских кадров с целью создания в республиках необходимого кадрового резерва [2, л. 60].

На заседании Коллегии МИД СССР (июль 1987 г.) Э. А. Шеварнадзе инициировал обсуждение вопроса о создании Научного совета и Научно-координационного центра МИД СССР. Он подчеркнул необходимость скорейшего развертывания механизма взаимодействия МИД СССР с советскими научными учреждениями в целях «подведения прочного научного фундамента под деятельность советской дипломатической службы». Руководителем Центра и членом Коллегии был назначен опытный дипломат и кандидат исторических наук В. В. Шустов [3, л. 56]. В письме А. Е. Гуриновичу

он пояснил, что научно-координационному Центру МИД СССР поручено установить с помощью республиканских министерств контакты с научными учреждениями в союзных республиках, чтобы использовать их потенциал в интересах упрочения научного фундамента советской внешней политики и обратился с просьбой: направить в список основных проблем, разрабатываемых в научных центрах республик, которые интересны для МИД СССР, а также краткие сведения о научных центрах и ученых, список конференций или совещаний, инициативы относительно развития эффективных и взаимовыгодных связей МИД СССР с научными силами Белорусской ССР [3, л. 59].

Республиканский министр информировал: проблемами внешней политики и международных отношений занимаются в Минской Высшей партийной школе, Институте истории АН БССР, Белорусском государственном университете. В порядке подготовки к совещанию министров иностранных дел союзных республик в МИД СССР, состоявшемуся в июле 1987 г., МИД Белорусской ССР провел совещание с представителями научных учреждений республики при участии ответственных работников ЦК КПБ и СМ БССР. Вопрос укрепления связей науки и дипломатической практики следовало решать посредством преодоления ведомственной разобщенности и совершенствования координации этой работы в общесоюзном масштабе [3, л. 61–62, 66–68].

В апреле 1988 г. Коллегия МИД СССР под председательством Э. А. Шеварнадзе рассмотрела вопрос «О создании в МИД СССР механизма по проведению опросов и анализа советского общественного мнения по актуальным проблемам внешней политики». Коллегия приняла решение о создании на базе МГИМО МИД СССР Центра изучения советского общественного мнения по внешнеполитическим проблемам. В качестве одной из задач Центра определялась подготовка и направление в МИД союзных республик запросов и методики проведения изучения общественного мнения с использованием возможностей местных вузов, а МИД республик предлагалось оказывать содействие в проведении с помощью соответствующих республиканских учреждений таких мероприятий по запросам МГИМО и по собственной инициативе [7, л. 55–58].

Центральным событием 1988 года в деятельности МИД СССР и республиканских внешнеполитических ведомств стала «XIX Всесоюзная конференция КПСС: внешняя политика и дипломатия» (июль 1988), в которой от МИД БССР участвовали А. Е. Гуринович и И. И. Тернов [4, л. 59]. Коллегия МИД СССР в протоколе заседания от 2 августа 1988 г. (председатель – Э. А. Шеварнадзе) оценила конференцию как важную веху в процессе перестройки всей дипломатической службы: она способствовала дальнейшему развитию взаимодействия дипломатии с наукой, углубленной координации «в проработке» внешнеполитической проблематики между МИД СССР и другими ведомствами, более широкому подключению общественных организаций к обсуждению международных проблем. МИД СССР создал рабочую группу во главе с заместителем министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичевым для разработки Положения о задачах и компетенции МИДов союзных республик в вопросах развития и поддержания внешнеполитических связей [4, л. 83–84].

А. Е. Гуринович информировал Л. Ф. Ильичева (ноябрь 1988), что министерством были разработаны и утверждены новое Положение о МИД БССР «с учетом нашей специфики», Положение о работе по оформлению и хранению загранпаспортов и исполнению текущей переписки, регламент приема и пребывания в БССР иностранных делегаций и дипломатов, памятка по ведению пропагандистской работы делегациями и представителями республики за рубежом, запланировано проведение совещания об использовании возможностей ЕЭК ООН в народнохозяйственных интересах республики.

Министерство провело совещания ответственных работников министерств, ведомств, руководителей научных учреждений республики с сотрудниками генеральных консульств ПНР и ГДР в Минске по вопросам политического, дипломатического и консульского обеспечения развития прямых экономических, культурных и других связей БССР с ГДР и ПНР.

Началось более активное подключение науки к дипломатии: устанавливались тематика, научные коллективы и отдельные исследователи вопросов, представляющих интерес для МИД БССР, они привлекались для консультаций и выполнения соответствующих работ. Министерство провело совещание с представителями научных учреждений республики при участии ответственных работников ЦК КПБ и Совмина БССР.

Минск выступил с инициативой, чтобы к деятельности Рабочей группы по разработке предложений о правах и компетенции МИДов союзных республик в вопросах развития и поддержания внешнеполитических связей привлекались представители союзных республик [4, л. 85–89].

МИД Белорусской ССР получил выписку из протокола заседания Коллегии МИД СССР от 8 декабря 1988, на котором председательствовал первый заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев. Работа по информированию советской общественности о деятельности МИД СССР и его загранучреждений предусматривала выезды в союзные республики в составе лекторских групп дипломатических сотрудников МИД [4, л. 102–109].

Анализу основных итогов 43-й сессии ГА ООН была посвящена январская Коллегия МИД СССР (1989 г.), на которой выступили министры иностранных дел Украинской ССР (В. А. Кравец) и Бело-

русской ССР (А. Е. Гуринович). Участники заседания почеркнули, что сессия способствовала развитию обновленческих тенденций на международной арене, интернационализации и динамизации межгосударственного диалога и переговоров. В целях эффективной подготовки к 44-й сессии ГА ООН было принято решение провести заседание Коллегии для обсуждения комплексной концепции участия СССР в деятельности международных организаций с привлечением постоянных представителей СССР и министров иностранных дел союзных республик (Москва, май 1989 г.), а также совещание заместителей министров иностранных дел социалистических стран (Минск, июль 1989 г.) [5, л. 28–34].

Как следует из протокола № 1 заседания Коллегии МИД СССР от 12 января 1990 года (председатель – Э. А. Шеварнадзе), 44-я сессия ГА ООН подтвердила вступление Организации в постконфронтационный период развития, вместе с тем отразила трудности становления нового в деятельности ООН [6, л. 29–31].

Коллегией МИД БССР и ЦК КПБ в 1990 г. рассматривались кадровые вопросы представительств БССР при международных организациях в Нью-Йорке, Вене, Женеве, Париже. Как и союзная Коллегия, она стала выносить рекомендации на конкурсной основе. С 1 марта 1990 г. было введено в действие Положение о паспортно-визовой работе в МИД, отразившее повышение самостоятельности республиканского внешнеполитического ведомства в этой сфере [6, л. 14–17, 40].

В ноябре 1990 г. Коллегия обсуждала вопрос о заявке МИД БССР в МИД СССР на финансирование участия делегаций республики в мероприятиях по линии ООН и международных организаций её системы, что указывает на ограниченность полномочий республики как субъекта международных отношений. Правда, прорабатывались вопросы о заявке на финансирование участия в некоторых мероприятиях за счет средств республиканского бюджета [6, л. 54, 58].

В январе 1991 г. Коллегия МИД БССР утвердила устав малого предприятия «Информационно-коммерческий центр при МИД БССР», который наделялся правом самостоятельного ведения внешнеэкономической деятельности, заключения внешнеторговых сделок с иностранными партнерами, создания совместных предприятий [7, л. 6, 9–14]. Коллегия одобрила проект Закона Белорусской ССР о МИД БССР и предложила внести его на рассмотрение Комиссии ВС БССР по международным делам и внешнеэкономическим связям, Министерства юстиции и Совета Министров (по выступлениям П. К. Кравченко и А. Н. Бубена) [7, л. 15].

Заместитель министра А. Н. Шельдов в марте 1991 г. выступил на заседании Коллегии с информацией «О результатах и перспективах участия БССР в выборных органах международных организаций». Положение на этом важном направлении в условиях практической реализации Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР и активизации использования международных структур для минимизации последствий чернобыльской катастрофы вызывало озабоченность: республика уже не являлась членом ЭКОСОС и не входила в состав ни одной из его функциональных комиссий; были завершены сроки пребывания и в ряде других органов. Докладчиком был предложен конкретный план решения проблемы [7, л. 21–23].

Состояние и перспективы развития белорусско-польских отношений обсуждались Коллегией в марте 1991 года. Выступивший с информацией заместитель начальника протоколно-консульского отдела М. М. Хвостов подчеркнул, что основой деятельности министерства в области двухсторонних отношений с иностранными государствами является Декларация Верховного Совета БССР о государственном суверенитете республики от 27 июля 1990 года. Положение, при котором весь комплекс взаимодействия, за исключением межведомственных связей и сотрудничества приграничных районов, определяется через Центр, «не отвечает требованиям сегодняшнего дня» [7, л. 20].

В июне 1991 г. Коллегия указала начальнику отдела по кадровым и социальным вопросам П. Г. Беляеву на серьезные недостатки в работе по подготовке кадров для МИД БССР и резерва для секретариатов международных организаций: не велся подбор кандидатов для поступления в МГИМО, отсутствовала системность в направлении сотрудников Министерства на учебу и повышение квалификации в Дипломатической академии, не использовались возможности других учебных заведений, а также возможности стажировки в зарубежных представительствах, в аппарате МИД СССР [7, л. 48–49].

В архиве МИД Белорусской ССР хранится выписка из протокола заседания Коллегии МИД СССР от 30 апреля 1988 г. с текстом постановления ЦК КПСС «Об укреплении кадровых позиций и усилении влияния СССР в Секретариате ООН и других международных организаций», которое снимало жесткую регламентацию сроков работы тех советских специалистов, которые работали с «реальной отдачей», увеличив её до 8 лет и более; им предоставлялся ряд существенных социальных льгот. При МИД СССР была создана Межведомственная комиссия по подбору, подготовке и продвижению кадров в Секретариатах международных организаций. Союзная Коллегия подчеркнула необходимость повышения ответственности заместителей министра иностранных дел СССР, министров иностранных дел УССР и БССР за выработку и осуществление новой кадровой политики СССР в международных организациях [7, л. 59–65].

Таким образом, протоколы заседаний Коллегии МИД Белорусской ССР и МИД СССР за 1985–1991 гг. отражают специфику внешнеполитической деятельности Белорусской ССР, которая являлась одновременно субъектом международных отношений и членом советской федерации. Вместе с тем «перестройка» расширила возможности МИД республики. С 1990 года деятельность министерства концентрировалась на реализации в первую очередь тех задач, которые вытекали из Декларации Верховного Совета БССР о государственном суверенитете республики; «чернобыльское» направление стало приоритетным.

1. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1985 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1099. 57 л.
2. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1986 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1128. 68 л.
3. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1987 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1156. 81 л.
4. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1988 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1185. 109 л.
5. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1989 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1214. 105 л.
6. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1990 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1227. 64 л.
7. Протоколы и постановления Коллегии МИД БССР и СССР за 1991 г. // Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 3. Д. 1244. 112 л.
8. Свилас, С. Ф. Создание и начало деятельности Коллегии МИД Белорусской ССР / С. Ф. Свилас // Беларусь в меняющемся мире: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 208–216.

Мушта А.А.

О МАТЕРИАЛАХ РЕСУРСОВ NARA И NATIONAL SECURITY ARCHIVE ДЛЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАРРАТИВОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И РОЛИ В НЕЙ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Актуализация исторических знаний о холодной войне происходит в критический момент мировой истории. Представляется, что выход на новый уровень исследовательского интереса сопряжен, в том числе, с двоякой интерпретацией этого феномена:

как уникального явления исторического процесса со своими специфическими характеристиками, исключающими повторение этого явления в будущем;

как одного из особых типов межгосударственного конфликта, являющего собой высший уровень противостояния двух акторов без перехода к полномасштабным боевым действиям [1], появление (реинкарнация) которого в сегодняшних условиях или в обозримом будущем весьма вероятно.

История, как утверждали французские историки Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос, пишется на основании источников. История холодной войны не составляет исключения. Возможно, одним из первых источников по истории холодной войны» можно считать подшивку британского еженедельника «Трибьюн» (Tribune), в котором 19 октября 1945 г. известный писатель Джордж Оруэлл в статье «Ты и атомная бомба» впервые использовал словосочетание «холодная война» применительно к реалиям середины XX века.

В данном случае речь пойдет о т.н. «новой истории холодной войны», под которой понимается современная историография, основанная на источниках, ставших доступными после распада СССР. Как отмечала Н. Егорова, её отличительными чертами являются междисциплинарность, интернационализм и мультиархивность [2, с. 116].

Предметом научного интереса автора является комплексное междисциплинарное исследование теоретико-методологических и прикладных основ взаимных связей безопасности (национальной и международной) и исторической политики. В целях разработки таких исследовательских направлений, как «инструментализация» исторической науки в период холодной войны; нарративы холодной войны; спецслужбы как мнемонические акторы «психологической войны» и др. автор обращается к различным зарубежным архивным ресурсам.

Богатыми источниковыми возможностями в отношении истории холодной войны располагает National Archives and Records Administration (NARA) – ведущее архивное агентство правительства США. Своеобразным отправным документом для исследователя в этом плане может являться Справочный информационный документ 107 «Помощь в поиске записей национальных архивов, относящихся к холодной войне». Он был составлен Тимом Веркампом и издан в рамках конференции «Сила свободного расследования и международная история холодной войны», организованной NARA и Университетом Мэриленда 25-26 сентября 1998 г.

В документе приведены несколько репрезентативных серий и наборов данных текстовых, электронных, фото- и кинозаписей, которые документируют политику, программы и действия правительства США во время холодной войны. Составители выбрали подборку документов, иллюстрирующих объем и содержание фондов Национального управления архивов и документации (NARA), относящихся к периоду с 1945 по 1991 гг., отметив, что «записи ни в коем случае не представляют всю документацию по этой теме, хранящуюся в NARA» [3].

Даже беглое ознакомление с ресурсами NARA по вопросам холодной войны показывает, что оно располагает колоссальным объемом материалов, документирующих деятельность правительства Соединенных Штатов и американских спецслужб в эпоху холодной войны.

По мнению американских архивистов, наиболее важным источником информации о дипломатических отношениях США в этот период является центральный файл внешней политики Государственного департамента (RG 59). Отчеты Сената США (RG 46), Палаты представителей (RG 233) и Объединенного комитета Конгресса (RG 128) документируют решающую роль Конгресса в принятии законов, финансировании, расследовании и оценке реакции на холодную войну.

Создатели Закона о национальной безопасности 1947 года признали решающую роль разведывательной информации в формировании политики холодной войны, создав Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и возложив на него ответственность за консультирование президента, Совета национальной безопасности, военного ведомства и Государственного департамента по политике, программам и операциям разведки. Установленные законом обязанности ЦРУ по распространению разведывательной информации внутри правительства и по координации правительственных программ внешней разведки и контрразведки были предназначены для обеспечения тесного сотрудничества с другими федеральными агентствами, ведущими дела страны за рубежом.

О масштабах этой деятельности свидетельствуют составленные ЦРУ оценки национальной разведки за 1950–1985 гг. (RG 263). Эта текстовая серия состоит из экранированных копий отчетов ЦРУ, анализирующих все сферы жизнедеятельности Советского Союза и его союзников. Оценки касаются не только таких тем, как военная сила и возможности нападения, разработка ядерного и биологического оружия, космические программы, но также и политических, идеологических и культурных проблем, подготовки кадров, биографических и личностных данных государственных и политических деятелей.

В контексте вынесенной в заголовок темы представляют интерес записи Информационного агентства США (USIA), основанного в 1953 г. президентом Д. Эйзенхауэром с миссией «понимать, информировать и влиять на иностранную аудиторию с целью продвижения национальных интересов и углубления диалога между американцами и государственными учреждениями». Так, в документальной коллекции «Фоторепродукция» содержатся разосланные ЮСИА в 1957–1964 гг. по почте для показа и публикации за рубежом 4200 изображений из серии «Истории в картинках» [4]. Однако слоган USIA – «Рассказать миру историю Америки» – не должен вводить в заблуждение, ибо действительными задачами Информационного агентства были «психологическая война» и манипулирование общественным мнением за границей. Результатов, как отмечал долгое время прослуживший в USIA Артур А. Бардос, необходимо было добиваться любой ценой, что вызывало отвращение у одних, в то же время привлекало других [5].

Заслуживают внимания архивные материалы, расположенные на ресурсе National Security Archive (Архив национальной безопасности, <https://nsarchive.gwu.edu/>) – неправительственного, некоммерческого исследовательского и архивного учреждения, расположенного на территории кампуса Университета Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, округ Колумбия. Основатель National Security Archive – Скотт Армстронг, бывший репортер Washington Post, который в 1985 г. привлек к этой работе некоторых сотрудников сенатского комитета по расследованию «Уотергейтского дела», журналистов и историков. Позиционируется в качестве центра журналистских расследований, исследовательского института международных отношений и крупнейшего хранилища рассекреченных документов США, не принадлежащих федеральному правительству. National Security Archive считается одним из наиболее активных запросчиков в государственные органы США – на основе Закона о свободе информации Архив получил немало важных правительственных документов, в том числе составленный ЦРУ список «Фамильные драгоценности», документирующий десятилетия незаконной деятельности агентства. К сегодняшнему дню National Security Archive располагает значительным массивом рассекреченных документов общим объемом более 875 тыс. страниц.

Цифровой архив ресурса National Security Archive представляет собой созданную в сотрудничестве с ProQuest онлайн-коллекцию из более чем 100 000 рассекреченных записей, документирующих политические решения США. Оцифрованные документы доступны в более чем 56 тематических коллекциях (модулях), среди которых: Берлинский кризис (1958–1962 гг.); Кубинский ракетный кризис (1962 г.); политика США в войне во Вьетнаме (1969–1975 гг.); разведывательное сообщество США (1947–1989 гг.); американский анализ Советского Союза (1947–1991 гг.) и др. [6].

Поскольку National Security Archive декларирует принципы «открытого правительства» и поощрения свободного использования архивных материалов, поэтому, если не указано иное, все рассекреченные правительственные документы США находятся в свободном доступе. Пользователям предлагаются способы поиска материала с главной страницы.

В декабре 2022 г. National Security Archive обновил версию «русских страниц» – коллекцию русскоязычных документов, (в ее составе материалы из личных архивов советских чиновников высокого уровня времен «перестройки», на ресурсе их именуют «ветеранами холодной войны», – А. Яковлева,

Д. Волкогонова, А. Грачева, А. Черняева, (всего около 18 тыс. документов) с возможностью поиска по ключевым словам по всему массиву документов на русском языке [7]. Обращение к этим эго-источникам требует от исследователя соблюдения базовых принципов их анализа – определения объективной ценности исторических документов, установления связей между ними, построения корпуса источников, необходимых для получения совокупных научных фактов по исследуемой проблеме.

В заключение отметим, что память о холодной войне не только оказала существенное влияние на формирование мирового порядка в постбиполярную эпоху, она актуальна и в нынешней геополитической ситуации, когда человечество оказалось на пороге системного конфликта относительно нового типа, который можно обозначить как холодную войну 2.0. В этих условиях потребность в дальнейшем теоретическом осмыслении источниковой базы истории международных отношений в период холодной войны 1945–1991 г. очевидна. При этом следует понимать, что формирование корпуса источников напрямую определяет содержание событий, исследуемых в исторической ретроспективе и проецируемых на день сегодняшний и завтрашний.

1. Куприянов, А. В. Холодная война как особый тип конфликта [Электронный ресурс] / А. В. Куприянов. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/holodnaya-vojna-tip-konflikta/>. – Дата доступа: 12.01.2023.
2. Егорова, Н. И. «Новая История «холодной войны»» в современных зарубежных исследованиях / Н. И. Егорова // Новая и новейшая история. – 2009. – № 4. – С. 116–129.
3. Reference Information Paper 107 «A Finding Aid to National Archives Records Relating to the Cold War» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archives.gov/research/foreign-policy/cold-war/ref-info-paper-107>. – Дата доступа: 15.12.2022.
4. 306.5.3 Записи Службы прессы и публикаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archives.gov/research/guided-records/groups/306.html>. – Дата доступа: 22.01.2023.
5. Бардос, А. А. «Публичная дипломатия»: старое искусство, новая профессия [Электронный ресурс] / А. А. Бардос // VQR. Национальный журнал литературы и дискуссий. – Режим доступа: <https://www.vqronline.org/essay/public-diplomacy-old-art-new-profession>. – Дата доступа: 22.11.2022.
6. Digital National Security Archive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://about.proquest.com/en/products-services/dnsa/>. – Дата доступа: 12.02.2023.
7. Добро пожаловать на русскоязычную страницу Архива Национальной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsarchive.gwu.edu/project/russian-pages>. – Дата доступа: 12.02.2023.

Архипова Т.Г.

ГКЧП. ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В сегодняшней России в большинстве случаев распад СССР оценивается как трагедия. Со временем боль утраты усиливается и у граждан ряда бывших союзных республик, о чем, например, повествует в своих путевых заметках корреспондент «Аргументов и фактов» Г. Зотов. Лидеры любого государства – люди, они не безгрешны и могут совершать ошибки; были они и у лидеров СССР. В то же время за годы своего существования он развивался весьма динамично и превратился в великую державу, заняв одно из первых мест в мире. Не менявшиеся более полувека качественные характеристики советского государства привели к началу 70-х гг. минувшего века к застою, преодолеть который не удалось. Итогом этого стал системный кризис.

Поначалу казалось, что, освободившись от жесткой руки федерального центра, многонациональный народ великой державы вздохнет свободно и ему удастся достичь многих благ, обретению которых тот препятствовал. Взгляды значительной части общества были обращены на «процветающий» Запад, прежде всего, на страны Европы. В ходу была формула «Запад нам поможет». При этом забывалась, что по целому ряду причин Запад не испытывал потребности помогать сильному СССР. Там были иные планы. Время, прошедшее после распада СССР, наглядно показало, что таковыми они остаются и сейчас.

В поисках ответа на вопрос «Кто виноват?» в том, что случилось, нередко называют ГКЧП. Полярность оценок действий ГКЧП сохраняется; его члены именуются то патриотами, то путчистами-заговорщиками¹. Историк необходим «пафос дистанции» и для оценки эпохальных событий тридцать лет – не срок, поэтому, с нашей точки зрения, анализировать уже вышедшие работы труд пока малопродуктивный, историографический процесс продолжается. Его анализ – задача историков следующих поколений. Продолжается и изучение источников. Какая-то их часть пока недоступна исследователям, однако многие стороны конкретных событий можно анализировать по мемуарам их участников, которым источниковеды отводят если не последнюю, то второстепенную роль, но из общей массы источников не исключают.

К настоящему времени в распоряжении исследователей имеется значительное число мемуаров, так или иначе затрагивающих историю ГКЧП. В данном случае для анализа выбраны мемуары трех его членов: В.А. Крючкова, вдохновителя создания этого органа, в это время возглавлявшего КГБ

¹ Несмотря на то, что все они были амнистированы.

СССР и владеющего всей необходимой информацией о положении в стране и за ее пределами; Г.И. Янаева – факира на час, в течение трех дней возглавлявшего СССР, а до этого его первого и последнего вице-президента, и В.С. Павлова – первого и последнего премьер-министра СССР. Это были люди поколения 20-х–30-х гг. (старшим был Крючков), прошедшие обычный для советского человека путь наверх. Вместе со страной они испытали на себе все ее поражения и победы.

Первыми вышли мемуары Павлова [3], почти вслед за ними – двухтомник Крюčkова [2], последними – Янаева [4]¹. С самого начала их оценки отличались полярностью. Попробуем оценить их сейчас. Общим для них является следующее: главным виновником всех произошедших в августе 1991 г. событий, как и распада СССР², мемуаристы считают его первого и последнего Президента; написаны они, в основном, во время пребывания в тюрьме; их содержание нельзя назвать оправдательным, авторы, за некоторыми исключениями частного характера, уверены в правоте своих действий; высказываемые авторами предположения о дальнейшей судьбе бывших республик СССР, особенно Украины, к сожалению, подтвердились.

Наименее информативными в отношении истории ГКЧП являются мемуары Павлова. Будучи финансистом, считая себя недостаточно компетентным в политике, он старательно дистанцировался от нее. В то же время через весь текст он довольно убедительно проводит мысль, что все политические преобразования необходимо было предварить преобразованиями экономическими [3]. Думается, в этом случае он был прав, но времени у него было крайне мало, а предпринятые шаги в этом направлении если не опоздали, то оставили по себе самую негативную память. Здесь достаточно вспомнить пресловутую денежную реформу 1991 г., получившую название Павловской. Кроме того, из-за гипертонического криза он, по существу, выбыл из состава ГКЧП [4, с. 219; 2, с. 181–182].

Дневниковые записи в местах лишения свободы Янаева помещены под одной обложкой с документами, имеющими отношение к ГКЧП, и интервью, данными во второй половине 90-х минувшего века – начале XXI. Как он пишет, у него было время подумать над произошедшим и познакомиться с тем, что было написано и сказано до него. Его знакомство с литературой и мемуарами предшественников очевидно. Присутствует здесь и анализ положения дел в современной ему России.

Наиболее информативными представляются мемуары Крюčkова. Хотя он отмечает, что брал на себя только ответственность в предполагаемых действиях в той части, что касается Комитета госбезопасности, знакомство с его мемуарами свидетельствует о его лидерстве в ГКЧП. Кстати, никто из мемуаристов этот факт не опровергает.

Крючков, как, впрочем, и Янаев, обращает внимание на то, что неоднократно доводимая до сведения Президента СССР тревожащая их информация, мягко говоря, оставалась без внимания. За два дня до создания ГКЧП он и его коллеги, встретившись «на одном из объектов Комитета Госбезопасности», «мучительно» обсуждали пути выхода из создавшегося положения [2, с. 156]. Как известно, было решено отправить в Форос к Президенту делегацию с целью доложить ему обстановку, «посоветоваться с ним и попытаться получить от него конкретные соображения относительно того, какие меры он намерен принять для спасения государства» [2, с. 157]. Согласимся, разговор здесь не просматривается. «Заговорщики» рассматривали разные варианты ответа Горбачева, наиболее вероятным они посчитали ответ ни «да», ни «нет». Так оно и случилось. Горбачев предпочел принимать решение в зависимости от дальнейшего развития событий. Крючков считает поездку делегации в Крым грубейшей ошибкой будущего состава ГКЧП [2, с. 161].

Решение о создании этого органа собравшимся вечером 18 августа далось с большим трудом, в первую очередь Янаеву. Свое согласие он объясняет желанием воспрепятствовать распаду СССР. Он не отрицает антиконституционность этого органа, считая, однако, его создание «последним и, пожалуй, единственным способом спасения и самой Конституции, и государства, в котором она была принята» [4, с. 58].

В свое время большинство населения проигнорировало заявление Председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, предварявшее публикацию документов ГКЧП, меньшинство – встретило его в штыки. Крючков же, анализируя его, приходит к выводу, что это был мужественный поступок гражданина, «признанного в 1991 году одним из лучших спикеров парламентов Европы» [2, с. 176]. Он открыто высказал свою позицию, прежде всего, по отношению к подготовленному в президентском окружении тексту Союзного договора, о путях возможного выхода из сложившейся в СССР ситуации и т.п. Результат этого заявления известен – автор оказался на скамье подсудимых вместе с членами ГКЧП.

Известен и состав ГКЧП – это были руководители высшего эшелона власти, ответственные не только за безопасность государства, но и за его жизнедеятельность³. Собираясь два раза в день [4, с.

¹ Анализу подвергаются первые их издания.

² Янаев даже считает, что СССР можно было бы сохранить даже после августовских событий в виде конфедерации или в виде новой федерации, Горбачев ничего не сделал для этого [4, с. 136].

³ По разбросанным по страницам мемуаров В.А. Крюčkова характеристикам членов ГКЧП можно судить о том, что их связывали в основном деловые отношения. Как говорил А.И. Микоян: у политиков друзей нет.

219], решения принимали коллегиально. В свое время немногие вчитывались в содержание принятых этим органом актов – без какого-либо анализа они оценивались как демагогические; их авторы объявлялись озабоченными не сохранением государства, а сохранением сложившегося политического и общественного строя в нем. Критика этих документов зиждилась на порицании всего, что было сделано при советской власти. Такое это было время.

И В.А. Крючков, и В.И. Болдин – руководитель Аппарата Президента СССР – утверждают, что ввод воинских подразделений в столицу был обусловлен желанием предупредить возможные попытки «экстремальных групп учинить беспорядки, спровоцировать кровавые конфликты» [2, с. 180; 1, с. 446]. Действительно, подразделения эти не были использованы по назначению. По поводу же того, что чуть ли не все СМИ с пониманием принимали представленную им для обнародования информацию о создании ГКЧП [2, с. 181] можно и усомниться. Да, принимали, но публиковали с разными комментариями. Кстати, Крючков на последующих страницах мемуаров опровергает это свое заявление.

Крючков утверждает, что в планы Комитета не входили жесткие меры по отношению к Горбачеву и Ельцину, а вот российский Президент и его окружение с самого начала встали на путь острой конфронтации к нему. Правда, в поступках российского руководства наблюдалась некоторая непоследовательность, что выражалось в попытках установить «закрытые контакты» с лицами, действовавшими в рамках ГКЧП [2, с. 184–185].

События развивались таким образом, что уже 19 августа часть бронетехники, введенной в Москву по приказу ГКЧП, стала выводиться из столицы. Министр обороны Д.Т. Язов несколько позднее заявил, что коллегия Министерства обороны приняла такое решение из-за бездействия Комитета [2, с. 200]. Это говорит о разногласиях между его членами.

Постепенно ГКЧП стал терять поддержку своих сторонников. Янаев с горечью отмечает, что 19-го августа из каждой тысячи полученных им в Кремле телеграмм 700-800 были в поддержку ГКЧП, 20-го – «фифти-фифти», а 21-го «история с ГКЧП, по сути, завершилась» [4, с. 114]. После гибели в ночь с 20-го на 21 августа трех молодых людей (их гибель впоследствии была квалифицирована как случайность) членам ГКЧП, во всяком случае Янаеву, стало ясно, что им не удастся довести начатое до конца. Одну из основных причин такого исхода событий он видит в расколе в армейском руководстве, виновниками которого он называет маршала Е.И. Шапошникова и генералов А.И. Лебеда и П.С. Грачева, нарушивших военную присягу [4, с. 117]. Свою вину члены ГКЧП тоже не отрицают. Так, Крючков пишет: нам не хватило твердости и это было не только «нашим личным поражением, но и поражением народа, защитные, созидательные силы которого оказались незадействованными» [2, с. 214]. Он вообще несколько страниц своих мемуаров отводит перечислению причин провала августовского выступления, которых насчитывает десять. Среди них, в первую очередь, он называет его верхушечный характер, недооценку возможности более широкой поддержки, нерешительность, отказ от полного разрыва с Горбачевым, ввод боевой техники в Москву и др. [2, с. 355–358].

Сейчас, по прошествии трех десятков лет можно констатировать, что члены ГКЧП достойно вышли из сложившейся ситуации и отказались от призыва к своим сторонникам защитить советскую власть. В своей речи на суде Крючков назовет создание ГКЧП «шагом отчаяния» в попытке остановить ход катастрофического развития событий. «В надвигавшемся распаде Союза виделась самая большая невосполнимая потеря для советских народов...» [2, с. 336]. Так видятся эти события сейчас, как они будут представляться последующим поколениям, покажет время.

1. Болдин, В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева / В. И. Болдин. – М. : Республика, 1995. – 447 с.
2. Крючков, В. А. Личное дело : в 2 ч. / В. А. Крючков. – Ч. 2. – М. : Олимп, 1996. – 432 с.
3. Павлов, В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку / В. С. Павлов. – М. : ТЭРРА, 1995. – 336 с.
4. Янаев, Г. И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР / Г. И. Янаев. – М. : Эксмо, 2010. – 240 с.

Дашкевіч А.Л.

ЗАКАНАДАЎЧЫЯ АКТЫ ЯК КРЫНІЦЫ КАНСТЫТУЦЫЙНА-ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ СТВАРЭННЯ І ДЗЕЙНАСЦІ ПРАФЕСІЙНЫХ САЮЗАЎ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ: ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫЯ АСПЕКТЫ

Канстытуцыйна-правое рэгуляванне стварэння і дзейнасці прафесійных саюзаў ва ўмовах станаўлення і развіцця Рэспублікі Беларусь як суверэннай дзяржавы зведала істотную трансфармацыю, якая была заснавана на фарміраванні новага грамадскага і дзяржаўнага ўладкавання. Заканадаўчыя акты, якія рэгламентавалі найбольш важныя грамадскія адносіны, звязаныя з прафесійнымі саюзамі, змяняліся і дапаўняліся, з'яўляліся новыя, змяняўся як сам іх пералік, так і іх юрыдычная сіла, што вызначала іх суадносіны не толькі паміж сабою, але і ў дачыненні іншых крыніц беларускага права.

Адпаведна вызначыць змест канстытуцыйна-прававога рэгулявання адносна стварэння і дзейнасці прафесійных саюзаў на канкрэтным гістарычным этапе немагчыма без вывучэння трансфармацыйных аспектаў прыняцця і дзеяння заканадаўчых актаў. У гэтым кантэксце ўяўляюць цікавасць дактрынальныя падыходы, якія фарміруюцца ў дачыненні асэнсавання трансфармацыі канстытуцыйных норм. Адзначаецца, што пераўтварэнне канстытуцыйных норм, па – першае, можа адбывацца праз фармальна-юрыдычныя змены канстытуцыі, або яе частковы перагляд, які ажыццяўляецца ў адпаведнасці з устаноўленай самой нацыянальнай Канстытуцыяй парадку, што ўяўляе сабою тэкставае пераўтварэнне дзеючай Канстытуцыі, якое змяняе (істотна ці нязначна) «літару» і «дух» (сэнс) Асноўнага Закона, па-другое, магчыма фактычнае змяненне Канстытуцыі – нетэкстуальнае змяненне аб'ёму яе нарматыўнага зместу, не прадугледжаную Асноўным Законом карэкцыю канстытуцыйных сэнсаў [1, с. 42].

Пры гэтым трэба ўлічваць спецыфіку значнай часткі канстытуцыйных норм, якія маюць агульнарэгулятыўнае значэнне, асаблівы механізм іх рэалізацыі. Пры гэтым трансфармацыя канстытуцыйных норм у любой форме выступае ў якасці асновы для перапрацоўкі астатняга масіва канстытуцыйна-прававых, пры неабходнасці, іншых прававых норм, найперш замацаваных у заканадаўчых актах, з неабходнасцю ўлічваць іх суадносіны, як паміж сабою, так і ў дачыненні іншых крыніц нацыянальнага права, парадак пераадолення адпаведных калізій.

Трансфармацыя канстытуцыйна-прававых норм у абагуленым выглядзе ў дадзеным выпадку можа ўяўляць сабою такое іх пераўтварэнне, якое адбываецца, як у фармальна-юрыдычным сэнсе праз унясенне змен і дапаўненняў у Канстытуцыю, іншыя заканадаўчыя акты, прыняцце новых або фактычнае змяненне нормаў, якое ўключае нетэкстуальнае змяненне аб'ёму нарматыўнага зместу, карэкцыю сэнсаў.

З пункту гледжання, як нарматворчай, так і правапрымяняльнай дзейнасці, выключна важнае значэнне адыгравае выкарыстанне заканадаўцам катэгорыяльна-паняцыйны апарат. У гэтым кантэксце прафесійныя саюзы, выступаючы ў якасці аб'екта канстытуцыйна – прававога рэгулявання, паводле свайго легальнага замацавання з самага пачатку прысутнічалі на канстытуцыйным узроўні, як у межах Канстытуцыі 1978 г. [2], якая дзейнічала да ўступлення ў сілу Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г., так і ў нормах апошняга да сённяшняга часу [3]. Дэфініцыя прафесійнага саюза ў нацыянальным заканадаўстве ўпершыню было замацавана ў арт. 1 Закона Рэспублікі Беларусь “Аб прафесійных саюзах” ад 22 красавіка 1992 г. [4] Прафесійны саюз вызначаўся, як добраахвотная грамадская арганізацыя, якая аб'ядноўвае грамадзян, у тым ліку асоб, якія навучаюцца ў вышэйшых, сярэдніх спецыяльных і прафесійна-тэхнічных навучальных установах, звязаных агульнымі інтарэсамі па роду іх дзейнасці як у вытворчай, так і ў невытворчай сферах, для абароны працоўных, сацыяльна-эканамічных правоў і інтарэсаў сваіх членаў, якія вынікаюць з агульнапрызнаных прынцыпаў міжнароднага права і ўстаноўленых “Усеагульнай дэкларацыяй правоў чалавека”, міжнароднымі пактамі “Аб эканамічных, сацыяльных і культурных правах”, “Аб грамадзянскіх і палітычных правах”, канвенцыямі Міжнароднай арганізацыі працы і іншымі ратыфікаванымі ва ўстаноўленым парадку міжнароднымі дагаворамі Рэспублікі Беларусь. З прыведзенага вызначэння вынікае, што заканадавец замацоўваў прыналежнасць прафесійных саюзаў да ліку грамадскіх арганізацый, што распаўсюджвала на прафесійныя саюзы дзеянне адпаведных норм Канстытуцыі і іншых заканадаўчых актаў.

У адрозненні ад канстытуцыйных палажэнняў у Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце ад 27 ліпеня 1990 г. (ч. 4 арт. 1 [5]) выкарыстоўвалася паняцце грамадскага аб'яднання замест пазначанага ў Канстытуцыі БССР 1978 г. паняцця грамадскай арганізацыі. Пазней, такі ж падыход прысутнічаў у пастанове Вярхоўнага Савета “Аб рэгістрацыі грамадскіх аб'яднанняў ў Беларускай ССР” ад 28 ліпеня 1990 г. [6], Часовым палажэнні аб парадку стварэння і дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў грамадзян у Беларускай ССР, зацверджанага пастановай Савета Міністраў ад 3 кастрычніка 1990 г. [7], што суадносілася з саюзнай практыкай нарматворчай дзейнасці ў гэтай сферы ў межах прыняцця Закона СССР “Аб грамадскіх аб'яднаннях” 9 кастрычніка 1990 г. [8].

Пэўныя змены і дапаўненні ў вызначэнні паняцця прафесійнага саюза адбываюцца пасля прыняцця Закона Рэспублікі Беларусь “Аб унясенні змен і дапаўненняў у Закон Рэспублікі Беларусь “Аб прафесійных саюзах” ад 17 мая 2011 г. [9], калі арт. 1 адпаведнага закона выкладаецца ў новай рэдакцыі, якая прадугледжвала, сярод іншага, удакладненне суб'ектнага складу ўдзельнікаў прафесійнага саюза, калі да грамадзян былі далучаны замежныя грамадзяне і асобы без грамадзянства. Адначасова выключаецца спасылка на агульнапрызнаныя прынцыпы міжнароднага права і адпаведныя міжнародныя дагаворы з якіх вынікаюць і ўстанаўліваюцца працоўныя і сацыяльна-эканамічныя правы і інтарэсы, абарона якіх, выступала ў якасці вызначальнай відавочнай прыкметы паняцця прафесійнага саюза з пункту гледжання яго ўключэння ў паняццыйны шэраг паняцця грамадскага фарміравання, што таксама вынікала з аналізу арт. 1 Закона Рэспублікі Беларусь “Аб гра-

мадскіх аб'яднаннях" ад 4 кастрычніка 1994 г. [10]. Адначасова, паняцце грамадскага аб'яднання ў шырокім сэнсе таксама магло ўключаць і прафесійныя саюзы, распаўсюджваючы на іх дзейнае адпаведнае заканадаўчае акта [11].

Ва ўмовах сучаснага канстытуцыйнага рэфармавання прафесійныя саюзы набываюць новыя правамоцтвы ў рамках асаблівых форм узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі (арганізацыямі) выступаючы ў якасці суб'ектаў грамадзянскай супольнасці паводле арт. 7 Закона Рэспублікі Беларусь "Аб асновах грамадзянскай супольнасці" ад 14 лютага 2023 г. [12]. Пад апошнімі (арт. 1) разумеюць аб'яднанні грамадзян або юрыдычных асоб на падставе членства незалежна ад колькаснага, тэрытарыяльнага або іншага цэнза, статутная дзейнасць якіх накіравана на вырашэнне задач узаемадзеяння дзяржаўных органаў (арганізацый) і грамадзянскай супольнасці, што адлюстраваны ў арт. 4 дадзенага закона.

Такім чынам, вызначаючы крыніцы і змест канстытуцыйна-прававога рэгулявання стварэння і дзейнасці прафесійных саюзаў неабходна ўлічваць катэгарыяльна-паняццёвы апарат заканадаўства аб грамадскіх фарміраваннях, яго трансфармацыю, суадносіны легальных паняццяў у межах адпаведнага часу іх выкарыстання. У кантэксце дадзенай праблематыкі вызначальным з пункту гледжання паняццёвых шэрагаў з'яўляецца спалучэнне паняцця прафесійнага саюза з такімі паняццямі як грамадскае фарміраванне, грамадскае аб'яднанне, грамадская арганізацыя, суб'ект грамадзянскай супольнасці.

1. Мокосеева, М. А. Некоторые аспекты трансформации конституционных правовых норм / М. А. Мокосеева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 96–105.
2. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі [Электронны ресурс] : прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 года // Pravo.by. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda/>. – Дата доступа: 19.03.2023.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : 24 нояб. 1996 г. : в ред. от 4 марта 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. О профессиональных союзах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г., №1605-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : Декларация Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, 27 июля 1990 г., № 193-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. О регистрации общественных объединений в Белорусской ССР [Электронный ресурс] : постановление Верховного Совета Белорусской ССР, 28 июля 1990 г., №222-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Об утверждении "Временного положения о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской ССР" [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров БССР, 3 окт. 1990 г., №255 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Об общественных объединениях: Закон СССР, 9 октября 1990 г., №1708-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 839.
9. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь "О профессиональных союзах" [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г., № 267-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
10. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 окт. 1994 г. № 3254-XII : в ред. от 4 нояб. 2013 г. № 71-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
11. Дашкевич, А. Л. Паняцце і віды грамадскіх аб'яднанняў паводле сучаснага заканадаўства Беларусі / А. Л. Дашкевич // Экономіка і праблемы ўправлення : сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Г. Янчевского. – Минск : ЧИУИП, 2008. – С. 174–183.
12. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 февраля 2023 г. №250-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Сафонова Т.В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственная политика в любой сфере имеет свои основания и источники. Проблема источников государственных политик практически не рассматривается в трудах белорусских исследователей, как и вопрос об источниках государственной информационной политики.

Всестороннее исследование оснований и источников государственных политик осуществлялось под руководством российского политического деятеля, генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии, доктора физико-математических и доктора политических наук, профессора Сулакшина С.С.

Авторами Сулакшиным С.С., Погорелко М.Ю., Репиным И.В. в работе «Источники и основания государственных политик в России» рассматриваются теоретико-методологические основы, а также действующие процедуры формирования и реализации государственных политик. Авторы вводят понятия источников и оснований государственной политики [5, с. 33].

Основаниями государственной политики являются идейные и ценностные исходные установки, социальные, экономические и иные внешние условия, вызывающие необходимость принятия управленческих решений, внесения изменения как отдельных политических и правовых документов, так и политической и правовой системы в целом.

Источники государственной политики являются документально воплощенное содержание государственной политики, различные виды соответствующих политических и правовых документов.

Авторы выделяют нормативно-политические и нормативно-правовые формы источников государственной политики.

К нормативно-политическим формам источников государственной политики относят заявления, обращения, выступления, программы, послания и иные документы, закрепляющие намерения и обязательства политических лидеров и лиц, принимающих решения. В документированном виде включают элементы предписаний об обязательности их исполнения.

К нормативно-правовым формам источников государственной политики Сулакшин С.С., Погорелко М.Ю. и Репин И.В. относят письменные документы, устанавливающие правила поведения (правовые нормы), принятые уполномоченными на то субъектами, обязательные к исполнению и имеющие легитимный характер, обеспеченный властным принуждением.

Рассмотренный подход к пониманию понятия источников государственной политики и их форм нам представляется достаточно удачным и может быть успешно применен в процессе исследования источников государственной информационной политики Республики Беларусь.

Особым основанием государственной информационной политики Республики Беларусь являются послания Президента Республики Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [3] послания Президента прямо не относятся ни к одному из видов правовых актов. Однако, в посланиях анализируются основные направления внутренней и внешней политики государства, выражаются видения главой государства стратегических направлений развития страны на ближайшую перспективу, рассматриваются положения политического, экономического, идеологического, информационно-правового характера, а также приводятся конкретные предложения, касающиеся законотворческой работы Парламента.

Нормативно-политическими источниками государственной информационной политики Республики Беларусь являются стратегии, государственные программы, концепции, принимаемые (утверждаемые) Президентом Республики Беларусь, Советом Безопасности Республики Беларусь, правительством и другими органами государственной власти [4, с. 14].

Важнейшим документом программного характера, являющимся источником государственной информационной политики в области информатизации является Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, утвержденная на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 3 ноября 2015 года протоколом от 3 ноября 2015 г. №26 (далее – Стратегия) [6].

В Стратегии оценивается современное состояние информатизации в Республике Беларусь, закрепляются концептуальные основы и направления ее развития, принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации, условия и механизмы ее реализации.

Источниками государственной политики, в том числе информационной политики, являются государственные программы. Например, государственная программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 декабря 2021 г. № 773.

Несомненно, источником государственных политик выступают концептуальные документы – концепции. Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». Указанный концептуальный документ является источником государственной информационной политики в области информационной безопасности.

Концептуальные основы реализации государственной информационной политики в таких важных сферах как сохранение исторической правды и памяти, сохранение духовно-нравственных и традиционных ценностей, деятельность средств массовой информации, защита граждан от деструктивной информации закреплены в Концепции информационной безопасности [2].

Некоторые концептуальные положения, касающиеся вопросов информационной безопасности, закреплены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. №575. На наш взгляд, положения Концепции национальной безопасности, касающиеся информационной безопасности государства, существенно устарели, требуют переосмысления и доработки. В настоящее время обсуждается проект новой Концепция национальной безопасности.

По мнению Сулакшина С.С. к источникам государственной политики относятся доктрины. Автор полагает, что роль доктрин заключается в обеспечении предсказуемости и прозрачности государственной политики.

В Республике Беларусь сложилась скудная практика принятия (утверждения) доктрин. Так, в настоящее время утверждено две доктрины – Военная доктрина Республики Беларусь и Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года. В области государственной информационной политики доктрины в Республике Беларусь не принимались.

К нормативно-правовым формам источников государственной информационной политики относятся нормы Конституции Республики Беларусь закрепляющие право на информацию (ст. 34), право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст.33), право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь и защиту персональных данных (ст. 28) и другие [1], а также нормативные правовые акты, составляющие информационное законодательство Республики Беларусь: законы Республики Беларусь «О средствах массовой информации», «О рекламе», «О недопущении реабилитации нацизма», «О правах ребенка» и другие.

Сегодня мы являемся свидетелями глубоких трансформаций, происходящих в белорусском обществе. Эти трансформации влекут серьезные изменения в законодательстве Республики Беларусь, и, прежде всего, в информационном законодательстве. Появляются предпосылки закрепления новых информационных прав и свобод. Таким «новым» информационным правом стало «право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию». Это право фактически закреплено в ст.37¹ Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII.

Информационное законодательство Республики Беларусь является нормативно-правовым источником государственной информационной политики. В свою очередь, реализация государственной информационной политики зачастую требует совершенствования информационно-правовых норм.

Таким образом, источниками государственной информационной политики являются различные виды соответствующих политических и правовых документов, закрепляющие ее содержание, требующих в настоящее время конструктивных преобразований.

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII [Электронный ресурс] : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004 : в ред. Закона Республики Беларусь от 12.10.2021 № 124-З, решения республиканского референдума от 04.03.2022 // ИПС «Эталон». Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.03.2019, 7/4227.
3. О нормативных правовых актах: проект Закона Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей во втором чтении 27 июня 2018 года. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3941&p0=2016004032>. – Дата доступа: 01.06.2018.
4. Сафонова, Т. В. Источники государственной информационной политики Республики Беларусь / Т. В.Сафонова // Право.Экономика. Психология. – 2018. – № 3 (11). – С. 13–18.
5. Сулакшин, С. С. Источники и основания государственных информационных политик в России. Монография / С. С. Сулакшин, М. Ю. Погорелко, Репин И. В. – М. : Научный эксперт, 2010. – 224 с.
6. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс] : одоб. Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26) // ИПС «Эталон». Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Герштейн И.З.

КОНТЕНТ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ КАК ИСТОЧНИК ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Национально-государственная (национальная, nation-state) идентичность – феномен массового и индивидуального политического сознания, формирующего единство социальной группы (нации) и политического института (государства) и основанный на идее совпадения достижений в прошлом, целей и задач, а также методов их достижения и разрешения в настоящем и будущем [2, с. 121]. Как и любой другой феномен сознания, отражающий и конструирующий социальную реальность, данная идентичность строится вокруг «национального мифа-матрицы» [7], который выстраивается политической элитой соответствующего общества, зачастую с помощью государственных ресурсов и механизмов информационного воздействия.

Самым всеохватывающим ресурсом подобного рода на сегодня является телевидение, но в последние годы в молодежной среде существует мода на недоверие к «зомбоящику». Молодежь – именно та социально-демографическая группа, которая должна быть приоритетной категорией в рамках национальной политики идентичности – усилиям государства по созданию «матрицы» идентичности и ее постоянной популяризации, корреляции и информационному сопровождению. Для данной целевой аудитории наиболее модным источником информации стала всемирная сеть

интернет. Виртуальное цифровое пространство, возникшее лишь несколько десятилетий назад, в настоящее время является самым объемным источником информации доступным каждому конкретному человеку. Причинами популярности «всемирной паутины» как кладеза истины, в глазах молодого поколения являются: огромная емкость в сочетании и с простотой и доступностью информации, многоформатность контента и иллюзия «независимости» интернет-пространства, зародившаяся еще на заре его формирования [1].

Безусловно, официальные интернет-ресурсы не могут претендовать на статус независимых, но при необходимом взаимодействии с государственными структурами представители молодого поколения предпочитают привычный им формат «виртуального мира». Это определяет дополнительную функцию официальных порталов и сайтов – служить инструментами реализации государственной политики идентичности. Необходимо отметить, что официальные Интернет-ресурсы глав государств, особенно версия на национальном языке/языках, предназначены, в первую очередь, для использования гражданами страны, которые являются целевой аудиторией проекта.

В этих условиях анализ интернет-контента подобных ресурсов является важным источником для понимания основных направлений текущей государственной политики идентичности, изучения ее структуры и содержания, прогнозирования ее развития или трансформации. В идеале, размещенная на этих порталах информация должна отражать национальный миф – «матрицу» идентичности. В матрице пересекается два пространства: географическое, задающее территориальные границы мифа и историческое, выстроенное по схеме – прошлое-настоящее-будущее и разъясняющее смысл существования государства в его нынешнем виде. При этом первое может не совпадать с существующими границами государства, по причине отсутствия в них неких «исконных земель», а второе часто лишено образа будущего. Разумеется, большая часть контента любого подобного ресурса, будет посвящена текущим событиям, но в рамках настоящей работы нас будет интересовать именно то что можно найти на официальном портале помимо «текучки».

Официальный портал Президента Российской Федерации изначально позиционирует себя как информационно-справочный ресурс: «На официальном сайте Президента России публикуются новости о деятельности главы государства, стенограммы, фотографии, видео- и аудиозаписи мероприятий с его участием, тексты подписываемых Президентом документов, информация о поездках и визитах, телеграммы, другая текущая информация, связанная с работой Президента и Администрации Президента Российской Федерации» [10]. В разделе «Структура» дана информация по работе государственных структур, консультативных и совещательных органах при Президенте. На ресурсе представлена Конституция РФ, а также государственная символика. Электронная база нормативно-правовых документов, представленная на портале, носит информационно-справочный характер.

Наиболее информативным, с точки зрения интересующей нас информации, является раздел «Президент России – гражданам школьного возраста» [8]. Он интересен тем, что, помимо изложенных в доступной для детей форме положений Конституции и общей информации о структуре современного российского государства, там присутствует подраздел «Страницы Победы» [9]. В нем детям рассказывается о событиях Великой Отечественной войны. Это единственное историческое событие, выходящее за хронологические пределы до начала первого президентского срока В.В. Путина, упоминаемое на портале. Главной причиной повышенного внимания к Великой Отечественной войне является не только масштаб события, но и то, что эта война является с одной стороны, центральной исторической точкой легитимации преемственности государственности СССР и РФ, а с другой, обоснованием особого статуса России в современном миропорядке. Никакой другой информации по структуре «матрицы» национальной идентичности России на официальном сайте Президента РФ нет.

Официальный портал Президента Республики Беларусь имеет несколько иную структуру. «Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь – государственный информационный ресурс, обеспечивающий освещение в глобальной компьютерной сети Интернет деятельности Главы белорусского государства, а также предоставляющий информацию о Республике Беларусь в целом» [3]. Уже в описании самого ресурса задается цель создания общего образа страны в целом. Это неизбежно требует размещение на нем информационных элементов, составляющих «матрицу» белорусской национальной идентичности. Раздел «Государство» посвящен структуре органов государственной власти Беларуси, а раздел «Беларусь» – это краткий электронный справочник-путеводитель по стране, подчеркивающий ее привлекательность [4]. Государственный «канон» истории страны изложен в соответствующем подразделе на странице «Президент – детям» [5]. Одно из направлений развития страны представлено в ветке «Беларусь» в подразделе «IT-страна» [6]. Таким образом, официальный Интернет-ресурс Президента Республики Беларусь является значимым источником для изучения государственной политики идентичности РБ.

Выводы. Изучение основных направлений государственной политики идентичности является интересным и актуальным трендом в рамках изучения «современной истории» и «политики памяти».

В дополнение к архивным документам, которые, в силу временной близости, остаются по большей части закрытыми, контент Интернет-ресурсов становится значимым источником для изучения означенных проблем, а динамика его изменения – позволит отследить самый скрытый в политике процесс – процесс принятия решений. С этой точки зрения официальные электронные ресурсы глав государств являются идеальными объектами для исследования и источниками важной информации.

1. Барлоу, Дж. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Дж. Барлоу. – Режим доступа: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html>. – Дата доступа: 19.03.2023.
2. Герштейн, И. З. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия / И. З. Герштейн // Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение : материалы международной научной конференции, Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – С. 121–125.
3. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/about>. – Дата доступа: 19.03.2023.
4. Раздел Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus>. – Дата доступа: 19.03.2023.
5. Президент – детям [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/president/detjam/history>. – Дата доступа: 19.03.2023.
6. IT-страна [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/it-strana>. – Дата доступа: 19.03.2023.
7. Попова, О. В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время [Электронный ресурс] / О. В. Попова ; под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm. – Дата доступа: 19.03.2023.
8. Президент России – гражданам школьного возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kids.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 19.03.2023.
9. Президент России – гражданам школьного возраста. Страницы Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kids.kremlin.ru/help/new/#4>. – Дата доступа: 19.03.2023.
10. Президент России. Официальный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/about>. – Дата доступа: 19.03.2023.

Бурик Е.А.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСИ С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ

Приграничное сотрудничество является действенным механизмом внешней политики Республики Беларусь. К определению приграничья как территории следует исходить из административного подхода, согласно которому приграничный регион образуют административно-территориальные единицы, соседствующие с сопредельными странами. Приграничное сотрудничество осуществляется в пределах полномочий территориальных властей, которые, в свою очередь, определяются внутренним законодательством каждой из стран. Акторами приграничного сотрудничества выступают региональные и местные органы власти, отдельные учреждения и предприятия, общественные организации, а также частные лица. Ввиду этого анализ приграничных контактов требует привлечения широкого круга источников из национальных, региональных, ведомственных архивов Беларуси и сопредельных стран, а также личных архивов отдельных лиц.

В основе изучения приграничного сотрудничества лежат документальные источники, а именно, документы законодательства и подзаконные акты. К данной категории источников следует отнести национальные законы государств, указы президентов, постановления правительств, решения местных органов власти, регулирующие напрямую и косвенно развитие приграничного сотрудничества, обеспечивающие создание необходимых условий для развития приграничных контактов. Анализ данного вида источников позволяет охарактеризовать полноту внутренней правовой основы приграничного сотрудничества сопредельных стран.

Отдельного упоминания требуют акты, которые представлены рядом международных договоров и соглашений. Данные источники подлежат классификации, в основу которой положен многоуровневый подход в управлении приграничным сотрудничеством. В этой связи уместно выделить следующие группы договоров: 1) межгосударственные; 2) межведомственные; 3) межрегиональные. Если первые две группы представлены преимущественно опубликованными документами в официальных сборниках [1] и журналах [2], то межрегиональные договоры концентрировались в основном в текущих архивах государственных учреждений и региональных архивах [3; 4].

Наиболее широкую группу источников по истории развития приграничных контактов составляют материалы делопроизводства, среди которых следует отметить протокольно-распорядительные, отчетные документы, а также переписку с государственными органами и общественными учреждениями, материалы информационного характера. Учитывая приграничный уровень сотрудничества, такие

источники находятся в областных архивах Беларуси и сопредельных стран, например, в Государственном архиве Брестской области, Государственном архиве Гродненской области, Государственном архиве Волынской области Украины. Данные документы размещены преимущественно в фондах местных органов власти (например, Брестского, Гродненского, Гомельского облисполкомов и их управлений), учреждений культуры и общественных организаций. Значительный массив материалов можно извлечь из протоколов сессий и заседаний президиумов областных Советов депутатов, коллегий и советов, распоряжений председателей облисполкомов по основной деятельности [5; 6]. И все же вопросы приграничного сотрудничества наиболее системно отражены в переписке органов власти с главами государств [7], министерств, Совета Министров Республики Беларусь, а также в переписке между исполнительными органами Беларуси и сопредельных стран [8; 9]. Данные архивные источники помогают оценить вклад той или иной страны, региональных властей в развитие сотрудничества, определить степень инициативности сторон в решении поставленных вопросов, позволяют познакомиться с отзывами очевидцев налаживания приграничного диалога. К сожалению, областные архивы не полностью укомплектованы материалами современного периода, а ряд документов находится в текущих архивах организаций. Специфика использования текущих архивов региональных органов управления современного периода состоит в том, что среди них значительная часть документов имеет ограниченный доступ, в связи с чем часто возникают трудности ознакомления с документами.

Ряд документов по теме развития приграничного сотрудничества находится в Национальном архиве Республики Беларусь, где они содержатся в следующих фондах: Фонд 7. Совет Министров Республики Беларусь (до 1994 г. Кабинет Министров Республики Беларусь) и Фонд 968. Верховный Совет БССР (Республики Беларусь). В связи с тем, что Совет Министров Республики Беларусь осуществлял координацию и направление работы всех республиканских министерств (в том числе МИД, Министерства культуры, образования, торговли, транспорта и др.) и государственных комитетов (Государственного таможенного комитета (ГТК), Госкомитет по проблемам последствий катастрофы на ЧАЭС, Госкомитет по внешним экономическим связям), имеющиеся в нем документы наиболее информативны и содержателены для анализа приграничных контактов. Они представлены документами о внешнеэкономическом сотрудничестве с зарубежными организациями, банками, об организации работы таможенной службы, информацией органов государственной власти и управления о развитии иностранного туризма в стране, перепиской с постпредствами Республики Беларусь в зарубежных странах о приеме иностранных делегаций, справками для МИДа, документами о деятельности МИДа, ГТК Республики Беларусь [10; 11]. Однако хронологические рамки данных документов преимущественно ограничены первой половиной 1990-х гг. Документы о культурных контактах Беларуси с сопредельными странами современного периода находятся в архиве Министерства культуры Республики Беларусь, где представлен преимущественно межгосударственный уровень связей, а также положение белорусов за рубежом [12].

Источники по развитию приграничного сотрудничества с Беларусью также находятся в центральных и региональных архивах сопредельных стран (например, Украины и Польши). Хотя Государственный архив в г. Белостоке практически не укомплектован документами современного периода, тем не менее, интерес представляет фонд региональной Белостокской таможни, позволивший показать проблемы, связанные с приграничным движением, торговлей на польской стороне [13]. Наиболее информативный материал представлен в Государственном архиве Волынской области, где хранятся документы областной государственной администрации, ее управлений. Интересные документы о приграничном движении между Беларусью и Украиной содержатся в фонде Волынской таможни – фонд 3569 [14]. Развитие приграничных связей наиболее полно представлено в фонде управления внешнеэкономических связей Волынской облгосадминистрации, откуда извлечен ряд документов о развитии контактов между Волынской и Брестской областями и в рамках еврорегиона «Буг» [15; 16]. Документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины помогли проанализировать ее деятельность по развитию добрососедских отношений с РБ [17; 18].

К документальным источникам также относятся статистические материалы, позволившие изучить количественные показатели национального состава населения приграничных областей, динамику хозяйственных контактов между приграничными областями Беларуси и соседними государствами. Эти данные публикуются ежегодно в статистических сборниках Министерства статистики и анализа РБ, кроме того ряд подсчетов можно совершить по данным, предоставленным текущими документами отделов областных управлений статистики.

В изучении приграничного сотрудничества следует выделить группу повествовательных источников, представляющих собой официальные информационные сообщения, совместные коммюнике, материалы, опубликованные в журналах «Вестник Министерства иностранных дел», «Вестник внешнеэкономических связей», а также интервью с дипломатами. В условиях складывания единого информационного пространства, обеспечивающего скорость и доступность информации, стали цен-

ними данные интернет-ресурсов МИДов Беларуси и сопредельных стран, Госкомитета погранвойск Беларуси, посольств Беларуси в России, Польше, Литве, Латвии и Украине, посольств сопредельных стран в Беларуси. Также сведения о проводимых мероприятиях по развитию приграничных контактов в настоящее время содержат официальные сайты облисполкомов.

Таким образом, источниковую базу для изучения приграничного сотрудничества составляют документальные и повествовательные источники, позволявшие подробно рассмотреть процесс становления, реализации и развития основных направлений и форм приграничного сотрудничества Республики Беларусь с сопредельными странами. Привлечение основного массива источников из центральных и региональных архивов Беларуси и сопредельных стран позволит комплексно и всесторонне проанализировать развитие приграничного сотрудничества Беларуси с указанными странами, а привлечение источников из текущих архивов поможет глубже изучить предмет исследования, познакомиться с текущими вопросами и проблемами приграничного взаимодействия.

1. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў / склад. У.К. Ракашэвіч, А.В. Шарапа. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2004. – Т. 7 : верасень 1991 г. – 1995 г. – 479 с. ; Т. 8 : 1996–2000 гг. – 639 с.
2. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Украіны аб пунктах пропуску // Таможенный вестник. – 1997. – № 5. – С. 31–32.
3. Договор о приграничном сотрудничестве между Люблинским воеводством и Брестской областью // Текущий архив Управления внешних экономических связей Брестского облисполкома. – Папка: «Межрегиональные соглашения о сотрудничестве».
4. Документи про розвиток прикордонного співробітництва між Волинською та Брестською облрадою (договори, карта, угода) за 1994–1998 рік // Державний архів Волинської області (далеє – ДАВО). – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 88. Арк. 1–5, 7–9.
5. Постановления коллегии управления и документы к ним // Государственный архив Брестской области (далеє – ГАБО). – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 965. Л. 59. ; Приказы начальника управления по основной деятельности и документы к ним // ГАБО. – Ф. 1293. Оп. 1. Д. 963. Л. 83, 103.
6. Распоряжения №№ 1-35 председателя Гродненского областного исполнительного комитета по основной деятельности и личному составу // Государственный архив Гродненской области (далеє – ГАГРО). – Ф. 1171. Оп. 7. Д. 205. Л. 64.
7. Листування з Президентом України, його адміністрацією, інформації про хід виконання розпорядчих документів // ДАВО. – Ф. Р-6. Оп. 16. Спр. 5569. Арк. 115.
8. Переписка с Госкомитетом пограничных войск о режиме работы пунктов местного пропуска через украинско-белорусскую границу и др. за 2000 г., т. 1 // Государственный архив Гомельской области (далеє – ГАГО). – Ф. 1174. Оп. 8. Д. 3658. Л. 4–6.
9. Переписка с Государственными комитетами при Кабинете Министров Республики Беларусь по вопросам согласования законов, финансировании строительства, организации пограничных переходов и др. // ГАГРО. – Ф. 1171. Оп. 7. Д. 26. Л. 68.
10. Документи о внешнеполитической деятельности МИД РБ (отчеты, справки, информации и др.), т. 1 // Национальный архив Республики Беларусь (далеє – НАРБ). – Ф. 7. Оп. 12. Д. 1551. Л. 8. ; Документи о деятельности МИД Республики Беларусь (проекты указа, постановление, информации и др.), т. 2 // НАРБ. – Ф. 7. Оп. 12. Д. 376. Л. 1, 2.
11. Документи о деятельности Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (проект постановления, справки, информации и др.) // НАРБ. – Ф. 7. Оп. 12. Д. 413, 414, 415, 770, 1871, 2455, 2377.
12. Документи о выполнении договора о сотрудничестве в области кинематографии Республики Беларусь и Республики Польша, установлении связей между филиалом Варшавского университета в Белостоке и белорусским государственным университетом культуры, 144-й сессии Исполнительного Совета ЮНЕСКО и др. вопросам (договор, информация, переписка и др.) // Архив Министерства культуры Республики Беларусь. – Фонд 974. Оп. 4. Д. 81. Л. 28.
13. Analizy i prognozy dotyczące negatywnych zjawisk występujących w obrocie towarowym z zagranicą opracowane przez Regionalne Inspektoraty Celne // Archiwum Państwowe w Białymstoku. – Zespół. Regionalny Inspektorat Celny w Białymstoku. Wydział Kontrolno-Operacyjny. – Sygn. 1/53. – К. 7; Sprawozdania roczne Regionalnych Inspektoratów Celnych (dla wojwoły) // Archiwum Państwowe w Białymstoku. – Zespół. Regionalny Inspektorat Celny w Białymstoku. Wydział Kontrolno-Operacyjny. – Sygn. 1/48. – К. 9.
14. Аналітичні довідки з основної діяльності за 1999 рік // ДАВО. – Ф. 3569. Оп. 1. Спр. 58. Арк. 21. ; Доповіді, аналітичні записки про підсумки діяльності митниці за 1999 рік // ДАВО. – Ф. 3569. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 46. ; Річний статистичний звіт з основної діяльності митного поста «Ратне» за 1998 рік // ДАВО. – Ф. 3569. Оп. 1. Спр. 35. Арк. 112, 135.
15. Документи про діяльність транскордонного об'єднання Єврорегіон «Буг» (листи, інформації, огляди і інше) за 1997–2000 рік // ДАВО. – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 73. Арк. 115. ; Протоколи засідань ради транскордонного об'єднання Єврорегіон «Буг» за 2000–2002 рік // ДАВО. – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 124. Арк. 17.
16. Документи про розвиток прикордонного співробітництва між Волинською та Брестською облрадою (договори, карта, угода) за 1994–1998 рік // ДАВО. – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 88. Арк. 1–5, 7–9. ; Документи про співпрацю області з Берестейською областю, Республікою Білорусь (інформації, угода, листи і інше) за 1997–1998 рік // ДАВО. – Ф. Р-3505. Оп. 1. Спр. 70. Арк. 19.
17. Листування з Республікою Білорусь з питань підготовки до укладення міжурядових угод (копії угод, договорів, протоколів) // Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далеє – ЦДАВО України). – Ф. 2. Оп. 15. Спр. 3236. Арк. 26.
18. Документи щодо державних кордонів України // ЦДАВО України. – Ф. 5233. Оп. 2. Спр. 438. Арк. 39, 39а.

Сикираж В.В., Белащенко Д.А.

**«МАЄМО ТЕ, ЩО МАЄМО: СПОГАДИ І РОЗДУМИ» Л.М. КРАВЧУКА КАК ИСТОЧНИК
О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.**

Автор книги Леонид Макарович Кравчук – председатель Верховной Рады Украины (24 августа – 5 декабря 1991), первый президент Украины (5 декабря 1991 – 19 июля 1994), председатель Верховного Совета УССР (23 июля 1990 – 24 августа 1991), еще будучи высоко rangoвым партработником принимал активное участие в формировании самостоятельного курса Украины и влиял на процессы, происходившие в стране. Как фиксируется в различных социальных опросах, президентство Кравчу-

ка оценивается гражданами Украины как неудовлетворительное или ниже среднего в связи с падением экономики и ростом коррупции в стране [2; 4].

Рассматриваемая работа является автобиографичной и описывает события внутри политического аппарата Украины с точки зрения автора. Особенности книги является комплиментарная оценка деятельности Леонида Макаровича на различных государственных постах, а также вставки воспоминаний личного характера (к примеру бесед), прерывающих общее повествование и хронологические рамки [3, с. 45]. Работа вышла в свет в 2002 г. при президенте Л.Д. Кучме во время продолжавшегося кризиса из-за «кассетного дела» [1].

Вместе с описанием внутривнутриполитических событий в стране и центростремительных процессов Л.М. Кравчук транслирует свои личностные переживания и трансформацию идеологических взглядов. Последние играют особую роль в повествовании, так как отражают изменения воззрений высокопоставленных государственных деятелей в Украине, а также свидетельствуют о системном кризисе внутри бывшего советского общества. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в работе не раз упоминаются непрофессиональные соопросы, а также произвольно используются социологические методы с целью оправдания «демократичности» избранного для страны пути и попытки универсализации отдельных идей и взглядов, свойственных региональным политическим и общественным движениям. Так, несмотря на упоминание о малочисленности и высокой степени локализации сторонников Народного Руха Украины (НРУ) Л.М. Кравчук видит в их доктринальных установках общенациональную объединительную идею «украинскости» ввиду отторжения идей советской идентичности и антипатии к коммунистам со стороны населения [3, с. 20]. Однако буквально в той же главе автор приводит в пример движение шахтеров в Донбассе, противников Компартии и НРУ на всем Юго-Востоке от Одессы до Харькова. Ввиду членства в Коммунистической партии и неформального покровительства ее ЦК Л.М. Кравчук ранее публично не демонстрировал ярко выраженных националистических взглядов, однако вследствие трансформации своих взглядов и тяготения к национал-демократическим силам и сторонникам суверенитета оказывал поддержку идейным сподвижникам НРУ [3, с. 29].

Во второй главе своего труда Леонид Макарович выделяет события 1990-х гг. как переломные в жизни украинцев и своей собственной, ведь, по его мнению, именно в годы смуты у народа «проснулось» национальное самосознание. Это непосредственно сказывалось и на ближайшем окружении политика и его отношениях с членами Компартии. В книге политический деятель выставляет себя в роли медиатора между стагнирующей номенклатурой и реакционными националистами, но в действительности же путем внесения изменений в Конституцию, изначальной поддержки бывших соратников коммунистов и содействию планам наиболее реакционной оппозиции Кравчук смог сосредоточить власть в своих руках. Описанные в «Спогадах і роздумах» внешнеполитические пиар-методы еще раз подтверждают приведенные выше тезисы о скрытом характере поддержки националистических идей и сепарирования от Москвы. Впрочем, с иностранными лидерами, как и с М.С. Горбачевым Л.М. Кравчук был крайне осторожен в выражениях – до провозглашения независимости и последующего референдума он подчеркивал необходимость Украине остаться в составе СССР в другом формате. В особенности это было заметно в его реакции на известное выступление американского президента Дж. Буша-старшего в 1991 г., получившее сатирическое название «Котлета по-киевски» в связи с диссонансом содержания речи и последующим незамедлительным (через 23 дня) провозглашением независимости Украины [5].

Пожалуй, одним из важнейших участников формирования украинской государственности помимо писателя и общественного деятеля О.Т. Гончара как идеолога и М.С. Горбачева как человека, принявшего курс на «новое мышление», Леонид Макарович считал Б.Н. Ельцина. Труды первого президента Украины отражают не только раздробленность общества в Украине, но на всесоюзном уровне. Б.Н. Ельцин являлся своеобразным катализатором пертурбаций в Москве, из-под власти которой Л.М. Кравчук пытался вывести Украину. Общая цель, стоявшая перед двумя политиками, заключалась в устранении с политического поля сомневавшегося в конфедеративном устройстве М.С. Горбачева и ослабление позиций ГКЧП и лояльных им функционеров. Впрочем, как было замечено ранее, работа комплиментарна и за счет этого развивает следующую тенденцию: относительно повествования, но вне зависимости от реального влияния принятых решений роль иных политических фигур то приравнивается к статусу и влиянию автора, то значительно преуменьшается, а порой деятельность союзников описывается как вредительство. Это применимо и к фигурам Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева – на начальном этапе автор описывает их как волевых личностей, чтимых народом и иностранными лидерами, но чем ближе хронологически к противостоянию с ними и их сторонниками, тем больше негативных эпитетов и характеристик употреблено по отношению к ним.

Отдельного внимания заслуживают главы с описанием борьбы за президентское кресло с Л.Д. Кучмой, оправданием важности для Украины отказа от ядерного оружия и вытеснения сочувствующих СССР из государственных органов. В связи с взаимозависимостью экономической и воен-

ной сфер внутри Советского государства система не могла быть разъединена простым политическим решением, особенно это касалось вооруженных сил бывшей сверхдержавы. Лояльные прошлой власти военные вместе с областными чиновниками на местах представляли немалую угрозу правлению Л.М. Кравчука, борьба с ними сопровождалась сопротивлением попыткам реинтеграции Украины в новую систему, выстраивавшуюся на постсоветском пространстве при активной поддержке Б.Н. Ельцина. Децентрализация и десоветизация стали основными приоритетами новоиспеченной украинской власти. Так, еще в августе 1991 г. была запрещена деятельность Коммунистической партии Украины (КПУ). Впоследствии отказ от оружия массового поражения и частичное разоружение Украины было частью мягкой силы для привлечения внимания Запада. На этом фоне активная пропаганда через «раскручивание» темы Голодомора, запущенная при Л.М. Кравчуке, работала не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику.

Работая с данным текстом, отстраняясь от «приукрашенной» части, можно детально проанализировать причины и факторы внутренней нестабильности в Украине в начале 1990-х гг. и проследить, например, формирование национальной повестки и ее внедрение в различные сферы общественно-политической жизни страны. Как лицо, принимавшее решения и ответственное за реорганизацию государственных структур Л.М. Кравчук, обрисовывает перспективы и дает определенные советы для преемников и последователей – борьба с общечеловеческими проблемами, такими как голод и нищета, ставя при этом акцент на украинской идее, «объединяющей страну от Галиции до Крыма». Таким образом, можно прийти к выводу об отсутствии у первого украинского президента (а, вероятно, и у его ближайшего окружения) разнопланового понимания глубинных интересов многонационального народа Украины. Однако при этом стоит отдать должное качественному анализу системных проблем Украины как государства. В то же время стоит сделать оговорку относительно того, что книга, опубликованная уже после завершения президентской каденции Л.М. Кравчука, не дает четкого ответа на вопрос, было ли у первого президента четкое понимание «болевых точек» страны и общества в период исполнения своих непосредственных обязанностей, либо это следствие анализа событий конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. и собственного опыта уже после фактического завершения активной политической карьеры.

1. Дело об убийстве Георгия Гонгадзе [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 29.01. 2013. – Режим доступа: <https://ria.ru/20130129/920255702.html>. – Дата доступа: 12.03.2023.
2. Рейтинг всех президентов Украины – кто лучший [Электронный ресурс] // НВ. – 18.05. 2020. – Режим доступа: <https://nv.ua/ukraine/politics/rejting-vseh-prezidentov-ukrainy-cto-luchshiy-novosti-ukrainy-50088749.html>. – Дата доступа: 12.03.2023.
3. Кравчук, Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми / Л. М. Кравчук. – Київ : Століття, 2002. – 392 с.
4. Оцінка президентів: найбільше довіряють Зеленському, найкращим вважають Кучму [Электронный ресурс] // Українська правда. – 20.05.2021. – Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/news/2021/05/20/7294180/>. – Дата доступа: 12.03.2023.
5. Dahlburg, J.-T. NEWS ANALYSIS: Bush's 'Chicken Kiev' Talk--an Ill-Fated U.S. Policy: Ukraine: Efforts to keep the Soviet Union intact are recalled with bitterness by some in new nation [Electronic resource] / J.-T. Dahlburg // Los Angeles Times. – 19.12.1991. – Mode of access: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-12-19-mn-1010-story.html>. – Date of access: 12.03.2023.

Белашенко Д.А.

МЕМУАРЫ А.М. ЗЛЕНКО КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.

Формирование внешней политики новых государств представляет безусловный интерес для исследователей. Распад СССР, произошедший более тридцати лет назад, привел к появлению на карте мира пятнадцати независимых стран и образованию региона постсоветского пространства, каждому из которых требовалось оценить свои возможности и перспективы на международной арене, сформулировать государственные и национальные интересы, инкорпорироваться в новый миропорядок.

Одним из ключевых государств новообразованного региона являлась Украина, вторая по многим показателям республика бывшего СССР. Внешнеполитический курс этой страны формировался под влиянием множества факторов, что определялось как отсутствием внутреннего единства среди элит, так и особенностями территориально-государственного развития.

При анализе внешнеполитического курса любой страны, в первую очередь, принимают во внимание на доктринальные документы (концепции, стратегии и т.д.), определяющие цели, задачи, приоритеты деятельности на международной арене. Однако в случае с Украиной корпус подобных источников предельно узок. В частности, в рассматриваемый нами период к таковым можно отнести лишь Постановление Верховной Рады от 2 июля 1993 «Об Основных направлениях внешней политики Украины» [3].

В связи с этим особое значение приобретают интервью, выступления, мемуары политических деятелей того времени, стоявших у истоков становления суверенной и независимой Украины.

Примером такого источника являются мемуары первого министра иностранных дел А.М. Зленко (1938–2021) «Дипломатия и политика. Украина в системе динамичных геополитических перемен» [1], опубликованные в 2003 г. на украинском языке и год спустя – на русском.

Фигура А.М. Зленко является одной из наиболее значимых для украинской дипломатии. В советское время он в основном работал по линии Министерства иностранных дел УССР, дослужившись в 1990 г. до должности республиканского министра. Впоследствии с августа 1991 по август 1994 гг. и с октября 2000 по сентябрь 2003 гг. занимал этот пост уже в независимой Украине. Кроме того, с августа 1994 по сентябрь 1997 гг. А.М. Зленко являлся постоянным представителем Украины при ООН, а в 1997–2000 гг. – чрезвычайным и полномочным послом Украины во Франции и Португалии, постоянным представителем Украины при ЮНЕСКО [1].

Книга А.М. Зленко интересна не только своим непосредственным содержанием, но и структурой. Так, если в доктринальных документах ключевые векторы и приоритеты внешней политики обычно имеют четкую структуру, постепенно «спускаясь» от наиболее значимых к второстепенным, то в мемуарах украинского министра подобное ранжирование хотя и присутствует, но идет вразрез с традиционным представлением о важности того или иного направления для официального Киева. Так, если выстраивать иерархию интересов Украины на международной арене «по Зленко», то получается следующая цепочка: «возвращение в Европу», ООН, Франция (здесь, вероятно, сказан опыт дипломатической работы автора, долгое время пребывавшего в Париже еще в советские времена), США, Россия, Польша, НАТО [1].

О трудностях становления и формирования внешнеполитического курса Украины автор пишет с первых страниц. Уже во вступлении А.М. Зленко характеризует свой первый срок на посту министра иностранных дел как «сплошной ад, когда постоянно приходилось находиться между молотом и наковальней – между приверженцами ядерного статуса Украины и его противниками, между коммунистами и национал-демократами, между ярыми западниками и не менее ярыми советофилами» [1, с. 10]. Кроме того, свой негативный отпечаток также накладывали такие факторы, как тяжелое социально-экономическое положение в стране, фактический раскол относительно внешнеполитических приоритетов не только внутри элит, но и у населения, слабая финансовая и кадровая обеспеченность дипломатического корпуса, фактическое отсутствие дипломатических традиций ввиду второстепенности МИД УССР во внешней политике СССР [1, с. 10, 14–55].

Характеризуя процесс определения внешнеполитических приоритетов в начале 1990-х гг. А.М. Зленко вновь к сравнениям с военными действиями, поскольку в политико-экономических элитах и дипломатическом корпусе не было четкого консенсуса относительно устремлений Украины на международной арене. Именно с этим «закулисным сражением» автор связывает долгую выработку и принятие первого концептуального документа, принятого лишь в середине 1993 г. В то же время А.М. Зленко отмечает, что «внешнеполитическая самоидентификация» Украины состоялась лишь в 2002 г., когда Киев заявил о намерении вступить в НАТО [1, с. 20]. По мнению министра, тем самым Украина заполнила «последнюю из концептуальных пустот на внешнеполитическом пути» и «полностью определилась с ... внешнеполитической направленностью» [1, с. 20]. Ситуацию же начала 1990-х гг. он характеризует как «туннель, в конце которого брезжил единственный луч света – Европа» [1, с. 21].

Приведенные выше цитаты наглядно демонстрируют собственную позицию А.М. Зленко относительно внешнеполитических приоритетов и национальных интересов Украины. Среди политических элит страны министр относился к лагерю «западников», что, разумеется, влияло как на его прямую деятельность, так и на общий «дух» книги, выдержанной в комплиментарном стиле в тех главах, где речь идет о Европе, США и НАТО. В принципе, подобные мировоззрения были свойственны практически для всех высокопоставленных деятелей того периода, начиная от президента Л.М. Кравчука и его ближайшего окружения. Характерно, что после прихода к власти Л.Д. Кучмы, заявлявшего о необходимости пересмотра внешнеполитических приоритетов Украины и сближения с Россией, А.М. Зленко покинул пост министра иностранных дел, уступив его более «пророссийскому» Г.И. Удовенко, с именем которого связывают успехи украинско-российских отношений второй половины 1990-х гг. [2] Возвращение состоялось уже во время второго президентского срока Л.Д. Кучмы, когда больший приоритет в международной деятельности вновь стал отдаваться западному вектору.

Отношения с Европой А.М. Зленко считает ключевым приоритетом и интересом Украины. Глава, посвященная этому направлению внешнеполитического курса, начинается с фразы «европейская Украина – такой была единственная альтернатива Украинской Советской Социалистической Республике с того дня, как УССР прекратила свое существование» [1, с. 56]. При этом автор проводит параллели между европейским и постсоветским пространствами, отмечая, что и Европа, и Украина в 1990-х гг. проходили через период трансформации. Для Киева, по мнению А.М. Зленко, в

этих условиях главным было преодолеть устоявшееся представление европейцев (прежде всего, западных) о карте континента, где европейские границы оканчивались как раз на бывших союзных республиках, а появление «гиганта» в виде независимой Украины не вписывалось в геополитические реалии того времени [1, с. 60]. Другой сложностью было то, что на неофициальном уровне соседи Украины из Восточной Европы заявляли о наличии у них территориальных и исторических претензий к Киеву [1, с. 16]. Именно в преодолении этих барьеров и встраивании страны в европейское пространство А.М. Зленко видел ключевую цель возглавляемого им ведомства.

В то же время, представляется весьма преувеличенным утверждение автора о некой «эйфории», царившей в постбиполярном мире относительно перспектив независимой Украины и ее значимости в новых международно-политических реалиях. Местами автор несколько противоречит сам себе, заявляя, что «возникало чувство, что мы переступаем порог европейского дома» [1, с. 61], а уже в следующем абзаце утверждая, что «деловой мир готовился к общению с новым европейским политическим игроком. Политический мир также готовился к выходу Украины на арену международных отношений» [1, с. 61–62].

В подобном противоречивом стиле написаны и другие главы труда А.М. Зленко. Так, в главе об отношениях с США уже само название «США: общение с Гулливером» пронизано нотками подобию-страстия. Однако уже с первых строк автор пытается несколько «уровнять» Вашингтон и Киев, отнеся, например, «новорожденную Украину» к числу победителей «холодной войны» [1, с. 223]. При этом сам характер взаимоотношений украинский министр характеризует следующей формулой: «мы смотрели на американцев как на союзников, а американцы видели в Украине потенциальный фактор собственного влияния на постсоветском пространстве» [1, с. 223]. Далее автор неоднократно будет делать «реверансы» в сторону США, называя их «гарантом независимости», «страховым полисом на случай худшего сценария развития событий», «эталоном демократии», «гарантом безопасности» и т.д. [1, с. 223–322].

Глава «Украинско-российские лабиринты», в отличие от других, начинается с утверждение о наличии сложного комплекса проблем между украинским и российским народами. Именно это, по мнению А.М. Зленко, привело к тому характеру взаимоотношений, который сложился между Киевом и Москвой в первой половине 1990-х гг. [1, с. 379]. На протяжении более 80 страниц автор подробно описывает те сложности и противоречия, с которыми он сталкивался в период пребывания на посту министра иностранных дел в рамках российского внешнеполитического вектора, начиная с «пренебрежительных иронических ухмылок», которое вызывало у его собеседников словосочетание «независимая Украина» и заканчивая сложными вопросами двустороннего взаимодействия (Черноморский флот, ядерное оружие, Крым, границы, раздел советского имущества и т.д.) [1, с. 379–464]. В то же время нельзя не согласиться с автором, что «украинско-российские отношения страдали болезнью, присущей всем государствам, заинтересованным друг в друге, но разделенным глубокой пропастью проблем, – отсутствием постепенности и последовательности» [1, с. 383]. Действительно, на протяжении всего периода независимого существования ни Киев, ни Москва не имели четкой стратегии в отношении друг друга, что автоматически переводило их взаимодействие в разряд ситуативных, во многом зависящее от личностных и иных второстепенных факторов.

Подводя итоги, можно констатировать, что книга первого министра иностранных дел А.М. Зленко является ценным материалом для изучения особенностей формирования и осуществления внешнеполитического курса Украины в сложный период первой половины 1990-х гг. Автор, непосредственно участвовавший в этих процессах и бывший «архитектором» многих из них, позволяет изнутри узнать «кухню» украинской дипломатии и политики. При этом А.М. Зленко не старается избегать проблемных вопросов и «болевых точек», давая возможность с разных сторон оценить то или иное событие или тенденцию. Однако, как и любая мемуарная литература, данная книга не лишена изъянов. В частности, на качество и характер повествования, как уже отмечалось, влияет позиция самого автора, что делает «Дипломатию и политику» неровной (полностью комплиментарные главы и глава про Россию, почти целиком состоящая из критики). Также представляются весьма наивными взгляды автора на роль Украины в европейской политике и ее статус в отношениях с США. Подобное можно было представить в начале 1990-х гг., но не в период написания книги.

1. Зленко, А. М. Дипломатия и политика. Украина в процессе динамических геополитических перемен / А. М. Зленко. – Харьков : Фолио, 2004. – 559 с.
2. Чаленко, А. Кому был выгоден Большой договор между Украиной и Россией [Электронный ресурс] / А. Чаленко // Украина.ру. – 14.01.2019. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/20190114/1022331295.html>. – Дата доступа: 18.03.2023.
3. Постанова Верховної Ради України від 02.07.1993 № 3360-XII «Про Основні напрями зовнішньої політики України» [Электронный ресурс] // Платформа LIGA ЗАКОН. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T336000.html. – Дата доступа: 18.03.2023.

Ивашкевич Е.Ф.
АКТЫ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
КАК ИСТОЧНИК КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В белорусской и зарубежной юридической литературе уделяется значительное внимание проблемам, касающимся источников конституционного права. Это обусловлено не только правовой необходимостью, их прикладным значением, но также следует из их высокой академической значимости в плане развития национальных правовых систем и права как такового в целом. Система источников конституционного права любого государства имеет свои особенности, обусловленные национальными традициями, формой правления, государственного территориального устройства, иными факторами.

В последнее время возрастает удельный вес актов органов исполнительной власти, имеющих силу закона, относящихся к категории актов делегированного законодательства. «Единой доктрины делегированного законодательства в настоящее время не существует, и законодательные решения этого вопроса значительно различаются даже в государствах, принадлежащих одной системе права» [1, с. 2–3].

В процедуре делегирования законодательных полномочий по самой сути должны участвовать два субъекта: делегирующий и делегируемый субъект. В качестве последнего в странах Европы и СНГ, правовые системы которых восприняли данный институт, выступают глава государства или правительство. Отметим, что, как правило, только один из двух названных субъектов вправе издавать акты делегированного законодательства. Однако, во Франции касательно управомоченного субъекта имеется своя специфика. *De jure* акты делегированного законодательства принимаются Советом Министров и подписываются Президентом Республики (ст. 13, 38 Конституции). Однако, как указывают исследователи, в период, если президент и правительство однопартийцы, делегированные полномочия фактически сосредоточены у главы государства, и конституционное «подписание» обсужденных в правительстве ордонансов превращается в собственно принятие акта делегированного законодательства. В период, когда президент и правительство предоставляют различные политические силы, указанные полномочия и юридически, и фактически принадлежат правительству, с чем глава государства вынужден считаться.

Учитывая важность делегированного законодательства, субделегируемые законодательные полномочия не разрешаются. Данному институту свойственно положение, согласно которому процесс передачи законотворческих полномочий осуществляется на основе специального, делегирующего закона. Это значит, что вопрос о делегировании разрешается, как правило, не в общем законе, регулирующем те или иные общественные отношения, а в законе, принятом исключительно по вопросу уступки полномочий органу исполнительной власти. Несмотря на всю специфичность делегирующего закона, он представляет собой обычный закон, принимаемый по стандартной процедуре простым большинством голосов. Лишь в ряде стран для передачи законотворческих полномочий требуется квалифицированное большинство. В специальном законе наиболее распространенными обязательными условиями являются указание предмета регулирования и срока действия делегируемых полномочий. Их не включение влечет за собой, как правило, недействительность самого закона.

Анализируя причины, влияющие на развитие института делегированного законодательства, обратимся к конституционному опыту Великобритании. Среди них можно выделить: 1) необходимость разгрузить работу парламента, а также детальной регламентации некоторых общественных отношений, которая может отнять много времени при обсуждении в парламенте. В этом случае принимается закон, регулирующий основы тех или иных отношений, а делегированное законодательство устраняет пробелы данного закона; 2) необходимость принять акт, требующий специальных знаний в той или иной области. Парламент может не обладать достаточной экспертной поддержкой, чтобы всесторонне рассмотреть законопроект; 3) необходимость постоянной корректировки определенной сферы отношений. Принятие многочисленных «поправочных» законов лишь осложнит работу парламента, делегированное законодательство может справиться с поставленной задачей более качественно и оперативно; 4) возможность возникновения чрезвычайных ситуаций, требующих немедленного разрешения в то время, когда парламента сессионно не заседает; 5) необходимость периодического изменения размеров сборов и пошлин за те или иные товары и услуги. Если данные пошлины установлены в актах делегированного законодательства, то их осовременивание пройдет оперативно.

В связи с этим, к преимуществам делегированного законодательства в Великобритании относятся экономия времени парламента, гибкость в принятии решений, возможность устранения чрезвычайных ситуаций. Одновременно характерны и такие недостатки, как ослабление нормотворческой функции парламента; невозможность обсудить возможные только изменения данного вида

акта, так как допускается лишь его полная отмена; затруднительность какого-либо контроля вследствие большого объема изданных актов.

Акты, изданные во исполнение делегирующего закона, хотя и являются актами исполнительной власти, тем не менее имеют силу закона. В целях отличия их от парламентских актов им даётся другое название: декреты-законы (*decree-laws*) в Португалии, законодательные декреты (*legislative decrees*) в Испании, указы в Хорватии и Кыргызстане, ордонансы (*ordonnances*) во Франции и Румынии. Специфическими чертами институт делегированного законодательства обладает в Польше. Согласно ст. 92 Конституции, такие акты принимаются с целью исполнения конкретного закона, на основании особого уполномочия, содержащегося в законе, которое должно определять компетентный орган для издания постановления, круг вопросов, переданных для регулирования, а также директивы, касающиеся содержания акта. Таким образом, особенности польского делегированного законодательства выражаются в следующем: во-первых, актами делегированного законодательства могут выступать акты различных органов, должностных лиц, включая президента (ст. 142 Конституции), во-вторых, они направлены на детализацию положений конкретного закона, который, в свою очередь, уже урегулировал определенные вопросы. В-третьих, делегирование законодательных полномочий закреплено не в специальном законе, а в специальных положениях (особом уполномочии) обычного закона. В-четвертых, акты делегированного законодательства должны соответствовать конституции, ратифицированным международным договорам и законам (п. 3 ст. 188), то есть являются подзаконными актами.

В Великобритании делегированное или вторичное законодательство (*delegated or secondary legislation*) используется на основе парламентского законодательства для более детального урегулирования административной деятельности. При этом во избежание риска подмены исполнительной ветвью власти функций парламента делегированные полномочия передаются только тем государственным органам, министрам, которые напрямую подотчетны законодательному органу. За последним сохраняется право прямого парламентского контроля за делегированным законодательством, что предоставляет парламенту возможность утвердить или аннулировать акт делегированного законодательства. Палата лордов, в свою очередь, назначает комиссию по рассмотрению делегированных полномочий (*Delegated Powers Scrutiny Committee*) с целью проверки соответствия полномочий на принятие вторичного законодательства законам (биллям). Существует контроль и со стороны суда (*judicial controls*), который может признать акт делегированного законодательства недействительным и аннулировать его.

Таким образом, в британской конституционной практике выделяются 3 типа делегированных актов: а) приказы правительства (*orders in Council*), принятые по наиболее общественно значимым делам; б) принятые органами, подчиненными парламенту: местными властями, общественными организациями и др. (*bylaws*); в) законодательство министров (*ministerial legislation*), когда полномочия передаются конкретному министру. Данный вид нередко называют «установленными законом документами (статутными документами)» (*statutory instruments SI's*). Количество ежегодно принимаемых министрами актов делегированного законодательства при этом колеблется в пределах 2-3 тыс., что свидетельствует о востребованности данного института.

Делегированные полномочия носят срочный характер, что выражается в обязательном закреплении в делегирующем законе срока, в течение которого президент, правительство должны их использовать. Ряд конституций одновременно фиксирует и максимальный срок их действия (например, Хорватия). Традиционно он равен 1-ому году, поэтому можно утверждать, что это период существования потенциального права главы государства либо правительства на делегированное законодательство. В конституциях по-разному закрепляются способы прекращения этого права. Преимущественно делегированные полномочия утрачивают силу с истечением срока их действия. Такое правило вытекает из конституций Румынии, Хорватии, Италии, Франции. В этих государствах допускается многократное использование делегированных законодательных полномочий на протяжении всего периода их действия. Второй способ нашел свое отражение в основных законах Испании и Португалии. Его суть в том, что правительство теряет право делегированного законодательства, как только оно реализует его в первый раз (принцип однократного использования делегированных полномочий).

Дополнительно закрепляются и иные способы прекращения действия таких полномочий: отставка правительства (речь идет о персонифицированном субъекте делегированных законодательных полномочий, когда полномочия связаны с конкретным составом правительства и не распространяются на правительство в ином составе); окончание срока полномочий парламента или его роспуск (делегированные законодательные полномочия действительны лишь при том составе парламента, который их передал).

Институт делегированного законодательства имеет ограничения и по предмету регулируемых отношений, когда согласно установленному правилу парламента не может делегировать президен-

ту или правительству законодательные полномочия, а те не могут их использовать, если будет нарушен один из конституционных запретов относительно, например, изменения конституции; ограничения конституционных прав и свобод личности; избирательной системы; организации и функционирования высших органов власти.

В некоторых государствах в конструкцию делегированного законодательства вводят еще один дополнительный элемент: последующее утверждение. В большинстве правовых систем, в которых допускается принятие актов делегированного законодательства, парламенту достаточно выдать уполномоченному субъекту предварительное согласие в виде закона о делегировании законодательных полномочий, а далее он не вмешивается в процесс реализации этого акта. Вместе с тем, Конституция Португалии допускает, а Франции обязывает парламенту осуществлять последующее утверждение изданного правительством в порядке реализации делегированных полномочий акта. В первом случае необходима инициатива 10 депутатов, выраженная в течение первых 10 пленарных заседаний после опубликования декрета-закона; во втором – парламент обязан рассмотреть любой ордонанс правительства и утвердить его, в противном случае он теряет силу. По итогам рассмотрения за законодательным органом сохраняется право полной отмены акта делегированного законодательства.

1. Умеренков, Н. Е. Делегированное законодательство: зарубежный и российский опыт / Н. Е. Умеренков // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 2. – С. 2–3.

Беляева А.В.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИЙ США В КОНЦЕ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В. КАК ИСТОЧНИК ПО ТЕМЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В течение конца XX – первой четверти XXI в. в США имели место семь президентских выборов – в 1992 г., в 1996 г., в 2000 г., в 2004 г., в 2008 г., в 2012 г. и в 2016 г. В рамках подготовки к ним две крупнейшие политические партии страны – Демократическая и Республиканская – публикуют предвыборные программы своих кандидатов – документы, в которых обозначены его идеологические установки, основные цели и задачи, стоящие перед будущим президентом, его видение основных внутренних и внешнеполитических проблем страны и пути их решения.

Таким образом, партийная программа является отражением представлений отдельной политической организации на развитие государства и показывает ее видение будущего, что делает ее ценным историческим источником при рассмотрении развития отдельной страны. Кроме того, сравнение предвыборных установок кандидата с его деятельностью на посту президента в случае избрания дает возможность определить, чего ему удалось достичь, какие произошли изменения и вследствие каких обстоятельств и т.д. В случае США, где в политической системе доминируют две основные партии, анализ их программ позволяет также увидеть разницу в подходах и оценках тех или иных вопросов внутренней и внешней политики. Это, в свою очередь, позволяет проследить настроения в обществе, отношение граждан к тому или иному курсу страны.

Вне зависимости от партийной принадлежности программы Демократической и Республиканской партий имеют схожую структуру, которая состоит из трех частей – преамбула, где обозначаются идеологические принципы и установки, на которых строится весь концептуальный документ, внутренняя и внешняя политика. Две последующие части, в свою очередь, делятся на отдельные подпункты, отражающие конкретное направление деятельности, например, высшее образование, бедность, рабочие места и т.д.

Подобный подход позволяет избирателю быстро найти ответ на конкретный, интересующий его вопрос, а историку помогает выявить, какие темы становятся актуальными, а что выходит из повестки. Кроме того, это помогает провести сравнительный анализ: выявить изменения позиции партии по отдельному вопросу или сопоставить предвыборные установки по ним Демократической и Республиканской партий.

Примером может служить такое направление внешней политики США, как американо-китайские отношения. Их важность в рассматриваемый период возростала в связи с бурным ростом экономики Китая, который вместе с ним наращивал военный потенциал и международное влияние. Вследствие этого кандидаты в президенты США и партии, которые они представляют, не могли не обратить внимания на отношения с Китаем.

В программах Демократической партии за 1992 г. [1], 1996 г. [3], 2000 г. [5] о развитии американо-китайских отношений сказано немного. В документе 1992 г. наиболее существенное упоминание связано с торговыми условиями для Китая [1]. В тексте 1996 г. Внешняя политика США разделена по региональному принципу, одним из них является Азиатско-Тихоокеанский регион. Здесь отмечено,

что для обеспечения безопасности в Тайваньском проливе Демократическая партия поддерживает развертывание там военно-морских сил США, а также высказана поддержка курсу действующей администрации, направленная на укрепление взаимодействия с Китаем, чтобы способствовать укреплению прав человека и привлечению страны к соблюдению различных международных стандартов и норм [3]. Приверженность данному курсу обозначена и в партийной программе 2000 г.: «Демократическая партия понимает, что мы должны взаимодействовать с бывшими врагами. Усилия действующей администрации по налаживанию новых отношений с Российской Федерацией и Китаем постоянно подвергались всевозможным преследованиям и нападкам со стороны республиканцев, но они отвечали национальным интересам Америки и были правильными» [5].

События 11 сентября, вторжение в Ирак и Афганистан заставили Демократическую партию обратить больше внимания внешней политике США, ярким подтверждением чему является партийная программа в преддверии выборов 2004 г., где вопросы внешней политики рассматривались в середине текста, разграничивая внутривнутриполитические проблемы, а не конце документа как в предыдущие годы [7].

Начиная с этого года, в каждой последующей программе Демократической партии внешняя политика будет рассматриваться по регионам, а в их рамках обозначаться общие цели и задачи и конкретные для отдельной страны. В рамках Азиатско-Тихоокеанского региона Китай в документах 2008 г. [9], 2012 г. [11] и 2016 г. [13] всегда будет выделяться в отдельный абзац, но отношения с ним рассматриваются после отношений с традиционным союзником США в регионе – Японией.

В программах Демократической партии, начиная с 2008 г., появляется новая тема в контексте американо-китайских отношений – борьба с изменениями климата. Признавая, что США и Китай входят в число лидеров по выбросам углекислого газа, демократы стремились развивать совместное сотрудничество над снижением данного показателя. Так, в программе 2016 г. сказано: «В то время как Дональд Трамп говорит, что изменение климата – это «обман», созданный китайцами для них самих, демократы признают катастрофические последствия, с которыми сталкивается наша страна, наша планета и цивилизация» [13].

В программах Республиканской партии всего рассматриваемого периода [2; 4; 6; 8; 10; 12; 14] Китаю уделено больше внимания, чем в документах Демократической партии. Он упоминается как в контексте двусторонних отношений, так и в ряде других тем. Еще одно отличие – выделение отношений США и Тайваня (исключением является только документ 1992 г., где о них не упоминается). Если демократы ограничивались заявлениями о приверженности политике «одного Китая», «Акту об отношениях с Тайванем» и мирному решению существующего конфликта, то республиканцы называли Тайвань другим США, ставили в пример материковому Китаю в сфере демократии и заявляли о готовности обеспечить безопасность Тайваня в случае воинственных действий с китайской стороны: «Америка выступает против любого одностороннего решения Китая или Тайваня изменить статус-кво. Республиканцы признают, что политика Америки основана на принципе, согласно которому Китай не должен применять силу против Тайваня. Мы отрицаем право Пекина навязывать свое правление свободному народу Тайваня. Все вопросы, касающиеся будущего Тайваня, должны решаться мирным путем и должны быть приемлемы для народа Тайваня. Если Китай нарушит эти принципы и нападет на Тайвань, то Соединенные Штаты отреагируют в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем. Америка поможет Тайваню защитить себя» [8]. При этом Республиканская партия также придерживается политики «одного Китая» и считает американо-китайские отношения важной частью своей внешней политики.

В программах Республиканской партии больше внимания, чем у оппонентов уделено соблюдению прав человека в Китае, а также содержится критика экономической политики страны – манипуляций с курсом валюты, ограничений доступа американских товаров на внутренний рынок, государственные субсидии китайским предприятиям и т.д. В отличие от демократов республиканцы высказали озабоченность политикой Китая по ограничению рождаемости, называя ее варварской и способствующей совершению принудительных аборт [12].

Таким образом, рассмотрев содержание предвыборных программ Демократической и Республиканской партий США, можно сделать вывод о том, что их сравнение показало различия в подходах и оценках данного направления внешней политики США, а также тот факт, что в рамках конкретной партии вопрос отношений с Китаем претерпевал изменения с течением времени. Это говорит о том, что предвыборные программы являются ценным источником при рассмотрении отношений США и Китая, так как дают возможность проанализировать партийный подход по отношению к ним.

1. The Democratic Party Platform (1992) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1992-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
2. The Democratic Party Platform (1996) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1996-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
3. The Democratic Party Platform (2000) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.

4. The Democratic Party Platform (2004) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
5. The Democratic Party Platform (2008) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
6. The Democratic Party Platform (2012) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-democratic-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
7. The Democratic Party Platform (2016) [Electronic resource] / Mode of access: [presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform](https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform). – Date of access: 10.06.2022.
8. The Republican Party Platform (1992) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1992>. – Date of access: 10.06.2022.
9. The Republican Party Platform (1996) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1996>. – Date of access: 10.06.2022.
10. The Republican Party Platform (2000) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
11. The Republican Party Platform (2004) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2004-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
12. The Republican Party Platform (2008) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
13. The Republican Party Platform (2012) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2012-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.
14. The Republican Party Platform (2016) [Electronic resource] / Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform>. – Date of access: 10.06.2022.

Косов А.П.
ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В МЕМУАРАХ Б. ОБАМЫ И ЧЛЕНОВ ЕГО АДМИНИСТРАЦИЙ

Мемуары являются одним из видов исторических источников, позволяющих рассмотреть исследовательскую проблему во всей ее полноте. Под ними подразумеваются воспоминания, написанные участниками или современниками каких-либо событий, имеющими с точки зрения авторов определенную социально-политическую значимость.

Мемуары – один из интересных, но вместе с тем весьма сложных и специфических видов источников. Отдельную категорию представляют политические мемуары, авторами которых являются президенты, министры, дипломаты и иные высокопоставленные лица. Как правило, они написаны на основе личного практического опыта, памяти, впечатлений и чувств авторов. Исходя из того, что мемуары имеют субъективный характер, они служат дополнительным источником информации при изучении проблем внутренней и внешней политики. Их детальное изучение представляется целесообразным, прежде всего, для получения более полного представления о мотивах поведения государственных деятелей, дипломатов и политиков при принятии ими тех или иных решений. Подобные сведения, как правило, крайне редко можно почерпнуть из официальных источников.

В США политические мемуары составляют неотъемлемую часть политической культуры, поскольку в первую очередь рассматриваются как средство получения дивидендов в виде «укрепления политических позиций политика или структуры (улучшение имиджа, укрепление влияния, роли в политическом процессе, рост курса акций, получение большинства голосов на выборах)». Они, пусть и запоздало, дают политикам и дипломатам возможность ответить на обвинения своих оппонентов; отвести от себя критику; объяснить то, что когда-то было неверно истолковано политическими противниками или СМИ, то, что было невозможно опровергнуть в публичных выступлениях ранее. В этом плане мемуары отличаются излишней политизированностью и стремлением их авторов максимально обелить себя в период своей активной политической деятельности в глазах общественности.

Одной из проблем, нашедших отражение в мемуарах представителей американской элиты, являются отношения между Вашингтоном и Москвой. Среди авторов можно назвать президента Б. Обаму, вице-президента Дж. Байдена, госсекретарей Х. Клинтон и Дж. Керри, министров обороны Р. Гейтса и Л. Панетту, посла США в Москве М. Макфола и других высокопоставленных чиновников из числа двух администраций Обамы.

Интерпретируя развитие российско-американских отношений, многие из них большое внимание уделяют оценке руководителей России, особенно личности В. Путина. Можно отметить, что Б. Обама и члены его администраций рисуют гипертрофированный негативный образ В. Путина, якобы агрессивно настроенного в отношении окружающего мира. При этом наблюдается усиление его очернения по мере нарастания противоречий между Вашингтоном и Москвой в связи с началом более активного отстаивания последней своих национальных интересов. Так, зловещий образ российского лидера предстает на страницах мемуаров Б. Обамы, который сравнивает В. Путина с Д. Медве-

девым, занимавшим пост президента в 2008–2012 гг. С последним 44-й глава Белого дома впервые встретился в апреле 2009 г. в Лондоне на саммите G-20, а затем летом того же года во время своего визита в Москву. Д. Медведев произвел на него приятное впечатление современного политика, заинтересованного в позитивном развитии российско-американских отношений. Б. Обама признал, что тогда его особенно поразило предложение президента РФ разрешить американцам использовать воздушное пространство страны для транспортировки натовских войск и техники в Афганистан. Он был благодарен Д. Медведеву и за его позицию по иранскому вопросу, которая позволила Вашингтону добиться успеха на этом направлении. При этом тогдашний хозяин Кремля показался Б. Обаме скорее менеджером крупной корпорации, нежели президентом страны. Экс-президенту США запомнился семейный ужин с четой Медведевых, и он сделал вывод о том, что они с его российским коллегой во многом очень похожи. Однако, как подчеркивает Б. Обама, реальной властью в РФ по-прежнему обладал В. Путин, занимавший тогда пост премьер-министра [7, р. 181]. Например, как вспоминает президент США, едва у него зашел разговор с Д. Медведевым о российско-грузинском конфликте 2008 г., президент РФ повторил все доводы официальной пропаганды, «как будто его держали на поводке». Когда же речь зашла о других вопросах, он явно расслабился и с удовольствием вел беседу. Исходя из этого, Б. Обама пришел к выводу, что Д. Медведев «как будто пытался показать мне, что и сам не верит ни одному своему слову» [7, р. 185].

О несамостоятельности Д. Медведева говорится и в воспоминаниях вице-президента Дж. Байдена, который довольно цинично называет его «временным кандидатом на пост президента». Вспоминая свою поездку в Москву, чтобы развеять опасения Кремля по поводу планов Вашингтона по развертыванию элементов ПРО в Польше и Румынии, Дж. Байден отмечает, что он был уверен, кто на самом деле управляет РФ. По его мнению, в правящем тандеме именно В. Путин выступал в роли ведущего [1, р. 94]. Для Дж. Байдена последний представлялся «человеком без души», недостойным доверия со стороны американцев [1, р. 94].

По словам американского президента, отношения с В. Путиным у него не сложились с их самой первой встречи в Ново-Огарево. Б. Обама сравнил своего собеседника, с одной стороны, с чикагским гангстером, «воспитанным по законам улиц», а с другой – с инстаграм-подростком, любующимся своими фото в стиле мачо, хотя физически он выглядел для него «непримечательным» [7, р. 243, 245]. По его мнению, разговор у них не заладился с самого начала, поскольку В. Путин набросился на США с многочисленными обвинениями относительно вторжения в Ирак, дестабилизации Ближнего Востока, расширения НАТО, организации «цветных революций». После чего он якобы не слишком внимательно стал слушать объяснения своего гостя [7, р. 243]. Поэтому в своих мемуарах Б. Обама характеризует В. Путина как авторитарного лидера, приверженного воинственной внешней политике. 44-й американский президент считал все его действия стереотипом успешного развития России, которая на самом деле таковой не являлась. С точки зрения Б. Обамы, она больше не была сверхдержавой, так как, несмотря на наличие серьезного ядерного арсенала, Москва в отличие от Вашингтона не обладала масштабной сетью союзников и военных баз по всему миру, дававших возможность проецировать свою мощь на международной арене [7, р. 245]. Кроме того, он указал на зависимость современной России от экспорта углеводородов и вооружений, и акцентировал внимание на том, что российская экономика слабее экономик Италии, Канады и Бразилии [7, р. 247]. Помимо прочего, Б. Обама отметил высокий уровень коррупции и низкую продолжительность жизни мужского населения в РФ. Именно разрывом между реальным положением дел и желанием В. Путина считать Россию сверхдержавой экс-президент США объясняет якобы возрастающую воинственность страны в мире.

Подтверждение негативному отношению к В. Путину можно найти и в воспоминаниях членов двух администраций Обамы. Так, Р. Гейтс сетовал на олигархический режим, правящий Россией, во главе с человеком, ностальгирующим по потерянной империи [4, р. 169]. Правда, при этом он давал весьма критическую оценку российской политике США, считая, что, когда Россия была слабой, Вашингтон не принимал всерьез российские интересы. Американцы не утруждали себя тем, чтобы взглянуть на мир с позиций Москвы, и не смогли выстроить конструктивные отношения с русскими на перспективу [4, р. 158].

Бывший госсекретарь Х. Клинтон, характеризуя внешнюю политику России, аллегорически называет В. Путина «одним из тех парней в метро, которые властно раздвигают ноги, вторгаясь в чужое пространство, как бы говоря: “Я беру то, что хочу”» [3, р. 327]. Для нее он «жесткий человек», преклоняющийся перед могуществом российских самодержцев, с «чрезмерной мачо-театральностью» и великодержавными амбициями [2, р. 201, 327]. Х. Клинтон оценивает его сквозь призму прошлого российского лидера. Она считает, что «КГБ научил Путина относиться ко всем с подозрением» [3, р. 329]. Это видно из ее утверждений о том, что он стремится «восстановить утраченную империю» и «ресоветизировать периферию России» [2, р. 210, 215]. В. Путин до сих пор не

может пережить слабость и унижения РФ в 1990-е гг. [2, р. 328]. Она уверена, что сложности в российско-американских отношениях во многом обусловлены именно особенностями путинского восприятия мира: ведь якобы в его глазах «геополитика возможна только с нулевым балансом – если один выигрывает, то другой должен проиграть» [2, р. 227]. Исходя из этого, Х. Клинтон обращала внимание на «опасность», исходящую от В. Путина, для мирового порядка. При этом она достаточно лестно отзывается о своем коллеге С. Лаврове, в котором видит «пример высокого дипломатического искусства», позволяющего отстаивать интересы Кремля «интеллектуально, энергично и немного высокомерно» [2, р. 231]. Поэтому, покидая Госдепартамент, она рекомендовала Б. Обаме «нажать на кнопку паузы» в российско-американских отношениях [2, р. 244]. Х. Клинтон пишет, что с оптимизмом смотрела на старт «перезагрузки» с Россией, но у нее с самого начала были сомнения в отношении В. Путина [2, р. 205]. И это подтвердилось. Москва активизировала свои «враждебные» действия в мире. Так, она отмечала, что на президентских выборах 2016 г. в США имело место российское «вмешательство», которое не позволило ей одержать победу [3, р. 326]. По ее словам, это произошло из-за того, что В. Путин якобы затаил на нее глубокую обиду и приложил все усилия, чтобы она не стала президентом США [3, р. 333]. Поэтому именно «экспансионистскими амбициями» Кремля Х. Клинтон оправдывала действия администрации Обамы на мировой арене [2, р. 239].

Аналогичных взглядов на мотивы, заставлявшие В. Путина «агрессивно» действовать на мировой арене, придерживается и преемник Х. Клинтон на посту госсекретаря – Дж. Керри. Он подчеркивает, что В. Путин с «большой нежностью и сентиментальностью» вспоминает СССР. По его словам, российский лидер является «сложной фигурой», в одних случаях проявляющий доброжелательность к своим собеседникам, а в других – мелочность и вредность, показывая тем самым свое величие и превосходство [5, р. 438]. Подобным образом он старается действовать и на мировой арене. Согласно Дж. Керри, смотреть на Россию через «розовые очки» или, наоборот, через призму Холодной войны, является ошибкой. Наиболее оптимальный вариант развития российско-американских отношений – это взаимодействие. Однако Вашингтон должен проявлять твердость и не в коем случае не потакать В. Путину в его великодержавных амбициях [5, р. 438–439]. Экс-госсекретарь подчеркивает, что на протяжении всей своей работы в администрации Обамы, он оставался открытым для переговоров с российской стороной, даже, несмотря на якобы деструктивное поведение РФ в Сирии, Украине и т.д. При этом Дж. Керри также дает характеристику своему визави – С. Лаврову. Он описывает российского министра иностранных дел как человека «умного, расчетливого и своеобразного», стремящегося получить преимущество над партнерами за переговорным столом. В качестве примера он приводит напряженные переговоры России и США по Сирии, когда русские, якобы демонстрируя свое намерение уйти с них, поставили свой багаж в коридоре. Подобные действия Дж. Керри назвал «неуклюжей» и «типичной российской тактикой» по «расстановке ловушек» [5, р. 538]. В мемуарах он выражает свое сожаление по поводу того, что к 2017 г. российско-американские отношения «достигли конца» из-за позиции Москвы [5, р. 554–555]. Дж. Керри разочарован нарастанием неразрешимых разногласий между США и РФ по поводу ситуации вокруг Сирии и Украины, а также так называемого российского «вмешательства» в американские выборы 2016 г. [5, р. 438].

Вице-президент Дж. Байден также утверждает, что он разделял позицию Б. Обамы по стремлению найти общий язык с российским руководством [1, р. 93]. Провал политики «перезагрузки» он связывает якобы исключительно с «недобросовестным» партнерством Москвы. Дж. Байден называет действия России на постсоветском пространстве попытками Кремля «запугать» соседей, забывая при этом о своих громогласных заявлениях распространить свой порядок на всю Европу [1, р. 97]. Очевидно, что российские интересы в мире, противоречащие интересам Америки, считаются им нелегитимными. Типичным примером представляется позиция сторон по Украине. Дж. Байден вспоминает, что чувствовал «моральный долг» защищать Украину от «агрессивной» России. Отмечая «агрессивную кампанию Путина по расколу Украины» в «грубых нарушениях подписанных им соглашений», он называет В. Путина «демагогом и ревизионистом» [1, р. 185–187]. Тем самым Дж. Байден демонстрирует в своих мемуарах негативный образ РФ.

Заместитель советника президента по национальной безопасности в 2009–2017 гг. Б. Родс напрямую связывает ухудшение российско-американских отношений с возвращением В. Путина на пост президента в 2012 г. Американский чиновник выразил разочарование политикой «перезагрузки», обвинив Москву в непоследовательности шагов по улучшению двусторонних отношений [8, р. 152]. С его точки зрения, вернувшись в Кремль, В. Путин пошел на сознательное обострение с Соединенными Штатами. Москва якобы заняла неконструктивную позицию по всем основным вопросам двусторонней повестки, тогда, как Вашингтон предлагал конструктивное сотрудничество. Он объясняет действия российского руководства на Украине имперскими комплексами РФ. Б. Родс также считает, что к точке невозврата в украинском кризисе привели самовольные действия В. Нуланд, которую он назвал «неоконом» из команды Д. Чейни [8, р. 235–236]. По украинскому

вопросу Б. Родс излагает официальную точку зрения, считая, что Соединенные Штаты в отличие от России не были заинтересованы в контроле этой страны. Вашингтон якобы просто выступал за соблюдение международного права – права украинцев на принятие самостоятельных решений. При этом, по его мнению, Б. Обама не мог дать летальное вооружение Киеву, как того требовали вашингтонские ястребы, поскольку это все равно не решило бы проблему. Вместо этого, администрация Обамы стала усиливать санкционное давление на Москву и увеличивать военное присутствие в странах НАТО по периметру российских границ. Поэтому Б. Родс поддержал курс Вашингтона на ужесточение политики США на российском направлении, хотя, в целом, он занимает достаточно критичную позицию в отношении своего бывшего шефа – Б. Обамы. А вслед за Х. Клинтон видит российский след в американских выборах 2016 г. [8, р. 383].

Свой взгляд на развитие российско-американских отношений в годы президентства Б. Обамы представил и М. Макфол, работавший в 2008–2011 гг. старшим директором по делам России в Совете национальной безопасности, а в 2012–2014 гг. служивший послом США в Москве. В своих мемуарах он называет себя руссофилом и знатоком русской культуры и истории [6, р. 48–49]. Автор мемуаров пишет, что сам искренне верил в возможность сближения США и РФ на основе взаимных интересов и общих ценностей [6, р. 423]. Однако этого не случилось. Небольшую долю ответственности за неудачу М. Макфол возлагает на американцев. Например, он сожалеет, что в свое время в Вашингтоне отвергли идею о включении России в НАТО, тем самым вынудив Москву пойти по пути реваншизма [6, р. 48–49]. Поэтому даже себе задает вопрос: «Что я сделал не так?» [6, р. XI]. Однако главным виновником напряженности в российско-американских отношениях экс-посол называет путинский «авторитарный» режим.

Характеризуя политику «перезагрузки», одним из творцов которой М. Макфол себя считает, он подчеркивает, что в Вашингтоне по-прежнему рассматривали Россию стратегической угрозой номер один [6, р. 195]. Бывший посол подтверждает коллективную оценку администрации Обамы о том, что Москва никогда серьезно не выступала за перезагрузку [6, р. 409–428]. При этом он признает, что некоторые решения Москвы были достаточно конструктивными. В качестве примера автор называет позицию Д. Медведева по Ливии, что привело его к размовке с В. Путиным, назвавшим действия НАТО «крестовым походом». После этого первый якобы утратил доверие у последнего [6, р. 225–227]. Наряду с этим М. Макфол пишет, что администрация Обамы не надеялась, что «перезагрузка» приведет к еще одному российско-американскому «медовому месяцу», как в начале 1990-х гг. [6, р. 80]. Ключевым же фактором краха политики «перезагрузки», по убеждению экс-посла, стало возвращение В. Путина на пост президента РФ. В целях укрепления своей власти США снова понадобились президенту России в качестве внешнего врага [6, р. 416]. Поэтому М. Макфол уверен, что если бы не произошло возвращения В. Путина в Кремль, не было бы и нарастания напряженности между Москвой и Вашингтоном. Вины администрации Обамы в конфронтации автор мемуаров не видит [6, р. 414].

Описывая российско-американские отношения, М. Макфол проявляет ярко выраженную личную неприязнь к В. Путину, наделяя его нелицеприятными эпитетами [6, р. 336, 419]. Он считает, что последний необоснованно обвинил его в разжигании антипутинских протестов в России [6, р. 239, 254, 259]. Конечно, это откровенное лукавство экс-посла. Хотя, именно российского президента М. Макфол называет «человеком, обученным лгать» [6, р. 64]. Очевидно, что автор избрал простейший путь объяснения неудач в российско-американских отношениях, указав на В. Путина, как главную проблему.

Таким образом, мемуары государственных и политических деятелей представляют интерес тем, что дают возможность заглянуть за кулисы формирования и реализации большой политики и оценить ее движущие импульсы. В этом контексте воспоминания Б. Обамы и членов его двух администраций не только описывают политическую карьеру их авторов, интриги, дразги, но и дают субъективные характеристики политическим фигурам США и зарубежных государств, исходя из своего видения решения рассматриваемых проблем, в том числе и процесса развития российско-американских отношений.

Совершенно очевидно, что рассмотренные мемуары не дают объективных оценок взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Они, лишь в очередной раз, доказывают тренд на русофобию в политических кругах Америки. Их авторы проявляют ярко выраженный ястребиный взгляд на Россию. Для многих из них характерен открытый цинизм и враждебность в отношении РФ и ее руководства, особенно В. Путина. Чтение подобных мемуаров позволяет лишним раз убедиться – кто, на самом деле несет главную ответственность за нарастание конфронтации в российско-американских отношениях. И, это, однозначно, не Москва.

1. Biden, J. *Promise Me, Dad: A Year of Hope, Hardship, and Purpose* / J. Biden. – N. Y. : Flatiron Books, 2017. – XVIII+272 p.
2. Clinton, H. R. *Hard Choices: A Memoir* / H. R. Clinton. – N. Y. : Simon & Schuster, 2014. – XII+635 p.
3. Clinton, H. R. *What Happened* / H. R. Clinton. – N. Y. : Simon & Schuster, 2017. – XIV+494 p.

4. Gates, R. Duty: Memoirs of a Secretary at War / R. Gates. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 2014. – X+618 p.
5. Kerry, J. Every Day Is Extra / J. Kerry. – N. Y. : Simon & Schuster, 2018. – XVIII+622 p.
6. McFaul, M. From Cold War to Hot Peace: An American Ambassador in Putin's Russia / M. McFaul. – N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2018. – XXII+506 p.
7. Obama, B. A Promised Land / B. Obama. – N. Y. : Crown Publishing Group, 2020. – XVI+751 p.
8. Rhodes, B. The World As It Is: A Memoir of the Obama White House / B. Rhodes. – N. Y. : Random House, 2018. – XX+450 p.

Черкасский Я.В.

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА КАК ИСТОЧНИК ПО СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Проблематике обеспечения различных аспектов безопасности арабских стран Персидского залива, с учетом особой значимости данного региона в настоящее время в глобальной геополитической архитектуре, посвящен достаточной широкий круг источников.

Вместе с тем необходимо отметить, что, наряду с источниками информации справочного и статистического характера, издаваемыми профильными министерствами стран-участниц Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые позволяют проанализировать стратегию обеспечения безопасности для региона в целом, значительный научный интерес представляет группа источников, содержащая материалы публикаций ведущих экспертно-аналитических центров ОАЭ (и иных стран ССАГПЗ), занимающихся исследованиями в политической, экономической и социальной сферах.

В указанных целях проведен комплексный анализ имеющейся в открытых источниках информации, изучена специфика их работы, включая официально заявленные контакты с представителями органов госуправления, а также иных международных экспертных центров.

В частности, целесообразно выделить публикации Эмиратского центра стратегического анализа и исследований (The Emirates Center for Strategic Studies and Research, ECSSR), специализирующегося на аналитических исследованиях в области политики, экономики, обществоведения и культуры ОАЭ, стран региона Персидского залива, а также иных арабских государств (материалы центра действуют при подготовке аналитических обзоров высшему руководству ОАЭ для выработки и принятия решений в сфере обеспечения безопасности).

Основная задача, сформулированная властями для ECSSR – создание национального независимого учреждения, занимающегося научными исследованиями в дополнение к политическим, экономическим, социальным и культурным исследованиям, имеющим отношение к ОАЭ, региону Персидского залива и всему миру, а также поддержка государственной политики и курса на создание «общества будущего» в свете ускорившегося технического развития социума [1].

Центр проводит регулярные и периодические исследования, отчеты и анализы, которые имеют отношение к местным, региональным и международным событиям и проблемам, влияющим на национальную безопасность ОАЭ сейчас и в будущем.

Исследования, доклады и аналитические материалы ECSSR варьируются в зависимости от тем, которые они затрагивают, включая политические, военные, экономические и социальные вопросы, безопасность, а также гуманитарный блок, касающийся тематики здоровья, воды, продуктов питания и окружающей среды.

На ежегодной основе представителями ECSSR проводится ряд конференций с приглашенными лекторами из зарубежных стран, чаще всего, представляющими научно-исследовательские центры, являющиеся партнерами ECSSR.

Отдельное внимание для исследователей проблематики ближневосточной безопасности заслуживают аналитические материалы, публикуемые Эмиратским центром политики (Emirates Policy Center, EPC).

Указанный центр создан в сентябре 2013 года во время событий «арабской весны» для изучения внутренних и внешних угроз национальным государствам в регионе Персидского залива, и, в более широком аспекте, в арабском мире [2]. Специализируется на разработке аналитических материалов для представителей органов власти и управления в области текущих и перспективных событий, подготовке рекомендаций в отношении оптимальных действий в рамках реализации внутренней и внешней политики ОАЭ.

Целью EPC является определение и прогнозирование воздействия геополитических событий и изменений в глобальном балансе сил на ОАЭ и регион, подготовка анализов политического риска для местных, региональных и международных партнеров, включая оценки последствий геополитических кризисов и сдвигов.

В состав ЕРС входят ряд специализированных аналитических подразделений, обеспечивающих сфокусированный охват различных географических областей, включая Иран, Йемен, Турцию, Египет, а также такие темы, как экстремизм и борьба с терроризмом, энергетика.

Вместе с тем, анализ открытых материалов ЕРС свидетельствует об отсутствии публикаций в отношении актуальных международных событий в режиме реального времени, т.е. оценки, прогнозы, перспективное моделирование тех или иных острых процессов в мире и регионе на сайте ЕРС в открытом доступе широко не представлены.

Материалы, имеющиеся в наличии, носят академический характер, более пригодный для использования в сфере ретроспективного анализа международных отношений, нежели для оперативной аналитики.

Центр также организует ежегодные стратегические дебаты в Абу-Даби по прогнозированию развития международной и региональной безопасности и изменений в международном порядке, итоговые материалы дебатов имеют значительное фактологическое и прогнозное значение для исследователей региона.

Затрагивая вопросы актуальной аналитики по региону Персидского залива, целесообразно отдельно выделить работу исследовательских и научных центров Катара.

Координацией их деятельности занимается государственный Катарский национальный исследовательский фонд (Qatar National Research Fund, QNRF) [3]. Политика в области исследований формируется путем определения приоритетных для Катара направлений и конкретных тем, которые в дальнейшем финансируются данным фондом.

Поскольку собственная научная школа в Катаре развита недостаточно, эти центры в своей деятельности опираются на тесное сотрудничество с исследовательскими центрами и университетами США и стран ЕС.

Так, Арабский центр исследований и изучения политики (Arab Center for Research and Policy Studies, ACRPS) основан в Катаре [4], но имеет подразделения в Вашингтоне, Париже, Тунисе, Бейруте.

Центр делает исследования по вопросам региональной политики (в т.ч. по теме кризисных явлений военно-политического характера в Заливе), текущих событиях в КСА, Иране, Афганистане, Израиле, Тунисе, Турции, США и др. Приоритет – проведение исследований на арабском языке (в т.ч. издание Doha Dictionary of the Arabic Language). Вместе с тем осуществляются также публикации на английском.

ACRPS принимает аналитические материалы для последующих публикаций от любых желающих экспертов.

В 2014 году Центр учредил некоммерческий частный университет Doha Institute for Graduate Studies, DI [5].

Справочно: являясь научно-исследовательским институтом последипломного образования, DI поддерживает потребности своих исследователей в финансировании из двух основных источников:

- исследовательский фонд факультетов (FRF) поддерживает исследовательские потребности основных преподавателей и аспирантов, контракты которых предусматривают проведение исследований в качестве одной из их обязанностей;
- основной исследовательский фонд (MRF) предоставляет гранты на конкурсной основе для малых и средних исследовательских проектов. Преподаватели также активно поощряются к подаче заявлений на заочное финансирование для крупных многолетних исследований.

ACRPS организует лекции своих исследователей, семинары и конференции, в т.ч. ежегодные по следующим темам:

- страны Залива;
- палестинское урегулирование;
- социальные исследования;
- арабская история;
- экономика.

Мероприятия проводятся как в Дохе, так и в странах, где расположены подразделения Центра.

Также необходимо выделить деятельность Центра изучения Аль Джазира (Al Jazeera Centre for Studies, AJCS) [6].

Основан в Катаре в 2006 году. Является частью Al Jazeera Network, финансируемой за счет государства. Готовит исследования и публикации по широкому кругу заказных тем для Al Jazeera Network. Осуществляет публикацию книг.

Согласно Глобальному индексу Go To Think Tank Index, принятому в Университете Пенсильвании в 2018 году, Центр исследований Аль-Джазира занял первое место среди стран Залива, пятое место в рейтинге лучших аналитических центров в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, и 141-е место в рейтинге лучших аналитических центров в мире [7].

AJCS также занял 57-е место среди 70 лучших мировых аналитических центров, применяющих современные методы обеспечения качества и целостности анализа [8].

Таким образом, материалы ряда ведущих экспертно-аналитических центров Персидского залива представляют значительный интерес как источник по современной истории стран Ближнего Востока.

Вместе с тем, проведенный анализ данного источника позволяет выделить для ближневосточных исследовательских центров общие проблемы, которые необходимо учитывать исследователю:

- зависимость конечных экспертных выводов от т.н. политического климата;
- действие по запросу властей (более свойственно для Катара), решения которых в основном «неоднозначны, персонифицированы и редко институционализируются»;
- относительная доступность объективной информации в качестве основы для построения надежного политического анализа;
- отсутствие культуры принятия независимых и беспристрастных анализов - проблема, стоящая перед аналитическими центрами стран Ближнего Востока, действующими по модели «доверие предшествует компетенции».

1. The Emirates Center for Strategic Studies and Research [Electronic resource] // ECSSR. – Mode of access: www.ecssr.ae/en/. – Date of access: 12.11.2019.
2. Emirates Policy Center [Electronic resource] // EPC. – Mode of access: <http://www.epc.ae/>. – Date of access: 12.11.2019.
3. Qatar National Research Fund [Electronic resource] // QNRF. – Mode of access: <https://www.qnrf.org/en-us/>. – Date of access: 20.02.2023.
4. Arab Center for Research and Policy Studies [Electronic resource] // ACRPS. – Mode of access: <https://www.dohainstitute.org/en/pages/index.aspx>. – Date of access: 20.02.2023.
5. Doha Institute for Graduate Studies [Electronic resource] // DIGS. – Mode of access: <https://www.dohainstitute.edu.qa/en/pages/default.aspx>. – Date of access: 20.02.2023.
6. Al Jazeera Centre for Studies [Electronic resource] // AJCS. – Mode of access: <https://studies.aljazeera.net/en>. – Date of access: 20.02.2023.
7. Al Jazeera Centre for Studies 1st in GCC, 5th in MENA [Electronic resource] // Qatar Tribune. – Mode of access: <https://www.qatar-tribune.com/article/109498/NATION/Al-Jazeera-Centre-for-Studies-1st-in-GCC-5th-in-MENA>. – Date of access: 20.02.2023.
8. Al Jazeera Centre for Studies [Electronic resource] // AJCS. – Mode of access: <https://studies.aljazeera.net/en/centernews/2019/01/ajcs-ranked-top-tank-gulf-middle-east-north-africa-190131094055806.html>. – Date of access: 20.02.2023.

Данилович А.В.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИРАНЕ В 2013–2021 ГГ.
В ОТРАЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ «ЭТТЕЛААТ»

СМИ, фиксируя актуальную информацию, не только преподносят её аудитории и тем самым выполняют свою основную функцию, но и по прошествии времени превращаются в исторический источник. Его использование сопряжено с рядом проблем. Поскольку СМИ хороши не только для информирования, но и для воздействия, авторы их материалов зачастую позволяют себе необъективные суждения, подталкивают аудиторию к принятию определённой стороны конфликта, предоставляют заведомо ложные сведения и допускают множество других искажений при отражении реальности. В связи с этим, как справедливо замечает Ю. Б. Костякова, исследователь, обращаясь к СМИ, вынужден либо досконально разбирать все факторы, которые повлияли на характеристики их материалов, отделяя их от реальности того или иного события, и сопоставлять их с другими источниками, либо допускать ссылку на материалы СМИ только в качестве «украшения», дополнения к работе [2, с. 14]. Так или иначе, средства массовой информации не только имеют точку соприкосновения с реальностью и черпают свои материалы из неё, но и формируют её, воздействуя на мнения аудитории и задавая информационный климат страны.

Рассматриваемый период (2013–2021 гг.) является временем нахождения у власти президента Х. Роухани. Придя на смену своему предшественнику Ахмадинежаду, этот политик-реформист предложил мировому сообществу в целом и США в частности диалог. Эта идея хотя и была поддержана консервативным рахбаром, но провалилась с выходом США из ядерной сделки. А. Хаменеи и вместе с ним консерваторы Ирана ещё больше ожесточились и подвергли политику Роухани суровой критике.

В Иране одна из главных характеристик того или иного средства массовой информации – служба интересам той или иной политической силы или по крайней мере тяготение к одной из них. Одним из самых старых представителей консервативной прессы на сегодняшний день является газета «Эттелаат» (перс. *информация*). Это ежедневное издание было впервые опубликовано в 1925 г. [1, с. 189] и управляется представителем рахбара А. Хаменеи [3, с. 21]. Таким образом, «Эттелаат» в целом транслирует взгляд Верховного лидера Ирана на происходящие в стране и мире события.

Авторы газеты «Эттелаат» уделяют социально-экономической сфере страны значительное внимание. Материалы на эту тему можно встретить в разных рубриках издания, однако есть и специальные тематические – «Актуальная экономика» (اقتصاد روز) и «Социальное» (اجتماعی). Почти в каждом номере есть также таблицы, посвящённые состоянию рынка, курсу валют и в особенности бирже. Кроме того, её работе посвящено большое количество статей и заметок – обычно 2–4 на номер. Это могут быть как актуальные новостные материалы, так и исторические обзоры или оценки и прогнозы экспертов. Хотя касаются они разных бирж, наибольшее внимание уделяется единственной в стране фондовой – Тегеранской. Так, на страницах «Эттелаат» за рассматриваемый период регулярно публикуются посвящённые ей статьи и таблицы: «Последние изменения цен на Тегеранской бирже» [6], «Индекс фондового рынка вырос на 196 единиц» [16] и др. Подчёркиваются важность рынка капитала и внимание к нему государства: например, 1399 г. (21.03.2020 – 20.03.2021)* в Иране автор одной из статей называет «годом поддержки рынка капитала» [17].

В период правления Х. Роухани авторы «Эттелаат» также регулярно обращались к вопросам стратегии «экономики сопротивления», сформулированной А. Хаменеи ещё в 2010 г. в ответ на санкционное давление на ИРИ. Данная тема не утратила своих позиций в консервативном издании даже после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и частичного снятия санкций. В связи с этим на страницах «Этталаат» сообщается о расширении или планах по расширению нефтегазового экспорта («Экспорт лекарств увеличился вдвое» [19], «Иран намерен до конца года экспортировать 8 миллионов тонн стали» [22], «50 наукоёмких предприятий в области здравоохранения стали экспортноориентированными» [18], «Сальдо торгового баланса за 11 месяцев текущего года оказалось положительным» [13]) и поддержке малых и средних предприятий («Хеммати: «100 тысяч миллиардов туманов выделено на поддержку малых предприятий» [24], «Рассмотрение национального документа о трудоустройстве в социальной комиссии правительства» [11]). Однако самый популярный в «Эттелаат» аспект экономики сопротивления – борьба с безработицей, которая только по официальным данным за период 2013 – 2021 гг. в Иране стабильно держалась на уровне около 10% [4]. В связи с этим в газете очень часто упоминается финансирование государством проектов по созданию тысяч рабочих мест, причём этот вопрос не только связывается с воплощением экономики сопротивления, но и называется приоритетом правительства [14]. Отдельное внимание, как видно из материалов «Эттелаат», уделяется занятости в приграничных провинциях. Так, в статье «Необходимость оживления приграничных рынков в Западном Азербайджане» указывается на относительную отсталость этого остана, в связи с которой жизненно важно обеспечивать его жителям стабильные рабочие места. Только этот шаг позволит привязать людей к уязвимой приграничной зоне и дать отпор контрабанде [20].

Несмотря на неослабевающее внимание «Эттелаат» к экономике сопротивления, попытки Х. Роухани оставить её в прошлом не прошли мимо внимания авторов газеты: на её страницах в 2018 г. нередко можно было встретить положительные отзывы о СВПД – ядерной сделке, которую Иран в 2015 г. заключил с США, Россией, КНР, Великобританией и Германией. Сделка позволила ИРИ частично освободиться от санкций, улучшила её международный имидж, активизировала отношения с другими государствами и привлекла в иранскую экономику иностранных инвесторов, что видно и из материалов «Эттелаат» («Иран занял третье место на Ближнем Востоке по привлечению иностранных инвестиций» [25], «Начало работы совместной фирмы “Иран Ходро” и французского “Пежо” [10], «Повышение стандартов пищевой промышленности при сотрудничестве с международными фирмами» [8]). После выхода США из СВПД (2018 г.) авторы «Эттелаат» ещё чаще стали обращаться к теме отношений (в частности экономических) с европейскими странами. Внимание к данному вопросу связано с тем, что евротройка, подписавшая ядерное соглашение с Ираном, после выхода из него США встала перед сложным выбором сохранения или сворачивания СВПД. Газета отмечает вынужденную отмену многих планов ирано-европейского экономического сотрудничества (например, совместную разработку нефтяных месторождений с французской компанией “Тотал” [15]), подчёркивает удачные примеры взаимодействия вопреки санкциям (например, с центральным банком Австрии [5]), а также приводит высказывания иранских и европейских государственных деятелей о том, что СВПД нужно любой ценой сохранить (например, высказывания А. Аракчи [21] и Ф. Могерини [23]).

Несмотря на то, что большинство материалов «Эттелаат» носят нейтрально-информационный или оптимистичный характер, на страницах газеты чётко отразились проблемы социально-экономической сферы. Помимо санкций, среди них можно назвать контрабанду, инфляцию, коррупцию и последствия коронавируса. В социальной сфере наибольшее после безработицы беспокойство у авторов газеты вызывает тесно связанная с контрабандой наркомания. При этом указывается как

* В Иране летоисчисление ведётся от хиджры (622 г.) и год начинается 21 марта.

на экономический (контрабанда, в основном из Афганистана, и успешная борьба с ней; размеры наркооборота, рост безработицы и расширение теневого рынка), так и на социальные аспекты проблемы (поддержка и социализация лечащихся наркозависимых, в том числе их трудоустройство; поимка наркоторговцев и открыто употребляющих наркоманов, борьба с наркопритонами). За весь рассматриваемый период внимание «Эттелаат» к данному вопросу не снижается, хотя и сообщается о сокращении количества наркоманов в Иране.

Однако, как уже было отмечено выше, трудности, с которыми сталкивается ИРИ, «Эттелаат» преподносит в основном оптимистично. Так, о проблеме безработицы, бедности и наркомании зачастую говорится через конкретные меры государства по борьбе с ними, что видно из заголовков: «Предоставление банковских кредитов на сумму 50 миллиардов туманов проектам по созданию рабочих мест» [12], «Предоставление 400 миллионов туманов на осуществление планов экономики сопротивления» [9]; «Обслужено 333000 звонков на горячую линию семей наркозависимых» [7].

Таким образом, использование газеты «Эттелаат» в качестве исторического источника по проблемам исследования социально-экономических процессов в Иране в 2013 – 2021 гг. позволяет определить важнейшие направления и аспекты политики руководства страны, а также идеологическое обоснование выбираемых шагов в социально-экономической сфере. Выбор редакцией сообщений для комментирования даёт возможность выявить наиболее болезненные точки для экономики и социальной сферы страны с точки зрения иранского общества, т.к. эти проблемы, хоть и в оптимистичном ракурсе, но всё же газета вынуждена поднимать. Фактический же материал, представленный в издании, требует перепроверки.

1. Зарубежная печать : Краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства / гл. ред. С. А. Лосев. – М. : Политиздат, 1986. – С. 189.
2. Костякова, Ю. Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника / Ю. Б. Костякова // Вестник Военного университета. – 2011. – № 3 (27). – С. 12–17.
3. Rafizadeh, S. The Political Affiliations of Iranian Newspapers / S. Rafizadeh, M. Alimardani // Iran Media Program. – 2013. – № 5. – P. 21.
4. Unemployment Rate and Unemployment Data in Iran [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://take-profit.org/en/statistics/unemployment-rate/iran/>. – Date of access: 15.03.2023.
5. 5 – 2. تیر 2018. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] اجرای پژوهش‌های زیربنایی ایران با خط اعتباری یک میلیارد یورویی بانک اوبر آتریش.
6. 10 – 26. فروردین 2014. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] آخرین تغییرات قیمت سهام در بورس تهران.
7. 4 – 2. تیر 2016. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] رایه 333 هزار خدمات تلفنی به خانواده معنادران.
8. 4 – 2. تیر 2016. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] المللی‌های بین‌غذایی با مشارکت شرکت استاندارد‌های صنعت ارتقاء.
9. 7 – 23. اسفند 2019. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] های اقتصاد مقاومتی برای اجرای طرح میلیون تومان تسهیلات 400 اعطای.
10. 2 – 2. تیر 2016. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] آغاز به کار شرکت مشترک ایران خودرو و پژو فرانسه.
11. 3 – 23. اسفند 2019. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] بررسی سند ملی اشتغال در کمیسیون اجتماعی دولت.
12. 10 – 27. تیر 2013. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] هزار میلیارد تومان تسهیلات بانکی برای طرح‌های اشتغال زایی ۵۰۰ تومانی.
13. 2 – 23. اسفند 2019. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] تراز تجاری 11 ماهه امسال مثبت شد.
14. 2 – 21. خرداد 2015. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] توسعه، سرمایه‌گذاری و اشتغال‌زایی از اولویت‌های اصلی دولت است.
15. 4 – 23. اسفند 2019. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] ایران از میدانی غرب کارون افزایش یافت تولید نفت خام.
16. 10 – 29. آبان 2017. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] واحدی شاخص بورس ۹۶ ارشد.
17. 8 – 15. اردیبهشت 2021. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] سال حمایت از بازار سرمایه گذاری.
18. 9 – 2. تیر 2018. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] اندرشکت دانش بنیان عرصه سلامت کشور صادرات محور شده ۵۰.
19. 4 – 2. تیر 2018. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] صادرات دارو به 2 برابر افزایش یافت.
20. 9 – 21. خرداد 2015. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] غربی‌های مرزی در آذربایجان‌سازی بازارچ‌حضوررفت فعال.
21. 7 – 2. تیر 2018. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] عراقچی : برجام در آبی سوست، اروپا باید فداکاری کند.
22. 5 – 29. آبان 2017. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] میلیون تن فولاد تا پایان امسال ۸ عزم ایران برای صادرات.
23. 5 – 23. اسفند 2019. – اطلاعات // [منبع الکترونیکی] موگرینی : حفظ برجام به اعتبار شورای امنیت می‌افزاید.
24. 4 – 15. اردیبهشت 2021. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] همتی : 100 هزار میلیارد تومان به صنایع کوچک اختصاص می‌یابد.
25. 4 – 2. تیر 2016. – اطلاعات // [الکترونیکی منبع] ایران رتبه سوم سرمایه‌گذاری‌های خارجی را در خاورمیانه کسب کرد.

РАЗДЕЛ 6

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Крючек П.С.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНТЕНЦИИ К ПРОШЛОМУ

Современный мир, несмотря на весь технологический и научный прогресс, неразрывно связан с прошлым. Мы постоянно оглядываемся назад, ищем в истории то, что еще может послужить современному обществу в обновленном и переосмысленном виде, используем историю для социального конструирования, объединения вокруг общих символических событий прошлого, формирующих национальную и государственную идентичность.

Сегодня в этот процесс вовлечены разнообразные акторы, начиная от государства, профессионального исторического сообщества до общественных объединений и рядовых граждан. Все активнее развиваются альтернативные, неформальные способы презентации истории посредством СМИ, исторических романов, документальных и художественных фильмов, музейных выставок, объектов наследия, телешоу, веб-сайтов и приложений, компьютерных игр и проч. Как следствие, отношения общества с прошлым стали богаче и многограннее, но вместе с тем более запутанными и фрагментарными. В этих условиях в центр исследований прошлого все больше смещаются не сами события, а их интерпретации с позиций различных акторов, механизмы формирования и распространения исторических представлений, способы сохранения исторической памяти, то есть то, что многие современные исследователи объединяют понятием исторической культуры. Такие исследования не только помогают нам понять, как люди связаны с историей или насколько хорошо они ее знают, но и показывают, что история имеет фундаментальное значение для того, как люди воспринимают самих себя.

Тематика прошлого как объекта социального познания обслуживается целым рядом понятий, значения некоторых из них пересекаются, дополняют друг друга, а в ряде случаев претендуют на одну и ту же предметную область.

Классическим примером этого является такая весьма распространенная и многозначная категория как историческое сознание. Историческое сознание – неизбежный элемент усвоения человеком культуры. Выступая в разных формах (как совокупность обыденных, художественных, религиозных, идеологических представлений), историческое сознание первично по отношению к исторической науке и более объемно. Многие исследователи сходятся в том, что историческое сознание имеет индивидуальное и общественное воплощения, причем второе первично. С точки зрения ряда подходов, историческое сознание имеет уровневую организацию: от простых, но чрезвычайно многообразных форм представлений обыденного сознания (низший уровень) до сложных, систематизированных, теоретически обоснованных построений профессиональных сообществ (прежде всего – гуманитарных).

Однако в оценке содержательных аспектов феномена можно встретить существенные теоретические расхождения. А.А. Сидельников выделяет две наиболее общих группы подходов к исследованию исторического сознания [6, с. 111–112]. В рамках первой из них представлены работы, увязывающие феномен сознания с социальным временем. Историческое сознание здесь трактуется как понимание того, каким образом прошлое, настоящее и будущее связаны друг с другом. Вторая группа подходов рассматривает историческое сознание как социальную память. В этом случае историческое сознание часто воспринимается как один из феноменов социокультурной регуляции поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом. При этом особое пристальное внимание уделяется оценочному и нормативно-ценностному содержанию исторического сознания, которое носит конкретно-исторический характер [2, с. 9]. Соответственно приведенному различению оценивается функциональное предназначение исторического сознания. В рамках первой группы обычно анализируется его происхождение и уровни (обыденное и теоретическое сознание), связь с другими формами сознания, влияние на культуру и иные сферы жизнедеятельности общества. В рамках второй группы подходов речь идет скорее о том, что историческое сознание – один из феноменов социокультурной регуляции поведения индивидов и коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом [2, с. 9].

Термином, возникшим в результате дальнейшего переноса психологических метафор на социальные явления, и тем самым развивающим исследовательскую оптику анализа исторического сознания, является историческая память и близкие по значению понятия (культурная память, мемориальная культура, культура памяти и др.). Если «сознание» в большей мере интерпретируется в интенциональном смысле (обращенность индивида, группы или общества к прошлому), то память трактуется в контексте хранения информации об этом прошлом. Поскольку само понятие прошлого

отсылает нас к ситуации, в которой невозможен непосредственный контакт с событиями (прошлое – это по определению то, чего уже нет), любые способы восприятия исторической действительности – это, по сути, актуальное восприятие индивидом или группой «воспоминаний» об этой действительности (за исключением ряда оговорок применительно к научному дискурсу). Поэтому в процессуальном смысле «память – это осовременивание прошлого» [1].

Соответственно, ключевой вопрос заключается в том, в каких формах прошлое содержится в социальной памяти, чтобы в дальнейшем стать предметом исторического сознания. В случае «гуманистической» ориентации (первичность индивида) историческая память может трактоваться, например, как «совокупность фактов, событий, конкретных акций, индивидуальных существований, поступков, находящихся в памяти конкретных индивидуумов» [3, с. 97]. Это связано, в том числе, с социальным процессом, названным А. Ассман «поворотом к мемориальной культуре», который сопровождается определенным ростом общественного внимания к личным и неофициальным воспоминаниям, к индивидуальным судьбам, семейным историям, свидетельствам очевидцев, личным архивам, существующим в виде дневников, писем и фотографий, а также к проблемам межпоколенческого воспроизводства традиции [1]. Однако даже в случае индивидуалистской ориентации исследователи отмечают двойственность исторической памяти: «с одной стороны, под исторической памятью можно понимать способность субъекта сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания. С другой стороны, это результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний, осуществляемых в ходе формирования исторического сознания путем переработки пережитого опыта» [4, с. 144].

В случае же, если внимание приковано именно к тому, что информация о прошлом выступает регулятивом коллективного поведения, обращают внимание на то, что память нуждается в социальной «инфраструктуре» для хранения и воспроизводства, которую часто обозначают термином «историческая культура». Это предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества [7, с. 9]. Коллективность памяти отражена, например, в классическом определении Л.П. Репиной: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [5, с. 24].

Независимо от того, на каких концептуальных основаниях базируются дискурсы о прошлом, все они оперируют различными коннотациями концепта «история». Можно выделить четыре возможных прочтения данной категории: история как объективный процесс; история как результат научного познания; история как нормативная конструкция или нормативный образ и наконец, «массовая историческая мифология» [8, с. 90].

Объективная история как в основном завершившаяся социальная реальность нередко предстает как своеобразная «вещь в себе». Она подлежит частичному восстановлению при условии использования научной методологии (прежде всего, естественнонаучной, связанной с методами датировки и т.п.), однако в целом она выступает скорее в качестве априорной конструкции, мотивирующей исторический поиск, и «пустого референта» исторического сознания.

История как результат научного познания – это, скорее, корпус текстов (и других артефактов) и правил их производства, содержащих различные версии реконструкции прошлого. Строгое использование научного метода формально делает такую историю уделом академического сообщества, движимого установкой на объективность прошлого.

История как нормативная конструкция, по сути, является производной от социального заказа. Это результат «консенсуса элиты по поводу идеологически и политически приемлемого представления об истории собственного народа, созданного им государства, места и роли этого народа в мировом целом, его перспектив» [8, с. 90]. Модель истории в данном случае является интеллектуальным продуктом, критерий проверки адекватности которого сдвинут с соответствия построений объективному прошлому либо логике научного дискурса в сторону адекватности реализации актуальных общественных функций социализации: религиозной, политической, этнической и т.д. Поэтому строгое следование канонам научного исследования является в таком случае декларативным и необязательным. Социальный заказ подразумевает достаточно произвольное обращение с фактами для достижения текущих целей, реализация которых зависит от социальной инфраструктуры памяти.

Наконец, *историческая мифология*, как явление массовой психологии, не имеет строгих референциальных рамок и практически не содержит механизмов проверки данных на соответствие. Мифологическое сознание «внеисторично по своей глубинной сути <...> Историческая мифология перетолковывает отдельные данные, как правило, относящиеся к событийному пласту исторического процесса, адаптируя их для сознания, не способного к восприятию природы этого процесса» [8, с. 92]. В настоящее время историческая мифология приобрела новое звучание в контексте виртуализации

массовой культуры, благодаря чему, в отличие от национальных историографий, историческая мифология может быть весьма универсальной по форме и индивидуальной по содержанию.

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 280 с.
2. Бойков, В. Э. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / В. Э. Бойков, В. И. Меркушин // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. – М. : Изд. РАГС, 2003. – №2. – С. 5–21.
3. Жовтун, Д. Т. Идеологизация исторического сознания / Д. Т. Жевтун // Социология власти. – М., Изд. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2003. – № 2. – С. 93–97.
4. Путилова, Е. Г. Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе / Е. Г. Путилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 10 (24) : в 2-х ч. – Ч. II. – С. 143–145.
5. Репина, Л. П. Историческая культура как предмет исследования / Л. П. Репина // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.
6. Сидельников, А. А. Феномен исторического сознания и особенности его изучения / А. А. Сидельников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, серия «Общественные и гуманитарные науки». – СПб., 2006. – Т. 4, № 22. – С. 110–115.
7. Тишков, В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник / В. А. Тишков. – Екатеринбург, 2011. – № 2 (31). – С. 4–16.
8. Яковенко, И. Г. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания / И. Г. Яковенко // Личность. Культура. Общество. – М., 2009. – Т. XI, Вып. 4, № 51/52. – С. 89–100.

Конюшихина Н.Л.

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ В ИСПАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА (ПО «ТОПОГРАФИЧЕСКИМ ДОНЕСЕНИЯМ ФИЛИППА II»)

Большой редкостью и удачей для историка является возможность поработать с источником, в котором напрямую отражены элементы мировосприятия людей давно минувшей эпохи. «Топографические донесения Филиппа II» относятся именно к таким источникам. Речь идет об огромном корпусе документов, который был сформирован в результате письменного анкетирования, проведенного в 1570-е – начале 1580-х гг. преимущественно на территории Новой Кастилии (провинции Мадрид, Толедо, Сьюдад Реаль, Гвадалахара и Куэнка – 88,2% от всех сохранившихся донесений, остальные относятся на Эстремадуру, Альбасете, Аликанте, Хаэн, Мурсию и Саламанку) [4, с. 439–574].

Отличительной особенностью донесений является то, что они были составлены со слов респондентов, специально отобранных для дачи свидетельств из числа жителей того или иного населенного пункта, куда был прислан опросник. Тем самым, в качестве отвечающих могли выступать люди самого разного социального статуса, уровня грамотности и образования – приходские священники, алькальды, рехидоры, члены религиозных братств, представители дворянских и аристократических родов и даже крестыяне, пользующиеся большим авторитетом в своем селении. Поскольку уровень грамотности в Испании эпохи Филиппа II был не очень высоким, ответы респондентов дошли до нас в изложении писцов [5, с. 211–232]. Их вмешательство в процесс составления окончательного документа прослеживается по некоторым фразам-клише, сокращениям и ответам-шаблонам. Несмотря на то, что донесения прошли через редакторскую правку писцов, перед нами предстают живые свидетельства людей той эпохи. Исследователь Ф. Арройо Илера отметил, что единственное отличие анкет Филиппа II от современных в том, что в них спрашивалась информация четырехвековой давности [3, с. 15]. Он уподобил донесения записанному «интервью» устной истории, опрокинутому в прошлое, где респондент являлся всего лишь простым «носителем» или «агентом» информации. Посредством своего рассказа он не только транслировал свои взгляды, но и передавал ценностные установки той социальной группы, к которой принадлежал [3, с. 7–8].

Благодаря тому, что донесения вобрали в себя широкий пласт устной традиции, на их материале можно проследить живой процесс передачи памяти от поколения к поколению и формирование собственного народного нарратива. Диапазон возрастов, на которые ссылаются респонденты, колеблется в пределах от 50 до 115 лет. Чем человек старше, тем весомее считаются его слова. Респонденты Менасальбаса (на юго-западе от Толедо) слышали «от родственников старше 60 лет», что их населенный пункт всегда носил это название [9, с. 89]. В Эскалонилье (на северо-западе от Толедо) есть 70-летние свидетели тех времен, когда там проживало до 70-80 веино [8, с. 381]. Респонденты Каудильи (на северо-западе от Толедо), среди которых есть люди старше 70 лет, никогда не слышали о том, когда и кем было основано это место [8, с. 282–283]. Перо Алонсо из селения Пепино (к северу от Талаверы де ла Рейна) утверждает, ссылаясь на память отца, умершего в 70-летнем возрасте, а также деда, что точное время основания этого селения неизвестно [9, с. 221]. Рамирес де Орехон слышал от клирика Франсиско Эстебана, «которому сейчас больше 110 лет», что после отвоевания Толедо король Альфонсо крестил мавров в том месте, где раньше находилось поселение Пуэбла де Монтальбан (на западе от Толедо) [9, с. 267]. Населенный пункт Фуэнте Эль Сас (северо-восток от Мадрида) «так назывался всегда», о чем респонденты слышали от своих дедов и прадедов, доживавших до 115 лет [10, с. 367].

Самой часто встречаемой формой подтверждения древности являются отсылки респондентов к памяти старшего поколения. Авторитет предков признается информантами в качестве одного из наиболее достоверных свидетельств. Жители Таламанки (к северо-востоку от Мадрида) «слышали от старших», что раньше их селение называлось Армантика [10, с. 737]. Респонденты Навальпино (к северо-западу от Сьюдад Реаля) никогда не видели сосну, в честь которой их селение получило свое название, но «слышали о ней от своих отцов» [6, с. 680]. По свидетельству Педро дель Карпио, селение Робледо дель Масо (к югу от Талаверы де ла Рейна) было основано 120 лет назад его дедом Мартином дель Карпио, о чем он узнал от своего отца [9, с. 350]. Информанты Кихорны (к западу от Мадрида) слышали от старших, что в половине лиги от их селения на холме Эль Кастильехо в прошлые времена было мавританское поселение, от которого остались фундаменты домов и черепица [10, с. 622].

Важно отметить, что в некоторых случаях респонденты для «удлинения памяти» ссылаются одновременно на свой жизненный опыт и на авторитет предков. В качестве наглядного примера можно привести свидетельства Алонсо де ла Иглесия и Педро Гонсалеса, уроженцев Песадила (северо-восток от Мадрида), которые помнят ее историю за последние сто шестьдесят лет, из которых шестьдесят – это их собственная память, а сто – память отцов: «Это место всегда называлось Песадила, как помнят последние 60 лет, и, как слышали от своих родителей, 100 лет назад оно называлось так же» [10, с. 570]. «Последние 60 лет оно принадлежит толедскому архиепископу, и во времена отцов, сто лет назад, оно также принадлежало толедскому архиепископу» [10, с. 570–571]. «За 60 прожитых лет и за 100 лет памяти отцов никогда не видели и не слышали, чтобы здесь было больше 50-60 весино» [10, с. 573].

Наконец, для подтверждения своих слов респонденты ссылаются на собственный жизненный опыт, используя следующие формулировки: «на нашем веку», «сколько мы себя помним», «на нашей памяти», «с того момента, как мы родились», «видели собственными глазами», «помним времена, когда». Так, информанты Алальпардо (северо-восток от Мадрида) сообщают, что на их веку это место всегда так называлось [10, с. 29]. С самого рождения респондентам Кабаньяс де Ла Сагра (северо-восток от Толедо) известно, что их селение находится под юрисдикцией города Толедо [8, с. 168]. Респонденты Санто Доминго дель Валье (северо-запад от Толедо) помнят времена, когда в их селении было не больше 60 весино [9, с. 428]. Жители Фуэнкальенте (недалеко от границы с Андалусией) отмечают, что в их времена одна женщина родила двух больных детей, которые выздоровели после того, как им втерли мазь из местного источника [6, с. 489].

Самый сильный отпечаток в памяти одновременно нескольких поколений оставило восстание комунерос [2, с. 1278–1286]. Территория современной провинции Толедо стала площадкой, где разворачивались основные военные действия: здесь оно началось в апреле 1520 г. и здесь сопротивление продолжалось до февраля 1522 г., поэтому больше всего отсылок к нему содержится в донесениях именно по этой провинции. Некоторые респонденты были его непосредственными свидетелями, другие про него «слышали от предков», но и спустя более пятидесяти лет оно оставалось наиболее значимым событием для отвечающих. Х.А. Мараваль назвал его «самым вспоминаемым» среди всех остальных [7, с. 740].

Воспоминания о восстании комунерос активировались при ответе на 37 вопрос анкеты 1575 г. (32 вопрос анкеты 1578 г.): «Славные дела и все, достойное памяти, хорошее или плохое, что произошло в указанном селении и в его окрестностях, и поля, горы и другие места, названные в честь битв, хищений или погибших, и другие примечательные вещи, которые там случились» [1, с. 106, 117].

На юго-востоке от города Толедо располагались королевские селения Альмонасид и Маскараке. Респонденты первого Антонио Санчес, Матия Родригес и Перо Санчес заявили, что во времена восстания комунерос, 55 лет назад, в их селении происходили грабежи и убийства [8, с. 203]. Антонио Санчес добавил, что «видел это своими собственными глазами» и что «об этом много говорили» [8, с. 63]. Алонсо Гальего и Алонсо Лопес Агудо, респонденты из Камарены (к северо-западу от Толедо), рассказали, что в годы восстания видели, как сторонники комунерос грабили наследственные земли, скот, хлеб и все, что можно было украсть у жителей этой местности, а также убивали людей [8, с. 197]. Уроженец Пероморо, соседнего с Камареной селения, по имени Педро де Авила связывал с действиями повстанцев сокращение численности населения. По рассказам его отца, раньше здесь проживало около 40 весино, а на момент составления донесения (4 февраля 1576 г.) только 24 [9, с. 233]. Себастьян Тирадо и Алонсо Пульгарон, жители Велильи де Сан Антонио (к юго-востоку от Мадрида) утверждали, что в 1520 г. через их селение проходили участники движения, которые «сожгли здесь множество домов». Для подкрепления своих слов они сослались на Франсиско Пульгарона, свидетеля восстания, «который еще жив», и на рассказы других свидетелей, «ныне покойных» [10, с. 821].

Итак, в «Топографических донесениях Филиппа II» нашли отражение разные пласты памяти. По рассказам респондентов можно проследить, каким образом происходила устная передача значимой для определенной общности информации. Знания, передаваемые из уст в уста на протяжении нескольких поколений, становились своего рода коллективным достоянием всей социальной группы. Апеллирование к возрасту, старшему поколению или предкам служило подтверждением достовер-

ности сообщаемой информации. Способы ее получения, зафиксированные в донесениях, являются традиционными для устной культуры: рассказ («так слышали») и собственный жизненный опыт («так видели» и «так знают»). В формировании устной традиции участвовала как живая память респондентов, так и память их предков. Кроме того, в донесениях зафиксирован процесс формирования народного нарратива о важнейшем для респондентов событии – восстании комунерос. Исходя из их рассказов, можно проследить, как воспоминания о восстании переходили из области коммуникативной памяти в сферу коллективной.

1. Конюшихина, Н. Л. Анкеты 1575 и 1578 годов для "Топографических донесений Филиппа II" / Н. Л. Конюшихина // Историческая география. – 2021. – Т.5. – С. 79–124.
2. Конюшихина, Н. Л. Восстание комунерос в Новой Кастилии в народной памяти испанцев XVI века / Н. Л. Конюшихина // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы четвертого международного форума. – СПб., 2020. – С. 1278–1286.
3. Arroyo llera, F. Agua, paisaje y sociedad en el siglo XVI / F. Arroyo llera. – Madrid : Ediciones del Umbral. – 998. – 246 p.
4. Campos y Fernández de Sevilla, F. J. Las Relaciones Topográficas de Felipe II: índices, fuentes y bibliografía / F. J. Campos y Fernández de Sevilla // Anuario jurídico y económico escorialense. – 2003. – №36. – P. 439–574.
5. Fernández Montes, M. La contestación de un cuestionario en el siglo XVI: tradición oral y tradición escrita en la "Relaciones topográficas de Felipe II" (Madrid) / M. Fernández Montes // Entre la palabra y el texto: problemas de interpretación de fuentes orales y escritas: Curso de Etnología Española "Julio Caro Baroja" / coord. por Díaz Viana L., Fernández Montes M. – Madrid : Complutense y Sociedad Española de Estudios del siglo XVIII. – 1997. – P. 211–232.
6. Los pueblos de Ciudad Real en las «Relaciones topográficas de Felipe II» / ed. por Campos y Fernández de Sevilla F. J. – Vol. 1–2. – Ciudad Real : Diputación de Ciudad Real, 2009. – 1168 p.
7. Maravall, J. A. El eco de las Comunidades en las Relaciones de los pueblos de España / J. A. Maravall // Homenaje a Julio Caro Baroja / coord. por M. Gutiérrez Esteve, J. A. Cid Martínez, A. Carreira. – Madrid : Centro de Investigaciones Sociológicas (CIS). – 1978. – P. 735–753.
8. Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / ed. por Viñas y Mey C., Paz R. Pt.1. – Madrid : Consejo superior de investigaciones científicas, Instituto Balmes de sociología, Instituto Juan Sebastián Elcano de geografía, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1951. – XXIII. – 575 p.
9. Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II. Reino de Toledo / ed. por Viñas y Mey C., Paz R. – Pt. 2, Vol. 1–2. – Madrid : Consejo superior de investigaciones científicas, Instituto Balmes de sociología, Instituto Juan Sebastián Elcano de geografía, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1963. – X. – 479 p. – 480–898 p.
10. Relaciones Topográficas de Felipe II, Madrid / ed. por Alvar Ezquerro A. – Vol. 1–3. – Madrid : Comunidad de Madrid, Consejería de Cooperación, Consejo Superior de Investigaciones Científicas. – 1993. – 193 p. – 988 p.

Илизаров Б.С.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СВЕТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ЗИГМУНДА БАУМАНА О «РЕТРОТОПИИ»

«Социальная память» – это не только удачная метафора (по типу: «историческая память», «память мира» и т.д.), сколько понятие с прозрачным смыслом. Много лет пытаюсь сократить разрыв между теорией и конкретно-историческим исследованием, определяя круг проблем, связанных с таким древнейшим явлением общечеловеческой истории, как социальная память [2, с. 151–163]. С моей точки зрения, социальная память (этноса, нации, человечества) – это совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению. В отличие от индивидуальной памяти память общества всегда опосредствована языком и памятью других людей, знаковыми системами, орудиями и средствами труда, воспринимаемыми как знаки [3, с. 326–373].

Последнее обстоятельство особенно важно для историка, т.к. еще в доцифровую эпоху предметы, не предназначенные для передачи информации, первоначально несущие в обществе чисто прагматические, целевые функции (орудия труда, архитектура, предметы быта, останки людей, животных, растений и т.п.), историки, археологи, архивисты, палеоантропологи и др. исследователи научились кодировать и декодировать системой обыденных письменных знаков, символов и понятий. Социальная память развивается совместно с общечеловеческой цивилизацией и как ее составная часть в системе и во взаимопроникновении с его базовыми институтами, включая мышление, язык, культуру, религию, государство, международные органы. На протяжении многих тысяч лет постепенно сформировались национальные специализированные учреждения-депозитарии (накопители и хранители информации) типа архивов, библиотек, музеев, банков данных, исследовательских организаций. В новейшее время они пополнились системами цифровой информации по типу Всемирной паутины, социальных сетей и облаков. В наше время социальная память – это совокупность постоянно прирастающей из наличного бытия информации и того, где эта информация концентрируется, классифицируется, описывается, хранится на разных условиях и на разных носителях. Таким образом, актуальная информация, циркулирующая в обществе, преобразуется в информацию ретроспективную, которая затем используется исторической наукой, культурой в широком смысле, пропагандой и не только ими. Такое понимание социальной памяти я формулировал в начале 80-х гг. XX века и развивал в последующие

годы [4, с. 18–30]. Трудно согласиться с теми, кто это понятие рассматривает как удобную метафору и не более того, особенно в социологических и философских текстах, в средствах массовой информации.

История как наука – это не память и не воспоминания какого-либо сообщества о былом, история – это знание о былом. Знание же всегда обладает свойствами проверяемости (через исторические источники, методы исследования достоверности, полноты, происхождения информации и т.д.) и никогда не бывает абсолютно однозначным. В отличие от науки, память общества подобна гигантскому накопителю, куда попадает иногда целенаправленно, но чаще случайным образом информация любого рода и качества и откуда «черпается» так же случайным захватом информация для целей науки, искусства, воспитания т.п. Как показала практика последних двух столетий, агрессивная государственная пропаганда и тотальные идеологии, пытаясь на свой лад выстроить картину прошлого (с любым знаком), исторически быстро терпят неизбежный крах: невозможно перекрыть или уничтожить все альтернативные источники информации, невозможно раз и навсегда законсервировать партийную или государственную доктрину видения прошлого. Не только технические изменения, но и наука в своем диалектическом развитии рано или поздно взрывают «царство мертвых» схем. Даже в СССР, где доктрина «исторического материализма» цементировалась десятилетиями, она постоянно «подмывалась» различными «течениями» и «школами», вызывая репрессии и сотрясая базовые идеологические институты. Спустя годы и эта доктрина развеялась в прах. Но насилие, которое использует тоталитаризм, вторгаясь в трактовку исторического знания и в процессы формирования социальной памяти, надолго уродует общественное сознание любых сообществ.

Среди заметных научных явлений, раздвигающих границы понимания отдельных сторон памяти общества, хочу отметить вышедшую несколько лет назад в Лондоне книгу выходца из Польши Зигмунда Баумана «Ретротопия» [1]. Речь идет, казалось бы, о хорошо известном явлении, когда обращение к собственной памяти начинает все более массивно подменять настоящее и вытеснять из общественного сознания возможные варианты будущего. В классической психологии такое состояние обычно связывают с пожилым возрастом человека, постепенно утрачивающего связь с действительностью и погружающегося в собственное прошлое. То, что такие состояния могут испытывать целые сообщества, включая нации или классы, писали давно и многие. Достаточно упомянуть К. Маркса, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Фуко и др. Речь идет об отношении к значимости коллективного прошлого. До определенного времени прошлое рассматривалось скорее в позитивном свете как то, из чего следует черпать опыт, вдохновение при строительстве настоящего и образцы для обучения, назидания и воспитания новых поколений. Эта традиция восходит в Европе от иудео-христианства – потерянный Эдем и грядущий Рай. Эдем – прошлое, утрата которого расценивается как невозможная и куда необходимо вернуться, чтобы вновь вкушать блаженство и благодать. Эпоха воспоминаний об изгнании из Рая – это эпоха расцвета утопизма и ренессанса. Кьеркегор даже утверждал, что история, т.е. жизнь, тем и хороша, что ведет нас по вечным, но вечно новым повторениям, поскольку «повторение есть исчерпывающее выражение того, что у древних греков называлось воспоминанием. Греки учили, что всякое познание есть припоминание, новая же философия будет учить, что вся жизнь – повторение» [5, с. 7]. «Древние греки» – это Платон и его учение о познании как «припоминании» вечных истин. Впрочем, Маркс видел в кажущемся повторении (в воспоминаниях и подражаниях) опасную ловушку реакции и как-то гневно написал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. *Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых* [выделено мной – Б.И.]. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории» [6, с. 374]. Он утверждал, ссылаясь на авторитет: «Гегель где-то отметит, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [6]. Но на самом деле никогда и нигде прошлое не возвращалось вспять, а возвращалось ощущение светлой грусти или томления и тоски, причиненное воспоминаниями. Время не необратимо, но обратима память и воображение. Платон, Маркс и другие говорят о воспоминаниях счастья и удачи стариков, заставляющих очередаемые молодые поколения возводить вокруг новыхстроек старые декорации и использовать исторических мертвецов в качестве душевных доноров. Тот же Ф. Ницше писал о противоречивой «пользе и вреде истории для жизни». Теперь мы стали мудрее и прозрели: будущее непредсказуемо, настоящее открыто для любого исхода, неизменным кажется только прошлое. Оно смутно манит к себе, как потерянный Рай. Запутанными и окольными путями Бауман подводит читателя именно к этим мыслям.

Давно замечено, что с такими явлениями, как память, повторение, воспоминание тесно связано еще и особое состояние – ностальгия. Ностальгия – это чувство сожаления, щемящей тоски, вызванное воспоминаниями о прошедшем времени и утраченном месте, куда невозможно вернуться [7, с. 297]. В XX

веке тоталитарные режимы и особенно ужасы Второй мировой войны, Холокост, массовая гибель людей в ни на миг не утихающих войнах стали менять роль воспоминаний для человечества. Если долгое время прошлое соотносилось с «золотым веком», с «потерянным Раем», с погасшей зарей человечества, с несбыточными желанием вернуться, чтобы пережить радость заново, то в XX веке прошлое и воспоминания для большей части людей стали связываться с эпохой войн, тоталитаризма и их смертельными отягощениями. До легкого ли дыхания ностальгии в этом случае? Всем известно, что воспоминания, несмотря на их нематериальность, способны причинить душевную боль, навязчивые состояния, психические и физические расстройства и даже привести к самоуничтожению, т.е. к самоубийству. Такое прошлое может отравить жизнь и вызывать «слезы и скрежет зубовой». Такая ностальгия прячется иногда за псевдонимом «совесть». На этот счет существует значительная литература, как художественная, так и из области психиатрии. Но Бауман сумел диагностировать новое явление, связанное с ролью коллективных воспоминаний. Его «ретротопия» – это форма защиты и существования в «забвении, которая вынуждает углубляться в прошлое не ради прошлого, но для того, чтобы забыть надвигающиеся ужасы будущего» [1]. Ретротопия – это попытка примирить безопасность и свободу. Ретротопия – это утопия никогда не бывшего в реальности прошлого [1, с. 21]. В наше время люди лишились светлого образа будущего, большинство лишается и благополучия настоящего, причем не только в странах бывшего советского блока, но и в относительно устойчивой Западной Европе. Надежды на спасительную роль гоббсоновского Левиафана, – утверждает Бауман, – осуществляющего «легитимное насилие» ради защиты всего общества от «нелегитимного насилия» преступных сообществ, не оправдались. Они слились в своем стремлении к насилию и легко взаимодействуют [1, с. 29, 32–33]. Помимо этих центральных идей, другие аргументы довольно расплывчаты и не всегда прозрачны. Ясно одно: человечество, нация, класс, группировки, т.е. сообщества достичь счастья для себя и других так и не смогли. Великие Утопии, начиная с Томаса Мора (добавим сюда и Маркса), показали свою несостоятельность и поэтому человечество, подобно «Ангелу Истории», несет сейчас, гонимое ураганами ада, с выкрученными назад крыльями, повернувшись спиной к будущему и с трудом вглядываясь сквозь вихри в прошедшее. Современные общества идеализируют прошлое и фантазируют вокруг него так же, как раньше фантазировали вокруг соблазнительных социальных Утопий об Атлантиде или о Городе Солнца. «Воображаемые аспекты прошлого, подлинные или мнимые, сегодня служат главными ориентирами при составлении дорожной карты к лучшему миру», – меланхолично отмечает Бауман. Стремление в «спасительное» прошлое Бауман связывает с тягой к архаике: назад к племенному сознанию, назад к социальному неравенству, назад в утробу. Символизм утробы связан со стремлением освободиться от коллективного сознания и спастись от ужасов настоящего в своем индивидуальном мире, в «зоне комфорта» [1, с. 37]. Такой очень впечатляющий образ жуткого Ангела Истории с инверсиями прошлого-будущего нарисовал Зигмунд Бауман, когда-то убежденный коммунист, много лет служивший политкомиссаром в просоветском Войске Польском и умерший почетным профессором Лидского университета.

1. Бауман З. Ретротопия/ З. Бауман. – Москва : ВЦИОМ.М.2019. – 157с.
2. Илизаров, Б. Архив как элемент социальной памяти / Б. Илизаров //Актуальные проблемы советского архивоведения : сб. статей. – М., 1980. – Вып. 2. – 342 с.
3. Илизаров, Б. Память социальная//Энциклопедический социологический словарь / Б. Илизаров ; общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1995. – 686 с.
4. Илизаров, Б. Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты / Б. Илизаров // Отечественные архивы. – 2021. – № 4. –143 с.
5. Кьеркегор, С. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / К. кьеркегор. – М. : Лабиринт, [б. г. и.]. – 386 с.
6. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 8. – 2-е изд. – М. : Гос.издат.полит.лит., 1957. – 705 с.
7. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М. : НЛО, 2002. – 145 с.

Федорчук Е.И.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ ЕВРЕЕВ БЫХОВСКОГО РАЙОНА. ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЫХОВА О ЕВРЕЙСКОМ НАСЕЛЕНИИ

Социальная память всегда интересное, многофакторное и непростое явление в истории народов. Одним из главных источников для анализа социальной памяти могут считаться личные воспоминания, которые хоть и не всегда точны, но, являясь результатом «проживания» и переосмысления событий, представляют собой важный фактор в формировании всесторонней картины. Этнический вопрос также является одним из острых вопросов социальной памяти, который позволяет взглянуть на объект или субъект рассмотрения с другой стороны.

В фондах Быховского районного историко-краеведческого музея находятся воспоминания быховчан, собранные и зафиксированные местным краеведческим сообществом. Это воспоминания еврейского населения о жизни на территории Быховского района и города Быхова в XX веке. Уклад жизни, бытовая история, топонимика, отношение нееврейского населения – эта информация отличается спецификой и личным интерпретированием.

Евреи составляли значительную часть населения Быховщины: первые данные о еврейской общине Быхова относятся примерно к середине XVII в. Некоторые источники указывают, что быховские евреи упомянуты в книге «Пучина бездонная» Натана Нота Ганновера. Приводится цитата, описывающая события 1648 г. в Украине во время действия Богдана Хмельницкого: «Возле Быхова злодеи настигли несколько сот телег с евреями, они всех поубивали» [2, с. 68]. Однако речь здесь идет не о Старом Быхове, а о местечке Быхов Волынской области в Украине. Если подробно исследовать источник, можно заметить другие местечки и города, которые упоминает автор в этом разделе: Замостье, Вольтынь, Красник, Томашов, река Висла. Особое внимание уделяется еврейской общине в Замостье (сейчас деревня Замостье Волынской области), от которой 60 километров до Быхова на территории Украины.

Одним из первых документов, упоминающих быховских евреев, является привелей короля польского и великого князя литовского Михаила Вишневецкого (1640–1673; 1669–1673 гг.) на имя Исаака и Авраама Вольфовичей, по которому евреи освобождались от повинностей в течение 20 лет в виду «крайнего разорения жителей от казацких и московских нападений».

По переписи населения 1766 г. в Быховском кагале числилось 887 евреев. С 1784 по 1805 гг. число евреев-мещан изменилось от 873 до 1244. Вместе с этим в податных книгах христиане-мещане Быхова отмечены в 1787 г. в количестве 132 человек.

В 1847 г. еврейские общества Быховского уезда насчитывали всего 5727 евреев. Быховское общество – 3046, Журавичское – 1060, Пропойское – 521, Гейшинское – 318, Дашковское – 222, Ново-Быховское – 560.

По переписи населения 1897 г. насчитывалось 11352 евреев из общего количества населения 124820 человек (9,09%). В городе Быхове проживало всего 6381 лиц, евреев из них было 3037 (47,59%), в Новом Быхове жителей было 2255, евреев – 490 (21,73%), в Дашковке всего проживало 1228 человека, евреев насчитывалось 392 (31,92%), в Пропойске – 4351 всего населения, евреев – 2304 (52,95%) [1, с. 61].

Следующие данные позволяют проследить колебания состава населения. Перепись 1926 г. дает следующие цифры: всего населения – 530842 (Белорусская ССР, Могилевский округ), евреев из них – 34643 (6,53%). Перепись населения 1939 г. предоставляет данные уже только по БССР: всего населения – 5568994, евреи составляли 375092 (6,74%). По сведениям переписи 1959 г. все население БССР насчитывало 8054648, евреев среди них – 150084 (1,86%) [3, с. 136].

В 1970 г., согласно данным переписи, в БССР проживало 9002338, евреев 147991 (0,16%). Перепись населения 1979 г. насчитывала в БССР 9532516, евреи составляли 135416 (1,42%). В 1989 г. в БССР, согласно переписи, проживало 10151806, из них евреев 111883 (1,1%) [4].

В Республике Беларусь на данный момент было проведено три всенародные переписи населения. Данные 1999 г. свидетельствуют о том, что население Республики составляло 10045237, евреев среди них 27810 (0,28%) [6].

Перепись населения 2009 г. насчитывала 9503807 всего жителей, еврейского населения – 12926 (0,14%). И итоговая на данный момент перепись населения 2019 г. предоставляет сведения о 9413446 лицах населения, среди них евреев – 13705 (0,15%) [6].

Несмотря на постепенное снижение процентного соотношения к нееврейскому населению Быховского района, евреи оставили в бытовой истории Быховщины значительный след и оказали большое влияние на уклад жизни быховчан. Воспоминания, которые зафиксировали местные краеведы, также позволяют дополнить картину социальной истории города и района.

Так, в фондах музея находятся воспоминания Куборевой Анны Ароновны (Певзнер), предоставляющие некоторые сведения о жизни деревни Новый Быхов Быховского района на начало XX в. Вспоминая своих родителей, Анна Ароновна дает информацию о еврейской школе, которая существовала в тот период в деревне, о типичном образе жизни и составе еврейской семьи того периода, а также о наличии своей синагоги у еврейского населения Нового Быхова: «Мои папа и мама из Нового Быхова, там жили папины родители. Папа Певзнер Арон Исакович славился хорошим математиком. Преподавал математику в местной еврейской школе до войны. Мама Броха Моисеевна растила четверых детей, я как старшая помогала ей. У всех были свои дома, держали много кур, гусей. В то время яблоки из своего сада возили продавать в Киев. И мама тоже возила. Я смотрела семью. В Новом Быхове была своя синагога, я помню, как дедушка молился дома и часто все праздники проводил в синагоге. Была своя кузница, круподерка, пекарня. Я даже помню пекаря звали Исакович» [5, л. 3].

Также, благодаря таким воспоминаниям можно узнать о пожаре, причины которого не называются, но в результате которого сгорела синагога и практически все еврейские дома, а новая построенная школа уже не была еврейской: «После большого пожара сгорела школа, синагога и почти все дома евреев. Многие съехали. Построили новую русскую школу, где папа стал директором, и нам выделили квартиру при школе. Так он работал до самой войны. Учителя были евреи и русские» [5, л.3].

И в конце записей приводится некоторая статистика: «На территории местечка до войны было более 130 домов евреев» [5, л. 4].

Следующий пласт информации – воспоминания Меншагина Георгия Дмитриевича, которые помогают дополнить картину прошлого: старые названия улиц и переулков, семьи, которые там проживали, учителя и дирекция школ и гимназии, взаимоотношения жителей города Быхова. Например, любопытный случай взаимодействия еврейского и нееврейского населения через призму детских воспоминаний приводит Меншагин: «Быхов вообще был многонациональным городом, об этом говорит тот факт, что на райисполкомовской печати надписи были на четырех языках: русском, белорусском, еврейском и польском. В нашем классе был Муля – сын богатых евреев. Мама давала Муле с собой в школу булку с маслом. Как только на перемене он доставал свой завтрак, я подходил и говорил Муле: «Дружим!». Тот поднимал глаза на меня, более высокого и сильного, и делил свою булку пополам. Тут же появлялись другие нахлебники: Князев, Сташкевич, Килессо, Федоров. И несчастному Муле приходилось делить остаток булки на малые кусочки. Вспоминаю, что после отцов этих четырех ребят репрессировали» [5, л. 11].

Также, некоторые сведения об отношении быховчан к евреям, которые более других жителей Быхова в начале XX в. были заняты в торговле, можно почерпнуть из следующих строк: «Вспоминаю, что на углу Рогачевской и Сенной (прежние названия улиц города Быхова, сейчас это улица Дорохова и улица Солодышева) жил еврей по имени Лейба, имел лавку, торговал дегтем, пивом, сахаром и другими товарами. Если мимо него проезжал крестьянин на своей лошаденке, Лейба брал под уздцы его лошадь и подводил к своей лавке. Говорил: «Слушай, я знаю твоего отца, он хороший человек, и ты хороший человек. Возьми у меня товар». Бедный крестьянин говорил: «Чем же я тебе заплачу? У меня нет денег!» А Лейба: «Ничего, бери так, я тебе верю. Заплатишь, когда сможешь». Крестьянин возвращался домой и мучился вопросом, как вернуть долг. Приходилось отдавать его Лейбе курами, гусями, разными продуктами» [5, л. 19].

Такие сведения, полученные из данных источников, позволяют раскрыть картину прошлого по личным переживаниям, дают представление об отношении и настроениях, которые, хоть и представляют субъективные впечатления, все же передают общие тенденции общественной мысли указанного периода.

Помимо воспоминаний, находящихся в фондах Быховского районного историко-краеведческого музея, удалось обнаружить любопытные мемуары уроженки города Быхова Елизаветы Фен-Раевской (псевдоним – Лидия Джонсон – мемуаристка и переводчица), детство которой прошло в Быхове (начало XX в.). Она вспоминала, что Быхов был многоконфессиональным городом: вместе уживались католики, православные, иудеи. В городе были две православные церкви, католический костел и синагога. Однако в городе довольно часто встречались антисемитские настроения. Сказывалась разница в финансовом положении: большинство магазинов были в руках еврейского населения. Цены в таких магазинах устанавливал сам владелец, что часто приводило к напряженным ситуациям: «родители жаловались на стоимость вещей, дети улавливали идею, что во всем виноваты евреи» [7, с. 121].

Таким образом, рассмотрев некоторые воспоминания из фондов Быховского районного историко-краеведческого музея, можно сделать следующий вывод: репрезентация социальной истории в источниках личного происхождения – записанных воспоминаниях – является интересным явлением, которое позволяет воссоздать картину прошлого через призму личного восприятия субъектом произошедших событий. Именно личные переживания человека, впечатления о давно прошедших событиях позволяют оживить факты истории и подарить «лицо» цифрам статистики.

1. Бацкалєвіч, У. І. Дыханне вякоў / У. І. Бацкалєвіч, С. П. Жыжыян. – Мінск : Выдавецкі дом “Звязда”, 2013. – 168 с.
2. Боровой, С. Я. Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха «хмельничины» / С. Я. Боровой. – Иерусалим : Гешарим, 1997. – 800 с.
3. Всесоюзная перепись населения : [краткие сводки]. – М. : Центральное статистическое управление СССР, 1928. – 178 с.
4. Институт демографии имени А.Г. Вишневого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php. – Дата доступа: 17.02.2023.
5. Научно-вспомогательный архив ГУК «Быховский районный историко-краеведческий музей». – Ф. №98. Д. 1. Л. 1–25.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 17.02.2023.
7. Fen, E. A Russian childhood / E. Fen. – London : Cox&Wyman Ltd, 1961. – 286 s.

Косяк Н.А.

ИНСТИТУТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН (1991–2022 ГГ.)

Институциональная сеть учреждений коммеморации Республики Узбекистан связана с деятельностью президентов Республики Узбекистан И.А.Каримова и Ш.М.Мирзиёева.

Деятельность учреждений «памяти» в период президентства И.А.Каримова можно разделить на несколько этапов: первый этап (1991–1998 гг.) характеризовался созданием государственных ин-

ституты памяти с позиции президента и кабинета министров Узбекистана. Второй этап (1999–2011 гг.) – появление специализированных учреждений, носящих узкопрофильную тематику. Третий этап (2012–2016 гг.) характеризуется модификацией высших научных инстанций с ориентацией на изучение новейшей истории страны.

Государственное строительство институтов, касающихся изучения вопросов памяти берет своё начало с создания в 1995 г. Академии государственного и общественного строительства при президенте Республики Узбекистан. Основной задачей академии провозглашалась: подготовка высококвалифицированных специалистов в области понимания исторической политики; научная экспертиза концепций, отражающих суть политики коммеморации республики [5]. Под эгидой академии действовал «*Центр новой истории Узбекистана*» (1996 г.) по предназначению которого, стала публикация информации о истории региона и интеграция государства в мировое историческое сообщество. Так, в 2000 г. сотрудники центра издали «Новую историю Узбекистана», посвященную имперскому и советскому влиянию при формировании национальной идентичности Республики Узбекистан [1, с. 88].

К 1998 г. произошла реорганизация деятельности Академии наук Республики Узбекистан (АН РУз). В ее структуре выделилась независимая научная единица – институт истории (ИИ АН РУз). Главной целью института провозглашалась изучение истории узбекского народа и его государственности и на основе этого подготовка собственной научно-исторической школы [5, ст. 1]. При ИИ АН РУз действует периодическое издание «Узбекистон тарихи» («История Узбекистана»), освещающее историческое прошлое Узбекистана [5, ст. 4].

Новым для узбекской модели «памяти» в 1990-е гг. стало формирование сети благотворительных учреждений, фондов, созданных с позиции государства. Так на территории Узбекистана функционируют следующие благотворительные фонды памяти: «*Наврӯз*» (1992 г.), «*Махалля*» (1992 г.), «*Нуроний*» (1996 г.), «*Олтин Меорос*» («Золотое наследие», 1996 г.), рассматривавшие вопросы увековечивания памяти через призму исторической политики государства. Помимо того, в основу сообществ «памяти» был положен принцип почитания национальных героев прошлого, причастных к истории Узбекистана. Так, возникли следующие исторические фонды «памяти»: международный фонд «*Амира Темура*» (1996 г.), общественный фонд «*Ибн Сино*» (1997 г.).

Следовательно, для институциональных процессов в 1990-е гг. было характерно повсеместное учреждение исторических структур на государственном уровне с позиции президента республики, занимающихся популяризацией исторического знания.

К началу XXI в. в понимании вопросов политики памяти возникают изменения. Происходит оформление новых учреждений, занимающихся коммеморацией жертв периода колониализма и одновременно с этим усовершенствование институтов «памяти» 1990-х гг.

В мае 1999 г. по инициативе президента создается «*Общественная комиссия по увековечению памяти жертв периода колониализма*» (далее – ОКУПЖПК) [8]. Функции комиссии заключались в поиске соотечественников, подвергшихся репрессивной политике и на основе этого изучение их биографий и общественной деятельности [8, ст. 1].

В июне 1999 г. по запросу комиссии создается благотворительный фонд «*Шахидлар хотираси*» («Памяти жертв репрессий») [8]. Предназначением которого являлось установление связей с мировым сообществом с целью организации научных экспедиций для поиска информации в зарубежных архивах о жизни и деятельности соотечественников за рубежом. Помимо этого, фонд оказывает содействие в подготовке книги памяти – «*Катагон курбонлари*» («Жертвы репрессий») [8, ст. 2;3].

Таким образом, период с 1999 по 2011 гг., определяется развитием «инфраструктуры» коммеморации, для которой характерно учреждение со стороны главы государства «института колониализма» через активность общественных комиссий, благотворительных организаций.

С 2012 г. в процессах институализации наблюдаются изменения в деятельности работы высших научных инстанций, заключавшееся в их трансформации и создании новых коммеморативных институтов, подчеркивающих историко-культурный ландшафт Узбекистана. В январе 2012 г. было опубликовано постановление президента о создании «*Общественного совета по новейшей истории Узбекистана*» (далее – ОСНИУ) [6]. Общественный совет является научно-координационным и консультативным рабочим органом в целях повышения эффективности исследований в области новейшей истории Узбекистана [6, ст. 1]. Перед советом поставлена задача противостояния искажениям истории Узбекистана; уважение национальных традиций, направленных на формирование исторической памяти у рядовых граждан [6, ст. 3].

К июлю 2016 г. произошла модификация Института истории АН РУз. Он был преобразован в «*Институт истории при Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека*» [2, ст. 1]. Создание новой структуры было вызвано по причине детального изучения региона с древнейших времен до нового времени на основе современных исторических принципов и подходов; проведение этнологических и источниковедческих исследований; всесторонняя разработка исследований по новейшей истории Узбекистана [2, ст. 2].

Таким образом, институциональные изменения 2012–2016 гг. заключались в централизации учреждений, реализующих историческую политику государства, путем создания института, занимавшегося новейшей историей Узбекистана (ОСНИУ) и усовершенствования работы Института истории, перешедшего из юрисдикции Академии наук.

Институциональная модель коммеморации во время президенства Ш.М.Мирзиёева подразделяется на два этапа. В первый период (декабрь 2016–2017 г.) институциональная парадигма характеризовалась увековечиванием памяти первого Президента Республики И.А.Каримова. Второй этап (с 2018 г.) характеризуется модификацией институциональной концепции коммеморации основанной на первостепенном изучении военной истории, увековечивании памяти жертв колониализма.

С апреля 2017 г. действует «Научно-просветительский мемориальный комплекс им Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова» [7]. Перед исследователями была поставлена задача изучения биографии и увековечивание памяти И.А.Каримова [7, ст. 2]

В мае 2017 г. администрация Президента начала пересмотр научного потенциала государства. Исторический профиль подвергся кардинальным изменениям, заключающимся в возвращении института истории под юрисдикцию Академии Наук и создание на этой почве институций исторической направленности узкопрофильной тематики. Так, в феврале 2017 г. Институт истории становится структурной частью Академии Наук [3, ст. 1]. Перед ним ставился вопрос комплексного изучения всей истории Узбекистана, через призму археолого-этнографического потенциала. [3, ст. 2].

Для детального исследования истории при Академии Наук Республики Узбекистана (АН РУз) произошло учреждение новых институтов. С целью глубокого и системного изучения проблем средневекового Востока учреждается «Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни». Для обеспечения изучения исторических, литературных школ и популяризации учений отечественного языка и литературы создается «Институт узбекского языка, литературы и фольклора» [3, ст. 2].

В результате, с 2016 по 2017 гг. институциональная программа была направлена на создание сообществ «памяти, поддерживающих научно-исследовательский потенциал республики; усовершенствование высших научных учреждений исторического профиля при АН РУз.

С 2018 г. Ш.М.Мирзиёев проводит кардинально политику, основанную на пересмотре модели исторических институтов и трактовки собственного варианта памяти, основанного на поощрении и учреждении благотворительный сообществ, фондов памяти, имеющих исторический подтекст и возникающий интерес Президента к военной истории, отраженный в функционировании военно-исторического общества (далее – ВИО).

С конца 2020 г. институциональная парадигма коммеморации администрации Ш. М. Мирзиёева базировалась на привлечении внимания к памяти жертв, пострадавших от репрессий через деятельность общественной комиссии по увековечиванию памяти. Для дальнейшего увековечивания памяти жертв репрессий Президент постановил учредить «Республиканскую рабочую группу для организации работы по глубокому изучению жизни и деятельность, увековечиванию памяти жертв репрессий» [4, ст. 2]. В спектр задач группы входил поиск, изучение и публикация воспоминаний, семейных фотоснимков, архивных документов [4, ст. 3].

В ноябре 2021 г. при содействии президента создается ВИО «Аждодлар Изидан» («По следам предков») [4, ст. 1]. ВИО организывает научно-исследовательскую работу в архивах, музеях, библиотеках с целью поиска исторических документов, отражающих военно-историческое прошлое [4, ст. 2;3]. Администрация Ш.М.Мирзиёева продолжила курс Первого Президента на создание фондов памяти. Так, учреждался фонд *им. А.Навои* (февраль 2021 г.) и фонд «Ватандошлар» («Соотечественники»).

В результате, институциональная коммеморационная модель Узбекистана представлена широким спектром учреждений «памяти» и свидетельствует об эволюции коммеморационной парадигмы на протяжении с 1991 по 2022 гг.

1. Арслонзода, Р. А. Введение в специальность : учебное пособие / Р. А. Арслонзода ; отв. редактор Д. А. Алимова. – Фергана : Classic, 2021. – 240 с.
2. О дополнительных мерах по более глубокому изучению наследия и увековечению памяти жертв политических репрессий: распоряжение Президента Республики Узбекистан 08 окт. 2020 г. № Р-5598 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/5041021>. – Дата доступа: 25.02.2023.
3. О мерах по деятельности вновь созданных научно-исследовательских учреждений Академии наук Узбекистана: постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 18 мая 2017 г. № 292 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/3207160>. – Дата доступа: 25.02.2023.
4. О мерах по повышению эффективности работы по изучению военной истории: постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 17 нояб. 2021 г. № 692 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/5734087>. – Дата доступа: 25.01.2023.
5. О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан: постановление Кабинета министров при Президенте Респ. Узбекистан от 27 июл. 1998 г. № 315 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/813627>. – Дата доступа: 18.02.2023.
6. О создании Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Министерстве высшего и среднего специального образования: постановление Президента Респ. Узбекистан от 27 янв. 2012 г. № ПП-1694 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/1950738>. – Дата доступа: 18.02.2023.

7. Об организации деятельности научно-просветительского мемориального комплекса имени Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова при Президенте Республики Узбекистан: постановление Президента Республики Узбекистан от 25.04.2017 г. № ПП-2929 // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2017. – № 4. – С. 164
8. Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу родины и народа: постановление Кабинета министров при Президенте Респ. Узбекистан от 27 июля. 1999 г. № 358 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/605144>. – Дата доступа: 18.02.2023.

Бахлова О.В., Бахлов И.В.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ФОКУСЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)¹**

Нарастающие вызовы современности влияют на процессы нациестроительства и формирования национальной идентичности. Фрагментация мира по разным линиям и осям – геополитическим и цивилизационным (в форматах глобального «стратегического треугольника» Россия–США–КНР, Запад–НеЗапад и пр.), дестабилизация ситуации в регионах, неприкосновенных для экспансии внешних сил в эпоху холодной войны, выход за пределы ранее принципиальных, хотя и не установленных легально «красных линий», попытки насаждения «универсальных ценностей», не являющихся таковыми на деле, порождают новые опасности и риски. Актуализируется задача создания / совершенствования защитных механизмов, могущих их устранить либо свести к минимуму. Дополнительные нюансы привносятся вовлеченностью стран в интеграционное взаимодействие, усложняющее политические коммуникации, ориентиры и смыслы. Необходимы сопряжение национальных и интеграционных механизмов, их адаптация к потребностям и возможностям интегрирующихся государств при уважении суверенитета, с одной стороны, и осознании общности интересов и социокультурных параметров, – с другой.

Вызовы, источники которых в заметной степени коренятся на внешнем контуре, весьма ощутимы сегодня для Союзного государства Беларуси и России и стран-участниц – Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь. Неслучайно ими предприняты усилия по преобразованию сложившихся в постсоветский период практик государственной политики. Вопросы нациестроительства находятся в предметно-содержательной области многих из ее сфер, в том числе научно-образовательной, национальной, молодежной политики. Чрезвычайно значима в современных условиях государственная политика патриотического воспитания, коррелирующая с данными и иными сферами. Подчеркнем, что патриотизм в РФ и Беларуси не только постулируется как нравственная / традиционная ценность, но и воспринимается в качестве политического ресурса власти.

В РФ с 2021 г. патриотическое воспитание интегрировано в систему национальных проектов – проект «Образование». Он, в свою очередь, охватывает несколько федеральных проектов – «Социальная активность», «Молодежь России», «Социальные лифты для каждого». Ключевым по праву признается федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Подчеркнем его довольно узкую «специализацию» – на развитии воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведении мероприятий патриотической направленности. Главные адресаты – дети и молодежь. Артикулирована программа «Роспатриот» Федерального агентства по делам молодежи. Она базируется на концепции «10 граней Патриотизма», каждая из которых «по-своему преломляет патриотизм и содержит инструменты для развития личности гражданина и патриота на любом жизненном этапе». Это: Спорт; Экология; Педагогика; Культура; Медиа; Наука; Семья; История; Волонтерство; Служение Отечеству. Любопытно их расположение: например, грани «История» и «Служение Отечеству» (трактуемое как одна из базовых граней), непосредственно соотносимые с понятием «патриотизм», находятся в конце перечня, на первых местах располагаются более далекие от него «Спорт» и «Экология». Поясняется, что спорт, как проявление патриотизма, прежде всего связан со спортом высших достижений, «когда спортсмены представляют свою страну в международном пространстве, добывают ей спортивную славу» [11]. Подобная расстановка акцентов видится не вполне адекватной международной ситуации. Патриотическое воспитание мыслится в категориях общенационального развития РФ, но избранный подход можно рассматривать как недостаточно сбалансированный.

В нормативной плоскости прослеживается коррекция основных инструментов. Если ранее главную регулятивную роль в области патриотического воспитания выполняли государственные программы, то теперь они затрагивают ее скорее опосредованно. В наибольшей степени коррелирует с нею направление «Возможности для самореализации и развития талантов». В каждой из госпрограмм направления подразумевается «Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

исторических и национально-культурных традиций» [6]. Положения последней на текущий момент принятой программы патриотического воспитания граждан РФ более детализированы. Она ориентирована на все социальные слои и возрастные группы граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи. Патриотическое воспитание трактуется как систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [1]. Многие формулировки программы не совпадают с указанной расстановкой граней патриотизма, отличаясь акцентами на военно-патриотическом и историко-патриотическом компонентах. Выявленный диссонанс отчасти сглаживают методические рекомендации, утвержденные Экспертным советом по патриотическому воспитанию при Роспатриотцентре. В них дается трактовка фундаментальных концептов и расшифровка граней патриотизма с иным их расположением: «Спорт» и «Экология» перенесены во 2-ю половину списка, их опередили «История» и «Служение Отечеству». Грани интерпретируются как сферы фокусировки патриотического мировоззрения, выступающие областями проявления патриотизма и инструментами его формирования. Поясняется, что они выделены для глубокой интеграции патриотического компонента во все значимые сферы жизни [8]. Полагаем, характер рекомендаций не позволяет утверждать о снятии всех разночтений.

Восполняют некоторые пробелы концептуально-стратегические документы РФ, принятые в 2021–2022 гг. Здесь довольно много ссылок на внешние факторы и обстоятельства, угрозы традиционным ценностям (к коим отнесен и патриотизм) внешнего происхождения. Предусматривается поддержка общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России [7].

Не решен в РФ вопрос о принятии специального федерального закона. Подобная инициатива поступила в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 15 ноября 2017 г. и по-прежнему находится на рассмотрении [2]. Однако принципиальные новеллы содержатся в ст. 67.1 Конституции РФ [4]. Внесены изменения во многие федеральные законы, касающиеся сфер образования, воинской обязанности и военной службы и пр. Тем не менее, до сих пор нет нормативного определения концепта «патриотизм».

В Республике Беларусь главный документ – Программа патриотического воспитания населения на 2022–2025 годы [10]. Программе присуща четкость формулировок. Прямо сказано, что актуальность ее разработки обусловлена геополитическими вызовами. Дается толкование ряда терминов и определений. В частности, патриотизм понимается как духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства. Конкретизированы категории «патриотические ценности» и «патриотические ценностные ориентации, формируемые у населения». Программа ориентирована на представителей всех слоев белорусского общества и возрастных групп населения Республики Беларусь.

В Конституции Республики Беларусь также усилено внимание к ценностной составляющей. Особенно примечательна ст. 54, где закреплена обязанность беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности, а сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм признаны долгом каждого гражданина [3].

В политической плоскости интерес представляют материалы, подготовленные Академией управления при Президенте Республики Беларусь для членов информационно-пропагандистских групп, с акцентом на постоянном давлении на белорусское государство извне со стороны различных деструктивных сил. Условием успешной борьбы с ним названа сплоченность общества, основанная на патриотизме и любви белорусского народа к Родине [5].

Трансформация подходов РФ и Республики Беларусь к политике патриотического воспитания происходит на фоне усиления глобальной турбулентности и обострения международного противоборства. Отсюда – фокусировка на данной проблематике, попытки усовершенствовать инструментарий, представленный комбинацией нормативных актов, программ, проектов, документов политического характера. Заметная вариативность здесь наблюдается в РФ. В обеих странах в тексты основных законов введены соответствующие новеллы со сходными смыслами. В Беларуси в действующей программе достигнута удачная конкретизация основополагающих понятий в плоскости патриотического воспитания. Она предполагает большую «всеохватность» по группам граждан. В ряде концептуально-стратегических документов Республики Беларусь, например, в Концепции национальной безопасности, тоже заметна концентрация на таком адресате, как молодежь. В целом в подходах РФ и Беларуси усиливается увязка ценностной составляющей и национальных стратегических приоритетов / национальных интересов.

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 (с изменениями на 30 марта 2020 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420327349>. – Дата доступа: 12.03.2023.

2. Законопроект № 315234-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7>. – Дата доступа: 12.03.2023.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 12.03.2023.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 12.03.2023.
5. Материалы для членов информационно-пропагандистских групп «Роль историко-культурного наследия Беларуси в формировании гражданской ответственности и патриотизма личности (ко Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики))» // Ивьевский райисполком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ivje.gov.by/uploads/files/EDI/2021/21-ijun-ROL-ISTORIKO-KULTURNOGO-NASLEDIJA-BELARUSI-V-FORMIROVANII-GRAZH DANSTVENNOSTI-I-PATRIOTIZMA-LICHNOSTI-1.docx>. – Дата доступа: 12.03.2023.
6. Направления госпрограмм // Портал госпрограмм РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://programs.gov.ru/Portal/home>. – Дата доступа: 12.03.2023.
7. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. – Дата доступа: 12.03.2023.
8. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации: Методические рекомендации // Региональный центр патриотического воспитания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pcpv.pf/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2023.
9. Патриотическое воспитание // Минпросвещения России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. – Дата доступа: 12.03.2023.
10. Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы: утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 декабря 2021 г. № 773 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1>. – Дата доступа: 12.03.2023.
11. Роспатриотцентр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosipatriotcentr.ru/rosipatriot/>. – Дата доступа: 12.03.2023.

Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.
ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
БЕЛУРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Тематика прошлого как объекта социального познания обслуживается целым рядом понятий, к числу которых относится категория «исторического сознания». Выступая в разных формах (как совокупность обыденных, художественных, религиозных, идеологических представлений), историческое сознание первично по отношению к исторической науке и более объемно [1, с. 50–54].

Историческое сознание согласно Ж.Т. Тощенко, представляет собой «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присутствием и характером как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [4, с. 3]. Ю.А. Левада определяет его как совокупность сформированных на профессиональном уровне, имеющих научное объективное основание и стихийно сложившихся представлений о прошлом [2, с. 191]. С их помощью общество осмысливает свою историю, свое движение от прошлого к настоящему и подвергает его оценкам.

При рассмотрении исторического сознания как совокупности ряда компонентов, среди которых можно выделить историческое знание (наряду с исторической памятью, эмоционально-оценочным и др.) [5, с. 55], неизбежным становится вопрос об источниках этого знания.

Ряд исследователей, отвечая на него, подчеркивают, что понимание фактов прошлого сегодня все больше формируется современное не только и не столько через общение в семейном кругу, историографические дискуссии, школьные программы по истории и памятные практики вокруг памятников и музеев на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях, оно также конфигурируется взаимосвязанным набором того, что часто называют «популярными» и перформативными представлениями о прошлом: в фильмах, приключенческих романах, комиксах и играх, которые в основном созданы для коммерческих и развлекательных целей и часто ориентированы на транснациональных потребителей [7].

Иначе говоря, в условиях современного общества историческое сознание помимо формального образования, находится под влиянием многих других неформальных источников [8, с. 70–72]. Передача информации происходит через популярные средства массовой информации [3], фильмы, театральные и радиопостановки, веб-сайты, приложения и даже геймификацию [6].

Содержание и направленность исторического сознания российской и белорусской студенческой молодежи, а также источники его формирования стали предметом историко-социологического исследования, реализованного совместным научным коллективом Белорусского государственного технологического университета и Кубанского государственного университета в октябре-декабре 2021 г. Метод – онлайн-опрос в форме анкетирования. Выборка случайная с кластеризацией по вузам (N = 1042

чел., в т.ч. РБ – 410 чел., РФ – 632 чел.). В выборку были включены российские и белорусские вузы: БГТУ, БГУ, КубГУ, КубГАУ, КубГТУ, НИУ ВШЭ.

Интерес к истории и историческое знание. Согласно результатам исследования историческое сознание в значительной степени актуализировано в среде российской и белорусской студенческой молодежи. Абсолютное большинство опрошенных в обоих подвыборках отметили, что знание истории является обязательным и необходимым для любого современного человека. Лишь менее 2% респондентов в обоих подвыборках указали, что знать историю необязательно.

При этом для российских студентов более характерен универсалистский взгляд на историческое знание. 72,8% российских студентов против 66,1% белорусских считают, что нужно знать как историю своей страны, так и историю других народов. В то же время 23,4% белорусских студентов и лишь 18,2% российских полагают, что достаточно знать только историю своей страны и своего народа. Среди белорусских студентов в два раза больше тех, кто считает, что достаточно знать историю своей малой Родины и тех, кто отметил, что достаточно знать только историю своей семьи.

Показательно, что представления о необходимом историческом знании находятся у респондентов в некотором противоречии с их индивидуальными интересами в области истории. Так белорусские студенты, чаще чем российские, декларируют необходимость знания истории своей страны, при этом сами интересуются ею реже. Белорусские студенты чаще, чем российские, интересуются историей других стран (11% и 5,9% соответственно). Также среди них заметно выше доля тех, кому интересна локальная история (7,1% против 2,5%) и история своей семьи (6,8% против 4,9%). У российских студентов интерес к истории своей семьи выше, чем к истории места, где они живут.

Источники формирования исторических знаний и представлений. Российские студенты считают наиболее важным источником по истории своей страны архивные документы и материалы, 81,3% считают их очень важными и необходимыми. Далее следуют воспоминания участников исторических событий (65,7%), работы академических историков (49,8%), исторические фильмы (29,3%), учебники по истории (27,2%), художественная литература (24,4%), интернет-контент (16,9%), компьютерные игры на историческую тематику (13,5%) и меньше всего – теле- и радиопередачи (11,9%).

Таблица 1. Распределение ответов российских студентов на вопрос «Как Вы считаете, какие источники по истории Вашей страны и Вашего народа содержат наиболее важную и необходимую информацию?», %

Варианты ответов	Наиболее важный и необходимый	Достаточно важный	Не важный
Архивные документы и материалы	81,3	17,4	1,3
Воспоминания участников и очевидцев событий	65,7	32,2	2,1
Книги и статьи ученых-историков	49,8	45,4	4,8
Исторические фильмы	29,3	51,2	19,5
Школьные, вузовские учебники по истории	27,2	59,5	13,3
Художественная литература по истории	24,4	52,8	22,8
Материалы в интернете	16,9	56,4	26,7
Компьютерные игры на историческую тематику	13,5	26,4	60,1
Передачи по телевидению, на радио	11,9	44,0	44,1

Как видим, наиболее популярными являются источники с высокой установкой на достоверность, при этом «первичные» источники (документы и воспоминания очевидцев) важнее «вторичных» (научных работ), а «вторичные» – «третичных» (учебников и материалов в СМИ). Авторитетные источники вызывают больше доверия, чем неавторитетные, доверие к материалам в интернете относительно низкое. Наконец, заметно явное недоверие к СМИ как источнику исторической информации, 44% опрошенных не считают передачи по телевидению и радио важным источником информации по истории.

Таблица 2. Распределение ответов белорусских студентов на вопрос: «Как Вы считаете, какие источники по истории Вашей страны и Вашего народа содержат наиболее важную и необходимую информацию?», %

Варианты ответов	Наиболее важный и необходимый	Достаточно важный	Не важный
Архивные документы и материалы	72,9	22,5	4,6
Воспоминания участников и очевидцев событий	53,4	39,8	6,8
Книги и статьи ученых-историков	44,4	48,8	6,8
Школьные, вузовские учебники по истории	24,2	60,7	15,1
Исторические фильмы	23,9	56,8	19,3
Художественная литература по истории	23,9	47,1	29,0
Материалы в интернете	20,3	56,3	23,4

Компьютерные игры на историческую тематику	16,3	29,5	54,2
Передачи по телевидению, на радио	10,7	37,3	52,0

Оценка источников исторического знания у белорусских студентов во многом аналогична. Однако при этом, исторические фильмы для белорусских студентов несколько менее важны, чем учебники: 24,2% опрошенных считают важным источником учебники, а 23,9% – исторические фильмы.

Отвечая на вопрос о фактическом источнике информации по истории, российские студенты отмечают, прежде всего, занятия в учебных заведениях (75,5% опрошенных назвали их основным источником информации), затем научные и научно-популярные тексты (46,5%), экскурсии (37,5%), блоги и сайты в интернете (35,5%), исторические фильмы (27,4%), художественную литературу (23,6%); семью, родственников и знакомых (21,7%); теле- и радиопередачи (14,9%) и социальные сети (11,9%).

Таблица 3. Распределение ответов российских студентов на вопрос: «Откуда Вы лично получаете информацию по истории?», %

Варианты ответов	Основной источник	Дополнительный источник	Не получаю информацию
На уроках истории в школе, колледже, вузе	75,5	21,2	3,3
Из научных и научно-популярных книг, статей	46,5	40,0	13,5
На экскурсиях в музеях, мемориалах	37,5	48,1	14,4
Из интернета (блоги, сайты)	35,5	50,9	13,6
Из кинофильмов по истории	27,4	58,7	13,9
Из художественной литературы	23,6	54,6	21,8
В семье из рассказов родственников и знакомых	21,7	54,4	23,9
Из теле-радиопередач	14,9	45,3	39,8
Из социальных сетей	11,9	26,7	61,4

Таблица 4. Распределение ответов белорусских студентов на вопрос: «Откуда Вы лично получаете информацию по истории?», %

Варианты ответов	Основной источник	Дополнительный источник	Не получаю информацию
На уроках истории в школе, колледже, вузе	67,8	28,5	3,7
Из научных и научно-популярных книг, статей	36,8	46,6	16,6
Из интернета (блоги, сайты)	34,6	46,1	19,3
На экскурсиях в музеях, мемориалах	33,5	54,6	11,9
Из кинофильмов по истории	28,5	54,2	17,3
В семье из рассказов родственников и знакомых	20,2	58,3	21,5
Из художественной литературы	18,3	52,2	29,5
Из теле-радиопередач	14,6	39,3	46,1
Из социальных сетей	14,6	27,6	57,8

Для белорусских студентов в отличие от российских блоги и сайты в интернете являются более популярным источником информации по истории, чем экскурсии (34,6% и 33,5% соответственно), а рассказы родственников и знакомых они называли в качестве основного источника информации чаще, чем художественную литературу (20,2% и 18,3%). В целом в белорусской подвыборке можно отметить несколько меньшую популярность авторитетных, формальных источников и большую – неформальных каналов распространения исторических знаний и представлений.

Практики коммеморации как источник исторического знания. У российских студентов наиболее популярной формой меморатных практик является посещение мест боевой славы, музеев и мемориалов: в течение последнего времени 58,7% опрошенных участвовали в таких мероприятиях, а еще 24,5% не участвовали, но хотели бы. Несколько меньшая доля опрошенных отмечали исторические даты (50,3%), встречались с ветеранами (47,6%), участвовали в акциях, посвященных истории своей страны (46,5%), а также советской истории (33,4%).

У белорусских студентов наиболее популярной практикой является посещение мемориальных комплексов и музеев (50% опрошенных). В то же время они существенно реже отмечают исторические даты (30,7%), более популярными практиками у них являются встречи с ветеранами (35,4%) и участие в акциях, посвященных истории своей страны (32%). Лишь 15,1% участвовали в акциях, посвященных истории СССР.

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что историческое сознание современной студенческой молодежи России и Беларуси в значительной степени актуализировано: молодежь придает важное значение истории, считает необходимым сохранять и транслировать прошлое для будущих поколений. Проявляя высокий интерес к истории, молодые люди в фокус своего интереса помещают, прежде всего, историю на ее всеобщем уровне: национальном и мировом, тогда как региональная и семейная история несколько смещены на второй план. Свой инте-

рес молодежь подтверждает достаточно высоким уровнем знаний в области истории как национальной, так и мировой. При этом можно констатировать, что круг источников, определяющих сегодня содержание и направленность исторического сознания студенческой молодежи двух стран предельно широк и включает помимо формальных источников значительный круг неформальных каналов и способов формирования исторических знаний и представлений. Все активнее формируют исторические знания у молодежи такие источники как интернет-контент (в т.ч. блоги, стримы), компьютерные игры, социальные сети и пр.

1. Куликов, Д. К. Историческое сознание и теория культуры / Д. К. Куликов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 4 (35). – С. 50–54.
2. Левада, Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – 197 с.
3. Нора, П. Франция-память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.
4. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–15.
5. Харитоновна, Е. Г. Историческая память и гражданское общество в России: Материалы спецкурса / Е. Г. Харитоновна. – М.: Перо. 2016. – 333 с.
6. Erenli, K. The Impact of Gamification – Recommending Education Scenarios / K. Erenli // International Journal of Emerging Technologies in Learning. – 2013. – № 8. – P. 15–21.
7. Ribbens, K. Een eigentijds verleden. Alledaagse historische cultuur in Nederland 1945–2000 / K. Ribbens. – Hilversum: Verloren, 2014.
8. Seixas, P. Historical consciousness and historical thinking / P. Seixas // M. Carretero, S. Berger, & M. Grever (Eds.), Palgrave handbook of research in historical culture and education. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 51–72.

Олюнин С.В.
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ ТУРЦИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Allah bu millete bir daha böyle bir marş yazdırmasın!
Мехмет Акиф Эрсой

2021 год в Республике Турция был объявлен Годом Мехмета Акифа Эрсоя и государственного гимна. По случаю памятной даты прошли торжественные мероприятия как в самой Турции, так и в представительствах и посольствах за рубежом [1], были выпущены пресс-релизы [4], документальные фильмы и написаны статьи [8], а Монетный двор Турции отчеканил монету из бронзы тиражом в 5 000 экземпляров, на которой изображен автор слов и написана первая строфа гимна.

Исторический нарратив – это рассказ, повествование, миф народа о себе, о своем прошлом, настоящем и, если повезет, о будущем. В копилке историко-культурного наследия любой нации есть важные, порой ключевые события и повествования о них, которые призваны соединить воедино по месту и времени незнакомых лично друг с другом людей. Есть такие и у Турецкой Республики. Одним из них является нарратив об освободительной борьбе и независимости [2, с. 245] Его ключевым символическим выражением является национальный гимн – İstiklâl Marşı.

Для историографического анализа произведения, ставшего одним из бессменных символов национальной гордости Турции, и определения степени его культурного влияния на последующие поколения необходимо понимание контекста событий, в котором действовал автор. С точки зрения исследователя коллективной исторической памяти, национальный гимн является посланием, вокруг которого выстраивается ряд национальных нарративов/сюжетов: война за независимость, история создания текста, образ автора. Текст гимна, являясь отправной точкой национального мифа, обращаясь к чувствам, вызывая эмоциональный отклик, порождает множество последующих высказываний, рефлексий, переживаний зафиксированного со-бытия и, тем самым, создает нарративную цепочку исторической памяти и смыслов [7].

Национальный гимн появился на свет в разгар яростного противостояния вооруженных сил кемалистов, партизанских отрядов и офицеров-добровольцев османской армии успешному греческому наступлению по дорогам Анатолии вглубь полуострова [10, р. 307]. «Несмотря на успехи партизан и создаваемой регулярной армии (среди них – успех в январе под деревней Иненю турецких войск под командованием Исмета), в 1920 г. – первой половине 1921 г. кемалистам не удалось остановить греческое наступление вглубь Анатолии. Напомним, что в то время, когда решались кавказские проблемы, когда готовился советско-турецкий Договор о дружбе и братстве, греческая армия продолжала наступать с запада к Анкаре» [3, с. 145].

В 1920 году Министерством народного просвещения был объявлен литературный конкурс для определения текста нового национального гимна, на который было подано 724 стихотворения известными и неизвестными поэтами. Легенда гласит, что Мехмет Акиф Эрсой не принимал участия в этом конкурсе, на первом этапе которого было отобрано шесть вариантов гимна, наиболее соответствующих духу и времени. Стихотворения были отпечатаны в типографии парламента и

розданы депутатам. Уже после этого министр просвещения Хамдулла Суфи (Танрыювер) предлагает написать стихотворение и Мехмеду Акифу, который в то время был депутатом парламента и на этом основании отказался участвовать в объявленном конкурсе с денежным вознаграждением. Но после обращения Хамдулла Суфи обещает написать стихотворение и подарить его министру. Через десять дней стихотворение, посвященное «армии героев», поступает в Министерство просвещения и таким образом в финале конкурса участвует семь стихотворений. В итоге конкурс заканчивается тем, что 12 марта 1921 года под бурные возгласы и аплодисменты единогласно был принят именно вариант, подаренный Мехмедом Акифом Эрсом. Сразу после того, как стихотворение Государственного гимна было принято, его еще раз зачитывают с трибуны и на этот раз все депутаты слушают стоя [6].

Текст гимна, написанный на османском, дореформенном языке, состоял из десяти строк. Традиционно исполняются первые две.

*Не бойся, не погаснет в небе флаг,
Пока в стране есть хоть один очаг.
Флаг мне и моей нации звезда.
Ты не сгоришь под небом никогда.
Не хмурься, полумесяц, коль люди под тобой,
А улыбнись, ведь мой народ – герой.
Прости, что в битвах кровь он не берет,
Свобода – право всех, в чьем сердце Бог.*

С 1983 года национальный гимн Турции был принят и Турецкой Республикой Северного Кипра в качестве собственного гимна.

Мехмет Акиф Эрсой (1873–1936) – османский поэт, сын албанца и бухарской узбечки, ветеринар, педагог, религиозный просветитель (переводчик Корана), депутат Великого национального собрания Турции (парламента) стал частью турецкого национального нарратива.

«Освобождение – право народа, который молится единому Богу!». Так начинается статья «Универсальное послание турецкого гимна», опубликованная на сайте TRT, в которой указывается, что написанный 100 лет назад гимн «объединил нацию в самый трудный для нее час». Текст гимна İstiklâl Marşı – это презентация события, призыв, первоисточник. Названная статья, «написанная в жанре «исторической памяти», как и другие в честь 100-летия события, – это презентация смыслов, соответствующих настоящему, высказывание современников, место памяти. Это высказывание переосмысливает традиционный национальный нарратив светской Турции [9, s. 227], ставя в нем религиозное ударение. «В самом гимне и в других произведениях Мехмет Акиф никогда не упоминает кровную связь или этническую принадлежность как нечто дающее преимущество одним мусульманам над другими. Нацию, по его мнению, может объединить исключительно общая вера. Так было сотни лет, и именно религиозное единство делало Османский султанат одним из сильнейших государств в мире. Национализм же, по мнению Мехмет Акифа, это западный феномен, который контрабандным путем попал в исламский мир и стал иностранным орудием против Ислама» [5].

1. В России состоялось мероприятие, посвященное 100-летию Государственного гимна Турции и памяти Мехмета Акифа Эрсоя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trtavaz.com.tr/haber/rus/avryadyan/v-rossii-sostoyalos-meropriyatie-posvyashchyonnoe-100-letiyu-gosudarstvennogo/604ba2c101a30a94ac363d2d>. – Дата доступа: 13.04.2023.
2. Йылмаз, М. Турция. Полная история страны / М. Йылмаз – Москва : Издательство АСТ, 2021., – 288 с.
3. Киреев, Н. Г. История Турции – XX век / Н. Г. Киреев. – Москва : ИВ РАН: Крафт +, 2007. – 608 с.
4. Мехмет Акиф Эрсой и Гимн независимости Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220312/mehmet-akif-ersoi-i-gimn-nezavisimosti-turtsii> – Дата доступа: 11.04.2023.
5. Универсальное послание турецкого гимна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trrussian.com/mnenie/universalnoe-poslanie-tureckogo-gimna-5545277> – Дата доступа: 10.04.2023.
6. 12 Mart 1921 İstiklâl Marşı'nın Kabulü ve Mehmet Akif Ersoy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.insanveislam.org/?Syf=18&Hbr=1021042&/12-Mart-1921-%C4%B0stiklal-Mar%C5%9F%C4%B1n%C4%B1n-Kabul%C3%BC-ve-Mehmet-Akif-ERSOY> – Date of access: 12.04.2023.
7. Çetin, N. İstiklâl marşı'mızı anlamak / N. Çetin // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi – 21, 2 (2014).
8. Ercilasun, A. B. İstiklâl marşı üzerine düşünceler / A. B. Ercilasun // Türk dili – 2021 Yıl: 70 Sayı: 831.
9. Güvenç B. Türk kimliği. Kültür tarihinin kaynakları Güvenç B. – İstanbul, 1997. – 448 p.
10. Mango, A. Atatürk. / Mango A. – London, 2001. – 380 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, руководитель «Центра изучения США» Курского государственного университета, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Россия, г. Курск)

Ананько Кирилл Дмитриевич – учитель истории гимназии № 7 имени В.Т. Колокольникова г. Гродно, аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Баканов Дмитрий Константинович – специалист по образовательным программам Государственного академического университета гуманитарных наук (Россия, г. Москва)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Барановский Александр Викторович – кандидат исторических наук, заведующий отделом научно-информационной работы Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Безнин Михаил Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Россия, г. Вологда)

Белащенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Беляева Анна Владимировна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Бомбешко Иванны Ивановна – кандидат культурологии, доцент кафедры историко-культурного наследия Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Боровская Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Россия, г. Барнаул)

Бувич Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Бурик Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, г. Брест)

Вишневский Илья Алексеевич – заместитель заведующего отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – доктор исторических наук, заместитель директора по научному сотрудничеству, ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Воднева Елена Викторовна – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Волков Роман Евгеньевич – магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, г. Новосибирск)

Герштейн Илья Захарьевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой дипломатии и международного права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Гладкова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Гордиенко Андрей Борисович – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (Россия, г. Ставрополь)

Гуларян Артём Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и русского языка Орловского государственного аграрного университета имени Н.В. Парахина (Россия, г. Орёл)

Данилович Александра Вячеславовна – младший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дашкевич Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного права Международного университета «МИТСО», докторант кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Денисов Максим Николаевич – аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент, доцент Института истории политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Россия, г. Петрозаводск)

Димони Татьяна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Россия, г. Вологда)

Дорофеев Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Ерешко Александр Евгеньевич – старший методист Музея истории детского движения ГБПОУ г. Москвы «Воробьевы горы» (Россия, г. Москва)

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Центром всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Жучкова Светлана Витальевна – старший лаборант учебно-исследовательской лаборатории локальной истории Марийского государственного университета (Россия, г. Йошкар-Ола)

Згирский Юрий Иванович – студент Полоцкого государственного университета имени Ефросинии Полоцкой (Беларусь, г. Полоцк)

Иванова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Россия, г. Барнаул)

Ивашкевич Елена Францевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Игнатьева Анна Александровна – ассистент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Илизаров Борис Семенович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Ильницкий Константин Олегович – юрисконсульт Московского театра «Мастерская П.Н. Фоменко» (Россия, г. Москва)

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета (Россия, г. Смоленск)

Карпекин Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, г. Новосибирск)

Катионова Анна Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, г. Новосибирск)

Кашенко Елена Сергеевна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Киселёв Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь, г. Минск)

Козлов Алексей Александрович – исследователь в области исторических наук (Беларусь, г. Витебск)

Конюшихина Надежда Львовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Король Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Короневский Виктор Ильич – лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Корсак Алеся Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета имени Ефросинии Полоцкой (Беларусь, г. Полоцк)

Космач Веньямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры психологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доцент кафедры Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Витебск, г. Минск)

Косяк Никита Александрович – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Красильников Игорь Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета (Россия, г. Смоленск)

Криворот Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (Беларусь, г. Минск)

Кулинок Святослав Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Купченко Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и математических наук Смоленской государственной сельскохозяйственной академии, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (Россия, г. Смоленск)

Кучик Богдан Григорьевич – учитель Лукской средней школы Кобринского района, соискатель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Беларусь, аг. Лукский, г. Брест)

Латышева Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Левин Евгений Валерьевич – аспирант Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Лукашевич Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, методист по научно-просветительской деятельности экскурсионно-методического отдела Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Россия, Тульская обл., д. Ясная Поляна)

Михайлова Юлия Леонидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Монзуль Владимир Юрьевич – заместитель заведующего отделом информационно-поисковых систем Национального архива Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Морова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, проректор по учебно-методической работе Государственного гуманитарно-технологического университета (Россия, г. Орехово-Зуево)

Мушта Александр Александрович – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской части Академии национальной безопасности Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Мясоедова Светлана Николаевна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Россия, г. Барнаул)

Никитина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (Россия, г. Смоленск)

Никитина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Николаев Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Волжского политехнического института Волгоградского технического университета (Россия, г. Волжский)

Новикова Ирина Николаевна – доктор исторических наук, доцент, декан факультета международных отношений, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Носова Марина Сергеевна – кандидат исторических наук, преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, г. Омск)

Олюнин Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Павлов Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент историко-культурного наследия Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского детского училища (Беларусь, г. Витебск)

Полторжицкая Надежда Николаевна – научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Приборович Артем Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий (Беларусь, г. Могилев)

Раемский Юрий Алексеевич – старший научный сотрудник Могилевского областного краеведческого музея им. Е.Р. Романова, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Могилев, г. Минск)

Ракачев Вадим Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Ракачева Ярослава Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Русецкая Владислава Дмитриевна – студентка Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Ручкина Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания гимназии № 1 г. Воронежа (Россия, г. Воронеж)

Рындин Сергей Николаевич – ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и публикационной деятельности Национального исторического архива Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Садова Людмила Анатольевна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Сафонова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Сафронов Павел Михайлович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Семёнова Ольга Александровна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Россия, г. Санкт-Петербург)

Середа Артем Сергеевич – учитель средней школы № 3 г. Жабинки (Беларусь, г. Жабинка)

Середа Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета (Россия, г. Тверь)

Серова Екатерина Вадимовна – заместитель директора Арктического центра Института северо-европейских и арктических исследований Петрозаводского государственного университета, аспирант кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Петрозаводск, г. Санкт-Петербург)

Сикираж Владимир Владимирович – младший научный сотрудник Агентства научных исследований и информации «Лобачевский» Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Сиренов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Слуцкая Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Софьин Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Пермь)

Софьина Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры, научный сотрудник кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, заместитель начальника отдела научно-публикаторской деятельности Пермского государственного архива социально-политической истории (Россия, г. Пермь)

Степанов Станислав Вячеславович – кандидат филологических наук, заведующий Научно-образовательным центром краеведческих исследований Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Россия, г. Санкт-Петербург)

Степанова Лилия Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Россия, г. Краснодар)

Сытько Кирилл Валерьевич – кандидат исторических наук, заведующий Центром исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Тарасенкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области (Россия, г. Смоленск)

Твердюкова Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Ткачев Антон Сергеевич – аспирант кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Федорчук Евгения Игоревна – научный сотрудник Быховского районного историко-краеведческого музея (Беларусь, г. Быхов)

Фельдман Дмитрий Захарович – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Россия, г. Москва)

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Филимончик Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Россия, г. Петрозаводск)

Хавкин Борис Львович – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации, профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Цымбалова Анна Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Чепик Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Черкасский Ярослав Викторович – проректор по безопасности и кадрам Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Беларусь, г. Минск)

Чистикова Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, экскурсовод Выставочного комплекса АО «Гознак» (Россия, г. Санкт-Петербург)

Щавлинский Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История» Белорусского национального технического университета (Беларусь, г. Минск)

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент (Беларусь, г. Витебск)

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VII Международной
научно-практической конференции

Витебск, 27–29 апреля 2023 г.

В 2 томах

Том 2

Технический редактор
Компьютерный дизайн

Г.В. Разбоева
А.В. Табанюхова

Подписано в печать 20.04.2023. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 34,41. Уч.-изд. л. 36,30. Тираж 25 экз. Заказ 40.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.